

**Есть два способа жить: вы можете жить так,
как будто чудес не бывает,
и вы можете жить так,
как будто все в этом мире является чудом.**

There are two ways to live: you can live

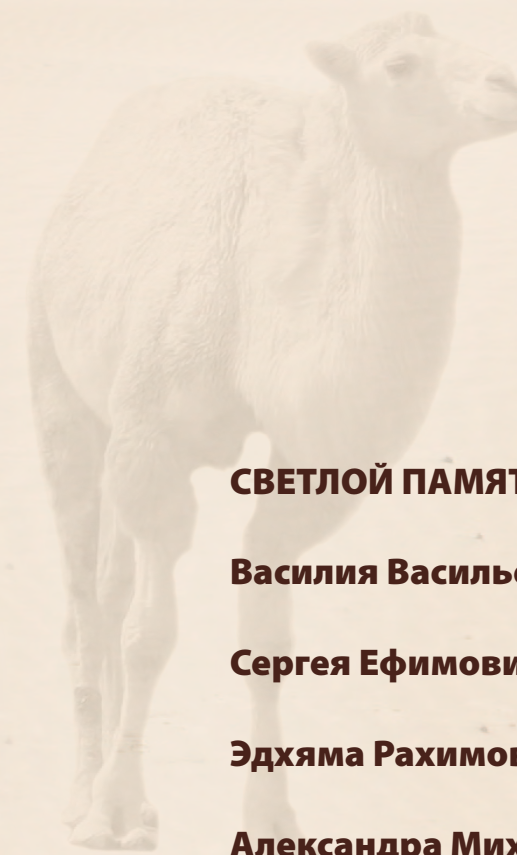
as if nothing is a miracle;

you can live

as if everything is a miracle.

Альберт Эйнштейн

Albert Einstein

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

TO THE MEMORY OF

Василия Васильевича Радлова,

Friedrich W. Radloff,

Сергея Ефимовича Малова,

Sergey E. Malov,

Эдхяма Рахимовича Тенишева,

Edham R. Tenishev,

Александра Михайловича Решетова

Alexander M. Reshetov

К 300-летию
первого государственного музея России
ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

Е. А. Резван

МЕЖДУ ТУРКЕСТАНОМ И ТИБЕТОМ: САЛАРЫ

Санкт-Петербург
2010

To the 300th anniversary
of the first state public museum of Russia
PETER THE GREAT KUNSTKAMERA

Efim Rezvan

BETWEEN TURKESTAN AND TIBET: THE SALARS

Saint-Petersburg
2010

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Е. А. Резван
Между Туркестаном и Тибетом: салары
Каталог выставки
Под редакцией И. А. Алимова и М. Е. Резван

**Экспедиция «Мусульмане Китайского Туркестана
(уйгуры Синьцзяна, салары Цинхая)»:**

И. А. Алимов
Г. А. Крылова
Ю. А. Крылов
Е. А. Михайлова
Е. А. Резван (руководитель)
М. Е. Резван
Т. М. Федорова
А. К. Чанов
Чжоу Хун
Ю. К. Чистов
Д. С. Шнеерсон

Рабочая группа выставки:

И. А. Алимов
В. Н. Кисляков
А. В. Козлов
А. Ю. Кудрявцева
Е. А. Михайлова
В. А. Прищепова
Е. А. Резван (руководитель)
М. Е. Резван
П. В. Рудь

Заведующая реставрационной лабораторией МАЭ РАН — О. В. Жмур
Хранители фондов — Д. В. Иванов, Н. Б. Колпакиди, Т. Ф. Лопатина
Заведующая библиотекой — Т. В. Шаскольская
Лаборатория аудиовизуальной антропологии — Н. В. Ушаков (заведующий),
С. Б. Шапиро, Е. Б. Толмачева, Я. Ю. Шувалова
Английский перевод — С. И. Бабарайка
Веб-сайт проекта — М. В. Соболева

Автор проекта — Е. А. Резван
Фото-проект — Т. М. Федорова
Видео-проект — Ю. А. Крылов
Дизайн-концепция, дизайн — Т. В. Богданова
Верстка, пре-пресс — А. В. Сушицкий

Russian Academy of Sciences
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

Efim Rezvan
Between Turkestan and Tibet: the Salars
Exhibition catalogue
Ed. by Igor Alimov and Maryam Rezvan

**Expedition “Muslims of Chinese Turkestan
(Uyghurs of Xinjiang and Salars of Qinghai)”**

Igor Alimov
Andrey Chanov
Yuriy Chistov
Tatyana Fedorova
Galina Krylova
Yuriy Krylov
Elena Mikhaylova
Efim Rezvan (the head)
Maryam Rezvan
Dmitriy Shneerson
Zhou Hong

The Exhibition Work Group

Igor Alimov
Vladimir Kislyakov
Artyom Kozvov
Anna Kudryavtseva
Elena Mikhaylova
Valeriya Prishchepova
Efim Rezvan (the head)
Maryam Rezvan
Polina Rud

Head of the MAE RAS Restoration laboratory — Olga Zhmur
Funds curators — Dmitriy Ivanov, Natalya Kolpakidi, Tatyana Lopatina
Library director — Tatyana Shaskolskaya
The laboratory of audiovisual anthropology — Nikita Ushakov (the head),
Stanislav Shapiro, Ekaterina Tolmacheva, Yaroslava Shuvalova
English translation — Sergey Babarayka
Project Web-site — Maria Soboleva

Author of the project — Efim Rezvan
Photo project — Tatyana Fedorova
Video project — Yuriy Krylov
Concept-design, design — Tatyana Bogdanova
Layout, pre-press — Alexey Sushitskiy

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

Ю. К. ЧИСТОВ, ХАО ШИ-ЮАНЬ · К ПОСЕТИТЕЛЯМ ВЫСТАВКИ
YURIY CHISTOV, HAO SHI-YUAN · A WORD TO THE EXHIBITION GUESTS

ЭКСПЕДИЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ
EXPEDITIONS ARE NOT OVER

В КАШГАРИИ И ПРЕДТИБЕТЬЕ
IN KASHGHARIA AND THE TIBETAN FOOTHILLS

Содержание	
8	Ю. К. Чистов, Хао Ши-юань. К посетителям выставки
10	Экспедиции продолжаются
16	В Кашгарии и Предтибете
I. Между Туркестаном и Тибетом	
70	Буддизм на Шелковом Пути
96	Монастырь Кумбум (Таэрсы)
120	Ислам — рамадан — Ночь Предопределения
138	Туйок — «Мекка» Китайского Туркестана
II. Салары	
170	Шелковый путь
192	Вера
224	Легенда
252	Женщина в кейте
282	Дом и чай
306	Язык и песня
336	Эдхам Рахимович Тенишев и саларское наследие
352	Заключение о будущем
III. Приложения	
360	В. Н. Кисляков, Е. А. Резван, П. В. Рудь. Народы Китайского Туркестана в коллекциях МАЭ РАН (краткий предварительный каталог)
404	В. А. Кореняко. О коллекции Э. Р. Тенишева в Государственном музее искусства народов Востока

Contents	
9	Yuriy Chistov, Hao Shi-yuan. A Word to the Exhibition Guests
11	Expeditions Are Not Over
16	In Kashgharia and the Tibetan Foothills
I. Between Turkestan and Tibet	
70	Buddhism on the Silk Road
96	Kumbum Monastery (Taersi)
120	Islam — Ramadan — Night of Measures
138	Tuyoq — “Mecca” for Chinese Turkestan
II. The Salaris	
170	The Silk Road
192	Faith
224	The Legend
252	Woman in Keyta
282	Home and Tea
306	Language and Song
336	Edham Tenishev and Salar Heritage
352	A Conclusion About the Future
III. Attachments	
361	Vladimir Kislyakov, Efim Rezvan, Polina Rud. The Peoples of Chinese Turkestan in the Collections of the MAE RAS (Short Preliminary Catalogue)
406	Vladimir Korenyako. On the Collection of E. R. Tenishev in the State Museum of Oriental Art

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Ю. К. ЧИСТОВ, ХАО ШИ-ЮАНЬ · К ПОСЕТИТЕЛЯМ ВЫСТАВКИ
YURIY CHISTOV, HAO SHI-YUAN · A WORD TO THE EXHIBITION GUESTS

ЭКСПЕДИЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ
EXPEDITIONS ARE NOT OVER

В КАШГАРИИ И ПРЕДТИБЕТЕ
IN KASHGHARIA AND THE TIBETAN FOOTHILLS

В августе 2007 г. в Пекине в рамках года Китая в Российской Федерации был заключен договор о научном сотрудничестве между МАЭ РАН и Институтом этнологии и антропологии Академии общественных наук КНР. Год спустя в соответствии с этим договором на территории провинции Цинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР проходила работа историко-этнографической экспедиции МАЭ РАН «Мусульмане Китайского Туркестана (уйгуры Синьцзяна, салары Цинхая)». Предлагаемая Вашему вниманию выставка является результатом работы этой экспедиции.

Успехи российских ученых в изучении истории и культуры народов, населяющих Синьцзян, общеизвестны. В свою очередь ученые КНР с начала 1950-х годов сделали очень много для сохранения культурного наследия этих народов и ввода в научный оборот ряда ключевых историко-этнографических источников. Мы убеждены, что объединение усилий российских и китайских специалистов, совместная выставочная и экспедиционная деятельность позволят в будущем не только получить важнейшие научные результаты, но будут также содействовать традиционной дружбе и взаимопониманию народов России и Китая.

Ю. К. Чистов,
*директор
Музея антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамеры) РАН*

Хао Ши-юань,
*директор
Института этнологии
и антропологии АОН КНР*

In August of 2007 in Beijing within the framework of the Year of China in Russian Federation a treaty about scientific partnership between Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS and the Institute of Ethnology and Anthropology of the Academy of Social Sciences of the PRC was concluded. One year later in line with this agreement a historical-ethnographic expedition of the MAE RAS "The Muslims of Chinese Turkestan (Uyghurs of Xinjiang, Salars of Qinghai)" took place on the territory of the Qinghai province and the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the PRC. The exhibition we present to your attention is a result of that very expedition.

The success of Russian scholars in studying of the history and culture of the peoples who inhabit Xinjiang is widely known. The PRC's scholars in their turn starting from the 1950s have done a great deal for preserving the cultural legacy of these peoples and introducing a series of key historical-ethnographic sources into scientific circles. We are convinced that amalgamation of the efforts of Russian and Chinese specialists and joint exhibition and expedition activities will provide us not only with significant scientific results, but will also assist in strengthening of the traditional friendship and mutual understanding of the peoples of Russia and China.

Yuriy Chistov,
*Director
of Peter the Great Museum
of Anthropology
and Ethnography
(Kunstkamera) RAS*

Hao Shi-yuan,
*Director of the Institute
of Ethnology and Anthropology
of the ASS PRC*

**ЭКСПЕДИЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ
EXPEDITIONS ARE NOT OVER**

**Ю. К. ЧИСТОВ, ХАО ШИ-ЮАНЬ · К ПОСЕТИТЕЛЯМ ВЫСТАВКИ
YURIY CHISTOV, HAO SHI-YUAN · A WORD TO THE EXHIBITION GUESTS**

**В КАШГАРИИ И ПРЕДТИБЕТЕ
IN KASHGHARIA AND THE TIBETAN FOOTHILLS**

Экспедиции продолжаются

Пять лет назад мы вместе со своими партнерами и друзьями приступили к реализации двух взаимосвязанных проектов: выставочного «Экспедиции продолжаются», научного и медийного «Иджма' = Согласие». Результатом работы стала серия выставок, книг, статей, документальных фильмов¹. Предлагаемая вашему вниманию выставка является очередным и чрезвычайно важным этапом в реализации обоих проектов. Всем нам, но, прежде всего молодым участникам экспедиции, поездка в Китайский Туркестан позволила почувствовать связь времен, увидеть собственными глазами преемственность в передаче научного знания. Экспедиция показала реальные пути и возможности восстановления и укрепления полномасштабного научного взаимодействия с китайскими коллегами. Это важно для нас, ибо в МАЭ РАН хранится одно из крупнейших этнографических собраний, доставленных из Синьцзяна и Цинхая (КНР). Оно представляет культурное и этническое многообразие Китайского Туркестана, историю его изучения в России. Формирование коллекции связано с деятельностью легендарного Русского Комитета по изучению Центральной Азии, с именами выдающихся ученых и путешественников. В 2008 г. в рамках изучения этой коллекции в соответствии с договором о научном сотрудничестве между МАЭ РАН и Институтом этнологии и антропологии Академии общественных наук КНР и была организована историко-этнографическая экспедиция «Мусульмане Китайского Туркестана (уйгуры Синьцзяна, салары Цинхая)».

Наша экспедиция 2008 г. в Китайский Туркестан была связана с деятельностью двух выдающихся востоковедов-тюркологов — чл.-корр. АН Сергея Ефимовича Малова (1980—1957), но, прежде всего, его выдающегося ученика, также чл.-корр. АН Эдхяма Рахимовича Тенишева (1921—2004). Их жизнь и научная работа были естественным образом связаны с МАЭ — одним из важнейших центров отечественной науки о человеке.

За двенадцать дней полевой работы экспедиция совершила семь авиaperелетов и прошла около полутора тысяч километров на наземном транспорте. Наша экспедиция посетила ряд важнейших центров на китайской части Великого Шелкового пути, велся интенсивный сбор материалов по истории и современному положению ислама в Китайском Туркестане и провинции Цинхай. Экспедиция привезла около 9 часов видеоматериалов, более 5000 профессиональных фотографий.

В рамках основных направлений своих научных исследований сотрудники Музея обладают во многом уникальной возможностью реализовать полученные результаты не только в виде монографий и статей, но и в виде выставочных проектов, сопровождаемых развернутыми каталогами. Новые информационные технологии позволяют решать задачи сохранения и издания громадных объемов аудиовизуальной информации, что во многом революционизирует методы полевой этнографической работы. Все это дает самые широкие возможности для реализации результатов фундаментальных исследований в научно-популярной и учебной сферах. Приме-

¹ Подробнее см. информацию на с. 407 настоящего издания.

Expeditions Are Not Over

Five years ago together with our partners and friends we set about to bring to fruition two interrelated projects: the exhibition one — “The Expeditions Are Not Over,” and scientific and media one — “Ijma' = Concordia”. A series of exhibitions, books, articles and documentaries have turned out as a direct result of our work¹. The exhibition that we are offering is the next step in bringing both of these projects to fruition, and it is an extremely important step at that. The trip to Chinese Turkestan, allowed all of us, but primarily the younger participants of the expedition, to experience the bonds of time and to see for ourselves the succession and passing on of scientific knowledge. The expedition uncovered the real methods and possibilities of restoration and strengthening of full-scale scientific interaction with our Chinese colleagues. This is a very important issue for us, since MAE RAS preserves one of the greatest ethnographic collections brought from Xinjiang and Qinghai (the PRC). It represents cultural and ethnical diversity of Chinese Turkestan and the history of its study in Russia. The gathering of this collection is closely linked to the activity of the legendary Russian Committee of Central Asian Studies and to the names of prominent scholars and travellers. In 2008 a historical ethnographic expedition of MAE RAS “Muslims of Chinese Turkestan (Uyghurs of Xinjiang, Salars of Qinghai)” was organized within the framework of this collection and in line with the agreement of scientific partnership between the MAE RAS and the Institute of Ethnology and Anthropology of the Academy of Social Sciences of the PRC.

Our expedition to Chinese Turkestan in 2008 was connected to the activities of two prominent orientalist-turkologists — a corresponding member of the Academy of Science, Sergey Efimovich Malov (1880—1957), but mostly his distinguished student, also a corresponding member of the Academy of Science, Edham Rahimovich Tenishev (1921—2004). Their lives and scientific works were naturally connected to the MAE, one of the most important centres of native science about man.

For twelve days of field work the expedition made seven flights and covered about fifteen hundred kilometres by land means of transportation. Our expedition visited a series of prominent centres along the Chinese part of the Great Silk Road. Also data on history and modern-day situation of Islam in Chinese Turkestan and the Qinghai province was intensively collected. The expedition brought about 9 hours of video footage and over 5,000 professional photographs.

Within the framework of fundamental directions of their research works the museum officials possess unique opportunities to realize acquired results not only in the form of monographs and articles, but also in the form of exhibition projects, accompanied by large-scale catalogues. New informational technologies allow solving problems of saving and issuing of enormous amounts of audiovisual information, which in many respects revolutionizes methodology of field ethnographic work. All of these give broad opportunities for realizing results of fundamental researches in popular-science and scientific spheres. An example in this type of work is the “Ijma' = Concordia” project dedicated to the research of cultural diversity of Islamic world.

¹ For more detailed information, turn to p. 407 of the current publication.

ром работы в этом направлении является проект «Иджма' = Согласие», посвященный исследованию культурного многообразия исламского мира

Сегодня любой выставочный проект автоматически попадает в чрезвычайно конкурентную среду. Посетитель музея, особенно молодой, избалован громадными возможностями, которые несут с собой новые информационные и медийные технологии. «Музей — это театр», — ответил Лейбниц на вопрос Петра Великого. Современный выставочный проект объединяет множество элементов воздействия на зрителя: магию подлинности предмета, музыку, кино (со всей его синтетичностью), новые информационные технологии, эффект соучастия зрителя в работе исследователя и даже запахи. Выставочный проект сегодня приобретает новое качество, становится особым видом искусства. Возрастает роль личностного, творческого начала. Куратор становится режиссером.

Выставка является попыткой увидеть мир жителей Китайского Туркестана и Предтибетья, мир обычных мужчин и женщин, живущих в городах и деревнях этой страны. Перед нами — образы и символы их традиционной культуры. Речь идет о *Китайском* Туркестане. Влияние китайской культуры здесь огромно, и это обстоятельство часто искусственным образом выпячивается в ходе идеологической полемики, которая сопровождала и сопровождает ныне изучение местных культур. В этой связи в ходе разработки концепции выставочного проекта было решено подчеркнуть в первую очередь особенности самобытной культуры народов Синьцзяна и Цинхая, а не акцентировать внимание на вполне очевидном и весьма глубоком многовековом влиянии китайской культуры в этом регионе.

Формат выставки был специально разработан для проектов цикла «Экспедиции продолжают». Эти выставки не только напоминают о замечательных научных традициях и отечественных экспедиционных проектах XVIII—XX вв., благодаря которым в стенах МАЭ была собрана одна из наиболее значительных этнографических коллекций в мире. Экспедиции продолжают. Ученые музея каждый год отправляются в новые путешествия, привозят новые коллекции и интереснейшие научные материалы.

Особенностью проекта является комплексность, когда одновременно экспонируются предметы традиционной культуры и демонстрируются фотографии и видеосюжеты, наглядно иллюстрирующие их использование в реальной жизни. Выставочное пространство, таким образом, приобретает объемность, у зрителя возникает эффект присутствия, возрастает ощущение документальности в подаче культурной и научной информации.

Набор этих образов мог быть и иным, но в своем рассказе мы следовали своим впечатлениям и коллекциям, как хранящимся в МАЭ, так и собранным нами.

Мы очень благодарны Елене Александровне Тенишевой, передавшей музею богатые материалы из личного архива Э. Р. Тенишева, столь необходимые для подготовки этой выставки.

Благодаря поддержке Центра Национальной Славы наш выставочный проект был в 2009 г. представлен в рамках седьмого этапа Мирового Общественного Форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос, Греция).

Громадную работу по практической реализации выставочного проекта осуществила его арт-директор и талантливый фотохудожник Татьяна Федорова. Я искренне признателен Юрию Крылову, который, несмотря на занятость по другим проектам, посвятил нашему множеству

Today any exhibition project automatically dives into an extremely competitive environment. A museum visitor, especially a young one, is spoiled with too many opportunities, which not infrequently carry new informational and media technologies. "Museum is a theatre", Leibniz once told Peter the Great. A modern exhibition project combines many elements of influence upon a viewer — magic of item's authenticity, music, film (with its synthetics), new informational technologies, effect of co-working with a researcher on the viewer's part and even smells. An exhibition project today gains a new quality. It becomes a special art. The role of personal and artistic foundation is growing. Curator becomes a director.

This exhibition is an attempt to see the world of inhabitants of Chinese Turkestan and the pre-Tibetan area, the world of everyday men and women who live in towns and villages of this country. We are given images and symbols of their traditional culture. We are speaking of *Chinese* Turkestan. The influence of Chinese culture is enormous, and this fact is often overstressed artificially in the course of ideological polemics, which accompanied and still accompany the study of local cultures. Thereupon, in the course of developing the concept of the exhibition project it was decided, first of all, to emphasize peculiarities of the distinctive culture of the peoples of Xinjiang and Qinghai, and not to accentuate an obvious — and yet extremely deep — centuries-old influence of Chinese culture upon this region.

The exhibition format was specifically developed for the projects of the series "The Expeditions Are Not Over". These exhibitions not only resemble the famous scholarly traditions and national expedition projects of the 18th—19th centuries, thanks to which one of the most important ethnographic collections in the world was collected at MAE. The expeditions continue. Museum scholars go on new journeys every year, and bring back new collections and interesting scholarly materials.

A special feature of the project is its comprehensiveness, when simultaneously items of traditional culture are displayed and photographs and videos are shown, graphically illustrating their use in real life. The exhibition space thus gains a third dimension, and the viewer has the impression of being present, and gets a feeling of actuality in the presentation of the cultural and scholarly information.

The set of these images could be different, but in our story we followed our own impressions and collections, both those that are kept in the MAE and those we have collected ourselves.

We are truly grateful to Elena Alexandrovna Tenisheva, who passed the rich materials from the personal archive of E. R. Tenishev on to the museum. Those materials were very needed for preparation of this exhibition.

In 2009 due to the support of the Center of National Glory the exhibition project was presented within the frames of the 7th Annual Session of the World Public Forum "Dialogue of Civilizations" (Rhodes, Greece).

An impressive amount of work in the practical realization of the exhibition project was carried out by the Art Director of this project and a talented artist of photography, Tatyana Fedorova. I'm also sincerely thankful to Yuriy Krylov, who in spite of his busyness with other projects, dedicated quite a few Saturdays and Sundays to our project. The exhibition space and catalogue carry a lot of creative ideas of the project's designer Tatyana Bogdanova. Vladimir Kislyakov, Elena Tsareva, Polina Rud, Anna Kudryavzeva and Valeria Prischepova took care of a great deal of work in the field of dataware in

своих суббот и воскресений. Выставочное пространство и каталог несут в себе множество креативных идей дизайнера проекта Татьяны Богдановой. На этапе предварительной подготовки проекта большую работу по его информационному обеспечению провели В. Н. Кисляков, Е. Г. Царева, П. В. Рудь и А. Ю. Кудрявцева, В. А. Прищепова. Я искренне признателен директору Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровскому и сотрудникам этого музея М. Л. Меньшиковой и Ю. И. Елихиной, директору Музея истории фотографии Д. С. Шнеерсону, директору Государственного музея искусства народов Востока А. В. Седову и сотруднику этого музея В. А. Кореняко, главному редактору журнала «Буддизм в России» А. А. Терентьеву, а также В. Л. Успенскому (Институт восточных рукописей РАН) за предоставленные материалы и содействие в атрибуции выставочных экспонатов, Игорю Алимову и Марьям Резван за высокопрофессиональное редактирование каталожных текстов, Дмитрию Иванову за подбор и атрибуцию выставочных экспонатов, связанных с буддийской культурой, Сергею Бабарайке — за прекрасный перевод на английский язык, осуществленный в кратчайшие сроки, а также Игорю Радченко, Игорю Высоцуку, Скай Бёрн, Константину Яхонтову и, особенно, Александру Кацнельсону и Елене Прозоровской (ООО «Яркий мир») — за содействие в реализации выставочного проекта.

Я хотел бы искренне поблагодарить наших китайских коллег и друзей и прежде всего проф. Хао Ши-юаня, директора Института этнологии и антропологии АОН КНР, научного сотрудника этого Института д-ра Чжоу Хун, проф. Ма Чэн-цзюня, д-ра Ясина Ашури, проф. Дирмурада Омайла, проф. Аблимита Мухаммада, имама соборной мечети Цаотаньбай г. Сюньхуа Бай Юньсяна, собирателя саларской культуры Хань Чжань-ся и А-Ку, гостеприимного монаха монастыря Кумбум.

Экспедиционный проект был частично профинансирован грантом Санкт-Петербургского Научного Центра РАН. Я искренне признателен Андрею Чанову и Галине Крыловой за содействие в организации экспедиции и приобретении коллекционных предметов.

Э К С П Е Д И Ц И И
П Р О Д О Л Ж А Ю Т С Я

the exhibition's preliminary preparation. My gratitude also goes to the Director of the State Hermitage Museum Mikhail Piotrovskiy, to Maria Menshikova and Julia Elikhina (both from the State Hermitage), to Dmitriy Shneerson, Director of the History of Photography Museum, to Alexander Sedov, Director of the State Museum of Oriental Art and Vladimir Korenyako from the same museum, to Andrey Terentyev, Editor-in-Chief of "Buddhism in Russia" journal, and to Vladimir Uspenskiy (Institute of Oriental Manuscripts, RAS) for granting of interesting materials and assistance in ascription of the exhibition items, to Igor Alimov and Maryam Rezvan for the high-quality co-editing of the catalogue texts, to Dmitriy Ivanov for the selection and ascription of the exhibition items connected to the Buddhist culture, to Sergey Babarayka for fine translation into English, accomplished at the earliest possible date as well as to Igor Radchenko, Igor Vysoshuk, Skye Burn, Konstantin Yakhontov and, specially, Alexander Kaznelson and Elena Prozorovskaya (Yarkiy Mir, Ltd) for support of the exhibition project.

I would like to sincerely thank our Chinese colleagues and friends. And first of all my gratitude goes to Professor Hao Shi-yuan, Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Academy of Social Sciences of the PRC, Doctor Zhou Hong, the scientific advisor of this institute, Professor Ma Cheng-jun, Doctor Yasin Ashuri, Professor Dirmurad Omayl, Professor Ablimit Muhammad, Imam of the Friday mosque Caotanbai of Xunhua, Bai Yun-xiang, and to the collector of Salar culture, Han Zhan-xiang as well as to A-Ka, hospitable monk of Kumbum monastery.

The expedition project was partially financed by a grant given by the St. Petersburg Scientific Centre of RAS. I am sincerely thankful to Andrey Chanov and Galina Krylova for their help in organizing the expedition and acquisition of the collection items.

T H E E X P E D I T I O N S
A R E N O T O V E R

В КАШГАРИИ
IN KASHGHARIA

И ПРЕДТИБЕТЬЕ
AND THE TIBETAN FOOTHILLS

В КАШГАРИИ И ПРЕДТИБЕТЬЕ
IN KASHGHARIA AND THE TIBETAN FOOTHILLS

Об истории человечества можно будет только тогда говорить, когда в нее полноправно войдет история Востока. В этом отношении истории Средней Азии и особенно Восточного Туркестана имеют громадное значение.

С. Ф. Ольденбург¹

Вечная грязь на теле, часто дурная вода для питья, пронизывающий до костей холод, палящий зной, разреженный воздух громадных высот, зимою дым в юрте, иногда невыносимый для глаз блеск снега, ежедневная усталость, нередко до утомления, и пр. и пр. Зато вольная жизнь и дело по душе, постоянный моцион, чистый воздух, крепкий сон, отсутствие мелких тревог и фальши обыденной жизни, восторженная радость успеха и т. п. оказываются более полезными факторами относительно здоровья путешественника и прочно закаляют его силы.

Н. М. Пржевальский²

— Если хочешь знать, не в золоте самое дело, а в поисках его. Опять поедem с тобой налегке, новые места увидим, людей посмотрим и поищем.

В. А. Обручев³

Я хорошо помню, как в июньский полдень сорок лет назад я очень довольный вышел из прохладного зала нашей районной библиотеки. В руках у меня была потертая книга с древней буддистской ступой, изображенной на серой обложке. Я выстоял трехмесячную очередь и на десять дней получил книгу, о которой мечтал. Для чтения у меня тогда было приспособлено специальное и замечательное место — теплая крыша гаража с невысоким выступом, полностью скрывавшим меня от взглядов с улицы. Именно здесь я прочитал «Землю Санникова» и «Плутонию». Теперь настал черед еще одной книги того же автора, на этот раз — о путешествиях по таинственному Китайскому Туркестану, о раскопках и поисках сокровищ в развалинах древних городов. Выдающийся геолог академик Владимир Обручев еще в 1892—1894 гг. принял участие в одной из экспедиций, направленных в этот район. Удивительным образом он сочетал фантастически производительный научный труд с умением писать такие увлекательные книги. Исчезли крыша гаража и шум трамвая. Я смеялся над непутевым профессором-иностранцем, меткими выстрелами отгонял от стоянки стаю волков, вместе с караваном шел вдоль кромки пустыни Такла-Макан...

2

Это может показаться удивительным, но дело в том, что торговый караван совершает свои переходы главным образом ночью, так как короткие осенние и зимние дни почти полностью заняты пастьбой верблюдов. Выступает караван вскоре после заката и идет всю ночь почти до рассвета; днем каравановожатые спят, готовят себе пищу, а верблюды после отдыха пасутся. Ночью в поисках корма они бы разбрелись далеко по степи, могли бы подвергнуться нападению волков или конокрадов, тогда как днем они всегда на виду и их можно быстро собрать для выючки⁴.

На протяжении почти всего XIX в. на огромных просторах Европы и Азии, от Кавказских гор до Китайского Туркестана и от пустынь и оазисов Средней

One will be able to speak about the history of humankind only when the history of the East takes its rightful place there. In this respect the history of Central Asia and especially of Eastern Turkestan is of great importance.

Sergey Oldenburg¹

Always dirty body, oftentimes bad drinking water, cold chilling the marrow, scorching heat, rarefied air of the enormous heights, smoke in the yurts, at times intolerable for one's eyes glitter of snow, everyday fatigue not infrequently leading to exhaustion and so on and so forth. But then again free life and the work that I love, steady motion, sound sleep, the lack of anxiety over trifles, the rapturous joy of success, etc. turn out to be more helpful factors for a traveller's health; in fact these factors steel his vigour.

Nikolay Przhevalsky²

— If you want to know, it's not about gold in itself, but in looking for it. We are going to travel light, see new places, observe people and look around.

Vladimir Obruchev³

I remember well when I exited a cool hall of our district library on a June afternoon forty years ago. In my hands I held a worn book with a Buddhist stupa on the grey cover. I waited for three months to get this book. And for ten days this dream of mine was in my possession. I had a special nice place prepared for my reading time — a warm garage roof with a small ledge, which completely hid me from people outside. It was here that I read "Sannikov Land" and "Plutonia". It was time to plunge into another book of the same author. This time it was a book about journeys in Chinese Turkestan, about archaeological digging and treasure hunting on the ruins of an ancient city. Back in 1892—1894 a prominent Russian geologist, a member of the Academy Vladimir Obruchev, participated in one of the Russian expeditions in this region. He could remarkably combine productive scientific works with the ability to write captivating books. Garage roof and tram noise disappeared. I would laugh at the ne'er-do-well foreign professor, chase away a pack of wolves from "our" camp, and walk along the edge of Takla-Makan Desert with the caravan...

It may seem very strange, but the truth is that a caravan moves mostly under the cover of night, since fall and winter days are almost completely occupied with camel

Караванъ. Ружьё-Бекъ-ханъ.

3

pasturage. The caravan sets out soon after sunset and goes forward almost until the break of dawn. During the day caravan guides sleep, prepare meals for themselves, while camels graze after rest. During the night they would wander far into the steppe looking for good pasture and could fall prey to wolves or horse thieves. During the day, though, they are always in sight and can be easily gathered for packing⁴.

All through the 19th century, on the great chessboard of Europe and Asia stretching from the snow-capped Caucasus to Chinese Turkestan and from the dreaded deserts and dusty oases of Central Asia to Tibet, an endless battle was fought between Russia and Great Britain. This 19th century "cold war" often became hot and bloody and many of those involved in it, young military officers and diplomats, ex-

4

Азии до Тибета, между Россией и Великобританией шла нескончаемая «холодная война». Люди, связанные с ней с обеих сторон, молодые офицеры и дипломаты, разведчики и торговые представители часто вынуждены были жертвовать в ней самым ценным своим достоянием, жизнью. Тридцатипятилетний капитан Артур Конолли, обезглавленный в Бухаре по приказу эмира, назвал эту борьбу двух гигантов «The Great Game» — «Большая игра». Позднее эти слова обессмертил Редьярд Киплинг.

Один из последних актов «Большой игры» был сыгран на рубеже XIX—XX вв. в стране, известной под несколькими названиями: Кашгария, Восточный Тур-

кестан, Китайский Туркестан. В китайских источниках эта земля называется Западный край, сегодня это Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (по площади — одна шестая часть страны), по которому проходит имеющая огромное стратегическое значение Каракорумская трасса (1200 км), построенная в 1982 г. и связывающая Кашгар с пакистанским Равалпинди. На этой земле в древности и средневековье возникали и исчезали громадные государства, оставившие после себя богатейшее культурное наследие.

После 1864 г. Россия обрела официальную границу с Китаем по всей линии соприкосновения двух империй. Вскоре после этого в Кашгарии власть захватил амбициозный мусульманский правитель Йакуб-бек (рис. 3), обратившийся за военной помощью к Англии и Турции и попытавшийся сыграть на англо-русских противоречиях. В результате у границ России возникла обширная зона, негативно влиявшая на внутреннюю обстановку в российской Средней Азии⁵.

Для человека, получившего образование в России, синонимом слова «путешественник» является имя офицера Генерального штаба Н. М. Пржевальского (1839—1888). Для своих современников он был тем же, кем стал Юрий Гагарин для советских мальчишек, и именно Пржевальскому как выдающемуся первопроходцу был поставлен памятник в центре имперской столицы. В то же время наши современники практически забыли о стране, с изучением которой связана слава Пржевальского. Если спросить сегодня об этом человека на улице, в лучшем случае скажут, что Пржевальский путешествовал «в Азии, где-то рядом с Тибетом» (рис. 2, 4).

Между тем, его основные открытия связаны именно с Китайским Туркестаном. Англо-русское соперничество вокруг этой территории было не менее острым, чем советско-американская борьба за освоение космоса. *Vis-a-vis* Н. М. Пржевальского Х. Дейзи, капитан 16-го полка королевских улан британской колониальной армии в Индии, в конце XIX в. совершивший многолетнее путешествие по Тибету и Китайскому Туркестану, был за свои заслуги удостоен высшей награды Лондонского королевского географического общества — Золотой медали. Двухлетнее (1885—1887) путешествие англичан А. Д. Кэрри и А. Даглиша через высокогорные плато Тибета и Куньлуня, болотистые берега озера Лобнор, пески пустыни Такла-Макан и отроги Тянь-Шанских гор по своему размаху и результативности, несомненно, может быть поставлено рядом с путешествиями Пржевальского. Соперничество Англии и России в Китайском Туркестане дало феноменальные научные результаты, и это — замечательная тема для пока никем не написанной книги⁶ (рис. 7).

Русские дипломаты и офицеры⁷, которые были направлены с разведывательными миссиями в этот район, — а в их числе были, например, будущий главный оппонент большевиков генерал Л. Г. Корнилов, полковник Главного штаба, будущий Президент Финляндии барон К. Г. Э. Маннергейм, будущий во-

plorers and traders, sacrificed their lives. One of those adventurers, Arthur Conolly, a 35 year old British captain eventually beheaded by the Emir of Bukhara, coined the phrase “the Great Game”, a phrase immortalized by Kipling many years later.

One of the last rounds in the “Great Game” was played at the turn of the 19th century in the country that has been known by several names: Kashgharia, Eastern Turkestan, Chinese Turkestan... In Chinese sources, this land is called the Eastern region and today it is known as the Xinjiang-Uyghur autonomous region of the People’s Republic of China. This region is crossed by the strategically extremely important Karakoram Highway (1200 km), constructed in 1982 to connect Kashghar with Pakistani Rawalpindi. In ancient times and the Middle Ages, this region witnessed the birth and collapse of great civilizations that left rich cultural heritage.

After 1864, an official border was established along the contact line between Russia and China. Soon an ambitious Muslim ruler, Yaqub Beg (fig. 3), seized power in Kashgharia. Yaqub Beg turned to England and Turkey for military aid and he played on the Russian-English rivalry. As a result, along the Russian border there emerged an expanded area of conflict which negatively affected the domestic environment in Russian Central Asia⁵.

For people who received their education in Russia, the word “traveller” is synonymous with the name of General Staff officer Nikolay Przhevalsky (1839—1888). The attitude of his contemporaries towards Przhevalsky was similar to that of Soviet boys towards Gagarin. A monument to Przhevalsky was erected in the very centre of the imperial capital. Today, however, the country that glorified this outstanding explorer is largely forgotten. When asked, people vaguely recall that Przhevalsky travelled “in Asia, somewhere near Tibet” (figs. 2, 4).

Przhevalsky’s main discoveries occurred in Chinese Turkestan. The English-Russian rivalry over the region was as fierce as the later Russian-American race to conquer space and, like the space race, competition between Russia and Great Britain in Chinese Turkestan resulted in extremely valuable scientific research, which would be a fantastic topic for a yet to be written book. On the British side, Henry Deasy, captain of the 16th division of the Queen’s Lancers in India, won the Royal Geographical Society Gold Medal for his achievements during his long travels in Tibet and Chinese Turkestan at the end of the 19th century. In scope and effectiveness, Przhevalsky’s travels can be compared to the two-year journey of Arthur Carey and Andrew Dalgleish (1885—1887) across the highland plateaus of Tibet and Kunlun, along the marshy shores of lake Lobnор, through the sands of the Takla-Makan desert, and over the spurs of the Tian Shan. The rivalry of England and Russia in Chinese Turkestan has produced exceptional scientific results. And this in itself is a remarkable theme for a monograph that has not yet been written by anyone⁶ (fig. 7).

Russian diplomats and officers⁷ who visited the region during reconnaissance missions, including General Lavr Kornilov, who later led the Bolshevik opposition,

General Staff Colonel Baron Carl Gustav Mannerheim, who later became the President of Finland, and Alexey Kuropatkin, who became the Russian Minister of War, contributed significant works devoted to Chinese Turkestan⁸. Apart from data on the local military infrastructure and transportation networks, they brought to Saint-Petersburg very valuable archaeological and ethnographical collections, medieval manuscripts, and documents. Professional scientists — geographers, historians, Orientalists, ethnographers, zoologists, linguists — were sent to that region as well. Those expeditions were mainly initiated by Vasilij Radloff and Sergey Oldenburg of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera). Materials gathered through these expeditions laid the ground work for remarkable scientific works that for many years gave Russian scientists the lead in studying Chinese Turkestan. The most valuable collections were given to the Kunstkamera Museum by Sergey Oldenburg, Nikolay Przhevalsky, Vsevolod Roborovsky, and Sergey Malov (fig. 5). It was in Kunstkamera that Russian officer Carl Gustav Mannerheim (fig. 6) prepared for his famous expedition. Sergey Malov’s work in Chinese Turkestan was contin-

5

6

енный министр А. Н. Куропаткин — оставили нам не только солидные труды, посвященные Китайскому Туркестану⁸. Помимо сведений о местной военной организации и транспортных путях, они доставили в Петербург ценнейшие археологические и этнографические коллекции, собрания средневековых рукописей и документов. Россия направляла в регион и профессиональных ученых — географов, историков, востоковедов, этнографов, зоологов, лингвистов. Инициатива в организации научных экспедиций исходила в первую очередь от Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры), от В. В. Радлова и С. Ф. Ольденбурга. Доставленные материалы стали основой выдающихся научных трудов, надолго обеспечивших приоритет российской науки в изучении Китайского Туркестана. Ценнейшие коллекции были переданы в МАЭ С. Ф. Ольденбургом, Н. М. Пржевальским, В. И. Роборовским, С. Ф. Маловым (рис. 5). Именно в Кунсткамере готовился к своей знаменитой экспедиции русский офицер Карл Густав Маннергейм (рис. 6). Позднее, уже на рубеже 1940-х и 1950-х гг. работу С. Ф. Малова в Китайском Туркестане продолжил его ученик — выдающийся отечественный тюрколог Э. Р. Тенишев.

Русские успехи в исследовании Китайского Туркестана по достоинству оценила мировая научная общественность. В 1902 г. на XIII Международном конгрессе ориенталистов была образована Международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии, главным органом которой стал Рус-

ский комитет (1903—1923) во главе с директором Кунсткамеры академиком В. В. Радловым и выдающимся буддологом С. Ф. Ольденбургом (рис. 8). Последний возглавлял в Кунсткамере Отдел древностей Русского и Китайского Туркестана. Экспедиции и труды Русского комитета, объединявшие научный энтузиазм с серьезной государственной поддержкой, оказались во многом этапными, не только для российской, но и для мировой науки.

Научная обработка привезенных материалов была в основном закончена только к концу XX в⁹. Знаковой здесь стала организованная в 2008—2009 гг. Государственным Эрмитажем и Институтом восточных рукописей прекрасная выставка «Пещеры Тысячи будд. Российские экспедиции на Шелковом пути»¹⁰. Коллекция произведений искусства, составившая основу выставки, поступила в Эрмитаж в 1930-е годы, в первую очередь из Кунсткамеры. Сводная библиография русскоязычных работ, связанных с Китайским Туркестаном, составила бы многостраничный том. Это, однако, не означает, что к сегодняшнему дню не осталось интересных и неисследованных тем, связанных с регионом. Так, сенсационные находки и открытия в области индоевропейского языкознания, тюркологии и буддологии отодвинули в тень исламоведческие исследования. В частности, самого пристального внимания заслуживает проблема исламо-буддийского культурного и межрелигиозного взаимодействия.

ued in the 1940s and 1950s by his disciple Edham Tenishev, an outstanding Russian specialist in Turkic studies.

The success of Russian explorations in Chinese Turkestan was highly appreciated in the scientific world. At the 13th International congress of Orientalists in 1902, the International Association for Central and Eastern Asia studies was formed. The main body of work was carried out by the Russian Committee (1903—1923) headed by Kunstkamera Director Academician Vasily Radloff and prominent Buddhologist Sergey Oldenburg (fig. 8). Oldenburg was head of the Kunstkamera special department on Chinese Turkestan antiquities. In many instances, the expeditions and works of the Russian Committee, which welded scientific enthusiasm with considerable governmental support, became milestones not only for Russian scientists, but also for the world of social science in general.

Scientific processing of the materials was mostly completed by the end of the 20th century⁹. The wonderful exhibition, “The Caves of a Thousand Buddhas: Russian Expeditions along the Silk Road”¹⁰, organized in 2008—2009 by the Hermitage and the Institute of Oriental Manuscripts, was representative of this culmination. The core collection of artistic works displayed in the exhibition arrived at the Hermitage in 1930s mainly from Kunstkamera.

7

A comprehensive bibliography of Russian-language works on Chinese Turkestan would require a thick volume. Yet, despite the massive amount of work that has been accomplished, the topics to be investigated in relation to the Chinese Turkestan region are by no means exhausted. For example, the sensational findings and discoveries in Indo-European linguistics, Turkic studies, and Buddhology overshadowed the Islamic studies that demand further attention. In particular, the problem of Islamic-Buddhist cultural and interreligious interaction warrants meticulous study.

8

ЭКСПЕДИЦИЯ THE EXPEDITION

9

Занимались с Эмином Турсуном древними памятниками. Интересная картина: татарин, обучающий уйгура его древнему языку в местах обитания древних уйгуров, по книге, написанной русским.

Э. Р. Тенишев¹¹

Как уже упоминалось, в августе 2008 г. в соответствии с договором о научном сотрудничестве между МАЭ РАН и Институтом этнологии и антропологии Академии общественных наук КНР на территории провинции Цинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР проходила работа историко-этнографической экспедиции «Мусульмане Китайского Туркестана (уйгуры Синьцзяна, салары Цинхая)» (рис. 9). За двенадцать дней полевой работы экспедиция совершила семь авиаперелетов и прошла около полутора тысяч километров на наземном транспорте. Наша группа посетила ряд важнейших центров, расположенных на китайской части Великого Шелкового пути. Ее целью был сбор материалов для научного обеспечения монографической публикации коллекций МАЭ, доставленных из Синьцзяна и Цинхая. Это собрание — одно из крупнейших в мире. Оно представляет культурное и этническое многообразие Китайского Туркестана, историю его изучения в России¹². Не менее важными задачами экспедиции были приобретение новых коллекций, установление партнерских отношений с коллегами из профильных научных центров: ведь на протяжении последних десятилетий ученые КНР сделали очень много для изучения истории и культуры народов Китайского Туркестана¹³ и сохранения их культурного наследия. И, конечно же, в рамках проекта «Иджма' = Согласие» велся интенсивный сбор материалов по истории и современному положению ислама в Китайском Туркестане и провинции Цинхай.

Накануне отъезда я позвонил старейшему сотруднику нашего музея тяжело больному Александру Михайловичу Решетову (1932—2009), автору большой серии исследовательских работ, посвященных этнографии народов Китайского Туркестана, и подробно рассказал ему о наших планах.

— Ну что ж, Вы едете прямо по маршруту Эдхяма Рахимовича Тенишева, — услышал я в телефонной трубке.

— Похоже, что так, — ответил я. — Как вернусь, отправлюсь в архив читать его научный отчет.

— Так он же издан! Боюсь, правда, что в нашей библиотеке книги еще нет. Если так, приезжайте ко мне.

Я бросился в музейную библиотеку. Книга¹⁴ оказалась на месте, и дальше начались удивительные совпадения. Совпадал по большей части не только маршрут, но и серия сентябрьских дат, когда мы и Тенишев проезжали то или иное место.

Together with Emin Tursun we were studying ancient monuments. Quite an interesting picture — a Tatar teaching an Uyghur his ancient language in the habitat of ancient Uyghurs, and the teaching is based on a book written by a Russian.

Edham Tenishev¹¹

As was mentioned above in september of 2008 in accordance with the agreement of a scientific partnership between the MAE RAS and the Institute of Ethnology and Anthropology of the Academy of Social Sciences of the PRC, certain activity of historical ethnographic expedition "Muslims of Chinese Turkestan (Uyghurs of Xinjiang, Salars of Qinghai)" (fig. 9) took place on the territory of Qinghai province and Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of PRC. During the twelve days of field work the expedition made seven air flights and covered about fifteen hundred kilometres using overland means of transportation. Our expedition visited a series of the most important centres along the Chinese part of the Great Silk Road. Its goal had to do with gathering all the material needed for the scientific supply of monographic publication of the MAE RAS collections, which were brought from Xinjiang and Qinghai. This collection is one of the largest in the world. It offers cultural and ethnical diversity of Chinese Turkestan and the history of its study in Russia¹². Acquiring new collections, establishing partnerships with colleagues from profile scientific centres were not any less important. After all, throughout the last decades the scholars from the PRC contributed a great deal to the study of history and culture of the Chinese Turkestan peoples and their cultural legacy. And, of course, data concerning the history and present-day state of Islam in Chinese Turkestan and Qinghai province was being intensively collected within the framework of the expedition as well.

On the eve of our departure I telephoned our oldest museum scholar, Alexander Mikhaylovich Reshetov (1932—2009), who was gravely ill. He was known for his research works dedicated to ethnography of Chinese Turkestan peoples¹³. I told him of our route and plans at great length.

— Well, you're going according to the route of Edham Rahimovich Tenishev, — I heard him say through the telephone.

— Looks like it, — I answered. — When I get back, I'll go check the archives and read his report.

— His report has been published! I'm afraid, though, that our library won't have his book yet. If that's the case, drop by my place.

I rushed to the museum's library. The book¹⁴ was there, and from then on there were incredible coincidences. Not only the routes concurred, but so did our September dates, when both Tenishev and we went through this place or that.

Edham Rahimovich Tenishev (1921—2004) was one of the most prominent specialists in the field of Turkic linguistic in Russia and, perhaps, in the whole world,

Крупнейший в России и, возможно, в мире специалист в области тюркского языкознания, член-корреспондент АН СССР, главный редактор журнала «Тюркология» Эдхам Рахимович Тенишев (1921—2004) принадлежал к знаменитому татарскому княжескому роду. В 1956 г. молодой ученый был командирован в Китай, им были совершены три экспедиции по Китайскому Туркестану и Предтибету, которые позволили собрать уникальный лингвистический и этнографический материал. Тогда же были опубликованы две монографии на китайском языке. Русский ученый оставил по себе добрую память. Его имя сегодня знают и помнят в Синьцзяне и Цинхае. Томик с воспоминаниями Тенишева сопровождал нас в поездке: накануне прибытия в тот или иной пункт мы обычно перечитывали соответствующие фрагменты текста.

«Группа туристов-европейцев заморожено смотрела на гигантскую карту Ордуси, выполненную из уральских самоцветов. Луч закатного солнца, направленный незаметным зеркалом, закрепленным на шпилье крепостного собора, высветил громадные рубины, обозначавшие три столицы великого государства, объевшего четвертую часть суши. Согласно замыслу уральских мастеров красные лучи от Ханбалыка на востоке и Каракорума в центре соединились между собой и на дальнем северо-западе, в Александрии Невской. Пожилая итальянка охнула, и туристы защелкали фотоаппаратами, предвкушая рассказы о восьмом чуде света. Светловолосая девушка-экскурсовод усердно повторяла накрепко заученные фразы: “Как вы, конечно, помните, история нашей страны началась в шестидесятые годы XIII века, когда Александр Невский и его побратим, сын Батыя, Сартак, вступивший после смерти отца на престол Золотой Орды, договорились о партнерском объединении Орды и Руси в единое государство. Позже к процветающей державе присоединилась Поднебесная...”», — гласит неопубликованный апокриф, авторство которого приписывают знаменитому еврокитайскому гуманисту Хольму ван Зайчику. Под этим именем в России с 2000 по 2005 годы Игорь Алимов и Вячеслав Рыбаков издали семь романов в жанре альтернативной истории. Образ могущественной и процветающей, самодостаточной и *сообразной* Ордуси, где в мире и согласии живут представители разных наций и религий, где развитие основано не на отрицании традиции, а на ее воплощении, где граждане искренне гордятся своей страной, производящей, в том числе, и лучшие в мире ноутбуки «Золотой Керулен» и спортивные кабриолеты самого высокого класса, согривал и согревает душу тысячам и тысячам читателей, еще недавно живших в великой империи. Сегодня многими (и хвалителями, и хулителями) Ордусь воспринимается как мечта о Советском Союзе, развитие которого было прервано насильственным образом.

Среди участников нашей экспедиции был и один из соавторов Ордуси, прекрасный китаист Игорь Алимов. Китайский Туркестан и Предтибет явля-

ют сегодня множество ордусских черт: это и видимое невооруженным глазом мирное соседство-взаимодействие ислама с буддизмом, и скоростные авто-страды с тысячами самых современных автомобилей, и затейливые небоскребы городов-миллионеров, и самые современные технологии, и сотни почти домашних рестораничков — китайских и уйгурских, где за вкуснейшей едой можно испить 56-градусной «Росы пяти круп», или, при аллергии на пахучую эрготу, — бутылочку-другую холодного «Циндао», — вкусного пива, производимого в одноименном городе на берегу Желтого моря, некогда немецкой колонии. Естественным образом, видимая нами реальность накладывалась на образ Ордуси.

В организационном отношении судьба экспедиции с самого начала складывалась непросто. Внешним фоном стала подготовка к Пекинской олимпиаде, которую традиционно сопровождали попытки дестабилизации ситуации в стране проведения (мы пережили это в 1980 г. и скоро будем переживать вновь). Обстановка в Синьцзяне и Тибете постепенно накалялась. В июле и августе группы боевиков, которые власти и большинство наблюдателей связывают с действующим в эмиграции «Исламским движением Восточного Туркестана», осуществили серию взрывов в общественном транспорте в разных населенных пунктах страны и совершили нападения на полицейские участки в городах Кашгар и Куга. Мы обратились за официальным содействием к профильному китайскому научному институту. Разговор в Пекине, в целом, прошел успешно. Мы выросли в СССР и четко представляли себе как возможные опасения наших собеседников, так и этапы согласований, которые наше предложение должно было пройти. Коллеги нам открыто пошли навстречу, хотя было вполне очевидно, что все это связано для них с большой, неожиданной и мало оправданной «головной болью». В частности, по предлагавшемуся нами пути экспедиции была предварительно послана группа, благодаря работе которой маршрут, за одним небольшим исключением был принят китайской стороной. Нам была обещана и встреча с молодым и популярным *имамом* соборной мечети в саларском Сюньхуа.

Прочие трудности носили уже чисто технический характер. В сентябре 2008 г. изменились прежде весьма либеральные требования консульских отделов посольства КНР. В частности, потребовался оригинал приглашения от организации, аккредитованной при МИД КНР или Торгово-промышленной палате, бронирование авиабилетов и отелей по маршруту. Высланное прежде партнерским институтом приглашение уже не годилось, а китайские предприниматели немедленно подняли цену за услуги по бронированию. Зато навстречу пошли Южнокитайские авиалинии, продавшие нам билеты по всему маршруту с максимально возможными скидками. Наконец, в пекинском аэропорту, куда из Лондона прилетел наш оператор Юрий Крылов, официального письма из Академии общественных наук КНР оказалось недостаточно для пропус-

and also a corresponding member of Academy of Sciences of USSR, and editor-in-chief of “Turkology” journal. In 1956 the young scholar who belonged to the ancient princely Tatar kin was sent to the PRC in order to aid Chinese colleagues in the field of describing unstudied Turkic languages. During those years he made three expeditions along Chinese Turkestan and the Tibetan foothills. Those expeditions helped him collect unique linguistic and ethnographic material. Back then two monographs in the Chinese language were readied for printing. The Russian scholar earned a good name for himself. His name is well thought of and remembered even today in Xinjiang and Qinghai. Memories of Tenshev were following us on our journey. The day before arriving to one place or another I would read fragments of his works to the expedition members.

“A group of European tourists were enchantedly looking at the map of Ordus, which was made of Ural gems. A beam of a setting sun directed with an invisible mirror, which was fastened at the steeple of a fortress temple, highlighted enormous rubies, which designated three capitals of a great kingdom, occupying one forth of dry land. According to the design of Ural craftsmen red lights from Hanbalyik in the east and Karakorum in the centre join with those of Alexandria Nevsky in the north-west. An elderly Italian lady sighed and tourists started clicking with their photo cameras anticipating stories of the eight world wonder. The tour guide, a light-haired girl, diligently repeated firmly memorized phrases. ‘As you undoubtedly remember the history of our country started back in the 60s of the 13th century, when Alexander Nevsky and his blood brother Batu’s son Sartaq, who assumed the throne of the Golden Horde after his father’s death, agreed upon a partnership unification of the Horde and Russia into one kingdom. Later Sinosphere joined the prosperous power...’ This is taken from the unpublished apocrypha, the authorship to which is attributed to the prominent Eurochinese humanist Holm van Zaychik. Under this name in the years 2000—2005 Igor Alimov and Vyacheslav Rybakov published seven novels in the genre of alternative history. The image of powerful and prosperous, self-sufficient and consistent Ordus — where representatives of various nations and religions live in peace and harmony; where development does not depend on rejection of one’s traditions, but on its realization; where its citizens are sincerely proud of their country, which produces, among other things, the best laptops in the world “Golden Kerulen” and first-rate cabriolets — has inspired thousands and thousands of readers, who only recently had lived in a great empire. Today Ordus is taken by many (both those who praise and those who revile it) as a dream for the Soviet Union, development of which was forcibly interrupted.

One of the co-authors of Ordus, the fine sinologist Igor Alimov was among members of our expedition. Chinese Turkestan and the Tibetan foothills play a lot of Ordus features today — among which peaceful coexistence and interaction of Islam and

Buddhism that is visible to a naked eye, high-speed highways with thousands modern cars, intricate skyscrapers of a million-plus-city, the most up-to-date technologies, and hundreds of almost homelike restaurants — either Chinese or Uyghur — where along with the delicate food one can drink the 56-degree “Dew of Five Cereals”, or if allergic to fragrant erguotou couple of bottles of cold “Qingdao”, tasty beer, produced on the shore of Yellow Lake in the city by the same name, formerly a German colony. Naturally the reality that we saw was imposed upon the image of Ordus.

In organizational respects the fate of this expedition did not work out easily. Preparation for the Olympic Games in Beijing served as its exterior background. The Olympics are traditionally accompanied by attempts at destabilizing the situation in the host country (we experienced the same in 1980 and are soon going to experience it again). The situation in Xinjiang and Tibet continually grew hotter. In July and August groups of gunmen, which the authorities and majority of observers connect with “the Islamic Movement in Eastern Turkestan” active in emigration, carried out a series of explosions in public transportation and various settlements of the country and also attacked police departments in the towns of Kashghar and Kuga. We asked profile Chinese Scientific Institute for official assistance. In general, conversation in Beijing went well. We grew up in the USSR and could well picture possible fears of our interlocutors as well as stages of our agreement, which our offer should pass. Our colleagues openly went to meet us halfway, although it was quite obvious that for them it would mean great, sudden and not quite justified “headache”. In particular a group was sent along the route that we suggested for our expedition. Thanks to this group’s work our route, with one small exception, was accepted by Chinese side and we were promised a meeting with a young and popular *imam* of the Friday mosque in Xunhua Salar Autonomous County.

The difficulties had to do with the purely technical side of things: in September of 2008 the quite liberal requirements of consular department of the PRC Embassy have changed. In particular they now required the original of our invitation from the organization accredited by the Ministry of Foreign Affairs of the PRC or the Chamber of Trade, and the reservation of air tickets and hotels along the route. The invitation that had been sent before by the institute we partnered with did not suit them anymore, and Chinese businessmen raised prices for the reservation services. But at the same time China Southern Airlines favoured us by selling tickets at the cheapest prices possible. And finally the official letter from the Academy of Social Sciences of the PRC was totally insufficient to bring through Beijing Airport customs the professional video camera of our operator Yuriy Krylov, who came from London. That story cost us services of a Chinese legal agent, which amounted to one thousand dollars, and it cost our Chinese partners for depositing a pledge of forty thousand yuans for the camera that was given back to us by the customs.

Unlike other European capitals, Moscow has a direct flight to the administrative centre of Xinjiang, the city of Urumqi. The geographic location of Urumqi

12

ка таможней профессиональной видеокамеры. Эта история стоила нам тысячу долларов за услуги китайского юридического посредника, а нашим китайским партнерам — 40 тыс. юаней залога за выданную таможенную камеру.

В отличие от европейских столиц из Москвы в административный центр Синьцзяна г. Урумчи можно попасть прямым рейсом. Географическое положение Урумчи зафиксировано в Книге рекордов Гиннеса: это самый удаленный от моря крупный город в мире — ближайшее побережье Мирового океана располагается в 2500 километрах. В Урумчи и пригородах по разным оценкам живет до двух миллионов человек. Для нас этот современный торговый город служил транзитной базой: здесь мы оставили на хранение часть оборудования, сюда мы возвращались с маршрутов. Важнейшее для меня наблюдение в Урум-

чи оказалось связано с русским языком, который давно является здесь языком межнационального общения, причем без каких бы то ни было усилий с российской стороны. Просто местным уйгурам и выходцам из бывшей советской Средней Азии вершить сделки по-русски оказалось сподручнее (рис. 10—11).

Нужно заметить, что информация, поступающая из Синьцзяна, обычно тенденциозна. Официальные китайские СМИ как всегда предельно осторожны, сухи и оптимистичны. Западные журналисты охотно используют «живую» информацию уйгурских сепаратистов, часто создавая и тиражируя заблуждения. Одно из них, например, — о невозможности получения высшего образования на уйгурском языке. Мы могли убедиться, что в местном университете преподавание ведется в том числе и на уйгурском, что в центральном книжном магазине Кашгара половина книг на полках — также на уйгурском языке. В отличие от ханьцев на представителей малых народов не распространяются ограничения на рождение второго и следующих детей (рис. 12).

В специальном хранилище музея Института археологии Академии общественных наук Синьцзяна нам показали сенсационные археологические находки, сделанные китайскими учеными за последние годы. Тысячелетиями жаркий сухой воздух и соленые пески пустыни Такла-Макан сохраняли мумифицированные тела, одежду, утварь, оружие, созданные поколениями обитателей поселений бассейна реки Тарим (ранние мумии датируются XVIII в. до н. э., поздние — II в. н. э.) В массе высокие, светлоглазые и русоголовые, прото-тохары, тохары, сака, юэджи и другие местные племена были европеоидами, говорили на языках индоевропейской группы и имели множественные культурные связи с западными и южными соседями¹⁵.

В прическу высокой красивой молодой женщины для пышности вплетены пряди чужих волос, лицо сохранило следы древней косметики. Трехмесячный ребенок, лежит на подушке из белой овечьей шерсти. Он обернут в коричневую шерстяную «пеленку» и обвязан красными и синими шнурами. Рядом бутылочка из коровьего рога. Мощный мужчина лет пятидесяти с волосами,

10

earned a place in the Guinness Book of Records as the most remote city from any sea in the world. The nearest coastline of an ocean is about 2500 kilometres away. According to different sources the population of Urumqi and its suburbs is about two million. This modern trade city served us as a transit base. We stored some of our equipment there, and we returned there from our routes. The most important observation in Urumqi had to do with the Russian language. It has long become a language of international relations there, and Russia hasn't made any efforts at that. It is really much handier for local Uyghurs and immigrants from former Soviet Central Asia to manage affairs in the Russian language (figs. 10—11).

It is necessary to note here that information coming from Xinjiang is usually biased. Official Chinese medias, as a rule, are pretty cautious, dry and optimistic. Western journalists willingly use “live” information of Uyghur separatists, often creating and circulating errors. One of which, for instance, is the impossibility of getting higher education in Uyghur language. We made certain that teaching in the local university is performed in Uyghur as well. And half of the books on the shelves of the Kashghar central bookstore are in Uyghur, too. Restriction in regards to the birth of a second baby and the following ones does not apply to representatives of minor peoples as opposed to the Han Chinese (fig. 12).

We were shown sensational archaeological finds that were discovered by Chinese scholars in recent years. Those finds are kept in a special vault of the Museum of Institute of Archaeology of Academy of Social Sciences of Xinjiang. Hot dry air and salty sands of Takla-Makan desert have carried mummified bodies, clothing and weapons, created by generations of Tarim Basin inhabitants (the earliest mummies date back to the 18th century BC, the latest — to the 2nd century AD). Tall, light-eyed and fair-haired proto-Tocharians, Tocharians, Saka, Yuezhi and those belonged to the other local tribes were Indo-Europeans and speakers of Indo-European languages. They had diversified cultural connections with their western and southern neighbours.

A tall beautiful young woman's hair dress had somebody else's locks plaited into it. Her face maintained traces of ancient cosmetics. Then there was a three-

13

month-old child; he lay on the pillow made of sheep's wool. He was wrapped in brown cloth of fine quality and tied around with red and blue cords. Nearby there was a little bottle made of cow's horn. There was also a man in his fifties with his hair braided in two. Felt raincoats and hats, striped “gaiters”, “plaid”, a bag of grain, a sieve could be found there, as well as ancient fabrics of bright colours¹⁵... (fig. 13).

In Xinjiang Pedagogical University we were met by a conference hall filled with colleagues, who wanted to meet Russian scientists. A lot was said about our professors, about the role of Russian science, with which all relations were interrupted by force for thirty years. Propositions for renewal of the partnerships and scientific interaction sounded truly sincere (fig. 14). Certain Russian words that would occasionally slip from the lips of our Chinese colleagues later gave place to Russian songs.

заплетенными в две косы. Войлочные плащи и шапки, «гетры» с полосатым рисунком, клетчатые «шотландские» ткани, сумка с зерном, решето. Яркие краски древнейших тканей... (рис. 13).

В Синьцзянском педагогическом университете нас ждал полный конференц-зал коллег, которые хотели увидеться с русскими учеными. Много добрых слов было сказано о наших учителях, о роли российской науки, с которой почти тридцать лет вынужденным образом разорваны все связи. По-настоящему искренне звучали предложения о важности возобновления сотрудничества и научного взаимодействия (рис. 14). За торжественным ужином отдельные русские слова, проскальзывавшие в речах наших китайских коллег, сменились русскими песнями.

Из Урумчи наш путь лежал в древний Кашгар, важнейший центр на Великом шелковом пути. Здесь экспедиция работала в старом городе, в одной из главных мусульманских святынь региона — мемориальном комплексе Аппака-хаджи, посетила усыпальницу Йусуфа Хасс Хаджиба Баласагуни. Видеосъемки для проекта проводились в пустыне Такла-Макан.

Местная соборная мечеть Ид Ках считается крупнейшей в Китае. По преданию, она основана в VIII в. и была реконструирована в 1442 г. (рис. 15—16). Прилегающие улочки приютили сотни магазинчиков, где при желании можно раскопать настоящий раритет. Здесь, как и в старом городе, множество жен-

щин носит чрезвычайно плотные коричневые лицевые покрывала. Мы бродили по узеньким улочкам старого города, побывали в бывших зданиях Русского (рис. 17) и Британского консульств в Кашгаре — о противостоянии российского Генерального консула (с 1882 по 1903 г.) Н. В. Петровского и Джорджа Маккартни, представлявшего здесь британские интересы в течение двадцати восьми лет (1890—1918), можно написать не один роман¹⁶.

Зная о том, что в обоих консульствах сейчас расположены рестораны, я еще в Петербурге на предполетной встрече участников экспедиции предложил запастись настоящей русской водкой и бутылкой хорошего виски, чтобы вечером, за разговором о «Большой игре» выпить и там, и там. Как водится у нас в таких случаях, к моему предложению отнеслись серьезно и по-деловому. Ввезенного запаса спиртного, без сомнения, хватило бы на десяток хороших пирушек. Каково же было наше недоумение, когда при вылете из Кашгара служба безопасности аэропорта потребовала изъять из наших чемоданов (не из ручной клади!) все запасы спиртного, накануне спокойно совершившего с нами рейс из Урумчи, в том числе и то, что находилось в нераспечатанных специальных пакетах из московского дьюти-фри. Мы грустно наблюдали, как довольный шофер автобуса, возивший нас по Кашгару и окрестностям, бережно выкатывает из здания аэропорта полную тележку весьма благородных напитков, совокупная стоимость которых намного превышала его гонорар.

14

From Urumqi we went on to Kashghar, one of the most important centres on the Great Silk Road. The expedition worked in the old city, in the memorial complex Appaq-khwaja — one of the major Muslim shrines of the region. The mausoleum of Yusuf Khass Hajib Balasaghuni was also visited. Video filming for the project was performed in the Takla-Makan desert.

The local Friday mosque Id Gah is considered to be the largest in China. Tradition runs that it was built in the 8th century and was reconstructed in 1442 (figs. 15—16). Adjacent to the mosque, side-streets have given room to hundreds of little stores, where if one is willing to look for a rarity, he will discover a true one at that. Here, as well as in the old city, many women wear an extremely dense brown face covering. We wandered along those narrow streets of the old city, visited former buildings of Russian (fig. 17) and British consulates in Kashghar. More than one novel can be written about the opposition of the Russian the Consul-general (from 1882 to 1903) N. V. Petrovskiy, and George McCartney, who represented British interests there for twenty years (1890—1918)¹⁶.

Knowing that both former consulate buildings now hosted restaurants, back in Petersburg at the preliminary meeting of expedition members I suggested that we should have stocked up on genuine Russian vodka and some good whiskey, so that at night we could drink in both places while talking over “The Great Game”. As is usually the case, my suggestion was taken seriously and in a business-like manner. The alcohol supply brought in was undoubtedly enough for ten good

15

16

17

feasts. We were totally perplexed, though, when we were about to depart from Kashghar and the airport security service asked us to empty our luggage (not carry-ons, mind you!) of all alcohol supply, which the day before had flown with us from Urumqi. The alcohol taken also included all those bottles that were specially packed by the Moscow duty-free shop. Sad-eyed, we observed how our happy bus driver, who was driving us around the city of Kashghar and its suburbs, carefully rolled the cart out of the airport. The cart was filled with alcohol the accumulative value of which exceeded his fee many times.

18

Профессор уверял, что даже в Африке, где он вел раскопки в долине реки Нила у пирамид Египта, не было так жарко. Он называл впадину: *ужасно адски яма*.

В. А. Обручев¹⁷

Мы направлялись в Турфан, «горячий пуп Евразии». Турфанская впадина (90 км с востока на юго-запад и около 40—50 км с севера на юг) является самой низкой точкой Восточной Азии (–154 м) и третьей по глубине в мире после котловины Мертвого моря и озера Кинерет. Сенсационные данные о глубине, перепадах давления, температуре (+48 °C в тени, +64 °C на солнце летом и до –20 °C зимой) впервые получил спутник Пржевальского талантливый русский офицер В. И. Роборовский, устроивший здесь в 1894 г. постоянную метеостанцию.

Турфан начался для нас с древнего буддистского монастыря Безеклик. Дорога сюда идет вдоль чрезвычайно живописных «Огненных гор», в зависимости от освещенности меняющих свой цвет от нежно-розового до красно-бурого. Некогда этим путем прошли и сотни буддийских проповедников, и вереницы паломников.

Мы стояли под сводами древних монастырских пещер, и, казалось, самые стены шепчут здесь «Ом мани падме хум». Верующие наделяют эту мантру бесконечным множеством смыслов, она редко интерпретируется в связи с буквальным значением входящих в нее слов. Один из смыслов близок знаменитым ахматовским строкам:

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда¹⁸.*

В двух шагах от монастыря Безеклик в издревле намоленном месте расположен Туйок — святое для местных мусульман место, паломничество к которому при определенных условиях приравнивается к хаджу.

В Турфане и его окрестностях работы проводились в районе мечети и минарета Эмин, самого высокого в Китае (рис. 18—19), а также на городище Цзяохэ (рис. 20).

После захода солнца мы отправились смотреть ночной праздничный Турфан, отмечавший один из важнейших мусульманских праздников, известный как «Ночь Предопределения» или «Ночь могущества» (*лайлат ал-кадр*). Небольшая площадь, освещенная лампами, прикрученными к самодельным столбам, была уставлена многими десятками столов. Здесь и ели, шумно и весело, и готовили вкусную снедь прямо на виду. Всполохи огня, печки-буржуйки, *тандыры*, *казаны*, фыркающие маслом громадные сковороды... На столах

Professor assured us that even in Africa, where he was performing some archaeological digs in the valley of the Nile by Egyptian pyramids, it wasn't as hot. He called this cavity: *one hell of a pit*.

Vladimir Obruchev¹⁷

We were heading to Turfan, the “Hot navel of Eurasia”. Turfan Basin (90 km from east to south-west and about 40—50 km from north to south) is the lowest point of Eastern Asia (–154 m) and the third lowest in the world after the Dead Sea basin and Kinnereth Lake. Sensational data of its depth, pressure and temperature swings (+48 °C in the shade and +64 °C in the sun in summer and –20 °C in winter) were first acquired by Przhevalsky's companion, the talented Russian officer V. I. Roborovsky, who established a permanent weather station in 1894.

For us Turfan started with the ancient Buddhist monastery Bezeklik. The road there runs along the extremely picturesque “Flaming Mountains”, which depending on illumination switch their colours from light pink to red brown. In former days hundreds of Buddhist preachers and strings of pilgrims walked that way.

We were standing beneath the vaults of ancient monastery caves and it seemed as though the walls were whispering “Om mani padme hum”. The believers give this mantra an innumerable amount of meanings; and it rarely is interpreted in relation to the literal meaning of its words. One of its meanings is echoed by famous lines of Akhmatova:

*If you only knew from what kind of dust
Poetry springs, without shame,
Like a yellow dandelion by the fence,
Like burdocks and goose-foot¹⁸.*

In close proximity to Bezeklik there is a sacred place for local Muslims — anciently spiritual Tuyuq, pilgrimage to which with certain conditions is equalled to *hajj*.

In Turfan and its suburbs the expedition worked in the vicinity of the Amin mosque and minaret, the tallest in China (figs. 18—19), and on the ruins of ancient city of Jiaohe (fig. 20).

After sunset we went to see the festive Turfan under the cover of night and celebrating one of the most important Muslim festivals, known as “The Night of Fate”, or “The Night of Power” (*Laylat al-Qadr*). The little square, illuminated by lamps fastened to self-made polls, was set with many tables. People were eating, loudly and merrily. Others were cooking delicious meals in full view. Sparks of flame, small stoves, *tandur*, large pots, frying pans snorting with oil... Tables are covered with tasty *manty* with mutton, pumpkin and *jutsai* — fragrant “onion-garlic”, and *lagman* with autumn sauce with radish, carrot, Kohlrabi and turnip, and *samsa* with meat, onion, pumpkin, fruits and vegetables, and *sangza* — threads of dough

вкуснейшие *манты* с бараниной, тыквой и *джусаем* — душистым «луком-чесноком», *лагман* с осенним соусом из редьки, моркови, кольраби и репы, пирожки-*самса* с мясом, луком, тыквой, овощами и фруктами, *санза* — нити теста, собранные в небольшие «мотки», и обжаренные в раскаленном жире, мед, варенье... Все это запивалось пиалами *атканчая* (крепкого черного чая с молоком, посыпанным семенами кунжута).

— *Это што за маленьки колбас?* — спросил он.

Я объяснил, что они делаются из крутого теста и жарятся в бараньем сале и что это лучший сорт хлеба для дороги. Но им баурсаки не понравились¹⁹.

Было уже часов одиннадцать, но мы так и не посмотрели знаменитые подземные каналы-кяризы — «горизонтальные колодцы», тянущиеся под землей от водоносных слоев у подножья гор к полям (причем, иногда за пять-семь километров!) и обеспечивающие ирригацию края в условиях иссушающей жары. Выехав за город, мы поставили автобус так, чтобы он мог осветить нам фарами путь, и, перепрыгивая с камня на камень, отправились вглубь каменной пустыни. Кроме черного провала метров за сто от дороги, мы, конечно же, ничего не увидели. Уже в автобусе оказалось, что по пути кто-то успел покусать нашего экспедиционного фотографа Татьяну Федорову и мою дочь Марьям, которая больше всех настаивала на посещении кяризов («Как быть в Турфане и не увидеть!» Центральная Азия — ее специальность).

— *Фома, этто какой гадкий насекомым? Я читаль, Туркестан живет каракурт, смертельни кусак!*

— *Нет, профессор, это фаланга, паук.*

— *Он тоже кусайт? Восемь ног, как у паука! Противный.*

— *Кусает и больно, если его придавить или тронуть. Рука пухнет, сильный жар будет*²⁰.

19

Все как по писанному: с утра укусы посинели-покраснели-распухли. Я ругался, что нечего ходить в пустыню в босоножках, и по прилете в Цинхай повез укушенных в местную больницу, где был поражен быстротой, эффективностью и дешевизной китайской медицины. Но это было чуть позже, а тогда вечером мы вернулись в гостиницу, нагруженные сладчайшим виноградом и дынями, и за чаем с разговорами просидели почти до самого отъезда в аэропорт Урумчи.

Путь предстоял неблизкий, и мы тронулись часа в четыре утра. Проехали спящими улицами, сплошь крытыми вьющимися виноградными лозами. В предрассветные сумерки уплывали ажурные саманные сушилки, в которых созревает знаменитый турфанский кишмиш, виноградники, тщательно обработанные поля. Вдоль шоссе почетным караулом выстроились пирамидальные тополя, дальше — к подножью розовых предрассветных гор тянулись фруктовые деревья. В сторону от дороги отходило ответвление на древнее городище Цзяохэ — некогда богатый столичный город на Великом шелковом пути. Теперь по его маршрутам вместо шелка текут нефть и газ, а где Шелковый путь, там, как известно, и Большая Игра.

Сколько труда на протяжении многих и многих веков было вложено в эту землю, оглаженную, облюбованную людьми! Я засыпал, просыпался, вглядывался в окно и размышлял о непростой истории этого края и ее параллелях с историей российского Северного Кавказа, где так же войны вновь и вновь сменялись восстаниями: кавказская (1817—1864), абречество, «малый газават» во время русско-турецкой войны 1877—78 гг., всплеск, вызванный революциями пятого и семнадцатого годов, Северо-Кавказский эмират, повстанческое движение, которое продолжалось в Чечне вплоть до 1940 г., коллаборационизм части населения, депортация, возвращение, первая и вторая чеченские... Россия в Хасавьюрте попыталась решить вопрос с независимостью и получала вторжение в Дагестан. Впрочем, сегодня независимость не «от кого», а «с кем» (много ли независимости в Эстонии или Польше, например, с детальной регламентацией всего и вся Европейским союзом и вассальной внешней политикой? Если это суверенитет, то, что такое зависимость?) В Китае, как и в России сегодня, пытаются лечить болезнь массивными инвестициями в развитие края. Время покажет, насколько эффективным окажется такой подход. «При философском осознании любая историческая параллель есть вещь дефективная — писал только что ушедший от нас Александр Пятигорский, — Но без этой параллели история неполна. Потому что эта параллель... показывает, что в меняющихся исторических условиях остаются какие-то константы человеческой психологии... И тогда мы говорим: «Смотрите, как похоже». А что похоже? Мы похожи».

“balled” together and fried in scorching fat, and honey, and jam... Everything was washed down with numerous tea bowls of *atkanchai* (strong black tea with milk sprinkled with sesame seeds).

— *What a littla sausage is?* — he asked me.

I explained that they were made of thick doe, and fried in sheep's fat. I also told him that it was the best bread for travelling. But they did not like boortsogs¹⁹.

It was already 11 o'clock and we hadn't yet seen the famous underground *karizes* — “horizontal wells” that stretch under ground from the water-carrying layers at the foot of mountains to fields (sometimes they stretch for five to seven kilometers!) and provide irrigation to the land of scorching heat. Having left the city we parked the bus in such a way that its headlights would illuminate our path. And jumping from rock to rock we headed deep into the rocky desert. One hundred meters away, of course, we could not see but a pitch-black hole. When we got back to the bus it turned out that something already managed to bite our expedition photographer Tatyana Fedorova and my daughter Maryam, who in fact insisted the most on visiting the *karizes* (“How is it possible to be in Turfan and not see those!” Central Asia is her specialty).

— *Foma, whata littla bad inshect is? I rod in Turkestan live black widow, biter dead!*

— *No, professor, this is a camel spider.*

— *He bite too? Eight legs, like spider! Disgusting.*

— *It bites and is quite painful, if you squeeze or touch it. Your hand will swell, accompanied with high fever*²⁰.

Everything went exactly by the book — by morning the bites turned blue and red and swelled. I was swearing at them for wearing sandals in the desert. And after we arrived to Qinghai I took the bitten to the local clinic. I was amazed at the swiftness, effectiveness and cheapness of Chinese medicine. But that happened a bit later. On that night we returned to the hotel loaded with the tastiest grapes and melons. And sipping our tea we sat and talked the night away almost until the time we were about to leave for Urumqi.

The journey ahead of us would take a long time. We started off at four in the morning. We drove by the sleeping streets studded with grapes all over. Tracery adobe drying rooms where famous Turfan sultanas ripen, vines and thoroughly cultivated fields sailed into the twilight before dawn. Lombardy poplars lined up as guards of honour along the highway, further on fruit trees stretched toward to the foot of right-before-dawn mountains. The road branched towards the ancient Jiaohe city — once a very rich capital along the Great Silk Road. Now its routes transport oil and gas instead of silk. And if the Silk Road is here, so is the Great Game.

How much labour was put into this land for many centuries — the land which was chiselled and taken care of by its people! I was falling asleep and waking up, looking in the window and pondering over the uneasy history of this

land and its parallels with the history of Russian Northern Caucasia, where wars again and again gave place to insurrections. It in turn experienced the Caucasian War (1817—1864), the Abrekhood, “lesser Jihad” during the years of the Russian-Turkish war in 1877—1878, disturbances caused by revolutions of 1905 and 1917, the Northern Caucasian emirate, an insurgent movement, which continued in Chechnya until 1940, collaboration of part of population, deportation, return, the First and Second Chechen Wars... In Khasavyurt Russia tried to solve the issue with independence and in return received intrusion into Daghestan. Today, however, independence is less “from somebody” and more “with somebody”. (Is there a lot of independence in Estonia and Poland, for instance, with detailed regulation from the European Union and its vassal foreign policy? If this is sovereignty, then what is independence?) In China, as well as in Russia today, they try to cure the disease with concentrated investments intended for development. Only time will show weather this approach will really work or not. “In view of philosophical perception any historical parallel is a defective issue,” — once wrote recently deceased Alexander Pyatigorsky. “But without this parallel history is incomplete. Because this parallel... shows that in altering historical conditions certain constants of human psychology remain... And then we say, ‘Look, how similar’. What is similar? We are similar”.

20

КУНСТКАМЕРА THE KUNSTKAMERA MUSEUM

21

Малофу, — говорил лама, — много писал, все написанное складывал в сундуки, которых у него было два. Он принес с собой машину, в которую записывал голоса людей, также фотографировал их. Он хорошо разговаривал по-югурски, но говорил мало, все писал.

Э. Р. Тенишев²¹

Очень рад Вашему путешествию. Запасайтесь научным капиталом на всю жизнь (по языку и этнографии).

С. Е. Малов — Э. Р. Тенишеву. 18.08.1956²²

Трудно было представить себе «что-нибудь более забитое и плачевное, чем наш этнографический музей», он «не заслуживает этого названия и справедливо может быть назван только временным складом или кладовой для хранения этнографической коллекции»²³ — отмечала в своем «Донесении» от 1887 г. специальная академическая комиссия. Музейные предметы, «сваленные в кучи, громоздились в подвалах без описей и нумерации», а научная атрибуция в таком случае становилась «уравнением со многими неизвестными»²⁴. Такой печальный вид имел еще недавно блестящий Императорский музей, буквально восставший из пепла после разрушительного пожара 1747 г., в результате которого погибла большая часть этнографических коллекций. Он медленно умирал после того, как на его базе был создан ряд самостоятельных академических музеев²⁵. Значительная часть важнейших коллекций и вместе с ними статус и финансовые возможности стали постепенно покидать стройный дом на набережной Невы — первое в мире здание, построенное специально для музейных нужд (рис. 21). «Если антропологическая, или краниологическая часть музея, содержащая главным образом собрание черепов многочисленных народностей России, находилась в Музейном флигеле и была кое-как доступна для публики, то о существовании этнографического отдела, ютившегося в двух полутемных залах в здании Кунсткамеры, в городе почти никто не знал, более того, вряд ли о нем знали все академики»²⁶.

В том виде, в котором Музей существует сегодня, он был по существу заново создан на рубеже XIX и XX вв. во многом благодаря знаниям, таланту и энергии Василия Васильевича Радлова (1837—1918) (рис. 22).

Один из крупнейших в мире тюркологов академик Радлов, приняв Музей в 1894 г. и возглавляя его четверть века, проявил себя как выдающийся администратор. Он поставил перед собой цель создать *научный музей общечеловеческой культуры*, который был бы достоин столицы великой страны. Все требовало самого неотложного решения: финансы, помещения, но главное — кадровый состав, ведь в 1894 г. он застал в музее лишь одного храните-

Maluofu, — said the lama, — wrote a great deal. And then he would stack everything in chests; he had two of those. He also brought a little device into which he was recording the voices of various people. And he took pictures of people, too. He spoke good Uyghur, but did not speak much. He mostly wrote.

Edham Tenisev²¹

I'm really happy for your journey. Store the scientific riches (on linguistics and ethnography) for the rest of your life.

Sergey Malov — Edham Tenisev 18.08.1956²²

It was hard to imagine “anything more clogged and pitiable than our Ethnographic museum”. It “does not deserve its name and may fairly be called a storage or a stockroom for keeping the ethnographic collections”²³, — noted the special academic commission in its “Report” of 1887. The museum’s articles were “dumped into towering piles without any inventory or numeration in the basements” and the scientific ascription in that case would become “an equation with many unknown quantities”²⁴. That was the sad appearance of the recently splendid Emperor’s Museum, which literally rise up from ashes after the destructive fire in 1747, as a result of which the great part of the ethnographic collections perished. And then it was doomed to slow death as a series of independent academic museums were formed on its foundation²⁵. The significant part of the most important collections and together with those also the status and financial possibilities began to leave the well-built on the bank of Neva — the first in the world building that had been built specially for a museum’s needs (fig. 21). “If anthropological or craniological section of the museum containing mostly the collections of skulls of the numerous people groups of Russia was located in the wing of the Museum and was at least somehow accessible to the public, of ethnographic department’s existence located in the two semi-dark rooms of the Kunstkamera building hardly anyone in the city knew and obviously not all of the members of the Academy did so”²⁶.

The way the Museum looks today was essentially made anew on the turn of the 19th and 20th centuries, and mainly it was due to the knowledge, talent and energy of Vasilii Vasilyevich Radloff (1837—1918) (fig. 22).

One of the most prominent Turkologist in the world, a full member of Academy, Radloff, having accepted the Museum in 1894 and heading it for half a century, showed himself as an outstanding administrator. He set a goal before him — to create *a scientific museum of the culture common to all mankind*, which would be worthy of the capital of the great country. Everything demanded an urgent judgment: funds, premises, — but most of all — the personnel, since back in 1894 he found only one keeper in the museum. Radloff, of German nationality,

22

ля. Радлов, немец по национальности, обладал широкими научными связями в Европе, пользовался глубоким уважением в правительственных и деловых кругах, но при этом, являясь человеком подлинно широких взглядов, был готов к необычным кадровым решениям. Он не только сам закрывал глаза на политическое прошлое и взгляды коллег, но еще и брался добиться того же от представителей государства и академической администрации. Для того, чтобы в 1901 г. принять на работу Л. Я. Штернберга, Академия наук выхлопотала ему трехмесячное право жительства в столице: «и каждые три месяца

акад. В. В. Радлов или акад. К. Г. Залеман отправлялись в тогдашнее Охранное Отделение хлопотать о продлении разрешения. Дело в том, что на Льве Яковлевиче лежало тогда два несмываемых “позорных пятна”: он был революционер, политический преступник, а во-вторых, еврей, еврей без диплома высшего учебного заведения»²⁷.

Такой подбор сотрудников не помешал Радлову создать в 1909 г. «Попечительный о Музее антропологии и этнографии имени императора Петра Великого совет», Почетным председателем которого стал князь Александр Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, а членами — ряд видных промышленников и меценатов.

Полное отсутствие соответствующего бюджетного финансирования не мешало развертыванию экспедиционной работы. Благодаря Радлову находившийся в ведении Министерства иностранных дел Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, в который входили представители пяти научных учреждений и обществ и шести министерств, превратился, фактически, в экспедиционный отдел Музея²⁸. Экспедиции комитета снаряжались во многом по инициативе Музея, в него же по большей части поступали и собранные материалы.

В. В. Радлову, имевшему заграничный диплом, по правилам того времени не позволялось читать лекции в университете. Он создал кружок, объединивший талантливую молодежь. Среди постоянных участников занятий кружка был Сергей Ефимович Малов (1900—1957) (рис. 23), вскоре ставший преданным учеником и научным последователем Радлова. Это было время острой научной дискуссии В. В. Радлова и В. Томсена относительно «алтайской» теории фонетики литературного языка древних уйгуров. «“Алтайская теория” В. В. Радлова остроумно опровергается В. Томсеном. Принимая поправки В. Томсена, В. В. Радлов, тем не менее ищет подтверждение и своей гипотезы. Он надеется найти ее в фонетике малоизученного языка желтых уйгуров провинции Ганьсу»²⁹. С этой целью Радлов изыскал возможность послать в Китайский Туркестан своего ученика С. Е. Малова, и эти экспедиции (1909—1911 гг. и 1913—1915 гг.) оказались необычайно продуктивными. В ходе поездок Малов собрал богатый и разнообразный материал по фольклору и этнографии (его коллекции хранятся в МАЭ)³⁰, сделал многочисленные лингвистические записи, которыми пользовался всю жизнь. Однако важнейшая находка была сделана в 1909 г. в одном из буддийских храмов селения Вунфыгу Малов обнаружил почти полный список древнеуйгурской рукописи «Золотой блеск» (*Алтун йарук*). Эта рукопись дала ученым уникальные исследовательские материалы. Осуществленная В. В. Радловым и С. Е. Маловым публикация памятника древнеуйгурским шрифтом стала одним из важнейших событий мировой науки той поры³¹.

После смерти Радлова С. Е. Малов продолжил работу над текстами из Китайского Туркестана, в частности завершил работу над знаменитым изданием

had rich scientific connections in Europe and was held in great respect among the governmental and business circles, and yet he truly was a man of broad interests, who was always ready for unusual personnel decisions. He did not only close his own eyes to the political past and views of his colleagues, but he also strived for the same attitude from the representatives of the state and Academy's administration. In order to accept Lev Sternberg for employment in 1901, the Academy of Sciences obtained a three-month living permit in the capital after much effort. “And every three months either Radloff or Zalemann, both members of Academy, went to the then Security Department for the purpose of obtaining an extension for the permit. The matter with Lev Yakovlevich was that there were two indelible ‘shameful stains’ on him: first of all, he was a revolutionary and a political criminal; and second of all, he was a Jew, a Jew without a diploma of higher education”²⁷.

That sort of placement of personnel did not hinder Radloff from forming “The Board of Trustees of the Emperor Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography”. Prince Alexander Georgyevich Romanovskii, the Duke of Lichtenberg was chosen to be its honourable chairman, and a number of prominent manufacturers and patrons of art — its members.

A complete lack of the corresponding funding did not bother the unfolding of the expedition activities. Thanks to Radloff, the Russian Committee for the study of the Central and Eastern Asia, that was under the jurisdiction of the Ministry of Foreign Affairs and which included the representatives of five scientific institutes and societies and six ministries, practically turned into an expedition department of the Museum. In many respects the expeditions of the Committee were equipped on the initiative of the Museum²⁸, and for the most part the collected materials were admitted into the Museum, too.

Radloff, who had a foreign diploma, was not permitted to give lectures in Russian universities, as was the rule of those times. So he formed a circle, a study group which united talented youth. Among the steady participants of the study group was Sergey Efimovich Malov (1900—1957) (fig. 23), who soon became a faithful student and scientific follower of Radloff. It was the time of the sharp scientific discussion of Radloff and Wilhelm Thomsen on the subject of the “Altai theory” of the phonetics of the literary language of the ancient Uyghurs. “The ‘Altai theory’ of Radloff was wittily rebutted by Thomsen. Taking the corrections of Thomsen, Radloff, however, continues to seek confirmation of his hypothesis. He is hoping to find it in the phonetics of the little-studied language of the yellow Uyghurs of the Gansu Province”²⁹. With that end in view, Radloff was looking for an opportunity to send his student Sergey Malov into Chinese Turkestan, and those expeditions (1909—1911 and 1913—1915) turned out to be very fruitful. In the course of the journeys Malov collected rich and manifold material on the folklore and ethnography (his collections are preserved in the MAE)³⁰ and made a great deal of linguistic notes, which he used for the rest of his life. His main discovery, though, was made

23

in 1909: in one of the Buddhist temples in the village Wongfengu Malov discovered almost a complete ancient Uyghur manuscript “The Golden Light” (*Altun Yaruk*). That manuscript gave scholars paramount research materials. The publication of that monument in ancient Uyghur script, accomplished by Radloff and Malov, became one of the most important events in the world science of those times³¹.

After Radloff passed away, Sergey Malov continued working on the texts from Chinese Turkestan; particularly he completed working on the renowned publication “The Monuments of the Language of Uyghurs”, which was not finished by his

24

«Памятники языка уйгуров», не доведенным до конца учителем. «Любопытна история этой книги. Целым рядом немецких экспедиций в первые годы XX века преимущественно в Турфанском оазисе на Западе Китая было открыто большое количество древнеуйгурских памятников юридического и другого содержания. В Германии эти рукописи ученые прочитать не смогли и приехали для расшифровки к Радлову в Россию. В. В. Радлов успешно справился с этой задачей, но книгу опубликовать не успел. Ее издание перешло в руки С. Е. Малова. Под его редакцией и с добавлением очень ценных словаря и при-

мечаний была написана книга «Uigurische Sprachdenkmaler», знаменая собой огромное достижение русской филологической науки в области изучения памятников языка древних уйгуров»³². Круг научных интересов С. Е. Малова, сформированный Радловым, был необычайно широк — от рунических памятников до современных тюркских языков. В 1939 г. его избирают членом-корреспондентом АН СССР³³.

Работа над изучением «Сутры Золотого блеска» была блестяще продолжена Эдхамом Рахимовичем Тенишевым, молодым учеником Малова, выпускником Восточного факультета ЛГУ. Грамматическому изучению памятника была посвящена его диссертационная работа озаглавленная: «Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск»» (1953 г.)

В 1956 г. Э. Р. Тенишев был командирован президиумом АН СССР в Китай для оказания помощи в описании неизученных тюркских языков (рис. 24—28). Им были совершены три экспедиции в труднодоступные районы Западного Китая (Синьцзян — 1956, Циньхай — 1957 и Сюньхуа — 1958) с целью сбора лингвистического, фольклорного и этнографического материалов. Во время поездки к желтым уйгурам Тенишев встретился с внуком помощника С. Е. Малова — Сыптым Намырджалом. Тот бережно хранил небольшой котел Малова (рис. 29) и фотографию деда, сделанную русским ученым. Был еще жив и другой помощник Малова, 76-летний Занву. Он бережно хранил бумагу, оставленную Маловым, на которой записал священные тибетские тексты³⁴. Позднее, Тенишев, как некогда и Малов, подготовит к печати книгу своего учителя³⁵.

25

26

teacher. «The history of this book is very interesting. A series of German expeditions in the first years of the 20th century predominantly in the Turfan Oasis in the Western China discovered a large number of ancient Uyghur monuments of juridical content and not only. In Germany those manuscripts could not be read by the scholars, and so they came to Radloff in Russia for help in decoding those. Radloff successfully coped with the task, but he did not have time to publish the book. Its publication, therefore, passed into the hands of Malov. Under his editorship and with his addition of very valuable vocabulary and footnotes a book was written, «Uigurische Sprachdenkmaler», marking a tremendous achievement of Russian philological science in the field of studying the monuments of the language of ancient Uyghurs»³². The circle of scientific interests of Sergey Malov, formed by Radloff, was incredibly broad — from runic monuments to modern Turkic languages. In 1939 he was selected as a corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR³³.

The work on studying «The Golden Light Sutra» was brilliantly continued by Edham Rahimovich Tennishev, a young student of Malov, a graduate of the Oriental Department of Leningrad State University. His dissertational thesis titled «Grammatical Essay of the ancient Uyghur language based on the literary work «The Golden Light»» (1953) was dedicated to the grammatical study of the monument.

In 1956 Tennishev was sent to China by the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR in order to assist in the description of the little-studied Turkic languages (figs. 24—28). He made three expeditions in the regions of Western China difficult of access in those times (Xinjiang in 1956, Qinghai in 1957 and Xun-

29

hua in 1958) with the purpose of collecting linguistic, folklore and ethnographic materials. During his journey to the yellow Uyghurs Tennishev met the grandson of Malov's assistant — Syptym Namyrjal. With great care he kept a small cauldron of Malov (fig. 29) and the photograph of his grandfather taken by the Russian scholar. Also, another helper of Malov was still alive, Zangwu of 76 years old. He solicitously kept the paper left by Malov, on which Zangwu had written some sacred Tibetan texts³⁴. Later Tennishev, as well as formerly did Malov, will prepare a book of his teacher for publication³⁵.

27

28

САЛАРЫ SALARS

30

Однако по-настоящему счастливой оказалась поездка Тенишева к саларам. И здесь в русской науке уже существовала своя традиция. Еще в 1859 г. о. Палладий (Кафаров), автор статьи «О магометанах Китая», опубликованной в IV томе «Трудов Пекинской духовной миссии» писал: «В Северо-Западном углу внутреннего Китая, рядом с первобытными обитателями края, полудикими тангутами, обитает магометанская колония уйгуров (из Хамило), по месту жительства называемых салар, а про жилищам — черноюртнюю. Со времени монгольского владычества саларцы имели свое управление в лице наследственного тысячника. По вере и религиозным обычаям они близки более к китайским магометанам, чем к туркестанцам, и, если и сохранили некоторые особенности в этом отношении, то это произошло от разобщенного положения их. Разделялись они на 12 гунов (кочевьев или родов — неизвестно), из которых в каждом был свой особый глава, духовный; кроме того был над всеми высший, особый глава веры»³⁶.

В 1884 г. по саларским землям провинции Ганьсу уже проходила экспедиция Григория Николаевича Потанина (1835—1920), обратившего внимание на ряд важнейших элементов истории и культуры этого народа: «...почти все время пребывания провел в записывании саларских слов. Это я считал необходимым сделать ввиду того, что точных сведений о том, каким языком говорят салары, не было. О существовании саларов было известно давно, было также известно, что они мусульмане, и ориенталисты признавали их за тюрков, но не было точно определено место их жительства, не было также записано ни одного саларского слова. У Пржевальского они были даже включены в состав тангутов; правда, есть тангутившиеся салары, но едва ли под саларамы Пржевальского следует понимать только этих, а не всех саларов»³⁷.

«...Мы прошли вдоль всей линии саларских деревень, лежащих к востоку от Сюн-хуа-тина [Сюньхуатин]; часть саларов живет и к западу от Сюн-хуа-тина.

Кроме этих, сюн-хуа-тинских саларов, живущих на правом берегу Желтой реки, есть еще салары на левом берегу, около города Баян-жун [Баянжун]. Эти последние утратили свой родной турецкий язык и говорят по-тангутски, хотя веру исповедуют мусульманскую...

Салары говорят тюркским языком, который они сохранили в лучшей чистоте, чем широнголы свой монгольский... Живут салары в фанзах, сложенных из сырцового кирпича. Управляются, по общему отзыву соседей, ахунами; но есть у них и тусы, т. е. родовые старейшины, как и у широнголов. Все салары мусульмане; мечети (по-саларски мишт) — китайской архитектуры, похожи с виду на кумирни; крыши украшены драконами, на стенах барельефы, изображающие львов и тигров. Главное здание квадратное; в стороне от него отдельно — минарет, также с китайской крышей. Мусульманские книги получают из Шанхая. Для письма салары употребляют тюркскую азбуку. Я видел у саларов и рукописи тюркского письма. В саларской земле есть почитаемая

However, the happiest journey of Tenishev was his trip to the Salars. And here also the Russian science had its own tradition. Back in 1859 Father Paladiy (Kafarov), the author of the article "On Mohammedans of China", published in the 4th volume of "The Works of Beijing Spiritual Mission", wrote: "In the north-western corner of the Inner China, near the primitive inhabitants of the land, semi-barbarian Tanguts, dwells a Mohammedan colony of Uyghurs (from Hamilo), who are called the Salars according to their place of residence and the Black Yurts — according to their living quarters. From the times of Mongol dominion the Salars had their own government in the person of the hereditary head of a thousand. In the matters of faith and religious customs they are much closer to the Chinese Mohammedans than to the inhabitants of Turkestan, and if they did preserve some peculiarities in this regard then it has to do with their disconnected situation. They were divided into 12 guns (whether camps or clans, it is unknown), and each had its own spiritual head; and they also had a supreme head, a supreme spiritual head"³⁶.

In 1884 the Salar lands of the Gansu Province already saw an expedition, that of Grigoriy Nikolaevich Potanin (1835—1920), who paid attention to a series of important elements of the history and culture of the people:

"...I devoted almost all the time of my sojourn to the writing of the Salar words. I considered it necessary in view of the fact that there were no accurate data in regards to the language the Salars spoke. Of the Salar existence we knew for a long time now; and we also knew that they were Muslims, and the Orientalists considered them to be Turks. But their place of residence had not been identified accurately, and no Salar word had been recorded. Przhevalsky had them included as part of the Tanguts; and yes, it is true that there are some Tangutated Salars, but under the Salars of Przhevalsky we hardly ought to see only those Salars and not all of the Salars"³⁷.

"... We went along the line of all of the Salar villages situated to the east of Xunhuating; some of Salars dwell to the west of Xunhuating, too.

Apart from these Salars of Xunhuating that live on the right bank of the Yellow River, there are also the Salars of the left bank, nearby the town of Baiyangrong. The latter lost their native Turkish language and they speak Tangut language, even though they profess Islam <...>.

The Salars speak a Turkic language, which they preserved in much purer form than the Shirongols did their Mongol language. <...> The Salars lives in fanzhas made of mudbricks. They are governed, by all accounts of the neighbours, by akhunds; but they also have tus (sing.), i. e. ancestral elders, just as the Shirongols have. All of the Salars are Muslims; their mosques (misht in Salar language) built in Chinese architectural style, and by sight they look like joss-houses; their roofs are adorned with dragons and bas-reliefs on the walls depict lions and tigers. The main building is square; aside from it, separately, stands minaret, also with a Chinese roof. The Muslim books are received from Shanghai. For their writing

мусульманская святыня, останки какого-то Ангури-шейха; они хранятся в пещере, находящейся в отвесной скале к западу от Сюн-хуа-тина; поднимаются ко входу в пещеру по крутой и опасной лестнице, подвешенной к скале; мусульмане уверяют, что по этой лестнице без дурных последствий может подняться только человек с благочестивой мыслью; в противном случае человек падает со значительной высоты и разбивается. Об этом святом также рассказывают, что он мог в ночь слетать на богомолье в Самарканд.

Салары сохранили предание, что они пришли в край из Самарканда; впрочем, это предание рассказывают о себе и другие китайские мусульмане, как, например, жители городов Гуй-хуа-чена [Гуйхуачэн] и Нин-ся [Нинся]. Салары говорят, что их предки были за воровство скота изгнаны с их прежней родины; изгнанные, они шли до тех пор, пока шел, не останавливаясь, верблюд, на котором были навьючены их пожитки. Верблюд остановился в нынешней саларской земле; тут предки саларов и поселились»³⁸.

В 1893 г. Ф. Поярковым и В. Ладыгиним был опубликован подробнейший этнографический очерк, посвященный саларам. Он основан на опросе двух саларов, зазимовавших в 1892 г. по дороге в Мекку в Токмаке и Бишкеке на Севере Киргизии. Очерк включает в себя географическую и статистическую информацию о расселении саларов, легенду об их переселении, описание традиционного жилища, одежды, пищевых предпочтений, образа жизни и взаимоотношений с соседями, свадебного ритуала, родов, похорон и поминок, системы традиционных фамилий и структуры светских и религиозных властей, сравнительного уровня жизни, прав наследства, преступлений и наказаний, верований в добрых и злых духов. Отдельно представлены антропологические черты саларов и описание их языка, включая словарик общеупотребительной лексики³⁹.

Во время своей поездки 1958 г. высокопрофессиональный тюрколог Тенишев смог собрать уникальные материалы, которые не только легли в основу докторской диссертации⁴⁰, окончательно определившей статус саларского языка, прежде рассматривавшегося как уйгурский или туркменский диалект, но и позволили написать серию блестящих исследовательских работ⁴¹. Саларские материалы стали важным элементом в теории языковых союзов — темы, которая составила одно из ключевых направлений теоретических исследований Тенишева. Здесь же важно отметить, что вслед за В. В. Радловым и С. Е. Маловым Тенишев видел в сохранившихся текстах древних тюркских памятников «воплощение наддиалектального и единого для ряда племен и народов языка»⁴². Во многом благодаря новаторским результатам изучения языка и культуры саларов Э. Р. Тенишев был избран членом-корреспондентом АН СССР⁴³.

Сегодня салары — небольшой (около 110 тыс. человек) народ, живущий в юго-восточной части китайской провинции Цинхай близ истоков трех великих азиатских рек — Хуанхэ, Янцзы и Меконга (рис. 30—32). Здесь образо-

ван саларский автономный уезд, и именно здесь производится и развозится по всему мусульманскому миру едва ли не восемьдесят процентов традиционных шапочек для намаза.

Из окна нашего автобуса видно несколько поясов гор. Ближайшие к нам — красно-бурые, дальние — темно-серые. Вдоль улиц — арыки, обсаженные карагачем и ивой. В каждом дворе (от монашеской кельи до дорогого ресторана) — «солнечный кипятильник»: ориентируешь зеркальную тарелку на солнце, ставишь чайник и через десять минут кипятков готов. Здесь засеяно и тщательно обработано все, что можно засеять и обработать, каждый крохотный клочок земли.

Салары КНР — народ огузского, южнотюркского происхождения. Их самоназвание существует в различных вариантах: *салар*, *салор*, *салыр*, *салир*, *сала*, *салацу* (последнее — на китайском языке), и относится к числу огузских племенных наименований⁴⁴. Оно и сегодня встречается у туркмен Старо-Чарджуйского, Серахского и Керкинского районов Республики Туркменистан. *Салгур*, древнейшая форма этнонима, зафиксирована Махмудом Кашгарским (XI в.), в вариантах *салур* или *салор* он встречается у Рашид ад-Дина, (XIV в.) и Абу ал-Гази (XVII в.). Тюркский эпос свидетельствует о том, что салоры обладали значительным влиянием среди огузов. Это, по-видимому, объяснялось их близостью в легендарной родословной к герою-прародителю Огуз-кагану, важной ролью, которую им довелось сыграть в процессе исламизации туркмен, и, конечно их военной мощью и богатством.

Начав движение из дельты Амударьи и Сырдарьи, волна переселения докатилась до прикаспийских территорий, и далее — на Запад⁴⁵, вплоть до Малой Азии. Здесь салоры растворились, оставив свой след в топонимах Восточной Анатолии.

Еще в XI в. часть племен ушла в Хорасан, Ирак и Фарс, другая впоследствии оказалась на восточном побережье Каспия, частью пройдя через Крым и Поволжье. В XIV в. подразделения салоров жили в Прикаспии (Мангышлак), на плато Усть-Юрт и в предгорьях Балхан⁴⁶. Катастрофические засухи XVII в. вынудили салоров мигрировать в пределы Хивинского ханства и Бухарского эмирата...

Еще до заселения огузами прикаспийских земель их часть осела к северу Самарканда в соседстве с кыпчакскими племенами, и вплоть до начала XIX в. салоры, жившие неподалеку от Самарканда, сохраняли свое самоназвание⁴⁷. Сегодня их потомками являются туркмены Самаркандской области (Нуратинский и Кошрабатский районы), фактически ассимилированные узбекским окружением.

Китайские хроники упоминают о переселении саларов в китайские пределы в первые годы правления династии Мин (1368—1644). Салары свято верят, что в беспокойном XIV веке два брата-прародителя, Ахман и Караман⁴⁸

they use Turkic alphabet. In fact I saw manuscripts in the Turkic alphabet in Salars' possession. There is a venerated Muslim shrine in the Salar lands, the remains of some Anguri-shaykh. They are preserved in the cave in the vertical cliff to the west of Xunhuating. To enter the cave one must climb up a steep ladder suspended to the cliff. Muslims are convinced that only a man with pious mind can climb up the ladder without any bad consequence; otherwise, a man falls down from a significant height to his death. This saint is also attributed the legend that he could fly on pilgrimage to Samarqand in one night.

The Salars preserved a legend of their migration from Samarqand. This legend, however, is also told by other Chinese Muslims, for example, the inhabitants of Guihua District and Ningxia. The Salars say that their ancestors were banished from their former lands for cattle-stealing; exiled, they walked for as long as the camel loaded with their belongings walked. The camel stopped at the current Salar lands; and that was where the Salar ancestors settled³⁸.

In 1893 F. Poyarkov and V. Ladygin published a detailed ethnographic essay dedicated to the Salars. It was based on the survey of two Salars who spent the winter of 1892 in Tokmak and Bishkek in the north of Kirghizia on their way to Mecca. The essay includes geographical and statistical data about the settling of the Salars, their migration legend, description of their traditional living premises, clothing, feeding preferences, their way of life and relationships with their neighbours, wedding rituals, births, funerals and wakes, the system of traditional name-making and structures of secular and religious authorities, comparative level of living, rights to inheritance, punishments for the crimes, beliefs in good and evil spirits. Anthropological features of the Salars and the description of their language along with a dictionary of widely used vocabulary were presented separately³⁹.

During his journey in 1958 a highly professional Turkologist, Tenishev, could gather unique materials, which did not only underlie his doctorate dissertation⁴⁰, which once and for all determined the status of Salar language, which prior had been considered to be an Uyghur or a Turkmen dialect, but also allowed him to write a series of brilliant research works⁴¹. The Salar materials became an important element in the theory of the language unions — the theme, which formed one of the key directions of the theoretic researches of Tenishev. It is also important to note here that following the conviction of Radloff and Malov, Tenishev saw “the embodiment of over-dialectal and common language for a series of tribes and peoples”⁴² in the preserved texts of the ancient Turkic monuments. It was mainly due to his innovative results in the study of the language and culture of the Salars Tenishev was selected as a corresponding member of the Academy of Sciences of USSR⁴³.

Today Salars are a small ethnic group (about 110 thousand people), the majority of which lives on the narrow highlands to the right hand of Huanghe River, in the south-eastern part of Qinghai close to the heads of three great Asian rivers — Huanghe, Yangtze and Mekong (figs. 30—32). The Salar Autonomous Region

has been established there. Almost eighty percent of traditional *namaz* caps are produced there and are delivered all over the Muslim world.

From the windows of our expedition bus we can see several mountain belts. The closest to us are red brown, the farthest are dark grey. There are *aryqs* along the streets; elms and willows are planted all around them. Each court — from a monk's cell to an expensive restaurant — has a “sun boiler”. One orients concrete plate pasted with mirrors towards the sun, places kettle and within ten minutes water is boiling. Every bit of the land is sown and diligently cultivated is everything that can be used for sowing and cultivation, every little bit of land.

The Salars of the PRC are a people of the Oghuz, South Turkic origin. Their self-designation exists in various forms: *Salar*, *Salor*, *Salyr*, *Salir*, *Sala*, *Salazu* (the latter is their Chinese name), and it relates to the Oghuz tribal names⁴⁴. Even today one may find it among the Turkmens of the Old Chardzhou, Serahs and Kerki regions of the Republic of Turkmenistan. *Salgur*, the oldest form of the ethnicon, was noted by Mahmud of Kashgharia (11th century); the *Salur* or *Salor* readings one may find it in the works of Rashid al-Din (14th century) and Abu al-Ghazi (17th century). The Turkic epos testifies to the fact that the Salors had a great impact among the Oghuz. That apparently was explained by their closeness to the heroic forefather Oghuz Khaqan in their legendary genealogy by the important role they played in the process of Turkmen Islamization, and, of course, by their wealth and military power.

Starting from the Amu Darya and Syr Darya delta area, the waves of migration rolled to the pre-Caspian territories and then further west⁴⁵, all the way to the Asia Minor. There the Salors dissolved, having left their trace in the toponyms of Eastern Anatolia.

Back in the 11th century part of the tribes left for Khorasan, Iraq and Fars; yet another part consequently left for the West shore of Caspian see having gone through Crimea and Volga Region. In the 14th century the Salor subdivisions lived in the pre-Caspian area (Mangyshlak), on the Ustyurt Plateau and in the foothills of Balkhan⁴⁶. The catastrophic droughts in the 17th century forced the Salors to migrate within the bounds of Khiwa and Bukhara...

Even before the Oghuz settled in the pre-Caspian lands some of them settled in the region north of Samarqand in the neighbourhood of the Kypchak tribes, and right up to the 19th century the Salors, who lived not far from Samarqand, retained their self-designation⁴⁷. Today their neighbours are the Turkmens of the Samarqand region (Nurata and Koshrobot districts), practically assimilated by the Uzbek environment.

The Chinese chronicles mention the Salar migration into the Chinese boundaries in the first years of the Ming Dynasty's rule (1368—1644). The Salars sacredly believe that in the uneasy 14th century two ancestor brothers Akhman and Qaraman⁴⁸ (“Qaramanov Brothers”, as noted by one of our expedition members, Dmitriy

«братья Карамановы», по замечанию участника нашей экспедиции Дмитрия Шнеерсона) переселись сюда из Самарканда⁴⁹. В различных версиях сказания сохраняется неизменной дата поселения сорока саларских семей на новом месте — 1370 год.

Белая верблюдица, спасшая братьев и оборотившаяся в камень, стала национальным символом страны. Рукопись Корана, принесенная по преданию братьями, — другая важнейшая святыня саларов⁵⁰. Ее считают старейшим кораническим списком в Китае (рис. 33—34). Собственно, легенда о верблюдице и древней рукописи, во многом повторяющая предание о переселении в пределы современного Узбекистана группы арабских племен, и привела нас сюда.

31

32

Shneerson) have moved there from Samarqand⁴⁹. Different legend versions agree in the year of 1370 as the date of appearance of forty Salar families at their new dwelling place.

The white she-camel that rescued both brothers and turned itself into stone became a national symbol of the country. We are reminded of it with a white marble sculpture in Xunhua — a kneeling two-humped she-camel with a saddle-bag containing the Sacred Book. The copy is acknowledged as the oldest in China (figs. 33—34)⁵⁰. In fact the legend of the she-camel and ancient manuscript, which in many respects repeats the legend of a group of Arabic tribes migrating into the territory of modern-day Uzbekistan, had brought us there.

33

34

Похожая легенда (рис. 35) связана с мавзолеем Мухаммада Садика, наиболее почитаемого святого (*вали*) братства 'ишкийя. Мавзолей расположен в поселении Катта-Лангар (100 км к югу от Самарканда, в ущелье Кок-Су, в отрогах Зарафшанского хребта)⁵¹. По словам полковника российского Генерального штаба Белявского, дважды побывавшего тут во время производившейся им в 1889 г. рекогносцировки восточных районов Бухарского эмирата, «Лянгар, Бова-шады и Тут-ак составляют как бы святые горы Бухары. Благочестивые мусульмане, придя на поклонение, не ограничиваются поклонением Лянгару, а посещают также Бова-шады и Тут-ак»⁵².

Согласно интересующей нас легенде, когда катта-лангарский *вали* Мухаммад Садик, был молодым *муридом*, в его обязанности входили подогревание и подача своему учителю теплой воды для предмолитвенных омовений. Однажды он обнаружил отсутствие топлива, положил *кумган* с холодной водой себе под мышку и заснул: свершилось чудо — вода вскипела. Учитель, обожженный горячей водой, понял, что его *мурид* достиг *хакиката*, последнего этапа мистического пути, и со словами: «Нам вдвоем здесь делать нечего», — велел ему искать другое место для жизни и проповеди. На прощание учитель сказал: «Пусть будет местом твоего постоянного пребывания то, где верблюд твой упадет от усталости и не встанет в течение трех дней». Послушный Мухаммад Садик долго блуждал по стране в поисках подходящего места для своего *лангара*. В одном месте верблюд, который с одной стороны от седла нес сундучок со священным списком Корана, а с другой — с *хиркой* пророка, упал от усталости и, пролежав один день, двинулся дальше, в другом месте пролежал два дня, и, лишь дойдя до территории будущего Катта-Лангара, животное в изнеможении лежало трое суток⁵³.

Именно так по преданию в Катта-Лангаре оказалась одна из древнейших рукописей Корана в мире. На протяжении веков она была объектом самого глубокого почитания поколений мусульман как «Коран 'Усмана», первописок Священного текста.

Так там оказалась и другая мусульманская святыня — *хирке-йи мубарак* («благословенная плащаница»), накидка, якобы принадлежавшая прежде пророку Мухаммаду и ставшая в исламе одним из символов верховной власти.

Исследования показывают, что с легендой о переселении Мухаммада Садика прямо соотносится предание о переселении в этот район группы арабских племен. Согласно этому преданию, бытующему как среди самих кашкадарьинских арабов, так и среди их соседей, в то же время по решению Тимура в этот район в наказание были переселены арабские племена, чьи предки обвинялись в том, что они принимали участие в убиении внуков пророка Хасана и Хусайна. По одной из версий предания об этом переселении, арабы были направлены Тимуром «в Китай», и лишь заступничество Мир Хайдара, бывшего якобы религиозным наставником грозного владыки, позволило поселить их в районе Гиссара и Карши. С другой стороны, в одной из версий легенды о переселении

The similar legend (fig. 35) is connected with the *mazar* of Muhammad Sadiq the most venerated *wali* of 'Ishqiyya brotherhood in Katta-Langar⁵¹. It is located 100 km to the south of Samarqand, in the Kuk-su ravine on a spur of the Zarafshan mountain range. According to Belyavsky, a colonel of the Russian General Staff who was there twice in 1889 in the course of a reconnaissance mission in the eastern regions of the Bukharan emirate, "Langar, Bowa-shadi and Tut-ak make up the sacred mountains of Bukhara ... Pious Muslims who come to venerate the place do not limit themselves to the veneration of Langar, but visit Bowa-shadi and Tut-ak as well"⁵².

An interesting legend deals with the resettlement of Muhammad Sadiq, the Katta-Langar saint (*wali*). When he was a young *murid*, his duties included heating water and serving it to his teacher for the ablutions which preceded prayer. Once he discovered that there was no fuel to heat the water; he placed the *qumghan* with cold water under his arm and fell asleep. A miracle occurred and the water came to a boil. His teacher, scalded by the hot water, realized that his *murid* had attained *haqiqqa*, the final stage of the mystical path. Saying, "there is no reason for us to remain together here", he ordered his pupil to find a new place to live and preach. His teacher said in parting: "May the place of your permanent residence be the place where your camel falls from exhaustion and does not rise for three days". The obedient Muhammad Sadiq wandered the land in search of an appropriate location for his *langar*. At one point, his camel, which carried a saddle-bag with the sacred copy of the Qur'an on one side and the *khirqqa* of the Prophet on the other, fell from exhaustion. But after resting for a day, it continued. In another place, it lay for two days. It was only upon reaching the territory of the future Katta-Langar that the animal lay exhausted for three days⁵³.

This was the way how according to the legend one of the world oldest Qur'anic copies appeared in Katta-Langar. Generations of Muslims for centuries venerated it as the very first copy of the Sacred Text — "the Qur'an of 'Uthman". Another sacred relic *khirqe-ye mubarak* ("blessed shroud") which was supposed to have belonged to Muhammad himself and which became one of the symbols of the supreme power in Islam travelled together with the holy Qur'anic copy.

Extant traditions link the resettlement of the Arabs to Ma wara' al-nahr with Timur's decision to punish the Arab tribes whose ancestors had been accused of murdering Hasan and Husayn, the Prophet grandsons. According to one version of the tradition, Timur directed the Arabs "to China", and only the intercession of Mir Haydar, allegedly the religious mentor of the mighty and terrible ruler, allowed them to be settled in the area of Gissar (Hisar) and Qarshi. From the other side one of the versions of the legend describing Salar migrations to China quite suddenly alleges that Salar ancestors once had been living in the "country called Emen or Yemen"⁵⁴. Here in Yemen one has to find the ancestral home of the Arabs living now in Qarshi area in Uzbekistan⁵⁵.

саларов в китайские пределы вполне неожиданно говорится о том, что их предки некогда жили «в местности, называемой Емен или Йемен»⁵⁴. Сюда же, в Йемен, следует отнести и прародину арабов, живущих ныне в районе Карши⁵⁵.

Из ряда исторических источников известно, что в 1513 г. узбекские султаны, занявшие перед тем северный Хорасан и Балх, вынуждены были очищать захваченные области. Султан ‘Убайдулла переселил в Бухару жителей Мерва, а Джанибек-султан — через Амударью в свой удел жителей Балха, Шибиргана и Андхоя, района в северном Афганистане⁵⁶, где жили арабы. Документы показывают, что переселенцы нуждались в покровителе на новом месте, при этом существовало и понятие «плата за заботу» (*ихтимам*)⁵⁷. Легенда о долгом путешествии и изможденном верблюде отразила многомесячный путь переселенцев, а старинный список Корана стал «платой за заботу».

В предании о строительстве мечети в Катта-Лангаре, рассказанном мне ее имамом ‘Абд ал-Джаббаром б. Ибрахимом, постоянно подчеркивается, что мечеть строилась коллективно, каждое из соседствующих с местом строительства племен отвечало за тот или иной аспект строительства: заготовку или подвоз стройматериалов, предоставление скота и приготовление пищи для нужд строителей и т. п. Смыслом строительства мечети, начатого всего через несколько лет после переселения, было объединение мусульман независимо от их этнического происхождения. Тем самым переселенцы интегрировались в местную среду⁵⁸.

Содержательное совпадение легенд, единство времени и места, несомненно, свидетельствует о культурном взаимодействии. Эти легенды помогут нам понять, что же все-таки происходило в огромном центральноазиатском «котле» во время, переломное в истории многих народов, шедших по пути переселения проверенными маршрутами Великого шелкового пути.

Эти маршруты были для саларов по-настоящему своими. После ухода с исторической арены согдийцев и на протяжении многих веков они частично контролировали эти пути, служили проводниками и охраной торговых караванов.

Письменных источников по истории саларов (салоров) практически не сохранилось. Е. Г. Царева блестяще показала возможность и важность анализа техники производства, цветовой гаммы и орнаментики ковровых изделий для исследования этнокультурной истории народов Средней Азии⁵⁹. В этой связи важно, что салоры — племя, которое сами туркмены называли родоначальниками ковроткачества. Сегодня, имеющийся комплекс источников показывает нам, что салоры неоднократно пересекались с арабами в районе Средней Амударьи. Как отмечает Е. Г. Царева «в IX в., когда они пришли сюда первый раз, в этом районе еще существовало значительное неассимилированное арабское население. В XI в., примкнув к сельджукам, салоры продвинулись через Египет и Северную Африку до Испании, а потом — в своей обычной манере — тихо (и частично) откатились назад. Возвращались через Египет и Ирак. Часть, возможно, двигалась северным путем, в обход Каспия.

В XIV—XV вв. пришли на Среднюю Амударью в процессе заселения опустошенных монголами территорий. Во всех случаях они заселяли северную зону, не продвигаясь южнее Чарджоу. В XIV в. часть племени (возможно, не только салоры) переселилось в Нуратинское междугорье (по глухим сведениям, часть племени ушла туда еще в IX в., т. е. вновь прибывшие стали как обычно для племенных миграций “подселенцами”). Похоже, что на восток, в Китай, салоры продвигались именно через Нуратинское междугорье, возможно, под влиянием соприкосновения с китайцами, которых переселили в Мавераннахр монголы, и предварительно отправив в Предтибетье своих “разведчиков”. В районе Средней Амударьи как салоров, так и арабов было много, причем в северной зоне, вокруг и к северу от Чарджоу, они проживали чересполосно⁶⁰.

По-видимому, к концу XIV в. следует отнести появление в Предтибетье группы саларов-«первопроходцев». В течение столетия к ним подтягивались новые переселенцы, которые однажды и принесли рукопись Корана, показанную нам в 2008 г. По результатам, к сожалению, достаточно краткого осмотра, она представляет собой список среднеазиатской работы, который предположительно можно датировать XIV—XV вв. По-видимому, тогда же получила бытование и известная легенда о переселении родов-«первопроходцев», легенда, принесенная из района Самарканда — Карши и очень близкая той, что описывала переселение арабов.

Легенда эта стала, вероятно, равным достоянием нескольких этнических групп, «варившихся» в одно и то же время в одном центральноазиатском котле: «...предание это..., довольно распространено между здешними мусульманами. Я слышал его уже давно, и при том неоднократно, от татар и сартов, проживающих в селении Токмак»⁶¹ (т. е. в Чуйской долине между Тянь-Шанем и Киргизским Ала-Тоо, там, где издавна проходил знаменитый Чуйский тракт), — писал в 1893 г. Ф. Поярков. История о народе, который сквозь века, горы и пустыни прошел из далекого Йемена до Амударьи и принес с собой священный первоисписок Корана, западала в души слушателям суфийских шейхов и стала частью серии этногенетических преданий.

Сегодня сохранение идентичности саларов основано всего на нескольких факторах. Это саларский язык — язык внутрисемейного общения (с небольшим фольклорным корпусом на нем), предание о переселении, закрепленное свадебным ритуалом⁶², традиционный женский головной убор (*кейтма*), и, наконец, направление ислама, которое не только выделяет саларов из неисламского окружения, но и отличает их от других мусульман.

При этом, архитектурно-интерьерная среда (в том числе культовая), пищевые приоритеты, мужская, женская и детская повседневная одежда (за исключением *кейтмы*), язык общей культуры, образования и делового общения и проч. в результате длительного межэтнического общения практически полностью утратили национальную специфику.

In 1513, the Uzbek Sultans who had by then occupied northern Khorasan and Balkh were compelled to “cleanse” the areas they had conquered. Sultan ‘Ubaydallah resettled the residents of Marw to Bukhara, and Janibek resettled the residents of Balkh, Shuburghan and Andkhoy, a region in northern Afghanistan inhabited by Arabs⁵⁶, to his domain on the other side of the Amu Darya. Documents show that the migrants needed a patron in their new location; moreover, the concept of *ihitimam* (payment for care)⁵⁷ existed. The legend of the long journey and the exhausted camel reflected the migrants’ travels, and the ancient copy of the Qur’an was “payment for care”.

In the traditional tale of how the mosque was built in Katta-Langar, told to me by its *imam*, ‘Abd al-Jabbar b. Ibrahim it is constantly stressed that the mosque was constructed collectively, with each of the neighbouring tribes responsible for some “aspect” of the construction: preparing or delivering construction materials, providing livestock and cooking food for the builders, etc. The mosque, which they began to build only a few years after their move, was intended to unite Muslim regardless of their ethnic origins, and also to integrate the migrants into local society⁵⁸.

The coincidence of both legends in their place, time and content details undoubtedly speaks of cultural interaction. These legends will help us understand what exactly was happening in this enormous Central Asian “tank” in the times that were so critical in the history of many peoples that were going the way of migration according to the tested routes of the Great Silk Road.

These routes indeed belonged to the Salars. After Soghdians left the historical arena, they partially controlled of these routes for many centuries, where they served as guides and guards of the trade caravans.

There practically are no preserved written sources of the history of the Salars (Salors). Elena Tsareva brilliantly showed the possibility and significance of the analysis of the manufacture technique, colour spectrum and ornamentation of the carpet goods for the research of ethno-cultural history of the Central Asian peoples⁵⁹. Thereupon, it is important that the Salors are a tribe that the Turkmens referred to as the progenitors of carpet weaving. Today the existing complex of sources reveals that the Salars repeatedly crossed path with the Arabs in the region of the Middle Amu Darya. As Tsareva points out, that “when they came there for the first time in the 9th century, there was significant unassimilated Arabic population. In the 11th, having joined the Seljuqs, the Salor moved through Egypt and Northern Africa and on to Spain, and then — in their usual manner — quietly (and partially) fell back. They were returning through Egypt and Iraq. Part of them, perhaps, used the northern route, around the Caspian Sea.

In the 14th and the 15th centuries they arrived to the Middle Amu Darya in the process of settling the territories devastated by the Mongols. In all the known cases they settled the northern territories and did not proceed south past Chardzhou. In the 14th century part of the tribe (possibly not the Salors only) migrated to the

Nurata Valley (according to some unconfirmed reports, part of the tribe set off for that region back in the 9th century, in other words the arrived became ‘additional settlers’). It seems like the Salors advanced to the East, to China, namely through the Nurata Valley, perhaps, due to first coming in contact with the Chinese who were resettled to Ma wara’ al-Nahr by the Mongols, and having sent their ‘scouts’ to the Tibetan foothills. In the region of the Middle Amu Darya there were a lot of the Salors as well as the Arabs, and in the northern zone, around and to the north of Chardzhou they lived in a strip-farming manner⁶⁰.

Apparently, the emergence of the Salar “pioneers” in the Tibetan foothills ought to be related to the end of the 14th century. During the next century new settlers joined them, which once brought the manuscript of the Qur’an shown to us in 2008. As a result of, unfortunately, quite brief examination it presents a Central Asian work, which presumably dates back to the 14th—15th centuries. Apparently, the famous legend of the migration of the “pioneer” families was spread at the same time; the legend brought from the region of Samarqand — Qarshi, which is very close to the legend describing the migration of the Arabs.

This legend has, probably, equally become the property of several ethnic groups, simultaneously “cooking” in one and the same Central-Asian cauldron: “...this legend... is well spread among the Muslims of this place. I heard it long ago, and repeatedly at that — from the Tatars and the Sarts, living in the village of Tokmak”⁶¹ (i. e. in the Chui Valley between the Tian Shan and the Kirghiz Ala-Too, where the famous Chui route lay from of old), — wrote F. Poyarkov in 1893. The history of a nation, which through the centuries, mountains and deserts passed from distant Yemen to the Amu Darya and brought the sacred manuscript of the Qur’an, sank into the hearts of the listeners of the Sufi *shaykhs* and has become a part of the series of ethnogenetic legends.

Today the preservation of the Salar identity is based on only a few factors: the Salar language — the language of family fellowship (with a small folklore body to it); the legend of migration, strengthened by a wedding ritual⁶²; the traditional women’s headdress (*keyta*); and finally the school of Islam, which does not just set the Salars from among the non-Islamic environment, but also from other Muslims.

At the same time the architectural-interior environment (including the cultic one, too), the feeding preferences, men’s, women’s and children’s everyday clothing (with the exception of *keyta*), the language of common culture, education and business relations, and other aspects almost totally lost the national specifics as a result of lengthy interethnic relations.

ИСЛАМ И БУДДИЗМ В КИТАЕ ISLAM AND BUDDHISM IN CHINA

36

Одни и те же учителя несли свою проповедь уйгурам Китайского Туркестана и саларам, живущим в Предтибетье, но сегодня их ислам существенно различается (рис. 36). Первые ориентируются на мистико-аскетическую традицию в исламе, вторые сегодня в большей степени следуют течению, пропагандировавшему очищение ислама от внешних влияний и возврат к исконным ценностям. Именно этому течению журналисты и ученые охотно приписывают особую связь с исламским радикализмом. То, что такое утверждение несправедливо по отношению к саларам, подтверждает и их история, и интервью с Бай Юнь-сяном, *имамом* соборной мечети в саларской столице — г. Сюньхуа, которое мы записали в рамках проекта «Иджма' = Согласие».

Чрезвычайно интересно, что появление и постоянную подпитку здесь салафитских идей⁶³ можно рассматривать как часть мощных и малоизученных салафитских волн, периодически прокатывавшихся по всему мусульманскому миру и вызывавших ответную «суфийскую реакцию». С другой стороны — энергия суфийской проповеди часто наталкивалась на ответный рост популярности идей «очищения ислама от искажающих его новшеств». Вспомним, как в начале XX в. в России начиналась деятельность ваисовцев⁶⁴, как тогда же после продолжительной борьбы (1902—1932) создавалось салафитское королевство — Саудовская Аравия. Среди саларов салафитские идеи породили и соответствующую практику: могилы их святых прародителей сейчас едва ли не заброшены (рис. 37), на протяжении длительного времени действовал запрет на музыку⁶⁵. Возможно ли говорить о своеобразных «качелях», о цикличности в развитии в мусульманской среде «обращения к истокам» и к суфийским ценностям? В любом случае очень и очень важно, что саларская салафия не породила радикализма.

Ислам китайский, как и российский практически незнаком миру. Все слышали о напряженности в Синьцзяне и на Северном Кавказе, но мало знают о мощных гуманистических тенденциях, явленных как российским, так и китайским исламом в результате длительного взаимодействия различных культурных традиций. Салары, как и многие другие мусульманские общины Китая, издавна научились жить в мире и гармонии с людьми, составляющими громадное внешнее большинство, уважая и постигая основы древней китайской культуры. Собеседниками мусульманских ученых были даосские мудрецы, последователи Будды и Конфуция. Такие мусульманские мыслители, как Ван Дай-юй (ок. 1570 — ок. 1660) и Лю Чжи (ок. 1660 — ок. 1739), родившиеся, жившие и творившие в Китае, мыслили чрезвычайно широко, вполне признавая присутствие вечных истин у буддистов, даосов и конфуцианцев и создавая религиозно-философские труды, находившие признание у их оппонентов⁶⁶ (рис. 38—40).

Наше знакомство со страной саларов ознаменовалось и посещением буддистского монастыря Кумбум (Таэрсы) (рис. 41). Он был воздвигнут в 1577 г.

The same teachers preached the same message to the Uyghur of Chinese Turkestan and to the Salars, who lived in the Tibetan foothills, but today their Islam is drastically distinct (fig. 36). The first are more into the mystical ascetic traditions of Islam, today the latter follow the movement that was promulgating the cleansing of Islam of all the outside influences and returning it to its original values. This is the movement to which journalists and scholars attribute special bonds with Islamic radicalism. Both Salar history and a recent interview conducted as a part of the project “Ijma’ = Concord” with Bai Yun-xiang, *imam* of the Friday mosque in the Salar capital — Xunhua, proves this statement to be unfair.

It is of particular interest that the emergence and constant feeding of Salafi ideas⁶³ here could be considered as a part of vigorous and insufficiently explored Salafiyya waves sweeping the Muslim world and caused “Sufi response”. In return, the energy of Sufi preaching often ran against the rise of ideas of “Islam purification necessity from distorting new elements”. Let us remember the start of activities of Vaisov’s followers⁶⁴ in Russia at the same time, and simultaneously, the establishing after enduring struggle (1902—1932) of a Salafi Kingdom of Saudi Arabia. Salafi ideas among Salars have given birth to relevant practices — graves of their holy ancestors are almost totally abandoned (figs. 37) and for a long time music had been vetoed⁶⁵. Perhaps, we can talk about the peculiar “swing”, about cyclical nature of going “back to the roots” or towards “Sufi treasures” in Islam? But it is extremely important that Salar Salafiyya has not given birth to radicalism.

The world practically isn’t familiar with Chinese Islam as well as with Russian Islam. Many have heard of the tensions in Xinjiang and Northern Caucasia, but not many know of the mighty humanistic tendencies revealed by both Russian and Chinese Islam as a result of lengthy interaction of various cultural tendencies. The Salars, as many other Muslim communities in China, have learned to live in peace and harmony with people who comprise the neighbouring majority by respecting and perceiving the basics of Chinese culture. Tao sages, the followers of Confucius and Buddha, were the discourses of Muslim scholars.

Such Muslim thinkers as Wang Dai-yu (born ca. 1570, and died ca. 1660) and Liu Zhi (born ca. 1660, and died ca. 1739), who were born, lived and worked in China, thought widely enough, acknowledging the presence of eternal truths within Buddhism, Taoism and Confucianism, thus creating religious-philosophical works that found recognition with the circles of their opponents (figs. 38—40)⁶⁶.

Our introduction to the Salar region was also marked with our visitation of Kumbum (Taersi) Buddhist Monastery (fig. 41). Effectually located on the way from Tibet to Mongolia and China, this monastery was constructed in 1577 at the place of birth of the “Omniscient Teacher,” the great reformer of Tibetan Buddhism Je Tsongkhapa (1357—1419). Soon it became one of the six prime monasteries of Tibetan Buddhism.

37

на месте рождения «Всеведущего Учителя», великого реформатора тибетского буддизма Чже Цонкапы (1357—1419) и вскоре стал одним из шести важнейших монастырей тибетского буддизма. В 1885 г. монастырь посетил Г. Н. Потанин, оставивший многостраничное описание уклада монастырской жизни и важнейших праздников⁶⁷. Он, в частности, писал:

«В один из ближайших дней после нашего водворения от управителей монастыря были присланы ламы поздравить нас с приездом; они принесли ведро рисовой каши с изюмом и джумой и сказали, что это монастырь подносит нам дары местной природы. Как шю, “варенец”, составляет местную особенность в пище в монастыре Лабране, так для Гумбума такой особенностью служит джума — корешки растения гусиные лапки. Для наших сношений

38

с гумбумским начальством к нам был приставлен лама, который нам назвался Машен. Кажется, это было имя деревни, из которой он родом; настоящее свое имя он скрыл от нас, а мы не старались узнать его. Машен был замечателен тем, что год или два жил в Забайкалье среди бурят, видел, следовательно, русских людей и русские порядки, хвалил русское население за его богатство и добродушие и знал русское слово: “матушка”...

Гумбум — родина Цзонкавы; здесь, как уже сказано раньше, показывают дерево, выросшее на месте, где был зарыт послед, с которым родился Цзонкава⁶⁸...

В настоящее время монахов в Гумбуме насчитывается 2500—3000; во время Гюка, вероятно, их было немногим более, и цифра 7000, вероятно, преувеличенная. Гумбумская община состоит из трех национальных отделов: тангуты, широнголы и южные монголы. Каждая из этих национальностей, мне говорили, составляет треть всей общины... Гумбум служит сборным пунктом для караванов, отправляющихся из Монголии на богомолье в Лхассу. Они приходят в Гумбум в восьмой и девятой луне, а в марте выступают в дальнейший путь; некоторые, может быть, приходят и ранее с осени, по крайней мере, я, прибывши в Гумбум, уже нашел здесь монголов из Халхи, но это может быть отставшие от прошлогоднего весеннего каравана...

Как и в других монастырях, в Гумбуме много детей, посвященных в ламы и находящихся на обучении у старых лам. Они часто выходят на плоские крыши домов и репетируют нараспев выученные молитвы⁶⁹.

Как и много лет назад, в 2008 г. русскую экспедицию тепло встретили в монастыре. А-Ка (рис. 46) один из монахов, некогда получивший высшее светское образование в Синине, угощал нас чаем с ячьим маслом и цембой — местным десертом из толокна, кукурузной муки и сахара. Как и в прежние времена в монастыре было много прошедших длинный путь паломников, а среди послухников — много мальчишек.

В 1908 г. в монастыре Кумбум прошла вторая, особенно теплая, встреча П. К. Козлова с Далай-ламой, позднее подробно им описанная. По просьбе Далай-ламы русский путешественник учил его секретаря Нагмана пользованию фотооборудованием. Фотографии, сделанные тогда, возможно хранятся сегодня в одном из архивов. Монастырь запомнился Козлову своей красотой и особой духовной атмосферой:

«Древние, солидные храмы снаружи роскошно блестят золочеными кровлями и ганчжирами, внутри же они богато обставлены историческими бурханами лучшего монгольского, тибетского и даже индийского изготовления.

Особенно пышен и чтим храм “Золотой субурган” (субурган — надгробие), перед которым молящиеся простираются ниц движением своих рук и ног, от времени, в дощатом полу паперти сделали большие углубления, в которые свободно помешаются передние части ступни с пальцами, и скользят руки при земных растяжных поклонах.

41

In 1885 the monastery was visited by G. N. Potanin, who left a multipage description of the way of monastery life and of the most important festivals⁶⁷. In particular he wrote:

“In one of the earlier days of our settlement the monastery rulers sent lamas to congratulate us with our arrival; they brought a bucket of boiled rice with raisins and juma and told us that the monastery sends us the gifts of local nature. Like shu, ‘varenets’, is a special dish in the Labrang Monastery, so is juma — the rootlets of Silverweed Cinquefoil — for Kumbum. For our dealings with the Kumbum authorities we were appointed a lama named Masheng. I think it was the name of the village where he was from; his true name he hid from us, and we did not try to find it out. Masheng was remarkable due to his living in Transbaykal among the Buryats for one or two years. Hence he knew Russian people and Russian manners; and he praised Russian people for their wealth and good-nature, and knew a Russian word for ‘mother’: ‘matushka’...

Kumbum is the motherland of Tsongkhapa. They show a tree, which has grown in the place where the placenta, with which Tsongkhapa was born, was buried⁶⁸...

At present time there are 2500—3000 monks in Kumbum; at the times of Huc, most likely, the number was a little higher, and 7000 is perhaps exaggerated. The Kumbum community is comprised of three national regions: Tanguts, Shy-rongols and southern Mongols. Each of these nationalities, I was said, comprises one third of the overall community. ...Kumbum serves as an assembly place for caravans, which leave for the pilgrimage to Lhasa from Mongolia. They reach Kumbum on the eight and on the ninth moon, and in March they set off for their further journey. Some perhaps get here before, from the autumn; at least when I arrived to Kumbum I already found some Mongols from Khalkha, but they could have been the left-behind from the last spring’s caravan...

39

There are a lot of children in Kumbum, just as in other monasteries, that are ordained into lamas; they are studying under the older lamas. Oftentimes they come out onto flat roofs of the buildings and practice chanting their learned prayers⁶⁹.

Just like many years ago, the Russian expedition of 2008 was well received. A-Ка (figs. 46), one of the monks who once received a secular education in Xining,

40

42

Предание гласит, что на месте “Золотого субургана” в 1357-м году родился великий Цзонхава... и что здесь была пролита кровь от его пупка. Спустя три года, на этом самом месте, стало расти сандаловое дерево — “цан-дан”, на листьях которого были видны изображения божеств. Ныне это дерево, именуемое “сэрдон-чэнмо”, т. е. большое золотое дерево находится внутри субургана, занимая его пустоту...

В хорошем виде поддерживается и большой соборный храм, вмещающий до пяти тысяч молящихся. При вступлении на его паперть, меня поразили вид семи основательных плетей, развешанных по стене, причем, наиболее внушительная из них была украшена голубым хадаком. Эти плети, как передавали мне местные обитатели и старейшие из лам Гумбума, только и поддерживают должный уставный порядок монастыря среди монашествующей молодежи...

Красив и богат также храм, стоящий рядом с восемью белыми субурганами, по преданию построенный на месте спрятанного в землю послета ребенка, а впоследствии знаменитого реформатора буддизма Цзонхапы.

В Гумбуме Далай-лама остановился в особняке богатого тибетца, на западной окраине монастыря, на скате “западных высот”, откуда открывался вид почти на весь Гумбум и на отдаленные цепи гор, замыкавшие горизонт с юга... Как и все солидные тибетские дома — этот дом был обнесен высокой, глинобитной стеной, с парадным входом, охраняемым тибетскими парными часовыми» (рис. 42—45)⁷⁰.

Пятьюдесятью годами позднее в монастыре работал Э. Р. Тенишев, оставивший нам подробное описание своего посещения.

Очень теплыми были наши встречи с коллегами из Цинхайского университета национальностей — они помнят и чтут память российских ученых и, в первую очередь, Э. Р. Тенишева, бывшего учителем как для многих из них, так и для нас. Мы сидели за громадным круглым столом и пели русские песни. Мой сосед, специалист по саларской культуре, с горечью рассказывал мне, что сохранившиеся на арабце рукописи на саларском языке можно пересчитать по пальцам — результат «культурной революции» и общественно-политических потрясений тех лет.

43

— Говорят, Тенишев какие-то рукописи привез в Россию, — с надеждой сказал он. Я, сославшись на его научный отчет, ответил, что такого быть не могло.

Спустя несколько месяцев после возвращения домой я встретился в Москве с Еленой Александровной, вдовой Э. Р. Тенишева и рассказал ей эту историю. Она вышла в соседнюю комнату и через минуту вернулась с двумя папками, молча развязала тесемки и достала пачки негативов. Фотокопии двух сочинений, условно названных «Гадательная книга саларов» и «Ритуальная книга саларов» были сделаны Э. Р. Тенишевым в 1958 г. и все эти годы хранились в его домашнем архиве. Сегодня они, несомненно, имеют самое серьезное значение для изучения истории бытования ислама среди саларов.

Приехав домой, я, конечно же, немедленно показал списки дочери. К моему и ее изумлению оказалось, что язык этих рукописей ей, выпускнице кафедры Истории Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ, в принципе понятен. Цепочка знаний не прервалась, и я с гордостью ощутил свою причастность к замечательной русской научной традиции. В ближайшее время совместно с китайскими коллегами мы планируем приступить к исследованию и подготовке критического издания этих памятников. Начатые в Кунсткамере сто лет назад исследования письменных памятников, привезенных из Северо-Западного Китая, возвращаются в увенчанное армиллярной сферой здание на берегу Невы. Предварительные наблюдения показывают, что для исламоведения материалы по истории саларского ислама могут оказаться не менее важными, чем материалы языка этого народа для тюркского языковедения.

В Санкт-Петербурге хранится крупнейшая в мире коллекция семян культурных растений, собранная Николаем Ивановичем Вавиловым (1887—1943) в ходе 110 научных экспедиций. Цель, поставленная ученым — победа над голодом. Коллекция Вавилова была предназначена для экспериментов по созданию новых сортов растений. Сегодня на основании этой коллекции расте-

44

treated us with tea with yak's milk and *tzemba* — a local dessert made of oat flour, corn flour and sugar. And just as before, there were a lot of pilgrims who made long journeys, and there were a lot of boys among novices.

In 1908 the Kumbum monastery witnessed a second — especially warm — meeting of P. K. Kozlov with Dalai Lama, which is later described by the former in great detail. At the request of Dalai Lama the Russian traveller taught his secretary Nagmang how to use photographic processing equipment. It may be that the photographs taken then are preserved in one of the archives. Kozlov remembered the monastery's beauty and special spiritual atmosphere:

“On the outside ancient substantial temples luxuriously glitter with the gilded roofs and gangzhier, as to the inside they are richly furnished with the historical burhans of the best Mongol, Tibetan and even Indian making.

“The Golden Suburgan/Temple (suburgan is a headstone) is especially sumptuous and, therefore, especially honoured, too. Praying pilgrims bow before it and prostrate themselves and in the course of time their hand and feet motions have left quite large cavities in the plank flooring of the porch. These cavities easily fit the front part of one's foot with its toes. And one's hands slip while making ground-low stretching bows.

The legend says that back in 1357 the great Tsongkhapa was born at the place of ‘The Golden Suburgan’... and the blood from his navel reddened the ground. Three years later a sandalwood, ‘cang-dang’, began to grow at the same spot, and its trees displayed the images of gods. Today this tree known as ‘serdonchenmo’, meaning ‘the great golden tree’, is located within the suburgan occupying its hollowness...

A large conciliar temple that fits up to five thousand praying individuals is also maintained in a very good condition. Once I stepped onto its porch and I was struck by the view of seven massive lashes hanging on the wall. And the most impressive one was adorned with a blue khadag. Only these lashes, as I was told by the local residents and the oldest lamas of Kumbum, manage to maintain a proper regulational order of the monastery among the youth living a monk's lifestyle...

The temple next to the eight white suburgans is also beautiful and wealthy. According to the tradition it was built on the spot of the buried placenta of a child, later a prominent reformer of Buddhism, Tsongkhapa.

In Kumbum Dalai Lama stayed at the mansion of one wealthy Tibetan on the western outskirts of the monastery, on the slope of “the western heights” where from practically the whole of Kumbum and the distant chains of mountains enclosing the horizon from the south opened up before one's eyes... As all the other substantial Tibetan houses, this house was fenced with a high adobe wall and a front access door guarded by a pair of the Tibetan sentries” (figs. 42—45)⁷⁰.

Fifty years later a distinguished turkologist E. R. Tenishev worked in the monastery.

45

Really warm were our meetings with colleagues from Qinghai University of Nationalities — they remember and honour memories of Russian scholars. And first among them all is E. R. Tenishev, who was a teacher to many of them as well as to us. We were sitting at a huge round table singing Russian songs. My neighbour, a specialist in Salar culture, told me with bitterness of remaining Salar manuscripts in Arabic characters; they can be counted on fingers. It is a result of the “cultural revolution” and the socio-political shock of those years.

— They say Tenishev brought certain manuscripts to Russia, — said he with hope.

Appealing to his scientific report I said it can't be so.

A few months after I returned home, while in Moscow I met with Elena Alexandrovna, E. R. Tenishev's widow. I told her this story. She left the room and went into another one. And within a minute she was back with two folders. She silently untied the strings and pulled out a couple of batches of negatives. They were photocopies of two works tentatively titled “The Salar Divination Book” and “The Salar Ritual Book” and were made by E. R. Tenishev in 1958. And all these years they were kept in his home archive. Today they undoubtedly are of the greatest importance for the study of the Islamic way of life of the Salars.

As soon as I returned home I immediately showed the photocopies to my daughter. To my surprise and hers, the language of those manuscripts was basically clear to her, a graduate of the Department of History of Central Asia and Caucuses of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University. The chain of knowledge has not broken, and I felt proud of belonging to the remarkable Russian scientific tradition. In the near future, together with our Chinese colleagues, we are planning to begin researching these monuments and preparing them for critical publication. The researches of the written monuments brought from the north-western China, that were started a hundred years ago in Kunkamera, are returning into the building on the bank of Neva crowned with an armillary sphere. Preliminary observations show that the materials on the subject of the history of the Salar Islam

46

ниеводство можно восстановить даже, если исчезнут все пищевые растения в мире. Богатство коллекции — в ее разнообразии. Любому школьнику понятно, что потеря любого из ее составляющих сродни катастрофе. Свойства потерянного вида могут оказаться ключевыми в борьбе, например, с неизвестной болезнью, способной уничтожить важнейшие культурные растения — основу пищевого рациона человечества.

Удивительным образом, истина, понятная школьнику в этом случае, перестает осознаваться таковой, когда речь идет о цивилизационном многообра-

зии, требующем сегодня нашей защиты. Прекрасным подтверждением тому может служить история саларов — совсем небольшого народа, живущего вдали от важнейших исламских центров, история, столь важная для понимания процессов внутри всего исламского сообщества.

Скалистый берег резко обрывался вниз, туда, где напряженно выгибаясь, мчалась плотная зеленая вода. Пейзаж напоминал декорации к романтическому балету. Молодой профессор-салар Ма Чэн-цзюнь и я стояли на самом краю, у обрыва. Метрах в пятидесяти от нас Юра Крылов и Марьям записывали на видео выступление саларского певца, известного собирателя местного фольклора. Профессор протянул руку и указал на гору, похожую на гигантский окаменевший стог:

— Вот за той горой живут тибетцы-мусульмане, — сказал он буднично, чтобы заполнить паузу в разговоре. Мучительно пытаюсь вспомнить, что писали о мусульманах-сифанях Пржевальский, Потанин, Поярков и Ладыгин, я отчетливо понял, что однажды обязательно вернусь сюда, чтобы оказаться за той похожей на стог горой.

После знаменитых «музейных указов» Петра наш Музей собирала практически вся Россия. Работая с собраниями Кунсткамеры, не перестаешь восхищаться простыми русскими людьми, любознательности и предприимчивости которых мы обязаны многими коллекциями. К таким людям принадлежал главный и любимый герой романа Обручева, с которого мы и начинали этот текст. Поиск древностей стал для простого русского купца Фомы Кукушкина смыслом всей жизни. Именно такие люди, подлинники первопроходцы, сообщали русским дипломатам и ученым ценнейшую информацию, служили проводниками, покупали, выменивали и отправляли на родину ценнейшие экспонаты. Если бы я ставил памятник собирателям Кунсткамеры, то в ряду выдающихся ученых, таких как Радлов, Малов, Тенишев, в ряду флотоводцев и дипломатов я бы все-таки выбрал образ простого русского купца Кукушкина, прошедшего на свой страх и риск тысячи километров по дорогам Китайского Туркестана. Это — по-настоящему собирательный образ человека, труд и любознательность которого сделали наш этнографический музей одним из богатейших в мире. Многие из таких людей получили из рук академика Радлова почетный диплом «Корреспондент Кунсткамеры», который, по рассказам, ценили чрезвычайно.

Такой была наша экспедиция в 2008 г. Такой будет и наша выставка, рассказывающая не только о небольшом мусульманском народе, живущем в Китае, но и об истории нашего Музея, его коллекциях и собирателях, и, конечно, о неразрывной связи этой истории с отечественным востоковедением (рис. 47).

may prove to be no less important for the Islamic studies than the language materials of this people for the Turkic linguistics.

The largest in the world collection of seeds of cultivated plants is kept in St. Petersburg. It was collected by Nikolay Ivanovich Vavilov (1887—1943) in the course of his 110 scientific expeditions. The goal set by the scientist had to do with victory over hunger. Vavilov's collection was intended for experimentation in the field of creating new varieties of plants. Today, based on this collection alone, plant growing can be restored even if all food plants in the world disappear. The wealth of this collection is in its variety. Any schoolboy realizes that losing one of its components equals catastrophe. Characteristics of one lost species may turn out to be crucial in struggle against, let's say, unknown disease capable of annihilating all paramount cultivated plants, which are the foundation for the food ration of humanity.

Amazing, but the truth so understandable to a schoolboy in this case is not apprehended as such when we speak of diversity of civilizations, which requires defence by us. The history of the Salars serves as a good confirmation. This small people group live far from significant Islamic centres, and yet their history is so important for understanding the processes within the Islamic community as a whole.

The cliffy coast suddenly dropped downward, where tensely curving thick green waters whirled forward. The view reminded me of decorations for romantic ballet. The young Salar professor Ma Cheng-jun and I stood at the very edge of the cliff. About fifty meters away from us Yura Krylov and Maryam were videotaping the Salar singer's performance, a famous collector of local folklore. The professor stretched out his hand towards a mountain that looked like a gigantic petrified stack:

— Muslim Tibetans live on the other side of this mountain, — said he prosily for the sake of filling the pause in our conversation. I tried hard to remember what Przhevalsky, Potanin, Poyarkov, Ladygin wrote of them and understood that one day I would return there, so that I'd get to that other side of the stack-looking mountain.

After the famous "museum decrees" of Peter the Great our Museum was assembled practically by entire Russia. Working with the collections of Kunstkamera, one does not cease to be amazed with simple Russian people whose curiosity and initiative we owe a great deal of the collections. The main and favourite character of the Obruchev's novel with which we started this text was that type of person. For a simple Russian merchant, Foma Kukushkin, the search for antiquity had become his meaning of life. Those people, the true pioneers, were the very ones who gave Russian diplomats and scientists valuable information, served as guides, bought, traded and send important exhibits to scientists. If I were to put up a monument to the Kunstkamera collectors, then on a par with the prominent

scholars as Radloff, Malov and Tenshev and on a par with naval commanders and diplomats I would rank the image of a simple Russian merchant Kukushkin, who travelled for thousands kilometres along the road of Chinese Turkestan at his own risk. That indeed was the collective image of the man, whose labour and curiosity made our ethnographic museum, one of the wealthiest in the world. Many a people like the one described received an honourable award of the "Correspondent of Kunstkamera" from the hands of Radloff, the Museum director. People say the award was extremely valuable.

Such was our expedition in 2008. And such will be our exhibition, which tells not only of a small Muslim nation living in China, but also of the history of our museum, its collections and collectors and of indissoluble ties of this history with Oriental studies in Russia (fig. 47).

47

П. В. Агабеков, «Салыры (Салоры)», *там же* VI—VII (1930); А. Н. Кононов, *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского* (Москва — Ленинград, 1958); *Материалы по истории туркмен и Туркмении* (Москва — Ленинград, 1938—1939), i—ii; Ф. А. Михайлов, *Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк* (Ашхабад, 1900); Н. Г. Петрусевич, «Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбо-ем) и северными окраинами Персии», *Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества* XI/1 (Тифлис, 1880); П. М. Лессар, «Юго-западная Туркмения (земли сарыков и салоров)», *Известия Императорского Русского Географического общества* XXI/1, (Санкт-Петербург, 1885); он же, «Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах», *там же* XX/1 (Санкт-Петербург, 1884); Б. Р. Логашева, *Туркмены Ирана* (Москва, 1976); К. Овезов, Н. Гаджаров, «Туркмены Ирака», *Туркмены зарубежного Востока* (Ашхабад, 1993); А. А. Росляков, *Происхождение туркменского народа* (Ашхабад, 1962). Подробнее см.: Г. П. Васильева, *История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Конец XVIII—XX века. Очерки* (Москва, 2003).

45 Гузы приняли участие в завоеваниях сельджуков, а позднее и в африканских походах Салах ад-Дина (Саладина), некоторые затем поступили на службу к Алмохадам, владевшим Северной Африкой и Южной Испанией и заняли в их государстве высокое положение. См.: 'Abd al-Wahid al-Marrakoshi, *The History of Almohades*, ed. by R. Dozy (Leiden, 1847); В. В. Бартольд, *ук. соч.*, с. 580.

46 Салорский и чоудорский союзы с их четко выраженной общетуркменской и одновременно групповой и племенной спецификой сохраняли свою значимость вплоть до XVI в. См.: Е. Г. Царева, *Традиционное ворсовое ткачество туркмен как этнографический источник*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Санкт-Петербург, 1993), с. 1.

47 См. G. B. Frazer, *Narrative of a Journey into Khorasan in the Years 1821 and 1822* (Oxford, 1825), pp. 245—258.

48 И сегодня у салыров, живущих в Туркменистане, зафиксирован род караман.

49 Подробнее о легенде см. ниже, сс. 224—251. См. также: Li Xue Wei, K. Stuart, “The Xunhua Sala”, *Asian Folklore Studies* XL (1990), pp. 39—52; Ma Jianzhong, K. Stuart, “Stone camels and clear springs’ the Salar’s Samarkand origins”, *ibid.* LV (1996), pp. 287—298.

50 Не так давно 867 листов рукописи, уложенной в две шкатулки, прошли полную реставрацию в музее города Нанкин. Был проведен анализ бумаги и чернил, уничтоже- на плесень, восстановлены поврежденные страницы.

51 Т. е. «Большой Лангар». *Лангар* — якорь (этимологически — «крюк»), остановка. Обычно название последнего пристанища (могиль) святого. Расположены все *лангары*, как правило, в самых верховьях речных долин и ущелий по горам Средней Азии, Афганистана, Ирана (см.: А. З. Розенфельд, «Название “Лянгар” в топонимике Таджикистана», *Известия Всесоюзного географического общества* LXXII/6 (1940), сс. 861—864).

52 *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии* LVII (Санкт-Петербург, 1894), с. 111.

53 М. Е. Массон, «Катта-Лангар в области средневекового Кеша», *Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии* VII (Ташкент, 1966), с. 73.

54 Поярков, Ладыгин, *ук. соч.*, с. 10.

55 Подробнее см.: Е. А. Резван, «Мусульманские реликвии в истории кашкадарь-инских арабов», в кн.: И. Н. Винников, *Кашкадарьинские арабы (язык, фольклор, этно-графия)* (Санкт-Петербург, в печати).

56 А. А. Семенов, «Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр», *Труды Академии наук Таджикской ССР* XII/1 (1954), с. 142.

57 С. Л. Волин, «К истории среднеазиатских арабов», *Труды второй сессии Ассоциа-ции арабистов* (Москва — Ленинград, 1941), сс. 117—126.

58 Подробнее см.: Е. А. Резван, «*Коран Усмана*» (Санкт-Петербург, Катта-Лангар, Бухара, Ташкент) (Санкт-Петербург, 2004), сс. 17—59.

59 Царева, *ук. соч.*; E. Tsareva, “Salor carpets”, *Hali. The International Journal for Oriental Carpets and Textiles* VI/2 (1984), pp. 126—135.

60 Письмо автору от 09.12.09

61 Поярков, Ладыгин, *ук. соч.*, с. 10.

62 Подробнее см.: Ma Wei, Ma Jianzhong, K. Stuart, “The Xunhua Salar wedding”, *Asian Folklore Studies* LVIII (1999), pp. 31—76.

63 Салафиййа (от арабского глагола *салафа* — «быть раньше») — направление в исламе, последователи которого позиционирует себя в качестве проповедников «понимания ислама в том виде, в котором его понимал пророк». Часто используется как синоним термина «ваххабизм», при этом «салафиййа» обозначает идеологическое направление в целом, а «ваххабизм» — одну из его исторических реализаций (ср.: марксизм — большевизм).

64 Ваисовское движение зародилось в Поволжье в 1862 г. благодаря деятельнос- ти Багаутдина Ваисова (1819—1893), считавшего себя «старовером мусульманином» из «сословия тюрки» и мечтавшего построить «Царство справедливости», общество, где нет ни богатых, ни бедных. По мнению Б. Ваисова для достижения этой цели нужно следовать опыту мусульман первых веков.

65 См. также: Поярков, Ладыгин, *ук. соч.*, сс. 13, 17.

66 Подробнее см.: S. Murata, *Chinese Gleams of Sufi Light: Wang Tai-yu’s Great Learning of the Pure and Real and Liu Chih’s Displaying the Concealment of the Real Realm* (New York, 2000), p. 25. См. также: idem, *The Sage Learning of Liu Zhi: Islamic Thought in Confucian Terms* (Harvard, 2009) и О. Палладий (Кафаров), *Китайская литература магометан: изложение содержания магометанского сочинения на китайском языке, под заглавием Юй Лань Чжи Шен Ши Лу* (Москва, 2001).

67 Потанин, *ук. соч.*, с. 419—437.

68 «Дерево десяти тысяч образов», на каждом из листьев которого имелись «хоро-шо оформленные изображения тибетских букв» было в 1846 г описано аббатом Хуком, католическим проповедником, пробиравшимся в Лхасу, и с тех пор стало знаменитым в Европе. Известности ему много добавила Е. П. Блаватская (см.: «Священное дерево Кумбум», *Теософист* (1883)). Г. Н. Потанин, отмечает, что «листья этого дерева женщины употребляют, когда не выходит послед» (Потанин, *ук. соч.*, с. 422).

69 *Там же*, сс. 420—425.

70 П. К. Козлов, *Тибет и Делай-лама* (Петроград, 1920), сс. 70—78.

sian Geographical Society XXI/1 (St. Petersburg, 1885); idem, “Some notes on the Transcas- pian lands and the contiguous countries”, *ibid.* XX/1 (St. Petersburg, 1884); B. R. Logasheva, *The Turkoman of Iran* (Moscow, 1976); K. Ovezov, N. Gadjarov, “The Turkoman of Iraq”, *The Turkoman of the Foreign East* (Ashkhabad, 1993); S. S. Roslyakov, *The Origin of the Turkoman People* (Ashkhabad, 1962). For details see also: G. P. Vasilieva, *History of the Ethnological Stud-ies of Turkoman in the Russian Scholarship. End of the 19th — Beginning of the 20th Centuries. Essays* (Moscow, 2003).

45 The Ghuzz participated in the conquest of the Seljuqs, and later also in the African campaigns of Salah al-Din (Saladin); some of them enlisted in the service of the Almohads, who ruled over the Northern Africa and Southern Spain at the moment, and they held high positions in the state. See: 'Abd al-Wahid al-Marrakoshi, *The History of Almohades*, ed. by R. Dozy (Leiden, 1847); V. V. Barthold, *op. cit.*, p. 580.

46 The Salor and Choudur unions with their well-defined all-Turkmen specifics togeth- er with the group and tribal features retained their signifcance right up to the 16th century. See E. G. Tsareva, *Traditional Fleecy Weaving of the Turkmens*. Thesis for an academic degree of the candidate of historical science (St. Petersburg, 1993), p. 1.

47 See: G. B. Frazer, *Narrative of a Journey into Khorasan in the Years 1821 and 1822* (Ox- ford, 1825), pp. 245—258.

48 Which even today is the case among the Salysr living in Turkmenistan, in fact there was recorded the Qaraman family among them.

49 For further information on the legend see below, pp. 224—251. See also: Li Xue Wei, K. Stuart, “The Xunhua Sala”, *Asian Folklore Studies* XL (1990), pp. 39—52; Ma Jianzhong, K. Stuart, “Stone camels and clear springs’ the Salar’s Samarkand origins”, *ibid.* LV (1996), pp. 287—298.

50 Recently 867 MS folios kept in two wooden boxes were fully restored in the museum of Nankin. During the restoration the folio losses were filled in, mold areas were cleaned, the analysis of paper and ink was done.

51 “Big Langar”. A *langar* is, literally, an anchor (etymologically — “crook”), place of stay. It is widely spread as a name of the final retreat of a saint. *Langars* are located at the very source of the river valleys and passes in the mountains of Central Asia, Afghanistan, Iran (see: A. Z. Rozenfeld, “Name ‘langar’ in the Tajikistan toponymy”, *Procuding of the All-Union Geographical Society* LXXII/6 (1940), pp. 861—864).

52 *Geographical, Topographical and Statistics Materials on Asia* (St. Petersburg, 1894), p. 111.

53 M. E. Masson, “Katta Langar in the region of medieval Kash”, *Works of the V. I. Lenin Tashkent State University. Archaeology of Central Asia* VII (Tashkent, 1966), p. 73.

54 F. Poyarkov, V. Ladygin, *op. cit.*, p. 10.

55 For details see; E. A. Rezvan, “Muslim relics in the history of Kashka Darya Arabs”, in: I. N. Vinnikov, *Kashka Darya Arabs (Language, Folklore, Ethnography)* (St. Petersburg, in print).

56 A. A. Semyonov, “The first Sheybanids and the struggle for Maverannahr”, *Works of the Tajik SSR Academy of Sciences* XII/1 (1954), p. 142.

57 S. L. Volin, “On the history of the Central Asian Arabs”, *Works of the Second Session of the Arabists Association* (Moscow — Leningrad, 1941), pp. 117—126.

58 For details see: E. A. Rezvan, “*The Qur’an of ‘Uthman*” (St. Petersburg, Bukhara, Katta- Langar, Tashkent (St. Petersburg, 2004), pp. 17—59.

Иллюстрации

Рис. 1. Пустыня Такла-Макан. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 2. Памятник Н. М. Пржевальскому в Александровском саду Санкт-Петербурга (А. А. Бильдерлинг, И. Н. Шредер, Р. И. Рунеберг, 1892 г.)

Рис. 3. Йакуб-бек, мусульманский правитель Кашгарии в 1870-х гг. Фотоотпечаток, 13,0 × 18,0 см. 1894 г. Фотограф Ф. Ордер. МАЭ РАН, coll. № 255–91.

Рис. 4. Фрагмент карты из книги Н. М. Пржевальского *От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор* (Санкт-Петербург, 1870).

Рис. 5. Консульская расписка о получении и пересылке в Музей экспедиционных коллекций, собранных С. Е. Маловым. МАЭ РАН, коллекционная опись № 1875 (сопутствующие документы).

Рис. 6. Встреча Маннергейма с Курманжан-датки, «царицей Алая», во время его кашгарской экспедиции. Фотография из: А. А. Колесников, *ук. соч.*, с. 24 (источник не указан).

Рис. 7. Встреча русской и английской экспедиций. Фотография из книги: А. А. Колесников, *Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX в.) Миссии, экспедиции, путешествия* (Бишкек, 2006), с. 31 (источник не указан).

Рис. 8. Выезд С. Ф. Ольденбурга в Турфан. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, coll. № 2114–219.

Рис. 9. Участники экспедиции в пустыне Такла-Макан. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 10—11. Русский язык в Урумчи. Фотограф А. А. Сотниченко (2009).

Рис. 12. Уйгурские дети, Кашгар. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 13. Участники экспедиции в фондах Института археологии Академии общественных наук Синьцзяна. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 14. Участники экспедиции в Цинхайском университете национальностей г. Синин. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 15. Пятничная молитва в мечети Ид Ках в Кашгаре. Фотография из: А. А. Колесников, *ук. соч.*, с. 15 (источник не указан).

Рис. 16. В мечети Ид Ках в Кашгаре. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Д. С. Шнеерсон.

Рис. 17. Мемориальная доска на старом здании российского консульства в Кашгаре. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 18—19. Мечеть и минарет Эмин в Турфане: вид на закате и интерьер. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова и Д. С. Шнеерсон.

Рис. 20. На городище Цзяохэ. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Д. С. Шнеерсон.

Рис. 21. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН — организатор серии выдающихся экспедиционных проектов. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 22. Академик В. В. Радлов, директор МАЭ и один из крупнейших тюркологов мира.

Рис. 23. Чл.-корр. АН СССР С. Е. Малов, ученик и научный последователь В. В. Радлова.

Рис. 24—28. Эдхам Тенишев, молодой ученик Малова во время научной экспедиции в Китайский Туркестан (1956—1958 гг.) Фотоотпечатки, 5,5 × 7,5 см. 1957 г. МАЭ РАН coll. № ВХ ЭФЗК–94/39, 60, 66, 70.

Рис. 29. Котел, оставленный С. Е. Маловым во время его экспедиции в Китайский Туркестан. Фотоотпечаток, 5,5 × 7,5 см. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН coll. № ВХ ЭФЗК–94/4.

Рис. 30—32. В стране саларов. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 33—34. Отуз Коран. Осмотр главной реликвии саларов экспедицией МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 35. Белый верблюжонок. Пустыня Такла-Макан. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 36. Арка при входе на площадь перед мечетью в г. Нагу (Нагучжэнь). Провинция Юньнань, КНР, 2009 г. Фотограф Е. А. Резван.

Рис. 37. За стенами мавзолея Карамана, святого предка саларов. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 38—40. Мечеть на улице Буйволов (Пекин) — одна из старейших в Китае (по преданию основана в 966 г.): вид на минарет (XI в., перестроен в XV в.), мужской и женский (1922 г.) молебельные залы. 2010 г. Фотограф Е. А. Резван.

Рис. 41. Крыши монастыря Кумбум и А-Ка, один из его монахов. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 42—45. Монастырь Кумбум; один из его храмов; дом, в котором проживал Далай-Лама; часовые-тибетцы у входа во двор Далай-Ламы. Фотографии из книги П. К. Козлова, *Тибет и Делай-лама* (Петроград, 1920).

Рис. 46. А-Ка, монах монастыря Кумбум (Таэрсы). Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 47. Образ Центральной Азии на фотографии Ф. Ордера. Фотоотпечаток, 13,0 × 18,0 см. 1894 г. МАЭ РАН, coll. № 255–258.

Illustrations

Fig. 1. Takla-Makan desert. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 2. Monument to Nikolay Przhevsky in Saint-Petersburg Alexander garden (by A. A. Bilderling, I. N. Sreder, R. I. Runeberg, 1892).

Fig. 3. Yaqub Beg, Muslim ruler of Kashgharia in 1870ies. A photograph, 13.0 × 18.0 cm. 1894. Photo by F. Order. The MAE RAS, coll. No. 255–91.

Fig. 4. Map fragment from Nikolay Przhevsky book *From Quldja to Tian Shan and Aurther to Lob-Nor* (St. Petersburg, 1870).

Fig. 5. Consular receipt given to Sergey Malov as confirmation of receiving and forwarding to the museum of his expedition collections. MAE RAS, collection inventory No. 1875 (attendant documents).

Fig. 6. Mannerheim meeting with Kurmanjan-datki, the “Queen of Alay” during his trip in Kashgharia. A photograph from the book of A. A. Kolesnikov, *op. cit.*, p. 24 (the source is not indicated).

Fig. 7. Meeting of the Russian and British expeditions. A photograph from the book of A. A. Kolesnikov, *Russians in Kashgharia (the Second Half of the 19th — the Early 20th Centuries) Missions, Expeditions, Journeys* (Bishkek, 2006), p. 31 (the source is not indicated).

Fig. 8. The entrance of S. F. Oldenburg to Turfan. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–141a.

Fig. 9. Expedition participants in Takla-Makan desert. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 10—11. Russian language in Urumqi. Photos by A. A. Sotnichenko (2009).

Fig. 12. Uighur children, Kashgar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 13. Expedition participants in the repository of the Institute of Archaeology, Xinjiang Academy of Social Science. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 14. Expedition participants in Qinghai University of Nationalities in Xinin. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 15. Friday prayer in Id Gah mosque in Kashghar. A photograph from the book of A. A. Kolesnikov, *op. cit.*, p. 15 (the source is not indicated).

Fig. 16. Interior of Id Gah mosque in Kashghar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by D. S. Shneerson.

Fig. 17. Commemorative plaque on the old building of Russian consulate in Kashghar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 18—19. Amin mosque and minaret in Turfan: sunset view and interior. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova and D. S. Shneerson.

Fig. 20. The ruins of ancient city of Jiaohe. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by D. S. Shneerson.

Fig. 21. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, the place where series of outstanding expedition projects were organized. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 22. Kunstkamera Director Academician Vasily Radloff, one of the most prominent Turkologist in the world.

Fig. 23. Sergey Malov, correspondent member the Soviet Academy of Sciences, a faithful student and scientific follower of Radloff.

Figs. 24—28. Edham Tenishev, a young student of Malov, in his scholarly trip to Chinese Turkestan (1956—1958). Photographs, 5.5 × 7.5 cm. 1957. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/39, 60, 66, 70.

Fig. 29. The cauldron left by Sergey Malov during his expedition to Chinese Turkestan. A photograph, 5.5 × 7.5 cm. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/4.

Figs. 30—32. On the land of Salars. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 33—34. Otuz Qur’an. Most important relic of Salars studied by the members of MAE RAS expedition, 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 35. White young camel. Takla-Makan desert. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 36. The archway to the square in front of the city mosque in Nagu (Naguzhen). Yunnan province, China, 2009. Photo by E. A. Rezvan.

Fig. 37. Behind the walls of Qaraman tomb, the sacred ancestor of the Salars. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

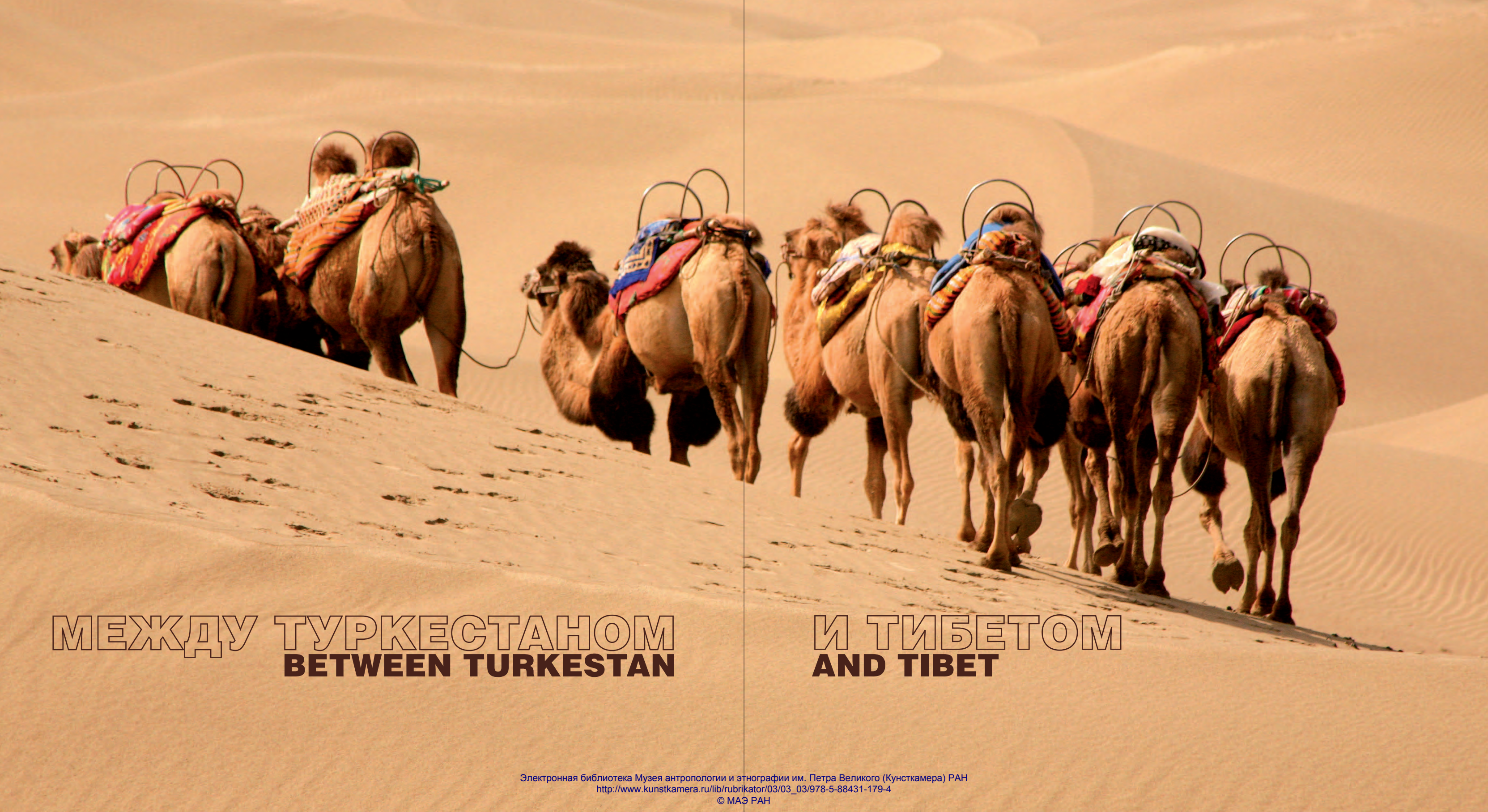
Figs. 38—40. Ox Street Mosque (Beijing) — one of the oldest in China (according to legend founded in 966): view to the minaret (built in the 11th century, re-built in 15th century), male and female (1922) prayer halls. 2010. Photos by E. A. Rezvan.

Fig. 41. Roofs of Kumbum monastery and A-Ka, one of its monks. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 42—45. The Kumbum Monastery; one of its temples, the house where Dalai-lama stayed; Tibetan guards in front of the yard of Dalai-Lama house. Photographs from the book of P. K. Kozlov, *Tibet and Dalai Lama* (Petrograd, 1920).

Fig. 46. A-Ka, monk of the Kumbum monastery. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 47. The image of Central Asia as presented on the photograph by F. Order, A photograph, 13.0 × 18.0 cm. 1894. The MAE RAS, coll. No. 255–258.

МЕЖДУ ТУРКЕСТАНОМ
BETWEEN TURKESTAN

И ТИБЕТОМ
AND TIBET

Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такламакан, омертвив серединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами распростерлись изгрызанные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений?

Н. К. Рерих

БУДДИЗМ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

BUDDHISM ON THE SILK ROAD

The cruel Takla-Makan consolidated as a pinnacle of lifelessness has mortified the middle part of Asia. An ancient Chinese Emperor's road is lost in the quicksands. The skeletons of a used-to-be forest stick out from beneath barchans. The walls of ancient cities crunched by time are stretched prostrate as gnawed carcasses. Where did the great travellers and the migrating nations walk?

Nikolay Roerich

2

Каждую секунду совершают свой оборот по часовой стрелке тысячи и тысячи буддийских молитвенных барабанов — крошечных в руках паломников или громадных, установленных при входе в храмы. Одновременно миллионы губ произносят древнюю мантру «Om mani padme hum». «Om mani padme hum». «O! Жемчужина в цветке лотоса!» (рис. 1–2).

В I–III века н. э. на территории современной Северной Индии, Пакистана, Афганистана и Средней Азии существовала великая Кушанская империя, покровительствовавшая буддизму. По одной из версий, царство основали юэчжи, народ, пришедший из Китайского Туркестана. Империя испытала большое влияние эллинистической культуры, поддерживала связи с Римом, Персией, Китаем. Именно в годы ее расцвета по маршрутам Великого шелкового пути буддизм пришел сначала в города-государства на территории Китайского Туркестана, а затем и в Китай (рис. 3–5). Позднее уже отсюда буддизм проник в Корею и Японию.

Особое значение на этом пути имел Турфанский оазис, расположенный на перекрес-

тке маршрутов Шелкового пути (рис. 8–9), огибавших пустыню Такла-Макан. К X в. буддизм здесь пришел на смену манихейству. Храмы и монастыри перестраивались согласно новым канонам. В их числе был и древний пещерный монастырь Безеклик («Блестящий») (рис. 10–12). Здесь при росписи громадных пещер использовалось большое количество золота. Монастырь играл роль придворного, и его торжественные фрески представляли официально-парадный стиль Турфанского княжества, созданного уйгурами и просуществовавшего едва ли не полтысячелетия (с IX по XIII–XIV вв.)

В стеновых росписях монастыря «Безеклик» многократно повторялся сюжет «Пранидхи» («Принесение обета»). Один из фрагментов такой росписи (рис. 6) был доставлен в Петербург участниками Первой Русской Туркестанской экспедиции (рис. 7), работавшей в районе Турфана под руководством С. Ф. Ольденбурга в 1909–1910 гг. Здесь «в предельно лаконичной форме выражена главная идея: выполнение обета, данного человеком, заказавшим написание

этой росписи, как доказательство достижения высшей ступени доступного человеку прозрения — возможности стать буддой. Выполнение такого обета могло быть связано только с личностью правителя Турфанского княжества — идикута, стремившегося не только укрепить государство, но и возвеличить себя самого как “богоподобного”»².

«Om mani padme hum». Верующие надеются эту мантру бесконечным множеством смыслов, она редко интерпретируется в связи с буквальным значением входящих в нее слов. Обычно объясняют и истолковывают сами сакральные звуки, составляющие ее. «Четыре защитника и охранители десяти направлений даруют защиту от всех препятствий со всех углов и сторон света тому, кто возвращает молитвенный барабан. Он получает избавление от перерождений в низших мирах, а после смерти отправляется в чистую страну Будды, рождается в бутоне лотоса, а затем творит благие дела Будд во всех сторонах света». «Om mani padme hum».

Thousands and thousands of Buddhist prayer drums circle clockwise — the minute ones in the hands of the pilgrims or the enormous ones at the entrance to the temples. Millions of lips simultaneously pronounce an ancient mantra: “Om mani padme hum”. “Om mani padme hum”. “O! Jewel in the lotus!” (figs. 1–2).

In the 1st–3rd centuries AD, there existed the great Kushan Empire, favouring Buddhism. It covered the territories of modern day North India, Persia, and Central Asia. According to its origin, some say that the kingdom was founded by the Yuezhi, a people that had come from the lands of Chinese Turkestan. The Empire experienced a great deal of influence from Hellenistic culture and maintained relationships with Rome, Persia, and China. It was mainly during the years of the Empire’s dawning that Buddhism, following the route of the Great Silk Road, came to city-states on the territories of Chinese Turkestan and then on into China (figs. 3–5). Later it was from there that Buddhism penetrated Korea and Japan.

The Turfan Oasis was of a particular significance on this road. It was located on the crossroads of the Silk Road (figs. 8–9) routes that skirted the Takla-Makan Desert. By the 10th century, Buddhism had superseded Manichaeism. Temples and monasteries, among which was an ancient cave monastery Bezeklik (“Splendid”) (figs. 10–12), were rebuilt in accordance with new canons. A large amount of gold was used for frescoing large caves here. The monastery played an important role of a courtier and its triumphant frescoes represented an official parade style of the Turfan Kingdom formed by the Uyghurs and which was in existence for almost half a millennium (from the 9th to the 13th–14th centuries).

The plot of “Pranidhi” (“The Fulfilling of a Vow”) was repeatedly seen in the wall-paintings of the Bezeklik monastery. One of the frag-

ments of such a fresco (fig. 6) was brought to Petersburg by the participants of the First Russian Turkestan Expedition (fig. 7), which worked in the region of Turfan under the direction of S. F. Oldenburg in 1909–1910. There “the main idea was expressed in an extremely concise manner: the fulfilling of a vow given by the man who ordered the painting of this fresco, which served as an evidence to the achievement of the highest level of enlightenment accessible to man — a possibility of becoming a Buddha. Fulfilling of such a vow could be related only to the leader of the Turfan Kingdom — idikut, who did not just aim at strengthening the nation, but also at elevating himself to ‘godlikeness’”².

In the years 1909–1910, in Turfan area, the first Russian Turkestan expedition under the direction of S. F. Oldenburg was well under way. The distinguished collections gathered there were sent to the Museum of Anthropology and Ethnography, where a special research department was founded. New expeditions organized on museum’s initiative were soon sent to continue working in Chinese Turkestan.

“Om mani padme hum”. The believers give this mantra an innumerable amount of meanings; and it rarely is interpreted in relation to the literal meaning of its words. Usually the sacral sounds that comprise it are explained and interpreted. “Four defenders and keepers of ten directions grant protection from all hindrances on all corners and from all parts of the world to him who spins the prayer drum. He receives deliverance from rebirthing in lower worlds and after death departs to the pure country of Buddha, is born in the bud of a lotus and then performs great deeds of kindness as do the Buddhas from all parts of the world”. “Om mani padme hum”.

3

1 Н. К. Рерих, *Сердце Азии* (Southbury, 1929), с. 7.

2 Н. Г. Пчелин, «Пранидхи» («Принесение обета»), *Пещеры Тысячи будд. Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки* (Санкт-Петербург, 2008), № 141, с. 214.

1 N. K. Roerich, *Heart of Asia* (Southbury, 1929), p. 7.

2 N. G. Pchelin, “Pranidhi” (“The Fulfilling of a Vow”), *Thousand Buddha Caves, Russian Expeditions Along the Silk Road. For the 190th Anniversary of the Asian Museum. The exhibition catalogue* (St. Petersburg, 2008), No. 141, p. 214.

4

5

7

6

8

Стоянка на Шелковом пути / A stop along the Silk Road

Стоянка на Шелковом пути / A stop along the Silk Road

9

**Из полевого дневника
Э. Р. Тенишева**

7 сентября 1956 г.

Рано утром из Астаны выехали в Безеклик и Сингим. Это — маленькие селения, где мы почти не останавливались. От Сингима мы поехали далеко в горы От таг («Огненная гора») и осматривали первые пещеры буддистов Чан Фодун [Цзяньфодун] («Пещеры Тысячи будд»). Наподобие пчелиных сот метрах в трехстах от земли эти монашьи кельи усеивают склоны Огненной горы. Сейчас все это в разрушенном состоянии. Будды вывезены, рисунки на стенах или вырезаны или испорчены. Затем поехали в Тоюк [Туйюк]. Проехали Караходжа. Ехали по берегу ручья, кругом зелень, тень и прохлада. Недалеко виднеются Огненные горы, один их вид рождает ощущение зноя³.

10

3 Э. Р. Тенишев, *У тюркских народов Китая* (Москва, 1995), с. 23.

11

12

September 7, 1956

Early in the morning we left Astana to go to Bezeklik and Singim. These are small villages, where we practically did not even stop. From Singim we kept going farther into the mountains Ot tağ ("Flaming Mountains"), where we surveyed the first caves of Buddhists of Qianfodong ("Thousand Buddha Caves"). These monk's cells litter the slopes of the Flaming Mountains about three hundred meters above the ground. The view reminds me of the bee's honeycombs. Now it is in desolation. The Buddhas have been removed, the figures on the wall have either been cut out or damaged. Further on we set off to Tuyuq. We drove through Qara-Khoja. We were driving by the riverbank, surrounded by greenery, pleasant shade and coolness of the day. The Flaming Mountains are not too far in sight. Its view in itself creates a sense of sultriness³.

3 E. R. Tenishev, *Visiting Turkic Peoples in China* (Moscow, 1995), p. 23.

**From E. R. Tenishev's
field journal**

8 июля 1929 г., работая за городом на практике со своими студентами, с фотоаппаратом в руках умер Самуил Мартынович Дудин, выдающийся художник-фотограф, этнограф и путешественник. Он был одним из последних непосредственных участников эпохи «бури и натиска» в истории МАЭ, связанной с именами Василия Васильевича Радлова (1837—1918) и Льва Яковлевича Штернберга (1861—1927). Во многом именно МАЭ стоял за знаменитыми русскими экспедициями в Китайский Туркестан, организованными Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии, и Дудин, участник важнейших экспедиционных проектов⁴, вел громадную работу по первичной обработке поступавших в МАЭ коллекций. Сюда из Китайского Туркестана поступило приблизительно десять тысяч предметов, часто — уникальные памятники культуры из Кучи, Дуньхуана, Хара-Хото, Карашара, Турфана. Это фрагменты росписи стен и потолков храмов, выдающиеся образцы буддистской скульптуры из глины, дерева, лесса и соломы VI—XI вв., иконы на шелке и холсте... Организованная выдающимся буддологом С. Ф. Ольденбургом работа по изучению этих коллекций велась в Отделе древностей Восточного Туркестана МАЭ, который и возглавил С. М. Дудин. Часть результатов этой многообразной работы была продемонстрирована на Первой буддийской выставке в Петербурге (1919 г.)

В начале 1920-х гг. С. Ф. Ольденбург выступил с идеей передачи восточно-туркестанской коллекции МАЭ в Государственный Эрмитаж. Предварительное обсуждение этого проекта состоялось 24 марта 1925 г. Возникшую дискуссию, ее дух и доводы сторон прекрасно иллюстрирует сохранившийся в архиве МАЭ протокол этого заседания (*рис. 13*). Речь, по существу, шла о самой концепции музея, предложенной В. В. Радловым еще в 1894 г. Он поставил перед собой цель создать *научный музей общечеловеческой культуры*, который был бы достоин столицы великой страны. Создание такого музея стало смыслом жизни всей «команды Радлова». В ходе дискуссии С. Ф. Ольденбург подчеркнул, что при решении проблемы не следует опираться на историю музея, и что Берлинский музей, в котором в равной степени хранились и этнографические собрания, и ценнейшие восточно-туркестанские коллекции «пока Кунсткамере примером служить не может». По существу предлагалось исключить из состава академического музея собрание, имевшее исключительное научное значение. Сама значимость собрания требовала и, тем самым, гарантировала на перспективу соответствующий уровень проводимых здесь научных исследований. Нельзя не согласиться с организаторами выставки «Пещеры Тысяч будд»: «Добытые материалы стали основой и стимулом для востоковедных исследований на многие десятилетия. Родились целые школы и научные направления, открылись не

только новые тексты, но и целые цивилизации <...>. Поколения [ученых] посвятили жизни свои изучению этих материалов. Поколения получали радость исследования и славу первооткрывателей»⁵.

В 1925 г. и Совет МАЭ, и его директор академик Е. Ф. Карский, и Л. Я. Штернберг, член-корреспондент АН СССР, и С. М. Дудин, высказались против передачи. Эту позицию в основном поддержали академики И. Ю. Крачковский и В. В. Бартольд. На тот момент С. Ф. Ольденбург остался в одиночестве. Смерть сначала Л. Я. Штернберга, а потом и С. М. Дудина открыла дорогу проекту передачи, который был реализован в 1930—1934 гг. В основе проекта лежала идея обмена коллекциями: Эрмитаж в ответ планировал передачу МАЭ богатых среднеазиатских, американских, абиссинских и полинезийских коллекций этнографического характера⁶, что в предвоенных условиях едва ли могло быть реализовано.

Одновременно с коллекциями в Эрмитаж были переданы и многолетние результаты работы Отдела древностей Восточного Туркестана: коллекционные описи, богатейший фотоархив. Абсолютное большинство фотографий было выполнено С. М. Дудиным.

МАЭ РАН, ф. К-IV, оп. 6, кн. 2, с. 25), профессионального революционера, которому была поручена организация распродажи ценностей и коллекций Эрмитажа за границу. По любопытному стечению обстоятельств, в 1926—1927 гг., т. е. накануне назначения на должность директора Эрмитажа, Забрежнев с секретной миссией находился в Урумчи.

On the 8th of July of 1929 working outside of the city with his students on a practicum with a photcamera in his hands died Samuil Martynovich Dudin, a prominent photographer-artist, an ethnographer and a traveller. He was one of the last direct participants of the “storm and onslaught” epoch in the history of the MAE RAS, that had to do with the names of Vasiliy Vasilievich Radlov (1837—1918) and Lev Yakovlevich Sternberg (1861—1927). It was namely the MAE RAS that was behind the famous Russian expeditions to Chinese Turkestan, organized by the Russian Committee on the Studies of Central and Eastern Asia. And Dudin, a participant of the paramount expedition projects⁴, conducted an enormous work of initial processing of the collections admitted to the MAE RAS. About 10 thousand articles were admitted from Chinese Turkestan, not infrequently they were unique monuments of culture from Kucha, Dunhuang, Khara-Khoto, Karas-ahr, Turfan. Those were fragments of the temple ceiling and wall frescoes, outstanding samples of Buddhist sculpture made of clay, wood, loess and straw of the 6th—9th centuries, icons drawn on silk and canvas... The work on studying those collections, organized by the prominent Buddhologist S. F. Oldenburg, was carried out in the Department of the Antiquities of Chinese Turkestan of the MAE RAS, at the head of which was S. M. Dudin. A part of the results of that manifold work was exhib-

4 As a painter S. M. Dudin became a coauthor of the scientific report of the expedition of 1909—1910, which was prepared by S. F. Oldenburg. See S. F. Oldenburg, *The Russian Turkestan Expedition of 1909—10. A Brief Preliminary Report* (St. Petersburg, 1914). See also S. M. Dudin, “Architectural monuments of Chinese Turkestan (from the field notes)”, *Architectural-Artistic Weekly* VI, X, XII, XXII, XXXI (1916) (the articles ere published as a separate book, too);

idem, “The fresco and sculpture technique in the ancient Buddhist caves and temples of Western China”, *Collection of the MAE V/1* (Petrograd, 1918), pp. 21—92.

5 М. Б. Пиотровский, Л. Ф. Попова, “The second Buddhist exhibition”, *Thousand Buddha Caves*, pp. 9—10.

6 See, for instance, the letter of V. I. Zabrezhnev (No. 90 of 05.02.1930, the MAE RAS archive, fund K-IV, inventory 6, volume 2, p. 25), the Hermitage director of those years, to

ited at the First Buddhist exhibition in Petersburg (1919).

In the beginning of the 1920s S. F. Oldenburg spoke in public with the idea of passing of the Chinese Turkestan collection of the MAE RAS to the State Hermitage. The preliminary discussion of that project was held on the 24th of March of 1925. The emerged discussion, its spirit and the arguments of the parties is well illustrated in the minutes of that meeting (*fig. 13*) preserved in the archives of the MAE RAS. In its essence it was a matter of the museum’s concept, suggested by V. V. Radlov back in 1894. He set a goal for himself to create a *scientific museum of the culture common to all mankind*, which would have been worthy of the capital of the great country. Creating such a museum became the meaning of life for the whole “Radlov’s team”. In the course of the discussion S. F. Oldenburg emphasized that in solving the problem they should not have depended on the museum’s history, and that Berlin Museum, which also had enough of the ethnographic collections and invaluable Chinese Turkestan collections, “can’t yet serve as a role model for Kunstkamera”. In essence they were advised to exclude collections that had purely scientific significance from the make-up of the academic museum. The significance of the collection itself demanded — and therefore guaranteed — a corresponding level of the scientific research conducted. One can’t help but agree with the organizers of the “Thousand Buddhas Caves” exhibition: “The acquired materials have become both a foundation and an incentive for

the MAE. Zabrezhnev was a professional revolutionary, who was charged with organizing the selling off of the Hermitage valuables and collections abroad. According to the concatenation of circumstances, in 1926—1927, i. e. right before he was appointed as the Hermitage director, Zabrezhnev was on a secret mission in Urumqi.

the MAE. Zabrezhnev was a professional revolutionary, who was charged with organizing the selling off of the Hermitage valuables and collections abroad. According to the concatenation of circumstances, in 1926—1927, i. e. right before he was appointed as the Hermitage director, Zabrezhnev was on a secret mission in Urumqi.

14

15

Находки Первой Русской Туркестанской экспедиции в Шикшине (оазис Карашар) (рис. 14) позволили изучить древнюю технику формовки глиняных фигур в матрице, широко использовавшуюся на территории раннесредневекового Восточного Туркестана. Крестообразно связанные палки обматывались соломой или камышом (рис. 15) и образовывали каркас, вокруг которого начерно формовался задуманный образ. Затем заготовка помещалась в форму, состоящую из двух разъемных частей⁷ (подобную, только меньшую матрицу см. на рис. 28). Сохранившаяся в МАЭ гипсовая копия статуи Будды, несомненно, связана с работами экспедиции в оазисе Карашар (рис. 16). Одно из мест такой работы — здание К-9е (по С. Ф. Ольденбургу) подарило экспедиции чудесную фреску, написанную в традициях китайской живописи династии Тан и воспроизводящую фрагмент сцены проповеди Будды (рис. 17). Это здание воспроизведено на рабочем стереонегативе С. М. Дудина (рис. 18).

О том, какое значение имели в то время фотооборудование и материалы, свидетельствует подготовка ко Второй Русской Туркестанской экспедиции. Значительная часть средств, направленных на закупку снаряжения (это где-то четверть всех экспедиционных расходов), пошла на приобретение фотографических пластинок. Всего из расчета на год их было закуплено 60 пудов (т. е. почти тонна!)⁸, а это поклажа как минимум трех верблюдов.

Фотонегативы, сделанные С. М. Дудиным в поле (рис. 19–25) и лаборатории МАЭ (рис. 26–30), являются одним из свидетельств проделанной в музее громадной работы по регистрации, фиксации и первичному описанию, поступавших из Китайского Туркестана коллекций.

Исламизация населения региона, завершенная в основном к XV–XVI вв., не привела к полному исчезновению центров буддийской культуры, сосредоточенной в монастырях. Об этом также свидетельствуют коллекции МАЭ. Так, в 1899 г. бронзовую статуэтку Манджушри передал в МАЭ Сергей Николаевич Алфераки (1850–1918) — известный русский орнитолог и энтомолог. В 1879 г. он организовал экспедицию в Среднюю Азию, Казахские степи и Китайский Туркестан⁹. Позднее, в качестве хранителя Зоологического музея Академии наук он обрабатывал богатые сборы Пржевальского, Потанина, Березовского, Певцова, Роборовского, Козлова, Грум-Гржимайло и др. В ходе своей экспедиции в июле 1879 г., вблизи тракта, идущего из Карашара в Кульджу, на речке Малый Юлдуз, возле ключа Заланту, в маленьком естественном гроте, он обнаружил бронзовую статуэтку (рис. 31), которую и передал в МАЭ 20 лет спустя (рис. 32)

Другая коллекция (№ 2694) была приобретена в Китайском Туркестане русским дипломатом Николаем Николаевичем Кротковым (он был секретарем консульства в Гирине, Цицикаре, Кульдже, российским консулом в Урумчи)¹⁰ (рис. 33–41). Коллекция поступила в музей в тяжелейшем 1918 году. Даже в новых условиях продолжал ощущаться мощнейший импульс, данный развитию музея в начале XX века.

7—121, 125—130. О нем см.: П. Е. Скачков, *Очерки истории русского китаеведения* (Москва, 1977), сс. 447—448. См. также: С. Ф. Ольденбург, «Кульджинские буддийские теракотовые пластинки собрания Н. Н. Кроткова», *Известия Императорской Академии наук* (Санкт-Петербург, 1909), с. 563—566.

7 См.: С. Ф. Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция 1909–10 г.*, с. 8.

8 *Протоколы заседания Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии*. 1914 г. Протокол № 2 (заседание от 29 марта 1914 г.), § 27, сс. 19—20.

9 См.: С. Н. Алфераки, «Кульджа и Тянь-Шань. Путевые заметки», *Записки по общей географии Императорского Русского Географического обще-*

ства XIII/2 (1881); S. N. Alpheraky, "Lepidoptères du district de Koulcha etc.", *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* XVI—XVIII (1881—1883).

10 Его интересный архив содержится в Институте восточных рукописей РАН (ф. 32, оп. 1). См.: К. С. Яхонтов, «Сводный очерк российских материалов по языку и культуре народа сибиряков», *Кунсткамера. Этнографические тетради* II—III (Санкт-Петербург, 1993), сс. 114,

119—121, 125—130. О нем см.: П. Е. Скачков, *Очерки истории русского китаеведения* (Москва, 1977), сс. 447—448. См. также: С. Ф. Ольденбург, «Кульджинские буддийские теракотовые пластинки собрания Н. Н. Кроткова», *Известия Императорской Академии наук* (Санкт-Петербург, 1909), с. 563—566.

The discoveries of the First Russian Turkestan expedition in Shikshin (Karashar Oasis) (fig. 14) permitted to study the ancient technique of clay figure forming in a matrix, which was widely used on the territory of the early Medieval Eastern Turkestan. Sticks tied crosswise were wrapped around in straw and reed (fig. 15), which formed a carcass around which a forethought image was roughly formed. Then a blank was placed in the form consisting of two detachable parts⁷ (a similar, but smaller, matrix see in fig. 28). A gypsum copy of the Buddha statue kept in the MAE RAS was undoubtedly related to the work of the expedition in the Karashar Oasis (fig. 16). One of the locations for this type of work — the structure K-9th (according to S. F. Oldenburg) gave that expedition a wonderful fresco painted in the traditions of Chinese art of the Tang Dynasty; it reproduced a fragment of the scene of Buddha's sermon (fig. 17). That structure was reproduced on the working stereonegative of S. M. Dudin (fig. 18).

The preparation for the Second Russian Turkestan expedition testifies to the significance of the photographic equipment and materials in those days. A substantial amount of funds designated for buying the equipment (which was about one fourth of all the expedition expenses) was used for buying photographic plates. In total on the yearly basis there were bought 60 poods (i. e. almost a ton!)⁸, and that was the load for two camels at the least.

Photo negatives made by S. M. Dudin out in the field (figs. 19–25) and the laboratory of the MAE RAS (figs. 26–30) are but one of the evidences of some major work done in the museum of registering, recording and initial inventorying of the admitted collections from Chinese Turkestan.

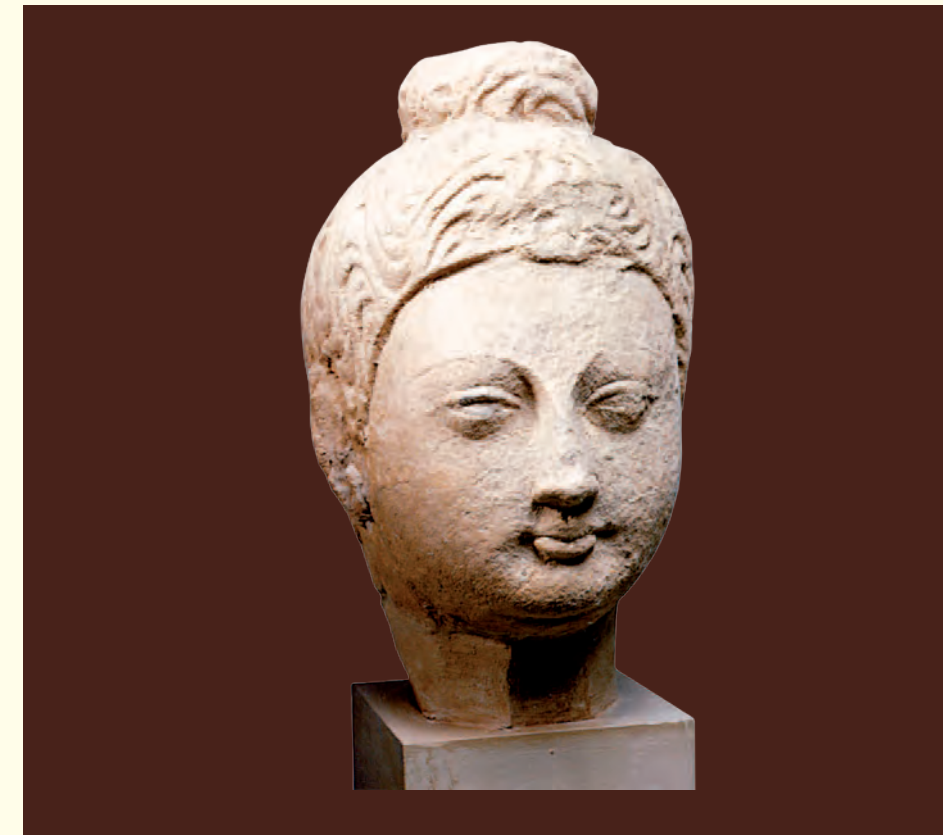
The islamization of the region completed by large by the 15th–16th centuries did not lead to

7 See: S. F. Oldenburg, *Russian Turkestan Expedition of 1909—10*, p. 8.

8 *The Minutes of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia Meeting*. 1914. Minutes No. 2 (the meeting of the 29th of March of 1914), § 27, pp. 19—20.

9 See: S. N. Alpheraky, "Ghulja and Tian Shan. Travel Notes. Works of General Geography of Imperial Russian

the absolute disappearance of the centres of the Buddhist culture, concentrated in the monasteries. This was also testified to by the collections of the MAE RAS. Thus, in 1899 a bronze statuette of Manjusri was passed to the MAE RAS by Sergey Nikolaevich Alpheraky (1850—1918) — a famous Russian ornithologist and ethnologist. In 1879 he organized an expedition to Central Asia, Kazakh steppes and Chinese Turkestan⁹. Later as the keeper of the Zoological Museum of the Academy of Sciences he processed rich collections of Przhevalski, Potanin, Berезovskii, Pevtsov, Roborovskii, Kozlov, Grumm-Grzhymaylo and others. In the course of his expedition in 1879, not far from the road from Karasahr to

16

Geographical Society XIII/2 (1881); idem, "Lepidoptères du district de Koulcha etc.", *Horae Societatis Entomologicae Rossicae* XVI—XVIII (1881—1883).

10 His interesting archive is kept in the Institute of the Oriental Manuscripts of the RAS (fund 32, inventory 1).

See: K. S. Yakhontov, "The summary report of the Russian materials on the language and culture of Xibe", *Kun-*

Ghulja, on the Maliy Yulduz river near the spring of Zаланту, in a small natural grotto he found a bronze statuette (fig. 31), which he passed to the MAE RAS 20 years later (fig. 32).

Another collection (No. 2694) was acquired in Chinese Turkestan by Russian diplomat Nikolay Nikolaevich Krotkov (he was the consulate secretary in Jilin, Qiqihar, Ghulja, and served as a Russian Consul in Urumqi)¹⁰ (figs. 33–41). The collection was admitted to the museum in the turbulent year of 1918. And even in new conditions a powerful impulse given to the museum development in the early 20th century was felt continuously.

stkamera. Ethnographic Writing-Books II—III (St. Petersburg, 1993), pp. 114, 119—121, 125—130. If interested in him, see P. E. Skachkov, *The Essays of the Russian Sinology* (Moscow, 1977), pp. 447—448. See also: S. F. Oldenburg, "Ghulja Buddhist terra-cotta plates; the collections of N. N. Krotkov", *The Proceedings of the Emperor's Academy of Sciences* (St. Petersburg, 1909), pp. 563—566.

18

17

19

20

21

22

23

24

25

26

31

28

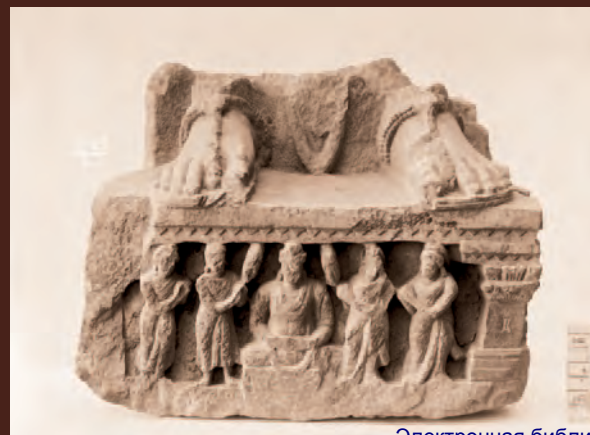
29

27

30

32

№ N 455
 Найденъ в небульничемъ
 гробѣ на Маломъ Навучѣ,
 близъ Кемга Заламтѣ,
 Сергѣй Николаевичъ Олферки.
 в Июлѣ 1879 года.
 Вблизи этого Кемга
 проходила главная дорога
 Красноярск. пр. 71.

34

35

33

37

36

39

38

40

Рис. 1–2. Молитвенные барабаны. Монастырь Кумбум (Таэрсы). Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 3–4. Паломники. Монастырь Кумбум (Таэрсы). Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 5. Покровитель пилигримов, шедших через пустыни. Бумага, клеевые краски; 51,8 × 29,8 см. Дуньхуан, X–XI в. II Русская Туркестанская экспедиция, 1914–1915 гг. Государственный Эрмитаж, колл. № ДХ–320 (поступило из МАЭ РАН в 1934 гг.) Подробнее см. атрибуцию М. Л. Рудовой, № 193, *Пещеры Тысячи будд*, с. 286. Публикуется с любезного согласия Государственного Эрмитажа.

Рис. 6. «Стоянка на Шелковом пути». Часть композиции «Пранидхи» («Принесение обета»). Фрагмент стеной росписи. Лесс, солома, клеевые краски, роспись по сухой штукатурке; 53,0 × 28,0 см. Турфан, Безеклик, XI в. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909–1910 гг. Государственный Эрмитаж, колл. № ТУ–539 (поступило из МАЭ РАН в 1930–1931 гг.) Подробнее см. атрибуцию Н. Г. Пчелина, № 150, *Пещеры Тысячи будд*, с. 227. Публикуется с любезного согласия Государственного Эрмитажа.

Рис. 7. В пустыне Такла-Макан. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 8–10. В монастыре Безеклик. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 11. «Пранидхи» («Принесение обета»). Фрагмент стеной росписи. Лесс, солома, клеевые краски, роспись по сухой штукатурке; 370,0 × 227,0 см. Турфан, Безеклик, XI в. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909–1910 гг. Государственный Эрмитаж, колл. № ТУ–755 (поступило из МАЭ РАН в 1930–1931 гг.) Подробнее см. атрибуцию Н. Г. Пчелина, № 141, *Пещеры Тысячи будд*, с. 214. Публикуется с любезного согласия Государственного Эрмитажа.

Рис. 12. Карашар. Шикшин. С. Ф. Ольденбург и С. М. Дудин в лагере Первой российской туркестанской экспедиции.

Рис. 13. Копия протокола заседания комиссии по вопросу передачи Государственному Эрмитажу некоторых принадлежащих Академии материалов из Китайского Туркестана. Архив МАЭ РАН, ф. К–IV, оп. 6, кн. 2, сс. 10–12.

Figs. 1–2. Buddhist prayer drums. The Kumbum (Taersi) Monastery. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 3–4. Pilgrims. The Kumbum (Taersi) Monastery. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 5. The protector of the pilgrims walking through deserts. Paper, glue paints; 51.8 × 29.8 cm. Dunhuang, 10th–11th centuries. The Second Russian Turkestan Expedition, 1914–1915. The State Hermitage, coll. No. ДХ–320 (was received from the MAE RAS in 1934). For further information see the ascription of M. L. Rudova, No. 193, *Thousand Buddha Caves*, p. 286. Courtesy of the State Hermitage.

Fig. 6. “A Stop Along the Silk Road”. A piece of the composition “Pranidhi” (“The Fulfilling of a Vow”). A fragment of the wall-painting. Loess, straw, glue paints, painting performed onto dry plaster; 53.0 × 28.0 cm. Turfan, Bezeklik, 11th century. The First Russian Turkestan Expedition, 1909–1910. The State Hermitage, coll. No. ТУ–539 (was received from the MAE RAS in 1930–1931). For further information see the ascription of N. G. Pchelin, No. 150, *Thousand Buddha Caves*, p. 227. Courtesy of the State Hermitage.

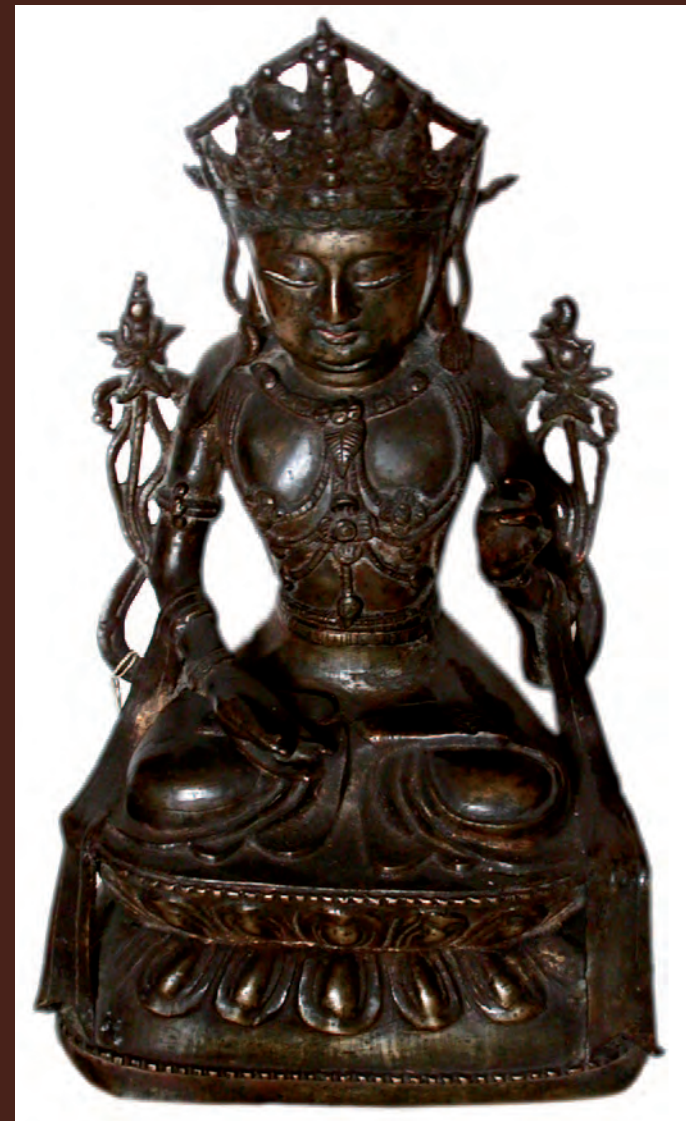
Fig. 7. In Takla-Makan desert. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 8–10. In Bezeklik monastery. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 11. “Pranidhi” (“The Fulfilling of a Vow”). A fragment of the wall-painting. Loess, straw, glue paints, painting performed onto dry plaster; 370.0 × 227.0 cm. Turfan, Bezeklik, 11th century. The First Russian Turkestan Expedition, 1909–1910. The State Hermitage, coll. No. ТУ–755 (was received from the MAE RAS in 1930–1931). For further information see the ascription of N. G. Pchelin, No. 141, *Thousand Buddha Caves*, p. 214. Courtesy of the State Hermitage.

Fig. 12. Karashar. Shikshin. S. F. Oldenburg and S. M. Dudin in the camp of the First Russian Turkestan expedition.

Fig. 13. A copy of the minutes of the meeting held on the matter of transferring of certain materials on Chinese Turkestan, belonging to the Academy, to the State Hermitage. The MAE RAS archive, f. K–IV, inv. 6, vol. 2, pp. 10–12.

41

Рис. 14. Копия статуи Будды (ее гондхарские прототипы создавались из сланца или шифера). Гипс, деревянный (?) каркас; высота 60,0 см. МАЭ РАН, колл. № 5573. Дата регистрации: 1937 г. («из старых, незарегистрированных коллекций»).

Рис. 15. Туйок-Мазар. Скульптура с фрагментами каркаса. Стереоскопический стеклянный позитив; 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–250.

Рис. 16. Голова Будды. Глина, лесс, формовка в матрице; высота 23,0 см. Карашар, Шикшин, пещера 7 (по С. Ф. Ольденбургу), конец VI в. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909–1910 гг. Государственный Эрмитаж, колл. № IIIШ–598 (поступило из МАЭ РАН в 1930 г.). Подробнее см. атрибуцию К. Ф. Самосюк, № 126, *Пещеры Тысячи будд*, с. 191. Публикуется с любезного согласия Государственно-го Эрмитажа.

Рис. 17. Бодхисатвы и монахи. Фрагмент стеной росписи. Лесс, солома, клеевые краски, роспись по сухой штукатурке; 101,0 × 108,0 см. Карашар, Шикшин, здание К-9е (по С. Ф. Ольденбургу), IX–X вв. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909–1910 гг. Государственный Эрмитаж, колл. № IIIШ–800 (поступило из МАЭ РАН в 1930 г.). Подробнее см. атрибуцию К. Ф. Самосюк, № 123, *Пещеры Тысячи будд*, с. 186. Публикуется с любезного согласия Государственного Эрмитажа.

Рис. 18. Здание К-9е и соседние сооружения. Стереоскопический стеклянный негатив; 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–163.

Рис. 19. Безеклик. Здание внизу против храма 41. Стереоскопический стеклянный позитив; 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–212.

Рис. 20. Безеклик. Южная часть террасы средней группы. Стереоскопический стеклянный позитив; 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–214.

Рис. 21. Безеклик, северная часть террасы, пещеры 45 и 46. Стереоскопический стеклянный позитив; 4,5 × 10,0 см. 1909 г., I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН № 2114–218.

Рис. 22. Безеклик, пещеры 45 и 46. Стереоскопический стеклянный позитив; 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–219.

Рис. 23. Туйок-Мазар. Ущелье вид от монастыря левой стороны вниз. Саргты-раскопщики. Стереоскопический стеклянный позитив; 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–603.

Рис. 24. Караван верблюдов у пикета Синьцзянца. Стереоскопический стеклянный позитив; 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–292.

Рис. 25. Фотограф за работой. Стереоскопический стеклянный позитив; 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–123.

Рис. 26. (а) Будда. Местонахождение неизвестно; (б) голова статуи Авалокитешвара (Гуаньинь), бодхисатва милосердия (государство киданей Ляо, 916–1125); (в) ступа. Подобные закладывали при строительстве в ступы, стены монастырей и просто ставили на алтари — храмовые, и домашние, X–XII вв. Стеклянный фотонегатив; 13,0 × 18,0 см. 1913 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2129–1¹¹. Последние два предмета хранятся в Государственном Эрмитаже.

Рис. 27. (а) Деревянная черепаха со свернувшейся змейкой на панцире; (б) бодхисатва (шифер; Гандхара, II–III вв.) Стеклянный фотонегатив; 13,0 × 18,0 см. 1913 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2129–2. Хранятся в Государственном Эрмитаже.

Рис. 28. (а) Глиняные матрицы для изготовления цветов и фигурок Будды (IV–VI вв.); (б) китайская бронзовая скульптура сидящего Будды со следами позолоты (V–VI вв.) Стеклянный фотонегатив; 13,0 × 18,0 см. 1913 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2129–3. Хранятся в Государственном Эрмитаже.

Рис. 29. Декоративная строительная плитка. Стеклянный фотонегатив; 13,0 × 18,0 см. 1913 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2129–4. Местонахождение неизвестно.

Рис. 30. Бодхисаттва (фрагмент, Гандхара, II–III вв.) Стеклянный фотонегатив; 13,0 × 18,0 см. 1913 г.

Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2129–5. Хранится в Государственном Эрмитаже.

Рис. 31. Манджушри. Бронза, литье, позолота; высота 17,0 см. Дар С. Н. Алфераки, 1899 г. МАЭ РАН, колл. № 455–1¹².

Рис. 32. Визитная карточка С. Н. Алфераки с изложением обстоятельств находки статуэтки. МАЭ РАН, приложена к коллекционной описи № 455 (1899 г.).

Рис. 33. Будда. Бронза, литье, позолота; высота — 15,5 см. Китайский Туркестан, начало XX в. От Н. Н. Кроткова, 1918 г. МАЭ РАН, колл. № 2694–1.

Рис. 34. Махасиддхи Сараха. Бронза, литье, позолота, инкрустация бирюзой; высота — 20,5 см. Китайский Туркестан, XIX (?) в. От Н. Н. Кроткова, 1918 г. МАЭ РАН, колл. № 2694–12.

Рис. 35. Будда. Бронза, литье; высота — 16,0 см. Китайский Туркестан, начало XX в. От Н. Н. Кроткова, 1918 г. МАЭ РАН, колл. № 2694–3.

Рис. 36. Амитаюс (Амитофо), будда бесконечной жизни. Бронза, литье; высота — 10,5 см. Китайский Туркестан, начало XX в. От Н. Н. Кроткова, 1918 г. МАЭ РАН, колл. № 2694–4.

Рис. 37. Зеленая Тара. Бронза, литье, позолота; высота 8,0 см. Китайский Туркестан, начало XX в. От Н. Н. Кроткова, 1918 г. МАЭ РАН, колл. № 2694–5.

Рис. 38. Белая Тара. Бронза, литье, выколотка, позолота, инкрустация бирюзой; высота — 32,0 см. XIX — начало XX в. От Н. Н. Кроткова, 1918 г. МАЭ РАН, № 2694–7.

Рис. 39. Дакини. Бронза, литье; высота — 11,0 см. Китайский Туркестан, XIX (?) в. От Н. Н. Кроткова, 1918 г. МАЭ РАН, колл. № 2694–9.

Рис. 40. Авалокитешвара (Гуаньинь), бодхисатва милосердия. Бронза, литье, позолота; высота — 24,0 см. Китайский Туркестан, конец XIX — начало XX в. От Н. Н. Кроткова, 1918 г. МАЭ РАН, колл. № 2694–2.

Рис. 41. Майтрейя (?) (Милотофо), будда будущего. Бронза, литье; высота — 26 см. Китайский Туркестан, XIX — начало XX в. От Н. Н. Кроткова, 1918 г. МАЭ РАН, колл. № 2694–8.

Fig. 14. A replica of the Buddha's statue (its Gandhara prototype were made either of schist or slate). Gypsum, wooden (?) trunk; 60.0 cm in height. The MAE RAS, coll. No. 5573. The registration date: 1937 ("from old unregistered collections").

Fig. 15. Tuyoq-Mazar. A sculpture with carcass fragments. A stereoscopic glass positive; 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–250.

Fig. 16. The head of Buddha. Clay, loess, formed in a matrix; 23.0 cm in height. Karashar, Shikshin, cave 7 (according to S. F. Oldenburg), end of the 6th century. The First Russian Turkestan Expedition, 1909–1910. The State Hermitage, coll. No. IIIШ-598 (was received from the MAE RAS in 1930). For further information see the ascription of K. F. Samosyuk, No. 123, *Thousand Buddha Caves*, p. 191. Courtesy of the State Hermitage.

Fig. 17. Bodhisattvas and monks. A fragment of the wall-painting. Loess, straw, glue paints, painting performed onto dry plaster: 101.0 × 108.0 cm. Karashar, Shikshin, structure K-9e (according to S. F. Oldenburg), 9th–10th centuries. The First Russian Turkestan Expedition, 1909–1910. The State Hermitage, coll. No. IIIШ-800 (was received from the MAE RAS in 1930). For further information see the ascription of K. F. Samosyuk, No. 123, *Thousand Buddha Caves*, p. 186. Courtesy of the State Hermitage.

Fig. 18. Structure K–9e and neighbouring structures. A stereoscopic glass negative; 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–163.

Fig. 19. Bezeklik. An edifice below, opposite to the temple 41. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–212.

Fig. 20. Bezeklik. The southern part of the terrace of the middle group. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–214.

Fig. 21. Bezeklik. Caves 45 and 46. The northern part of the terrace. A stereoscopic glass positive; 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–218.

Fig. 22. Bezeklik. Caves 45 and 46. A stereoscopic glass positive; 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turke-

stan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–219.

Fig. 23. Tuyoq-Mazar. The gorge, a view below from the monastery on the left side. Sart diggers. A stereoscopic glass positive; 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–603.

Fig. 24. A camel caravan near the picket of Xinjiangza. A stereoscopic glass positive; 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–292.

Fig. 25. Photograph at work. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–123.

Fig. 26. (a) Buddha. Unknown location; (b) the head of the statue of Avalokitesvara, a bodhisattva of mercy (the Kidan Liao Dynasty, 916–1125); (c) A stupa. The like were put into the foundations of stupas, monastery walls or they could have been placed up on the altars — whether in a temple or at home (10th–12th centuries). A glass photographic negative, 13.0 × 18.0 cm. 1913. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2129–1¹¹. The two latter items are kept in the State's Hermitage.

Fig. 27. (a) A wooden turtle with a snake curled into a ball on its shell; (b) the image of a bodhisattva (slate; Gandhara, 2nd–3rd centuries). A glass photographic negative; 13.0 × 18.0 cm. 1913. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2129–2. Kept in the State Hermitage.

Fig. 28. (a) Clay templates for producing flowers and Buddha figurines (4th–6th centuries); (b) a bronze Chinese sculpture of a sitting Buddha, with traces of gilt (5th–6th centuries). A glass photographic negative; 13.0 × 18.0 cm. 1913. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2129–3. Kept in the State Hermitage.

Fig. 29. Decorative construction tile. A glass photographic negative; 13.0 × 18.0 cm. 1913. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2129–4. Unknown location.

Fig. 30. Bodhisattva (a fragment, Gandhara, the 2nd–3rd centuries). A glass photographic negative; 13.0 × 18.0 cm. 1913. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2129–5. Kept in the State Hermitage.

Fig. 31. Manjusri. Bronze; casting, gilding, 17 cm in height, a gift of S. N. Alphéraky, 1899. The MAE coll. No 455–1¹².

Fig. 32. A visiting card of S. N. Alphéraky with the account of circumstances surrounding the finding of the statuette. The MAE RAS, appended to the collection inventory No. 455 (1899).

Fig. 33. Buddha. Copper, casting, gilding; 15.5 cm in height. Chinese Turkestan, early 20th century. From N. N. Krotkov, 1918. The MAE RAS, coll. No. 2694–1¹².

Fig. 34. Mahasiddhi Saraha. Copper, casting, gilding, inlaid with turquoise; 20.5 cm in height. The Chinese Turkestan, 19th (?) century. From N. N. Krotkov, 1918. The MAE RAS, coll. No. 2694–12.

Fig. 35. Buddha. Copper, casting, 16.0 cm in height. Chinese Turkestan, early 20th century. From N. N. Krotkov, 1918. The MAE RAS, coll. No. 2694–3.

Fig. 36. Amitayus. Copper, casting; 10.5 cm in height. Chinese Turkestan, early 20th century. From N. N. Krotkov, 1918. The MAE RAS, coll. No. 2694–4.

Fig. 37. Green Tara. Copper, casting, gilding; 8.0 cm in height. Chinese Turkestan, early 20th century. From N. N. Krotkov, 1918. The MAE RAS, coll. No. 2694–5.

Fig. 38. White Tara. Copper, casting, beaten-out, gilding, inlaid with turquoise; 32.0 cm in height. Chinese Turkestan, end of 19th — beginning of 20th century. From N. N. Krotkov, 1918. The MAE RAS, coll. No. 2694–7.

Fig. 39. Dakini. Copper, casting, 11.0 cm in height. Chinese Turkestan, the 19th (?) century. From N. N. Krotkov, 1918. The MAE RAS, coll. No. 2694–9.

Fig. 40. Bodhisattva Guanshiyin. Cooper, casting, gilding; 24.0 cm in height. Chinese Turkestan, end of 19th — beginning of 20th centuries. From N. N. Krotkov, 1918. The MAE RAS, coll. No. 2694–2.

Fig. 41. Maytreia. Copper, casting; 26.0 cm in height. Chinese Turkestan, 19th — early 20th centuries. From N. N. Krotkov, 1918. The MAE RAS, coll. No. 2694–8.

11 Коллекция № 2129 описана Юлией Елихиной (Государственный Эрмитаж).

12 Буддийская бронза описана Дмитрием Ивановым (МАЭ РАН) при участии А. А. Терентьева.

11 The collection No. 2129 was described by Yulia Elihina (the State Hermitage).

12 The Buddhist bronze was described by Dmitriy Ivanov (MAE RAS) in cooperation with Andrey Terentyev.

На этом осмотр монастыря закончился. За такое непродолжительное время я не смог познакомиться глубже с жизнью монастыря, его уставом и т. д., а может быть и не смог бы, как этого не хотелось, так как чувствуется, что существуют свои правила приема гостей.

Э. Р. Тенишев

МОНАСТЫРЬ КУМБУМ (ТАЭРСЫ) KUMBUM MONASTERY (TAERSI)

Our viewing of the monastery stopped at this. For a short time given I was not able to learn more of the monastery's life, its statutes, etc. But maybe I wouldn't have been able to do so even if I would like to have learned more. There seems to be certain rules in regards to receiving visitors.

Edham Tenishev

2

«Намо гурубхья. Намо буддая. Намо дхармая. Намо сангхья» — «Прибегаю к Учителю. Прибегаю к Будде. Прибегаю к Учению. Прибегаю к Общине» — трижды повторяет буддист перед началом молитвы.

На месте рождения «Всеведущего Учителя», великого реформатора тибетского буддизма Чже Цонкапы (1357–1419) (рис. 4–5) на пути из Тибета в Монголию и Китай был в 1577 г. воздвигнут монастырь Кумбум (Таэрсы), вскоре ставший одним из шести важнейших монастырей тибетского буддизма и прославившийся многими чудесами (рис. 1–3, 6–11). Традиция гласит, что в одной из своих предыдущих жизней маленький мальчик Чже Цонкапа поднес Будде Шакьямуни хрустальные четки, а в ответ получил раковину. Будда предрек, что мальчик переродится в Тибете и сыграет ключевую роль в возрождении Учения. Среди прочего Цонкапа ввел строгое безбрачие духовенства, суровую монашескую дисциплину и ограничил использование магических практик.

1 Г. Ц. Цыбиков, *Буддист-паломник у святынь Тибета* (Петроград, 1919), сс. 43–53. См. также: Г. Е. Грум-Гржимайло, *Описание путешествия в Западный Китай* (Санкт-Петербург, 1899), ii, сс. 355 и след., 336 и след. (фото монастыря). Экспедиция кратко посетила Кумбум в 1890 г.

В 1885 г. монастырь, известный связанными с ним легендами и удивительными статуями из масла яков (рис. 10), посетил Г. Н. Потанин, на рубеже веков здесь побывал Г. Ц. Цыбиков¹, в 1908 г. здесь с Далай-ламой встречался другой знаменитый русский путешественник П. К. Козлов (рис. 17–18), пятьдесятю годами позднее в монастыре работал выдающийся отечественный тюрколог Э. Р. Тенишев. Распространению сведений о монастыре способствовала и специфическая популярность Е. П. Блаватской, писавшей о местных чудесах.

Мы приехали в Кумбум, по-прежнему являющийся важным центром буддийской учености, в конце сентября 2008 г. и застали прощание с одним из монахов, только что ушедшим из жизни — над храмами гулко разносилось разноголосое пение ритуальных труб (рис. 14–16), тяжелый запах горящего в лампадах ячьего масла мешался с ароматом можжевельника, тлевшего в курильницах, вереница монахов поднималась в храм для по-

минальной службы. Издали багряные накидки и шлемообразные головные уборы делали монахов похожими на римских воинов... В буддизме существует практика осознанного умирания: жизнь понимается как подъем к смерти, которая есть не конец, но новое начало.

Великий учитель Чже Цонкапы в конце жизни просил своих будущих последователей не печалиться, что они не встретились с ним лично, а прочесть два его главных труда: это и будет равносильно личной встрече. Он ушел из жизни в возрасте шестидесяти лет. По свидетельству учеников, в момент смерти тело Чже Цонкапы приняло прекрасный образ Манджушри, который почитается как воплощение мудрости Будды, проводника и учителя будд прошлого, духовного отца бодхисатв, — оно источало радужный свет, что было несомненным признаком ухода Чже Цонкапы в нирвану.

“Namo gurubhyo. Namo buddhaya. Namo dharmaya. Namo sanghaya” is repeated three times by a Buddhist before starting his prayers.

At the place of birth of the “Omniscient Teacher”, the great reformer of Tibetan Buddhism Je Tsongkhapa (1357–1419) (figs. 4–5), in year 1577 the Kumbum Monastery (Taersi) was constructed; it is effectually located on the way from Tibet to Mongolia and China. Soon it became one of the six prime monasteries of Tibetan Buddhism. The name Kumbum was given because of the many miracles alleged to have occurred there (figs. 1–3, 6–11). Tradition reads that in one of his previous incarnations little Je Tsongkhapa offered crystal prayer beads to Buddha Shakyamuni, and in return he received a shell. Buddha foretold that the boy would be reborn in Tibet and will play a major role in reviving the Teaching. Among other things Tsongkhapa introduced strict clergy celibacy, rigorous monastery discipline, and limited the use of magical practices.

In 1885 the monastery famous for its legends and marvellous statues made of yak butter (fig. 10) was visited by G. N. Potanin. G. Ts. Tsybikoff was here at the turn of the century¹. In 1908 another famous Russian explorer P. K. Kozlov (figs. 17–18) met with the Dalai Lama. Fifty years later a distinguished native turkologist E. R. Tenishev worked in the monastery. The fame of the monastery was also spread due to specific popularity of E. P. Blavatskaya, who wrote of the local miracles.

We arrived to Kumbum, still an important centre for Buddhist learning, late in September of 2008 and were able to witness the last farewell of a monk who had just passed away. We were greeted by a booming vociferous song of the ritual horns (figs. 14–16) over the temples, a heavy scent of yak butter burning in oil lamps mixed with aroma of juniper smouldering in censers, a train of monks ascending to the temple for the farewell service. Crimson coats and helmet-like

headdresses made monks look like Roman soldiers... In Buddhism there is a practice of conscious dying: life is understood as a raising unto death, which in turn is not the end, but only the new beginning.

At the end of his life the great teacher Je Tsongkhapa asked his future followers not to be saddened by the fact that they had not met him in person; instead they should read his two major works; it would qualify for a personal meeting. He left this world at the age of sixty. His followers say that at the moment of death his body took a beautiful form of Manjusri, who is honoured as personification of Buddha’s wisdom and was the guide and teacher of the past Buddhas, the spiritual father of bodhisattvas. It radiated iridescent light, which was a sure sign of Je Tsongkhapa departing into nirvana.

3

1 G. Ts. Tsybikoff, *Buddhist Pilgrim at the Holy Places of Tibet* (Petrograd, 1919), pp. 43–53. See also: G. E. Grumm-Grzhymaylo, *The Description of a Journey to Western China* (St. Petersburg, 1899), pp. 355ff, 336ff (the photograph of monastery). In 1890 the expedition briefly visited Kumbum.

4

5

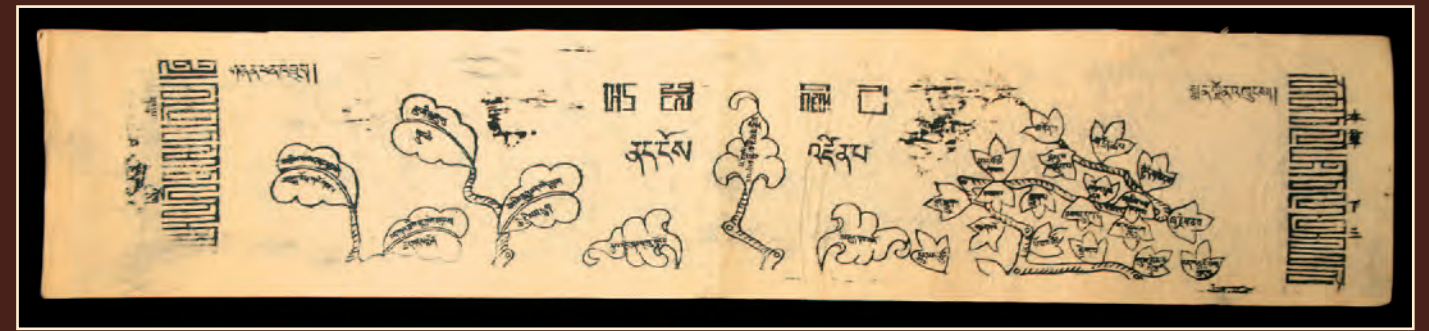

10

11

12

13

14

15

16

**Из полевого дневника
Э. Р. Тенишева**

6 июля 1957 г.

<...> Я решил воспользоваться свободным временем, чтобы посмотреть известный монастырь Таерсы [Таэрсы] (тибетское название Гумбум [Кумбум]). Монастырь в свое время посетили наши путешественники Г. Потанин и П. Козлов.

Монастырь расположен в 26 километрах от Синина, на юго-запад от него. Если раньше требовался целый день, чтобы добраться до него, теперь машина «Победа» домчала нас за сорок минут! Почти весь путь от Синина — это аллея молодых берез. Дорога хорошо укатана, ехать легко. Примерно в километре от монастыря проезжаешь маленькое селение, затем машина взмывает ввысь и — вот уже толпа ярко одетых тибетцев-мужчин и женщин, приехавших на поклонение.

Вплотную к монастырю по обеим сторонам пути разбиты палатки-ларьки, в которых продаются цветные ткани и галантерейные товары, какие-то мелочи, которые могут понадобиться тибетцам. Здесь же можно поесть. Эта площадь имеет вид настоящей ярмарки. Метрах в тридцати справа от дороги белый массивный субурган, а вот и вход. По левую руку от него — один за другим на близком расстоянии друг от друга тянутся восемь маленьких (метра три высотой) субурганов. Свои «верительные грамоты» мы вручили ламе Ло Саньчила, который немного понимал по-китайски и, очевидно, имел право сопровождать по монастырю посетителей. Через несколько минут он ввел нас, говоря современным языком, в «кубовую», в которой ламы варили чай. Это высокое сильно закопченное здание с окнами наверху и массивной деревянной дверью с замком внизу (как и во всех других дверях монастыря). Внутри помещения посередине находились три огромных медных котла (метра три в диаметре). Выступающая часть среднего котла была испещрена тибетскими надписями, а двух боковых котлов — орнаментом растительного и геометрического характера. Вдоль левой и задней стены на стеллажах находились деревянные бадейки, в которые чай наливается из котла и подается ламам. Котлы закрываются деревянными крышками. Приподняв одну из крышек, мы убедились, что в котлах хорошо сохраняется температура, очаги без огня, а чай был горячим. В правом и левом углах — еще два котла, но меньших размеров. По обе стороны двери — два высоченных стога сена для кипячения чая. Отсюда лама повел нас осматривать главный храм. Это — очень высокое и вместительное здание. Окна маленькие и на самом верху, поэтому повсюду сумрак. Темнота усиливается еще от бесконечного количества матерчатых колонн и драпировок, свисающих с потолка. На полу во всю длину храма тянутся узорчатые коврики, на которых располагаются ламы. Без фонаря ходить нельзя, так темно. Стены увешаны бесчисленными портретами и статуэтками Будд. У передней стены на возвышении трон, покрытый желтой материей. На этом кресле восседает панчен-лама, когда приезжает в Гумбум. На правой стене в стеллажах хранятся каноны. Пол засорен, вероятно, метут не часто. Стоит тяжелый запах коровьего топленого масла, этот запах повсюду. Дело в том, что свечи здесь делают из масла, их очень много в монастыре. И этим чадом пропитано все вокруг.

Лама повел нас на крышу главного храма, отсюда хорошо виден весь монастырь. Гумбум расположен в долине среди четырех невысоких гор. Верхние пояса в несколько рядов — жилища лам, которых по словам Саньчила сейчас 2300, а раньше насчитывалось до 4-х тысяч. Крыша главного храма украшена позолоченными изображениями баранов² и очень изящных форм разной высоты башенками. Их можно видеть и на других крышах. Напротив сверкает на солнце позо-

2 На самом деле — оленей (Е. Р.)

17

18

July 6, 1957

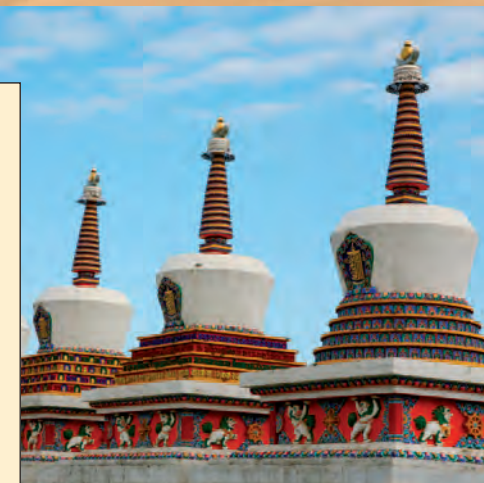
<...> I decided to use some time to spare to take a look at a famous Tearsi monastery (its Tibetan name is Gumbum [Kumbum]). In their time both G. Potanin and P. Kozlov visited the monastery.

The monastery is located 26 kilometres south-west of Xining. If it used to take a whole day to reach it, now the automobile “Pobeda” took us there in forty minutes! Almost all the way from Xining has been taken up by a young birch alley. The road is well beat, therefore a very easy ride. About one kilometre to the monastery we passed a little village by, then the car shot up and a second later we saw a crowd of Tibetan men and women in bright clothes who were going for worship.

Right up against the monastery on both sides of the road some booth and tents are pitched, where colourful cloths and dry goods are being sold, which Tibetans might need. You can also find a place to eat. This square looks more like a fair. About thirty meters to the right of the road there is a suburgan, and then there is an entrance. In close proximity to each other eight little suburgans stretch to the left of it, each about three meters high. We handed our credentials to lama Luo Sanchila, who understood a little Chinese and obviously had the right to accompany visitors. A few minutes later he ushered us in, what we would call a “boiler room”, where lamas boiled tea. It’s a high heavily smoked building with windows up above and a door with a lock down below (as is the case with all the doors in the monastery). In the middle of the room there were three copper boilers (about three meters in diameter). The bulging part of the middle boiler was spotted with Tibetan inscriptions, and of the two side boilers — with ornaments of plant and geometrical patterns. Along the left and back walls there were wooden tubs on the racks. The tea is poured into these tubs from the boiler and is handed to lamas. The boilers are covered with wooden tubs. Having lifted one of the lids, we made sure that the boilers indeed maintain the temperature. Even though there is no fire in the hearths, the tea was steaming hot. In the right and left corners are two more boilers, but of smaller size. Both to the left and to the right of the door there are two high haystacks to boil tea with. From here the lama took us to view the main temple. It is a very high and spacious building. The windows are small and are situated at the very top, therefore everything is gloomy. The darkness is intensified because of endless number of fabric pillars and curtains, hanging from the ceiling. Patterned carpets stretch along the floor of the temple, on which lamas sit. It’s impossible to walk without a lantern. It is that dark. The walls are covered with the endless amount of little statues and portraits of Buddhas. There is a throne against the front wall of the temple. It is covered with yellow cloth. Panchen Lama is seated on this throne, when he visits Gumbum. On the right wall there are shelves where the canons are kept. The floor is littered. It looks like it’s not swept that often. There is also a heavy smell of melted cow butter. This smell is everywhere. The candles are made of butter and there are so many of them in the monastery. Everything is soaked in these fumes.

The lama led us onto the roof of the main temple. We could see the whole monastery from there. Gumbum is located in the hollow among four small mountains. The higher belt is stretched in several rows, and these are the dwelling places of the lamas, that are now numbering 2,300, according to Sanchila, but they used to number 4 thousand. The roof of the main temple is adorned with gilded images of rams² and very elegant towers of different heights. They are also seen on the other roofs. A gilded roof of the two-story high middle temple shines in the sun. The relics are kept there. At the entrance to that temple we saw Tibetans, both men and women together, stretched in one row on a wooden floor. They were praying. Each folded his palms together, raising hands above his head

2 Deers in reality (E. R.)

**From E. R. Tenishev's
field journal**

19

лоченная крыша среднего храма в два этажа, с реликвиями. У входа в этот храм на дощатом полу, расположившись в один ряд, молились тибетцы, мужчины, женщины, все вместе. Каждый складывал ладони вместе, поднимал руки над головой, затем опускал на грудь. Потом, опираясь на два катка, скользил вперед, растягиваясь во всю длину. Затем катки скользили назад, тибетец оставлял их у ног, поднимался — и все начиналось сначала. Такие поклоны делаются много раз. Половицы пола отполированы этими поклонами до блеска.

Спустившись, мы пошли через двор к левому крылу среднего храма. Он состоит из трех частей: в первой — большая статуя сидящего Цзонхавы [Цзонкапы] в окружении Будд вдоль стен, во второй — таких же размеров Куаншиим пусар (Бодисатва Куаншии [Гуаньшиинь пуса, Авалокитешвара]) в сидящей позе, в третьей то же изображение, рядом с которым чудовище в человеческом образе верхом на коне, рядом с ним на возвышении — статуи двух Будд в сидячей позе. Недалеко от чудовища находится камень около метра высоты пирамидальной формы. На нем углубление, напоминающее след правой ноги. Лама объяснил, что на этот камень наступил Цзонхава. Слева сверху камня два точечных углубления — словно кто-то большим и указательным пальцами захватил камень. Лама сказал, что это следы от пальцев матери Цзонхавы. Камень сверху облит маслом. Отсюда мы пошли в средний храм с золотой крышей. Здесь в самом центре высоко наверху изображение Цзонхавы, начертанное кровью. Внизу — изображение панчен и далай-ламы.

Налево от возвышения, как объяснил Ло Саньчила, — «следы ног маленького Цзонхавы». В это время один из лам благоговейно коснулся их лбом. Все помещение сверху заполняют изображения и статуи различных Будд и буддийские реликвии. Далее лама показал нам два мани с барабанами снаружи. Здесь повсюду горят лампы в форме рюмок разных размеров. В середине храма я насчитал их двадцать три. Все они до краев наполнены топленным маслом, а внутри теплится язычок пламени. В самую большую лампаду входит не менее пуда масла, в самую маленькую грамм пятьдесят. Такие лампы горят во всех мани. Далее лама вывел нас и показал отдельный храм, рядом с ним большой субурган.

В первом дворе этого храма посередине водружен небольшой камень, на котором укреплен круглый камень на самом верху. По преданию, на этот камень мать Цзонхавы, набрав воды, поставила ведро, чтобы легче было его поднять на плечо. Камень облит маслом, сквозь его слой видны китайские современные и старые монеты, как бы пожертвованные этому камню. Через дверь мы вышли во второй двор. В верхнем его углу лама непрерывно бил в большой плоский барабан и медные литавры. Ло Саньчила пояснил, что под этот звон ламы читают молитвы (каноны). Во втором ряду галереи, окружающей двор, по бокам храма, по левую руку, вытянув морды, стояли чучела двух коров, по правую руку — чучела медведя, черного барана и коровы (рис. 19–20). В самом храме на колоннах развешаны тигровые шкуры красноватого цвета с черными полосами, тут же кучки старых тибетских ружей, прямо в глубине — чучело коня панчен-ламы, а налево чучело тигра и бурого медведя, дикого барана и черной козы. Этот храм посвящен охоте и войне. На стенах рисунки ужасных сражений, чудовища, заглатывающие людей и т. д.

На этом осмотр монастыря закончился. За такое непродолжительное время я не смог познакомиться глубже с жизнью монастыря, его уставом и т. д., а может быть и не смог бы, как этого не хотелось, так как чувствуется, что существуют свои правила приема гостей³ (рис. 21).

3 Э. Р. Тенишев, У тюркских народов Китая (Москва, 1995), сс. 187—190.

21

20

and then lowering them to his chest. Then, leaning against two rollers, he slid forward, stretching at his full length. Then the rollers slid back and a Tibetan leaving them at his feet stood up — and then all over again. This kind of bows is performed many times. Floor-boards are polished with these bows to shining.

Having come down we walked through the yard and on to the left wing of the middle temple. It is comprised of three rooms. In the first room there is a large statue of Tsongkhapa. He's surrounded by Buddhas along the walls; in the second room, Guan Shi Yin Pu Sa (Bodhisattva Kuan-shi [Guanshiyin pusa, Avalokiteshvara]) is in sitting position; and in the third room we saw the same image, next to which there is a monster in human appearance riding a horse. Next to this monster there are two sitting Buddhas on an elevated pedestal. Not far from the monster there is a pyramidal rock about one-meter high. There is a cavity that looks like a footprint of a right foot. The lama explained that Tsongkhapa stepped on this rock. The upper left corner of the rock has two finger cavities — as though somebody grabbed the rock with a thumb and an index finger. The lama said that these are the fingerprints of Tsongkhapa's mother. The top the rock is covered with oil. From there we went into the middle temple with the golden roof. High above in the very centre of this temple there is an image of Tsongkhapa, written in blood. Down below there are images of Panchen and Dalai Lamas.

To the left of the eminence, as Luo Sanchila explained, there are “footprints of little Tsongkhapa”. Meanwhile one of lamas reverently touched them with his forehead. On top all of the room is filled with images and statues of various Buddhas and other Buddhist relics. Further on the lama showed us two mani with drums on the outside. Everywhere here there are wineglass-shaped lamps of various sizes. I counted twenty three of those in the middle of the temple. All of them are filled to the brim with melted butter. There is a glimmering tongue of fire inside. The largest of the lamp contains not less than 16 kilograms of butter, the smallest one can hold only about fifty grams. This kind of lamps burn in all the mani. Further on the lama led us outside and showed us an isolated temple, next to which there was a little suburgan.

A rather small rock is erected in the first yard of this temple, on the top of which a round rock is fastened. According to the tradition Tsongkhapa's mother placed a bucket of water upon this rock, so that it would be easier for her to raise it onto her shoulder. The rock is covered with oil, and through the oil we could see Chinese coins, both modern and old, which were offered to this rock. We exited through the door into the second yard. In its upper corner a lama was constantly beating a big flat drum and copper kettle-drum. Luo Sanchila explained that the prayers (canons) are being read to the beating of these drums. In the second row of the gallery encircling the yard, on each side, there were stuffed animals with snouts outstretched — two cows to the left and a bear, a black ram and a cow to the right (figs. 19–20). There were red tiger-skins with black streaks in the temple on the pillars, there were also piles of Tibetan rifles, and at the very heart there were more stuffed animals — Panchen Lama's horse, and a tiger and a brown bear, a wild goat and a dark she-goat to the left. This temple is dedicated to hunting and war. On the wall there are figures of horrifying battles, monsters devouring people, etc.

Our viewing of the temple stopped at this. For a short time given I was not able to learn more of the monastery's life, its statutes, etc. But maybe I wouldn't have been able to do so even if I would like to have learned more. There seems to be certain rules in regards to receiving visitors (fig. 21)³.

3 E. R. Tenishev, Visiting Turkic Peoples in China (Moscow, 1995), pp. 187—190.

22

Д. В. Иванов, Е. А. Резван

«Из дальних монгольских степей богомольцы являются в Гумбум на верблюдах; в числе богомольцев встречаются и женщины (рис. 22). В Гумбуме верблюды продаются, и далее караваны идут на яках, т. е. яки везут запас и лишнее платье богомольцев, а сами они идут пешком»⁴, — писал Г. Н. Потанин по впечатлениям от своего посещения монастыря в 1885 г. Сегодня, как и несколько веков назад, сюда приходят паломники из разных областей буддийского мира. Разноликая и разноязыкая толпа, как и прежде, собирается на предмонастырской торговой площади,

где можно купить и вещи местного производства, связанного так или иначе с монастырем, и предметы, привезенные из Тибета, Монголии, центральных или южных областей Китая... Именно здесь экспедиция 2008 г. приобрела ритуальные трубы (тиб.: *rkang-gling*), чей резкий звук призван распугать демонов, и полное одеяние буддийского монаха⁵ (рис. 27–31).

Среди других экспонатов, представленных в этом разделе, также есть предметы из разных, но соседних с Китайским Туркестаном, областей буддийского мира. Если танки с житием Цонкапы были подарены музеем академиком С. Ф. Ольденбургом, то два дру-

гих предмета поступили от «побратимов» героя В. А. Обручева русского купца Фомы Кукушкина. Четки (рис. 28) доставлены в музей Георгием Михайловичем Осокиным⁶ — купцом Первой гильдии, сотрудником Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского Географического общества и почетным гражданином г. Кяхты. В 1895 г. выдающийся этнограф и революционер-народник Д. А. Клеменц, годом спустя избранный на должность хранителя МАЭ РАН, привлек Г. М. Осокина к собиранию экспонатов для музея.

Украшенные двумя живописными изображениями Будды, изображениями бодхисаттвы Майтреи и Манджушри богатые переплетные доски одной из «парадных рукописей» распространенного по буддийскому миру сочинения *Bhagavat-ratna-guṇa-samcaya-gāthā-pañjikā* (рис. 25) поступили в 1903 г. от купца Н. Н. Шулынгина, совладельца торгового дома «Братья Н. и П. Шулынгини», существовавшего в конце XIX — начале XX вв. в Урге (ныне Улан-Батор) и занимавшегося преимущественно чайной торговлей. Именно о таких «шелковых досках» писал Велимир Хлебников, который «родился... в стане монгольских исповедующих Будду кочевников... в степи — высохшем дне исчезающего Каспийского моря»⁷.

Я видел, что черные Веды,

Коран и Евангелие

И в шелковых досках

Книги монголов...⁸

Что касается ритуальной трубы-раковины⁹ (рис. 24), то она поступила в музей еще в 1841 г. от наследников барона Павла Львовича Шиллинга фон Канштадта (1786–1837), блестящего дипломата, офицера и ученого. Начав карьеру профессионального дипломата в 1803 г., он ушел в армию и во время военных действий 1814 г. был удостоен боевого

9 Особенно «сильными» считаются раковины, закрученные в правую сторону.

4 Г. Н. Потанин, *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия* (Санкт-Петербург, 1893), с. 423

5 Две другие ритуальные медные трубы поступили в МАЭ РАН в 1911 г. (колл. № 1907–175, 174).

6 Г. М. Осокин, *На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья* (Санкт-Петербург, 1906).

7 В. Хлебников, *Автобиографическая заметка — Творения* (Москва, 1986), с. 641. Поэт родился в главной ставке Малодербетовского улуса Астраханской губернии (ныне село Малые Дербеты, Калмыкия), его отец — В. А. Хлебников — был попечителем улуса.

8 В. В. Хлебников, *Единая книга* (1919—1920—1922).

Dmitriy Ivanov, Efim Rezvan

“From distant Mongol steppes pilgrims come to Gumbum riding camels; among pilgrims women also can be found (fig. 22). In Gumbum camels are sold and from then on caravans switch to yaks, i. e. yaks carry supplies and pilgrims’ spare clothing while pilgrims walk on foot”⁴, — wrote G. N. Potanin under the impressions of his visiting the monastery in 1885. Today just like several centuries back pilgrims come here from various areas of the Buddhist world. The multiface and multilingual crowd still gathers, just as it did before, at the pre-monastery market square, where one can purchase items of local production in one way or another linked to the monastery or items brought from Tibet, Mongolia, central and southern regions of China... This was the very place where the expedition of 2008 obtained the ritual horns (Tib.: *rkang-gling*) with a shrilly sound designed to scare demons away⁵. And along with the ritual pipes we also obtained Buddhist monk attires (figs. 27–31).

Among other exhibits represented in this section there are also items from different regions — neighbouring with Chinese Turkestan — of the Buddhist world. If the *thangkas* with the life of Tsongkhapa inscribed on them were given to the museum by S. F. Oldenburg, a member of Academy, the other two articles came from “sworn brothers” of the character of V. A. Obruchev, Russian merchant Foma Kuku-shkin. The beads (fig. 25) were delivered to the museum by Georgiy Mikhaylovich Osokin⁶ — a merchant of the first guild, an employee of the Troitskosavsk-Kyakhta department of the Russian Geographical Society and an honourable citizen of the town of Kyakhta. In 1895 a prominent ethnographer and Russian populist revolutionary D. A. Klementz, who one year later was chosen for the office of the MAE RAS

4 G. N. Potanin, *The Tangut-Tibetan Suburbs of China and Central Mongolia* (St. Petersburg, 1893), p. 423.

5 Another two ritual copper pipes were admitted in the year 1911 (coll. No. 1907–175, 174).

6 G. M. Osokin, *At the Border of Mongolia. Essays and*

23

keeper, drew G. M. Osokin to collect exhibits for the museum.

In 1903 certain rich interwoven boards of one of the “manuscripts for show” of *Bhagavat-ratna-guṇa-samcaya-gāthā-pañjikā* (fig. 29) spread around the Buddhist world were given by merchant N. N. Shulyngin. Those boards were decorated with two picturesque images of Buddha and images of bodhisattvas Maitreya and Manjushri. The merchant was a co-owner of the firm “Brothers Shulyngins, N. and P.”, which functioned in the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries in Uрга (now known as Ulan-Bator) and it was mostly involved in the tea commerce. Vladimir Hlebnikov, who “was born... in the camp of the Mongol nomads pro-

Materials for the Ethnography of the South-Eastern Transbaykalia (St. Petersburg, 1906).

7 V. Hlebnikov, *Autobiographical Note — Creations* (Moscow, 1986), p. 641. The poet was born at the main headquarters of Maloderbetovsky ulus of Astrakhan prov-

fessing Buddhism... in the steppe — the dried-up floor of the vanishing Caspian Sea”⁷ wrote about these type of “silk boards”.

*I saw that black Vedas,
The Qu’ran and the Gospels
And the books of Mongols
In silk boards...⁸*

In regards to the shell-horn⁹ (fig. 24), it was admitted into the museum back in 1841 from the heirs of Baron Pavel Schilling von Cans-tadt (1786–1837), a brilliant diplomat, an officer and a scientist. Having begun his professional career as a diplomat in 1803, he joined the army and during the operations of 1814 he was awarded with an insignia and a sabre inscribed with “for courage”. P. L. Schilling was engaged in cryptog-

ince (today it’s a village of Malye Dербety, Kalmykia); his father — V. A. Hlebnikov — was the ulus curator.

8 V. V. Hlebnikov, *The Unified Book* (1919—1920—1922).

9 The shells curled to the right are considered to be of particular “strength”.

ордена и сабли с надписью «За храбрость». П. Л. Шиллинг профессионально занимался криптографией¹⁰, изучал тибетский и китайский языки. По завершении войны он вернулся в МИД и был определен в Азиатский департамент. Здесь он, в частности, стал устройтелем и директором «литографического заведения», в котором с помощью изобретенной им оригинальной технологии и с лучшим в Европе качеством стали издаваться памятники китайской письменности¹¹. Шиллинг принимал участие в издании маньчжуро-монголо-китайско-русско-латинского словаря П. И. Каменского. По просьбе Я. И. Шмидта, человека, который ввел изучение монгольского языка и литературы в европейскую науку, он организовал литографическое издание каталога Ганджур из монастыря Нартан. Именно благодаря усилиям Шиллинга один из основоположников российской синологии Н. Я. Бичурин был в 1826 г. переведен из Валаамского монастыря, куда был заключен пожизненно, в Александро-Невскую лавру и зачислен штатным служащим Азиатского департамента МИД.

В 1820 г. Шиллинг отправляется в продолжительную поездку по Сибири, из которой привез богатые буддийские коллекции. В 1822 г. он был избран членом Французского

Азиатского общества, в 1824 г. — почетным членом Британской востоковедческой ассоциации, четыре года позднее он получил чин действительного статского советника и стал членом-корреспондентом Академии наук¹².

«С тех пор, как Одоевский начал жить в Петербурге... открылись у него вечера, однажды в неделю... — вспоминал в 1869 г. М. М. Погодин, — Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иоакинф с китайскими сузившимися глазами, толстый путешественник, тяжелый немец-барон Шиллинг... и живая миловидная графиня Растопчина, Глинка и профессор химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий многозвучный археолог Сахаров. Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь впервые явился на сцену большого света и Гоголь»¹³. По-видимому, именно здесь родилась идея экспедиции в Китай, в которой П. Л. Шиллинга и Н. Я. Бичурин должен был сопровождать А. С. Пушкин. Воспоминанием об этом нереализованном проекте стали пушкинские строки:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж...¹⁴*

В 1830 г. П. Л. Шиллинг возглавил научную экспедицию, отправившуюся в Якуту — город на границе с Монголией. Министерством иностранных дел ему было поручено изучить административное устройство буддийских монастырей в Забайкалье и составить новый проект «Законоположения», посвященного взаимоотношению государства с буддийской общиной.

П. Л. Шиллинг был известен и как выдающийся изобретатель. В 1812 г. он испытал на Неве мину с электрическим запалом, а 21 октября 1832 г. впервые в мире продемонстрировал работу электромагнитного телеграфа собственного изобретения¹⁵. В 1836 г. под его руководством была проложена подземная телеграфная линия, соединяющая крайние здания Адмиралтейства. Годом позднее барону Шиллингу было поручено проведение телеграфной линии между Петергофом и Кронштадтом, однако этот проект так и не был осуществлен из-за его внезапной смерти (рис. 23).

Рис. 1—3. В монастыре Кумбум (Таэрс). Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 4. Танка (тиб.: *thang ka*) с изображением жития Цонкапы (тиб.: *Tsong kha pa*). В центре каждого образа изображен Цонкапа, сидящий в позе *важдрасана* на лotosовом постаменте. На цветках лотоса, расположенных у плеч Цонкапы, лежат меч и книга — атрибуты бодхисаттвы Манджусри. Центральный образ Цонкапы окружают изображения ключевых событий из его жизни. Холст, парча, шелк, дерево, живопись, вышивка; 141,0 × 77,0 см. Тибет, начало XIX в. Из коллекции С. Ф. Ольден-

13 См.: И. И. Панаев, *Литературные воспоминания* (Москва, 1988), с. 119.

14 А. С. Пушкин, *К подножию ль стены далекого Китая* (1829).

15 Разработки П. Л. Шиллинга представлены в экспозициях Центрального музея связи в Санкт-Петербурге и московского Политехнического музея.

raphy¹⁰ on a professional level, he studied Tibetan and Chinese languages. After the war was over he returned to the Ministry of Foreign Affairs and was assigned to the Asian department. There in particular he became an organizer and director of the “lithographic institution”, where — with the help of the original technologies invented by him and with the best quality in Europe — the monuments of Chinese literature were published¹¹. Schilling took part in publishing a Manchurian-Mongol-Chinese-Russian-Latin dictionary of P. I. Kamenskiy. At the request of Y. I. Schmidt, the man who introduced Mongol language and literature studies into the European science, he organized a lithographical publication of the Kangyur catalogue from the Narthang monastery. Thanks to the efforts of Schilling one of the founders of the Russian sinology, N. Y. Bichurin, was in 1826 transferred from the Balaam monastery, where he was sentenced for life, into the Alexander Nevsky Lavra and was enlisted as a full-time servant of the Asian department of the Ministry of Foreign Affairs.

In 1820 Schilling sets out on a long journey around Siberia, from which he brought back rich Buddhist collections. In 1822 he was chosen as a member of the French Asian Society,

in 1824 — an honorary member of the British Oriental Association, and four years later he acquired a rank of a full-time counsellor of the state and became a corresponding member of the Academy of Sciences¹².

“Since Odоеvskiy began living in Petersburg... evening meetings were initiated at his place once a week...”, reminisced M. M. Pogodin in 1869. “Here gathered cheerful Pushkin and Father Iakinf with narrow Chinese eyes, a fat traveller, heavysset German baron Schilling... vivacious pretty countess Rastopchina, Glinka and chemistry professor Hess, Lermontov and clumsy well-informed archaeologist Saharov. Krylov, Zhukovskiy and Vyazemskiy were among the regular attendants. It was here that Gogol revealed himself to the literary world”¹³. Apparently the idea of the expedition to China was birthed there, and P. L. Schilling and N. Y. Bichurin were supposed to have been accompanied by A. S. Pushkin. The Pushkin’s poem lines serve as a reminder of that unrealized project:

*Let us go for I am ready; wherever you, my friends,
Wherever you desire (to go), after you I’m ready
To follow you anywhere, haughtily running*

Figs. 1—3. In the Kumbum (Taersi) Monastery. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 4. *Thangka* (in Tibetan language) with the images of Tsongkhapa’s (Tib.: *Tsong kha pa*) life. In the centre of each image is Tsongkhapa sitting in the *Vajrasana* position on a lotus pedestal. On the lotus flowers located by the Tsongkhapa’s shoulders lie the attributes of the bodhisattva Manjushri — a sword and a book. The central image of Tsongkhapa is encircled with the key events of his life. Canvas, brocade, silk, wood, painting, embroidery; 141.0 × 77.0 cm. Tibet, beginning of

10 Schilling was included into the history of cryptography first and foremost as an inventor of the so-called digram code, which was used in Russia right up to the beginning of the 20th century.

11 On this topic see an interesting translation of an anonymous article from the Parisian “Journal Asiatique”:

“Of portraying Chinese characters and of interesting publications of Baron Schilling”, *Journal Asiatique* (May 1825), pp. 367—373.
12 See A. V. Yarotskiy, “On the activity of P. L. Schilling as an orientalist”, *Essays on the History of Russian Oriental Studies VI* (Moscow, 1963), pp. 333—342.

Whether to the foot of the wall of distant China, Or to the boiling Paris...¹⁴

In 1830 P. L. Schilling headed a scientific expedition that left for Kyakhta — a city on the border with Mongolia. The ministry of Foreign Affairs commissioned him to study the administrative structure of the Buddhist monasteries of Transbaykalia and come up with a new project of “regulations” dedicated to the relationship of the state to the Buddhist community.

P. L. Schilling was also known as a prominent inventor. In 1812 he tested a mine with an electric igniter on Neva, and on October 21st of 1832 for the first time in the world he demonstrated how functioned an electromagnetic telegraph of his own invention¹⁵. In 1836 an underground telegraph line was laid under his direction; it connected the farthest structures of the Admiralty. One year later Baron Schilling was commissioned with laying a telegraph line between Petergof and Kronstadt; the project however never was realized due to his unexpected death (fig. 23).

10 В историю криптографии Шиллинг вошел, прежде всего, как изобретатель так называемого биграммного шифра, которым в России пользовались вплоть до начала XX в.

11 Об этом см. любопытный перевод анонимной статьи из парижского “Journal Asiatique”: «О изобра-

жении китайских письмен и любопытных изданиях барона Шиллинга», *Азиатский вестник* (май 1825 г.), сс. 367—373.

12 См.: А. В. Яроцкий, «О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда», *Очерки по истории русского востоковедения VI* (Москва, 1963), сс. 333—342.

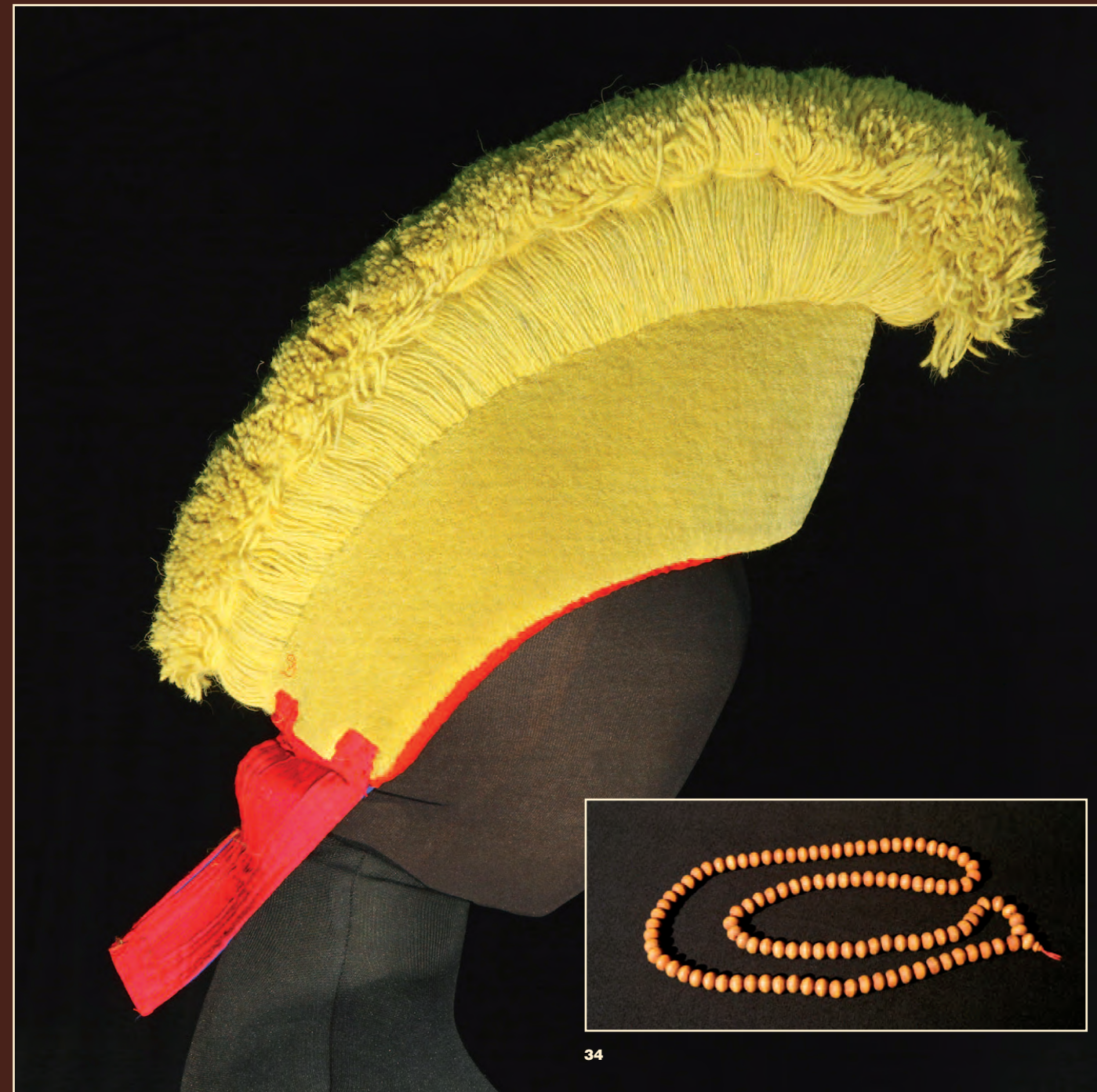

26-30

31

32

34

33

Поистине, Мы ниспослали его в ночь могущества
А что даст тебе знать, что такое ночь могущества?
Ночь могущества лучше тысячи месяцев.
Нисходят ангелы и дух в нее с дозволения
Господа их для всяких повелений.
Она — мир до восхода зари!

Коран, сура ХСVII «Могущество»

ИСЛАМ —
РАМАДАН — ISLAM —
НОЧЬ RAMADAN —
ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ
NIGHT OF MEASURES

Behold, We sent it down on the Night of Power;
And what shall teach thee what is the Night of Power?
The Night of Power is better than a thousand months;
in it the angels and the Spirit descend,
by the leave of their Lord, upon every command.
Peace it is, till the rising of dawn.

The Qur'an, sura ХСVII "Night of Power"

2

В Турфанском оазисе (рис. 1–3), важнейшем торговом центре на северо-востоке Туркестана, ислам окончательно закрепился лишь к XV в. К тому времени соседи турфанцев исповедовали ислам уже почти пятьсот лет. Символом закрепления ислама на этой части Шелкового пути стал сорока четырехметровый минарет Эмин, самый высокий минарет в Китае, построенный в 1777–1778 гг. (рис. 4–7).

Ислам принес на эту землю свои посты и праздники, особую временную «систему координат», общую для всех мусульман и связанную с их священной историей. «О те, которые уверовали! Предписан вам пост, так же как он предписан тем, кто был до вас, — может быть, вы будете богобоязненны! — на отсчитанные дни... Месяц рамадан, в который ниспослан был Коран в руковод-

тво для людей и как разъяснение прямого пути и различия...» (Коран, *сура* II, *айаты* 183–185). Мусульманский пост (*саум*, *ураза*) заключается в полном воздержании в светлое время суток от пищи, питья, мирских удовольствий. Тем ярче и веселее ночи этого месяца.

Ночь на 27 рамадана, когда по традиции, Мухаммаду было ниспослано первое откровение — один из важнейших мусульманских праздников, известный как «Ночь Предопределения» или «Ночь могущества» (*лайлат ал-кадр*). Считается, что именно в эту ночь Аллах принимает решения о судьбах людей на ближайший год. К этой ночи готовятся заранее, начиная с 20 рамадана: в любое время, кроме восхода и захода солнца и полудня, совершают специальные покаянные молитвы (*тауба*), стараются простить обидчиков, осо-

бенно ревностно совершают дела благочестия, тщательно убирают в доме, готовят специальные угощения, которые посылают друзьям и соседям. Согласно преданию, 'А'иша, юная и любимая жена пророка, однажды спросила его: «О, Посланник Аллаха, скажи, если я узнаю о наступлении ночи Предопределения, что мне следует говорить?» Он сказал: «Говори: 'О, Аллах, поистине, Ты — Прощающий, Щедрый. Ты любишь прощать, так прости же меня!'». *Лайлат ал-кадр* — важный повод задуматься о своей жизни, время размышления о будущем. Люди верят в прощение и вместе с близкими искренне радуются ему.

Жители города выходят на ночные улицы, угощаются сами и угощают друзей и знакомых традиционными блюдами, рецепты которых передаются из поколения в поколение (рис. 8–11). Всюду звучит музыка.

In the Turfan Oasis (figs. 1–3), the most influential market centre in north-eastern Turkestan, Islam finally settled only in the 15th century. By that time Turfan's neighbours had been confessing Islam as their religion for almost 500 years. The symbol of Islam's strengthening on that territory of the Silk Road has become the forty-four meter Emir Minaret, the tallest minaret in China, which was built in 1777–1778 (figs. 4–7).

Islam has brought its fasts and festivals, its particular “system of coordinates”, common to all Muslims, which is linked to sacred Islamic history. “O ye who believe! Fasting is prescribed to you as it was prescribed to those before you, that ye may self-restraint, for a fixed number of days... Ramadan is the month in which was sent down the Qur'an, as a guide to mankind, also clear for guidance and judgment” (Qur'an, *sura* II, *ayat* 183–185). The Muslim fast (*sawm*, *uraza*)

has to do with the absolute refrain from eating, drinking, and indulging in anything worldly from dawn until sunset. Hence, the brighter and the more joyous are the nights of this month.

The night of the 27th of Ramadan, when according to the tradition Muhammad was sent his first revelation, is one of the most important Muslim festivals, known as “The Night of Fate”, or “The Night of Power” (*Laylat al-Qadr*). It is believed that, on this night, Allah makes decisions with regards to human destinies for the upcoming year. This night is being prepared for beforehand, starting on the 20th of Ramadan: at all times, with the exceptions of sunrise, midday, and sunset, believers are performing special repentance prayers (*tawba*), attempting to forgive offenders, zealously performing righteous deeds, carefully cleansing their houses, and cooking special meals, which are sent to their

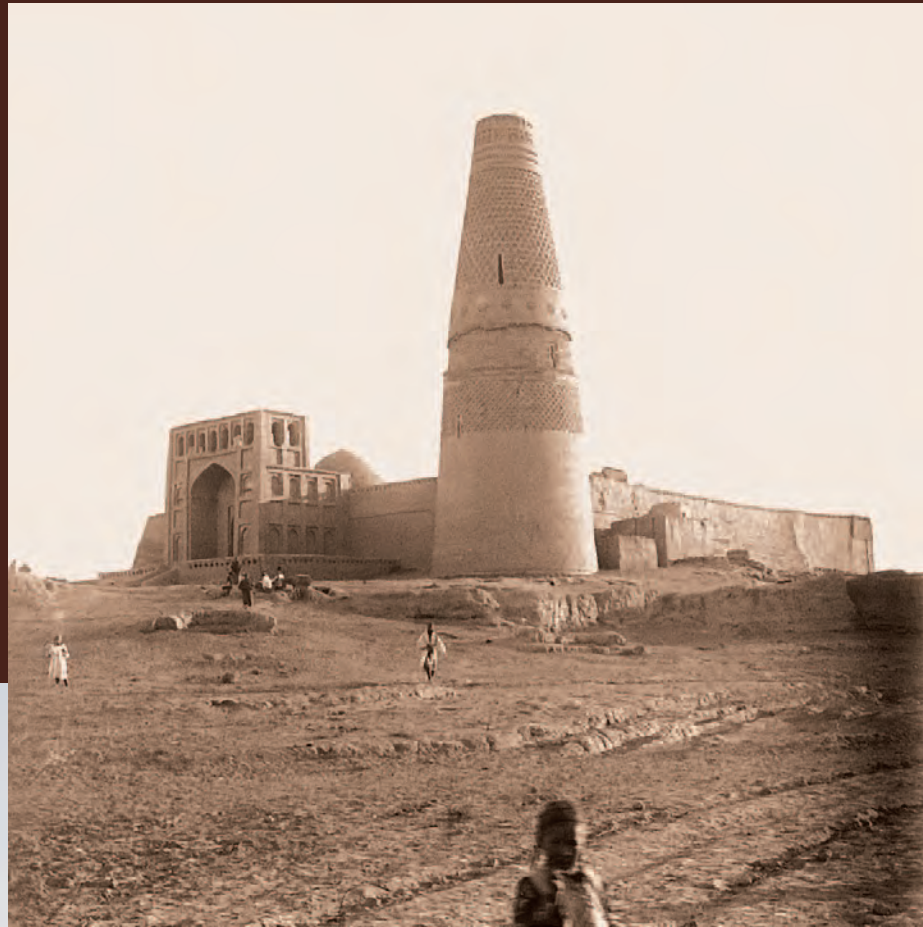
friends and neighbours. According to the tradition, 'A'isha, the youngest and the most beloved wife of the prophet, once asked him, “O Messenger of Allah, tell me if I see the coming of the Night of Fate, what do I say?” He told her, ‘Say, «O Allah, You truly are Forgiving and Generous. You love to forgive, hence forgive me!»”. *Laylat al-Qadr* is an important reason to meditate on one's life and future. The people believe in forgiveness and together with their loved ones they truly rejoice in it.

The city inhabitants come out on the streets at night, treat their friends and acquaintances with traditional dishes and are treated as well. These traditional dishes' recipes are passed down from generation to generation (figs. 8–11). Music is heard everywhere.

3

4

5

7

6

8

10

9

11

**Из полевого дневника
Э. Р. Тенишева**

4–5 сентября 1956 г.

Вчера мы осмотрели одну старую мечеть. Ей почти триста лет. У входа — камень около двух метров высоты с надписями на уйгурском и китайском языках, посвященными возведению и ремонту мечети. Сегодня осмотрели еще мазар Ходжам Абу-ль Насреддин [Абу ан-Наср ад-Дин] (сына Мавлан-и-Руми из Аксу), 40–50-летней давности. Объяснения давал шейх Абдулла [‘Абд Аллах]. У дверей по бокам туги — знамена с бараньими рогами. Вверх поднимается узкий темный коридор и, наконец, последние двери — за ними сама усыпальница. Она накрыта покрывалом с надписями. Вся обстановка настолько древняя, что, кажется, мы перенеслись на несколько столетий назад. Это подчеркивается еще и тем, что в Турфане много мелких ремесленников, портных, кузнецов (рис. 13). Все делается вручную, как, наверное, и тысячу лет тому назад¹ (рис. 12).

8 сентября 1956 г.

Вдруг куда-то ушел Эмин Турсун. Через некоторое время вернулся и сказал, что пришли музыканты. Действительно, мы просили прийти музыкантов, чтобы послушать музыку люкчуцев. Пришлось вставать, идти, утопая в пыли, минут двадцать по темным улицам к дому, где собрались музыканты. Комната набита битком любителями музыки. Расселись на ковре и, попивая чай (!), приготовились слушать. Сегодня исполнялся мукам. Музыканты, два человека, взяли свои инструменты: у Нияза в руках тамбур, у Нура — дап. Два баритона запели старинный торжественный уйгурский мотив. В течение почти двух часов музыканты исполняли сокращенный вариант двух мукамов <...> Я испытал редкое чувство подъема духа и настроения, постепенно растворился и исчезли усталость, заботы дня и тревоги. Спокойная мощь и энергия мелодии нарастали, увлекали за собой и давали ощущение счастья. На исполнение всех двенадцати мукамов требуется времени около суток. Такого характера мукамы, по словам местных жителей, можно услышать только в Турфане, Пичане и Кашгаре <...> По нашей просьбе музыканты спели еще, сопровождая пение игрой на тамбуре и дапе, старинную уйгурскую песню «терек», которая поется в первый день свадьбы. Эта песня исполняется девятью юношами, аккомпанирующими себе на дапе. Незабываемый вечер²!

28 апреля 1957 г.

Стал накрапывать дождь, если он не кончится, вероятно, придется поездку отложить на послезавтра, так как трудно будет ехать. После ужина к нам зашел переводчик гостиницы Ван, пригласил на танцевальный вечер, который устраивает федерация женщин провинции. Из столовой убрали столы, получился большой танцевальный зал. Когда мы вошли, оркестр играл «Рябинушку». Под мотив этой песни китайские и тибетские девушки и парни танцевали танго. Тибетцы в своих халатах, приспущенных до пояса или с открытой от плеча правой рукой и в излюбленных ими фетровых шляпах, важно неслись по залу. Девушки-тибетки не пропускали ни одного танца. Они были в национальной одежде: длинных платьях с расшитыми передниками. За «Рябинушкой» последовал вальс-бостон, за ним полька, но все танцевалось как танго.

Дождь затихает, посмотрим, как будет завтра³.

1 Э. Р. Тенишев, У тюркских народов Китая (Москва, 1995), сс. 20—21.

2 Там же, с. 27.
3 Там же, с. 144.

September 4–5, 1956

Yesterday we surveyed one old mosque. It is about three hundred years old. There is a two-meter rock at its entrance with inscriptions in Uyghur and Chinese languages. It signifies the mosque's construction and its remodelling. Today we have also had a chance to survey the mazar of Khojam Abu-l Nasreddin [Abu al-Nasr al-Din] (the son of Mawlan-i-Rumi from Aksu) from 40–50 years ago. Shaykh Abdullah [‘Abd Allah] gave us a tour with explanations. On both sides of the door there were battle standards with ram's horns. A narrow dark passage ascended to the last door, behind which was the burial-vault itself. It is covered with a coverlet with inscriptions. The setting was so ancient, that it seemed that we were transported back to about couple of hundred years ago. That feeling was also emphasized due to the fact that there are a lot of small businesses, craftsmen, tailors and blacksmiths (fig. 13) in Turfan. Everything is hand-made as probably was the case a thousand years ago¹ (fig. 12).

September 8, 1956

Suddenly Emin Tusun left. Some time later he returned and said that musicians arrived. And yes, we did ask musicians to come so that we could listen to the music of Lyukchun dwellers. So we had to get up and walk with our feet sinking into dust. We walked for about twenty minutes along the dark streets, from house to house, to the place where musicians were gathered. The room was packed choke-full — music fans were all over the place. Everyone was seated on the carpet, drinking tea (!) and preparing to be entertained. Today muqam was performed. Musicians, two of them, grabbed their instruments: Niyaz held a tanbur, and Nur did a dap. Two baritones started singing an ancient ceremonial Uyghur motive. In the course of two hours the musicians performed an abridged version of two muqams <...> I experienced a rare feeling of my spirit and mood rising, the tiredness, worries of the day and anxiety were gradually dissolved and gone. The serene might and energy of the melody escalated, carrying me after it and giving me the sense of happiness. It takes about full twenty-four hours to perform all twelve muqams. Muqams of this nature, local people say, once can hear only in Turfan, Pichang and Kashghar. <...> At our request the musicians sang an ancient Uyghur song “terek” that is usually sung at the first day of a wedding; the singing was accompanied with tanbur and dap playing. This song is usually performed by nine youth accompanying themselves on dap. What an unforgettable evening²!

April 28, 1957

It started drizzling. And if it doesn't stop, we will most likely have to postpone our trip to the day after tomorrow, since it would be too difficult to travel. The hotel's interpreter Wang came by our place after dinner and invited us for the dance night organized by the Province's Women's Federation. The tables were moved out of the canteen, and it was turned into a large dancehall. When we came in, the orchestra started playing “Ryabinushka”³. Chinese and Tibetan girls and boys danced tango to the tune of that song. Tibetans, in their robes lowered to their waist or with their right arms bare from shoulder down and wearing their favourite felt hats, were pompously rushing along the hall. Tibetan girls did not miss even one dance. They were wearing national dresses — long dresses with embroidered aprons. “Ryabinushka” was followed by a boston, which was in turn followed by a polka. But everything was danced as though it was a tango. The rain is quieting down. We will see what our tomorrow will be like⁴.

1 E. R. Tenishev, Visiting Turkic Peoples in China (Moscow, 1995), pp. 20—21.

2 Ibid., p. 27.

3 “Ryabinushka” is the name of the Russian folk song, that is a diminutive-hypocoristic form for “mountain ash”.

4 Ibid., p. 144.

13

Человек на земле разучивает ту песню,
которую будет петь на небесах.

Виктор Гюго

Важная часть медитативной практики суфизма — коллективные дервишеские радения (*хадра*), которые часто сопровождаются игрой на музыкальных инструментах, пением, рецитацией *айатов*, особыми ритмизированными движениями, молитвенными позами, контролем дыхания. Погружение в звуковую стихию было одним из способов вызывания экстаза⁴.

14

4 Е. Э. Бертельс, «Суфизм и суфийская литература», *Избранные труды III* (Москва, 1965), сс. 57—59.

5 Подробнее см.: Л. А. Чவர், *Обряды и верования уйгуров в XIX—XX вв.* (Москва, 2006), сс. 118—142.

6 Крупнейшим специалистом по уйгурскому музыкальному наследию является Т. М. Алибакиева, автор

Русские путешественники не раз отмечали особое пристрастие жителей Кашгарии к музыке, пению, танцам (*рис. 12, 14—15*). Поводом для музыкальных пирушек (*тамаша*) становились праздники общины (такие как Ночь Могушества) и семейные (обрезания, помолвки, свадьбы). Многие элементы *хадры* унаследовал *машраб* — особого рода мужские товарищеские собрания, важной частью которых были пение и слушание музыки⁵. Здесь обязательно исполнялись и *мукамы* — традиционные инструментально-вокальные и сольно-хоровые произведения. «Двенадцать *мукамов*» — национальный уйгурский музы-

кальный эпос, который развивался в течение полутора тысяч лет, был в 2005 г. включен в реестр нематериального культурного наследия ЮНЕСКО⁶.

Петербургская Кунсткамера обладает богатым собранием музыкальных инструментов из Центральной Азии⁷. Ее дополняет интересная коллекция архивных фотографий конца XIX — начала XX вв., представляющих жителей Центральной Азии, занятых игрой на традиционных музыкальных инструментах. Музыкальная иконография дает в руки исследователю важный дополнительный материал, позволяет заглянуть в «окно времени»,

15

A man is learning that song on earth,
which he will be singing in heaven.

Виктор Гюго

An important part of the meditative practice of Sufism is collective *darwish* zeal (*hadra*), often accompanied with the playing of musical instruments, singing, recitation of *ayats*, particular rhythmic motions, prayer postures and breath

7 См.: В. А. Прищепова, «Музыкальные инструменты народов Средней Азии и Казахстана по фотографиям конца XIX — начала XX века из собраний МАЭ РАН», *Музыка Кунсткамеры* (Санкт-Петербург, 2002), сс. 185—193.

4 Е. Э. Bertels, "Sufism and Sufi Literature", *Selected Works III* (Moscow, 1965), pp. 57—59.

6 For further information see L. A. Chvyr, *Rituals and Beliefs of Uyghurs in 19th—20th Centuries* (Moscow, 2006), pp. 118—142.

control. One's immersion into the element of sounds was one of the ways to evoke ecstasy⁵.

More than once Russian travellers noted a special love for music, singing and dance (*figs. 12, 14—15*) among the inhabitants of Kashghar. Common holidays (such as the Night of Power) and family ones (circumcisions, engagements, weddings) could serve as occasions for musical feasts (*tamasha*). Many elements of *hadra* were inherited by *mashrab* — a men's

friendly meetings of particular kind, where singing and listening to music played an important role⁶. The performance of *muqams* — traditional instrumental / vocal and solo / choir pieces — was a mandatory part of those meetings. "Twelve *muqams*" is a national Uyghur musical epos developed in the course of one and a half thousand years. In 2005 it was included into the list of non-material cultural heritage of UNESCO⁷.

and others. The expedition of the MAE of 2008 obtained in Kashghar a set of 12 CDs, containing the performance of "Twelve *muqams*" by one of the best Uyghur musical groups.

выявить региональные особенности использования того или иного инструмента, сравнить практику столетней давности с тем, что можно увидеть сегодня⁸. Музей может представить небольшой оркестр только из инструментов, собранных на территории Китайского Туркестана (экспедиции С. Е. Малова 1911 и 1915 гг. и экспедиция музея 2008 г.)⁹.

Традиционный набор уйгурских музыкальных инструментов позволяет исполнять сложно оркестрованные произведения высочайшего уровня. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. приобрела в Кашгаре смычковый хордофон¹⁰ *хуштар*, звучание которого подражает пению птиц (*хуш* — птица, *тар* — струны, инструмент легко узнать по резному украшению в виде птицы)¹¹ (рис. 18). По словам мастера-изготовителя и продавца, этот музыкальный инструмент был возрожден в Китайском Туркестане в 1960-х гг. благодаря работе энтузиастов, опиравшихся на музыкальную иконографию, сохраненную фресками пещерных монастырей. Сегодня этот инструмент активно используется профессиональными коллективами.

Не протяжении многих и многих десятилетий самым распространенным музыкальным инструментом в регионе является двухструнный *дутар* — щипковый хордофон (рис. 19) с кузовом (*бешу*) грушевидной формы и длинным грифом (*дэстэ*) с навязанными ладами (*пэдэ*) и шейкой (местом соединения головки и грифа) — *бойни*. Головка обычно собирается на клей из деревянных

планок (*тала*), которые в местах соединения перекрываются реечками из дерева, камыша или кости. Деревянная дека (*узлуқ*) прорезана несколькими резонаторными отверстиями. Струны, жилые или шелковые, настраиваются по голосу певца.

Не менее распространен и плектронный хордофон *тамбур* (рис. 16), корпус которого состоит из долбленного грушевидного кузова и длинного грифа с навязанными ладами.

Важную роль играет и один из древнейших уйгурских музыкальных инструментов изящный *раваб* (рис. 17, 21) — также плектронный хордофон, состоящий из резонатора в форме полушара, грифа и массивной верхней части в форме рога, на которой помещены колки (*кулаклар*). *Раваб* легко узнать по двум выступам в виде повернутых вниз рогов или полумесяцев, которые крепятся в месте соединения резонатора и грифа. На долбленный резонатор натягивается дека из рыбьей или змеиной или (в дешевых вариантах) — бычьей кожи. Змеиная кожа сегодня поставляется из Таиланда.

Все три инструмента изготавливаются из тутового дерева, являются и сольными, и аккомпанирующими и ансамблевыми и имеют сходную форму и конструкцию с инструментами, известными по всей Центральной Азии.

Ритм задают ударные — *дап* (рис. 20, бубен, звук извлекается кончиками пальцев), *нашра* (рис. 22–23, малый барабан, используются барабанные палочки).

8 Она же, «Коллекция музыкальных инструментов народов Средней Азии и Казахстана в собрании МАЭ», Из истории коллекционирования музыкальных инструментов (к 150-летию со дня рождения барона К. К. Штакельберга). Сборник статей и рефератов Международной инструментоведческой конференции (13—15 июня 1998 г.) (Санкт-Петербург, 1998), сс. 62—64.

9 Сюда можно причислить и три музыкальных инструмента, привезенных экспедицией Г. Е. Грумм-Гржимайло «из Дарваза и восточных районов Туркестана» (МАЭ РАН, колл. № 298).

10 Музыкальный инструмент, в котором звук возникает в результате колебания струны.

11 В тот же день был приобретен и самоучитель игры на *хуштаре* (№ 7415–2с).

Saint-Petersburg Kunstkamera owns a rich collection of musical instruments from Central Asia⁸. It is expanded with an interesting collection of archive photographs of the late 19th—early 20th centuries, which displays the inhabitants of Central Asia playing traditional musical instruments. Musical portraits place an important supplementary document into the hands of a researcher, allow him to look through “the window of time”, bring regional peculiarities of one instrument or another to light, compare the practice of hundred years’ prescription with that which can be seen today⁹. The museum may present a small orchestra consisting of instruments collected on the territory of Chinese Turkestan alone (the expeditions of S. E. Malov of 1911 and 1915 and the museum’s expedition of 2008)¹⁰.

A traditional set of Uyghur musical instruments allows performance of complexly orchestrated pieces of the highest level. The expedition of the MAE of 2008 obtained a bow chordophone¹¹ *hushtar* in Kashghar, its sound imitates bird’s signing (*hush* means bird, and *tar* stands for strings; this instrument is easily recognizable due to its carved ornamentation in the shape of a bird)¹² (fig. 18). According to the words of craftsman who both made it and sold it, this musical instrument was revived in Chinese Turkestan in the 1960s thanks to the work of enthusiasts, who leaned heavily on musical portraits preserved in the frescoes of the cave monasteries. Today this instrument is actively used by professional groups.

In the course of many and many decades a two-stringed *dutar* has been the most widespread musical instrument in the region. It is a chordophone played by plucking (fig. 19) with

a pear-shaped body (*beshi*) and a long finger-board (*deste*) with tied keys (*pede*) and a neck (the place where the head and the finger-board meet) — *boyni*. The head is usually glued together of wooden plates (*tala*), which are covered with wooden, reed or bone strips at the junctions. There are several resonator slits in the wooden sounding board (*uzluq*). Strings — tendon or silk — are tuned according to the voice of a singer.

A plectrum chordophone, *tanbur* (fig. 16), is spread no less. Its carcass consists of a slotted pear-shaped body and a long finger-board with tied keys.

One of the most ancient Uyghur musical instruments, elegant *rawap* (figs. 17, 21) plays an important role as well. It is also a plectrum chordophone, consisting of a resonator in the shape of hemisphere, finger-board and a massive top part in the shape of a horn, which has pegs (*qulaqar*) fastened to it. *Rawap* is easily recognized by two projections in the shape of horns turned downward (or crescent-shaped), which are fastened to the place of the junction of the resonator and the finger-board. Onto a slotted sounding board a body made of fish or snake or (in cheap versions) bull’s skin. Snakeskin is supplied from Thailand.

All three instruments are made of mulberry tree. All three are for solo, accompaniment and ensemble use, and all three have shape and structure similar to the instruments known all over Central Asia.

Rhythm is set by the percussive instruments — *dap* (fig. 20, a tambourine of sorts; the sound is extracted with fingertips) and *nashra* (figs. 22–23, a small drum; drumsticks are used).

8 See V. A. Prischepova, “Musical instruments of the peoples of Central Asia and Kazakhstan on the photographs of the late 19th — early 20th centuries from the collections of the MAE RAS”, *The Music of Kunstkamera* (St. Petersburg, 2002), pp. 185—193.

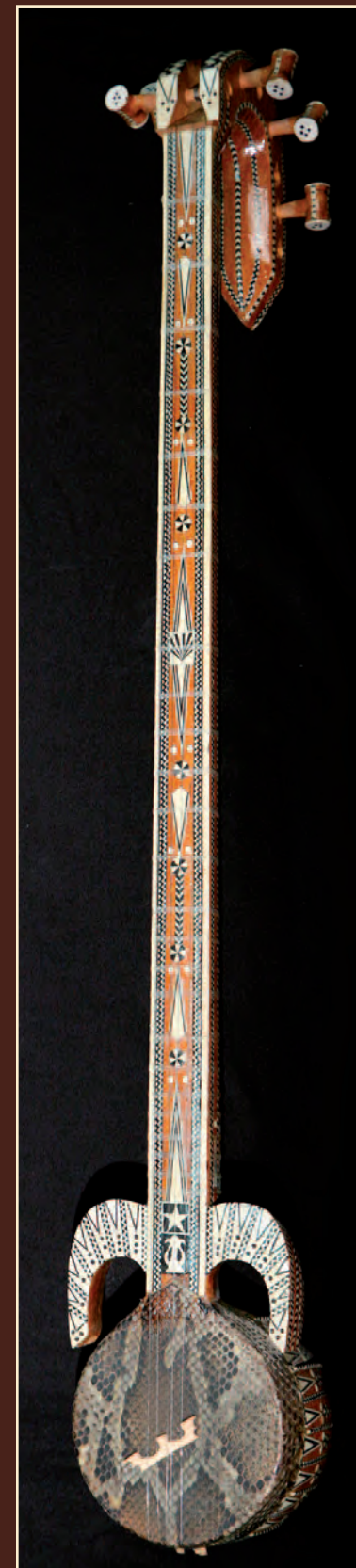
9 Eadem, “Collection of musical instruments of the peoples of Central Asia and Kazakhstan in the annals of the MAE”, *From the History of Collecting Musical Instruments (to the 150th Anniversary of Baron K. K. Stakelberg)*. Collection of articles and essays of International conference of the

study of instruments (June 13—15, 1998) (St. Petersburg, 1998), pp. 62—64.

10 Three musical instruments brought by the expedition of G. E. Grumm-Grzhymaylo “from Darvaz and eastern regions of Turkestan” may also be included (the MAE RAS, coll. No. 298).

11 A musical instrument, in which the sound is born as a result of string oscillation.

12 A manual for self-tuition on playing *hushtar* was acquired on the same day (No. 7415–2с).

19

18

20

21

22-23

Рис. 1—3. В Турфане. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 4. Старый Турфан. Минарет и медресе. Стереоскопический стеклянный негатив, 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–231.

Рис. 5. Общий вид развалин Старого Турфана. Стереоскопический стеклянный негатив, 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–228.

Рис. 6—7. Турфан. Соборная мечеть и сорока четырехметровый минарет Эмин, кладбище у мечети. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 8—11. Ночь Могушества. На улицах Турфана. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 12. Урумчи. Музыкант-сарт. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–553.

Рис. 13. Кузнец. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 14. Игра на *раваб*. Кашгар. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 15. Урумчи. Музыканты-сарты. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, колл. № 2114–548; 551.

Рис. 16. *Тамбур*, плектронный (смычковый) хордофон (шестиструнный). Целиком вырезан из дерева. Долбленный резонатор грушевидной формы закрыт деревянной декой с четырьмя серповидными голосниками. Длинный деревянный гриф, сзади выпуклый, спереди плоский имеет колки в верхнем конце (два сбоку, три спереди, от четвер-

того колка сохранилось лишь отверстие. Из шести медных струн сохранилось лишь четыре. На грифе 14 ладов из толстых кишечных струн. Инструмент инкрустирован. Общая длина — 157,0 см., резонатор — 49,0 × 16,0 × 17,0 см. Конец XIX в. Приобретен в Кашгаре, экспедиция С. Е. Малова, 1911 г. МАЭ РАН, колл. № 1876–1.

Рис. 17. *Раваб*, плектронный хордофон. Корпус долбленный, имеет форму лотни, покрыт кожаной мембраной. Дерево, змеиная кожа; 92,3 × 14,5 × 13,3 см. Начало XXI в. Приобретен в Кашгаре, экспедиция 2008 г. МАЭ РАН, № 7415–1.

Рис. 18. *Хуутар*, смычковый хордофон (четырёхструнный). Дерево, сплав меди; 72,5 × 21,0 × 6,5 см. Корпус клееный, грушевидной формы с прорезями, посажен на небольшой шпиль, украшение в виде птицы. Смычок: дерево, конский волос, пластмасса; 74,5 × 2,8 см. Начало XXI в. Приобретены в Кашгаре, экспедиция 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–2аб.

Рис. 19. *Дутар*, щипковый хордофон (двухструнный). Резонатор грушевидной формы склеен из тонких деревянных планок, в местах их соединения приклеены узкие полоски камыша. Резонатор украшен сетчатым орнаментом и закрыт тонкой деревянной декой с восьмью круглыми голосниками. Сбоку в резонаторе прорезаны еще два отверстия. В верхний конец грифа, плоского спереди и выпуклого сзади, вставлены два резных колка. Две шелковые струны. На грифе 13 ладов из шелковых и кишечных струн (один отсутствует). Общая длина — 127,0 см, резонатор — 40,0 × 14,0 × 18,0 см. Конец XIX в. Приобретен в Кашгаре, экспедиция С. Е. Малова, 1911 г. МАЭ РАН, колл. № 1876–2.

Рис. 20. *Дан*, бубен деревянный с мембраной из ослиной кожи с одной стороны, к внутренней части обруча прикреплены металлические кольца.

Дерево, кожа, металл, диаметр — 37,0 см. Начало XXI в. Приобретен в Кашгаре, экспедиция 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–4.

Рис. 21. *Раваб*, плектронный хордофон (трехструнный). Целиком вырезан из дерева. Нижняя часть (резонатор) выдолблена, имеет форму овальной чашки и затянута кожей, прибитой деревянными гвоздями. Пять отверстий в верхней части деки, нижняя часть грифа вырезана в виде четырех зубцов, загнутых по направлению к резонатору и грифу. В середине этой части грифа прибита восточная монета. Гриф оканчивается загнутой назад головкой, в среднюю часть которой вставлены три колка (два из которых сломаны). Струны отсутствуют. Смычок лукообразный выкрашен зеленой краской, к нему привязан пучок конских волос. На одном из концов ремешок, связывающий пучок волос и деревянную основу, пропущен сквозь такую же монету, какая набита внизу грифа. Общая длина — 85,0 см, резонатор — 22,0 × 18,0 × 10,0 см. Конец XIX — начало XX в. Экспедиция С. Е. Малова, 1915 г. МАЭ РАН, колл. № 3032–5.

Рис. 22. *Наура*, барабан трапециевидной формы. Верхняя часть обтянута кожей, по периметру корпуса выполнен геометрический клееный орнамент. Дерево, кожа; 14,0 × 12,2 × 16,5 см. Начало XXI в. Приобретен в Кашгаре, экспедиция 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–5а.

Рис. 23. *Наура*, барабан трапециевидной формы. Верхняя часть обтянута кожей; по периметру корпуса выполнен геометрический клееный орнамент. Дерево, кожа; 13,5 × 12,2 × 16,6 см. Барабанные палочки: поверхность покрыта лаком, по одной из сторон вдоль выполнена узорная полоса. Дерево; длина — 20,6 см, диаметр — 5,0 мм. Начало XXI в. Приобретены в Кашгаре, экспедиция 2008 г. МАЭ РАН, колл. № № 7415–5б; 7415–5сd (барабанные палочки).

Figs. 1—3. In Turfan. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 4. Ancient Turfan. The minaret and *madrasa*. A stereoscopic glass negative, 4,5 × 10,0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–231.

Fig. 5. A general view of the ruins of the ancient Turfan. A stereoscopic glass negative, 4,5 × 10,0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–228.

Figs. 6—7. Turfan. The Friday mosque and Emin minaret of forty-three meters high, the mosque cemetery. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 8—11. The Night of Power. On the streets of Turfan. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 12. Urumqi. A Sart musician. A stereoscopic glass negative, 4,5 × 10,0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–553.

Fig. 13. A blacksmith. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 14. Playing *rawap*. Kashghar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 15. Urumqi. Sart musicians. A stereoscopic glass positive, 4,5 × 10,0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–548; 551.

Fig. 16. *Tanbur*, a plectrum (bow) chordophone (of six strings). Entirely carved out of wood. A slotted pear-shaped sounding board is covered with a wooden body with four crescent-looking resonators. A long wooden finger-board, bulging in the back and flat in the front, has pegs in its upper end (two at the side, three at the front and the fourth one has only a slit remaining). Of six copper strings only four have remained. There are 14 keys made of thick intestinal strings on the finger-board. The

instrument is incrustated. General length is 157.0 cm, the sounding board's dimensions are 49.0 × 16.0 × 17.0 cm. Late 19th century. Acquired in Kashghar, the expedition of S. E. Malov, 1911. The MAE RAS, coll. No. 1876–1.

Fig. 17. *Rawap*, a plectrum chordophone. Slotted lute-shaped body, covered with leather membrane, wood, snakeskin; dimensions — 92.3 × 14.5 × 13.3 cm. Early 21st century. Acquired in Kashghar, the expedition of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–1.

Fig. 18. *Hushtar*, a bow (four-stringed) chordophone. Wood, copper alloy; 72.5 × 21.0 × 6.5 cm. Glued pear-shaped body with slits, fastened to a small steeple, a bird-looking ornamentation. Bow: wood, horsehair, plastic; 74.5 × 2.8 cm. Early 21st century. Acquired in Kashghar, the expedition of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–2аб.

Fig. 19. *Dutar*, a (two-stringed) chordophone played by plucking. The pear-shaped sounding board is glued from thin wooden plates; in the places of their junction narrow stripes of reed are glued. The sounding board is adorned with a grid ornament and is covered with a thin wooden body with eight round resonators. Two more slits are cut on the side of the sounding board. Into the upper part of the finger-board, flat in the front and bulging in the back, two carved pegs are inserted. Two silk strings. On the finger-board there are 13 keys made of silk and intestinal strings (one is missing). General length is 127.0 cm, the sounding board's dimensions are 40.0 × 14.0 × 18.0 cm. Late 19th century. Acquired in Kashghar, the expedition of S. E. Malov, 1911. The MAE RAS, coll. No. 1876–2.

Fig. 20. *Dap*, a wooden tambourine with a membrane made of donkey's skin on one side, metallic rings are fastened to the inner part of the hoops. Wood, leather, metal; 37.0 cm in diameter. Early 21st century. Acquired in Kashghar, the expedition of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–4.

Fig. 21. *Rawap*, a plectrum (three-stringed) chordophone. Entirely carved of wood. The lower piece (sounding board) is slotted and has an oval shape and is enclosed in leather, nailed with wooden nails. There are five slits in the top part of the body; the lower part of the finger-board is carved in the shape of four teeth bent in the direction of the sounding board and finger-board. An eastern coin is fastened to the middle of that part of the finger-board. The finger-board ends with a head into the middle part of which three pegs are inserted (two of the pegs are broken). Strings are missing. The onion-looking bow is painted green and a flock of horsehair is tied to it. One of the ends of a small strap tying the hair flock and the wooden foundation is run through a similar coin that is fastened to the lower part of the finger-board. General length is 85.0 cm, the sounding board's dimensions are 22.0 × 18.0 × 10.0. Late 19th—early 20th centuries, the expedition of S. E. Malov, 1915. The MAE RAS, coll. No. 3032–5.

Fig. 22. *Nashra*, a trapezoid drum. Its top part upholstered with leather; along the perimeter of the carcass a geometric glued ornament is done. Wood, leather; 14.0 × 12.2 × 16.5 cm. Early 21st century. Acquired in Kashghar, the expedition of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–5а.

Fig. 23. *Nashra*, a trapezoid drum. Its top part upholstered with leather; along the perimeter of the carcass a geometric glued ornament is done. Wood, leather; 13.0 × 12.2 × 16.6 cm. Drumsticks: the surface is lacquered, along one of its sides an ornamental stripe is made, wood; 20.6 cm on length, 5.0 mm in diameter. Early 21st century. Acquired in Kashghar, the expedition of 2008. The MAE RAS, coll. Nos. 7415–5б; 7415–5сd (drumsticks).

Или ты полагаешь, что обитатели пещеры и ар-Ракима были чудом среди наших знамений? Вот юноши спрятались в пещеру и сказали: «Господи наш, даруй нам от Тебя милосердие и устрой для нас в нашем деле прямоту». И Мы закрыли их уши в пещере на многие годы.

Коран, сура XVIII «Пещера», 9—11

ТУЙОК — «МЕККА» КИТАЙСКОГО ТУРКЕСТАНА

TUYOQ —
“MECCA”
FOR CHINESE
TURKESTAN

Or dost thou think the Men of the Cave and Er-Rakeem were among Our signs a wonder? When the youths took refuge in the Cave saying, “Our lord, give us mercy from Thee, and furnish us with rectitude in our affair”. Then We smote their ears many years in the Cave.

The Qur’an, *sura XVIII “The Cave”*, 9—11

2

По старинному уйгурскому преданию пятеро странников¹ отправились некогда на поиски истинного Бога. В ответ на их расспросы правитель одного из городов объявил богом самого себя. Вскоре поняв, что их обманули, благочестивые странники тайно покинули

город, но правитель направил по их следам воинов. По дороге к беглецам присоединился пастух, спутником которого был верный пес. Странники спрятались в одной из пещер Туйюкского ущелья, а собака улеглась охранять вход. Уставшие путники заснули,

а у входа в пещеру выросло огромное дерево с голубиными гнездами. Помет голубей скрыл следы беглецов. Проснувшись, странники почувствовали голод, и один из них отправился в город за хлебом. Однако предложенные за хлеб деньги отказались принять — они давно вышли из употребления: оказывается, странники проспали в пещере триста лет. Посланный вернулся в пещеру и вновь уснул там вместе со всеми, а мусульмане поняли, что спящим назначено проснуться лишь к Судному дню.

Как и повсюду на географических окраинах мусульманского мира, ислам в Кашгарии связан с почитанием прибывших сюда извне первоучителей. Огромную роль в распространении ислама играли суфийские учения и практики, важной частью которых является посещение святых мест. Неподдалеку от Турфана, в издревле намоленном месте (здесь на раскопках древнего буддийского монастыря также работала I Русская Туркестанская экспедиция, *рис. 2–3*), расположено одно из наиболее популярных мест паломничества в Центральной Азии, лежащее на маршруте Великого шелкового пути. Это *мазар* Туйюк — знаменитое, по крайней мере с XV в., место суфийской проповеди, трехкратное паломничество к которому приравнивается к *хаджжу* в Мекку. Именно о нем и повествует уйгурская легенда (*рис. 4–19*)².

Широко распространенный фольклорный сюжет о семи путниках и собаке издревле был связан со звездами Большой Медведицы. Христианская легенда о «Семи отро-

отроков ефесских», *Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков* XL (Москва, 1914); В. П. Демидчик, *Мир чудес в арабской литературе XIII—XIV вв.* (Москва, 2004), сс. 171—172. На эту тему писал и Э. Р. Тенишев (см. ниже). См. также: Г. К. Вагнер, «Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во владимиро-суздальском искусстве», *Византийский временник* XLVIII (1963), сс. 85—104; J. Koch, *Die Siebenschläferlegende, ihr Ursprung und ihre Verbreitung. Eine mythologisch-literaturgeschichtliche Studie* (Leipzig, 1883); M. Huber, *Die Wanderlegende von den Siebenschläfern. Eine literargeschichtliche Untersuchung* (Leipzig, 1910); L. Massignon,

«Les 'sept dormants': apocalypse de l'islam», *Analecta Bollandiana* LXVIII (1950), pp. 245—260; idem, «Les sept dormants d'Ephese (*ahl al-kahf*) en islam et chretinte», *Revue des Etudes Islamique* XII (1954), pp. 61—110; idem, «Le culte liturgique et populaire des VII dormants, martyrs d'Ephese (*ahl al-kahf*): trait d'union orient-occident entre l'islam et chretinte», *Studia Missionalia* LXII (Rome, 1961); J. Bonnet, *Artemis d'Ephese et la legende des sept dormants* (Paris, 1977); Fr. Jourdan, *La tradition des sept dormants* (Paris, 1983); H. Kandler, *Die Bedeutung der Siebenschläfer im Islam* (Bochum, 1994); O. Rutz, *Die Siebenschläferkirche in Rotthof, 1506—2006. Legende, Geschichte, Kunstgeschichte* (Ruhstorf a. d. Rott, 2006).

According to an old Uyghur tradition, once upon a time there were five wanderers¹ who set out on a search of true God. Answering their questions, the ruler of one city claimed to be a god himself. Soon, when they realized that they were deceived, pious wanderers secretly left the city, but the ruler sent soldiers on a chase after them. A certain shepherd with his loyal dog joined the five as they were travelling. The travellers hid themselves in one of the caves of the Tuyoq gorge, and the dog lay down at the entrance to protect the humans. Exhausted travellers fell asleep; meanwhile a large tree with the pigeon nests grew at the entrance of the cave. The dung of the pigeons hid any track of the fugitives. When they woke up they felt hunger and one of them went to the city to get hold of some bread. However, the money offered for bread was refused to be accepted — it was long out of use. It turned out that the wanderers slept for three hundred years in that cave. The one sent after bread returned and fell back asleep with the others; and Muslims took this to mean that they were appointed to wake up for the Judgment Day.

As it is true on all geographic territories of Muslim world, Islam in Kashghar is related to honouring the teachers who come from without. A tremendous role in the spreading of Islam has been played by Sufi teachings and practices, the important part of which is pilgrimage to sacred shrines. Not too far away from Turfan, in the anciently spiritual place (the First Russian Turkestan expedition also worked there, at the archaeological digs of an ancient Buddhist monastery, *figs. 2–3*), one of the most popular pilgrimage

3

sites in Central Asia is located, situated on the route of the Great Silk Road — *мазар* Туйюк. It is a famed site, at least since 15th century, a place of Sufi preaching, triple pilgrimage to which is

equalled to *hajj* to Mecca. This is the place of which the Uyghur legend narrates (*figs. 4–19*)².

A widely spread folklore storyline of seven wanderers and a dog has been related to the stars

(Moscow, 1914); V. P. Demidchik, *The World of Wonders in the Arabic Literature of the 13th—14th Centuries* (Moscow, 2004), pp. 171—172. E. R. Tenishev also elaborated on this topic (see below). See also: G. K. Wagner, «The legend of the seven sleeping youths of Ephesus and its reflection in the Vladimir-Suzdal art», *Byzantium Chronics* XLVIII (1963), pp. 85—104. On the topic in general see also: J. Koch, *Die Siebenschläferlegende, ihr Ursprung und ihre Verbreitung. Eine mythologisch-literaturgeschichtliche Studie* (Leipzig, 1883); M. Huber, *Die Wanderlegende von den Siebenschläfern. Eine literargeschichtliche Untersuchung* (Leipzig, 1910); L. Massignon, «Les 'sept dormants': apocalypse de l'islam», *Analecta Bollandiana* LXVIII (1950),

pp. 245—260; idem, «Les sept dormants d'Ephese (*ahl al-kahf*) en islam et chretinte», *Revue des Etudes Islamique* XII (1954), pp. 61—110; idem, «Le culte liturgique et populaire des VII dormants, martyrs d'Ephese (*ahl al-kahf*): trait d'union orient-occident entre l'islam et chretinte», *Studia Missionalia* LXII (Rome, 1961); J. Bonnet, *Artemis d'Ephese et la legende des sept dormants* (Paris, 1977); Fr. Jourdan, *La tradition des sept dormants* (Paris, 1983); H. Kandler, *Die Bedeutung der Siebenschläfer im Islam* (Bochum, 1994); O. Rutz, *Die Siebenschläferkirche in Rotthof, 1506—2006. Legende, Geschichte, Kunstgeschichte* (Ruhstorf a. d. Rott, 2006).

¹ The versions of the Muslim tradition differ in the number of the characters (three, five or seven).

² The legend in its various versions (Central Asian included) is presented in great detail in Russian scientific literature. See for instance: N. F. Katanov, «A tale of seven youths of Ephesus», *Notes of the Oriental Department of the Russian Archaeological Society* VIII (1894), pp. 223—245; idem, «Kirghiz and Kazan-Tatar versions of the Christian legend of seven sleeping youths», *The Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography* XXI/4 (1904); M. O. Attaya, A. E. Krymsky, «Seven sleeping youths of Ephesus», *Works on Orientalistics, Published by Lasorev Institute of Oriental Languages*

ках, во Эфесе спящих» (V в.) попала некогда в текст Корана. В Османской империи семь спящих считались покровителями мореплавания. Христианские мученики, заживо замурованные в пещере и проспавшие там несколько веков, почитаются святыми в православии и католицизме. Пещеры, связанные с этим преданием, ныне показывают, в частности, в Эфесе (Турция) и Аммане (Иордания) и на горе Лоха (Гранада). Католики же убеждены, что мощи отроков покоятся в церкви Сан-Виктуар в Марселе, куда они были перенесены во время Крестовых походов. Среди известных в православии изображений отроков выделяют фреску в Успенском соборе Московского Кремля. Варианты сюжета можно обнаружить и в Талмуде (Хони), и в преданиях о «Короле под горой» (Фридрих Барбаросса), и у Томаса де Квинси, Гете, Вашингтона Ирвинга, Герберта Уэллса... Язык — зеркало мира: слова *Siebenschläfer* (букв. «семь спящих») в немецком, *hétalvó* в венгерском, *sysover* в шведском, норвежском и датском обозначают тех, кто давно и беспробудно спит.

Как бы то ни было, семь путников и собака с арабским именем Китмир ежедневно продолжают свое путешествие по звездному небу, а Туйюку, наряду с небольшим числом святых мест в Западной Сибири, Африке, Центральной Азии и Индонезии, принадлежит достойное место на «неформальной карте» исламских святынь, паломничество к которым при определенных условиях приравнивается к *хаджжу*³.

3 Среди таких мест мавзолеев Хаким-шейха (деревня Баишево Вагайского района Тюменской области), гробница Ахмада Ясави в г. Туркестан (Казахстан), и гробница Аппака-хванджи в Кашгарии, могила Джа'фара Садика (Хотанская область), могила Баха' ад-Дина Накшбанди (Бухара), святая гора Тахт-и Сулайман (Ош), мавзолеев шейха Бурхан ад-Дина (Улакан, Западная Суматра), мемориальный комплекс Шейх-Хусейн в Эфиопии и др. См. также: А. К. Муминов, «Святые места в Центральной Азии (взаимодействие общеисламских и местных элементов)», *Маяк Востока* I—II (Ташкент, 1996), сс. 14—21.

of Ursa Major from time immemorial. A Christian legend of “The Seven Sleepers of Ephesus” (5th century) somehow showed up in the text of the Qur'an. In Ottoman Empire the seven sleepers were considered the patrons of seafarers. Christian martyrs, who were walled in the cave where they were asleep for a few centuries, are venerated in Orthodoxy and Catholicism. The caves connected to this legend in particular are shown in Ephesus (Turkey) and Amman (Jordan). Catholics are convinced that the remains of the sleepers rest in the church of Saint Victoire, Marseille, where they were transported during the Crusades. Amongst famous Orthodox depictions of the sleepers, a fresco painting kept in The Cathedral of the Dormition of Moscow Kremlin is highly esteemed. Different versions of this plot can be detected in Talmud (Honi) and in the legends of the “King under the Mountain” (Frederick Barbarossa), in the works of Thomas de Quincey and Goethe, Washington Irving and H. G. Wells... Language is the mirror of the world: these words — *Siebenschläfer* (literally “seven sleepers”) in German, *hétalvó* in Hungarian, *sysover* in Swedish, Norwegian and Danish — mean those who sleep long and deep.

However it may be, the seven wanderers and a dog with an Arabic name Qitmir continue their daily pilgrimage across the starry skies. And an honourable name on the “informal map” of Islamic shrines belongs to Tuyuq along with a few other sacred places in Western Siberia, Africa, Central Asia and Indonesia, pilgrimage to which with certain conditions is equalled to *hajj*³.

3 Among these places are a mausoleum of Hakim-shaykh (the village of Baishevo of Vagaysky district of Tyumen region), the tomb of Ahmad Yasawi in the city of Turkestan (Kazakhstan) and the tomb of Appaq-khwaja in Kashgharia, the tomb of Ja'far al-Sadiq (Khotan region), the tomb of Baha' al-Din Naqshband (Bukhara), the sacred mountain of Takht-i Sulayman (Osh), the mausoleum of Shaykh Burhan al-Din (Ulakan, Western Sumatra), the memorial complex of Shaykh Hussayn in Ethiopia, etc. See also A. K. Muminov, “Sacred sites in Central Asia (the interaction of common Islamic and local elements)”, *The Beacon of the Orient* I—II (Tashkent, 1996), pp. 14—21.

6

7

8

9

11

10

12

13

14

15

16

17

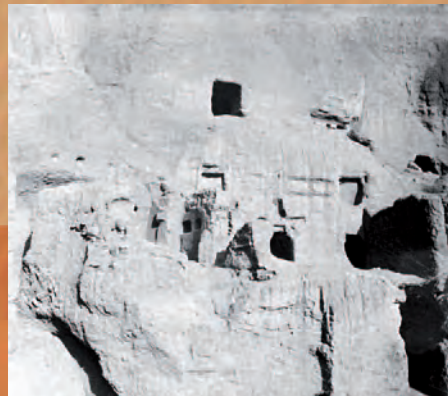

19

18

**Из полевого дневника
Э. Р. Тенишева**

20

7 сентября 1956 г.

В Туйюк прибыли около половины двенадцатого. Ввиду того, что начинался пятничным полуденный намаз, нам пришлось задержаться в сельсовете. Разговаривали с председателем Аблизом и секретарем Хамидом.

В Туюке всего пятьсот семейств. Туюк — маленькое красивое село, крошечный оазис в ложине среди Огненных гор. Атмосфера так накалена, что кажется вот-вот вспыхнет все кругом и запылет пламенем, как эти Огненные горы (рис. 20–21).

<...> После окончания намаза за нами пришел сын местного ахуна Пидави Ходжа и пригласил к ахуну Хамд Улла Ходжа [Хамд Аллаху Ходже]. Сопровождаемые огромной толпой ребятишек и любопытствующих взрослых мы вошли в небольшой двор простого саманного дома, где живет ахун. Ахуну лет шестьдесят пять, он небольшого роста, очень костлявый. Одет просто: на голове чалма, на плечах старенький полосатый халат. После взаимных приветствий поднялись на террасу второго этажа, где находился длинный и очень низкий стол, накрытый белой салфеткой. Расселись вокруг на ковры. Сняли салфетку, на столе в тарелках белый кишмиш, нан, чай. Меня представили ахуну. Я рассказал о цели своего приезда, о том, что читал старые книги, в том числе «о семи спящих отроках». У ахуна запоминается мясистый нос и маленькие глаза старого очень опытного человека, много видевшего. Через некоторое время, тяжело дыша, поднялся к нам старик Эмин Хаджим, рождения 1855!

После чая принесли мясо, затем рисовый суп, что было очень кстати, так как мы уже чувствовали усталость.

В сопровождении сына ахуна двинулись к Туюк Мазару. Прошли ворота и узкую дорожку, которая ведет к пещере (рис. 22). Вошли в гумбез (усыпальницу с куполом) [гомбад, перс. «купол», здесь «гробница»] (рис. 23), каменный пол устлан коврами, на стенах дарственные куски материи с надписями (в том числе и от генерала Джанибека) на уйгурском и китайском языках.

Пидави Ходжа прочитал отрывок из суры Йасин [Йа' син]. На противоположной стене множество разноцветных занавесок. Подняли их и показалась перегородка из деревянных планок черного цвета, за которой вход в небольшую пещеру, где покоятся «семь отроков»...

Пещера со спящими юношами очень уважаема в народе, сюда приезжают на поклонение. Для местных мусульман — это «малый хадж».

Легенда о семи спящих отроках широко известна на мусульманском востоке и на западе. Фотографии этой пещеры опубликованы Е. Хантингтоном и А. Леккоком. О самой легенде писали Н. Катанов, А. Крымский и Л. Масиньон. Очень интересное сказание. Не так давно мне посчастливилось найти рукопись с этим сюжетом, которую я и опубликовал⁴.

4 Э. Р. Тенишев, *У тюркских народов Китая* (Москва, 1995), сс. 23—25. См. также: он же, «К истории узбекского языка (Повесть об «Обитателях пещеры»)», Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию (Москва, 1953), сс. 275—278.

21

September 7, 1956

We arrived to Tuyoq about half past eleven. In view of the Friday midday namaz we had to wait it out in the village soviet. We spoke with the chairman Abliz and secretary Hamid.

Tuyoq numbers only five hundred families. Tuyoq is a small beautiful village, a small oasis in a hollow amid the Flaming Mountains. The atmosphere is as incandescent that it feels as though everything is going to blaze up in flames as these Flaming Mountains (figs. 20–21).

<...> After namaz was over the son of local akhund Pidawi-khwaja came over and invited us to visit akhund Hamd Allah Khwaja. Accompanied by a crowd of little boys and curious adults we entered a small courtyard of a simple adobe house, where akhund lived. The akhund was about sixty-five years of age; short and very bony. He was dressed very modestly — a turban on the head and an old striped dressing gown. After mutual greetings we went up to the terrace on the second floor where a long and low table was set. The table was covered with a white napkin. We sat at ease on the floor. We took the napkin off of the table and plates on the table abounded with white sultanas, nan and tea. I was introduced to the akhund. I shared a little bit about the purpose of my arrival and also about my reading of ancient books, including “the legend of seven sleepers”. When you look at the akhund, you can help but notice his fleshy nose and small eyes of an old experienced man who has seen a lot in his life. Some time later an old man named Emin Khajim joined us gaspingly. And no wonder — he was born back in 1855!

After tea we were brought meats and rice soup, which came in quite handy, because we started feeling the exhaustion of the day.

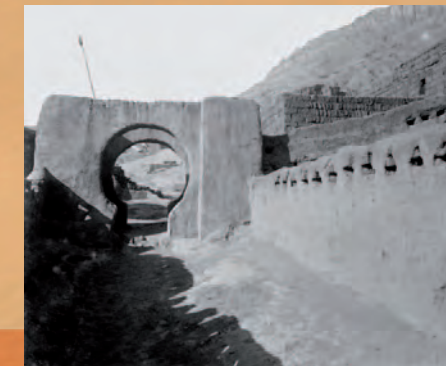
Escorted by akhund's son we went to the Tuyoq-Mazar. We passed through the gates and walked along the narrow path which leads to the cave (fig. 22). We entered into a gumbaz (the domed burial-vault) [Pers.: gombad, “the dome”, here: “the shrine”] (fig. 23). Its stone floor is covered with carpets; the walls preserve dedicatory cloths with inscriptions (including one from General Janibeg) in Uyghur and Chinese languages.

Pidawi-khwaja read a passage from sura “Ya’ Sin”. A lot of multicoloured curtains hung on the opposite wall. They were raised and we saw a partition made of wooden plank of black colour. Behind it was the cave where “the seven youths” were sleeping...

The cave with the sleeping youths is very respected by people. People come for a worship experience here. For local Muslims this site is a place of “small hajj”.

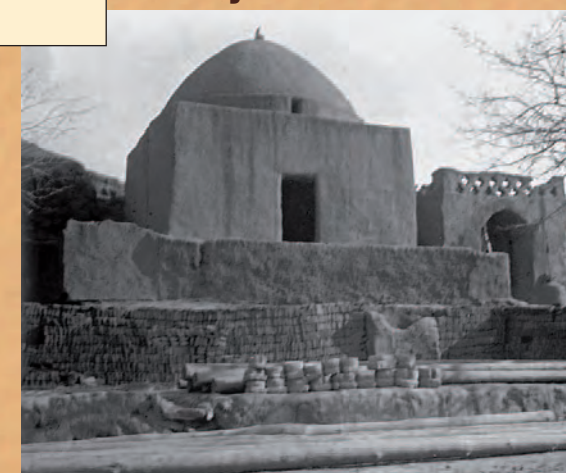
The legend of seven sleeping youths is widely known in the Muslim east and west. The pictures taken in this cave were published by E. Huntington and A. von Le Coq. The legend was written about by N. Katanov, A. Krymsky and L. Masignon. Indeed, it is a very interesting story. Recently I had been lucky enough to find a manuscript containing this story, which I published⁴.

4 E. R. Tenishev, *Visiting Turkic Peoples in China* (Moscow, 1995), pp. 23—25. See also his other work: “To the history of Uzbek language (A tale of ‘the Cave Dwellers’)”, to V. A. Gordlevskiy, a Member of the Academy, for His 70th anniversary (Moscow, 1953), pp. 275—278.

22

**From E. R. Tenishev's
field journal**

23

Три улыбки падишаха

«Однажды, когда падишах принимал просителей, пришел человек, стал в дальнем углу и ничего не попросил. Падишах посмотрел на этого человека и погладил свою голову. Человек поклонился и провел ладонью по рту. Падишах погладил лицо. Человек горло. Падишах дотронулся до своего живота, человек до ноги.

— Я жалую просителю слиток золота! — сказал падишах. Казначей повиновался. Молчаливый проситель принял дар и ушел.

Советники правой руки ужасно рассердились и спросили падишаха:

— За какую такую службу ты столь щедро наградил безродного оборванца?

— За царскую, — ответил, улыбаясь, падишах. — Я задал мудрому человеку три вопроса и получил три ответа.

— Но мы не слышали ни вопросов, ни ответов! — возразил визирь.

— Имеющий глаза — видит, имеющий ум — понимает, — улыбнулся падишах. —

Я погладил голову, и мудрец понял мой вопрос. А я спрашивал: “Что более всего нас угнетает?”. “Неосторожное слово”, — ответил мудрец. “А кому грозит опасность потерять свое лицо?” “Тому, — ответил мудрец, — кто дни свои и состояние пропускает через горло”. “Но разве человек не раб своего желудка?” — спросил я. “Нет, — ответил мудрец. — “На то и даны человеку ноги, чтобы искать и находить работу и ничего не пропустить из чудес белого света”.

Падишах посмотрел на придворных и улыбнулся в третий раз.

— Вам тоже полезно запомнить изреченную перед вами мудрость: “Рот доведет до беды, а ноги — до еды”⁵.

Тексты такого рода обычно передаются из уст в уста в числе рассказов о мудрости су-

24

фийских *шейхов*. Этот, записанный Э. Р. Тенишевым в Турфанском оазисе в сентябре 1956 г., как и сотни подобных на протяжении столетий повторялись учителями и учениками на громадных просторах от Балкан до Китая.

Уже к рубежу XIII—XIV вв. роль странствующих тюркских *дервишей* и среднеазиатских *баба* в мусульманском мире необычайно возросла. Братства, наполнявшие борьбу религиозной символикой и сопровождавшие вступление в свои ряды специальными формулами посвящения, способствовали значительному увеличению числа бойцов на фронтах священной войны. Десятки тысяч суфиев, считавших, что пожертвовать жизнью, защищая путь своего наставника, есть ничтожнейшая из степеней посвящения, не только сопровождали армии и поддерживали дух воинов, но и сами принимали участие в сражениях.

С XV в. наблюдается все большее вовлечение суфийских братств в политические

процессы. Потомки Сафи ад-Дина ал-Ардабили (ум. 1334 г.), основателя братства сафавийя, вскоре ставшего мощным религиозным движением, установили контроль над основными территориями исторической Персии, основали династию Сефевидов и провозгласили исна'аширитский шиизм государственной религией. Исма'ил I, основатель династии, передал свои полномочия главы ордена Великому Заместителю. Члены ордена ни'аматуллахийя, тесно связанные с Сефевидами, возглавили ряд провинций нового государства. Практически одновременно суннитское братство накшбандийя получило контроль над значительными территориями Индии, Афганистана и Центральной Азии.

Торжество суфийских учений, превращение их в «народный ислам», в систему поведенческих стереотипов, привело, в частности, к возрастанию роли магического в повседневной жизни. Атмосферу обители (*ханагаха*) определял мир предчувствий и прорицаний,

Three Smiles of the Padishah

“Once upon a time when the padishah was receiving his visitors, a certain man came too. He stood in the distant corner without asking for anything. The padishah looked at the man and stroked his head. The man bowed and passed his palm over his mouth. The padishah stroked his face. The man did his throat. The padishah touched his belly, the man did his feet.

— I grant a golden bar to the petitioner! — said the padishah. And the treasurer obeyed [his master's will]. The silent petitioner accepted the gift and left.

The right hand advisors were awfully mad, and so they asked the padishah:

— What service did that kinless ragamuffin do that you rewarded him so graciously?

— For the kingly service, — the padishah replied smilingly. — I asked three questions of that wise man and he gave me three answers.

— But we heard neither questions nor answers! — objected his vizier.

— Whoever has eyes sees and whoever has mind understands, — smiled padishah. — I stroked my head and the wiseman understood my question. My question was: “What oppresses us the most?” His answers was, “A careless word”. “And who is threatened to lose his face?” “He, — answered the wiseman, — “who runs his days and his wealth through his throat”. “But man is a slave to his stomach, isn't he?” — I asked him. “No, — was his answer. — That is why man is given his feet so that he would be looking and finding work for himself and so that he would never miss any wonders of this wide world”.

The padishah looked at his court circle and smiled for the third time.

— You too would do well to remember the wisdom spoken before you: “One's mouth will lead one to disaster, and his feet — to a meal”⁵.

5 E. R. Tenishev, *Visiting Turkic Peoples in China*, pp. 30—31.

The texts of this kind are usually passed by word of mouth among the stories of the wisdom of Sufi *shaykhs*. This one, recorded by E. R. Tenishev in Turfan Oasis in September of 1956, just as hundreds of other ones, were repeated by teachers and students alike for centuries along the vast expanses from the Balkans to China.

In the 13th—14th centuries, the role of wandering Turkic *darwishes* and Central Asian *babas* undergone exceptional growth in the states of Asia Minor, the advanced post of Islam on the approaches to Europe. The brotherhoods, which endowed battle with religious symbolism and marked additions to their ranks with special formulas of initiation, abetted a significant rise

in the number of soldiers on the fronts of the Holy War. Tens of thousands of Sufis felt that to sacrifice one's life while defending the path of one's *shaykh* represented only the most paltry degree of dedication. They not only accompanied the army and maintained the morale of warriors, but themselves took part in battles.

From the 15th century on, we see the increasing involvement of Sufi brotherhoods in political processes. The descendents of Safi al-Din al-Ardabili (d. 1334), founder of the Safawiyya brotherhood which gave rise to a powerful religious movement, established control over the main territories of historic Persia, founded the Safawid dynasty and proclaimed Twelver Shi'ism the state religion.

25

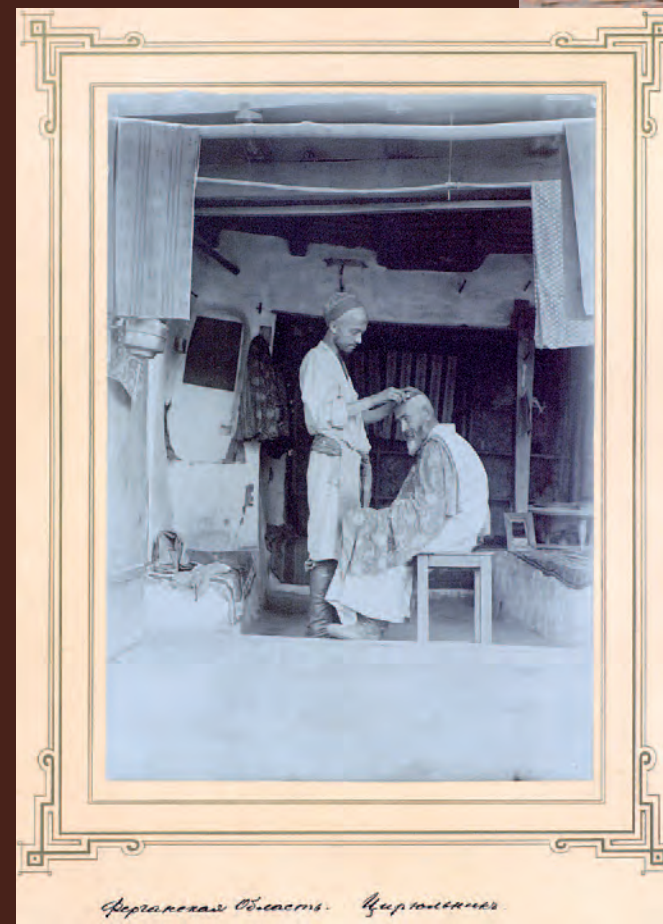
5 Э. Р. Тенишев, *У тюркских народов Китая*, сс. 30—31.

Ферганская Область. Группа туркмен.

27

28

Ферганская Область. Туркмены.

26

29

30a

30c

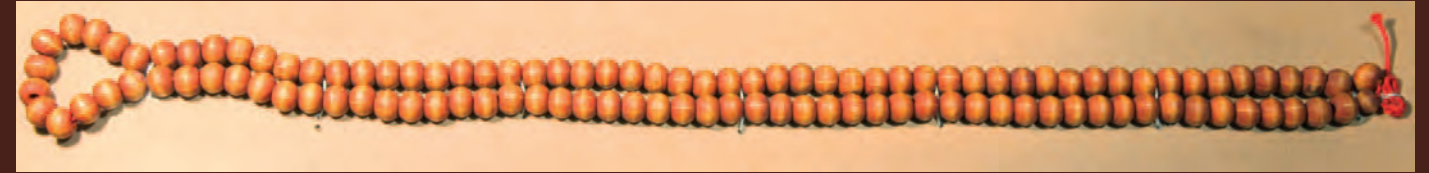
30b

30d

30e

30f

30g

30h

30i

30j

31

32

33

34

35

36

сновидений и символов. Для достижения особых состояний сознания активно использовались ритуалы, музыка и пение, специальные системы ритмически организованных движений, благовония и наркотические снадобья. Особую роль играла магия чисел и слов, цвета и запахи, заклинания и заговоры. Частью суфийской обрядности становились и древние шаманские практики⁶. Дававшие обеты бедности и безбрачия *дервиши* (рис. 24, 27, 30a–j) «юродствовали» и плясали на базарах, уединялись в горах и пустыне, создавали новые обители и вновь и вновь отправлялись с проповедью к инаковерующим. Наиболее авторитетные становились Учителями и обретали ореол святости. Из Бухары и Ташкентского оазиса, из Самарканда и Ферганы в оазисы Кашгарии и обратно, от *мазара* к *мазару*, от учителя к учителю путешествовали

6 Подробнее о шаманизме в Китайском Туркестане см.: С. Е. Малов, «Шаманство у сартов Восточного Туркестана», *Сборник Музея антропологии и этнографии V/1* (Петроград, 1918); Э. Р. Тенишев, «О центральноазиатском шаманизме», *Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти Н. И. Конрада* (Москва, 1974), сс. 339–343; В. Н. Башилов, *Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана* (Москва, 1992); Л. А. Чвырь, *Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.* (Москва, 2006), сс. 143–168.

люди, рукописи (рис. 34–35), легенды и предания, варианты ритуалов и мифов, на протяжении веков обогащавшие и скреплявшие общее культурно-бытовое (рис. 28–29) и сакральное пространство Средней Азии⁷. Вслед за купцами и *дервишами* ислам продвигался вдоль торговых путей. Так некогда и изгнанный недругами Аппак-хваджа, ныне глубоко почитаемый в Китайском Туркестане, отправился с проповедью в Предтибетье⁸.

Религии сменяли одна другую, но святые места — могилы пророков и праведников, целительные источники и отдельные скалы, камни и деревья — часто оставались на прежнем месте, меняя лишь имена. Не обращая внимания на границы государств, к ним шли со своими нуждами, с мольбами о здоровье, успехе, богатстве и чадородии тысячи и тысячи паломников. Как и во времена господства

7 О тюрко-иранском культурном синтезе и «триединстве оседлых туркестанцев в XIX–XX вв.» — культурном единстве уйгуров, узбеков и таджиков, предшественников трех крупных групп оседлого населения Туркестана, см.: Л. А. Чвырь, *ук. соч.*, сс. 226–250.
8 См. ниже, сс. 184–186. Подробнее о суфизме в Китайском Туркестане см.: G. Jarring, *Dervish and Qalandar*. Texts from Kashghar, edited and translated with notes and glossary (Stockholm, 1986); T. Hoppe, *Die ethnischen Gruppen Xinjiangs: Kulturunterschiede und interethnische*

37

христианства и буддизма они вновь и вновь оставляли на ветвях деревьев, растущих в святых местах, на особых шестах у *мазаров* (*тугах*) (рис. 31–32), частичку себя — лоскутки ткани, ленточки, позднее — поясные платки, особые куклы или записки с просьбами о помощи⁹ (рис. 36–39).

Beziehungen (Hamburg, 1998), pp. 123–127; С. Н. Абашин, «Суфизм в Средней Азии: точка зрения этнографа», *Вестник Евразии IV* (Москва, 2001), сс. 129–130; Л. А. Чвырь, *ук. соч.*, сс. 169–209.
9 Н. С. Терлецкий, «Лоскутки на мазарах. Ткань как вотивный предмет», *Грезы о Востоке. Русский авангард и шелка Бухары*, ред. Е. А. Резван (Санкт-Петербург, 2006), сс. 86–91.

38

Isma'il I, the founder of the dynasty, transferred his power to the Great Deputy of the head of the order. Members of the Ni'mat-Allahiyya order, closely connected with the Safawids, headed a number of provinces in the new state. At practically the same time, the Naqshbandiyya order gained control over significant territories in India, Afghanistan and Central Asia.

The success of Sufi teachings, their transformation into “folk Islam”, led in particular to a growth in the role of the magical in everyday life. A world of forebodings, prophecies, dreams and symbols created an atmosphere of *khanagah*. Rituals, music and singing, specific systems of rhythmic movement, fragrances and narcotic substances were used to attain special states of consciousness. A special role was played by the magic of numbers and words, by colours and smells, incantations and spells. Ancient shaman practices

6 For further information on shamanism in Chinese Turkestan see S. E. Malov, “Shamanism with Sarts of Eastern Turkestan”, *The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography V/1* (Petrograd, 1918); E. R. Tenshev, “Of Central Asian shamanism”, *Historical Philological Researches. Collections of Articles in the Memory of N. I. Konrad* (Moscow, 1974), pp. 339–343; V. N. Basilov, *Shamanism with the Peoples of Central Asia and Kazakhstan* (Moscow, 1992); L. A. Chvyr, *Rituals and Beliefs of Uyghurs in 19th–*

39

were becoming a part of the Sufi rites⁶. *Darwishes* (figs. 24, 27, 30a–j) who took vows of poverty and celibacy “played fools” and danced at bazaars, secluded themselves in the mountains and deserts, formed new cloisters and time and again they went preaching to the nonconformist believers. The most authoritative ones became Teachers and acquired the saint status. From Bukhara and Tashkent Oasis, from Samarqand and Ferghana into the oases of Kashgharia and back, from *mazar* to *mazar*, from teacher to teacher travelled people, manuscripts (figs. 34–35), legends and traditions, ritual and myth versions, which for centuries enriched and strengthened the cultural and common (figs. 28–29) and sacral space of Central Asia⁷. Islam walked in the footsteps of merchants and *darwishes* along the commercial routes. Thus, Appakhwaja, who is now deeply revered in Chinese Turkestan, who had been exiled by his enemies,

7 On the subject of the Turkic-Iranian cultural synthesis and the “trinity of the settled Turkestan inhabitants in the 19th–20th centuries” — of the cultural unity of Uyghurs, Uzbeks and Tajiks, the representatives of the three main groups of the settled population of Turkestan, see: L. A. Chvyr, *op. cit.*, pp. 226–250.
8 See below, pp. 185–186. For further information on Sufism in Chinese Turkestan see G. Jarring, *Dervish and Qalandar*. Texts from Kashghar, edited and translated with notes and glossary (Stockholm, 1986); T. Hoppe,

left for the Tibetan foothills area with preaching⁸.

Religions changed one another, but the sacred sites — the tombs of the prophets and the righteous men, healing springs, certain rocks, stones and trees — often remained in their former location whereas their names were changed. Without paying attention to the state borders, they were travelled towards by thousands upon thousands of pilgrims with their needs, petitions for health, success, wealth and childbearing. As in the times of Christian and Buddhist domination, so even now they were again and again leaving “parts of themselves” in the branches of the trees growing in the sacred places or tying them to special poles near *mazars* (*tugh*) (figs. 31–32). Those parts of themselves that they were leaving could be fabric shreds or ribbons, and later they were substituted for girdles, special dolls or notes with petitions for help⁹ (figs. 36–39).

Die ethnischen Gruppen Xinjiangs: Kulturunterschiede und interethnische Beziehungen (Hamburg, 1998), pp. 123–127; S. N. Abashin, “Sufism in Central Asia: the ethnographer’s point of view”, *Eurasia Herald IV* (Moscow, 2001), pp. 129–130; L. A. Chvyr, *op. cit.*, pp. 169–209.
9 N. S. Terletskiy, “Mazar patches. Cloth as votive object”, *Oriental Dreams. Russian Avant-Guard and Silks of Bukhara*, ed. by E. Rezvan (St. Petersburg, 2006), pp. 86–91.

Читай тускииз

Е. Г. Царева

«Мы ничего не знаем о периоде до проникновения в Восточный Туркестан ранних земледельцев... шедших на восток, от оазиса к оазису, вдоль подножий Тянь-Шаня, Цинь Линя и Алтынтага. ...Это были племена живших к западу от Памира индоевропейцев, легендарные битвы которых описаны в иранском героическом эпосе «Шах-наме». По иронии, в течение долгого времени их относили к тюркам Центральной Азии, хотя в действительности... они говорили на иранских языках... и с точки зрения образа жизни и обычаев полностью походили на своих братьев, живших... в долинах Окса и Яксарта.

Ранние земледельцы, предки большей части современного местного населения... вполне мирно соседствовали с группами кочевых тюрков, передвигавшихся со своими стадами по склонам горных альпийских пастбищ.

Даже в период создания своих мощнейших объединений — таких, как федерация

хунну в 300 году до н. э. — кочевники тюрки... ограничивались данью... Китайцы, временами господствовавшие в Восточном Туркестане с конца II в. до н. э. до IV и с VII до X в. н. э., заботились прежде всего о безопасности путей для экспорта шелка... Подобно хунну и китайцам, эфталиты (конец V в. до 560 г.) и племена западных тюрков (560—650) удовлетворялись данью с маленьких оазисных государств. Так же было и при очередном появлении в VII в. китайцев, временно вытесненных тибетцами.

...В первом тысячелетии нашей эры Хотанский оазис был самым крупным и значимым буддийским центром страны... Создавшее множество храмов и статуи, рельефы и фрески в индо-греческом стиле искусство расцвело с распространением гандахарского буддизма в I тысячелетии н. э. ...и угасло с исчезновением буддизма в IX—X вв. [Все это] почти не затронуло население оазисов, жизнь которых определялась природными условиями и лишь в малой степени — политическими и религиозными изменениями.

Первые значительные перемены пришли с волнами тюркских завоевателей, промчавшихся через Таримский бассейн в конце IX в. и создавших знакомый нам сегодня Туркестан. ...В восточных оазисах власть перешла в руки уйгуров... на западе — тюрков-карлуков... на сильно обративших население оазисов в ислам. Тюркизация сказалась главным образом на переходе местных жителей на ныне родной для них чагатайский язык. Однако коренное население оазисов сохранило практически без изменений изначальный физический тип, и сегодня поражающий путешественников своими до странности европейскими чертами...

...Ислам, распространившийся с середины X в., смог вытеснить религиозное буддийское искусство, но не художественные особенности народных ремесел, корни которых уходят в традиции и образ жизни оазисов»¹⁰.

Написанная пятьдесят лет назад, столь длинная цитата из книги Ганса Биддера «Ковры Восточного Туркестана» стала необходима как преамбула для небольшого эссе о пуб-

Elena Tsareva

Reading Tuskiz

“We know nothing on the period when the earliest agrarian settlers penetrated into East Turkestan... forward eastward from oasis to oasis at the foot of the border mountains Tian Shan, Tsung-ling and Altyntag. ...These were groups of the Indo-European race who lived to the west of the Pamir mountains... and to whose legendary battles part of the Persian heroic epic ‘Shah-name’ is devoted. They were for a long time erroneously regarded as representatives of the Turkish races of Central Asia, whereas in fact they... spoke dialect forms of an Aryan language... In their way of life and customs... completely resembled their brothers living... in the Oxux and Yaxartes river area.

These oldest settlers, from whom racially the greater part of the present-day oasis dwellers are descended... did not interfere with the communities of nomad Turks who roamed with their herds over the alpine pastures of the hinterland.

Even in the times of their most powerful unification — such as the Hunnic Federation in 300 BC — the nomad Turks... contented themselves with levying tributes. The Chinese, who from the end of the second century BC and until the fourth century AD, with lengthy breaks, and again from the 7th to the 10th century, attained mastery in East Turkestan, were above all concerned with strategic security of access routes for the exportation of their silk. ...The Hepthalites (end of the 5th century to 560) and the western Turk tribes (560—650) — received their tributes from the small oasis states just as the Huns and the Chinese had done. Likewise there was no change when the Chinese appeared again in East Turkestan in the 7th century and were temporarily displaced by the Tibetians.

...In the first millennium of our chronology the oasis of Khotan was the largest and most important Buddhist centre of the country. ...The prolific art which accompanied the spread of Gandhara-Buddhism during the first millennium AD — temples and statues, reliefs and frescoes —

was of Indo-Grecian origin. ...Degenerated when Buddhism disappeared in the 9th—10th century. ...The way of life in these oasis, determined as it was by natural conditions, ...underwent relatively little alteration as a result of these changes in the political and religious regimes.

The first real changes came about with the waves of Turk conquests which, sweeping through the Tarim basin at the end of the 9th century... created ‘Turkestan’ as we know it today. Then the oasis came under the administration... of the Uyghur in the east... and in the west under the Khanate of the Karluk-Turks who... forcibly converted the oasis population to the Mohammedan faith. The Turkization was limited to the language which, usually called Chagatay..., now became the sole language of the subject people.

Nevertheless, resident population of the oases have retained almost unchanged their original physical characteristics which astonish travellers even to the present day by their curiously European traits...

¹⁰ H. Bidder, *Carpets from Eastern Turkestan Known as Khotan, Samarkand and Kansu Carpets* (Accokeek, 1979), pp. 12—13.

ликуемом ниже настенном занавесе уйгуров. Иконография основного сюжета декора этого занавеса сохранила «закодированные», но вполне узнаваемые образы рожениц, ранние варианты которых мы находим на древних памятниках искусства населения Северной Евразии, рассеянных по огромным пространствам континента и за его пределами.

Merap ǎnky [ǎn / ǎyn — юрта (?)] уйгуров (рис. 40а), *тускиизы* киргизов и *тускиизы* казахов, которая является традиционным украшением юрты скотоводческого населения Центральной Азии, была приобретена экспедицией МАЭ РАН в Кашгаре в 2008 г. Эти настенные занавеси в форме вытянутого по горизонтали прямоугольника когда-то изготавливались из войлока (*кииз*, собственно, и означает «войлок»), однако позднее, и вплоть до нашего времени — из вышитой ткани¹¹. Центральную часть последних составляет яркое текстильное полотнище, как правило, сшитое из *икатного* (в узбекской терминологии *абрового*) полувелеса, обрамленное сверху и по боковинам широкими полосами вышивки, на однотонной основе. От нижней кромки горизонтальной полосы на центральное поле спускаются один или два вышитых треугольных выступа¹².

Именно к этому типу относится рассматриваемый фрагмент, представляющий собой П-образную вышитую часть *мерап ǎнky*, с одним треугольным выступом. Материал основы — хлопчатобумажный сатин черного цвета. К верхней кромке основы пришита полоса хлопчатобумажной красной саржи, продублированная с изнанки серой саржей; обе они простеганы зигзагом. По верхней кромке пришиты петли для подвешивания.

Все швы фрагмента, как вышивки, так и сшивные, сделаны вручную. Сшивные:

«вперед иголкой»; вышивки: простым петлевым тамбуром. Нити вышивки — хлопковые, ручного прядения; и мулине, фабричного производства. Цвета вышивки: хлопковые — розовый, светлый розе, голубовато-серый, светло-серый (два оттенка), сине-серый; мулине — кармин, охра, бирюзовый, слоновая кость. Хлопковые нити выцвели (с изнанки имеют более интенсивную окраску).

Рисунок вышивки следует П-образной форме основы; композиционно он разделен на две части: горизонтальная верхняя полоса, с выступающим вниз треугольником; и отделенные от нее узкой полоской вертикальные боковые. Композиция обрамлена по внешнему периметру узкой полосой орнамента, составленного из ряда соединенных дугами вертикальных «столбиков», с «бутоном» на вершине; под каждой из дуг изображен 7-ми или 11-лепестковый цветок, крепящийся к отходящему от «столбика» стеблю.

Поле горизонтальной и вертикальных полос украшено тремя вариантами древовидных фигур зооморфно-антропоморфного характера, часто неверно называемых в литературе «рожками» или «завитками».

В вертикальных полосах это два чередующихся мотива. Один представляет собой круглую розетку со вписанной в нее многочастной фигурой в виде прямого креста, с симметрично отходящими от его перекладин парами «завитков» разных конфигураций (рис. 40б). Второй мотив также многочастный, составлен из наложенного друг на друга прямого и косоугольного креста, с многолепестковой розеткой в центре и отходящими от перекладин парными «завитками» двух видов (рис. 40с).

В декоре горизонтальной полосы использованы аналогичные мотивы; кроме того, в левом внешнем углу появляется третий вариант

крестовидных фигур, еще более сложный по сочетанию входящих в него элементов. На центральном треугольнике, кроме многочастных, изображены два одиночных символа, совпадающие по очертаниям с верхней частью горизонтальной перекладины угловых мотивов (рис. 40д).

Как композиция, так и составляющие ее элементы типичны для традиционного искусства населения Степи. Перечислим их: ряд небольших, объединенных дугами и заканчивающихся навершиями вертикальных «столбиков» в кайме; одиночные, также вертикальные мотивы на центральном треугольнике; три варианта крестовидных многочастных фигур, каждая «перекладина» которых представляет собой вертикальный «столбик» с отходящими от него парами «завитков» разных конфигураций, многие из которых завершаются «трилистниками». Отметим также выраженную антропоморфность в стиле изображения названных мотивов, при их определенной «древовидности».

Таким образом, перечисленные изображения имеют общность в стиле и конфигурации. Наиболее очевидными из них являются древовидность, парность и симметричность отходящих от осевого стержня «завитков», а также присутствие навершия у каждого мотива и «трилистников» на концах некоторых пар «завитков». По мнению современных исследователей, названный перечень признаков является типичным для образов рожениц, часто также называемых Богиней-матерью, наиболее ранние изображения которых мы находим на петроглифах, обнаруженных на огромных пространствах Евразии¹³. Отметим, что уже на петроглифах присутствуют как одиночные, выстроенные в горизонтальный ряд фигуры, так и многочастные древо-

...Islam which spread into the oases from the middle of the 10th century was indeed able to subdue the religious art of Buddhism, but the new faith proved incapable of gaining any hold upon individual arts and crafts which had their roots in the traditional customs and economic existence of the oases”¹⁰.

This lengthy quote from the written fifty years ago book by Hans Bidder “Carpets from Eastern Turkestan” became a necessary preamble for a short essay on the published below Uyghur wall hanging. Iconography of the main decorative subject of this hanging preserved in “coded” form yet easily recognized images of women in childbirth, which early versions we find on ancient monuments of the arts of the people of Northern Eurasia, scattered all along the continent and beyond.

Merap yapku [yap / yur — yurt (?)] of the Uyghurs (fig. 40a), *tuskiiz* of the Kirghiz, and *tushkiiz* of the Kazakhs works as traditional decoration of the yurts of the Central Asian cattle-breeders. Once upon a time the horizontally arranged hangings of the type were made of felt (actually *kiiz* means “felt”), yet later — and right up to our days — they are produced of embroidered fabrics¹¹. The centrepiece of the embroidered type comprises a bright textile panel, regularly of seamed together *ikat* silks and semisilks (*abr* in Uzbek terminology), and is framed at the top and the sides with wide bands of embroidered plain cloth. Besides, the upper part of the central field of the hanging is decorated with either one or two similarly stitched triangles, linked to the bottom edge of the horizontal panel¹².

The item under research was acquired by the MAE RAS expedition in Kashghar in 2008. It belongs to the described type, and represents the П-shaped embroidered part of the *merap yapku*,

with one triangular projection. The foundation of the piece is made of black cotton satin. Its upper edge is finished with a band of red cotton twill, lined with a piece of gray twill at the back, both quilted in zigzag, and supplied with loops for suspending.

All stitches applied: both that of the embroidery (chain stitch) and of the seams (plain straight) are made by hand. Embroidery is fulfilled in hand-spun cotton (pink, light rose, blue-gray, light gray (two shades) and gray-blue) and machine-made floss yarns (carmine, ochre, turquoise ivory). Cotton threads faded out on the front, as have much brighter colouring at the back.

The pattern of embroidery follows the mentioned П-shaped form of the piece. From the point of composition it can be divided into two parts — horizontal upper band, with triangle projection, and two vertical panels, separated from the upper band by a narrow plain stripe. The ornamental setup is framed by an outer border, which pattern is made up by a series of small vertical “columns”, with a sort of a “bud” at the top of each. The “columns” are joined together by fine arches; inside every arch we see stemmed to the “columns” flower rosettes, with either 7 or 11 petals.

The main pattern of embroidery is made up of several variants of the so-called “tree-shaped figures”: though zoomorphic / anthropomorphic in origin, they are often wrongly described as “horns” or “curves” in literature. Thus side vertical panels bear two alternating motifs of the kind. One represents a round rosette, filled in with complex straight-cross shaped figure, which paired “curved horn” motifs are symmetrically arranged along the arms of the cross (fig. 40b).

Second variant has even more complex structure:

¹⁰ H. Bidder, *Carpets from Eastern Turkestan Knows as Khotan, Samarkand and Kansu Carpets* (Accokeek, 1979), pp. 12—13.

¹¹ We do not know exactly when did the *tushkiiz*-makers start to use textiles instead of felts. Most likely the process developed gradually during the whole 19th century. In any case, even in the beginning of the 20th century Kazakhs used both applique-work felt, and made of embroidered textiles’ *tushkiizes*.

¹² For more information on Kazakh and Kirghiz *tushkiiz* see my article in the *Materials of the 11th International Conference on Oriental Carpets* (Istanbul, 2007; in print); for variants of the motif in Azerbaijanian carpets

it consists of a central multi-petal rosette, joined with concentrically positioned straight and diagonal crosses, which arms are decorated with two kinds of the “curved horns” design (fig. 40c).

Similar figures adorn the horizontal part of the hanging. Yet its left corner contains the third, even more elaborate motifs of similar configuration (fig. 40d). As to the central triangle’s décor, apart from the familiar complex figures it shows two small individual symbols, which form follows the drawing of the “arms” of the type 3 elements.

Both composition itself, and its’ individual patterns demonstrate stylistic and representative features typical for the traditional art of the Steppe. That main characteristics include the outer border ornament, in shape of a row of joined by arches “columns”; three variants of complex cross-shaped figures, with “paired horns” projections and trefoil terminations of some of the latter; and small, also tree-shaped individual vertical symbols. A special point to mention is symmetrical arrangement of the paired curves. Another matter of great importance is clearly anthropomorphic style of the ornaments, in spite of their distinct “tree-like” forms.

According to modern researches on the topic, this list of identification marks is typical for the image of “women in childbirth”, often referred to as “Mother Goddess” in literature. Most early depictions of this truly cross-cultural symbol adorn numerous rock engravings spread over the vast territories of Northern Eurasia¹³. For us of special importance are the early petroglyphs which demonstrate the put into a row images, and individual tree-like ones¹⁴, often joined into a complex cross-shaped compositions in later period.

The first, “horizontal line” variant is interpreted as depiction of simultaneous in time of

see: E. Tsareva, “Iconography and interpretation of three early motifs on the 19th century Azerbaijanian flatwoven carpets”, *Azerbaijanian Carpet* (Baki, 2007), pp. 80—81.

¹⁴ Single figures, as a rule, are more easily recognized, and it is not always that they depict images of human beings: the creature in childbirth can be a cow, elk-cow, she-bear. For instance, the 6th millennium BC Çatalhöyük shrineimages represent she-bears and cows in childbirth (M. A. Mallette, “Weaver’s view of the Catal Huyuk controversy”, *Oriental Rug Review* X/6 (1990), pp. 32—43.

¹¹ Мы не знаем точного времени перехода от войлочных настенных занавесей к сшитым из тканей. Наиболее вероятно, что этот переход происходил постепенно в течение XIX века. Во всяком случае, еще в начале XX века в быту казахов существовали параллельно как войлочные аппликативные, так и сделанные на тканевой основе вышитые *тускиизы*.

¹² О казахских и киргизских *тускиизах / тускиизах* см.: *Music for the Eyes. Textiles from the Peoples of Central Asia* (Antwerp, 2000), pp. 100—102.

¹³ Европейский вариант рассматривается в: M. Gimbutas, *The Goddesses and Gods of Old Europe* (London, 2007), pp. 176—177 и Б. А. Рыбаков, *Язычество древних славян* (Москва, 1981). Для монгольской территории тема была глубоко разработана Э. А. Новгородовой (*Древняя Монголия (Некоторые проблемы*

хронологии этнокультурной истории) (Москва, 1989), сс. 89—98). Сюннусский вариант подробно описан в моей находящейся в публикации статье в *Материалах XI Международной конференции по восточному ковроделию* (Стамбул, 2007); варианты мотива роженицы в азербайджанских коврах: Е. Tsareva, “Iconography and interpretation of three early motifs on the 19th century Azerbaijanian flatwoven carpets”, *Azerbaijanian Carpet* (Baki, 2007).

видные¹⁴. Этот поистине кросс-культурный символ имеет несколько вариантов. Для нас важнейшими из них являются расположенные горизонтальными рядами одиночные фигуры, а также объединенные в крестовидные композиции многочастные вертикальные.

Первый вариант интерпретируется как изображение одновременно проживающих в пространстве земли членов рода, возможно, не только женской его части, но и мужской. Именно так можно интерпретировать рисунок обрамляющей наш фрагмент каймы со «столбиками», представляющими в действительности членов рода семьи-изготовителей. Можно только восхищаться «генетической памятью» поколений мастериц, забывших, видимо, значение изображаемых фигурок-столбиков, но помнящих об их связанности друг с другом, обозначенной в данном случае соединяющими фигурки дугами.

Второй, многочастный вариант, рассматривается как изображения поколений

собственно рожениц: дочь — мать — бабушка и далее в глубину времени. Число поколений при этом обозначается только парами рук, головы и ноги (змеевидные либо арочные) у них общие. Отметим также трехпалость рук рожениц, часто встречающуюся на петроглифах и характерную, как нам представляется, для фигур, образцами для которых послужили наиболее архаичные прототипы.

Сформировавшись в глубокой древности, оба варианта стали важнейшими сюжетами для памятников традиционного искусства населения Степи, особенно его тюркской составляющей. Яркие образцы таких мотивов включены в декор погребальных ковров из суннуского некрополя Ноин-Улы периода рубежа эр¹⁵. Вполне узнаваемы аналогичные сюжеты на войлочных настенных занавесях балкарцев и предметах убранства юрты у ногайцев и других скотоводов Северного Кавказа, переселенцев из Центральной Азии¹⁶. Но наиболее характерен сюжет рожениц для *ширдаков*

и других *киилов* кочевого населения Степи: казахов, киргизов, узбеков¹⁷. В первую очередь это относится к тем изделиям, которые изготавливались для свадебных церемоний, и декор которых должен был оказать магическую поддержку роженицам семьи¹⁸.

В заключение подчеркнем, что сходство формы, использования, манеры декорирования и самого набора изобразительных сюжетов свадебных настенных занавесей скотоводческого населения Средней Азии и Китайского Туркестана поддерживает разработанный рядом исследователей тезис о «существовании в древности и средневековье среднеазиатско-восточнотуркестанской этнокультурной общности и о приоритете среднеазиатского направления в культурных связях уйгуров того времени»¹⁹.

колл. № 2114–319.

Рис. 13. Туйок-Мазар. Улица в селении Туйок-Мазар. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, coll. № 2114–320.

Рис. 14. Туйок-Мазар. Сценка. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, coll. № 2114–258.

Рис. 15. Туйок-Мазар. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 16. Туйок-Мазар. Дети. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. I Русская Туркестанская экспедиция, 1909 г. Фотограф С. М. Дудин. МАЭ РАН, coll. № 2114–314.

Рис. 17. Туйок-Мазар. Прачка. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. I Рус-

^[14] Объем нашего краткого эссе ограничен, что не позволяет рассмотреть и другие особенности рисунка занавеса, отражающие древнейшие представления населения Евразии об окружающем мире и его устройстве. Скажем только, что ими являются крест, круг и вариант, когда в круг включена сложная сакральная фигура, в нашем случае — изображение поколений рожениц.

^[15] Л. А. Чвыр, Уйгуров Юрты, Уйгуров Юрты, селение народов (Москва, 1990), с. 119.

^[16] Там же, с. 243, 244.

^[17] Изображения казахских и киргизских текеметов, тускиилов, ширдаков и др. см., например: Music for the Eyes, cat. Nos. 58, 66, 67, 73, 75, 76; Е. Г. Царева, ук. соч., с. 230.

living members of a clan — or a family, quite possibly not only women, but men as well. That is the way to “decipher” the “columns with arches” border ornament, which, we guess, represents the members of the family of manufacturers of the hanging. If this is true we can only admire the genetic memory of generations of the crafts-women, who apparently forgot the initial meaning of “figures-columns”, but remembered that they should be linked together, in this case — with the arches.

The second, multipart variant is regarded as depictions of generations of women in childbirth proper: daughter — mother — grandmother — and further down into the depths of times. The number of generations is marked with the pairs of hands-curves only; whereas the head and the legs (either serpentine or arch-like) are common for the “family”. Another moment to note is the

three-fingers’ hands of the figures, which feature is fixed by petroglyphs and is characteristic, as we believe, of the most archaic model prototypes. As soon as the embroidery under research demonstrates all configurations mentioned, we can suppose that here we deal with different levels of formation of the described composition.

Created in extreme antiquity, both variants became popular subjects for the monuments of traditional art of the people of the Steppe, its Turkic component in particular. The earliest textile examples we know adorn funeral carpets of the Noin-Ula Hsiung-nu necropolis, dated to the turn of the eras¹⁵. Eighteen hundred years’ older and excitingly expressive motifs decorate felt wall hangings of the Balkars and Kabardinians, as well as yurt decorations of the Nogai and other North Caucasus cattle-breeders, migrants from Central Asia¹⁶. Yet most close to our case vari-

Fig. 1. Tuyoq-Mazar. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 2. Tuyoq-Mazar. A temple with a *caitya* in the monastery on the left side. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–124.

Fig. 3. A glass negative, 13.0 × 18.0 cm. Photo by S. M. Dudin (the MAE laboratory). Funeral figurines of an unmounted warrior and a mounted one. Tuyoq-Mazar, 10th–11th centuries. The collection of N. N. Krotkov The State Hermitage, coll. Nos. TV–196 and TV–208 (were admitted to the State Hermitage from the MAE in 1930–1931). For further information see the ascription of N. G. Pchelin, coll. Nos. 157–158, *Thousand Buddha Caves, Russian Expeditions Along the Silk Road*. For the 190th Anniversary of the Asian Museum. The exhibition catalogue (St. Petersburg, 2008),

pp. 236–237. Courtesy of the State Hermitage.

Figs. 4–7. Tuyoq-Mazar. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 8. Tuyoq-Mazar. A drying room for grapes. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–257.

Figs. 9–10. Tuyoq-Mazar. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 11. Tuyoq-Mazar. A street in the settlement of Tuyoq-Mazar. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–255.

Fig. 12. Tuyoq-Mazar. A street in the settlement of Tuyoq-Mazar. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–319.

^[15] E. G. Tsareva, “Felts of Eurasia”, *Cultural Legacy of the Peoples of Central Asia, Kazakhstan and Caucasia. The Collection of the MAE IIL* (St. Petersburg, 2006), p. 229.

^[16] Ibid., pp. 243, 244.

^[17] For depictions of Kazakh and Kirghiz tekemets, tuskiizes, shirdaks, etc. see for instance *Music for the Eyes*, cat. Nos. 58, 66, 67, 73, 75, 76; Tsareva, *op. cit.*, p. 230.

ants of this splendid subject are characteristic for *shirdaks* and other *kiiz* of the nomads of Central Asia: Kazakhs, Kirghiz, Uzbeks, Uyghurs¹⁷. Primarily this concerns the made for wedding ceremonies articles, which décor had to give magic support to the future mothers of the family¹⁸.

To conclude I want to underline that similarity of form and manner of usage of the described type of the yurt wall hangings, as well as their décor’s composition and set of used ornaments support a thesis, which was developed by a group of scholars, and which states “that in antiquity and Middle Ages there existed a Central Asian — Eastern Turkestan ethno-cultural community, and that Central Asia was a prior direction for the Uyghurs’ cultural connections of the time”¹⁹.

Fig. 13. Tuyoq-Mazar. A street in the settlement of Tuyoq-Mazar. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–320.

Fig. 14. Tuyoq-Mazar. A scene. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–258.

Fig. 15. Tuyoq-Mazar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 16. Tuyoq-Mazar. Children. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The MAE RAS, coll. No. 2114–314.

Fig. 17. Tuyoq-Mazar. A laundress. A stereoscopic glass positive, 4.5 × 10.0 cm. The First Russian Turkestan expedition, 1909. Photo by S. M. Dudin. The

^[18] The volume of our essay is limited, thus does not allow to examine other peculiarities of the pattern of the piece, in particular that ones which reflect ancient concepts of population of Eurasia regarding the surrounding world and its structure. Let us mention that they are a cross, a circle and a variant when the circle includes a complex sacred figure, in our case it is a picture of generations of women in childbirth.

^[19] L. A. Chvyr, *Uyghurs of Eastern Turkestan and the Neighboring Nations* (Moscow, 1990), p. 276.

^[14] Одиночные фигуры, как правило, более узнаваемы, причем не всегда это изображения людей: роженицей может быть корова, лосяха, медведица. Например, шестым тысячелетием до нашего времени датируются изображения рожениц-медведиц и коров, найденные в святилищах Чатал-Хуюка (M. A. Mallette, “Weaver’s view of the Catal Huyuk controversy”, *Oriental Rug Review* X/6 (1990), pp. 32—43.

^[15] Е. Г. Царева, «Войлоки Евразии», *Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа*. Сборник МАЭ IIL (Санкт-Петербург, 2006), с. 229.

^[16] Там же, сс. 243, 244.

^[17] Изображения казахских и киргизских текеметов, тускиилов, ширдаков и др. см., например: *Music for the Eyes*, cat. Nos. 58, 66, 67, 73, 75, 76; Е. Г. Царева, ук. соч., с. 230.

^[18] Л. А. Чвыр, Уйгуров Юрты, Уйгуров Юрты, селение народов (Москва, 1990), с. 119.

^[19] Там же, с. 243, 244.

САЛАРЫ
THE SALARS

Я спросил [у купца]: «Какое же это путешествие?» Он ответил: «Хочу я привезти персидскую серу в Китай: Слышал я, что там на нее высокие цены. Оттуда я повезу китайский фарфор в Византию. Византийские ткани я повезу в Индию, индийское железо — в Алеппо, зеркала из Алеппо — в Йемен, а йеменские ткани — в Персию»...

Са'ди, Гулистан

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ THE SILK ROAD

I asked [a merchant], "What is this journey?" He answered, "I want to bring Persian sulphur to China; I heard they pay a lot for it. From there I will bring Chinese porcelain to Byzantium. Byzantium cloth I will take to India, Indian iron — to Aleppo, mirrors from Aleppo — to Yemen, and Yemeni cloth — to Persia"...

Sa'di, Gulistan

2

3

На протяжении тысячелетий мир осознал себя цивилизованным благодаря системе транспортных коммуникаций, известной под названием Великий шелковый путь. Он шел не только от оазиса к оазису, от базара к базару, от острова к острову — Великий шелковый путь связывал между собой святыне для человечества места и был подобен нервной системе в человеческом организме. Торговля с паломничеством шли здесь рука об руку.

Важным центром на Великом шелковом пути был Кашгар, расположенный у подножия Памирских гор, там, где сходятся отроги Тянь-Шаня и Куньлуня. Караваны (рис. 2–3) отсюда шли на запад — в Ферганскую долину, на юг — в Кашмир и на север в Турфан и далее — в Предтибетье и во Внутренний Китай. Город издавна славился своим базаром — одним из богатейших во всей Центральной Азии. Здесь встречались друг с другом товары из Багдада и Мешхеда, Бухары и Дели, Чань-аня (ныне Сиань), древней столицы Китая, и Синина, откуда шла дорога в Тибет. Далеко за пределами Китайского Туркестана был из-

вестен кашгарский скотный базар. И сегодня на всю округу разносится шум гигантского торжища: рев могучих дромадеров наплывает на мычание лохматых яков, блеют тысячные отары овец, собачий лай сливается с многоголосьем говором... (Рис. 4–6).

Подъезжая к Кашгару или покидая его, благочестивые путешественники обязательно стремились посетить мавзолей прославленного мусульманского подвижника, правителя и проповедника Аппака-хваджи (?–1693/94), расположенный всего в нескольких километрах к северу (рис. 7–13). По местному преданию три паломничества сюда приравнивались к *хаджжу* в Мекку. Сегодня внутри *мазара* показывают 72 гробницы, принадлежащие пяти поколениям членов этого благочестивого рода. По преданию в одной из могил лежат драгоценности и одежда внуки Аппака-хваджи, красавицы Сян-фэй (Ипархан), любимой «ароматной наложницы» одного из китайских императоров, цинского Цянь-луна (1736–1796). С именем девушки, тело которой источало чудесный

аромат, связаны легенды — героическая уйгурская и романтическая китайская. Согласно китайской версии попавшая в императорский гарем девушка мечтала вернуться на родину и не улыбалась до тех пор, пока императору не удалось воссоздать перед ее окнами облик родины в миниатюре — крошечный оазис с деревней в несколько домиков, мечетью и даже базаром. Уйгуры же считают девушку плененной героиней восстания, направленного против поработителей. В наши дни легенды о Сян-фэй, нашедшие отражение в книгах, пьесах и кинофильмах, превратили мавзолей ее деда в место, чрезвычайно популярное среди китайских туристов.

Через Кашгар во внутренний Китай и Предтибетье шли мусульманские проповедники, среди которых был и Аппак-хваджа. Этим же путем переселялись целые народы, бежавшие от войн или искавшие лучшую долю. В конце XIV в. этой дорогой через перевалы, оазисы и пустыни Кашгарии прошли люди, чьи потомки называют себя сегодня саларами.

Over millennia the world considered itself to be civilized due to the system of transportation lanes, known as the Great Silk Road. It stretched not only from oasis to oasis, from market to market, from island to island, but the Great Silk Road connected sacred sites to one another. Just as the nervous system connects everything in the human body, so too the Great Silk Road connects sacred sites one to another. Commerce and pilgrimage walked hand in hand on the Great Silk Road.

Kashghar was an important centre on the Great Silk Road. It was located at the foot of the Pamir mountains, where the spurs of Tian Shan and Kunlun meet. From here caravans headed west — to the Ferghana valley, south to Kashmir, and north to Turfan and beyond, to the

Tibetan foothills and Inner China (figs. 2–3). From times immemorial the city was famous for its marketplace. This marketplace is one of the richest in all of Central Asia. Here met the goods from Baghdad and Mashhad, Bukhara and Delhi, Changan (now Xian), ancient capital of China, and Xining, wherefrom the road to Tibet stretched. The Kashghar livestock market was famous far beyond the borders of Chinese Turkestan. Even today the noises of a great market day are heard all through the neighbourhood. The roaring of mighty dromedaries meets the mooing of shaggy yaks. Here the bleating of thousands of sheep and the barking of dogs merge with the humming of many human voices... (Figs. 4–6).

Whether coming into Kashghar or leaving it, pious pilgrims always rushed to visit the

4

mausoleum of the famed Muslim devotee, ruler and preacher Appaq-khwaja (?–1693/94). It is located only a few kilometres away to the north (figs. 7–13). According to local customs three pilgrimages to this site equalled the *hajj* to Mecca. Today 72 tombs are found within the *mazar*. These tombs belong to five generations of this pious kin. According to the legend, one of the tombs preserves the jewellery and clothing of Appaq-khwaja's granddaughter, the beautiful Xiang-fei (Iparhan). She was a favourite “fragrant concubine” of one of the Chinese emperors, Qian-long (1736–1796) of Qing dynasty. There are legends speaking of the girl, whose body shed fragrant aroma — an Uyghur epic legend and a Chinese romantic legend. In accordance with the Chinese version, the girl fell in the hands of an emperor and became a part of his harem. She was dreaming of returning to her fatherland and refused to smile until she saw a miniature image of her homeland, reconstructed by the emperor before her windows. She was living in a tiny little oasis with a village, consisting of a few houses, a mosque and a marketplace. Uyghurs say that the girl was a captured heroine of the revolt directed against the oppressors. Nowadays the legends of Xiang-fei, that found its place in books, plays and movies, have turned her grandfather's mausoleum into a site. This site is extremely popular with Chinese tourists.

Muslim preachers, one of whom was Appaq-khwaja travelled through Kashghar on to Inner China and in Tibet's vicinity. The same route was used for migration by complete ethnic groups looking for either refuge from war or for a better lot. At the end of 15th century this route with its passes, oases and deserts of Kashgharia region, was used by people, whose descendants call themselves Salars today.

5

6

7

8

9

10

11

12

13

**Из полевого дневника
Э. Р. Тенишева**

14

16

15

9—10 ноября 1956 г.

<...> Базар Кашгара огромен (рис. 15—28). Расположен он на площади «Айттика» и прилегающих к ней улицах. Одних лавок, выделывающих драгоценности, я насчитал 34. Впервые я увидел женщин в чачване, который здесь называется чумбет. Говорят, что несколько лет назад женщины, носящих чумбет, было больше чем теперь <...>

После обеда поехали смотреть гумбез [гомбад, перс. «купол», здесь «гробница»] Аппак Ходжа [Аппак-хваджа]. Он очень большой и красивый. Выстроен около 100 лет тому назад Якуббеком [Йа'куб-бек, 1820—1877]. В этом году заново отремонтирован. Аппак Ходжа, по словам 80-летнего его дальнего внука, шейха мазара, имама местной мечети Мамут хан Ходжа [Махмуд-хан Хваджа], является выходцем из Самарканда. Он жил в Кашгаре более 300 лет назад. Рядом с гумбезом, где покоятся родственники Аппака Ходжи, сохранилась мечеть его времени. Действительно, хазрат Аппак — историческое лицо, его мирское имя — Хидаятулла [Хидайат Аллах]. Он представитель Самаркандских ходжей, правивших Кашгаром в XVII—XVIII веках. Он является внуком известного в Средней Азии крупного имама Махдум Азама [Азам], был пиром поэта Ша Мешрепа [Машраб]. Внутри мазара лежит его внучка Мемур-и Изимхан (кит.: Сян Фей [Сян-фэй] Иппар-хан [Ипархан]). Во время сражения (1760 г.) маньчжурский император Ченлун [Цянь-лун] захватил в плен Мемур-и Изимхан и ее старшего брата и увез их в Пекин. Император хотел сделать ее наложницей, но она не хотела этого и боролась. У пояса у нее был спрятан нож, которым она угрожала императору. Чтобы расположить ее, император приказал перевести из Кашгара несколько сот ремесленников и выстроить квартал, напоминающий Кашгар, высадить фруктовый сад на юго-западной стороне Гугуна. Мемур-и Изимхан не сдавалась и не хотела становиться женой императора. Тогда во время сорокадневного моления императора его мать вручила Мемур-и Изимхан платок желтого цвета, означающий, что она должна покончить с собой (по обычаю маньчжуров). Мемур-и Изимхан погибла, и вскоре умер ее брат. Император приказал на носилках перенести их тела в Кашгар (рис. 14). В Пекине одна китайская актриса написала в 1953 г. пьесу на этот сюжет «Ипархан». Маньчжуры были недовольны тем, как изображен их император в пьесе (слабохарактерным), и пьеса одно время была снята с репертуара. Теперь она снова идет в классическом оперном театре¹.

¹ Э. Р. Тенишев, У тюркских народов Китая (Москва, 1995), сс. 86—87.

17

18

November 9—10, 1956

<...> The market of Kashghar is enormous in size (figs. 15—28). It is located on the square of “Aytika” and adjacent streets. I counted 34 jewellery shops alone. For the first time I saw women wearing chachwan (here they call it chumbet). They say that a couple of years ago there used to be more women wearing chumbet than there are now <...>

In the afternoon we went to see gumbez [Pers.: gombad, “the dome”, here: “the shrine”] of Appaq-khwaja. It is very large and beautiful. It was built 100 years ago by Ya'qub-bek (1820—1877). This year it has been remodelled. Appaq-khwaja, according to Mahmud-khan Khwaja, imam of local mosque, who happens to be his 80-year-old distant grandson, was a native of Samarqand. He lived in Kashghar over 300 years ago. Next to gumbez, where Appaq-khwaja's relatives are buried, there is a mosque from his time. And indeed, hazrat Appaq was a historical figure and his secular name was Hidayat Allah. He was a representative of Samarqand hojas, who ruled Kashghar in 17th—18th centuries. He was a grandson of famous and prominent imam in Central Asia, Makhdim-i 'Azam, and was also a pir of poet Sha Meshrep. Inside the mazar lies his granddaughter Maimur Azum (Chinese: Xiang-fei [Iparhan]). During one battle in 1760 Manchurian emperor Qian-long captured Memur-i Izimhan and her elder brother and took them to Beijing. The emperor wanted to make her his concubine, but she resisted it and fought against it. She had a dagger hidden at her waist with which she threatened the emperor. In order to win her over the emperor ordered to bring a couple of hundreds of craftsmen from Kashghar and replicate a quarter that would resemble a Kashghar quarter and plant a fruit orchard on the south-western side of Gugong. Memur-i Izimhan did not surrender easily and by no means wanted to become the emperor's wife. Then, during a forty-day prayer service of the emperor, his mother gave Memur-i Izimhan a yellow kerchief. This meant that she had to take her own life (according to the custom of Manchu). Memur-i Izimhan died and soon her brother joined her in death. The emperor ordered to bring their bodies to Kashghar (fig. 14). One Chinese actress wrote a play “Iparhan” in 1953 using this story for its plot. Manchu were unhappy with the way their emperor was portrayed in the play (very weak-willed), and the play had been taken off the repertoire. Now it is being played on the stage of the classic opera theatre¹.

¹ E. R. Tenishev, Visiting Turkic Peoples in China (Moscow, 1995), pp. 86—87.

**From E. R. Tenishev's
field journal**

19

23

24

26

28

25

27

Ислам приходил вместе с людьми, обеспечивавшими транзит. Уже с VIII в. мощь Халифата смогла гарантировать безопасность торговых операций на гигантских территориях и высокую прибыльность для всех их участников. Это вызвало беспрецедентную активизацию торговых операций по всей Евразии от Скандинавии² до Китая, а также в Красном море, Персидском заливе, Аравийском море, Индийском океане, Бенгальском заливе и Южно-Китайском море. Мусульманские купцы смогли создать по существу глобальную торговую сеть. Хорошо помню, как несколько лет назад в южно-китайском городе Гуанчжоу я удивился, увидев старинный арабский минарет. Строительство мечети Хуайшэнсы («Храм следующих за Мудрым») местные предания связывают с именем одного из ближайших сподвижников основателя ислама Мухаммада — Са'дом б. Аби Ваккасом³. На протяжении столетий двенадцатиметровый минарет служил маяком для судов на Жемчужной реке — одном из истоков морского Шелкового пути.

Китай был важнейшим торговым партнером мусульман. В порту Каликут (ныне — Кожикод) на Малабарском побережье Индии великий арабский путешественник Ибн Баттута (1304 — ок. 1369 или 1377) удивлялся большим китайским судам, «плавающим садам», на которых китайцы выращивали овощи и частично обеспечивали себя свежей пищей во время долгих морских переходов. В начале XV в. китайский флот возглавил мусульманин Чжэн Хэ (1371—1435), чей род по преданию восходил к одному из военачальников Чингиз-хана, выходцу из Бухары. Чжэн Хэ совершил семь морских военно-торговых экспедиций в страны Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки и после столетий

изоляциизма принес в Китай важнейшие сведения об окружающем мире⁴.

Дороги через Китайский Туркестан были одной из важнейших частей сухопутного Шелкового пути. Процветали торговые оазисы — транспортные станции вдоль пустыни Такла-Макан. В лучшие времена практически ежедневно с регулярностью железнодорожного расписания на запад уходили громадные караваны верблюдов, груженные китайским фарфором, шелком (*рис. 29*), бронзой и часто ведомые саларами. Навстречу шли караваны с запада.

Который век, покорные подругам,

Вы, словно дни, идете друг за другом?

И нет костям белеющим конца.

Плывущие виденья постоянства!

Вы ритмом жизни мерите пространства

Минут земных и вечности Творца⁵.

Известно, что знаменитый египетский султан победитель крестоносцев Салах ад-Дин (1138—1193) собрал роскошную коллекцию китайского фарфора. Немало предметов из своей коллекции он, якобы, преподносил европейским монархам. По одной из версий именно его имя дало название утонченным бледно-зеленым чашам, кувшинам и блюдам, известным в Европе как селадон. Китайский фарфор можно легко найти в Исфахане и Ширазе, Стамбуле и Тегеране. В XIV в. его большая коллекция была собрана Тимуром. Именно этот период характеризуется расцветом взаимовлияния культуры Китая и мусульманского Востока. Большой спрос породил широкую имитацию китайских фарфоровых и фаянсовых изделий (например, в Египте, Ираке и Сирии). Здесь шло активное заимствование орнаментов и мотивов

дйского океанов (Китайские источники ранее XI в.) (Москва, 1978); он же, Средневековый Китай (исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе), сост. И. Э. Циперович, отв. ред. Л. Н. Меньшиков (Москва, 1987).

5 К. А. Липскеров, *Верблюды* (1922).

6 См.: М. Л. Меньшикова, «Китай и ислам», *Во дворах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Ин-*

китайского искусства. Каждый, кто хоть немного занимался мусульманской каллиграфией и миниатюрой, легко отождествит в них множество элементов, пришедших из Китая. С другой стороны, формы и орнаментальные мотивы из стран мусульманского мира прочитываются в китайской тореитике той поры, в элементах декорирования фарфора, в китайских эмалях и серебре⁶.

При монгольской династии Юань (1279—1368) прошло массовое переселение мусульман-ремесленников из Бухары и Самарканда, завоеванных монголами. Рост числа мусульман собственно в Поднебесной привел к появлению и развитию производства ритуальных предметов для их собственных нужд (*рис. 30—31*). И оседавшие на китайских территориях купцы, и ремесленники-переселенцы не только сохраняли традиционные связи, но и обеспечивали дорогу проповедникам ислама.

Внешним смыслом одной из важнейших заповедей братства наکشбандиййа было *сафар дар ватан* — «путешествие по родному краю». Много путешествовал и Аппак-хваджа (Афак-хваджа, Офок-хваджа; араб. *афак* — «горизонты» или араб. *аффак* — «путешественник»), которого в народе называют Аппак (Оппок)-хваджа (тюрк. *аттак* — «самый белый»)⁷. Он принадлежал к знатному роду, ведущему, как считают, происхождение от самого пророка. С XV и, по крайней мере, до середины XX в. представители этого рода занимали важнейшие позиции в духовной и политической иерархии государств Средней Азии. По поверьям могила Аппака-хваджи — одно из четырех возможных мест пребывания *кутба* или *йактана* — главы незримой иерархии святых, управляющих миром. Множество его последователей жили и живут в юго-восточном Казахстане и в Ферганской долине. Мы

талог выставки (Санкт-Петербург, 2008), сс. 354—356; она же, «Китайские ткани для исламского рынка», *там же*, сс. 164—165.

7 Подробнее см.: С. Н. Абашин, «Сокит», *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь*, сост. и отв. ред. С. М. Прозоров

(Москва, 2009), с. 107.

Islam was arriving together with the people that provided trade transit. Back in the 8th century the power of the Caliphate could guarantee safety to the trading campaigns on vast territories and high profitability for all of their participants. That alone called for unprecedented activation of trading campaigns all over Eurasia, from Scandinavia² to China, as well as in the Red Sea, the Persian Gulf, the Arabian Sea, the Indian Ocean, the Bay of Bengal and the South-China Sea. Muslim merchants could form an essentially global trading network. I remember well how couple of years ago I was surprised to see an ancient Arabic minaret in the southern Chinese city of Guangzhou. Local traditions link the building of the mosque Huaishengsi (“The Temple of the Followers of the Wise”) with the name of one of the closest associates of the founder of Islam, Muhammad — Sa'd b. Abi Waqqas³. For centuries this twelve-meter minaret served as a beacon for the boats on the Pearl River — one of the sources of seafaring Silk Road.

China was the most prominent trading partner of the Muslims. While in the port of Calicut (today known as Kozhikode) on the Malabar coast of India the great Arabic traveller, Ibn Battuta (1304 — ca. 1369 or 1377), was greatly astonished at the sight of Chinese vessels, “floating gardens”, where Chinese were growing vegetables and were partially providing themselves with fresh food during long seafaring voyages. In the beginning of the 15th century Chinese fleet was headed by Muslim Zheng He (1371—1435), whose origin, according to the tradition, traced back to one of the commanders of Genghis Khan, native of Bukhara. Zheng He made seven seafaring military-trading expeditions in the countries of Indochina, Hindustan, the Arabian Peninsula and Eastern Africa. After centuries of isolation-

2 A. V. Golovnev, *Anthropology of Movement* (Ekaterinburg, 2009), pp. 253—310.

3 In fact the foundation of the mosque apparently dates back to the 10th century. It burned twice (in 1350 and in 1695) and both times it was restored.

4 See also: V. A. Velgus, *News on the Countries and Peo-*

ple of the Pacific

ism he brought to China information of great importance about the surrounding world⁴.

The roads through Chinese Turkestan were the main part of the overland Silk Road. The trading oases and transportation stations along the Takla-Makan Desert were prospering. In their best days enormous caravans of camels loaded with Chinese porcelain, silk (*fig. 29*) and copper were heading east with the regularity of the railway schedule. Those caravans were often led by Salars. Caravans from the east met them halfway.

How many centuries, submissive to saddle-girth,

You, as though were days, walk one after another?

And white bones see no end.

The floating visions of consistency!

You measure space with the rhythm of life

The earthly minutes and the eternity of the Creator⁵.

It is known that Egyptian sultan Salah al-Din (1138—1193), the victor over the Crusaders, gathered a great collection of Chinese porcelain. A great number of the items of his collection he allegedly presented to European monarchs. According to one of the legends it was the name of the Egyptian ruler that gave its name to the delicate pale green cups, jars and dishes, known in Europe as celadon. Chinese porcelain (known as China) may easily be found in Isfahan and Shiraz, Istanbul and Tehran. Its large collection was gathered in the 14th century by Timur. And that was the time of the greatest influence of China upon the culture of the Muslim east as well as vice versa — the influence of the achievements of Islamic culture upon China. Great demand gave birth to wide imitation of Chinese porcelain and faience ware (for instance in Egypt, Iraq and Syria). Ornaments and motifs of Chinese art were actively borrowed. Anyone, who was engaged in the Muslim calligraphy and miniature even

and Indian Oceans (Chinese Sources Prior to the 11th Century) (Moscow, 1978); idem, *The Medieval China (Researches and Materials on the History, External Relations and Literature)*, compiled by I. E. Tsiperovich, ed. by L. N. Menshikov (Moscow, 1987).

5 K. A. Lipskerov, *Camels* (1922).

6 See: M. L. Menshikova, “China and Islam”, *In the Pal-*

a tiny bit, could identify many of their elements coming from China. On the other hand, though, forms and ornamental motifs of the Muslim countries could be well seen in the Chinese toretics of those times, as well as in the elements of china decoration, Chinese enamel and silver⁶.

A mass migration of Muslim craftsmen from Bukhara and Samarqand conquered by the Mongols took place under the Yuan Dynasty (1279—1368). The growth in Muslim population in the Celestial Empire itself led to the emergence and development of the production of the ritual articles for their personal needs (*figs. 30—31*). And the merchants and migrant craftsmen settled in Chinese territories not only preserved their traditional connections, but also paved the way for the preachers of Islam.

One of the main meanings of the commandments of the Naqshbandiyya brotherhood was *safar dar watan* — “travelling through the Homeland”. So travelled Appaq-khwaja (Afak-khwaja, Offok-khwaja; from Arabic *afaq* — “horizons” or Arabic *affaq* — “traveller”), known among people as Apak (Oppok)-khwaja (from Turkic *ap-ak* — “whitest”)⁷. He belonged to the noble family tracing its origins, as is believed, back to the prophet himself. From the 15th century and until at least the mid 20th century the representatives of this family held paramount offices in the spiritual and political hierarchy of the countries of Central Asia. According to legends, the tomb of Appaq-khwaja is one of the four possible locations for *qutb* or *yaktan* — the head of the unseen hierarchy of the Sufi saints that rule the world. Many of his followers have lived in the south-eastern Kazakhstan and in the Ferghana Valley. We met his name in the Muslim regions of Chinese Turkestan as often as the name of Je Tsongkhapa in the Buddhist regions. The tomb of beautiful Iparhan is displayed in the Appaq-khwaja Mausoleum.

aces and Tents. Islamic World from China to Europe. The exhibition catalogue (St. Petersburg, 2008), pp. 354—356; eadem, “Chinese fabrics for the Islamic market”, *ibid.*, pp. 164—165.

7 For more details see: S. N. Abashin, “Sokit”, *Islam on the Territory of the Former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*, compiled and ed. by S. M. Prozorov (Moscow, 2006), pp. 363—366.

2 A. В. Головнев, *Антропология движения* (Ekaterinburg, 2009), сс. 253—310.

3 На самом деле закладка этой мечети относится, по видимому, к X в. Она дважды горела (в 1350 и в 1695 гг.) и оба раза была восстановлена.

4 См. также: В. А. Вельгус, *Известия о странах и на-*

родах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Ин-

встречали его имя в мусульманских районах Китайского Туркестана так же часто, как имя Дже Цонкапы в районах буддийских. Именно в мавзолее Аппака-хваджи показывают могилу красавицы Ипархан.

Согласно одной из легенд, сохраненной нам историческими хрониками, «императору Цяньлуну однажды приснилась прекрасная девушка с белым нефритовым браслетом на одной руке и с золотыми и серебряными цветами в другой. Она явилась императору с Запада на желтом драконе, и сказала, что была послана Аллахом, чтобы стать его женой. Цяньлун проснулся счастливым и сразу отправил своих министров искать эту девушку. О ней ходили слухи, что она не только красива, но еще и источает ни с чем не сравнимый, приятный цветочный аромат. Поэтому она получила имя Сян Фэй, что в переводе означает “ароматная”. Второе ее имя — Жун Фэй.

Исторические события отчасти подтверждают эту легенду. Император Цянь-лун (1736—1795) завоевывает в 1750-х гг. Синьцзян. Императору в завоевании новых территорий помогает один из уйгурских князей из Кашгарии. После победы Китая над Кашгарией в 1759 г. он удостоивается различных титулов, и его семья переезжает в Пекин. Для закрепления союза в 1760 г. племянница князя по имени Сян Фэй (Жун Фэй) в возрасте 27 лет становится императорской наложницей. Она очень быстро, в течение трех месяцев, получает титул *гуйжэнь*, т. е. из ранга наложницы переводится в ранг жены императора. Обычно, титул *гуйжэнь*, один из самых высоких императорских титулов, давался женам после рождения сына. Жун Фэй не имела детей, и столь скорое ее повышение могло быть связано как с политическими причинами, так и просто с тем, что она нравилась императору.

Итак, чтобы Сян Фэй не грустила по родному краю, любящий ее император Цяньлун осыпает ее милостями, строит для нее небольшой павильон-дворец в Запретном городе, а также ряд построек в летних дворцах. Император устраивает ее покои так, чтобы они напоминали ей жизнь дома, и украшает их ее изображениями. Ей было разрешено остаться мусульманкой, и правитель велел в 1770-х гг. построить высокие ворота перед входом в мечеть, находившуюся за пределами Запретного города, которые использовались как минарет, для того, чтобы она могла слышать время для совершения молитв.

Сян Фэй (*рис. 32*) становится членом императорской семьи, и, следовательно, ей полагаются все те почести, которые оказывают женам Цяньлуна. Придворные художники пишут ее портреты. В этот период многие портреты членов императорской семьи писались совместно художниками разных школ, работавших при дворе — лица писались европейцами, платья и интерьеры — китайцами. Считая ее западной красавицей, император заказывает ее портреты западным художникам-иезуитам, работавшим при дворе, скорее всего, любимому придворному мастеру Джузеппе Кастильоне. Портрет исполняется в его мастерской, и явно в европейской манере. Об этом свидетельствуют поза, одеяние, пейзаж на заднем плане, композиция, перспектива, светотень, цветовая гамма, и многое другое.

Хотя Сян Фэй не родила Цяньлуну детей, после ее смерти в 1788 г., император, любивший ее, приказал похоронить ее в цинских императорских могилах Дунлин (Восточные холмы), вместе с другими женщинами из императорской семьи, но в саркофаге с арабскими надписями из Корана в соответствии с ее мусульманской верой. Надгробие в мавзолее

Аппака-хваджи, безусловно, является кенотафом. Гробницы императорских наложниц и жен в Дунлине были раскопаны в 1980-х гг., и там было обнаружено захоронение Сян Фэй. Действительно, в отличие от всех остальных, ее саркофаг имеет вид мусульманского надгробия, и на нем начертаны надписи из Корана на арабском языке»⁸.

Арабскому философу Ибн Масарре (883—931) приписывают такие слова: «Весь мир — книга, а ее буквы — это Его речь. Ту книгу читают люди проникательными очами истинной мысли в соответствии с [остротой] их зрения и широтой разума»⁹. Ему вторил великий философ, теолог и мистик ал-Газали (1058—1111), оказавший, среди прочего, громадное влияние на европейских мыслителей от Фомы Аквинского до Рене Декарта: «Из-за того, что людям в каждом случае трудно познать речь Всевышнего [т. е. Коран], особенно после прекращения Откровения, Всеславный Бог проявил людям свою речь посредством осязаемых вещей...»¹⁰

Мусульманская цивилизация осваивала и создавала великие торговые пути, и параллельно арабские ученые, географы и путешественники *вчитывались* и *вглядывались* в этот мир, познавали и описывали его. Географические и космологические сочинения, посвященные чудесам мира, становились молитвами, восхвалявшими Создателя. Но когда радостная увлеченность сменилась ленивым всезнанием, юношеская смелость, настойчивость и непосредственность познания перешли к европейцам. Вытеснив мусульман из южных морей и развернув здесь эффективные торговые операции, они захватили и контроль над получением и распространением информации. Сухопутный Шелковый путь не выдержал конкуренции. *Открытая*

According to one of the legends, preserved for us by historical chronicles, “once the Qianlong Emperor dreamed of a beautiful girl with a white jade bracelet on one hand and golden and white flowers in the other. She appeared before the Emperor from the East riding a yellow dragon, and she told him that she was sent by Allah to become his wife. Qianlong woke up happy and at once sent his ministers to search for this girl. She was rumoured not only to be fairly beautiful, but that she also shed incomparably pleasant flower aroma. Thus, she was given the name of Xiang-fei, which translates as ‘fragrant’. Her second name is Rong-fei.

Historical events partially confirm this legend. The Qianlong Emperor (1736—1795) conquers Xinjiang in the 1750’s. In his conquests the Emperor is aided by one Uyghur prince from Kashgharia. After the victory of China over Kashgharia in 1759 many titles are bestowed upon him and his family relocates to Beijing. In 1760 for the sake of strengthening the union, the niece of the prince, whose name is Xiang-fei (Rong-fei), becomes the Emperor’s concubine at the age of 27. Very quickly, in the matter of three months, she is given the title of *güiren*, i. e. the status of a concubine when she is transferred to the status of the Emperor’s wife. Usually the title of *güiren*, one of the most elevated titles, was given by the Emperor to his wives only after they gave him a son. Rong-fei did not have any children and her extremely quick rise could only be connected with the political reasons as well as with the speculation that the Emperor must have liked her a great deal.

Thus, in order for Xiang-fei not to grieve over her motherland the Qianlong Emperor, who was deeply in love with her, showered her with caresses and built a small palace in the Forbidden City and a series of structures in the sum-

mer palaces. The Emperor arranges her chamber in such a way that it would remind her of home, and he adorns her premises with portraits of her. She was permitted to remain a Muslim and in the 1770’s the Emperor ordered high gates to be built in front of the entrance to the mosque, which was outside of the Forbidden City. Those gates were used as a minaret so that she could hear the call to prayers.

Xiang-fei (*fig. 32*) became a member of the Emperor’s family and was therefore to be given the same honours as the wives of Qianlong were given. Court artists painted her portraits. During that time period many portraits of the Emperor’s family members were painted by the artists of different schools who worked in the court: faces were drawn by Europeans, dress and interior design — by Chinese. Considering her to be a Western beauty, the Emperor ordered her portraits to be painted by Western Jesuit artists, who worked at the court, and most likely he entrusted it to his favourite court craftsman Giuseppe Castiglione. The portrait was painted in his workshop and it was done in a vividly European style. It is evidenced by the posture, attire, landscape on the background, composition, perspective, chiaroscuro, colour spectrum and many other aspects.

Although Xiang-fei did not bear any children to Qianlong, after her death in 1788 the Emperor, who loved her, ordered to bury her in the Qing Imperial Tombs of Dongling (the East Tomb), with other women of the Emperor’s family. But she was buried in a sarcophagus with Arabic inscriptions from the Qu’ran, according to her Muslim faith. The headstone in the Appaq-khwaja Mausoleum undoubtedly is a cenotaph. The tombs of the Emperor’s concubines and wives in Dongling were excavated in the 1980’s, and the burial of Xiang-fei was dis-

covered among them. And it is true, in contrast to the others, her sarcophagus looks like a Muslim headstone and there are Arabic writings from the Qu’ran on it”⁸.

Arabian philosopher Ibn Masarra (883—931) is ascribed the following words: “The whole world is a book, and its letters are His words. That book is read by people with eagle eyes of the true idea and in accordance with [the sharpness of] their eyesight and the width of their intellect”⁹. He was echoed by the great philosopher, theologian and mystic al-Ghazali (1058—1111), who greatly influenced, among others, European thinkers from Thomas Aquinas to Rene Descartes: “Due to the fact that in every case it is hard for people to recognize the speech of the Most High [i. e. the Qu’ran], especially after the Revelation is ceased, the Glorious God has revealed His speech to people by means of perceptible things...”¹⁰.

The Muslim civilization was mastering and forming great trading routes, and at the same time Arabic scientists, geographers and travelers were *reading carefully* and *gazing steadily* at this world, getting to know it and describing it. Geographical and cosmological essays devoted to the wonders of the world were becoming prayers praising the Creator. But when joyful keenness was substituted with idle omniscience, youthful bravery, persistence and ingenuousness crossed over to the Europeans. Having forced out Muslims from the southern seas and launched effective trading campaigns, they also seized the control over the receiving and spreading of information. The overland Silk Road did not stand the competition. The *open* European civilization was absorbing experience and knowledge as a sponge, the Muslim one on the other hand was closing more and more. Its once great science was busy commenting on essays previously written.

8 М. Л. Меньшикова, «Необычная китайская скульптура девушки-садовницы из слоновой кости», *Сообщения Государственного Эрмитажа* LXIII (Санкт-Петербург, в печати).

9 Ибн Масарра, *Рисала ал-у’тибар* [Послание о разумении] в кн.: Джа’фар Камал Ибрахим, *Фи ал-фалсафа*

ал-исламийя: дираса ва нусус туншар ли-аввал марра [Об исламской философии: исследование и впервые публикуемые тексты] (Каир, 1976). Здесь и ниже — перевод А. А. Игнатенко, взятый из его последней книги, посвященной специфике исламской картины мира. См. А. А. Игнатенко, *Зеркало ислама* (Москва, 2004), с. 10.

10 Абу Хамид ал-Газали, *Ал-Мустасфа мин ’илм ал-усул* [Избранное из науки основ] (Бейрут, б. г.) i, с. 93, *там же*, с. 10.

8 M. L. Menshikova, “Unusual Chinese ivory figurine of a girl-gardener”, *Transactions of the State Hermitage Museum* LXIII (St. Petersburg, in print).

9 Ibn Masarra, “Risala al-i’tibar” [The Message of Reflec-

tion] in the book of Ja’far Kamal Ibrahim, *Fi-l-falsafa al-islamiyya: dirasa wa nusus tunshar li-awwal marra* [Of Islamic Philosophy: Researches and Texts First Published] (Cairo, 1976). Here the translation was taken from:

A. A. Ignatenko, *The World of Islam* (Moscow, 2004), p. 10.
10 Abu Hamid al-Ghazali, *Al-Mustafa min ’ilm al-usul* [Selected Works from the Science of the Basics] (Beirut, s. a.), i, p. 93, *ibid.*, p. 10.

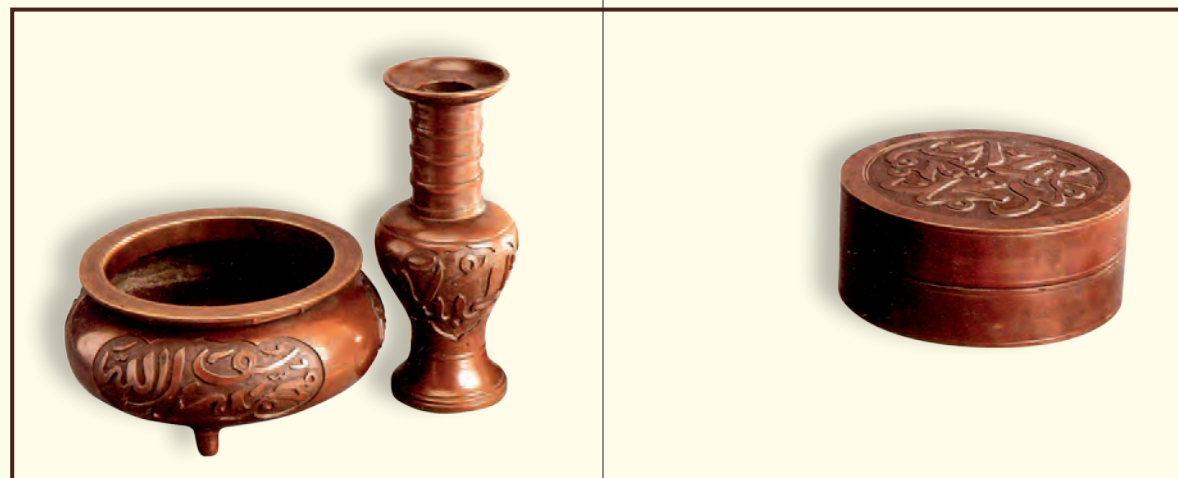
30

европейская цивилизация как губка впитывала опыт и знания, мусульманская же закрывалась все больше и больше. Ее некогда великая наука была занята комментированием созданных прежде сочинений.

В сентябре 2008 г. мы работали в пустыне Такла-Макан, снимали сюжеты, нужные для выставочного проекта: пустыня, верблюды, караван (рис. 33–35). Накануне нашего приезда там прошел сильный дождь, и в размывах высокого бархана я заметил обнажившийся край глиняного черепка, украшенного простой росписью. По его форме невозможно было понять назначение сосуда — чаша, кувшин... Накануне у *мазара* Аппака-хваджи я рассказывал коллегам о суфийской «винной» поэзии, о колоссальной популярности поэта-мистика Рахима-бабы б. Вали-бабы ан-Намангани Машраба (1640–1711), духовным наставником которого был Аппак-хваджа.

*Не мудрецов ли прахом земля везде полна?
Так пусть меня поглотит земная глубина,
И прах певца, что славил вино, смешавшись
с глиной,
Предстанет вам кувшином для пьяного вина¹¹.*

31

11 В. Я. Брюсов, *Персидские четверостишия* (1911).

In September of 2008 we were working in the Takla-Makan Desert — we were filming pieces needed for the exhibition project: the desert, camels, caravan (figs. 33–35)... The day before we arrived, it rained hard and in the wash of a high barchan I noticed an exposed piece of a pottery fragment adorned with a simple painting. Its shape didn't give any clues as to its designation — a cup, a jug... The day before I was by the Appaq-khwaja *mazar* when I was telling my colleagues about the Sufi “wine” poetry and about a titanic popularity of the mystic poet Boborahim Mashrab (Rahim-bab b. Wali-bab al-Namanghani Mashrab) (1640–1711), whose spiritual mentor was Appaq-khwaja.

*Is not the earth filled with the ashes of wisemen?
Then let the earth's depths devour me,
And the ashes of a singer who praised wine, having
mixed with clay,
Will come before you in a form of a jug for drunk-
en wine¹¹.*

11 V. Y. Bryusov, *The Persian Quatrains* (1911).

33–34

32

35

Рис. 1. На кашгарском базаре. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 2. Перевал Таш-Рабат по пути из Нарына к озеру Чатыр-куль. Фотоотпечаток. Собиратель Н. Ф. Петровский, поступление 1899 г. МАЭ РАН, колл. № 511–8.

Рис. 3. Караван в пустыне. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 4–6. Скотный рынок в Кашгаре. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 7–13. Комплекс *мазара* Аппака-хваджи. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 14. Носилки, по преданию использованные для перевозки тела умершей Ипархан. Комплекс *мазара* Аппака-хваджи. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 15–16. Базар в Кашгаре на площади перед пятничной мечетью. Фотография из книги А. А. Колесников, *Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) Миссии, экспедиции, путешествия* (Бишкек, 2006), с. 79 (источник не указан).

Рис. 17–18. На улицах и базарах Кашгара. Фотографии из книги. Колесников, *ук. соч.*, сс. 75, 91, 96 (источник не указан).

Рис. 19. Пятничная мечеть в Кашгаре. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 20–28. На главном рынке Кашгара. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 29. Фрагмент шелкового дамаска. Заказной узорчатый шелк (*тираж*) с камчатным узором голубого и желтого цветов, именован правителя и прославляющими его надписями; 49,0 × 29,0 см. Китай, конец XIII – начало XIV в. Поступление 1898 г.,

привезен экспедицией В. Г. Бока. Государственный Эрмитаж, инв. № ЕГ–905. Две надписи, вытканные вокруг сердцевины цветка лотоса в лепестках, гласят: «Слава господину нашему султану царю победоносному» и «Насир-Дунья ва ад-Дин Мухаммад Калаун» – имя мамлюкского султана, правившего Египтом, с перерывом, в 1294–1340 гг. Подробнее см. атрибуцию М. Л. Меншиковой, № 134, *Во дворцах и шатрах*, с. 166. Публикуется с любезного согласия Государственного Эрмитажа.

Рис. 30. Фляга. Бронза (латунь), перегородчатая эмаль, золочение; высота с крышкой – 44,0 см. Китай, период Цянь-лун, конец XVIII в. Поступление 1928 г. из музея Центрального училища технического рисования; ранее в коллекции Бобринских–Половцевых. Государственный Эрмитаж, инв. № ЛМ–1239а, б. На тулове вазы – стилизованная каллиграфическая надпись почерком *сулс* «ал-Хафиз» («Хранитель» – эпитет Аллаха). Подробнее см. атрибуцию М. Л. Меншиковой, № 289, *Во дворцах и шатрах*, с. 358. Публикуется с любезного согласия Государственного Эрмитажа.

Рис. 31. Алтарный набор из трех предметов. Латунь, патина; курильница: высота – 6,5 см, диаметр устья – 13,0 см; ваза: высота – 14,5 см, диаметр – 5,5 см; коробка: высота – 5,0 см, диаметр – 14,7 см. Китай, XVIII в., марка Сюань-дэ (1426–1435). Государственный Эрмитаж, инв. № ЛИ–883, ЛИ–889, ЛИ–907 а, б. В оформлении использован текст *шахады*, выполненный почерком *насл*: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Аллаха». Подробнее см. атрибуцию М. Л. Меншиковой, № 290, *Во дворцах и шатрах*, с. 359. Публикуется с любезного согласия Государственного Эрмитажа.

Рис. 32. Сян-фэй, любимая наложница-мусульманка императора Цянь-луна. Слоновая кость, резьба, следы раскраски; высота – 20,5 см. Китай, дворцовые мастерские Пекина, 1760–1780-х гг. Поступление: 1998 г. через Фондово-закупочную комиссию. Государственный Эрмитаж, инв. № ЛН–1108. Скульптура является трехмерным повторением-интерпретацией картины с изображением дамы, сидящей на камне в саду. Это неканоничный для китайского искусства портрет, вероятно, был выполнен Джузеппе Кастильоне (родился в Милане, 1688–1766) – художником-иезуитом, который жил и работал при императорском дворе в Пекине с 1715 по 1766 гг. Получил статус придворного художника и китайское имя Лань Шинин¹². Публикуется с любезного согласия Государственного Эрмитажа.

Рис. 33. Походный футляр (уйгур. *чине кап*) для пиалы с крышкой на узком ремешке для крепления к поясу. Кожа; футляр: 17,0 × 16,3 × 13,5 см, диаметр крышки – 18,0 см, длина ремешка – 28,0 см. Китай, г. Кашгар, XIX в. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г., колл. № 7415–28.

Рис. 34. Пиала керамическая (уйгур. *санал кача*), украшенная геометрическим и точечным орнаментом. Керамика, глазурь, 16,3 × 17,7 см. Китай, г. Кашгар, конец XIX в. – начало XX в. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г., колл. № 7415–29.

Рис. 35. Седельные сумы (уйгур.: *кен ходжун*) кожаные с тиснением и бахромой. Кожа; 67,8 × 42,7 см. Китай, г. Кашгар, конец XIX в. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г., колл. № 7415–31.

Fig. 1. The bazaar in Kashgar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 2. The Tash Rabat Pass on the way from Naryn to Lake Chatyr-Kul. A photograph. Collected by N. F. Petrovskiy, admitted in 1899. The MAE RAS, coll. No. 511–8.

Fig. 3. Caravan in the desert. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 4–6. Kashghar’s livestock market. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 7–13. The complex of the Appaq-khwaja *mazar*. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 14. Stretchers that according to the tradition were used for the body of the deceased Iparhan. The complex of the Appaq-khwaja *mazar*. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 15–16. The market on the square in front of the Friday mosque in Kashghar. A photograph from the book of A. A. Kolesnikov, *Russians in Kashgharia (the Second Half of the 19th – the Early 20th Centuries). Missions, Expeditions, Journeys* (Bishkek, 2006), p. 79 (the source is not indicated).

Figs. 17–18. On the streets and markets of Kashghar. Photographs from the book of Kolesnikov, *op. cit.*, pp. 75, 91, 96 (the source is not indicated).

Fig. 19. The Friday mosque in Kashghar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 20–28. On the main market of Kashghar. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 29. A piece of yellow damascus. Ornamented silk (*tiraz*) made to order with damask ornamentation

of soft blue and yellow, with a name of a ruler and inscriptions praising his name; 49.0 × 29.0 cm. China, late 13th – early 14th centuries. Admitted in 1898, brought by the expedition of V. G. Bok. The State Hermitage, coll. No. EG–905. Two inscriptions weaved around the heart of the lotus flower with petals say: “Praise be to the Lord our Sultan, the King Victorious” and “Nasir-Dunya na al-Din Muhammad Qalaun” – the name of the Mamluk sultan ruling over Egypt in 1294–1340 with intervals. For further information see the ascription of M. L. Menshikova, No. 134, *The Palaces and Tents*, p. 166. Courtesy of the State Hermitage.

Fig. 30. A flask. Copper (brass), plique-a-jour, gilding; 44.0 cm together with the lid. China, the Qian-long Emperor’s time period, the end of the 18th century. Was admitted in 1928, from the Museum of Central School of Technical Drawing; used to be a part of the collection of Bobrinskis-Polovtsevis. The State Hermitage, coll. No. ЛМ–1239а, б. The body of the vase contains a stylized calligraphic inscription in *thulth* script “al-Hafiz” (“Keeper” – an epithet for Allah). For further information see the ascription of M. L. Menshikova, No. 289, *The Palaces and Tents*, p. 358. Courtesy of the State Hermitage.

Fig. 31. An altar set of three pieces. Brass, patina; a censer – 6.5 cm in height, the orifice of 13 cm in diameter; a vase – 14.5 cm in height, 5.5 cm in diameter; a box – 5.0 cm in height, 14.7 cm in diameter. China, the 18th century, the brand of Xuan-de (1426–1435). The State Hermitage, coll. No. ЛИ–883, ЛИ–889, ЛИ–907 а, б. In design the text of *shahada*, performed in *naskh* script, is used: “No God but Allah, and Muhammad is His prophet”. For further information see the as-

cription of M. L. Menshikova, No. 290, *The Palaces and Tents*, p. 359. Courtesy of the State Hermitage.

Fig. 32. Xiang Fei, the favourite Muslim concubine of the Qianlong. Ivory, carving, with the traces of colouring. China, the palace workshops of Beijing, the 1760–1780’s; 20.5 cm in height. Admitted in 1998 through the Stock-purchasing Committee. The State Hermitage, coll. No. ЛН–1108. The sculpture is a three-dimensional copy / interpretation of the painting of the lady sitting on a rock in the garden. This portrait is non-canonical for Chinese art, was very likely painted by Giuseppe Castiglione (born in Milan, 1688–1766), a Jesuit painter, who lived and worked at the Emperor court in Beijing from 1715 to 1766. He earned the status of the court painter and also a Chinese name Lang Shining¹². Courtesy of the State Hermitage.

Fig. 33. A tea-bowl field case (Uighur: *chine kap*) with a lid and a narrows strap to fasten to one’s waist. Leather; the case – 17.0 × 16.3 × 13.5 cm, the lid of 18.0 cm in diameter, the strap of 28.0 cm in length. China, the city of Kashghar, the 19th century. The MAE RAS expedition of 2008, coll. No. 7415–28.

Fig. 34. A ceramic tea-bowl (Uighur: *sapal kacha*), adorned with a geometric and dotted ornament. Ceramics, glaze; 16.3 × 17.7 cm. China, the city of Kashghar, late 19th – early 20th centuries. The MAE RAS expedition of 2008, coll. No. 7415–29.

Fig. 35. Leather saddle bags with stamping and fringes (Uighur: *ken hojun*). Leather; 67.8 × 42.7 cm. China, the city of Kashghar, the late 19th century. The MAE RAS expedition of 2008, coll. No. 7415–31.

12 Я искренне благодарен М. Л. Меншиковой за информацию об этой скульптуре и ее атрибуцию.

12 I am sincerely grateful to M. L. Menshikova for the information on the sculpture as well as for her ascription.

Ищи знание, даже если оно [в далеком] Китае,
ибо поиск знания обязателен для каждого мусуль-
манина.

Слова, приписываемые пророку Мухаммаду

ВЕРА

THE FAITH

Look for knowledge, even if it is in [distant] China,
for quest for truth is required of each Muslim.

Words ascribed to the Prophet Muhammad

2

Ислам многолик. Мухаммаду, основателю ислама, приписывается пророчество: «Расколотись иудеи на 71 общину. И расколотись христиане на 72 общины. И расколется сообщество мусульман на 73 общины». Далее обычно утверждается, что в Судный день из всех общин спасется только одна. Важно, что до страшного момента Божественного приговора люди не смогут определить, какая из общин спасется. На протяжении веков мусульманские ученые пытались выяснить, что же однозначно и бесспорно объединяет всех мусульман. Это оказалось очень непросто, столь разными были взгляды, обычаи и образ жизни различных мусульманских общин, подчас живущих по соседству. Оказалось, что, безуслов-

но, всех объединяет только одно — обращение молитвы в сторону Мекки.

Одни и те же учителя несли свою проповедь уйгурам Китайского Туркестана и саларам, живущим в Предтибете, но сегодня их ислам существенно различается. Первые ориентируются на обычно мирную мистико-аскетическую традицию в исламе, вторые сегодня в большей степени следуют течению, пропагандировавшему очищение ислама от внешних влияний и возврат к исконным ценностям. Именно этому течению журналисты и ученые охотно приписывают особую связь с исламским радикализмом. То, что такое утверждение несправедливо по отношению к саларам, подтверждает и их история, и интервью с Бай

Юнь-сянем, *имамом* соборной мечети в саларской столице — г. Сюньхуа, которое мы записали в рамках проекта «Иджма' = Согласие».

Салары, как и многие другие мусульманские общины Китая, издавна научились жить в мире и гармонии с людьми, составляющими громадное внешнее большинство, уважая и постигая основы древней китайской культуры (рис. 1–19). Собеседниками мусульманских ученых были даосские мудрецы, последователи Будды и Конфуция. Пророку Мухаммаду приписывают высказывание: «Ищи знание, даже если оно [в далеком] Китае, ибо поиск знания обязателен для каждого мусульманина». И салары охотно следовали этому призыву основателя ислама.

Islam is multifaceted. A certain prophecy is ascribed to Muhammad, the founder of Islam: “The Jews have been divided into 71 communities. The Christians have been divided into 72 communities ... *Umma* will be divided into 73 communities”. Later on it suggests that of all the communities only one will be saved on the Judgment Day. It is important to remember that until the dreadful moment when God pronounces the verdict, people will not be able to identify which community it will be. For centuries Muslim scholars have been trying to figure out what unites all Muslims unequivocally and indisputably. It has been anything but simple; the worldviews, customs, traditions and lifestyles of different Muslim communities, sometimes living

right next to each other have been so different. It turned out that the only absolute common factor is the direction of the prayers towards Mecca.

The same teachers preached the same message to the Uyghur of Chinese Turkestan and to the Salars, who lived in Tibet's vicinity, but today their Islam is drastically distinct. The first are more into the peaceful mystical ascetic traditions of Islam, today the latter follow the movement that was promulgating the cleansing of Islam of all the outside influences and returning it to its original values. This is the movement to which journalists and scholars attribute special bonds with Islamic radicalism. Both Salar history and a recent interview conducted as a part of the project “*Ijma' = Concord*” with Bai

Yun-xian, *imam* of Caotanbai Friday mosque in the Salar capital — Xunhua, proves this statement to be unfair.

The Salars, as many other Muslim communities in China, have learned to live in peace and harmony with people who comprise the neighbouring majority by respecting and perceiving the basics of Chinese culture (figs. 1–19). Tao sages, the followers of Confucius and Buddha, were the discourses of Muslim scholars. The following statement is ascribed to the Prophet Muhammad: “Look for knowledge, even if it is in [distant] China, for quest for truth is required of each Muslim”. And Salars have willingly followed this challenge given by the founder of Islam.

3

5

6

4

7

10

11

12

9

13

16

17

19

20

18

**Из полевого дневника
Э. Р. Тенишева**

4 мая 1957 г.

Идет снег, все горы вокруг в тумане, словно нарисованы.

Говорили с секретарем волостного парткома Ми Жи <...> В волости пятнадцать мечетей с восемнадцатью ахунами, двадцатью муллами, живущими в мечети, и десятью — вне ее. В каждой мечети имеется медресе. В них учатся не менее пятидесяти детей. Мечети имеют вакуфные владения, к которым относятся: земля, вода, сады. Земля эта обрабатывается кооперативами, около тридцати процентов урожая получают мечети...

У саларов есть культ святых — почитаются сорок вели [вали] (святых), которые в числе первых пришли в Сюньхуа. В горах Уллагыла захоронен один из них. В слабой форме сохранился зикыр [зикр] (нечто вроде радения дервишей), он совершается раз в год, за три дня до праздника Рамазан.

Мечети в Уллагыле по внешнему виду, как у дунган. По рассказам, самое древнее место у салар — Гейцзе-гун¹ (рис. 21—25).

8 мая 1957 г.

<...> Сильное влияние имели, да и теперь имеют, ахуны. Они не разрешают молодежи петь, смотреть кинокартины и т. д. Поэтому здесь дома не поют, а только в поле во время работы. Кинопредвижка тоже фактически не работает.

<...> Сегодня день выдался содержательный. Вечером после нашего возвращения устроили концерт. В одной из комнат на нижнем этаже закрыли окна и набились все, кто находился в Управлении волости. Со своими песнями специально к нам приехали из села Хозагылу молодой салар Цу Мо и из Цзиши женщина Хацима, ей двадцать пять лет. Она родилась в Уллагыле, здесь ее родители. Пели саларские и китайские песни. В Уллагыле пока это в новинку. Присутствующие были так возбуждены, что когда все высыпали на улицу, концерт продолжался во дворе, под открытым небом. Мотив саларских песен не похож на уйгурский. Скорее тоже туркменский².

22

May 4, 1957

It's snowing; the mountains are all covered in fog, as though it is a painting.

We spoke with the secretary of the district party committee Mi Ri <...> The district numbers fifteen mosques with eighteen akhunds, twenty mullas, who live within the district and ten — outside of it. Each mosque has a madrasa. There are at least fifty children who study in each. The mosques also have waqfs which include lands, water and gardens. This land is being cultivated by cooperative society, and about thirty percent of the harvest goes to the mosques <...>

The Salars developed a cult of saints — they venerate forty wali (saints), who were among the first ones who arrived to Xunhua. In the mountains of Ullagil one of them is buried. Dhikr has been preserved in its truncated form (something similar to the whirling of the darwishes); and it is performed once a year, three days prior to Ramadan.

Externally the mosques in Ullagil look like the Dungan mosques. They say the most ancient site for the Salars is Geize-gong¹ (figs. 21—25).

May 8, 1957.

<...> Akhunds had, and still have, a very strong influence. They forbid their youth to sing, watch cinema, etc. That is why you will not hear singing at home, but only in the fields when they are working. A cinema van practically doesn't work as well.

<...> Today has been quite a substantial day. On our return we were greeted with a concert. The windows in one of the rooms of the lower story were shut tight, and everyone who was in the Administration office of the district piled in. A young Salar named Cu Mo from the Huozagilu village and Hazima, a woman of twenty five years from Jishi. She was born in Ullagil, her parents still live here. They were singing Salar and Chinese songs. For the time being it is still a novelty in Ullagil. Those in attendance were so thrilled and excited that when everybody went outside they were continuing with the concert in the yard under the open skies. The stylings of Salar songs bear no similarities to Uyghur songs. Sounds more of Turkmen origin as well².

11 июня 1957 г.

Утром пришли проведать меня ахуны — Саади [Са'ди] и Хали-дуллахун. Зашел разговор о направлении ислама у салар. По-китайски эти направления называются: 1) Лаодяо [Лаодао] — старое, 2) Синдяо [Синьдао] — новое, 3) Синшиндяо [Синьшидао] — новейшее. Первые два объединяются под названием лоупей [лаопай] — «старый толк», а синшиндяо [синьшидао] — это синьпей [синьпай] — «новый толк». По словам ахунов, китайскому «лоупей» соответствует арабское «кадиму», а термину «синпей» — арабское «джеди-ду» [джедиду].

Новейшее направление появилось лет 50 тому назад благодаря деятельности группы «Ши та ахун» [Ши да ахун] («Десяти больших ахунов»). Эта группа состояла из ахунов дунсянской и дунганской национальностей, во главе ее стоял

21

June 11, 1957

Akhunds Sa'di and Hali-lullakhund came to visit with me. We talked of the schools of Islam that Salars espoused. In Chinese these schools go by: 1) Laodao — old, 2) Xindao — new, and 3) Xinshidao — the newest. The first two emerge into laopai which means “old mind”, hence xinshidao is xinpai, “new mind”. According to akhunds, Arab “qadimu” corresponds to the Chinese term “laopai”, and the term “xinpai” is echoed by Arab “jadidu”.

The newest movement had sprung up about fifty years ago due to the activities of the sect “Shi da ahun” (“Ten Great Akhunds”). This group consisted of Dongxiang and Dungan akhunds, and was led by a Dongxiang, Ma Huerhei. But that school was operating only before the Liberation, and now Salars adhere to the old school again. It is still

**From E. R. Tenishev's
field journal**

1 Э. Р. Тенишев, *У тюркских народов Китая* (Москва, 1995), сс. 149—152.
2 Там же, сс. 154—155.

1 E. R. Tenishev, *Visiting Turkic Peoples in China* (Moscow, 1995), pp. 149—152.
2 *Ibid.*, p. 154—155.

23

дунсянин Ма Нурхей. Но это направление действовало только до Освобождения, теперь салары опять исповедуют старый толк. До сих пор принято женщинам молиться отдельно от мужчин. В Пекине и Шанхае они имеют отдельные мечети. Ахуны рассказали, что начало исламу в Китае было положено в танскую эпоху в Шенси [Шэньси] и Сиани. Легенда гласит, что один китайский император увидел сон, в котором ему было предсказано, что, если не будет ислама в Китае, то государство лишится своей земли. Тогда император принял решение пригласить из Мекки и Медины четырех наставников. Это были: Касы, Кейсы, Ван Касы, имя четвертого ахуны не помнят. С этого времени в Китае утвердился ислам, появились мусульмане. По дороге в Кумул находится мазар одного из наставников — Ван Касы³.

17 июня 1957 г.

<...> Салары дома не поют и не играют на музыкальных инструментах. По словам Хакима, салары кроме куши (кобуза) не знают других инструментов. Поют они только в поле, во время работы. Давным-давно салары забавлялись «танцем льва», как это принято у китайцев. Сейчас и этого нет. На мой вопрос, чем объясняется такая строгость, Хаким ответил, что салары являлись мюридами одного крупного имама, который не признавал ни музыки, ни танцев и требовал того же от своих подчиненных. Это по традиции продолжается у саларов до сих пор⁴.

24

19 июня 1957 г.

Тучи обложили небо, накрапывает мелкий дождь. Холодно, как осенью. Сегодня у наших хозяев собрались ахуны. Хозяйки устроили поминки по своим супругам по случаю десяти лет и одного года. Ахуны дуа [ду'а] не читали. После обеда разошлись. Разговорились с ерахуном [йер-ахун] Мухаммеди Салехом. Я попросил его рассказать об обряде вызывания дождя, у саларов он называется «ягмур сана». Когда в течение долгого времени не выпадает дождь, и посевам грозит гибель, у источника собираются ахуны и другие жители селения. Ахуны стоят впереди всех, засучив штаны и надев вывернутые наружу халаты. Один из ахунов стоит в воде. Ахуны читают дуа и начинают колотить людей по тридцать девять раз, начиная с головы до ног. Это называется тазыр [та'зир]. Совершать тазыр ахунам помогают муллы, после этого все удаляются. Еду с собой не приносят. Напротив, в дни вызывания дождя соблюдают пост. Водой друг друга не окатывают. Бывает, что старший ахун, стоявший в воде, остается один. Ему устраивают сидение, и он остается, опустив ноги в воду на три — семь дней. Ходить ему не полагается, кто-либо из жителей селения носит ему еду. Ахуну Мухаммеди Салеху 53 года. Но на своем веку обряда «ягмур сана» видеть ему не приходилось. Обряд он знает только по рассказам⁵.

3 Там же, с. 166.
4 Там же, с. 171.
5 Там же, сс. 172—173.

customary that women would pray separately from men. In Beijing and Shanghai they have separate mosques. The akhunds told me that Islam in China was brought about in Tan era in Shenxi and Xian. The legend runs that one Chinese emperor had a dream where he was foretold that if there is no Islam in China, then the state will lose its lands. Then the emperor decided to invite four mentors from Mecca and Medina. Those teachers were — Kasi, Keisi, Wang Kasi and another one, whose name the akhunds did not remember. Since then Islam has gained a foothold in China and Muslims have emerged. On the way to Kumul there is a mazar of one of those mentors — Wang Kasi³.

June 17, 1957

<...> Salars neither sing nor play any musical instruments at home. In fact, according to Hakim, Salars do not know any other instruments except for kushi (kobyz). They sing only out in the fields while working. Long ago Salars used to entertain themselves with “the lion dance”, as is the custom for the Chinese. Nowadays one won’t see that either. When I asked what has brought about such strictness, Hakim shared that at one point Salars were murids of one important imam, who didn’t acknowledge music and dances and demanded the same of his subjects. That has grown into a strict tradition since then⁴.

June 19, 1957

Clouds have covered the skies, it drizzles. It’s cold as it is in fall. Today our hosts welcomed akhunds. The hostesses held commemoration meetings for their husbands who passed away ten and one year ago. Akhunds did not read the du’a’s. They dispersed after lunch. We had a long conversation with yer-akhund Muhammad Saleh. I’ve asked him to tell me about the ritual of invoking rain, which Salars call “yağmur sana”. When it hasn’t been raining for a long time and crops are in danger, akhunds and other villagers gather around the spring. Akhunds stand in front of everybody, having turned their pants up and wearing robes inside out. One of the akhunds steps into water. Akhunds read the du’a’s and start pummelling people, thirty nine times, starting from their head and all the way to their feet. They call it ta’zir. Mullas help akhunds in performing ta’zir, after which everybody departs. Nobody brings any food with them. On the opposite, whenever they invoke rain, they fast. Nobody washes each other over. Sometimes the elder akhund, standing in the water, remains alone. They make a seat for him and he remains there with his feet in the water for three — seven days. He is not allowed to walk anywhere during these days; one of the villagers brings him food. Akhund Muhammad Saleh is 53 years old. But he has never seen this “yağmur sana” ritual in his life. He knows of this ritual only from stories⁵.

3 Ibid., p.166.
4 Ibid., p. 171.
5 Ibid., pp. 172—173.

25

Об истории ислама у саларов, после их переселения из Самарканда, известно немного. Согласно имеющимся источникам во второй половине XVIII в. часть саларов стала приверженцами учения суфийского братства накшбандиййа-джахриййа⁶. «Новое учение» (*синьцзяо*), предусматривало почитание святых и поклонение их могилам, веру в чудеса (*карамат*), громкий *зикр*, ритуальный танец (*ракс*) и распевание стихов мистического содержания (*сама*’, например, — сочинений поэта Машраба, ученика Аппака-хваджи). Проводником «нового учения» стал Мухаммад Амин (Ма Мин-синь), вернувшийся в 1761 г. на родину после совершения *хаджжа* и обучения в Бухаре и Кашгаре. Центром распространения учения стал г. Сюньхуа, где Мухаммад Амин приобрел стойкую репутацию святого подвижника. Его сторонники проповедовали новое учение в чрезвычайно агрессивной манере. В 1781 г. сорок мусульман, не желавших принять «Новое учение» добровольно, были убиты. Китайские войска, посланные в связи с этим инцидентом на усмирение сторонников «Нового учения», первоначально были разбиты, однако вскоре Мухаммад Амин был захвачен и казнен вместе со своим сыном, а восстание, продолжавшееся несколько месяцев, подавлено, хотя и с большим трудом. Китайские власти запретили «Новое учение». Последовали массовые репрессии в отношении его сторонников, которые ушли в подполье, но в 1783 г. сумели поднять новое восстание⁷. Так продолжалось вплоть до конца XIX в., когда вместе с двенадцатью ближайшими родственниками в ходе подавления очередно-

го восстания был казнен Ма Хуа-лун, шестой *шейх* в *силсила* Мухаммада Амина, рассылавший своих «*hai-li-fei*» (араб. ед. ч. *халифа*, т. е. «халифов») уже по всему Китаю⁸.

Сегодня становится очевидным, что в Центральной Азии на протяжении нескольких веков в форме богословской полемики вокруг ритуалов, связанных с громким *зикром*, *сама*’, и *раксом*, находили свое выражение противоречия самого разного рода, самые разные социальные практики и отношения. Отсюда и острота идеологических столкновений, нередко вызывавших серьезные всплески насилия. Именно в этой связи следует оценивать значение двух сочинений на саларском языке, фотокопии которых привез в Россию Э. Р. Тенишев: «Ритуальной книги саларов» и «Гадательной книги саларов»⁹. Также становятся понятными особенности религиозной жизни саларов, отмеченные в 1893 г. Ф. Поярковым и В. Ладыгиным: «Салары также издавна ненавидят сартов за то, что последние не придерживаются всех правил шарията, и за разврат их, в особенности же за мужеложство. Ненависть эта еще более усилилась около трех лет тому назад, по следующему случаю: в деревню Тиньшуй-гунь [Тиншуйцунь] приехал один сарт с тремя товарищами и, назвавшись проповедником (“цзё-мынь-чольёгён-кши” [цзяоэнь чуаньцзяоши]), наставлял и укреплял их в правилах мусульманской религии. Салары слушали его с удовольствием и в благодарность за это собрали и сделали ему усердное, по своим достоинствам, приношение. Проживши между ними пять-шесть дней, сарт этот уехал в Синин. Некоторые из саларцев, поехавших вскоре туда, увидели этого благочестивого

проповедника с его товарищами в непотребном доме в сообществе разгульных женщин, и притом курящих и кладущих табак за губу. Скоро это дошло до сведения всех саларов, и мулла из деревни Тинь-шуй-гунь по имени Хэй-ахун подал жалобу китайским властям в г. Синин, в которой выразил, что такой-то сарт, назвавшись проповедником религии, своим поведением в Синине не только поглумился над ними и их религиозным чувством, но вместе с тем публично издевался и нанес тяжкое оскорбление самой их религии. Китайские власти жалобу нашли неосновательной, так как курение табаку и посещение непотребного дома признали непредосудительным, а уважаемого всеми саларами Хэй-ахуна за кляузничество наказали тысячу ударами плетей, так что тот и умер. По всем же саларским деревням разослали объявление, чтобы впредь никто из саларцев не смел давать ни когда пристанища и приюта ни одному сарту. Ручаться за точную достоверность этого рассказа, конечно, нельзя; но, может быть, и было что-то похожее на правду»¹⁰.

Ф. Поярков и В. Ладыгин особо отмечали также, что «никто из саларцев не курит ни опия, ни табаку, никто из них не нюхает и не кладет носового за губу. Если же случится, что кто-либо из посторонних (напр., китайцы, которые, хотя изредка, да заезжают к ним) закурит в доме салара, то все, взрослые и малые, закрывают не только нос, но и все лицо руками, чтобы даже запах табачного дыма не проник и не попал кому-либо из них. Когда ахуны узнают, что кто-либо из их соплеменников покурил опия или положил за губу табаку, то виновного подвергают публичному наказанию, в мечети от 60 до 90 ударов пле-

Peoples of Sinkiang] (Tokyo, 1986); idem, “On the origin of the Ch’in-hai Salars”, pp. 226—229, A. D. W. Forbs, “Ma Ming-Hsin”, *The Encyclopedia of Islam* (CD-version).

8 A. D. W. Forbs, “Ma Hua-lung”, *The Encyclopedia of Islam* (CD-version); R. Israeli, “Established Islam and marginal Islam in China: from eclecticism to syncretism”, *Journal of the Economic and Social History of the Orient* XXI (1978), pp. 99—109.

9 См. ниже, сс. 328—333.

10 Ф. Поярков, В. Ладыгин, «Салары. Этнографический очерк», *Этнографическое обозрение* I (1893), сс. 16—17. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-179-4

Not much is known about the history of Islam of the Salars after their migration from Samarqand. According to the sources in the second half of the 18th century the Salars partially became adherents of Sufi teaching of Naqshbandiyya-Jahriyya⁶. “The new teaching” (*xinjiao*) made provision for the veneration of saints and worship of their graves, belief in miracles (*karamat*), loud *dhikr*, ritual dance (*raqs*) and chanting of the verses of mystical content (*sama*’; for instance the works of poet Mashrab, the disciple of Appaq-khwaja). Muhammad Amin (Ma Ming-xin) became the vehicle of “the new teaching” after his return to his motherland in 1761 after performing the *hajj* and receiving education in Bukhara and Kashghar. The city of Xunhua became the centre of propagation of the teaching; it was there that Muhammad Amin acquired his strong reputation of a holy zealot. His followers were preaching the new teaching in an extremely aggressive manner. In 1781 forty Muslims, who were not willing to adhere to “the new teaching” voluntarily, were killed. In light of this incident Chinese troops sent to suppress the adherents of “the new teaching” were at first defeated, but soon Muhammad Amin was captured and executed together with his son. Finally the insurrection that was raging for several months was suppressed although with great difficulty. Chinese authorities outlawed “the new teaching”. Mass repressions followed targeting his followers, who went underground, but were able to excite a new rebellion in 1783⁷. Thus their history went on until the end of the 19th century, when in the course of the suppression of one of the insurrections Ma Hua-lung was executed along with

6 B. M. Babadzhanov, “*Dhikr Jahr* and *sama*’: the Sacralization of the Profane or the Profanization of the Sacred?”, *The Zealots of Islam. The Cult of Saint and Sufism in Central Asia and Caucasia*, edited by S. N. Abashin and V. O. Bobrovnikov (Moscow, 2003), pp. 237—250; J. Paul, *Doctrine and Organization of the Khwajagan-Naqshbandiyya in the First Generation after Baha’uddin* (Halle — Berlin, 1998); D. DeWeese, “Khojagāni origins and the critique of Sufism: the rhetoric of communal uniqueness in the Manāqib of Khoja ‘Alī ‘Azizān Rāmītāni”, ed. by F. De Jong, B. Radtke, *Islamic Mysticism Contested. Thirteen Centuries of Controversies and Polemics*

his twelve immediate relatives. He was the sixth *shaykh* in the *silsila* of Muhammad Amin, who was already sending his *hai-li-fei* (arab. sing: *khalifa*, “caliphs”) all over China⁸.

Today it becomes evident that contradictions of all various kinds, different types of social practices and attitudes were finding their ways of expression in the form of theological polemics over rituals concerning loud *dhikr*, *sama*’ and *raqs*. Hence the poignancy of ideological collisions that not infrequently caused serious bursts of violence. In this relation the significance of two works in Salar language needs to be considered, the photocopies of which were brought to Russia by E. R. Tenishev — “The Salar Divination Book” and “The Salar Ritual Book”⁹. The peculiarities of religious life of Salars noted in 1893 by F. Poyarkov and V. Ladygin also become clear. They wrote, “From of old the Salars loathe the Sarts because the latter do not follow all of the Shari’a laws, and engage in immorality, particularly in pederasty. This hatred grew stronger about three years ago on account of the following story: the village of Tingshuicun was visited by a Sart with his three friends, and having claimed to be a preacher (“jiaomen chuanjiaoshi”) he admonished and strengthened in the rules of Muslim religion. Salars listened to him with great pleasure and expressing their gratitude they gathered according to their income quite a generous offering and presented it to him. He lived among them for about five-six days and then departed for Xining. Some of the Salars, who also visited the city shortly after, saw this pious preacher with his companions in a brothel in the company of licentious women, smoking and chewing tobacco at that. Soon the news came to the ears of all Salars, and the *mulla* from

the village of Tingshuicun named Hei-akhund lodged a complaint to Chinese authorities in the city of Xining. The complaint ran that such and such Sart, claiming to be a preacher of their religion, has not only scoffed at them and their religious zeal with his behaviour in Xining, but also publicly offended and gravely insulted the religion itself. Chinese authorities found the complaint to be groundless since smoking and attending a brothel was declared irreprehensible, and respected-by-all Salar Hei-akhund was punished with one thousand lashes for slandering; the punishment was executed so diligently that he died. To all Salar villages, though, were sent an announcement that from now on no Salar dared to give a refuge and a shelter to any Sart. It is impossible to vouch for the accuracy of this story by any means, but there might just as well be something out of it that is true”¹⁰.

F. Poyarkov and V. Ladygin also particularly noted that “none of the Salars smokes either opium or tobacco, none snuffs or dips any. If it happens that some outsiders (for instance Chinese who come by them, even if very rare) smoke in a Salar house, then all of them, both adults and children, close not only their nose, but the whole face with their hands, so that not even the smell of tobacco smoke penetrate any of them. When akhunds find out that someone of their fellow countrymen smoked opium or dips it (places tobacco at the bottom lip, between the gum and the teeth), then the guilty one is subjected to public punishment — from 60 to 90 lashes (pidai, a purely Chinese word), wide straps of one ver-shok wide sewn together; the punishment is carried out in a mosque”¹¹.

Looking over the “Brief Preliminary Catalogue of the MAE RAS Ethnographic Collections

“Ma Ming-Hsin”, *The Encyclopedia of Islam* (CD-version).

8 Idem, “Ma Hua-lung”, *The Encyclopedia of Islam* (CD-version); R. Israeli, “Established Islam and marginal Islam in China: from eclecticism to syncretism”, *Journal of the Economic and Social History of the Orient* XXI (1978), pp. 99—109.

9 See below, pp. 329—333.

10 F. Poyarkov, V. Ladygin, “Salars. An ethnographic essay”, *Ethnographic Review* I (Moscow, 1893), pp. 16—17.

11 *Ibid.*, p. 13.

тью (“пи-дань” [пидай], слово чисто-китайское), сшитую из широких ремней, толщиной до одного вершка»¹¹.

Посмотрев прилагаемый к настоящему изданию «Краткий предварительный каталог этнографических коллекций МАЭ РАН по народам Китайского Туркестана» легко убедиться, какую роль здесь на протяжении длительного времени играли традиции, связанные с курением, а также с разведением и употреблением наркотических веществ. Традиционный саларский ислам издавна противостоял «Новому учению» с довольно жестких салафитских позиций. Из записей Тенишева видно, что очередная попытка суфийского обновления, предпринятая в самом начале XX в. группой «Ши да ахун» («Десяти больших ахунов») так и не увенчалась успехом. Кровавая история межобщинного противостояния привела к довольно жесткому самоотжествлению саларского ислама с салафийей. В этой связи далеко не случайно, что, по словам Тенишева, в Пекине и Шанхае салары имели собствен-

26

ные мечети. О салафитских предпочтениях свидетельствует и внешний вид подчеркнута скромных саларских могил (рис. 26–27).

Представления саларских мусульман о проблемах сегодняшнего мира достаточно подробно сформулированы в ответах Бай Юнь-сяна, *имам* соборной мечети Ца-

отаньбай (г. Сюньхуа, провинция Цинхай, (рис. 28) на наши вопросы¹². Он рассказал нам и о том, как живет его община сегодня (рис. 29–31). Вполне официальный и достаточно умеренный текст вновь содержит прямое указание на салафитские предпочтения общины:

«Вы знаете, что ислам и мусульмане несут ответственность за созидание и строительство мира. Как сказано Коране: “Он — Тот, кто сделал вас наместниками на земле”¹³. Именно созидание мира является предназначением мусульман, в каком бы государстве, и где бы они ни жили: в Китае, России, в любом другом уголке мира. Они должны приукрашать мир, усердствовать своими делами на этом поприще. Что касается вопроса развития, то на протяжении всех этапов истории мусульмане благодаря своему усердию и стараниям были хозяевами своей судьбы. В то же время мы сталкиваемся с рядом проблем. На мой взгляд, они вызваны расхождением между международными законами и шариатом. Я надеюсь, что в будущем мусульмане будут также усердно работать и трудиться, опираясь на свое салафитское наследие.

Мусульманская цивилизация имела громадные достижения. Ее плоды и следы видны повсюду, в различных уголках мира. Она проявляется в равенстве в отношениях между мужчиной и женщиной, равенстве между различными народами. Это также относится к вопросам мира и безопасности и т. д. Поистине ислам отвергает войны. Основной лейтмотив ислама — это мир, спокойствие. Сам корень слова ислам означает “мир”, “покорность”, “умиротворение”. Всевышний призывает к миру. Он провозглашает и несет мир всем своим чадам. Поэтому мусульмане миролюбивы, они выступают против войн и террора, будь это конфликт

Перевод с арабского Юрия Зинина и Ефима Резвана.

13 Коран, 37:39.

14 Там же, 17:70.

палестинцев с израильтянами, или с людьми иной веры.

Аллах в Коране, говоря, что “Мы почтили сынов Адама и носили их на суше и на море, и уделили им благ, и оказали им преимущество перед многими, которых создали”¹⁴, не делит людей на веры, национальности или по другим признакам. У каждого человека свое достоинство и честь, и их нужно уважать. Все это законные права человека, о них нужно заботиться.

Некоторые говорят, что ислам — это религия террористов. Это не так. Ислам существует для мира и во имя мира и приносит мир всей планете. Что касается арабо-израильской войны и войны в Ираке, то мы должны четко представить истинный характер происходящего, выяснить его причины. Почему начались эти войны и конфликты? Мы должны провести четкую грань между террористическими действиями и правом человека на защиту себя, сохранение своей чести и достоинства, своей жизни, правом на защиту самого своего существования и благополучия. Мусульманам не по душе беспричинные войны с другими.

Ислам — это, прежде всего, знания, это стремления к познанию. Ведь пророк говорил: “идите и ищите знания даже в Китае!” Ислам заинтересован в знании, ведь знания — это душа человека. В первом *айате* Корана звучит повелительный призыв Всевышнего: “Читай!”¹⁵. В этом свидетельство желания Аллаха научить человека всему тому, что Он сам знает, в том числе посредством письма, *калама*. О знаниях упоминается в пяти *айатах*. Знания и наука являются основой цивилизации и человечества. Поэтому между исламом и наукой нет никакого противоречия, наоборот эти вещи взаимно притягиваются друг к другу. Хочу добавить, что именно наука определяет дух ислама.

15 Там же, 96:1.

on the Peoples of Chinese Turkestan” accompanying the current publication it is easy to see what a great role in the course of long time was played by traditions linked to smoking as well as to growing of and using of narcotics. Since long ago the traditional Salar Islam stood against “the new teaching”. Theirs were quite rigid Salafi convictions. From the notes of Tenishev we see that the next attempt of Sufi restoration launched in the very beginning of the 20th century by a group named “Shi da ahong” (“Ten Great *Akhunds*”) did not succeed. The bloody history of intercommunal opposition led to a rather strict self-identification of the Salar Islam with the Salafiyya. Therefore it is no accident that, according to the words of Tenishev, the Salars had their own mosques in Beijing and Shanghai. The outward appearance of pronouncedly modest Salar tombs testifies to the Salafi preferences (figs. 26–27).

27

The ideas of Salar Muslims on the problems of today’s world in great detail are formulated in the answers given by Bai Yun-xian, the *imam* of the Caotanbai Friday mosque (in the city of Xunhua, Qinghai province) (fig. 28)¹². He also told us about the way his community lived today (figs. 29–31). Quite an official and sufficiently moderate text also contains a direct indication to the Salafi preferences of the community:

“You know that Islam and Muslims have responsibility to create and build this world. As it

says in the Qur’an: ‘He it is That has made you inheritors in the earth’¹³. In particular it is the building up of the world that is the mission of Muslims, whatever state they happen to live in: be it China, Russia or any other corner of the world. They should colour the world and be diligent in their work in this walk of life. When it comes to development, in the course of all of phases of history Muslims were the masters of their own destiny due to their diligence and efforts. At the same time we stumble over a series of problems. In my opinion they were caused on the grounds of differences between international laws and Shari’a Law. I hope that in the future Muslims will also work diligently and labour hard relying on their Salafi heritage.

Muslim civilization had its own grand achievements. Its fruit and footprints were visible everywhere, in all the corners of the world. It shows in the equality of relationship between men and women and in the equality between various people groups. It also relates to the issues of peace and security, etc. Islam in its truest sense rejects wars as such. The main leitmotif of Islam is peace and tranquillity. The root of the word ‘Islam’ means ‘peace’, ‘submission’ and ‘pacification’. The Most High calls us to peace. He proclaims peace and brings it to all of his children. Therefore, Muslims are peaceful and they object to wars and terror, whether we refer to the conflict of Palestinians and Israelis or in relation to people of other faiths.

Allah in the Qur’an speaking: ‘We have honoured the sons of Adam; provided them with transport on land and sea; given them for sustenance things good and pure; and conferred on them special favours, above a great part of our creation’¹⁴, — does not divide people into faiths, nationalities and / or based on any other characteristics. Each person has a dignity and honour of his own, and it needs to be respected. All these

12 The interview took place on 29th of September of 2008 in the Caotanbai Friday mosque. We cite only the answers to our questions. The translation from Arabic is done by Yury Zinin and Efm Rezvan.

are lawful human rights, and they need to be taken care of.

Some say that Islam is the religion of terrorists. This is not true. Islam exists for the purpose of peace and in the name of peace and brings peace to the whole planet. When it comes to the Arabic-Israeli war and the war in Iraq, we must clearly see the truthful character of that which is happening and clarify its reasons. Why have these wars and conflicts begun? We must draw a clear distinction between terrorist activities and human rights for protection, preservation of one’s honor and dignity and one’s own life, and protection of one’s own existence and well-being. A Muslim does not enjoy groundless wars with others.

Islam first and foremost is knowledge; it is an aspiration for knowledge. Even the Prophet said: ‘Go and look for knowledge even in China!’ Islam is interested in knowledge, and knowledge is the soul of a man. In the first *ayat* of the Qur’an we hear a commanding voice of the Most High saying: ‘Read!’¹⁵. This verse testifies to the desire of Allah to teach a man of everything that He knows Himself including that which is by means of writing, *qalam*. Five *ayats* refer to knowledge. Knowledge and science are the foundation of civilization and humanity. Therefore there is no contradiction between Islam and science; on the contrary these two gravitate to each other. I also want to add that it is science that determines the spirit of Islam.

The reason for divisions in Muslim countries does not have anything to do with Islam, but rather divisions have to do with the activities of various parties and organizations and with the opposition of ideas and other factors. Let us remember what the Qur’an says: ‘And hold fast, all together, by the rope which Allah (stretches out for you), and be not divided among yourselves; and remember with gratitude Allah’s favour on

13 The Qur’an, 35:39.

14 *Ibid.*, 17:70.

15 *Ibid.*, 96:1.

11 Там же, с. 13.

12 Интервью состоялось 29 сентября 2008 г. в мечети Цаотаньбай. Приводим лишь ответы на наши вопросы.

30

Причина разделений в мусульманских государствах — вовсе не в исламе, а в деятельности различных партий и организаций, в противоборстве идей и других факторах. Вспомним, что записано в Коране: “Держитесь за вервь Аллаха все, и не разделяйтесь, и помните милость Аллаха вам, когда вы были врагами, а Он сблизил ваши сердца, и вы стали по Его милости братьями!”¹⁶. Наш Повелитель сказал, что человек человеку брат и друг, ибо все люди творенья Божия, ведь все мы приходим от единого предка, общих родителей Адама и Евы.

Ислам это религия не государства, а целого мира. В нем есть различные *мазхабы*, но это все подходы к интерпретации единой веры. Просто порою эти различия в религии

используются в целях оказания влияния на верующих. Поэтому важно избегать неприязни или вражды к другим, и наоборот стремиться к взаимной терпимости, уважению и толерантности.

Что касается положения женщины, то мужчины и женщины в исламе обладают равными индивидуальными правами. У мужчины есть права и ответственность и предназначения на земле, то же самое касается и женщины, у нее также свои права и обязанности.

Если говорить о взаимоотношениях между Западом и исламским миром, то, прежде всего, должны быть предприняты шаги для лучшего взаимопонимания между нами. Нужно чтобы нас лучше знали и чтобы мы лучше знали других. В Коране говорится: “О лю-

ди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга”¹⁷.

Мы хотим, чтобы мир лучше представлял реальную картину ислама. Нужно открыть окно в мир, чтобы он лучше нас понимал. Именно взаимное понимание — важный фактор и цель ислама. Нужно большее взаимопонимание между Востоком и Западом, между странами ислама и теми, где исповедуют другие религии. Конечно, и исламский мир должен предпринять шаги, чтобы достичь этого.

Для мусульманина нужно не только понять сущность Корана, его основные постулаты и заветы, что очень важно. Главная наша цель — воплощать его принципы и заповеди в жизнь».

¹⁷ Там же, 49:13.

you; for ye were enemies and He joined your hearts in love, so that by His Grace, ye became brethren!”¹⁶. Our Master told us that a human being is a brother and a friend for another human being, for all people are God’s creation for all of us descend from one ancestor, from common parents Adam and Eve.

Islam is not a religion of a state or a country, but of the whole world. It has various *madhhabs*, but these are just interpretations of the same faith. Unfortunately at times these differences are used to affect the believers. Therefore it is important to avoid one’s dislike or hostility for others, but on the contrary we should aim for mutual indulgence, respect and tolerance.

In regards to the position of a woman [in Islam], both men and women have equal individual

rights. A man has his rights and responsibilities and mission on earth, and so does a woman — she also has her own rights and responsibilities.

Now if we speak of relationships between the West and the Islamic world, then first of all certain steps must be undertaken for the purpose of better mutual understanding among us. It is necessary that we be known better and that we know others better. It says in the Qur’an: ‘O mankind! We created you from a single (pair) of a male and a female, and made you into nations and tribes, that ye may know each other’¹⁷.

We want for the world to see the real picture of Islam much clearer. We need to open the window into the world for it to understand us. And so a very important factor and the goal of Islam is the mutual understanding of each other. There

needs to be more mutual understanding between the East and the West, between the Islamic countries and those who profess other religions. And, of course, the Islamic world should also undertake its own steps to achieve it.

A Muslim needs not only to understand the essence of the Qur’an, its foundational postulates and covenants, which however is very important. But his main purpose is to realize its commandments and covenants in life”.

31

¹⁶ Ibid., 3:103.
¹⁷ Ibid., 49:13.

32

33

34

35

Сегодня именно в юго-восточной части китайской провинции Цинхай производятся едва ли не восемьдесят процентов традиционных мусульманских мужских головных уборов, предназначенных для всего исламского мира. Используя номенклатуру производимых здесь изделий можно, по-видимому, легко составить список иллюстраций к перечню мусульманских головных уборов, приводимому У. Бьеркманом¹⁸.

Хотя современная библиография исследовательских работ, выставочных и музейных каталогов, посвященных традиционной одежде мусульманских народов, насчитывает сотни наименований, к сожалению, следует конста-

41

18 См.: W. Björkman, "Tulband", *Encyclopedia of Islam* (CD-edition).
19 R. P. A. Dozy, *Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les arabes* (Amsterdam, 1845).

20 В СССР громадная работа по изучению традиционной одежды была проведена в русле подготовки «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». См., например, «Музейные этнографические фонды как источник для составления Истори-

тировать, что сегодня наука не имеет сводной работы, сравнимой с трудом Р. Дози 1845 г.¹⁹. Вполне актуальной остается задача анализа мусульманского костюма как информационно-знаковой системы, выявление взаимосвязи общественных потребностей, культурных взаимодействий, требований ритуала, производственных возможностей и практической целесообразности, отраженных так или иначе в каждом предмете одежды такого типа²⁰.

Специалист знает, что и сегодня в мусульманском мире головной убор вполне зримо маркирует этническую принадлежность своего обладателя, а часто и его религиозные предпочтения. В отличие, например, от узбеков²¹ и уйгуров, обычно предпочитающих квадрат-

42

ко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», *Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана*. Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия XLVIII (Москва — Ленинград, 1961); «Одежда народов Средней Азии и Казахстана в коллекциях Государственного музея этнографии народов СССР», там же; *Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки*, отв. ред. О. А. Сухарева (Москва,

ные тюбетейки и *донта* с различным узором (рис. 32–33), салары сегодня в большинстве случаев носят подчеркнута скромные шапочки-*такийя* светлых тонов за редким исключением (рис. 34–37), отчетливо транслирующие окружающему миру информацию предпочтениях их обладателей, связанных с проповедью возврата к исконным исламским ценностям (рис. 40–46). Более торжественным головным убором, который обычно надевают специаль-

40

но для посещения мечети, является неглубокая белая (реже — со светлым рисунком) чалма-*имама*, конец которой спадает на спину (рис. 47–48). Все это не мешает саларам производить головные уборы практически для всех уголков мусульманского мира (в том числе и женские шапочки) (рис. 38–39). 28 сентября 2008 г. после службы в соборной мечети Дунгуань (г. Синин) в небольшом магазинчике на примыкавшей к мечети улице мы легко купили вполне интернациональный набор тюбетеек и «шапочек для намаза».

1979); О. А. Сухарева, *История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-ая половина XIX — начало XX в.)* (Москва, 1982); *Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана*, отв. ред. Н. П. Лобачева, М. В. Сазонова (Москва, 1989).

21 См., например, И. Богословская, Л. Левтеева, *Тюбетейки Узбекистана XIX—XX веков* (Ташкент, 2006).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-179-4

© МАЭ РАН

36

37

38

39

Today it is the south-east of Chinese province Qinghai that produces almost eighty percent of traditional Muslim men's headdresses distributed around the whole world. Using the range of products made here, apparently it is easy to make a list of illustrations for the index of Muslim headdresses given by W. Björkman¹⁸.

Although modern bibliography of research works, exhibition and museum catalogues dedicated to traditional attire of Muslim peoples numbers hundreds of titles, it is verified that the scholarly world of today unfortunately does not have a summary work comparable to that of

43

44

18 See: W. Björkman, "Tulband", *Encyclopedia of Islam* (CD-edition).

19 R. P. A. Dozy, *Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les arabes* (Amsterdam, 1845).

20 In the USSR tremendous work of studying traditional attire was done in the course of preparing "The Historical-Ethnographical Atlas of Central Asia and Kazakhstan". See for instance "The Museum Ethnographic Funds as

a Source for Compiling Historical-Ethnographic Atlas of Central Asia and Kazakhstan", *The Materials for Historical Ethnographic Atlas of Central Asia and Kazakhstan*. The works of the N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography. New Series XLVIII (Moscow — Leningrad, 1961); "The Attire of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan in the Collections of the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR", *ibid.*; *Attire of the Peoples of Central*

R. Dozy of 1845¹⁹. The task of analysis of Muslim attire as an information-sign system remains just as urgent. And so does the detection of interdependence of public needs, cultural interaction, ritual requirements, industrial opportunities and practical expediency, all of which are reflected in one way or another in each piece of the attire of this kind²⁰.

Specialists know that in the Muslim world a headdress visually marks ethnical affiliation of its owner and oftentimes his religious preference. For instance, in contrast to Uzbeks²¹ and Uyghurs, who usually prefer square skull-caps and *doppa* with diverse ornament (figs. 32–33), Salars of today mainly wear pronouncedly modest hats *taqiya* of light colour tones with rare exceptions (figs. 34–37), which distinctly broadcasts information on preferences of their owners to the world outside. These preferences preach the return to long-standing Islamic values (figs. 40–46). A white (or more seldom with a light drawing) not-too-deep turban (*imama*), the tail of which falls onto one's back (figs. 47–48), usually worn especially for mosque, is a more festive headdress. All of these aspects do not hinder Salars in making headdresses virtually for all the corners of the Muslim world (including women's skull-caps) (figs. 38–39). On 28th of September of 2008 after the service in the Dongguan Friday mosque (the city of Xining) we managed to obtain easily quite an international set of skull-caps and "hats for *namaz*" in a small shop on a street adjoining the mosque.

Asia: Historical-Ethnographic Essays, edited by O. A. Sukhareva (Moscow, 1979); O. A. Sukhareva, *The History of Central Asian Attire: Samarqand (the 2nd Half of the 19th — the Beginning of the 20th Centuries)* (Moscow, 1982); *Traditional Attire of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan*, edited by N. P. Lobacheva, M. V. Sazonova (Moscow, 1989).

21 See for instance I. Bogoslovskaya, L. Levteeva, *The Skull-Caps of Uzbekistan of the 19th—20th Centuries* (Tashkent, 2006).

Рис. 1—2 и 4—13. Мечеть Чистой воды (XVI—XVII вв.) Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 3. В мечети Цаотаньбай (г. Сюньхуа, провинция Цинхай). Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Д. С. Шнеерсон.

Рис. 14—20. Мечеть Цаотаньбай (г. Сюньхуа, провинция Цинхай): главные ворота, во дворе, минарет, участники пятничной молитвы. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотографы Т. М. Федорова и Д. С. Шнеерсон.

Рис. 21. Мечеть в Гайцзы. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/34.

Рис. 22. Мечеть в Гайцзы. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/38.

Рис. 23. Мечеть Имаму (?). Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/36.

Рис. 24. Мечеть Циншуй. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/43.

Рис. 25. Общий план одной мечети. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/37.

Рис. 26. Могилы в саларском районе. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/33.

Рис. 27. Саларское кладбище в Сюньхуа. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 28. Бай Юнь-сянь, *имам* соборной мечети Цаотаньбай (г. Сюньхуа, провинция Цинхай). Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 29—31. В мечети Цаотаньбай (г. Сюньхуа, провинция Цинхай): расписание молитв, комната для ритуального омовения (*гусл*), в классе исламской школы при мечети. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 32. Головной убор мужской (уйгур.: *донна*). Квадратный на каркасе, по четырем сторонам сверху вышит гладью растительный орнамент²², подкладка ситцевая проклеена и прошита черными нитками. Бархат, нить синтетическая, ситец; 18,5 × 18,5 × 8,3 см. Китай, г. Синин, начало XXI в. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–12.

Рис. 33. Головной убор мужской (уйгур.: *донна*). На каркасе, комбинированный (геометрический и растительный) орнамент на ткани продублирован машинной вышивкой, подкладка ситцевая, клееная, прошита черными нитками. Хлопок, шерсть, ситец; 17,5 × 17,5 × 8,5 см. Китай, г. Синин, начало XXI в. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–16.

Рис. 34. Головной убор мужской (*таки́йа*). С прорезным орнаментом и вышивкой. Ткань и нить синтетические; 19,0 × 7,9 см. Китай, салары, г. Синин, начало XXI в. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–9.

Рис. 35. Головной убор мужской (*таки́йа*). По периметру украшен машиной вышивкой (пальмы — белым, изображение Ка'бы — золотом). Ткань и нить синтетические; 15,5 × 6,5 см. Китай, салары, г. Синин, начало XXI в. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–14.

Рис. 36. Головной убор детский (*таки́йа*). По периметру украшен машиной вышивкой желтыми и зелеными нитями. Ткань и нить синтетические; 13,8 × 6,5 см. Китай, салары, г. Синин, начало XXI в. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–15.

Рис. 37. Головной убор мужской (*таки́йа*). Украшен машиной вышивкой с растительным орнаментом. Ткань и нить синтетические; 19,0 × 7,5 см. Китай, салары, г. Синин, начало XXI в. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–13.

Рис. 38. Тюбетейка женская праздничная квадратная. Вышита крестом синими, красными, зелеными, разовыми нитями. Бархат, ситец, нить синтетическая, нить шерстяная; 14,0 × 14,0 × 8,5 см. Китай, г. Синин, начало XXI в. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–10.

Рис. 39. Традиционный мужской головной убор на каркасе в форме эллипса малайско-индонезийского типа (малай.: *пичи*). Подкладка стеганная утепленная, по внешнему периметру — двойная узорная полоса. Бархат, ткань синтетическая; 26,2 × 14,5 × 7,5 см. Китай, г. Синин, начало XXI в. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415–11.

Рис. 40. Э. Р. Тенишев посещает старика. Фотоотпечаток. 1957 г. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/30.

Рис. 41. Салар из Монда. Фотоотпечаток.

1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/23.

Рис. 42. Салар из Гайцзы. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/25.

Рис. 43—46. После пятничной молитвы в соборной мечети Дунгуань (г. Синин, провинция Цинхай). Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 47—48. В соборной мечети Дунгуань (г. Синин, провинция Цинхай). Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Figs. 1—9 and 4—13. The Mosque of Pure Water (the 16th–17th centuries). The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 3. In the Caotanbai Friday mosque. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by D. S. Shneerson.

Figs. 14—20. The Caotanbai Friday mosque (the city of Xunhua, Qinghai province): the main gates, in the yard, the minaret, the participants of Friday prayer. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova and D. S. Shneerson.

Fig. 21. The mosque in Gaizi. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/34.

Fig. 22. The mosque in Gaizi. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/38.

Fig. 23. The mosque of Imamu (?). 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/36.

Fig. 24. The mosque of Jinshui. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/43.

Fig. 25. The general plan of a mosque. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/37.

Fig. 26. Graves in Salar area. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/33.

Fig. 27. Salar cemetery in Xunhua. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 28. Bai Yun-xian, the *imam* of the Caotanbai Friday mosque (the city of Xunhua, Qinghai province). The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 29—31. In the Caotanbai Friday mosque (the city of Xunhua, Qinghai province): the prayer schedule, the room of ritual ablutions (*ghusl*), in the classroom of Islamic school at the mosque. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 32. A men's headdress (Uyghur: *doppa*). Square in the frame, satin-stitched with a vegetative ornament along the four sides on top²², chintz lining glued and sewn with black threads. Velvet, synthetic thread, chintz; 18.5 × 18.5 × 8.3 cm. China, the beginning of the 21st century. The expedition of the MAE RAS of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–12.

Fig. 33. A men's headdress (Uyghur: *doppa*). On

the frame, combined (geometric and vegetative) ornament on the fabric is duplicated with machine embroidery, chintz lining, glued and sewn with black thread. Cotton, wool, chintz; 17.5 × 17.5 × 8.5 cm. China, the city of Xining, the beginning of the 21st century. The expedition of the MAE RAS of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–16.

Fig. 34. A men's headdress (*taqiya*). With slotted ornament and embroidery. Synthetic fabric and threads; 19.0 × 7.9 cm. China, Salars, the city of Xining, the beginning of the 21st century. The expedition of the MAE RAS of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–9.

Fig. 35. A men's headdress (*taqiya*). Adorned with machine embroidery (palm trees in white and the Ka'ba depiction in gold) along the perimeter. Synthetic fabric and threads; 15.5 × 6.5 cm. China, Salars, the city of Xining, the beginning of the 21st century. The expedition of the MAE RAS of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–14.

Fig. 36. A boy's headdress (*taqiya*). Adorned with machine embroidery along the perimeter with yellow and green threads. Synthetic fabric and threads; 13.8 × 6.5 cm. China, Salars, the city of Xining, the beginning of the 21st century. The expedition of the MAE RAS of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–15.

Fig. 37. A men's headdress (*taqiya*). Adorned with machine embroidery with a vegetative ornament. Synthetic fabric and thread; 19.0 × 7.5 cm. China, Salars, the city of Xining, the beginning of the 21st century. The expedition of the MAE RAS of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–13.

Fig. 38. A women's festive square skull-cap. Cross-stitched with blue, red, green one-time threads. Velvet, chintz, synthetic thread, silk thread; 14.0 × 14.0 × 8.5 cm. China, the city of Xining, the beginning of the 21st century. The expedition of the MAE RAS of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–10.

Fig. 39. A traditional men's headdress on the frame in the form of ellipse of Malay-Indonesian type (Malay: *pici*). Warm quilted lining, double patterned stripe along the outer perimeter. Velvet, synthetic fabric; 26.2 × 14.5 × 7.5 cm. China, the city of Xining, the beginning of the 21st century. The expedition of the MAE RAS of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415–11.

Fig. 40. E. R. Tenishev visits an old man. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/30.

Fig. 41. A Salar from Mond. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/23.

Fig. 42. A Salar from Gaizi. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/25.

Figs. 43—46. After the Friday prayer in the Dongguan Friday mosque (the city of Xining, Qinghai province). The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 47—48. In the Dongguan Friday mosque (the city of Xining, Qinghai province). The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

²² Подробнее об орнаментах на головных уборах этого типа см.: *там же*, сс. 42—63.

Разверни же, Вечный, над пустыней
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звезд небесных — наш Коран!

Иван Бунин

ЛЕГЕНДА

THE LEGEND

Unfold, O Everlasting, over the desert
In the evening dark blue skies
The book of the stars of the sky — our Qur'an!

Ivan Bunin

2

«В местности по названию Самарканд жил князь Ахман. Там же жил другой князь — Караман. Оба спорили из-за власти. Человек из рода Ахмана украл чью-то корову, но возвел клевету на род Карамана. Оба они пожаловались правителю Самарканда. Род Карамана не хотел жить рядом с родом Ахмана. “Нас оклеветали, мы переселимся отсюда!” — сказал род Карамана <...> Наш корень саларов идет и от младшего и от старшего сыновей Карамана.

Что дал Караман старшему сыну? Дал верблюда. Дал чашку священной воды. Дал один оман священной земли. Дал большие и маленькие весы. “Возьми все это и иди на юг. Где остановишься, сравни вес воды и земли, где будет вес равным, там и живи”. Еще он дал свидетельство о Самарканде — тридцать частей Корана. “Не потеряй! Следуй содержанию его и соответственно поступай”, — сказал Караман». Так звучит предание о переселении саларов, записанное Э. Р. Тенишевым полвека назад.

Сегодня салары, небольшой (около 110 тыс. человек) народ, значительная часть которого

живет на узком высокогорье по правому берегу реки Хуанхэ, в юго-восточной части китайской провинции Цинхай. Здесь образован саларский автономный уезд Сюньхуа.

Салары верят, что в беспокойном XIV в. два брата-прародителя, Ахман и Караман погрузили на спину верблюдки бурдюк с водой, мешочек с землей родины и список Корана, и отправились по Великому шелковому пути в сторону Китая. Добравшись до мест, которые мало чем отличались от их оставленной родины, они решили остановиться и поселились на холмах, которые местные жители считали неплодородными.

«Верблюд добрался до источника в Алтиюли — продолжает древняя легенда. — Пытались поднять верблюда, но он не встал. Сняли с него груз, и верблюд тут же превратился в белый камень. Тридцать частей Корана отнесли в мечеть... Взвесили на малых весах, вес местной воды и земли сравнялся полностью с весом священной воды и земли».

Белая верблюдка, спасшая братьев и оборотившаяся в камень, стала националь-

ным символом саларов. Об этом напоминает беломраморная скульптура в г. Сюньхуа — склонившая колени двугорбая верблюдка с переметной сумой со Священной книгой (рис. 1—3, 6). Тридцатитомная рукопись Корана, принесенная по преданию братьями, — другая важнейшая святыня саларов. В 1957 г. рукопись увидел и сфотографировал Э. Р. Тенишев. Сегодня этот список, бережно хранящийся в специально построенном здании (рис. 4—6), признан старейшим в Китае. Экспедиция Музея смогла познакомиться с ним в 2008 г. (рис. 7—9).

Салары создали по-настоящему уникальный способ сохранения и передачи исторической памяти: сегодня, как и столетия назад, во время каждой свадебной церемонии в лицах разыгрывается легенда о белой верблюдке и о переселении братьев из Самарканда.

“There once was a prince named Akhman in Samarqand. And there was another prince Qaraman, who lived in the same region. A person from the Akhman clan stole somebody’s cow, but blamed it on the Qaraman clan. And they both complained to the ruler of Samarqand. The Qaraman clan did not want to live near the clan of Akhman. ‘We were slandered against, we will move from here!’ — said the people of Qaraman <...> Our Salar root comes from both sons of Qaraman — older and younger sons of Qaraman.

What did Qaraman give to his older son? He gave him two camels. He gave him a cup of sacred water. He gave one oman of sacred land. He gave also big and small scales. ‘Take all of these and go south. Wherever you stop, weigh water and soil, and wherever it is equiponderant, live there’. He also gave him the testimony of Samarqand — thirty parts of the Qur’an. “Do not lose it! Follow its contents and live correspondingly”, said Qaraman”. This is how the legend of Salars’ resettlements runs, which is recorded by E. R. Tenishev half a century ago.

Today Salars are a small ethnicity (about 110 thousand people), the majority of which lives on the narrow highlands to the right hand of Huanghe River, in the south-eastern part of Qinghai. Xunhua, the Salar Autonomous Region has been established there.

Salars sacredly believe that in the uneasy 14th century two ancestor brothers Akhman and Qaraman have moved there from Samarqand. They used the passes of the Great Silk Road, reached China and settled in the barren foothills looking very much like the motherland they left.

“The camel reached the spring in Altiyuli”, continues the ancient legend. — They attempted to raise the camel, but it didn’t rise up. The load was taken off of it and the camel immediately turned into a white rock. The thirty parts of the Qur’an were taken to the mosque <...> They used little scales to weigh local water and

3

soil. The weight of these matched the weight of the sacred water and soil”.

The white she-camel that rescued both brothers and turned itself into stone became a national symbol of the country. We are reminded of it with a white marble sculpture in Xunhua — a kneeling two-humped she-camel with a saddle-bag containing the Sacred Book (figs. 1—3, 6). Thirty volumes of Qur’anic manuscripts brought according to tradition by the brothers is another important relic of Salars. In 1957 Tenishev looked through and made photo of several manuscript folios. Today this manuscript, which is solicitously kept in

a specially-built edifice (figs. 4—6), is acknowledged as the oldest in China. In 2008 our expedition had a chance to study it (figs. 7—9).

Salars created a genuinely unique method of maintaining and passing on of historical memory. Today, as well as centuries ago, at their wedding ceremonies Salars act out the legend of the white she-camel and migration of the two brothers from Samarqand.

4

5a

5b

8

7

6

9

**Из полевого дневника
Э. Р. Тенишева**

3 мая 1957 г.

Во второй половине дня переехали в волость Чиншуй [Циншуй] <...> Улицы села Уллагыл узкие-узкие и кривые. Чувствуется, что многое здесь сохранилось без особых изменений, в первозданной, так сказать, чистоте со времен переселения сюда салар из Самарканда. Иностранного специалиста салары видят впервые в своем селе¹.

10

12

May 3, 1957

In the second half of the day we moved to the Qingshui district <...> The streets of the village Ullagil are too narrow and crooked. It feels as though many things have remained here in its primitive beauty, so to say, since the times of the Salar migration from Samarqand. It's the first time that the Salars see a foreign specialist in their village¹.

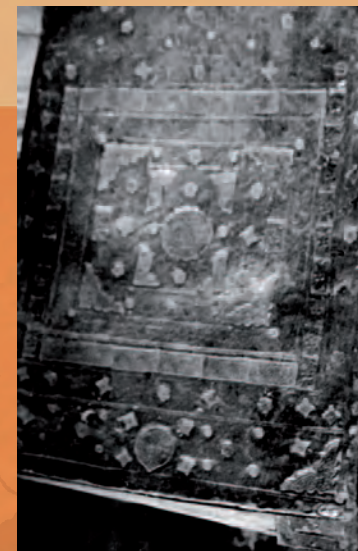
11 мая 1957 г.

Утром пришли с визитом семь видных ахунов Алтиюли. После взаимных приветствий они повели меня осматривать саларские древности. Все они находятся на территории большой мечети недалеко от нас. Эта мечеть — соборная. Она — религиозный и историко-культурный центр саларов. Прежде всего мне показали Отуз Коран, привезенный предками салар из Самарканда (рис. 10—13). Каждая из его тридцати частей — в толстых кожаных переплетах с тиснениями, хранится в плоских ящичках. Показали гумбез [гомбад, перс. «купол», здесь «гробница»] Пуру-шейха (рис. 14), и находящийся рядом с ним разрушенный гумбез Ахмана (рис. 15—16). Большое раскидистое дерево развалило стены и потолок гумбеза. Все показывалось и объяснялось мне с величайшей любезностью. Затем я увидел гумбез Карамана (рис. 17—18). Он сохранился лучше, чем другие. Но внутри него тоже выросло большое дерево (рис. 19—20). Далее мне показали мазар шейха Сулеймана Валиуллы [Вали Аллаха] и первого кази (судья) саларов Абдул Азиза [‘Абд ал-‘Азиза]. После этого мы осмотрели гумбез, в котором покоятся шесть сыновей Карамана и его старшей жены. Отсюда происходит название этой местности — Алтиюли («алты оглы» — шесть сыновей). Сыновья Карамана от младшей жены поселились в Сеныре (Чиншуй). Рядом с гумбезом шести сыновей Карамана покоятся его потомки.

May 11, 1957

Seven eminent akhunds of Altiyuli paid me a visit in the morning. After greeting each other they led me on my sightseeing tour of the Salar antiquities. All of those are located on the territory of a large mosque nearby. That is a jami' mosque. It is a religious and historical cultural centre of the Salars. The first thing that was shown to me was the Otuz Qur'an that was brought from Samarqand by the Salar forefathers (figs. 10—13). Each of its thirty parts was leather-bound, possessed stampings and was kept in a flat little box. I was also shown the gumbaz [Pers.: gombad, "the dome", here: "the shrine"] of Puru-shaykh (fig. 14) and the ruined gumbaz of Akhman nearby (figs. 15—16). A large branchy tree broke down the walls and ceiling of the gumbaz. Everything was shown and explained with the greatest pleasure. And then I saw the gumbaz of Qaraman (figs. 17—18). It fared much better than the other two, even though a large tree grew in the middle of it as well (figs. 19—20). Further on I was shown the mazar of Shaykh Sulayman Wali Allah and the first qazi (judge) of the Salars, 'Abd al-'Aziz. Afterward we surveyed the gumbaz where the remains of six sons of Qaraman and his wife rested. And that's the origin of this region — Altiyuli ("alti ogh" — six sons). The sons of Qaraman from his younger wife settled in Senir (Qingshui). The descendents of Qaraman rest beside the gumbaz of his six sons.

13

11

14

15

**From E. R. Tenishev's
field journal**

16

¹ Э. Р. Тенишев, *У тюркских народов Китая* (Москва, 1995), с. 149.

¹ E. R. Tenishev, *Visiting Turkic Peoples in China* (Moscow, 1995), p. 149.

17

Потом отправились смотреть верблюда, который, по преданию, уже здесь превратился в камень. Теперь это груда камней, вросших в землю. Каменный верблюд, как мне рассказали тибетцы, расколот на три части и срублено дерево, выросшее из посоха, чтобы у салар не было своего султана. Недавно вокруг этих камней вырыли бассейн и наполнили его водой. При болезни желудка салары принимают кусочек камня от священного верблюда. Верблюд ел соль, поэтому, считают салары, каменное существо его поможет при болях в желудке. Но лечатся таким образом только старики. Затем осмотрели источник, бьющий рядом с каменным верблюдом (рис. 21). Отсюда проложены деревянные трубы, несущие воду в комнату, где совершается омовение. Она представляет собой просторное помещение, вдоль стен которого сделаны кабинки для моющихся. Вдоль комнаты сделан сток и приспособления для общего пользования.

Из этого помещения мы вышли во двор и направились к мечети. Двор мечети очень просторный и вымощен серым и черным камнем, в виде паркета. Внутри мечети потолок красиво разрисован в китайском стиле. На стенах молитвенные надписи на арабском языке. Михраб в три ступени, внушительный, богато украшен надписями. На деревянном полу коврики. Мечеть перестроена на средства одной вдовы, которая подарила для этой цели золотую чашу. После осмотра мечети вернулись в ту же комнату, куда вошли в первый раз. Здесь после чая в очень любезных выражениях последовало приглашение на ужин после обеденной молитвы к пяти часам.

Сегодня я познакомился с самым ученым ахунмом Алтиюли Парсан Ахунмом. Затем с другими крупными ахунмами саларского уезда: Мухаммеди Рамазаном, Сади Ахунмом и другими. К вечеру мы успели еще посетить селение Има-магыл в трех километрах на северо-запад и посетили дом ахуна Мухаммеди Рамазана. Селение очень маленькое и опрятное. Имеется красивая мечеть, во дворе которой распустились прекрасные цветы на четырех кустах².

2 Там же, сс. 157—158.

18

19

20

Then we set to survey the camel which, according to the tradition, had turned into a rock. Now it's just a pile of stones taken root. The stony camel, as I was told by Tibetans, was split into three; and a tree that had grown out of the staff was cut down so that Salars would not have their sultan. Recently a pool was dug around these rocks and they filled it water. When Salars experience stomach-ache they take a piece of rock from the sacred camel. The camel ate salt, hence, Salars believe, its stony essence will help relieve their stomach-aches. But only the elderly medicate themselves this way. Then we surveyed the spring that was welling out right next to the stony camel (fig. 21). From here on you can see wooden pipes that carry water into the room, where the ablutions are made. It is a spacious room; along the walls there have been made cubicles for the ablutionists. Along the room there is also a drain system and some devices for common usage.

We left these premises and came into the courtyard from wherefrom we headed to the mosque. The mosque courtyard is very spacious and cobbled with grey and black stones as though it is parquet. Inside the mosque the ceiling is beautifully decorated in Chinese style. Prayer inscriptions in Arabic run along the walls. Mihrab is three-stepped, imposing and also adorned with inscriptions. The wooden floor is covered with carpets. The mosque was built using funds of one widow, who gave up a golden chalice to fund its construction. Having finished surveying the mosque we returned to the room where we started. There, after being treated with a cup of tea, we were invited for dinner past the afternoon prayer at five o'clock.

Today I've met the most educated akhund of Altiyuli, Parsan Akhund. And then I also met with other prominent akhunds of the Salar district: Muhammedi Ramazan, Sadi Akhund and others. By nightfall we also managed to take a tour of the village Imamaghil located three kilometres to the north-west. And there we were invited to the house of Muhammedi Ramazan. The village is small and tidy. There is a beautiful mosque and its courtyard flowers bloom on four bushes².

2 Ibid., pp. 157—158.

21

22

12 мая 1957 г.

Утром пришли Сади Ахун, Мухаммеди Рамазан и два старика, знающие легенды об истории переселения саларов из Самарканда. Сначала читали листок из какой-то книги, в котором содержатся сведения по истории саларов с момента их переезда из Самарканда в Сюньхуа. Затем читали книгу ритуальную на саларском языке (арабским шрифтом), в которой слова фонетически записаны довольно точно, исключая палатализованных.

Затем один старик рассказал легенду о переселении. Записать ее не удалось, так как он говорил очень быстро. Я попросил, чтобы его рассказ записали грамотные салары арабскими буквами. Это будет исторический и вместе с тем языковой документ.

14 мая 1957 г.

Ахуны по моей просьбе записывают все у своих стариков, что им известно о переселении саларов из Самарканда и другие факты по их древней истории. Очень воодушевлены работой. Сегодня зашел поговорить 86-летний старик Мухаммеди Саид. Он сказал, что, когда был маленьким мальчиком, его отец совершил хадж и по пути заезжал в Самарканд. Люди там помнят о саларах. Один человек даже заявил отцу Мухаммеди Саида, что после того, как в одном каком-то колодце Самарканда вода поднимется до краев, то салары вернуться на старую родину. Мой приезд не связан ли с этим? Я разъяснил, что приехал к саларам только изучать их язык. Вид у Мухаммеди внушительный. Про себя я назвал его саларским королем Лиром³.

21 июня 1957 г.

<...> Вечером пришли навестить меня ахуны во главе с Мухаммеди Рамазаном. Он представил мне ахунов из Чизы и Ахыра, с которыми раньше мне встречаться не приходилось. Я рассадил их в комнате, расспросил о каждом, вскоре установилась простая непринужденная обстановка. Мухаммеди Рамазан прочитал вслух записанное им в Алтиюли у стариков предание о переселении саларов из Самарканда. Ахуны приехали со всех мест в столицу на собрание Консультативного совета больше, чем на неделю. Обещали показать мне пляску «белого верблюда» и оказать всякую другую помощь, если потребуется⁴.

27 июня 1957 г.

Целый день записывал у Мухуже историю переселения салар из Самарканда и большую сказку. Ахуны заходят ко мне каждый день, то группой, то по одному. Чувствуется их внимание и интерес к работе. Заставили вчера меня прочитать им сагыш. Воспринималось все чтение очень живо. Сегодня утром зашли еще двое и тоже попросили прочитать им записанные сказки. Дня три как ахуны приходят ко мне, просят медицинской помощи — у одного болит голова, у другого ноги, у третьего глаза. Даю им лекарства, которые захватил с собой. Спрашиваю — помогает ли? Говорят — помогает, наверное, отвечают так из любезности.

Не могу удержаться, чтобы не записать приблизительный перевод истории о переселении салар.

³ Там же, сс. 159—160.

⁴ Там же, с. 174.

May 12, 1957

In the morning Sadi Akhund, Muhammedi Ramazan and two old men came by. They knew the legends of the history of the Salar migration to Samarqand. At first we were reading a page from some book, which contained certain data about the Salar history since their migration from Samarqand to Xunhuai<...> And then one of the old men told us the legend of the migration. I wasn't able to write it down because the man was talking too fast. I asked that his story would be recorded in Arabic script by some educated Salars. This document will be a historical document, as well as a linguistic one.

May 14, 1957

At my request akhunds write down everything the elders tell them, everything related to the Salar migration from Samarqand and other facts in their ancient history. My work inspires me greatly. An old man of 86 years old came by to talk to me today. His name is Muhammedi Said. He told me that he remembers when he was a little kid his father went on a hajj and stopped by Samarqand on the way. People remembered of the Salars. One man even announced to Muhammedi Said's father that once water reached the top of one certain well in Samarqand, the Salars would come back to their early motherland. Is my coming somehow related to this event, maybe? I told them that my coming to the Salars had to do with studying their language. Muhammedi looked impressive. I thought to myself that he would qualify for a Salar King Lyre³.

June 21, 1957

<...> In the evening I was visited by akhunds with Muhammed Ramazan for their leader. He introduced akhunds from Chizi and Akhir to me. I haven't met them before. I seated them around the room and asked each one about himself. And soon we were graced with a free and easy atmosphere. Muhammed Ramazan read a legend about the Salar migration from Samarqand, which some old men told him in Altijuli. Akhunds came to the capital from all over the place for the purpose of the meeting of the Board of Advisors. They came for over a week. They promised to show me a "white camel" dance and aid me in any way possible if I needed anything⁴.

June 27, 1957

All day long I spent at Muhuje's house and was writing down the history of the Salar migration from Samarqand and a long fairytale. Akhunds drop by my place every day; sometimes they do it in groups, sometimes one by one. Their care and interest in my work is well felt. Yesterday they made me read sagish to them. The reading was taken in very lively. Today two more dropped by in the morning and asked me to read to them the fairytales I recorded. It's been three days since akhunds started coming to me for medical assistance — one has headaches, another one experiences pains in his feet, and yet another one has eyesight problems. I'm giving them the medicine that I have on me. I ask them if it helps. And they answer positively, but perhaps they are just being kind.

I couldn't help but write down an approximate translation of the history of the Salar migration.

³ Ibid., pp. 159—160.

⁴ Ibid., p. 174.

23

24

История переселения салар

В местности по названию Самарканд жил князь Ахман. Там же жил другой князь — Караман. Оба спорили из-за власти.

Человек из рода Ахмана украл чью-то корову, но возвел клевету на род Карамана. Оба они пожаловались правителю Самарканда. Род Карамана не хотел жить рядом с родом Ахмана. «Нас оклеветали, мы переселимся отсюда!» — сказал род Карамана.

Двинулся в путь старший сын Карамана, младший остался жить на родине. Наш корень саларов идет и от младшего и от старшего сыновей Карамана. Что дал Караман старшему сыну? Дал верблюда. Дал чашку священной воды. Дал один оман священной земли. Дал большие и маленькие весы. «Возьми все это и иди на юг. Где остановишься, сравни вес воды и земли, где будет вес равным, там и живи». Еще он дал свидетельство о Самарканде — тридцать частей Корана. «Не потеряй! Следуй содержанию его и соответственно поступай», — сказал Караман.

Затем, погрузив вещи на верблюда, старший сын двинулся в путь. Так достигли Чинза-Минза. Взвесили на больших весах, вес не сравнялся, взвесили на малых весах, вес не сравнялся. Там остановились на один день. На рассвете верблюд встал, погрузили вещи и двинулись дальше. Достигли Пекина. Говоря: «Испробуем это место», — взвесили землю на малых весах, вес ее оказался не равным весу родной земли, взвесили на больших весах — то же самое. Вес воды тоже не сравнялся. «Здесь за воду расплачиваются золотом, — говорят. — Здесь за траву расплачиваются серебром», — говорят. По этой причине эту местность не могли использовать для себя. Выехав оттуда, достигли Ланьчжоу. «Испробуем это место», — говорят. Но вновь вес воды и земли не сравнялся с весом воды и земли, взятыми с родины.

Выехав из Ланьчжоу, они достигли Ганьджа. Посмотрели на юг — «Ровным ровнехонько», — говорят, посмотрели на север — «Ровным ровнехонько», — говорят. «На этой местности овцы будут, кони будут, коровы будут, скот будет плодиться — можно будет жить», — говорят. «Испробуем это место». Взвесили на больших весах, вес местной воды и земли с весом священной воды и земли не сравнялись. «Это местность, где воду и за золото не найдешь, — говорят. — Это местность, где землю и за серебро не найдешь». По этой причине местность использовать не могли.

Выехав из Ганьджайской долины, достигли Синина. По той же причине не могли использовать эту местность, как и местность Пеяна [Пэйян], Ганьду. Выехав из Ганьджайской долины, достигли местности Отуз-таг. Посмотреть на юг — ровным ровнехонько, посмотреть на север — ровным ровнехонько. Но это местность, где воду и за золото не найдешь. Это местность, где траву и за серебро не найдешь. «Испробуем», — говорят. Взвесили на малых весах, вес воды местной и священной почти сравнялся, вес земли — также. Там остановились. В тот вечер потеряли верблюда. Группа людей пошла с факелами по его следу. Если спросить: «Куда добрались люди?» — то следует сказать: «Они спустились к подножию горы. Здесь зажгли костры и назвали эту местность Отпойнах». Если спросить: «Куда оттуда пошел верблюд?» — следует сказать: «Верблюд добрался до источника в Алтиюли. Пытались поднять верблюда, но он не встал. Сняли с него груз, и верблюд тут же превратился в белый камень. Тридцать частей Корана отнесли в мечеть», — говорят. Взвесили на малых весах, вес местной воды и земли сравнялся полностью с весом священной воды и земли. По этой причине они решили использовать эту местность Алтиюли.

Если спросить: «Откуда нисходит милость в отношении воды», — то следует сказать: «Она нисходит от места, где лежит верблюд, от самого верблюда!» Если спросить: «Откуда нисходит благодать великой общины», — то следует сказать: «Она нисходит от тридцати частей Корана!»

А затем в сказании говорится о расселении уже сыновей старшего сына Карамана в этой местности.

25

The History of the Salar Migration

In the region that went by the name of Samarqand there was a prince, and his name was Akhman. There was also another prince, and his name was Qaraman. They argued for power.

A man from the kin of Akhman stole somebody's cow, and he cast aspersions on the kin of Qaraman. So they both complained to the ruler of Samarqand. The kin of Qaraman did not want to live near the kin of Akhman. "We were slandered, we will move far from here!" said the people of Qaraman.

The older son of Qaraman set on his journey, the younger, though, remained at his motherland. Our Salar root comes from both sons of Qaraman. What did Qaraman give his son? He gave him a camel. He gave him a cup of sacred water. He gave him one oman of sacred soil. And he gave him scales, large and small. "Take all of these and go south. Wherever you stop, compare the weight of water and soil. And wherever the weight is matched, live there". Also he gave him a testimony of Samarqand — thirty parts of the Qur'an. "Do not lose any of it! Follow its contents and act accordingly," said Qaraman.

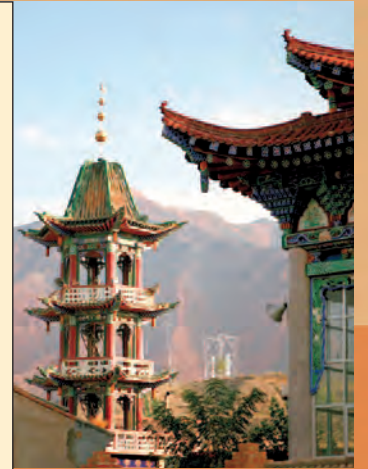
Then, having loaded his belongings onto his camel, he set on his journey. So they reached Chinza-Minza. They did the weighing using the large scales; it didn't match. And then they used the small scales; it didn't match either. They stopped there for one day only. In the morning the camel rose up, they loaded it up and on they went. Now they reached Beijing. "Let's try this place", they said. They weighed the soil of this land using small scales, and it did not match the weight of the homeland soil. Then they used large scales, and the same was true. The weight of the water did not match either. People say, "They pay gold for water, and they pay silver for grass". That was the reason why they could not utilize this location for themselves. Having left Beijing, they reached Lanzhou. "Let's try it out", they said. And again the weight of both the water and the soil did not match the homeland water and soil.

Having left Lanzhou behind, they reached Ganzha. They looked to the south, and they said, "It was so flat". They looked to the north, and they said, "It was so flat". "There will be sheep; and there will be horses; and there will be cows on this land. The cattle will reproduce well here. We'll be able to settle and live here", they said. "Let's try it". They used large scales for weighing the local water and soil, and again it did not match the weight of the sacred water and soil from home. "This is the region where water can't be purchased even for gold. And this is the region where land can't be bought even for silver", they said. Thus, they could not utilize that land either.

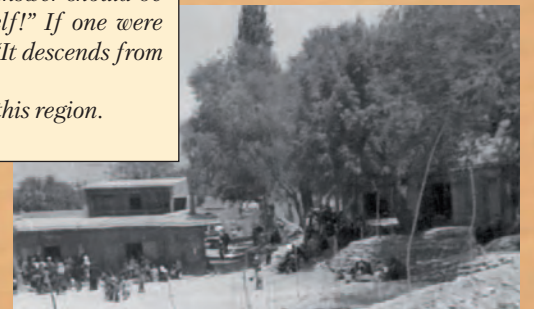
From the Ganzha valley they travelled to Xining. They could not utilize this land for the same reason they couldn't utilize the lands of Peiyang and Gandu. From there they moved on to Otuztag. They looked to the south and the lands were so flat. They looked to the north and it was flat as well. But in that region one could not find water even for gold. And in that region one would not find grass for silver. "Let's see", they said. They used small scales, and the weight of the local and the homeland water almost matched. And the same was true about the weight of the soils. So they settled there. They lost their camel that night. A group of people with torches followed his hoofprints. If one were to ask, "Where did the people go?" The answer should be as such, "They descended to the foot of the mountain. They started fires and called that region Отпойнах". If one were to ask, "Where did the camel go from there?" The answer should be as such, "The camel reached a spring in Altıyuli. They tried to raise it up, but it did not move. They took the load off of it, and the camel turned into a white rock on the spot. The thirty parts of the Qur'an were taken to the mosque". They also used the small scales for the weighing of the local water and soil, and it again matched the weight of the homeland water and soil. So it was decided to utilize that region of Altıyuli.

If one were to ask, "Where does mercy descend from in relation to water?" The answer should be as such, "It descends from the place where the camel lies down, from the camel itself!" If one were to ask, "Where does grace of the great umma descend?" The answer should be as such, "It descends from the thirty parts of the Qur'an!"

And then the legend shifts to the migration of sons of the older son of Qaraman in this region.

26

27

На основе этой легенды были созданы народные сценки, которые раньше часто входили составной частью в свадебное действо, как бы напоминая о древних корнях происхождения жениха и невесты. Но со временем эти сценки разыгрывались и при смешанных браках⁵.

30 июня 1957 г.

<...> Хаким разыскал 95-летнего старика, уроженца Эйше Ахвара, Рамазана По. Я записал у него впервые «орух сёс», т. е. «речь родственников» в день свадьбы, когда невесту провожают в дом жениха. В этой речи сохранились черты старого быта и языка салар.

<...> В «пляске верблюда» Рамазан По когда-то сам участвовал. Но лет семьдесят тому назад эту игру ахуны запретили⁶.

4 июля 1957 г.

Утром поехали в Алтиюли. Сразу же пришел ахун Мухаммеди Рамазан. Я проверил текст, ранее записанный у старика Та Либу.

Попросил его диктовать слова «игры верблюда». Оказалось, что он не помнит. Посоветовал пригласить старика Ша Банбо. Этому старику 86 лет, он принимал участие в этой игре в молодости, вероятно, что-то помнит. Оба старика стали возбужденно обсуждать эту ситуацию и решили, что игру надо показать. Хаким распорядился принести все необходимое для этого. Принесли два овчинных тулупа и веревку. Два парня забрались под вывернутый овчиной вверх тулуп и изобразили верблюда. Ша Банбо в такой же вывернутой шубе изображал Карамана и держал в руке веревку, привязанную к рукаву тулупа, который являлся как бы мордой верблюда. В пути Караман встречает человека, его изображал Та Либу. Между ними завязался разговор. Диалог я записал. «Игра в верблюда» показывалась только на свадьбах, поэтому в конце диалога появляется «орух сёс». Ша Банбо мог сказать лишь половину текста, остальное он не помнит. Теперь «Игра» уже не демонстрируется на свадьбах. После окончания «Игры» вместе с ахун Мухаммеди Рамазаном отправились в мечеть. Там встретил нас ахун Сеййиди. Мухаммеди Рамазан продиктовал мне две лishi (истории), ранее записанные самим ахун Мухаммеди. Оба эти документа он передал нам. Потом я записывал «живой» текст этих историй. Попросил книгу на саларском языке, чтобы сделать с нее фотокопию в Пекине. Оказывается, что хозяин этой книги Гума каждый день читает ее, она ему дорога. Тем не менее он отдал ее, попросив сделать новую обложку и переслать книгу обратно с ахун Халиллулахи [Халил Аллах]. Начиная намаз, и мы распрощались. Хаким задержался, чтобы навестить больного товарища, а мы поехали в Цзиши.

Около семи вечера мой повар Ван приготовил нам общий ужин, как раз подоспел Хаким. Работа наша после поездки в Алтиюли закончилась. Поэтому мы все: Хаким, я, Чень [Чэнь] Пэн, охранник Нью, повар Ван и шофер Чжо собрались вместе за незатейливым ужином отметить это событие. Я поблагодарил всех товарищей за хорошую помощь в работе. Выступая, каждый себя критиковал, поэтому первая часть ужина напоминала традиционное китайское собрание.

Самую большую помощь мне постоянно оказывал Хаким. К своему делу он относится очень добросовестно, с полным сознанием долга. Ни на один день не оставлял меня без своей помощи, даже во время болезни его матери. Прекрасно владел родным саларским языком, затем китайским и тибетским. От природы смывленный он был моим ценнейшим помощником.

Вечером руководство уезда устроило ужин в честь окончания нашей работы. За столом очень скоро после некоторой скованности установилась непринужденная обстановка. Услышал много добрых слов по своему адресу. Шутка ли? Первый «сулянь чжандя» [сулянь чжуаньця] («советский специалист») у салар⁷!

5 Там же, сс. 176—178.

6 Там же, сс. 180—181.

7 Там же, сс. 185—186.

Based on this legend there were folk dramas created, which used to be played at weddings. They would remind a bride and her groom of the ancient roots that they came from. But in time these dramas would be played also at the weddings of mixed marriages⁵.

June 30, 1957

<...> Hakim searched out an old man of 95 years old, Ramazan Po. He is a native of Ayshe Akhwar. And for the first time I recorded “orukh sös”, meaning “the speech of the relatives” on the wedding day, when the bride is sent to the groom’s house. This speech contains the features of the old way of life of the Salars as well as their language.

<...> Ramazan Po used to participate in “the camel dance” himself. But about seventy years ago this game was forbidden by akhunds⁶.

July 4, 1957

In the morning I went to Altiyuli. Akhund Muhammedi Ramazan came right away. I verified the text that I earlier wrote down after an old man named Ta Libu.

I asked him to dictate the words of “the camel game”. Turned out he didn’t remember any. He suggested inviting the elderly Sha Bang-bo. That old man was 86 years old, and he took part in the game in his youth. He must remember something. Both old men grew in excitement as they discussed the situation at hand. They agreed that the game needed to be acted out. Hakim ordered for everything necessary for the game to be brought. Two sheepskin coats and a rope were brought in. Two guys hid under the sheepskin coat turned inside out and acted as a camel. Sha Bang-bo in a fur coat, also turned inside out, imitated Qaraman. He held a rope in his hand and it was tied to the coat’s sleeve, which represented the camel’s muzzle. As Qaraman journeys he meets a man, who is acted by Ta Li-bu. They started talking. I wrote their dialogue down. “The camel game” used to be acted out only at weddings; therefore at the end of the dialogue “orukh sös” makes its appearance. Sha Bang-bo could reproduce only half of the text, the other half he could not remember. These days “the Game” is not performed at weddings anymore. After we finished with “the Game”, akhund Muhammedi Ramazan and I went to the mosque. We were met by akhund Seyyidi. Muhammedi Ramazan dictated two lishi (stories) that earlier had been written by the akhund himself. And then I was writing down the “living” text of these stories. I asked for a book in Salar language, so that I could photocopy it in Beijing. Turned out that the owner of this book, Guma, reads it every day. It is very valuable to him. Nevertheless, he let me borrow it and asked if I could make a new book-cover and send it back with the akhund Halilullahi [Halil Allah]. Namaz started and we had to say good-bye. Hakim stayed behind in order to visit with an ill friend, and we set off for Jishi.

About 7 PM my cook Wang prepared a common meal for us. Hakim came right on time for dinner. Our work after our trip to Altiyuli was over. Thus, all of us — Hakim, Chen Peng, guard Nu, cook Wang, driver Zhuo and I came together for a simple dinner to celebrate this occasion. I thanked all of my friends for diligence in their work. Each made a speech during the dinner, and the first half of the dinner reminded me of a traditional Chinese meeting, where every person present criticized his own work.

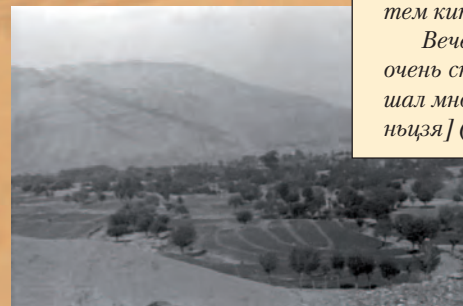
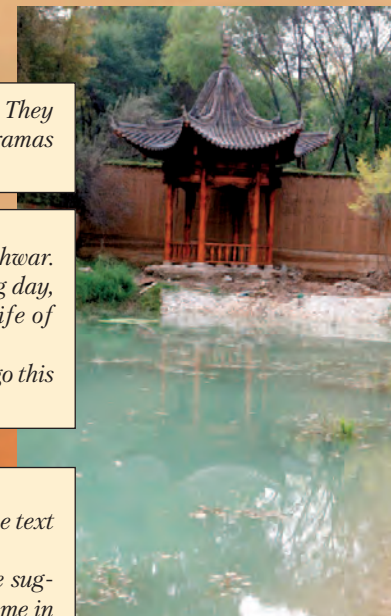
The greatest help was constantly given to me by Hakim. His attitude to his work is that of diligence and total awareness of his duty. Not a day passed without his assistance in my work, even during the days of his mother’s illness. He had a complete command of Salar language, and then he gained fluency in Chinese and Tibetan languages as well. He was naturally gifted and bright, and he was my most valuable assistant.

In the evening the district authorities arranged a dinner in honour of completion of our work. Some time after the dinner was commenced, past a little constraint at first, casual and relaxed atmosphere was established. I heard a great deal of good things about myself. No kidding! I’m the first “sulian zhuanjia” (“Soviet specialist”) among the Salars⁷!

5 Ibid., pp. 176—178.

6 Ibid., pp. 180—181.

7 Ibid., pp. 185—186.

30

Различные версии устных преданий (*саларниги лиши*) настаивают на одной и той же дате переселения сорока саларских семей из Самарканда и их появления на новом месте — 1370 г. Эти годы связаны со становлением власти Тимура и его первыми походами. Известно, что в 1365 г. в Самарканде началось восстание сербедаров⁸, вызванное приходом войска кочевников из Китайского Туркестана, которые разбили эмиров Самарканда Хусейна и Тимура и осадили город. В 1366 г. Тимур подавил восстание. Следующие четыре года в Мавераннахре прошли под знаком соперничества бывших союзников, причем известно, что в этих событиях принимали участие и туркменские племена из Мерва. 10 апреля 1370 г., после того как Хусейн был убит, Тимур принял присягу от всех военачальников Мавераннахра и стал полновластным правителем. Уже в 1371 г. он начинает свои походы в Китайский Туркестан. Пять походов он возглавляет сам (три из них через Чуйскую долину, где по сообщению Ф. Пояркова бытовала в разных вариантах интересующая нас легенда⁹). Несколько походов (1383, 1389, 1400 гг.) воз-

главили его сыновья и эмиры. В 1377/8 гг. Тимуром был захвачен Кашгар. Если принимать 1370 г. как дату переселения первой группы саларов в Предтибетье, то становится очевидным: они либо убегали из охваченной междоусобицей страны, либо сопровождали Тимура в его походах. В любом случае, эти пути саларам, которые славились как прекрасные *караванбаши*, были хорошо знакомы. Вспомним, кстати, что именно ко времени Тимура относится резкий рост связей и культурного взаимодействия между Китаем и мусульманским Востоком.

Салары — далеко не первый, и не последний народ, который для массового переселения воспользовался естественными коридорами Великого Шелкового пути. Уже «при полном свете истории» этим путем во второй половине XVIII в сначала в Россию, а потом, частью, обратно в Китайский Туркестан, прошли калмыки. Сегодня мы достаточно точно можем представить себе организацию таких перекочевков. Громадные массы кочевников (а в 1771 г. к границам Китая ушло 30000 кибиток) двигались по степи широким фронтом, так, чтобы идущие спереди не уничтожали весь подножный корм.

Привалы организовывались каждые 25–30 км. В авангарде и на флангах двигалось вооруженное ополчение, отражавшее нападения и совершавшее набеги¹⁰. Если же речь шла о небольших группах (как мы помним, в первой группе переселенцев-саларов шло, по преданию, всего сорок семей), то такое перемещение организовывалось стандартным образом. Шло несколько малых караванов — верениц в семь-восемь верблюдов (каждая с отдельным колокольчиком и погонщиком) (*рис. 30*). Для сорока семей нужно было порядка сорока таких малых караванов, т. е. 280–320 верблюдов. И здесь перемещение, где было возможно, шло широким фронтом, т. к. вместе с верблюдами шли отары овец. Охрану осуществляли конные мужчины-воины. Важно, что перекочевка на такие расстояния не была чем-то экстраординарным: нередко летовку от зимних пастбищ отделяли сотни километров.

В реальности проникновение саларов в Предтибетье очевидно довольно часто шло по образцу, который сохранил нам небольшой рассказ, записанный Э. Р. Тенишевым 5 июля 1957 г. у жителя селения Комба, салара по имени Пекер:

8 Сербедар («висельники», «отчаянные») — участники народного движения суфийско-шиитского толка в государстве Ильханов и Чагатайском улусе (XIV в). В. В. Бартольд, «Народное движение в Самарканде в 1365 г.», *Сочинения* II/2 (Москва, 1964); Л. В. Строева, «Сербедары Самарканда», *Ученые записки ЛГУХС VIII* (Ленинград, 1949); И. П. Петрушевский, «Движение

сербедаров в Хорасане», *Ученые записки института востоковедения АН ССР XIV* (Москва — Ленинград, 1956).
9 Ф. Поярков, В. Ладугин, «Салары. Этнографический очерк», *Этнографическое обозрение* I (1893), с. 10, см. выше, с. ?
10 Путь от берегов Волги в Китайский Туркестан занял семь с половиной месяцев. См: Е. В. Дорджиева, *Исход калмыков в Китай в 1771 г.* (Элиста, 2002); С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, *Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени* (Санкт-Петербург, 2009), сс. 308–309.

Various versions of the oral traditions (*salar-nigi lishi*) insist on the same date of the migration of the forty Salar families from Samarqand and their appearance in a new location. It is known as the year 1370. These years have to do with the establishment of the power of Timur and his first campaigns. It is known that in 1365 there was a rebellion of the *Serbedars*⁸ in Samarqand, which was triggered by the arrival of the army of nomads from Chinese Turkestan, who crushed Huseyn and Timur, the emirs of Samarqand, and besieged the city. In 1366 Timur suppressed the insurrection. The next four years in Ma wara' al-nahr were stamped with rivalry between former allies. In fact it is known that Turkmen tribes from Marw took part in those events. On the 10th of April of 1370, after Huseyn was murdered, Timur had all of commanders of Ma wara' al-nahr swear an oath of allegiance and he became a sovereign ruler. Already in 1371 he begins his campaigns to Chinese Turkestan. Five of the campaigns he heads himself (three of those went through the Chui Valley where, according to F. Poyarkov, the legend that interests us was circulating⁹). Several campaigns (1383, 1389, 1400) were headed by his sons and emirs. In 1377/8 Timur conquered Kashghar. If we were to take 1370 as the date of the migration of the first group of Salars to the Tibetan foothills, then it becomes clear that they were either fleeing from the country enflamed with internecine or they were accompanying Timur in his campaigns. In any case these routes were well known to Salars, who were famous as skilful *karawanbashi*. Let us also remind ourselves that the rapid rise of relations and cultural interference between China and the Muslim orient persisted particularly to the times of Timur.

The Salars are far from being the first or the last people that used the natural corridors of the

8 *Serbedars* ("gallow's birds", "desperado") — the participants of people's movement of the Sufi-Shiite trend in the state of Ilkhanate in the Chaghatay Ulus (14th century). V. V. Barthold, "People's movement in Samarqand in 1365", *Works* II/2 (Moscow, 1964); L. V. Stroeve, "The Serbedars of Samarqand", *The Scientific Notes of the Leningrad State*

31

Ураншия Каржера.

Great Silk Road for their mass migration. The Kalmyks — already "in the full-blown light of the history" — followed these same routes in the second half of the 18th century to go to Russia, and then some of them came back to Chinese Turkestan using the same routes. Today we may quite accurately visualize the organization of those wanderings. Enormous masses of Kalmyks (30,000 *kibitkas* (nomad tents) went to the borders of China in 1771) were moving along the Steppe in wide formation. They did it in this manner so that those who pass in front did not destroy all the green fodder. Halts were made every 25–30 km. Armed "militia" was moving in the vanguard as well as on the flanks; it was repulsing attacks and making raids¹⁰. If it had to do with small groups of people, though (as we well remember the first group of Salar migrants, ac-

University XCVIII (Leningrad, 1949); I. P. Petrushevskiy, "The Serbedar movement in Khorasan", *The Scientific Notes of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences XIV* (Moscow — Leningrad, 1956).
9 F. Poyarkov, V. Ladygin, "Salars. An ethnographic essay", *Ethnographic Review* I (1893), p. 10, see above, p. ?

ording to the tradition, consisted only of forty families), then they moved in standard formations. There went several small caravans — a line of seven-eight camels (each had its own bell and a driver) (*fig. 30*). Forty families needed about forty such caravans, i. e. about 280–320 camels. And in this case, too, they moved in wide formation where it was possible, since there were flocks of sheep along with camels. On guard were mounted men-warriors. It is important to note that such a long migration was not out of the ordinary: not infrequently the summer pastures were located hundreds of kilometres away from the winter ones.

In actuality quite often the Salars spread into the Tibetan foothills according to the model, which is preserved in a short story recorded by E. R. Tenishev on the 5th of July of 1957.

10 The road from the shores of Volga to Chinese Turkestan took seven years and a half. See E. V. Dordjjeva, *Kalmyk Exit to China in 1771* (Elista, 2002); S. G. Klyashtornyi, T. I. Sultanov, *Countries and Peoples of the Eurasian Steppes. From Antiquity to the New Times* (St. Petersburg, 2009), pp. 308—309.

32

«В селении Комба прежде был тибетский монастырь. Поэтому и назвали его Комба.

[В Комбе] основание нашему саларско-му [населению] положила одна [саларская] семья, которая стригла головы тибетцам и резала баранов. Эти люди пришли [сюда] из Полера. Вот эта семья, разрастаясь, стала селением.

Вслед за этими предками появился ахун»¹¹.

Салары переселились на территорию (рис. 31), где преобладало инорелигиозное, прежде всего буддийское окружение. Ислам стал для них важнейшим элементом национальной идентичности. В этой связи показательно использование распространенной парадигмы переноса на новое место жительства важнейшего достояния — рукописи Корана, несомненно, служившей некогда общинным списком и хранившейся в мечети (стандартный список этого типа представлен на экспозиции, рис. 34–35).

11 Э. Р. Тенишев, *Саларские тексты* (Москва, 1964), с. 68.

12 *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка*, отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо (Москва, 2006), сс. 344–348. В тексте исторического предания «История переселения саларов» для обозначения земли использовано слово *tōrax*, для больших и малых весов — *t'empinur* и *t'inyuzi'*. См.: Э. Р. Тенишев, *Саларские тексты*, с. 119.

В самой легенде с легкостью можно обнаружить множество древних символических значений. «Млечный путь» у туркмен носит название *ақ майанын йолы* — «Путь белой верблюдицы», во многих тюркских языках созвездия Весы и Орион обозначаются терминами, восходящими к описанию бытового предмета — весов (рис. 32–33) (**тараз*), например, казахское *мусулман таразы* («Мусульманские весы») для созвездия Орион¹². Слово для обозначения земли родного пастбища, праха, пыли (*топрақ* у Махмуда Кашгарского) связано с *топрат* («вытаптывать», «выбивать»)¹³. Архаичный характер имеет зафиксированное во многих тюркских языках сложение *йер суб* (*сув*), со значением «земля — вода, земля и условия, где можно вести земледельческое и скотоводческое хозяйство» — «местность», «страна»¹⁴. Если вспомнить, что у древних орхоно-енисейских тюрков было три божества: Тенгри — бог неба, Умай — богиня плодородия и Йер-су — оли-

13 Там же, с. 373.

14 Там же, сс. 376–377.

15 Согласно одному из преданий перед битвой при Анкаре Байазид Молниеносный, смотря на знамя

цветворение культа воды и земли, то можно даже утверждать, что легенда содержит в себе «в снятом виде» важнейшие уровни древнетюркской религиозно-мифической системы. Полагают, например, что изображение трех колец на знаменах Тимура символизировало небо, землю и воду¹⁵.

Разыгрываемое во время саларской свадебной церемонии театрализованное представление (салар.: *төве ойны*, букв., «верблюдья игра»), рассказывающее о Карамане, белой верблюдице и об обретении в Гейцзы пристанища, вновь и вновь возвращает участников в мифологическое время, напоминает о традиционном образе жизни и о символическом значении обычных бытовых предметов (рис. 36–37).

По представлениям Степи верблюд — символ мира и добрых намерений. Свежие следы одних лошадей внушали закономерные опасения¹⁶. Белая верблюдица (верблюд) — особое богатство. В первых веках нашей эры

Тимура, произнес: «Какая наглость думать, что тебе принадлежит весь мир!». В ответ, Тимур, показывая на турецкое знамя, произнес: «Еще большая наглость думать, что тебе принадлежит луна».

16 С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, *ук. соч.*, с. 308.

He wrote it down from the words of a Salar inhabitant of the village of Komba; his name was Peker. Here is the story:

“The village of Komba formerly had a Tibetan monastery. That was the reason why they called it Komba, too.

[In Komba] the foundation of our Salar [population] was laid by one [Salar] family, which was famous for cutting the hair of Tibetans and slaughtering the rams. These people came [here] from Poler. That family was growing and growing, and it became a village.

After these ancestors there came an akhund”¹¹.

The Salars have migrated onto the territory (fig. 31), where the religions of other kinds were predominant, mostly of the Buddhist tradition. Islam has therefore become the most important element of their national identity. Thereupon, a wide-spread paradigm of the transportation of the most important possession — the Qur’an manuscript — to the new location was very revealing. No doubt, it once served as a community copy and was kept in a mosque (a standard copy of this type is represented at the display, figs. 34–35).

One may easily find a great number of ancient symbolic meanings in the legend itself. For Turkmens “The Milky Way” goes by the name *aq majanyň joly* — “The Way of the White She-Camel”; in many Turkic languages the constellations of Libra and Orion are denoted with the terms going back to the description of the everyday object — scales (figs. 32–33) (**taraza*). For instance Kazakh *musulman tarazi* (“Muslim Scales”) denoted the constellation of Orion¹². The word that denotes the soil of the homeland pasture — also ashes and dust — (Mahmud of Kashgharia uses *topraq* for it) has to do

11 E. R. Tenishev, *Salar Texts* (Moscow, 1964), p. 68.

12 *Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Fore-Turkic Language, Foundation. The Picture of the World or Fore-Turkic Ethnos on Given Languages*, ed. by E. R. Tenishev, A. V. Dybo (Moscow, 2006), pp. 344–348. In the historical legend entitled “The history of Salar migration” the word *tōrax* is used for designation of earth and *t'empinur* and *t'inyuzi'* for big and small scales. See E. R. Tenishev, *The Salar Texts*, p. 119.

13 *Ibid.*, p. 373.

14 *Ibid.*, pp. 376–377.

15 During the battle of Ankara, according to one of the legends, Bayazid (the Thunderbolt), the thunderbolt

with *toprat* (“to trample something down” or “to beat something out of something”)¹³. The archaic nature has a fixed combination *jer sub* (*сув*) in many Turkic languages, and it means “the land — water, land and conditions, where agricultural and stock-raising business may be run” — “location”, “country”¹⁴. If we were to remember that ancient Orhon-Yenisei Turks had three deities: Tengri — the sun god, Umai — the fertility goddess, and Yer Su — the personification of the water and land cult, then it is plausible to state that the legend contains the most important phases of the ancient Turkic religious-mythic system. It is believed, for instance, that the depiction of the three rings on the banners of Timur symbolized sky, earth and water¹⁵.

The dramatized performance (*töve oyni* in Salar language, which literally means “the camel game”) played during Salar weddings, which speaks of Qaraman, of the white she-camel and of acquiring a refuge in Geizi, again and again returns the participants to the mythological times, reminds them of the traditional way of life and of symbolical meaning of the usual everyday objects (figs. 36–37).

According to the beliefs of the Steppe, camel is a symbol of peace and good intentions. Fresh hoofprints of horses only aroused appropriate dangers¹⁶. The white (she-)camel is of special wealth. In the first centuries of AD the camel cult was widely witnessed in the south-eastern oases of Chinese Turkestan¹⁷. It is testified that this image is connected to the souls of the ancestors among the Turkic peoples¹⁸. A Kazakh folk fairy-tale titled “Qarajay” may also be remembered. The plot of this fairy-tale speaks of the father who was ready to give his own son to the witch-*mistan* to return the white she-camel¹⁹.

having looked at the banner of Timur said: “How presumptuous is it to think that the whole world belongs to you!” In response Timur, pointing to the Turkish banner, said: “And even presumptuous to think that the moon belongs to you!”

16 S. G. Klyashtorny, T. I. Sultanov, *op. cit.*, p. 308.

17 V. I. Vorobyeva-Desyatovskaya, “The Indians. Khotanese Saka”, *Eastern Turkestan in Ancient and Early Medieval Times. Ethnos, Languages and Religion* (Moscow, 1992), p. 110.

18 L. A. Chvyr, *Rituals and Beliefs of Uyghurs in 19th and 20th Centuries* (Moscow, 2006), p. 199.

33

34

35

36

37

культ верблюда засвидетельствован в юго-восточных оазисах Китайского Туркестана¹⁷. У тюркских народов засвидетельствована связь этого образа с душами предков¹⁸. Здесь можно вспомнить и казахскую народную сказку «Каражай», в которой отец, чтобы вернуть белую верблюдицу от ведьмы-*мыстан*, был готов обменять на нее своего сына¹⁹.

Отзвук древней легенды можно легко увидеть и в повести казахского писателя Сатимжана Санбаева «Белая аруана», посвященной судьбе белой верблюдицы непоколебимо идущей по степи в родную землю: «Судьба особенно не жаловала старого Мырзагали, а он не любил людей. Но свою белую верблюдицу, аруану, он берег, и души в ней не чаял. А когда заболел и слег в больницу, аруане подрезали жилки глаз, чтобы она приняла местного самца и больше не смотрела в сторону белых гор. Родив, она окончательно ослепла. А когда верблюжонок окреп, она побежала с ним навстречу ветру. Мырзагали не стал удерживать животных...»

Повесть была опубликована на русском языке в 1968 г. и с тех пор переведена более чем на тридцать иностранных языков. Вскоре Виктор Пусурманов, ныне профессор, заслуженный режиссер театра и кино, снял по повести фильм «Там, где горы белые», но по идеологическим причинам в прокат фильм выпущен не был. По словам режиссера «мотивы, по которым запретили картину, сегодня выглядят смешными. Фильм был снят в 1973 году. Тогда немцы эмигрировали в Германию, евреи уезжали в Израиль... Пос-

мотрев картину, третий секретарь по идеологии Имашев, сделал вывод, что картину в широкий прокат выпускать нельзя. Приезжали из Союза кинематографистов, “Мосфильма”... Кинодеятели все пытались понять, почему закрыли фильм? Кунаев [первый секретарь ЦК КПСС Казахстана — *E. P.*] задавал этот же вопрос Имашеву. В ответ услышал только: “Пожалуйста, я могу разрешить. Но дело в том, что когда немцы и евреи придут с претензией, что их не выпускают на историческую родину (а в фильме верблюдицу, которая постоянно рвется на волю, наконец-то отпускают), мы окажемся в неудобном положении. Фильм вызовет определенные ассоциации. А я отвечаю за идеологию”. Кунаев был бессилен что-либо сделать. Кстати, Саттар Имашев после просмотра фильма спрашивал у режиссера: “Куда у вас бежит верблюдица?”. Пусурманов поняв, что нет смысла что-либо доказывать, ответил: “В Китай она бежит”. Но секретарь по идеологии юмора не понял. Москва с огромным интересом отнеслась к картине, когда проверяющие смотрели, они говорили, что это фестивальнй фильм, что это настоящее национальное кино... Через 15 лет комиссия при Госкино СССР, во главе с Андреем Плаховым сделала заключение: выпустить фильм в прокат. После чего съемочной группе выплатили все постановочные деньги... О чем вообще картина? О зове родины, о любви к ней, которой не мешает даже слепота. О человеке, который даже собаки никогда не держал во дворе, а тут привязался к верблюду, о его одиночестве. О связи человека и природы»²⁰.

хуа для хранения списка Корана. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 7—9. Демонстрация саларского Корана. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотографы Т. М. Федорова, Д. С. Шнеерсон.

Рис. 10—13. Саларский Коран (отдельные лис-

Отдельный пласт — это общеисламские параллели. Можно вспомнить верблюдицу пророка Мухаммада, на которой он, уйдя от замысливших его убийство мекканцев, совершил *хиджру*, обозначившую начало мусульманской эры. По преданию верблюдица остановилась, встала на колени, положила шею на землю перед дверью некоего дома и отказалась подняться (в другом варианте — все равно возвращалась на это место). Именно там Мухаммад выбрал место для своего жилища, там им была построена мечеть, там он и был похоронен. Согласно другому преданию белая верблюдица продолжала нести тело убитого двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада, четвертого праведного халифа ‘Али пока не пала от истощения. На этом месте он и был похоронен (Неджеф, Мазари-Шериф). В одном из преданий, бытовавших в Китайском Туркестане, тело ‘Али на белой верблюдице привез на священную гору Мустаг-ата сам пророк Муса (Моисей)²¹. И сегодня на юге Аравии можно услышать предания этого типа, связанные с множеством святых мест.

Пастухи пустыни, что мы знаем!

Мы, как сказки детства, вспоминаем

Минареты наших отчих стран.

Разверни же, Вечный, над пустыней

На вечерней тверди темно-синей

*Книгу звезд небесных — наш Коран!*²²

(Рис. 38—39).

ты и переплет). Фотоотпечатки, 7,5 × 5,5 см. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, coll. №№ ВХ ЭФЭК–94/18, 19, 35, 80.

Рис. 14. Ворота мавзолея Пуру-шейха. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

родов мира II (Москва, 1988), с. 186. См. также: С. Гедин, *В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан I* (Санкт-Петербург, 1899), сс. 155—157. О представлениях о священном верблюде в древней и раннесредневековой Аравии см.: А. Массэ, *Ислам* (Москва, 1963), с. 43).

²² И. А. Бунин, *Толетт Солнце, рылают улетел Пиделет*

²³ И. А. Бунин, *Толетт Солнце, рылают улетел Пиделет*

²⁴ И. А. Бунин, *Толетт Солнце, рылают улетел Пиделет*

The echoes of the ancient legend may easily be heard in the novella of Kazakh writer Satimjan Sanbaev titled “The White Dromedary”, which speaks of the white she-camel that steadfastly walks along the steppe to its own homeland: “Life was not very easy on old Mirzaghali, and he did not quite love people. But when it came to his white she-camel, dromedary, he took care of her and cherished her more than anything in the world. When he fell ill and was hospitalized, dromedary’s eye tendons were cut so that she would accept a local he-camel and not look towards the White Mountains. Having given birth, she lost her sight completely. And when the camel colt grew stronger, they both ran towards wind. Mirzaghali did not try to keep the animals...”

The novella was published in Russian in 1968, and since then it was translated into more than thirty foreign languages. Shortly after Victor Pusurmanov, now a professor, honoured theatre and film director, shoot a motion picture titled “Where the Mountains Are White”. But due to the ideological reasons the film was never released. In words of the director, “the reasons, due to which the film was banned, would look ridiculous today. The film was shot in 1973. Back then the Germans were immigrating to Germany, the Jews were leaving for Israel... Having watched the film, Imashev, the third secretary for ideology, made the decision that the film could not be released into the masses. The “Mosfilm” came, the Cinematographer Union people came... Cinematographers were attempting to understand what caused the film to be banned?

Figs. 1—3, 6. The white she-camel in the Takla-Makan Desert, on the main square of Xunhua and near the sacred spring. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 4—5. General view and external design elements of the edifice built in Xunhua specifically for the

¹⁹ http://www.ertegi.ru/index.php?id=1&idnametext=74&idpg=1

²⁰ Zh. Kanafina, “Where the Mountains Are White...” Why the Kazakh Film was Banned? (the History Pages); specially for *Gazeta.kz* (7.10.2005).

²¹ According to the widely spread legend in Central Asia, the white she-camel was the people who were burying

him saw the sudden appearance of seven camels instead of one with his body, and all seven went in different directions” (P. A. Gryaznevich, V. N. Basilov, “Muslim mythology”, *Myths of the People of World II* (Moscow, 1988), p. 186. See also: S. Gedin, *In the Heart of Asia. Pamir, Tibet, Eastern Turkestan I* (St. Petersburg, 1899), pp. 155—157. For “sacred camel” notions in the ancient and medieval Arabia

Kunaev [the first secretary of the Central Committee of the CPSU of Kazakhstan — *E. R.*] asked the same question of Imashev. The only response he heard was “No problem, I can let it pass. But the thing is that when the Germans and the Jews come with their complaints that they are not allowed to go to their historical motherland (and in the movie the she-camel that constantly attempts to break free is finally released) we will be in a very embarrassing situation. The film will cause certain associations in people’s mind. And I am responsible for the ideology”. Kunaev was helpless in accomplishing anything. By the way, on finishing watching the film Sattar Imashev asked the director: “Where does your she-camel run to?” Pusurmanov understood that there was no point in proving anything and said: “She runs to China”. But the ideology secretary did not understand the joke implied. Moscow related to the picture with great interest; when the inspectors watched the film they said that it was a festival type of movie, that it was a real national film... Fifteen years later a commission under the State Film of the USSR headed by Andrey Plahov made the following conclusion: to distribute the film. And after that the camera crew was paid in full for the production... So what is the film about? It is about the motherland’s call, about love for it, which is not hindered even by blindness. It is about a man, who never had a dog in his yard, and now he was so attached to a camel. It is about his loneliness. And it is about the connection between man and nature”²⁰.

Parallels common to all of Islam are a layer in itself. We may remember the she-camel of the

purpose of keeping the copy of the Qur’an. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 7—9. The demonstration of the Salar Qur’an. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova, D. S. Shneerson.

Figs. 10—13. The Salar Qur’an (separate pages and

binding). Photographs, 7.5 × 5.5 cm. 1957. E. R. Tenshev. The MAE RAS, coll. Nos. ВХ ЭФЭК–94/18, 19, 35, 80.

Fig. 14. The gates of the Puru-shaykh Mausoleum. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Prophet Muhammad, riding which he performed *Hijra*, fleeing from the Meccans who plotted to kill him. And it designated the beginning of the Muslim era. The tradition runs that the she-camel stopped, fell to her knees, placed her head down on the ground in front of the door of some house and refused to get up (another version says that she kept coming back to the same spot). And that was exactly the place, which Muhammad chose for his house, where he built the mosque and was later buried. Another tradition runs that the white she-camel continued to carry the body of the murdered fourth “righteous caliph” ‘Ali, the cousin and son-in-law of Prophet Muhammad, until she fell of exhaustion. And that’s where he was buried (Najaf, Mazari-Sharif). One of the traditions circulating around Chinese Turkestan says that the Prophet Musa (Moses) himself led the white she-camel with the body of ‘Ali to the sacred mountain of Mustagh Ata²¹. Today the legends of this type are widespread in South Arabia. They are connected with many local sacred places.

The desert shepherds, what we know!

We remember, as we do the fairy-tales

of our childhood,

The minarets of our motherlands.

Unfold, O Everlasting, over the desert

In the evening dark blue skies

The book of the stars of the sky —

*our Qur’an!*²²

(Figs. 38—39).

see: H. Massé, *Islam* (Moscow, 1963), p. 43).

²² I. A. Bunin, *The Sun is Drowning, Drowning as a Burning Coal* (1915).

17 В. И. Воробьева-Десятовская, «Индийцы. Хотаносаки», *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии* (Москва, 1992), с. 110.

18 Л. А. Чвырь, *Обряды и верования уйгуров в XIX—XX вв.* (Москва, 2006), с. 199.

19 http://www.ertegi.ru/index.php?id=1&idnametext=74&idpg=1.

20 http://www.ertegi.ru/index.php?id=1&idnametext=74&idpg=1.

Если на берегу большой реки посадить цветок,
То корень его будет очень глубок.

Из саларской свадебной «величальной»

ЖЕНЩИНА В КЕЙТЕ WOMAN IN KEUTA

If a flower is planted on the bank of a river,
Then its roots will be very deep.

From Salar wedding "song of praise"

Давно подмечено, что именно женщина является не только главной носительницей традиций, но и символом их сохранения в обществе. И сегодня, оказавшись на улице Кашгара (рис. 2) или Сюньхуа (рис. 1–3), именно благодаря женщине можно понять, среди какого народа ты оказался. Мужчины давно и везде носят практически одинаковую одежду. Женщины же бережно хранят традиции, связанные с ношением национальных головных уборов.

Выходя на улицу, саларка надевает изящный головной убор, состоящий из шапочки и капюшонообразной накидки, надеваемой «под подбородок». Еще в 1884 г. эти головные уборы описал русский путешественник Г. Н. Потанин, обративший внимание и на то, что уже тогда мужчины предпочитали одежду китайского покроя: «Одеваются мужчины-салары по-китайски; женщины имеют оригинальный наряд: широкие шаровары на ногах (чаще из синей дабы с красной обложкой по нижнему краю), белую кофту с рукавами, широкий балахон тоже с рукавами, часто надеваемый внакидку и удерживаемый на плечах только одной пуговицей, застегнутой на горле, и островерхий башлык (*кейта*), прикрывающий голову и верхнюю часть спины. Несдавненные ноги обуваются в большие башмаки»¹.

Сказания саларов, записанные учеными, хранят память о страстях, достойных «Ромео и Джульетты» или «Короля Лира». Женская доля простой не бывает нигде, женщина в традиционном головном уборе *кейта* и ее европейская или американская современница способны на самоабвенную любовь и жгучую ненависть.

Головные уборы саларок зафиксированы на фотографиях С. Е. Малова (1911 г.) и Э. Р. Тенишева (1957 г.) *Кейты* продолжают носить и сегодня не столько из обязанности женщины-мусльманки прикрывать волосы на людях, но и как важнейший символ национальной идентичности.

2

¹ Г. Н. Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия* (Санкт-Петербург, 1893), сс. 138—139.

3

It has been noted long ago that it is woman who is not only the main carrier of traditions, but also the symbol of keeping those within society. And if you are on the streets of Kashghar (fig. 2) or Xunhua today (figs. 1–3), it is women that make it clear among which people group you are. For a long time now men everywhere wear almost identical clothes. Women on the other hand carefully keep their traditions linked with wearing national headdresses.

When a Salar woman walks out on the streets she puts on an elegant headdress consisting of small cap and hooded mantle which is worn “under chin”. Back in 1884 these headdresses were described by the Russian scholar G. N. Potanin, whose attention was drawn to the fact that back then men already preferred clothes of Chinese style. “The Salar men dress in the Chinese way. Women on the other hand have their own original dresses — wide trousers (more often made of blue cloth with red glands on the bottom fringe), white sleeved blouse, wide garment with sleeves as well, which is often worn over the shoulders and held with one button only, fastened at the neck, and also ridge-roofed bashlyk (*keyta*), which covers head as well as the upper part of back. And unconstrained feet wear large boots”¹.

The Salar sagas, recorded by scholars, preserve memories of passions worthy of “Romeo and Juliet” or “King Lyre”. Woman’s lot is never easy — whether she’s a woman wearing a traditional headdress *keyta*, or a European (or American) contemporary, she is capable of selfless love and burning hatred.

Keyta headdresses are documented in the photographs of S. E. Malov (1911) and E. R. Tenishev (1957). They are continuously worn even today not so much for the sake of obligation of Muslim women to cover their hair, as much as it is a very important symbol of national identity.

¹ G. N. Potanin, *The Tangut-Tibetan Suburbs of China and Central Mongolia* (St. Petersburg, 1893), pp. 138—139.

**Из записей
и полевого дневника
Э. Р. Тенишева**

«Давным-давно были старик и старуха. У них — семь сыновей и только одна дочь. Девушку зовут Агу Караджи. Отец отправился искать для Агу Караджи жениха. В одном месте он увидел юношу, который пас скот. Будь мне сыном! — сказал [старик]. «Отец, у твоих стен ушей нет?», — спросил [юноша]. Достигли дома. Отец сказал Агу Караджи: «Дочь, привел тебе жениха». Она спросила: «Отец, что он сказал тебе в пути?» (Он повторил вопрос юноши.) Это означает «нет ли дома собаки» — сказала дочь. «Отец, юноша — умный, а ты — глупец. Старшие братья его убьют, пожалуй!» — испугалась Агу Караджи. (Она спрятила юношу неподалеку.) Однажды она сказала служанке: «Служанка, походи помотри Коскур-оглана и скажи ему: «Выбери лучшего из коней и лучшее из ружей и быстро скрывайся! С севера семь старших братьев идут крича, с севера ружья палят, тебя убьют. Скрывайся скорее».

Коскур-оглан сказал: «Посмотрю [еще] разок на твои черные волосы и пойду!» Агу Караджи сказала: «Нечего смотреть. Посмотри на хвост вороного коня и скорее ступай!» Коскур-оглан сказал: «Посмотрю разок на твое круглое лицо и пойду!» «Нечего смотреть на мое круглое лицо. Посмотри на месяц в пятнадцатый вечер».

Коскур-оглан убежал. Все старшие братья погнались за ним и убили его. (Агу Караджи отправилась искать кости жениха. Она нашла их.) По дороге она встретила двух ахунов и сказала: «Ахуны, сделайте два сундука, положим в один из них Коскур-оглана. Тот, кто раньше сделает сундук, станет моим мужем».

У одного работа раньше кончилась. «Посмотрю-ка я», — сказала Агу Караджи и забралась в сундук. «Теперь положим кости Коскур-оглана в сундук!» — сказала Агу Караджи. Она забралась в тот же сундук, чтобы посмотреть, поместились ли кости Коскур-оглана. И не вышла оттуда. Ахуны посмотрели: Агу Караджи вонзила себе в сердце булаву и умерла. Ахуны сказали [друг другу]: «Э-э-э, так умерла эта красивая девица. Никто не смог стать ее мужем. Закроем сундук, оставим его и пойдем!» Сказка там осталась. Конец»².

4 мая 1957 г.

Свадьба состоит из следующих этапов: родители жениха посылают свата к родителям невесты, если последние согласны вести переговоры, то тот же сват приходит вторично с подарками (обычно сережки или пачка чая), в случае, если дары приняты, то это означает согласие родителей невесты выдать свою дочь замуж, тогда высылают семье невесты михир, т. е. вознаграждение, и назначается день свадьбы. Обычно свадьбы устраивают осенью, после уборки урожая, свадебные обряды продолжаются несколько дней. В первый день освящается брак, этот обряд называется никаохума. Угощают гостей, мясо играет роль ритуальной пищи. Передняя часть барана отдается отцу, задняя — дяде. Если допущается ошибка в распределении мяса, то свадьба может расстроиться. На второй день невесту провожают в дом жениха — йенкине озат. В сопровождении друзей жениха невеста выходит из родительского дома, плачет, прощаясь с родными и домом, но через какое-то время, отъехав от дома, она перестает плакать. В доме жениха она дарит всем новым родным по паре туфель, а свекру и свекрови — еще по одной подушке. На третий день (тохолоба) невеста становится женой своего жениха, а на четвертый (койанба) новобрачные посещают дом невесты.

В прошлом девушки вступали в брак 13–15 лет. Теперь брачный возраст установлен для девушек — 16–18, а для юношей 19–20 лет. Раньше могли брать несколько жен, до одиннадцати! Теперь встречаются семьи с двумя-тремя женами³.

4

² Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921—2004 (Москва, 1995), с. 19.

³ Э. Р. Тенишев, У тюркских народов Китая (Москва, 1995), с. 151.

“Long ago there were an old man and his elderly wife. They had seven sons and only one daughter. The girl’s name was Aghu Qaraji. The father set out on a search for a bridegroom for Aghu Qaraji. He saw a young man tending cattle. ‘Be my son!’ — said the old man. ‘Father, do your walls have ears?’ — asked the young man. They reached their house. The father told Aghu Qaraji, ‘Daughter, here’s a bridegroom for you’. She asked him, ‘Father, did he ask you anything on the way?’ (The father repeated the young man’s question). ‘He was asking whether there was a dog at home’, said the daughter. ‘Father, the young man is smart, and you are not. My older brothers will probably kill him!’ — feared Aghu Qaraji. (So she hid the young man nearby). One day she told her maidservant, ‘Maidservant, go look for Koskur-oĭĭlan and tell him, «Choose the best horse and the best rifle and hurry into hiding! Seven brothers of mine are coming from the north, shouting and shooting with rifles. They will kill you. Hurry into hiding»’.

Koskur-oĭĭlan said, ‘I’ll take just one look at your coal-black hair and will go!’ Aghu Qaraji said, ‘No time to look at it. Rather take a look at the tail of a black horse, and hurry into hiding!’ Koskur-oĭĭlan said, ‘I’ll take one more look at your round face and will go!’ ‘Forget about looking at my round face. Rather look at the moon in the fifteenth night’.

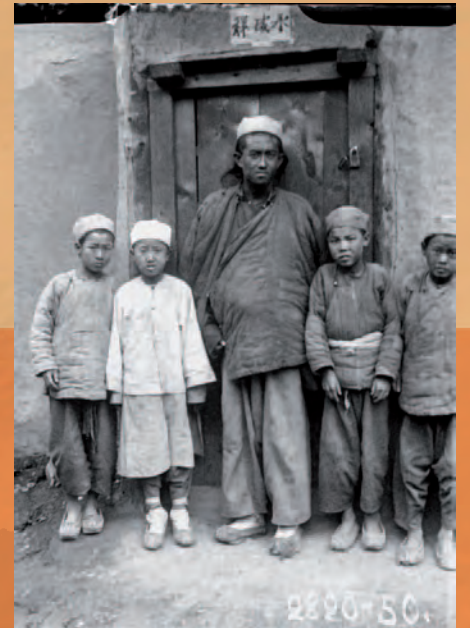
So Koskur-oĭĭlan ran. All seven brothers chased after him, caught up with him and killed him. (Aghu Qaraji set out on a search for his bones. And she found those). She met two akhunds on her way and told them, ‘Akhunds, make two chests and we will put the bones of Koskur-oĭĭlan into one of them. Whoever makes the chest first, he will be my husband’.

One of them completed his task. ‘Let me see’, said Aghu Qaraji and climbed into the chest. ‘Let us now place the Koskur-oĭĭlan’s bones into the chest!’ — said she. Then she climbed in there again in order to see whether his bones fit inside. And she never got out of it. The akhunds looked inside — Aghu Qaraji pierced her heart with a pin and died. They said to each other, ‘Well, this beautiful girl died. There was nobody who could become her husband. Let’s close the chest and go!’ The story remained there. The end”².

May 4, 1957

Marriage here consists of the stages described below. First, groom’s parents send a matchmaker to bride’s parents. If the latter agree on negotiations, then the same matchmaker comes again, now with gifts (usually earrings or tea package). In case the gifts are accepted — which signifies that bride’s parents consent to give their daughter in marriage — her parents are sent mihir, i. e. recompense. And the day of the wedding is set. Usually weddings take place in autumn after the harvest. Wedding ceremonies play on for a few days. One’s marriage is consecrated on the first day. This rite is called nika-ohuma. The guests are entertained to a meal. Meat plays a role of ritual food. Mutton’s front part is given to the father, the back part — to the uncle. If a mistake is made at distributing the meats, the wedding may fall through. On the second day the bride is sent to the groom’s house — yenkine ozat. Accompanied by the groom’s friends she leaves her parents’ home crying and bidding farewell to her relatives and home. But some time later, having departed from her home, she ceases crying. She gives a pair of shoes to each of her new relatives. The father- and mother-in-law are each given a pillow also. The bride becomes a wife to her groom on the third day (tokholoba). And the wedding ceremony ends with newly weds visiting the bride’s house on the fourth day (koyanba).

In the past girls were married at the age of 13–15. Now the age for marriage has been fixed at 16–18 for girls and at 19–20 for young men. In the past one could have several wives, up to eleven at a time! Now you may come across families with two or three wives³.

5

**From the records
and field journal
of E. R. Tenishev**

² Edham Rahimovich Tenishev. Life and Creative Work (Moscow, 1995), p. 19.

³ E. R. Tenishev, Visiting Turkic Peoples of China (Moscow, 1995), p. 151.

13 июня 1957 г.

Перевел сказочку, записанную утром, она о нелегкой участи женщины, горечь ее немного смягчается общей поэтичностью повествования. Вот она.

Горькая доля

«Жили старик и старуха, у них был сын. Сыну они взяли жену. Свекровь сказала ей: “Раскатай тесто круглое как луна, нарежь тонко как волос. Пожарь овощи, которые не видели солнца и ветра!” Жена сына раскатала тесто, тонко нарезала его и заплакала: “Где я достану овощи, которые не видели солнца и ветра?” В это время пришла женщина попросить огня и спросила ее: “Почему плачешь?”. “Где я достану овощи, которые не видели солнца и ветра?” — ответила жена юноши. Женщина сказала: “Спустись в погреб и принеси ростки редьки. Пожарь, свари и подай!”

Жена юноши пожарила овощи, сварила лапшу и понесла чашку своему свекру. Тот левой рукой взял чашку, а правой ударил ее по щеке. Невестка отнесла чашку свекрови. Та левой рукой взяла чашку, а правой ударила ее по щеке. Вот она понесла чашку своему мужу, он левой рукой взял ее, а правой вытер ей слезы.

Жена убежала в свою семью. С мольбой сказала она отцу: “Отец, дорогой, не пожалей рыжего жеребенка, свою несчастную дочь возьми обратно!” Отец ответил: “О моя несчастная дочь, рыжего жеребенка не стоит жалеть, но твой отец не возьмет тебя, проси мать”. Дочь попросила мать: “Мама, дорогая, не пожалей головного убора [! — E. P.], свою несчастную дочь возьми обратно!” Мать ответила: “О моя несчастная дочь! Головной убор не стоит жалеть. Но отец не взял тебя, как же мать возьмет? Попроси своего старшего брата”. Девушка попросила своего старшего брата: “Братец, дорогой, не пожалей суконных сапог, возьми свою несчастную сестру обратно!” Брат ответил: “Отец и мать не взяли тебя, как же старший брат возьмет? Попроси свою невестку!” Девушка попросила невестку: “Невестка, дорогая, головной убор не пожалей, возьми свою несчастную сестру обратно!” Невестка ответила: “О моя несчастная сестра, отец, мать, старший брат не взяли тебя, как же я возьму? Попроси бабушку”. Девушка попросила бабушку: “Бабушка, дорогая, головной убор не пожалей, свою несчастную внучку возьми обратно!” Бабушка ответила: “Никто не берет тебя, коли не берут, умри!” и она дала ей нож в один вершок и веревку в размах рук.

Девушка взяла все и пошла в сад. Повесила веревку на грушевое дерево. Грушевое дерево не позволило ей на себе повеситься. “Повесь веревку на абрикосовое дерево”, — сказала оно. Девушка повесила веревку на абрикосовое дерево. Абрикосовое дерево тоже не позволило повеситься на нем: “Повесь веревку на дерево черного перца”, — сказала оно. Повесилась девушка на нижних ветвях дерева черного перца и умерла, под ним ее и похоронили. На этом месте вырос красный цветок с черными тычинками, вырос также синий цветок. Бабушка пришла в сад и сказала цветам: “Красный цветок, красный цветок! Почему ты вырос в саду? Расти в горах! Синий цветок, синий цветок! Почему ты вырос в саду? Иди в степи!” Синий цветок поселился в степи, а красный в горах. Конец»⁴.

6

4 Там же, сс. 166—168.

June 13, 1957

I've translated this one fairy-tale. It is about an uneasy lot of a woman. Its sorrow is softened a little by generally poetic narrative. Here it is.

A Bitter Lot

“There once were an old man and his elderly wife. They had a son. They found a wife for their son. Once mother-in-law told her, ‘Roll out some dough, make it round as a moon and cut it as thin as a hair. Fry vegetables that have seen neither son nor wind!’ The son’s wife rolled out dough, cut it thinly and then cried, ‘Where will I find vegetables that have seen neither sun nor wind?’ At that time a woman came by and asked for some fire. She asked her, ‘Why are you crying?’ ‘Where on earth will I find vegetables that have seen neither sun nor wind?’ — answered the young man’s wife. The woman told her, ‘Go down to the cellar and bring some radish sprouts. Fry it, boil it and serve it!’

The young man’s wife fried vegetables, boiled some noodles and brought the bowl to her father-in-law. He took the bowl with his left hand and gave her a slap in the face with his right hand. So the daughter-in-law took the bowl to her mother-in-law. She too took the bowl with her left hand and gave the girl a slap in the face with her right hand. And she took the bowl to her husband. He took it with his left hand and with his right hand he wiped her tears.

The wife ran back to her family. Pleading she came to her father, ‘Father, spare not a sorrel colt, take your poor daughter back!’ Her father replied, ‘O my poor daughter, I will not spare a sorrel colt, but your father can’t take you back. Ask your mother’. So she came to her mother, ‘Dear mother, spare not a headdress [! — E. R.], take your unfortunate daughter back!’ Her mother replied, ‘O my poor daughter! I will not spare a headdress. But if your father didn’t take you back, how can your mother do so? Ask your older brother’. The girl came to her older brother, ‘Dear brother, spare not a pair of cloth boots, and take your unfortunate sister back!’ Her brother replied, ‘Neither father nor mother took you, how will your older brother do it? Ask your sister-in-law!’ The girl asked her sister-in-law, ‘My dear sister, spare not a headdress, take you unfortunate sister back!’ Her sister-in-law replied, ‘O my poor sister, your father, your mother and your older brother did not take you, how will I? Ask your grandmother’. So the girl came to her grandmother, ‘Dear grandmother, spare not a headdress, and take your unfortunate granddaughter back!’ The grandmother replied, ‘Nobody takes you back, and since nobody does so, then go ahead and die!’ And she gave her a knife one verшок in size and a rope one arm-spread in length.

The girl took what she was given and went into the garden. She threw her rope over a pear-tree’s branch. And the pear-tree did not allow her to hang herself on it. ‘Rather throw your rope over an apricot-tree’s branch’, it suggested. The girl threw her rope over the apricot-tree’s branch. It too did not allow her to hang herself on it. The apricot-tree told her, ‘Rather throw your rope over the branches of black pepper’. And so she did. The girl hanged herself on the lower branches of black pepper tree. She died and was buried underneath that tree. A red flower with black stamens grew at her grave, and so did a blue flower. The grandmother came into the garden and said to the flowers, ‘Red flower, red flower! Why have you grown in the garden? Grow in the mountains! Blue flower, blue flower! Why have you grown in the garden? Grow in steppe!’ So the blue flower made its home in steppe and the red one in mountains. The end⁴”.

4 Ibid., pp. 166—168.

7

14 июня 1957 г.

Когда вернулись домой, наблюдал за работой хозяйки нашего дома Калин-то и ее дочери Сейне-пу. Обе они мастерицы-вышивальщицы. Они делают и украшают узором женские шляпы, детские шапочки, чулки для женщин и т. д. Дочь — просто художница. Поплевав на горстку пудры в левой ладони, при помощи иглы она наносит тонкий затейливый узор на низ чулка или пятку, а мать вышивает цветными нитками⁵.

30 июня 1957 г.

Хаким разыскал 95-летнего старика, уроженца Эйше Ахвара, Рамазана По. Я записал у него впервые «орух сёс», т.е. «речь родственников» в день свадьбы, когда невесту провожают в дом жениха. В этой речи сохранились черты старого быта и языка салар.

Вот извлечения из этой «величальной»:

<...> Если на берегу большой реки посадить цветок,
То корень его будет очень глубок.
Если не стать родственниками, то будут две разные семьи!
Если же стать родственниками, то будет одна семья!

...Если мы придем к такой мысли,
То, коли моя девица — золото,
Взвесим его вес!
У моей девицы высокие ветви,
И она глубоко пускает корни!
Пусть она раскроется, как жареные зерна белого ячменя!
Кипит, как масло! Вскипает, как молоко!
Произрастает, как росток редьки!
Прилипает, как глина! Пропитывает все собою, как вода!
Проводим же ее с Божьим благословением⁶!

17 июня 1957 г.

Утром продолжал запись у Хакима, записал три томбаха, еще он рассказал о многоженстве в прошлом, когда количество жен достигало десяти и более. Старшая жена называлась — уллылых, вторая — кичиглых, остальные назывались своими именами⁷.

5 Там же, с. 170.

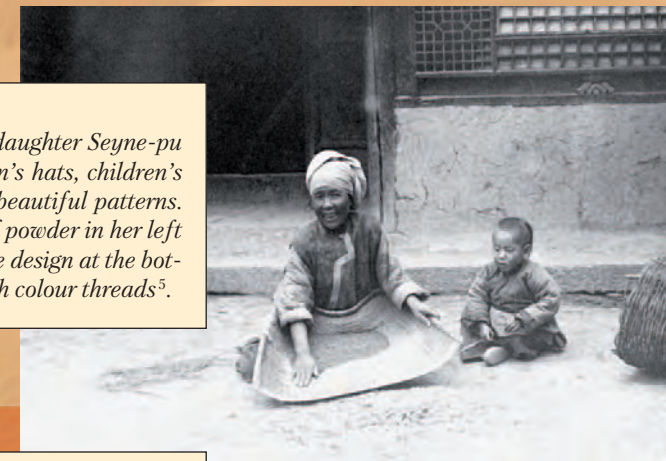
6 Там же, сс. 180, 181

7 Там же, с. 171.

9

June 14, 1957

When we got home I was observing our hostess Kalin-to and her daughter Seyne-pu at work. Both of them are so good at embroidery. They make women's hats, children's hats, women's stocking and other things, and they adorn them with beautiful patterns. The daughter is purely an artist at that. A few spits onto a handful of powder in her left palm and then with the help of a needle she makes a delicate elaborate design at the bottom of a stocking or on its heel. And then her mother embroiders it with colour threads⁵.

June 30, 1957

Hakim searched out an old man of 95 years old, Ramazan Po. He is a native of Ayshe Akhwar. And for the first time I recorded "orukh sös", meaning "the speech of the relatives" on the wedding day, when the bride is sent to the groom's house. This speech contains the features of the old way of life of the Salars as well as their language.

Here's an extract from this "song of praise":

<...> If a flower is planted on the bank of a river,
Then its roots will be very deep.
If we do not become relatives, then there will be two different families!
If we do indeed become relatives, then there is one family!

...If we come to this idea,
Then, if my maid is gold,
Let's weigh it!
My maid has high branches
And she takes deep roots!
Let her open up as fried grains of white barley!
[She is] seething as oil! [She is] boiling as milk!
[She] springs up like a sprout of radish!
[She] sticks like clay! [She] soaks everything with herself, like water!
Let us send her off with God's blessing⁶!

June 17, 1957

In the morning I continued taking notes of what Hakim was sharing. I wrote down three tombakhs. He also told me about polygamy in the past, when the number of wives could be ten or even more. The oldest wife was called ullylykh, second wife — kichighlykh, and their personal names were used for the rest⁷.

5 Ibid., p. 170.

6 Ibid., pp. 180, 181.

7 Ibid., p. 171.

Одежда, в которой отчетливо выражена региональная или национальная функция, одновременно считается и самой красивой (эстетическая функция), самой удобной (практическая функция) и т. д. Кроме того, преобладающая функция, будучи сильной, вынуждает переносить и некоторые неудобства в одежде, а иногда даже и недуги, причиной которых она является.

П. Г. Богатырев⁸

«Одежда саларских женщин во всем походит на одежду дунганок (ср. *рис. 13ab*), только вследствие бедности саларки одеваются просто; шелковые материи, или другие какие-либо более ценные ткани, им совершенно недоступны вследствие дороговизны. Головных украшений совсем нет, и более зажиточную женщину можно узнать только по башмакам, носок у которых делается острый с загибом внутрь и вышитый шелками (*рис. 10–12*). Как женщины, так и девицы саларские, по примеру китайянок и дунганок, белятся и румянятся усердно. Румяна и белила они получают от своих соседей китайцев за весьма невысокую цену. Наиболее распространенные у саларов цвета одежд следующие: старики и старухи по преимуществу носят белый цвет (*рис. 15*)⁹, взрослые обоего пола — черный и синий (*рис. 13, 16–19*), молодые же — красный, зеленый и синий», — писали в 1893 г. Ф. Поярков и В. Ладыгин¹⁰.

8 П. Г. Богатырев, «Функции национального костюма в Моравской Словакии», *Вопросы теории народного искусства* (Москва, 1971), с. 300.
9 У каракалпачек белый головной убор (*ак-кимешек*) — это уже признак старости, его начинали носить в возрасте 60, 65, 70 лет. См.: Н. П. Лобачева, «К истории среднеазиатского костюма: каракалпакский кимешек», *Итоги полевых исследований*, отв. ред. З. П. Соколова (Москва, 2000), с. 60. Сегодня и пожилые женщины продолжают носить черную *кейту*, см. *рис. 41*.
10 Ф. Поярков, В. Ладыгин, «Салары. Этнографический очерк», *Этнографическое обозрение* I (Москва, 1893), с. 12.
11 Ср. киргиз. *kete* — «головной убор», «красивая одежда молодых женщин», личное имя Ketelik в киргизском героическом эпосе «Манас», см.: *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.*

Случилось так, что российские ученые побывали в близких друг к другу районах проживания саларов с интервалом приблизительно в пятьдесят лет (Потанин — 1884 г. и Малов — 1911 г.; Тенишев — 1957 г.; экспедиция МАЭ РАН — 2008 г.). Экспедиционные материалы донесли до нас облик саларок на протяжении 124 лет. Г. Н. Потанин описывает «островерхий башлык (*кейтма*)¹¹, прикрывающий голову и верхнюю часть спины». Фотографии С. Е. Малова и привезенные им экспонаты представляют головной убор женщин саларок в виде платка, повязанного тюрбаном (*рис. 20–21*). Фотографии Е. Р. Тенишева представляют головной убор-башлык скорее дунганского типа (*рис. 23–24*), спереди почти доходящий до груди. Материалы экспедиции 2008 г. показывают традиционный головной убор (*кейтма*) саларской женщины в виде головной ажурной башлыкообразной накладки черного цвета и шапочки, надеваемой под нее (*рис. 27–28*). При этом за пятьдесят лет конструкция *кейтмы* изменилась: часть, закрывающая шею спереди, сократилась приблизительно до десяти сантиметров в длину и для модниц возникла возможность освободить подбородок совсем (*рис. 29–33*). В таком виде *кейтма* стала отчетливо напоминать тибетский башлык (*рис. 34–35*).

По мнению Е. Г. Царевой головные уборы описанного типа «не являются уникальными для Центральной Азии. Сходная конструкция, при значительных отличиях в деталях, вплоть до недавнего времени использовалась

Пратюркский язык основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка, отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо (Москва, 2006), с. 746.
12 Е. Tsareva, "Central Asia", *Folk Art of the Soviet Union* (San Diego, 1989), p. 116; M. Babanazarova, "Folk treasures of the State Museum of the Republic of Karakalpakstan", *A World of Carpets and Textiles* (Washington, 2003), p. 222.
13 Г. А. Пугаченкова, *Шедевры Средней Азии* (Ташкент, 1986), с. 139.
14 Письмо автору, 06.02.2010.
15 Н. П. Лобачева, «К истории среднеазиатского костюма», с. 65. См. также: она же, «Народная одежда как источник по этногенезу (К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана)», *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана* (Москва, 1991), с. 84; С. А. Плетнева, *Половецкие каменные изваяния* (Москва, 1974), с. 39, рис. 14.

в традиционных головных уборах замужних женщин скотоводческого населения региона: киргизов, казахов, арабов. Особенно близкими к саларским шапочкам, с нашей точки зрения, являются каракалпакские *кимишеки*. В целом сходство женского костюма этих этносов гораздо шире: это касается кроя платья, но в еще большей степени — комплекта серебряных украшений туркменок и каракалпачек. Полный набор: пластины для закрывания спины, груди, мощные многочастные браслеты и височные кольца, другие интересные компоненты комплекта, — явно напоминают воинские доспехи и вызывают в памяти образы тюркского героического эпоса «Сорок девушек» и греческих историй об амазонках¹².

Если рассматривать в этом плане саларские шапочки, то ближайшим по форме и способу ношения головным убором — элементом воинского доспеха — будет шлем с полностью закрывающей шею кольчужной сеткой типа бармицы. Изображения таких шлемов мы находим, в частности, на центральноазиатской миниатюре (например, «Бегство хорезмшаха Джалал-ад-дина от Чингиз-хана¹³ 1640–е гг.»)¹⁴.

Н. П. Лобачева видит истоки традиции, связанной с головными уборами этого типа, в кипчакском наследии¹⁵. При этом необходимо отметить, что при внешнем сходстве крой *кейтмы* существенно отличается от кроя каракалпакского *кимишека*¹⁶. «Из литературы известно — *кимешек* редкий вид одежды в виде своеобразного капюшона с отверстием для

16 Близкий к этому крой зафиксирован в Северном и Центральном Казахстане: «у аргынов, отчасти и у найманов и киреев преобладал *кимешек* схожего с каракалпакским покроя: он сшивался из отдельно скроенных передней и наспинной частей. Передняя часть с наголовником имела вид трапеции или сложного многоугольника, наспинная же — в форме ромба; стороны одного из его острых углов сшивались с боковыми сторонами передней части; другой противоположный угол ромба образовывал заднюю лопасть *кимешека*. У аргынов она заканчивалась закруглением или обрезалась прямо (чаще бывал с тупым концом). У найманов *кимешек* был небольшим и без макушки» (Н. П. Лобачева, «К истории среднеазиатского костюма», с. 63. См. также: И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, *Казахская национальная одежда* (Алма-Ата, 1964), с. 119).

The clothing, in which regional and national functions are expressed distinctly, is considered to be the most beautiful (an aesthetic function) and the most comfortable (a practical function), etc. at the same time. Besides, being a strong prevalent function it forces to endure certain inconveniences in clothing and sometimes even ailments that it causes.

Pyotr Bogatyrev⁸

“The clothing of Salar women in most of its elements looks like the clothing of Dungan women (comp. *figs. 13ab*), but due to their poverty Salar women dress simpler; silk fabrics or other more valuable fabrics are totally inaccessible to them on account of high prices. Head adornments are totally missing. A more well-to-do woman may be recognized by her shoes whose toes are made with a sharp bend inward and are embroidered with silk (*figs. 10–12*). Salar women as well as maidens, following the example of Chinese and Dungan women, whiten and rouge in earnest. They acquire rouge and whitening from their Chinese neighbours for quite a small price. The most prevalent colours among Salars are the following: old people predominantly wear clothes of white colour (*fig. 15*)⁹, adults of both sexes — black and blue (*figs. 13, 16–19*), and youth prefers red, green and blue”, wrote F. Poyarkov and V. Ladygin in 1893¹⁰.

It so happened that Russian scholars visited the regions inhabited by Salars and located

8 P. G. Bogatyrev, "Functions of national attire in Moravian Slovakia", *The Questions of Theory of National Art* (Moscow, 1971), p. 300.
9 A white hair-dress of Karakalpak women (*aq-kimeshek*) is a sign of aging; it would first be worn at the age of 60, 65, 70. See: N. P. Lobacheva, "For the history of the Central Asian attire: Karakalpak *kimeshek*", *The Totals of Field Researches*, ed. by Z. P. Sokolova (Moscow, 2000), p. 60. Nowadays elderly women continue wearing black *keyta*, see. *fig. 41*.
10 F. Poyarkov, V. Ladygin, "Salars. An ethnographic essay", *Ethnographic Review* I (Moscow, 1893), p. 12.
11 Comp. Kirghiz *kete* — "hair-dress", "beautiful dress of young women", private name Ketelik in Kirghiz heroic epos "Manas". See: *Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Fore-Turkic Language, Foundation. The Picture of the World or Fore-Turkic Ethnos on Given Languages*,

close to one another at about fifty year intervals (Potanin in 1884, Malov in 1911, Tenishev in 1957 and the MAE RAS expedition in 2008). The expedition materials displayed the image of Salar women for the last 124 years. G. N. Potanin describes it as “ridge-roofed bashlyk (*keyta*)¹¹, covering head and upper back”. Photographs of S. E. Malov and the articles he brought present a hair-dress of Salar women as a kerchief tied with a turban (*figs. 20–21*). Photographs of E. R. Tenishev present a hair-dress — a rather Dungan-looking bashlyk (*figs. 23–24*), which comes almost down to chest. The materials of the expedition of 2008 display a traditional hair-dress (*keyta*) of Salar women in the form of a head openwork bashlyk-looking cloak of black colour and a hat that is worn underneath (*figs. 27–28*). And at the same time the structure of *keyta* has changed for the last fifty years: the part that covers neck from the front has been reduced to about ten centimetres in length, and fashionable women have now got a possibility to have their chins freed completely (*figs. 29–33*). In this form *keyta* distinctly reminds a Tibetan bashlyk (*figs. 34–35*).

According to Elena Tsareva, the hair-dress of the aforementioned type “is not unique for Central Asia. A similar structure with considerable differences in details right up to recent times was used in traditional hair-dresses of married women of the cattle-breeding population of the region: the Kirghiz, the Kazakhs and the Arabs. According to our opinion the Karakalpak *kimisheks* are particularly close to Salar hats. In

ed. by E. R. Tenishev, A. V. Dybo (Moscow, 2006), p. 746.
12 E. Tsareva, "Central Asia", *Folk Art of the Soviet Union* (San Diego, 1989), p. 116; M. Babanazarova, "Folk treasures of the State Museum of the Republic of Karakalpakstan", *A World of Carpets and Textiles* (Washington, 2003), p. 222.
13 G. A. Pugachenkova, *The Masterpieces of Central Asia* (Tashkent, 1986), p. 139.
14 The letter of 06.02.10 addressed to the author.
15 N. P. Lobacheva, "For the history of the Central Asian attire", p. 65. See also her work titled "National clothing as a source of ethnogeny. (To the question of ethnogenetic connections of the peoples of Central Asia and Kazakhstan)", *Problems of Ethnogeny and Ethnic History of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan* (Moscow, 1991), p. 84; S. A. Pletneva, *Polovetsian Stone Statues* (Moscow, 1974), p. 39, fig. 14.

general, though, the similarity of women’s attire of these ethnic groups is much wider: it has to do with the dress cut, but even more so with the set of adornments of Turkmen and Karakalpak women. The complete set would include a plate for covering one’s back and chest, multi-part bracelets and temple rings; other interesting components of the set clearly bear resemblance to military armour and bring to mind the images of Turkic heroic epos (of “Forty Girls”) as well as Greek stories of Amazons¹².

If Salar hats were examined from this point of view, then the closest hair-dress in its form and in its way of wearing would actually be the element of military armour — a helmet with a chain-mail net a-la camail completely covering one’s neck. Depictions of this type of helmet we find particularly on the Central Asian miniatures (for instance “The Fleeing of Khwarazm-shah Jalal al-Din from Genghis Khan¹³ the 1640s”)¹⁴.

N. P. Lobacheva sees the sources of the tradition linked with the hair-dress of this type in Kipchak heritage¹⁵. At the same time it is necessary to note that in spite of the external similarities the cut of *keyta* significantly differs from the cut of Karakalpak *kimeshek*¹⁶. “It is known from literature that *kimeshek* is a rare clothing type in the form of a peculiar hood with an opening for one’s face. It consists of two pieces: a back part — a large square piece of silk or semi-silk (usually padshai with an abr pattern, or in rare cases — red velvet) fabric with one corner named *kuyryksha* (tail) set on one’s head. Trimmings are set on the edges: a stripe of red and black cloth

16 A similar cut was found in the Northern and Central Kazakhstan: “Argyns, and partially Naymans and Keraits had *kimeshek* of the cut similar to that of Karakalpak: it was sewn together from the front and back pieces cut individually. The front piece with the head had the form of trapezium and complex polygon, the back piece on the other hand was diamond-shaped; the sides of one of its acute angles were sewn together with the sides of the front piece; and the opposite angle of the diamond formed the back blade of *kimeshek*. Among Argyns it ended with a curve or was cut straight off (more often it had a blunt end). Among Naymans *kimeshek* was small and did not have a top” (N. P. Lobacheva, “For the history of the Central Asian attire”, p. 63. See also: I. V. Zakharova, R. D. Hodjaeva, *National Kazakh Clothing* (Alma-Ata, 1964), p. 119).

10

11

12

15

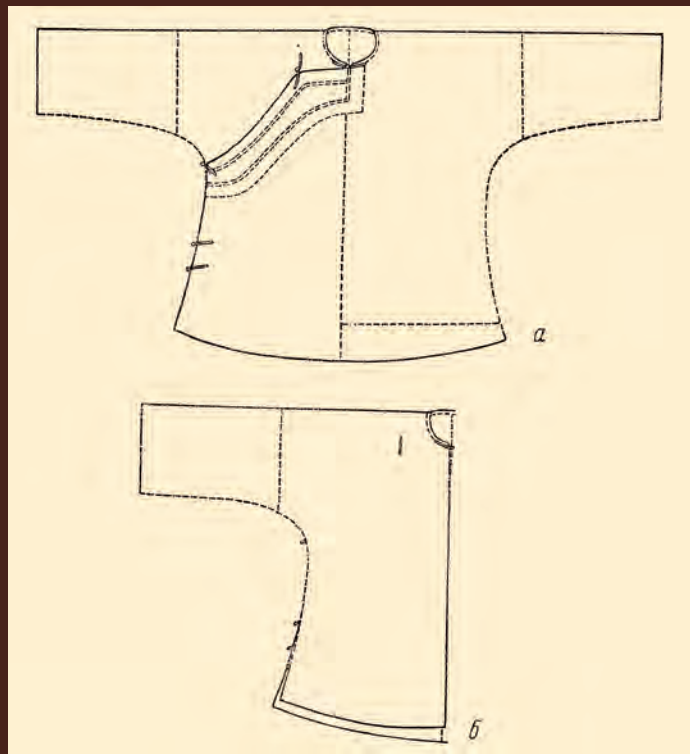
19

13a

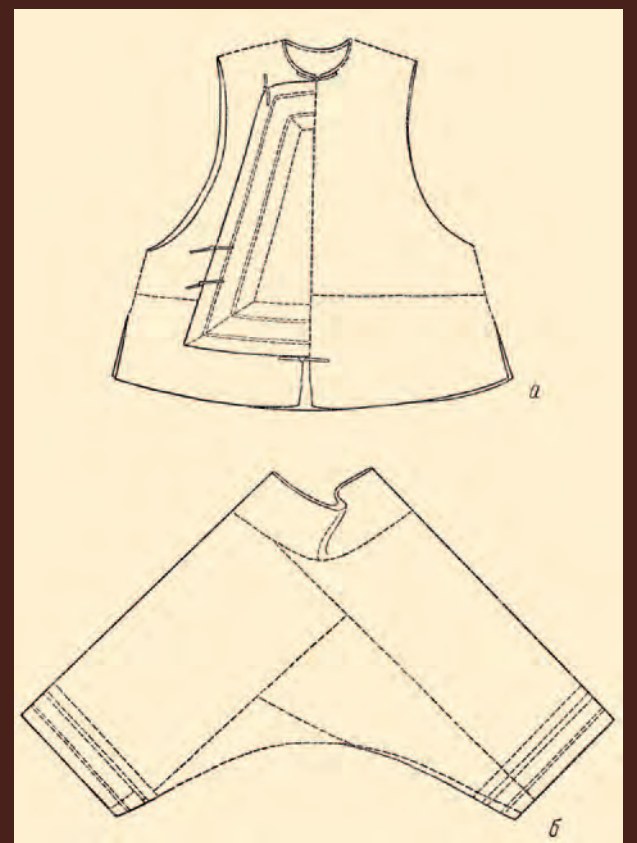
13b

14

16

17

18

20

21

22

23

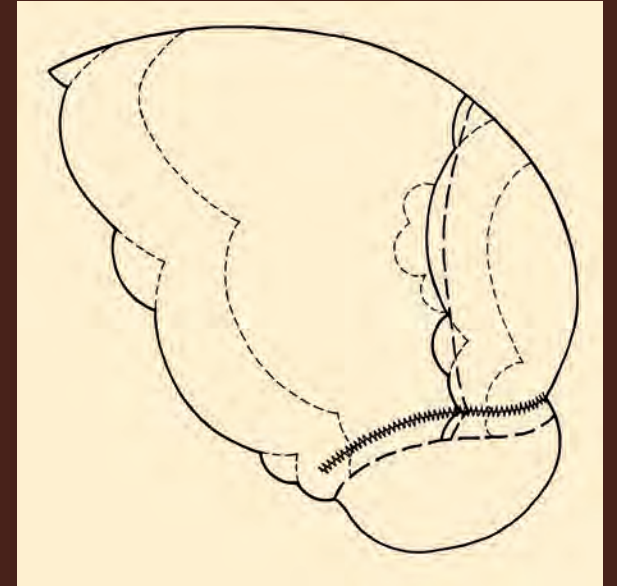
25

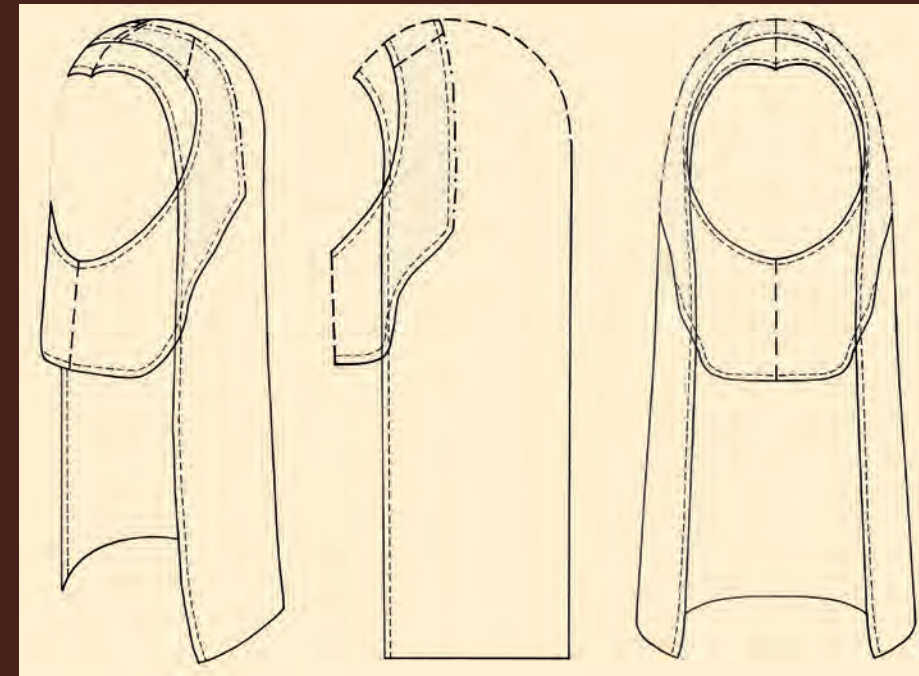
24

26

28b

28a

27

31

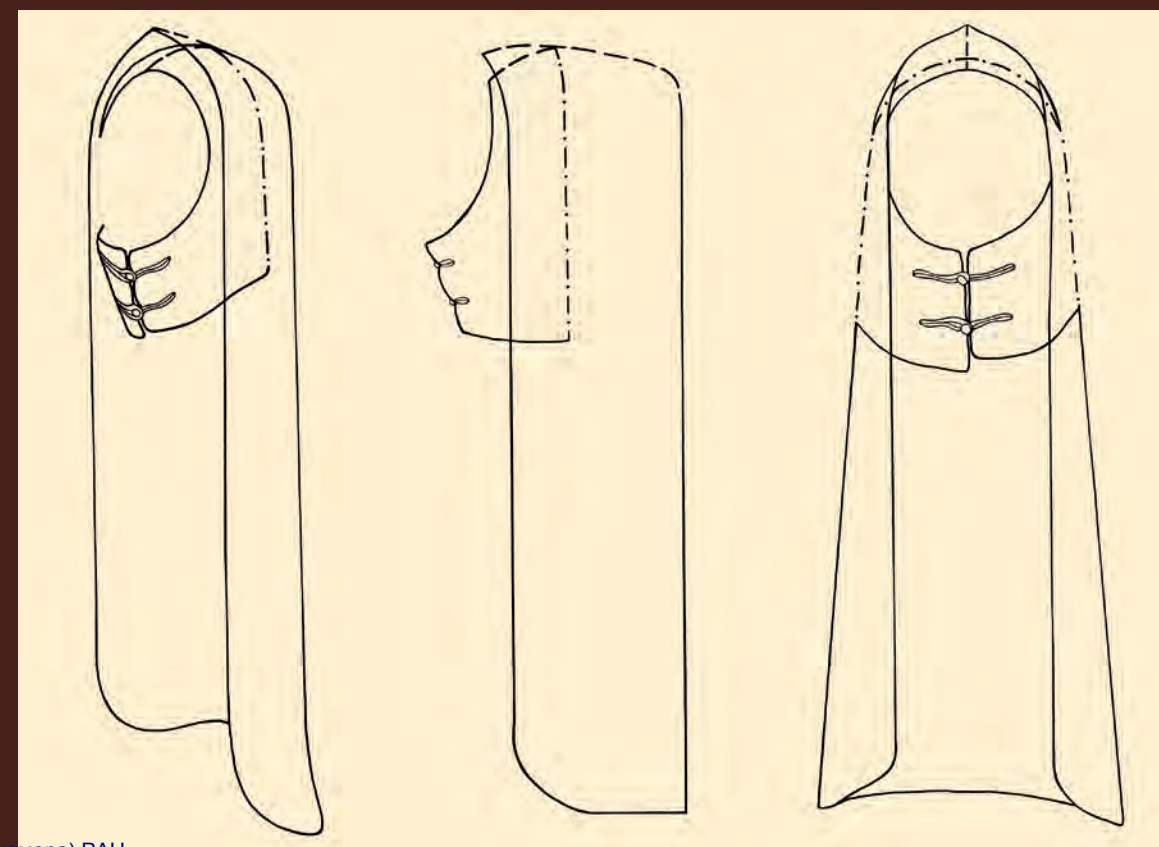
32

33

34

35

лица. Он состоит из двух частей: наспинная часть — большой квадратный кусок шелковой или полшелковой (обычно падшаи с абровым рисунком или красный бархат — редко) ткани, положенный одним углом на голову, под названием *куйрыкша* (хвост). По краям расположена отделка: полоса из красного и черного сукна, расшитая тамбурным швом цветным шелком геометрическим орнаментом. Заканчивается эта полоса по двум нижним краям бахромой из бордового и зеленого крученого шелка. Лицевая часть *кимешека* (*алды*) представляет собой усеченный треугольник, доходящий до уровня груди, с вырезом для лица из красного сукна (*кызыл шуга*), которое, как говорят наши информаторы, покупали у купцов, в городе, так как магазинов раньше не было. Эта часть *кимешека* тоже богато украшалась вышивкой. В нагрудной части посередине треугольника в горизонтальном направлении проложена полоса из черного сукна с ответвлениями вдоль его боковых сторон, сплошь покрытая вышивкой с геометрическим орнаментом техникой тамбурного шва. Вышивка пролегла по всем краям *алды* и вокруг лицевого выреза. Красное поле часто покрывалось отдельными орнаментальными мотивами. Чтобы завершить описание составных частей *кимешека*, надо отметить, что над головой к концам нагрудной части пришивалась полоска ткани — небольшой наголовник¹⁷.

Хорошо известно, что одежда как знаковая система, выполняет этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции, а становление традиционного типа одежды есть отражение степени консолидации этноса. История костюма является отражением изменений в культурной традиции народа, передаваемой в материально-изобразительной форме¹⁸. Значение хранящихся в МАЭ РАН

коллекций одежды малых народов Китая было прекрасно показано А. М. Решетовым, впервые опубликовавшим предметы женской одежды саларов, собранные в провинции Ганьсу С. Е. Маловым, и полученные МАЭ РАН в дар от Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии в 1911 г¹⁹.

Одежда — это не только и не столько символ самовыделения. Считается, что костюм как информационно-знаковая система, как часть сущностного для каждого народа единства, образуемого языком, мифом и обрядом, транслирует миру важную информацию о владельце и, тем самым, является важным элементом социальной коммуникации. П. Г. Богатырев, выделил в народном костюме практическую утилитарную, эстетическую, социальную, половую и моральную функции²⁰. В нашем случае этот список можно легко расширить. Как и любой головной убор, *кейта* предоставляет своей обладательнице защиту от зноя, пыли и т. п.²¹. В основе своей *кейта* — деталь головного убора замужней женщины. Она маркирует половозрастной статус носительницы. Это — головной убор мусульманки, как таковой он несет сакральную функцию, подчеркивает ее приверженность религиозной традиции и может при этом сигнализировать о степени такой приверженности (см. *рис. 29–33*). Известно, что головной убор в целом и его наспинная лопасть, которая прикрывала косы, имела смысл оберега — в Степи широко бытовало древнее представление о том, что легче всего навредить женщине можно через ее волосы. Наряду с преданием о переселении саларов *кейта* — маркирует связь с древним кочевым и воинственным прошлым своего народа. Наконец, на наш взгляд, ныне бытующий тип этого головного убора связан с одним из вариантов тибетского башлыка, и, тем са-

мым, маркирует нынешнее место расселения народа. Здесь вновь, как и в случае с деритуализированной повседневностью *чайсу*мой и сакральным *ок-чо*ем Ферганской долины, важно отметить возможный характер взаимодействия ислама с буддизмом. На наш взгляд такое взаимодействие могло идти через парадигму: из *чужого / профанного* [буддистский мир] — в *свое / сакральное* [исламский мир].

Среди предметов саларской одежды *кейта*, несомненно, имеет сегодня наивысший семиотический статус. Только она сохранила неизменность своих ключевых элементов на протяжении длительного времени (другие элементы саларского костюма уже давно фактически заимствуются из окружающих культур). На протяжении веков *кейта*, как часть культурного пространства народа, отражала изменения в его существовании. Несомый *кейтой* код фиксирует сущностные характеристики культуры саларов и их истории, а сама она на протяжении многих веков представляла и представляет свой народ окружающему миру.

Наконец, где женщина, там и ребенок (*рис. 9, 39–40*). Несомненно, к дунганской традиции (ползунки и штанишки, *рис. 37–38*) восходят и детские комбинезоны (*рис. 38*), для детей до четырех лет — с большим разрезом в паховой области: ребенок приседает на корточки и комбинезон раздвигается по разрезу, что избавляет матерей от лишней стирки. Сегодня их можно встретить по всему Китайскому Туркестану, в том числе и у саларов (*рис. 36*).

Сегодня, как и прежде, фотографические и вещевые коллекции музея, открытые для исследователей всего мира, сохраняют меняющийся мир саларов (*рис. 4–9, 43–50*).

19 А. М. Решетов, «Одежда малых народов Китая», *Одежда народов зарубежной Азии. Сборник МАЭ XXXII* (Ленинград, 1977), сс. 254—256.

20 Подробнее см.: П. Г. Богатырев, *ук. соч.*

21 При этом для работы в поле саларки надевали широкополые шляпы, см. *рис. 42*.

embroidered with a chain stitch of coloured silk in geometric ornament. This stripe ends with fringes of vinous and green twisted silk along two bottom edges. The front side of *kimeshek* (*aldi*) constitutes a truncated triangle coming down to the chest level with a cut for one's face. And it is made of red cloth (*qizil shugha*), which, as our informers say, was purchased from the city merchants, since there used to be no shops of any kind yet. That part of *kimeshek* was also richly adorned with embroidery. In the chest part of the triangle a stripe of black cloth was set horizontally with offshoots running along the triangle's sides. The stripe was completely covered with embroidery with geometric ornament made in chain stitch technique. The embroidery ran along all ends of *aldi* and around the face opening. The red field would often be covered with individual ornamental patterns. And in order to finish the description of the constituents of *kimeshek* it needs to be noted that a small cloth stripe — a small so-called head — was sewn to the ends of the chest part¹⁷.

It is a well-known fact that clothing as a sign system performs ethno-differentiating and ethno-integrating functions, and the formation of traditional clothing style is the reflection of the level of ethnos consolidation. The attire history is a reflection of the changes in the cultural tradition of the people, passed on in the material-graphic form¹⁸. Significance of the collections of clothing of the peoples of China kept in the MAE RAS was wonderfully displayed by A. M. Reshetov, who was the first one to publish the articles of Salar women's clothing collected in Gansu Province from Salars by S. E. Malov and received by the MAE RAS as a gift from the Russian Committee of Eastern and Central Asia Study in 1911¹⁹.

Clothing is not only a symbol of self-expression. It is believed that a dress as an information-

al-sign system and as a part of the unity's substance — formed by language, myth and rite — inherent to each people group, transmits important information to the world about its owner and, thereby, it is an important element of social communication. P. G. Bogatyrev singled out practical, utilitarian, aesthetic, social, sexual and moral functions²⁰. In our case this list can easily be expanded. Just as any hair-dress, *keyta* gives to its owner the protection against heat, dust, etc²¹. In its essence *keyta* is a detail of a hair-dress of a married woman. It marks a sex / gender status of its carrier. It is a hair-dress of a Muslim woman, and as such it carries a sacral function, underlines her adherence to a particular religious tradition and may also signal of the level of her adherence (see *figs. 29–33*). It is known that the hair-dress as a whole and its back blade, which covered braids, carried also the meaning of an amulet — there was an ancient belief that was widely spread in the Steppe that the easiest way to harm a woman is by means of her hair. Along with the tradition of Salar migration, *keyta* also marks the connection with the ancient nomadic and military past of its people. And finally, we believe that the current type of this hair-dress has to do with one of the versions of Tibetan bashlyk, and therefore it marks the current location of the people's settlement. Here again, as in the case with the deritualized everydayness of *chaysuma* and sacral *ok-choy* of the Ferghana valley, it is important to note the possible nature of interaction of Islam with Buddhism. According to our views such interaction was probably passing through a paradigm: from *foreign / profane* [Buddhist world] — to *theirs / sacra* [Islamic world].

Among the articles of Salar clothing *keyta* undoubtedly holds the highest semiotic status. Only it has preserved the immutability of its key elements for a long time (other elements of Salar

attire in fact have long been borrowed from the neighbouring cultures). For centuries *keyta*, as a part of people's cultural space, mirrored the changes in its existence. The code carried by *keyta* records real characteristics of Salar culture and their history, whereas it for many centuries has represented — and still represents — its people to the world around.

Finally, where a woman is, there is also a child (*figs. 9, 39–40*). Children's overalls (*fig. 38*) for children up to four years old undoubtedly trace to Dungan tradition (children's crawlers and trousers, *figs. 37–38*). They were designed with a large opening in the groin area: a child squats and the overall slides apart along the cut, which saves mothers from extra washing. Today you may come across them all over Chinese Turkestan, including Salars regions (*fig. 36*).

Today, just as before, the photographic and clothing collections of the Museum unearthed for researchers of the whole world preserve the changing world of Salars (*figs. 4–9, 43–50*).

17 Н. П. Лобачева, «К истории среднеазиатского костюма», с. 56. Известно, что с рождением ребенка казашка надевала головной убор, состоявший из двух частей: нижней (*кимешек*), и верхней — в виде платка-тюбана, который наматывался на *кимешек* (И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, *ук. соч.*, с. 115). По-видимому,

традицию, близкую этой зафиксировал С. Е. Малов у саларок провинции Ганьсу.

18 С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, «Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества», *Расы и народы II* (Москва, 1972), с. 19.

17 N. P. Lobacheva, "For the history of the Central Asian attire", p. 56. It is known that when a child was born a Kazakh woman would put on a hair-dress consisting of two pieces: lower one (*kimeshek*) and upper one — in the form of turban-kerchief, which was wound onto *kimeshek* (I. V. Zakharova, R. D. Hodjaeva, *op. cit.*, p. 115). Appar-

ently, a close tradition was fixed by S. E. Malov at the Salar women of Gansu Province.

18 S. A. Arutyunov, N. N. Cheboksarov, "Information transfer as a mechanism of the existence of ethno-social and biological groups of humanity", *Races and Peoples II* (Moscow, 1972), p. 19.

19 A. M. Reshetov, "Clothing of the minor peoples of China", *Clothing of Foreign Asia. The MAE Collection XXXII* (Leningrad, 1977), pp. 254—256.

20 For further details see P. G. Bogatyrev, *op. cit.*

21 For working in the fields, though, Salar women would wear broad-brimmed hats. See *fig. 42*.

36

37

38

39

40

41

42

43

47

46

44

45

49

48

50

Рис. 1, 3. Саларка в традиционном головном уборе. Г. Сяньхуа. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 2. Уйгурка в традиционном головном уборе. Г. Кашгар. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 4. Саларка с детьми. Стекланный негатив, 9,0 × 12,0 см. Снято в селениях около г. Сяньхуа, 1911 г. Фотограф С. Е. Малов. МАЭ РАН, колл. № 2820–47.

Рис. 5. Группа саларских детей. Стекланный негатив, 9,0 × 12,0 см. Снято в селениях около г. Сяньхуа, 1911 г. Фотограф С. Е. Малов. МАЭ РАН, колл. № 2820–50.

Рис. 6. Уличная сценка. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 7. Ан Ли-и и односельчанки и семьи. Фотоотпечаток, 5,5 × 7,5 см. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК–94/1.

Рис. 8. Саларка с детьми. Стекланный негатив, 9,0 × 12,0 см. Снято в селениях около г. Сяньхуа, 1911 г. Фотограф С. Е. Малов. МАЭ РАН, колл. № 2820–48.

Рис. 29. Саларка с ребенком. Стекланный негатив, 9,0 × 12,0 см. Снято в селениях около г. Сяньхуа, 1911 г. Фотограф С. Е. Малов. МАЭ РАН, колл. № 2820–81.

Рис. 10. Туфли женские из хлопчатобумажной материи. Подошва из трех рядов матерчатых прошитых полос. Носки немного загнуты вверх. Все туфли, за исключением небольшой пяточной части, обшиты шелковой вышивкой. Цвета вышивки: изумрудный, блекло-травяной, бледно-розовый, охряно-желтый и вишнево-красный; орнамент стилизованный растительный. Край открытой части башмаков обшит хлопчатобумажной лиловой материей. Хлопок; длина — 22,0 см, ширина пятки — 5,0 см, ширина ступни — 7,0 см. Китайский Туркестан, салары, конец XIX — начало XX в. С. Е. Малов, 1911 г. МАЭ РАН, колл. № 1874–5.

Рис. 11. Туфли детские из хлопчатобумажной материи. По конструкции и оформлению аналогичны № 1874–5. Хлопок; длина — 18,0 см, ширина пятки — 4,0 см, ширина ступни — 6,0 см. Китайский Туркестан, салары, конец XIX — начало XX в. С. Е. Малов, 1911 г. МАЭ РАН, колл. № 1874–4.

Рис. 12. Саларская обувь: *a* — детские матерчатые туфли (№ 1874–4), вид сбоку и спереди; *b* — женские матерчатые туфли (№ 1874–5), вид сбоку и спереди²².

Рис. 13а. Кофта женская из хлопчатобумажной материи синего цвета, на такой же подкладке кирпичного цвета. Покрой кимоно. По краю левой полы нашита полоса черной хлопчатобумажной материи, по которой идет узкая шелковая вышивка с геометрическим орнаментом, а также шелковая желтая вышивка с символическим, стилизованным орнаментом. Хлопок; длина — 42,0 см, ширина по подолу — 70,0 см. Китайский Туркестан, салары, конец XIX — начало XX в. С. Е. Малов, 1911 г. МАЭ РАН, колл. № 1874–1.

Рис. 13б. Халат дунганский женский праздничный (*нор, данор*) туникообразного покроя, без швов на плечах, цельнокроеный. Сбоку внизу разрезы. Рукава широкие и короткие, с большими обшлагами. Воротника нет. Левая пола заходит за правую. Застегивается халат на пять металлических пуговиц в форме шариков. Первая пуговица расположена под горлом, вторая — на правом плече, третья — подмышкой, четвертая и пятая — сбоку, причем пятая — непосредственно над разрезом. Петли накладные, сделаны из черной крученой шелковой нитки. Материал халата — голубой шелк с вытканым рисунком в виде цветов и веточек

Figs. 1, 3. A Salar woman wearing a traditional hair-dress. Xunhua. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 2. An Uyghur woman wearing a traditional hair-dress. Kashghar. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 4. A Salar woman with children. A glass negative, 9,0 × 12,0 cm. Taken in the settlements by the city of Xunhuating, 1911. Photo by S. E. Malov. The MAE RAS, coll. No. 2820–47.

Fig. 5. A group of Salar children. A glass negative, 9,0 × 12,0 cm. Taken in the settlements by the city of Xunhuating, 1911. Photo by S. E. Malov. The MAE RAS, coll. No. 2820–50.

Fig. 6. On the street. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 7. An Li-i and fellow villagers and families. A photograph, 5,5 × 7,5 cm. 1957. E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК–94/1.

Fig. 8. A Salar woman with children. A glass negative, 9,0 × 12,0 cm. Taken in the settlements by the city of Xunhuating, 1911. Photo by S. E. Malov. The MAE RAS, coll. No. 2820–48.

Fig. 9. A Salar woman with her child. A glass negative, 9,0 × 12,0 cm. Taken in the settlements by the

city of Xunhuating, 1911. Photo by S. E. Malov. The MAE RAS, coll. No. 2820–81.

Fig. 10. Women's shoes made of cotton fabric. The sole is made of three rows of fabric stripes sewn together. The toes are bended inward a little. All of the shoes with the exception of its heel part are bordered with silk embroidery. The colours of the embroidery are as follows: emerald-green, pale-grassy, pale-pink, ochre yellow and cherry red; the ornamentation is stylized vegetative. The margin of the open part of the shoes is bordered with cotton violet fabric. Cotton; length — 42.0 cm, hem's width — 70.0 cm; Chinese Turkestan, Salars, the end of the 19th — early 20th centuries. S. E. Malov, 1911. The MAE RAS, coll. No. 1874–1.

Fig. 11. Children's shoes made of cotton cloth. Analogous to No. 1874–5 in its structure and appearance. Cotton; length — 18.0 cm, heel's width — 4.0 cm, foot's width — 6.0 cm. Chinese Turkestan, Salars, the end of the 19th — early 20th centuries. S. E. Malov, 1911. The MAE RAS, coll. 1874–4.

Fig. 12. Salar shoes: *a* — children's shoes made of fabric (No. 1874–4), side and front views; *b* — women's shoes made of fabric (No. 1874–5), side and front views²².

Fig. 13a. A women's jacket made of blue cotton cloth with a ruddy lining. The kimono style. Along the edge of the left flap a stripe of black cotton fabric is sewn on, along which runs narrow silk embroidery with geometric ornament as well as a yellow silk embroidery with stylized symbolic ornament. Cotton; length — 42.0 cm, hem's width — 70.0 cm; Chinese Turkestan, Salars, the end of the 19th — early 20th centuries. S. E. Malov, 1911. The MAE RAS, coll. No. 1874–1.

Fig. 13b. A Dungan women's festive robe (*нор, данор*) of tunic-like cut, with no stitches at shoulders, cut entirely. There are cuts at the bottom to the sides. The sleeves are wide and short with large wristbands. No collar. The left flap goes behind the right one. The robe is fastened with five metallic buttons in the form of a ball. The first button is underneath the neck, the second one — on the right shoulder, the third one — in the armpit, the fourth and the fifth ones — at the side, and the fifth one is right above the cut. The loops are attachable and are made of black doubled silk thread. The fabric the rope is made of is soft-blue silk with a lappet in the form of flowers and branches with leaves. The lining of the rope is made of soft-bluish green denim. The edge of the collar, left flap and side cuts is adorned with silk embroidery. The very edge is sewn round with black

22 Прорисовка из упомянутой выше статьи А. М. Решетова «Одежда малых народов Китая», с. 256.

22 Draughtsmanship from the aforementioned article of A. M. Reshetov "Clothing of the minor peoples of China", p. 256.

Дворец из золота или серебра хуже, чем собственный дом с соломенной крышей.

Китайская пословица

ДОМ И ЧАЙ HOME AND TEA

A palace of silver and gold is worse than your own house with thatched roof.

A Chinese saying

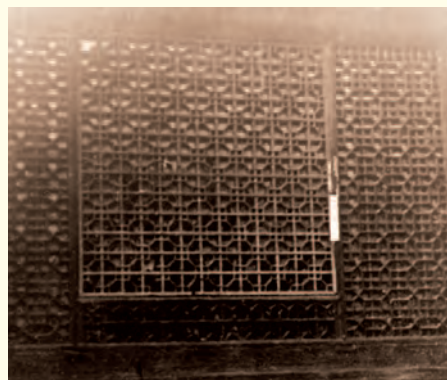

2

Из окна экспедиционного автобуса видно несколько поясов гор. Ближайшие к нам — красно-бурые, дальние — темно-серые (рис. 2). Вдоль улиц — арыки, обсаженные карагачем и ивой (рис. 4, 5). К домам примыкают небольшие дворы, часто с огородами. Здесь в каждом дворе (от монашеской кельи до дорогого ресторана) — «солнечный кипятильник»: ориентируешь оклеенную зеркальцами бетонную полусферу на солнце, ставишь чайник в область фокуса, и через десять минут кипяток готов (рис. 8).

Частая принадлежность саларского традиционного (не так давно — глинобитного) дома с плоской крышей — деревянные окна с затейливой резьбой (рис. 3). Прежде важную часть интерьера составляли сундуки и широкая отапливаемая лежанка — *кан*,

на которой и сидели, и спали, и ели, и пили обязательный чай с маслом — местный суп. Сегодня на месте *кана* — широкая кровать. На стенах китайские пейзажи и благопожелательные надписи соседствуют с традиционными исламскими образами:

3

цитатами, изображениями мекканской Ка'бы во время *хаджжа*, фотографиями Медины или Мечети скалы в Иерусалиме (рис. 6–7). В организации жилого пространства, в оформлении дома и двора легко прочтываются влияния соседей саларов — тибетцев, дунган, но прежде всего китайцев.

Мы вышли из саларского дома, куда были любезно приглашены хозяином. Любопытные мальчишки глазели на съемочное оборудование, куда-то спешили женщины. Небольшой город жил своей жизнью (рис. 9–14). Сопровождавший нас коллега салар улыбнулся и сказал: «Вот так мы и живем». Помолчал немного, а потом добавил китайскую поговорку: «Дворец из золота или серебра хуже, чем собственный дом с соломенной крышей».

From the windows of our expedition bus we can see several mountain belts. The closest to us are red brown, the farthest are dark grey (fig. 2). There are *aryqs* along the streets; elms and willows are planted all around them (figs. 4, 5). Each court — from a monk's cell to an expansive restaurant — has a “sun boiler”. One orients concrete plate pasted with mirrors towards the sun, places kettle and within ten minutes water is boiling (fig. 8).

A quite frequent feature of a Salar house — until recently made of wattle and daub — with a flat roof is intricately carved wooden windows (fig. 3). In the past chests and heated stove-bench known as *kang* where people sat, slept, ate and drank an obligatory tea with but-

ter — a local soup — made up important part of interior design. Today *kang's* place is taken by a wide bed. Chinese landscapes and inscriptions of blessings on the walls are good neighbours with traditional Islamic images — the Qur'anic passages, pictures of Meccan Ka'ba during *hajj*, photographs of Medina or the Dome of the Rock in Jerusalem (figs. 6–7). It's very easy to read the influences of Salars' neighbours — Tibetans, Dungans and primarily Chinese — in the way the living premises are arranged, and in the way houses and courtyards are designed.

We walked out of the Salar house which we were graciously invited to by the host. Curious boys were staring at our cameras and film equipment. Women were rushing somewhere. This

4

small city lived its own life (figs. 9–14). A Salar colleague that accompanied us smiled and said, “This is how we live”. He was silent for a while, and then added a Chinese saying, “A palace of silver and gold is worse than your own house with thatched roof”.

5

**Из полевого дневника
Э. Р. Тенишева**

3 мая 1957 г.

Дом ранее принадлежал военному человеку, который ранее занимал какой-то важный пост при Ма Бу-фане. Вечером пошел прогуляться за ворота. На улице — ни души, улочки узкие, тут же посева. Каждый клочок земли отвоеван у природы. Много огородов, укрепленных с одной или двух сторон камнями. Очень живописны окружающие горы. Вся местность носит своеобразный колорит красоты неповторимой¹.

7 мая 1957 г.

Улицы Уллагыла — целый лабиринт, не сразу найдешь свой дом. Когда выхожу на улицу, за мной идет целая ватага чумазых, одетых в тряпье озорных ребят — настоящие бесенята! Изучают каждую складку моей одежды, каждый мой шаг и каждое движение <...> Близость каменных гор, чистый воздух и тишина способствуют тому, что голос хорошо слышен издалека. На этом и «построен» местный телефон. Очень часто под вечер, на плоскую крышу одного из наших домов поднимается парень и звонким голосом отдает кому-то распоряжение. Вечером, когда село затихает совсем, голос муэдзина слышен совсем рядом, очень четко и ясно, со всеми вибрациями голоса, а мечеть — метрах в двухстах от нас²!

8 мая 1957 г.

Рано утром, когда солнце только поднимается, горы окутаны синеватой дымкой, а на долину падают тени от гор. Воздух напоен такой свежестью, что хочется дышать без конца. К полудню мягкий туман начинает таять, а поля — сверкать изумрудным блеском своей зелени. Вечером, лишь солнце начинает садиться, горы покрываются таинственной тенью и надвигается тишина. Раздается голос вечернего азана, да изредка ведется разговор по «беспроволочному телефону» с крыши на крышу <...>

Вечером меня повели показывать жилища саларов. Сначала мы зашли к вдове Цума Ко. Просторный чистый двор. На дворе — служебные помещения. Меня ввели в отдельную, изолированную от других помещений гостиную. Слева от двери — кан с большим сундуком. На кане ковер не совсем еще старый. Пол деревянный. На другом конце комнаты два сундука, один на другом. Напротив дверей хороший стол с безделушками. Над ним на стене во всю ее высоту иероглиф счастья и долголетия, рядом картина с изображением Медины. По стенам развешены китайские пейзажи и надписи. В общем во всем чувствуется воздействие китайской культуры. Имя хозяйки тибетское, со значением «пусть живет». У нее пять взрослых сыновей и много внуков. Она говорит только на родном языке. Этот дом был самый богатый из всех, что я видел сегодня.

1 Э. Р. Тенишев, У тюркских народов Китая (Москва, 1995), с. 149.

2 Там же, сс. 152, 153.

May 3, 1957

The house belonged to a military man, who used to hold office under Ma Bu-fang. In the evening I walked outside the gate. The streets were empty — not a soul in sight! Side-streets are narrow. Crops are nearby. Every bit of land is taken from nature by force. Many kitchen gardens are strengthened with rocks on one side or on both. The surrounding mountains are very picturesque. The entire district is painted with peculiar colour of the inimitable beauty¹.

May 7, 1957

The streets of Ullygall are a maze in itself; one will not find the way home soon. When I go outside I am followed by a gang of mischievous boys clothed in dirty rags — little devils! They study every wrinkle of my clothing, my every step, my every movement <...> The proximity of rocky mountains, fresh air and silence allow one's voice to be heard from afar. This is how local telephone system is "constructed". Not infrequently a young man climbs to the flat roof of one of our houses at nights and shouts directions to somebody. At night, when the village grows completely quiet, muezzin's voice is heard as though it is very close — loud and clear, with all of the voice's vibrations, even though the mosque is about two hundred meters away from us²!

May 8, 1957

Early in the morning when the sun goes up, the mountains are shrouded in blue haze, and the mountains' shadow falls upon the valley. The air is filled with so much freshness that you want to breathe it in endlessly. By noontime this soft fog begins to melt, and the fields are shining with emerald glitter of their greenery. In the evening when the sun only begins to set, a mysterious shadow falls upon the mountains. And silence draws near. A voice of evening adhan is heard, and every now and then you may hear conversations held via "wireless telephone" from roof to roof <...>

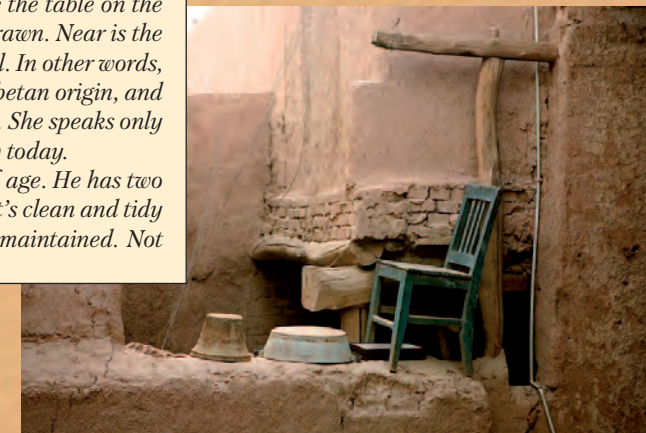
In the evening I was led to see the living quarters of Salars. First we visited one widow, Cuma Kuo. A spacious tidy courtyard. There are secondary premises in the courtyard. I was led into a separate drawing-room, isolated from other premises. There is a kang with a chest on it to the left of the door. The kang is covered with a not-so-old carpet. The floor is made of wood. Two chests — one on top of the other — are at the other end of the room. A nice table with knick-knacks is vis-à-vis the door. Above the table on the wall — at its full length — a hieroglyph of happiness and longevity is drawn. Near is the picture of Medina. Chinese landscapes and inscriptions hang on the wall. In other words, Chinese culture's impact is felt in everything. The hostess' name is of Tibetan origin, and it means "let live". She has five grown-up sons and lots of grandchildren. She speaks only her native tongue. This house was the richest of all the houses that I saw today.

From there I was led to the house of an old man Xian of 80 years of age. He has two courtyards; first is for the cages with animals and second — for people. It's clean and tidy everywhere you look. It should be noted that cleanliness is rigorously maintained. Not

1 E. R. Tenishev, Visiting Turkic Peoples in China (Moscow, 1995), p. 149.

2 Ibid., pp. 152—153.

**From E. R. Tenishev's
field journal**

11

Отсюда меня повели в дом 80-летнего старика Си-ань. У него два двора, первый — с клетушками для животных, второй — для людей. Везде очень чисто. Чистота, надо сказать, здесь строго соблюдается. Чисто не только в жилищах, но и на улице. Гостиная Си-аня немного беднее, чем у Цума Ко. Но и здесь нарядный кан с сундуком, на стенах китайские пейзажи с надписями. Напротив дверей — стол, на котором стоят в рамках изображения Мекки и Медины. Для аромата в небольшом светильнике горели три тоненькие китайские свечи. Нам подали чай.

Третий дом — очень маленький, с бедным каном и безо всяких украшений на стенах. Только стол с небольшим количеством безделушек, пол земляной. Здесь живет с женой молодой парень — счетовод кооператива.

Четвертый дом еще беднее, чем предыдущий. Единственная комната темная, с земляным полом и без стола. Но чистота и здесь: и дома и во дворе. Итак, я видел сегодня четыре дома, расположенные в смысле обеспечения, «сверху вниз» — от богатых до бедных.

В богатых домах китайское влияние чувствуется сильнее. Вероятно, это влияние скорее дунганское, а не собственно китайское. Надо зайти к кому-нибудь из дунган и посмотреть, так ли это³.

10 июня 1957 г.

<...> Вечером пошли в гости — смотреть, как живут салары. Первый дом — недалеко от нас, это дом вдовы Тин Зы [Тин Цзы], ей 60 лет. Сын ее работает в Цайдаме. Характер жилища точно такой же, как в Уллагыле. Гостиная представляет собой небольшую продолговатую комнату с деревянным полом. Напротив дверей хороший стол-кадже, позади него длинный такой же высоты, что и стол, сундук, уставленный безделушками. На стене над сундуком надпись китайскими иероглифами с благопожеланиями, направо и налево от нее картины в китайском стиле. На кане, как и на другом конце комнаты поставлены друг на друга разной величины сундуки.

Двор очень опрятный, в нем маленькая светелка для гостей.

После него мы осмотрели жилище победнее. В каждом дворе я насчитал не менее 8—9 помещений для людей, скотный двор — отдельно. Дом молодого человека Ходжина был самым бедным, тем не менее в нем было восемь разных комнат и комнатусек.

В доме Абу-ту мое внимание привлек небольшой ящик с резными дверцами и двускатной крышей — это хранилище Корана — Коран-чуха⁴.

18 июня 1957 г.

Хахим живет в доме, принадлежащем дунганской семье. Я попросил разрешения посмотреть гостиную дунганского жилища. Расположение всех вещей и сама планировка помещения убеждает в том, что салары в быту многое приняли именно у дунган. В дунганской приемной, прямо против входных дверей, стол с безделушками. Над столом и немного правее развешены различные благопожелания, написанные в стиле венъян [вэньян, древнекитайский литературный язык]. Рядом изображение Мекки. На стенах китайские пейзажи, мифический лев с женской головой. Только каны расположены иначе, чем у саларов. В саларском доме, как до

³ Там же, сс. 153—155.

⁴ Там же, с. 165.

only premises are clean, but streets are clean too. Anyway, the drawing room of Xian is a little poorer than that of Cuma Kuo. But here too we see an elegant kang with a chest and Chinese inscriptions on the walls. Opposite from the door there is a table with framed pictures of Mecca and Medina. For the sake of fragrance three thin Chinese candles were lit in the small lamp. We were treated with tea.

Third house was very small. A poor kang and no decorations on the walls. Earthen floor. There is a table, however, with a small number of knick-knacks. And that was it. A young man — cooperative's accountant — lives here with his wife.

Fourth house was even poorer than the previous one. The only room was dark, earthen floor, no table. But even here I couldn't miss the cleanliness — inside as well as outside.

So then, I viewed four houses today, "from top down" in terms of well-being — from richer to poorer. In the houses of the rich Chinese influence is felt stronger. Perhaps, this is not so much Chinese influence as it is Dungan. I need to drop by a Dungan house and see whether it is so³.

June 10, 1957

<...> In the evening we went on a visit, in order to see how the Salars live. The first house — not too far from us — is the house of Ting Zi, a widow of 60 years old. Her son works in Tsaidam. The nature of her dwelling place is exactly the same as of those in Ullygal. The drawing room represents a small oblong room with wooden floor. There is a good kaje table opposing against the door. And there is a chest of the same height as the table, it's covered with knick-knacks. An inscription of blessings made with Chinese hieroglyphs hangs above the chest. To the left and to the right there are pictures made in Chinese style. Chests of various sizes are placed on the kang as well as on the other end of the room.

Courtyard is quite tidy, with a small attic for guests.

Later we surveyed a poorer dwelling place. I counted not less than 8—9 premises for people in each courtyard, and a farm-yard separately. The house of a young man named Khojin was the poorest. And yet it numbered eight various rooms as well.

A small chest with a carved hatch and two sloping surfaces in the home of Abu-tu really attracted my attention. It is a place where the Qur'an is preserved — Qur'an-chukha⁴.

June 18, 1957

Hakim lives in a house that belongs to a Dungan family. I asked for permission to survey the drawing room of a Dungan dwelling place. The way everything is set and premises are planned convinces me that in their way of life the Salars adopted a lot from the Dungans. Right across from the front door in Dungan waiting room there is a table with knick-knacks. Above it and a little to the right hang various blessings written in wen-yan style. Right next to it is the picture of Mecca. There are Chinese landscapes on the wall. A mythic lion with a woman's head. Only kangas are set differently from the Salars. In a Salar house, as we've seen before, kangas are in the back of the room, either to the left or to the right of the entrance. Here, on the other hand, two kangas are set on both ends of the room in its small wings, hence they do not block up the premises. Above the front door

12

³ Ibid., pp. 153—155.

⁴ Ibid., p. 165.

сих пор приходилось видеть, каны — в конце комнаты, налево или направо от входа. Здесь же два кана находились по обе стороны комнаты в маленьких крыльях и не загромождали помещение. Над входной дверью с внутренней стороны был привешен тетрадный лист бумаги с магическим чертежом, запрещающим вход нечистой силе. Направо висит большое зеркало, налево у стены устроено что-то вроде дивана. Надо посмотреть еще дунганские дома в других местах⁵.

30 июня 1957 г.

Вечером осматривали Эйше Ахвар. На четырех углах стен дворов поставлены небольшие беловатого цвета камни. Этот порядок, как мне объяснили, идет от тибетцев. Улочки Эйше Ахвара очень узкие и кривые. Весь Эйше Ахвар представляет собой живописное нагромождение малюсеньких глиняных домов, иногда с крохотным помещением на втором этаже. Дома перемежаются небольшими клочками полей, огороженных невысокой глиняной стеной и засеянных пшеницей. Все это расположено террасами. Тут же журчит вода в оросительных канальчиках. Берега их часто укреплены ветвистым старыми карагачами.

Когда стемнело, публику выпроводили со двора и снова стали пускать, но уже по билетам — наш двор превратился в кинозал. Показывали китайский фильм «Встреча Нового года». Мы сидели на стульях на крыше соседнего дома⁶.

1 июля 1957 г.

Давно мне хотелось посмотреть тибетцев в их доме <...> Первый двор, не очень опрятный, для скота, далее таких же размеров двор для людей. Дом из двух этажей. Нас встретила толпа тибетцев, в которой были две женщины, лет двадцати пяти и сорока. Около двери расположена кухня — очаг с котлом, здесь же топливо (кизяк) и припасы. Стены и потолок черные от копоти. Прошли направо вглубь комнаты. Направо — маленький кан со столиком. Прямо — деревянный шкафчик с круглым тибетским хлебом, а налево — на деревянной узкой полочке с Буддой свисают по обе стороны белые хада.

Тибетцы, сидя на кане, пили сорму (невероятной крепости водку). При нашем появлении, они повскакали с мест и окружили нас. Когда узнали, кто мы такие и что нам нужно, пригласили присоединиться к ним. Сын хозяина дома и невестка ездили на моление в Лхасу. Ехали на машине от Синина девять дней. В пути женщина родила. Поэтому они задержались в Лхасе на год. Сегодня, наконец, все собрались и отмечали семейный праздник. Предложили нам выпить сорму. Чень [Чень] Пэн шепнул мне на ухо: «Выпейте, пожалуйста, это так важно!» Я собрался с силами и опрокинул железную стопку в рот. Влага огненной змейкой обожгла все внутри. Но зато почувствовал полное одобрение вокруг. Нам заварили тибетский чай и нарезали полный поднос тибетского хлеба. Хлеб мне понравился. Я спросил, какие дома в Лхасе, понимают ли жители Лхасы тибетцев из других районов. Мне ответили, что дома там не похожи на здешние. Тибетцы в Лхасе живут на втором и третьем этажах. Понимают приезжих тибетцев не всегда хорошо: тибетцы Лхасы говорят на языке, близком к письменному, а приезжие — на народном наречии.

<...> Через полчаса показалось китайское селение Ло Га [Лого]. Мы вошли в один двор. Внешне дом местного китайца такой же, как у дунган и салар. Внутри тоже похоже, так же расположен кан <...>⁷.

13

5 Там же, с. 172.

6 Там же, с. 181.

7 Там же, сс. 182—184.

14

on the inside hangs a copy-book sheet of paper with a magic drawing — to keep the evil away. To the right hangs a big mirror, to the left — something that looks like a couch is set. We need to see more of Dungan houses in other locations⁵.

June 30, 1957

In the evening we were surveying Ayshe Akhwar. Small white stones are placed on all four corners of each court. This design, as I was explained, comes from the Tibetans. The side-streets of Ayshe Akhwar are very narrow and crooked. All of Ayshe Akhwar represents a picturesque piling up of tiny clay houses, sometimes including a wee little room on the second floor. Houses alternate with small lots of land, sown with wheat and fenced with clay walls. All of these are terraced. Here you can also find water babbling in irrigation canal. Its banks are not infrequently strengthened with branchy old elms.

When it grew dark, the audience was sent outside. And later they were allowed in the court again; only this time according to the tickets bought. Our courtyard turned into a cinema hall. Chinese film “New Year’s Eve Party” was shown. We were sitting in chairs on the roof of the neighbouring house⁶.

July 1, 1957

For quite a while now I wanted to take a look at Tibetans in their home <...> The first yard is not very tidy and is used for cattle, further on there is another yard of the same size, this one’s for people. The house is two-storied. We were welcomed by a crowd of Tibetans, among whom there were two women — one of 25 and another of 40 years old. By the door there is a kitchen — a fireplace with a cauldron with the fuel (pressed dung in this case) and supplies. The ceiling and the walls are blackened with soot. We walked to the right, deep into the room. To the right there is a small kang with a small table. And if one looks straight, there is a wooden cabinet with a round Tibetan closet with bread. To the left there is white hada suspended on both sides of a wooden shelf with Buddha.

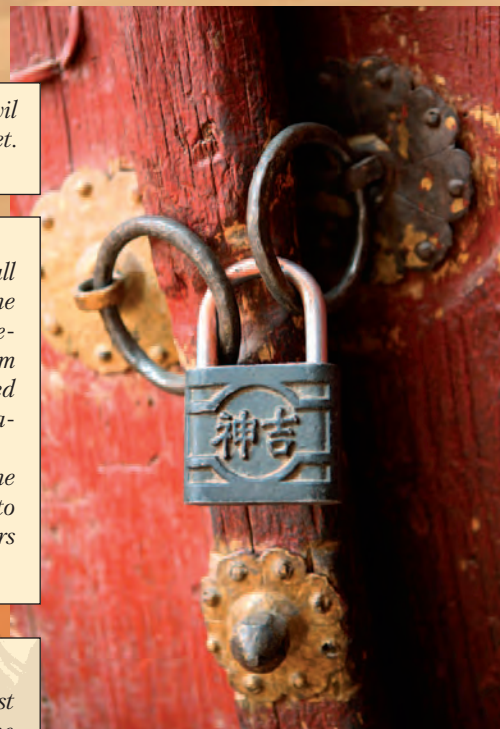
Tibetans, sitting on the kang, were drinking sorma (an unbelievably strong vodka). They sprang up to their feet and surrounded us when we entered. When they found out who we were and what we needed, they invited us to join them. The son of the host of the house and the daughter-in-law went for the prayer service to Lhasa. They travelled for nine days to Xinin by car. The woman delivered a baby during the trip. Therefore, they had to wait a year out in Lhasa. Today all of them finally got together and they were celebrating a family holiday. We were offered a drink of sorma. Chen Peng whispered into my ear: “Please, drink it. It’s very important!” I collected all my strengths and downed an iron glass into my mouth. The liquid running as a snake burned everything inside. However, I heard an overall sound of approval. Tibetan tea was made for us along with a full tray of sliced Tibetan bread. I really liked the Tibetan bread. I asked them what kind of houses there are in Lhasa, and if the Lhasa inhabitants understand Tibetans from other regions. I was answered that the houses there do not look like the houses here. Tibetans in Lhasa live on the second and third floor. And they don’t understand other Tibetans that well all the time: the Lhasa Tibetans speak the language close to the written one, whereas the out-of-towners speak popular dialects.

<...> In half an hour we saw a Chinese village Luoguo. We entered one courtyard. On the outside a Chinese house looks exactly like a Dungan house or like a Salar one. When you enter it is similar as well; kang is set similarly <...>⁷.

5 Ibid., p. 172.

6 Ibid., p. 181.

7 Ibid., pp. 182—184.

Кяхтенский чай и муромский калач —
завтракает богач.
Надпись на чашке завода Ситегина
(60-е гг. XIX в.)

15

В русской научной традиции первое подробное описание жилища саларов было дано Ф. Поярковым и В. Ладыгиным: «Характер постройки домов у саларов одинаков с дунганскими домами; последние же все без исключения глинобитные (“торох-ой”, что в переводе значит земляной дом). Бедные делают себе одну-две комнаты, а более зажиточные — от трех и до четырех; у последних встречаются и двухэтажные (“ровах”) дома. Комнаты устраивают не большие и не высокие; в каждой комнате обязательно тот же кан (“охкан”), как и у дунган, застланный войлоком (“чиех” или “чеех”). На кане маленький столик (“сира” или “шира”) (рис. 15). Нередко в саларских домах можно встретить китайский стол (“го-цзе”) на высоких ножках (по китайски “гао-цзе” [*ga-ocze*] значит: высокие ножки), китайские табуретки (“иза”, китайское “ицза”), скамьи (“бань-динь”, кит. “бань-день” [*bandjany*]). На стенах, как украшения (“дуй-цзы” [*duicyzy*]), можно найти китайские картины, а также изображения видов Мекки и других священных мест с изречениями из Корана. Подобные картины заносятся обыкновенно благочестивыми богомольцами, совершившими паломничество в Мекку и оттуда благополучно возвратившимися (см. рис. 7). Вдоль стен устраивают полки (“чжябань-тохта”), где ставят чашки (“ча-чжунь”, правильно по-китайски “ча-чжун-цзы” [*chajjuncyzy*] или “ча-вань-цзы” [*chavanycyzy*]), блюда (“серу”), тарелки (“товах”), большие медные или железные блюда (“янь-пань” [*yanpan*]), слово чисто китайское). В комнату пропускает свет одно или два окна (“теречже”, по-киргизски “терезе”); окна обыкновенно без

стекла, а заклеены бумагой (“хачы”). Двери (“гау” или “га”), как и у дунган, небольшие, деревянные, и почти всегда двустворчатые и обращены на юг»⁸.

В 1979 г. Тенишев суммировал свой полевой опыт, опубликовав совместно с И. В. Захаровой краткую, но емкую характеристику саларского жилища: «У тюркоязычных саларов, живущих большей частью в Цинхае, Ганьсу и на крайнем востоке Синьцзяна, поселения обычно крупные, расположены в 10–15 км друг от друга (см. рис. 4). В деревнях дома стоят близко один от другого. Окна выходят на двор. На улицах — арыки, обсаженные карагачем и ивой. Жилища саларов обычно глинобитные или в редких случаях сложены из сырцового кирпича. По внешнему виду они напоминают уйгурские дома. Фундамента нет, иногда его заменяют камни, на которых возводят стены. Пол земляной, в больших домах деревянный. Крыша плоская, слабоклонная, одно- и двухскатная, покоится на продольных балках. Этажей один или два. Встречаются дома с айваном. Двери деревянные с одной, двумя или четырьмя створками, открывающимися внутрь комнаты, порог высокий (рис. 16–17, 27). Окна по обеим сторонам от двери — это узорчатые решетки, иногда с очень богатым рисунком. Верхняя часть для лучшего освещения поднимается снаружи. В большие решетки в некоторых случаях внизу вделываются застекленные небольшие оконца.

8 И. В. Захарова, Э. Р. Тенишев, «Жилище саларов», *Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии* (Москва, 1979), с. 188.

Жилищный комплекс саларов состоит из двух частей: хозяйственного двора и двора для людей. В первом — помещения, где находится скот и сельскохозяйственный инвентарь. Во втором — жилые постройки: гостиная и кухня. На этом дворе всегда очень чисто и опрятно: если нет сада, растут два-три куста роз. Может быть, конечно, и другая планировка: жилой двор и хозяйственный, заканчивающийся садом»⁹.

Важно отметить, что в интересующем нас районе четко зафиксирована близость устройства жилищ в первую очередь саларов, дунган, но также тибетцев и китайцев, обусловленная как природными условиями и доступностью тех или иных материалов, так и интенсивным процессом кросс-культурного взаимодействия. Вспомним также приведенное выше замечание Э. Р. Тенишева («На четырех углах стен дворов поставлены небольшие беловатого цвета камни. Этот рядок, как мне объяснили, идет от тибетцев»), напрямую указывающее на, по-видимому, неосознанное заимствование саларами на бытовом уровне элементов буддистской охранительной магии.

Английский язык подчеркивает различие понятий “house” и “home” — дом как строение и как домашний очаг. В последнем случае речь, несомненно, идет о месте, в котором близкие осуществляют совместную трапезу. Упомянутые выше Ф. Поярков и В. Ладыгин дали также первое в отечественной этнографии развернутое описание пищевых предпочтений саларов, подчеркнув при этом значение традиционного тибетского чая: «Кухня саларская не отличается, по-видимому, обилием яств и напитков; в этом случае они ничего почти не позаимствовали ни от китайцев, ни от других своих соседей. Любимое и почти постоянное их кушанье — это лапша с мясом, называемая “вузук-аш”; ее едят

Kyakhta tea and Murom padlock-shaped
loaf — a breakfast for a rich man.
An inscription on a mug from the factory of
Sitegin (the 60-s of the 19th century)

16

In Russian scientific tradition the first detailed description of the living premises of Salars was given by F. Poyarkov and V. Ladygin: “The nature of the structure of Salar houses is identical to that of Dungsans; the latter have only adobe houses with no exceptions (‘torokh-oy’ means an earthen house in translation). The poor build one or two rooms, the more well-to-do — from three to four rooms; the latter also may have a two-story house (‘rowakh’). Rooms aren’t made large and high; each room has the same old kang (‘okhkang’), just as Dungsans have, covered with felt (‘chiyakh’ or ‘cheekh’). A small table (‘sira’ or ‘shira’) is typically set on top of kang (fig. 15). Nor infrequently in a Salar home one may find a Chinese table (‘gaojie’) on long legs (‘gaojie’ in Chinese, which stands for ‘long legs’), Chinese stools (‘yiza’ echoes the Chinese ‘yiza’), benches (‘bandin’ similar to the Chinese ‘bandian’). There are adornments (‘duizi’) on the walls, and one may find Chinese drawings along with the depictions of Mecca and other sacred sites with the sayings from the Qu’ran. Such drawings are usually brought by the pious pilgrims, who went for a hajj to Mecca and safely returned (see fig. 7). Along the walls the shelves (‘zhabian-tokhta’) are set, where cups (‘chazhun’, of which the correct Chinese version is ‘chazhongzi’ or ‘chawanzi’), are set along with saucers (‘seru’), plates (‘tovakh’), large copper or iron dishes (‘yanpan’, a purely Chinese word). Either one or two windows (‘terezhze’, in Kirghiz it is known as ‘tereze’) let light in. Usually the windows have no glass and are sealed with paper (‘khachy’). Doors (‘gau’ or ‘ga’), just as those of Dungsans, are small

and made of wood, and almost always they face south and are double-winged”⁸.

In 1979 Tenishev summarized his filed experience, having published a brief yet thorough characteristic of a Salar house together with I. V. Zakharova: “Turkic speaking Salars, that live mostly in Qinghai, Gansu and in the far east of Xinjiang, typically have large settlements that are located 10–15 km away from each other (see fig. 4). Houses are close to one another. Their windows face their yards. Out on the street there are arys, planted around with elms and willows. Salar houses are typically made of adobe, or in rare cases they might be laid with mudbrick. In their external appearance they are similar to Uyghur houses. There is no foundation to it, sometimes it is substituted for the stones onto which they lay the walls. The floor is earthen, and in large houses it is wooden. The roof is flat, slanting a little, with one or two sloping surfaces, and rests on two longitudinal beams. One or two stories high typically. One might happen to see a house with aywan. The doors are wooden with one, two or four wings opening inwards; threshold is high (figs. 16–17, 27). The windows on both sides of the door are actually ornamented bars sometimes with a very rich drawing. The upper piece is lifted from the outside for better illumination. In certain cases small glassed-in windows are fixed into the large bars.

The dwelling premises of Salars consist of two parts: a household yard and a yard for peo-

8 F. Poyarkov, V. Ladygin, “Salars. An ethnographic essay”, *Ethnographic Review* 1 (Moscow, 1893), p. 11.

17

ple. The first one has premises where livestock and agricultural equipment are kept. The second consists of living premises: a living room and a kitchen. This yard is always kept nice and tidy; if there is no garden, then there are at least two-three rose bushes. There may, of course, also be a different lay-out: living premises and household ones that close with a garden”⁹.

It is important to note that the region that is of interest to us clearly fixes the proximity of living quarters, first of all of Salars, Dungsans, but also of Tibetans and Chinese, which is conditioned on natural conditions and accessibility of one type of materials or others, as well as on the intensive process of cross-cultural interaction. Let us also remember the remark of Tenishev (“Small white-coloured rocks are set at the four corners of the yard. This procedure, I was explained, comes from Tibetans”), which directly indicates apparently the unconscious borrowing of the Buddhist protective magic on the domestic level by the Salars.

English language underlines the difference in meanings of the words “house” and “home”. In the latter case it undoubtedly refers to the place where families get together for a meal. F. Poyarkov and V. Ladygin mentioned above also gave the first comprehensive description of dietary preferences of Salars in native ethnography. With that they underlined the significance of traditional Tibetan tea: “Apparently Salar cuisine is not distinguished for its abundance of dishes and drinks; and in this case

9 I. V. Zakharova, E. R. Tenishev, “Salar living quarters”, *The Types of Traditional Village of the Peoples of Southeastern, Eastern and Central Asia* (Moscow, 1979), p. 188.

обыкновенно утром; в полдень же кирпичный чай, сваренный с молоком и солью, который пьют с хлебом; вечером опять та же лапша с мясом. Мясо едят довольно редко, смотря, конечно, по средствам. Если нет мяса, то лапши не едят, а довольствуются одним чаем с молоком. Покупают также рис, который варят с мясом и едят вместо лапши. Вообще, за обедом и ужином довольствуются только одним кушаньем. Кроме того, употребляют в пищу домашних уток (“бад”), гусей (“газ”), кур (“тоох”) и голубей (“гургун-чжюх”). Головного мозга животных и птиц салары, как и дунгане, не едят, а едят только мозг, содержащийся в костях. Рыба (“балух”) служит важным подспорьем в их продовольствии; ее они охотно едят, тогда как дунгане не едят никакой рыбы. У саларов существуют следующие названия рыб: “чжин-балух”, “инч-балух” и “эркех-балух”. Рыбы первых двух названий идут в пищу, а последнюю, т. е. “эркех-балух”, не едят; эта рыба считается ими нечистой, потому что она ест людей. Икры вообще ни от какой рыбы не едят. Вместо ложек употребляют китайские палочки, которые у них называются “чуко”¹⁰.

Вообще, тибето-монгольский чай-суп относится к тем элементам национального бытового уклада, который всегда привлекал внимание посторонних. Достаточно вспомнить ироничное стихотворение Роберта Фроста:

*От привезенных из Азии
Миссис Н. вещей — в экстазе я
Бивни, камни, тростни, нарды,
С ног валящие петарды,
Сто рецептов чая с салом,
Жгучий интерес к пиалам
Коврики для медитаций,
Ложь в спасенье репутаций...*¹¹

Известно, что изначальное распространение чая связано в первую очередь с буддистскими территориями. Варианты описанного выше напитка прочно вошли в быт населения гималайских районов Индии, Кашмира, Непала, на Северном Тибете, у монголов, калмыков, бурят, алтайцев, тувинцев. Масло в напитке может отсутствовать, при этом чай заправляют молоком (кобыльим, верблюжьим, коровьим, козым, овечьим), которое может быть заменено или дополнено топленным салом (из бараньего курдюка, например). Могут добавлять бараний костный мозг, крошенное вяленое мясо или даже пельмени. Частый недостаток воды и ее плохое качество в степных и пустынных районах приводит к тому, что иногда воды добавляют очень мало (одну чашку, например), и чай варят на молоке. Мука для заправки может быть ячменной, пшеничной, ржаной. Она может быть дополнена рисом или молотым просом. Особый вкус напитку придает добавление горького черного перца горошком, мускатного ореха, гвоздики или лаврового листа. Всюду неизменными ингредиентами остаются плиточный зеленый чай и соль.

Одним из основных продуктов питания тибетцев-земледельцев является *цзамба* — мука из поджаренного ячменя¹². Из муки, смешанной с молоком, маслом и сухим толченым чаем (*рис. 22*), делают катыши, которые подают опять-таки к чаю. У тибетцев *чайсума* — напиток из крепкого кирпичного зеленого чая (*рис. 23*) (50—75 г сухого чая на 1 л воды), приправленного топленным маслом яка (100—250 г на 1 л) и солью. Обычно чай кипятят в котле (*рис. 19*), а горячую смесь взбивают в специальном сосуде (*рис. 20, 24*) до получения однородного густого напитка — чрезвычайно калорийного и тонизирующего. Специальные исследования показали, что при добавлении молока или сливочного масла

в настой ферментированных чаев при взаимодействии с аминокислотами образуются, устойчивые, очень питательные и быстроусвояемые белковые соединения. На протяжении столетий тибетцы мерили расстояние в горах не в единицах длины, а в чашках *чайсумы*. Три большие деревянные чашки этого напитка равны примерно восьми километрам пути. «Чашка (*рис. 18, 21*) — самая важная и универсальная посуда; из нее пьют чай, в ней замешивают цзамбу. Как правило, тибетец не моет ее, а старательно вылизывает. Чашкой дорожили, поэтому нередко даже у бедняка можно было встретить опрaвленную в серебро обычную деревянную чашку»¹³.

Чайсума вошла важной составляющей в рацион саларов. Для нас важно отметить, что за много километров от Предтибетья в центральных и восточных районах Ферганской долины элементы традиционного тибетского рациона составили «меню» сакральной трапезы, подготовку к которой нам довелось наблюдать в 2006 г. Выходцы из Китайского Туркестана принесли сюда *сокит* (узб. *соқит қилмоқ* — «освободить от трудностей») — обряд, посвященный суфийскому святому Аппаку-хвадже, почитаемый *мазар* которого расположен неподалеку от Кашгара. Для проведения обряда последователи Аппака-хваджи выбирают двух-четыре *сокитбаши* (тюрк., *баш* — «глава», «руководитель»). «Люди, которые хотят обратиться к святому за помощью, загадывают желание и по обету приносят *сокитбаши* деньги, продукты (бараний жир, муку, чай). Эти подношения постепенно накапливаются у него до очередного обряда. Один *сокитбаши* проводит *сокит* два-четыре раза в год¹⁴.

«*Сокит* название не только обряда, но и главной жертвенной пищи — лепешки, которую вкушают участники религиозного собрания. Число лепешек соответствует числу

they borrowed almost nothing from the Chinese or other neighbours. Their favourite and almost steady dish is noodles with meat, which they call ‘wuzuq-ash’; it is usually eaten in the morning, for lunch they have tile tea boiled with milk and salt which they drink with bread; and for dinner they again eat noodles with meat. Meat is eaten quite rarely, depending of course on their means. If there is no meat they do not eat noodles, but rather they are content with tea and milk alone. At times they also buy rice, which is boiled with meat and eaten instead of noodles. Generally speaking, one dish suffices them for lunch and for dinner. Apart from the aforementioned, they also cook home-raised ducks (‘bad’), geese (‘gaz’), chickens (‘tookh’) and pigeons (‘gurgun-jukh’). Just as Dungsans, Salars do not eat the brains of animals and poultry, they only eat spinal marrow. Fish (‘balukh’) serves as an important ingredient in their rations. They eat it willingly, whereas Dungsans eat none of it. Salars have the following names for fish: ‘jin-balukh’, ‘inch-balukh’ and ‘erkekhalukh’. The fish of the first two types are used for food, the latter one, though, i. e. ‘erkekhalukh’, is not; this fish is considered to be unclean, because it eats humans. They do not eat any caviar of any fish at all. And instead of spoons they use Chinese chopsticks, which they call ‘chuko’¹⁰.

Generally speaking, the Tibetan-Mongol tea-soup relates to those elements of the national way of life, which always draws the attention of the outsiders. It suffices to remember the ironic poem of Robert Frost:

*Mrs. Someone’s been to Asia,
What she brought back would amaze ye.
Bamboos, ivories, jades, and lacquers,
Devil-scaring firecrackers,
Recipes for tea with butter,
Sacred rigmaroles to mutter,
Subterfuge for saving faces,
A developed taste in vases...*¹¹

It is a known fact that the original spread of tea has first of all to do with the Buddhist territories. The versions of the aforementioned drink have strongly entered the way of life of the population of Himalayan regions of India, Kashmir, Nepal, Northern Tibet, also of Mongols, Kalmyks, Buryats, Altais and Tuvinians. Butter is optional in this drink, but the tea is seasoned with milk (that of goats, mares, camel, sheep or cow), which may be substituted or supplemented with melted fat (made of sheep’s fat-tail for instance). Sheep’s bone marrow may be added, and so may be ground jerked meat or even meat dumplings. Frequent lack of water and its bad quality in steppe and desert regions leads to small dosage of water at times (for example, one cup only); thus the tea is boiled in milk. Flour for seasoning may be that of barley, wheat and / or rye. It may also be supplemented with rice and ground millet. The drink acquires its special taste with the addition of hot black peppercorn, nutmeg, cloves or bay leafs. Green brick-tea and salt are customary ingredients.

One of the main food items of Tibetan farmers is *tsampa* — fried barley flour¹². Rolls are made of the flour mixed with milk, butter and dry stamped tea (*fig. 22*), which are also offered with tea. Tibetans have this drink — *chaysuma* — made of strong green tile tea (*fig. 23*) (50—75 grams of dry tea per 1 litre of water), seasoned with melted yak’s butter (100—250 grams per 1 litre) and salt. Typically the tea is boiled in water (*fig. 19*), and the hot blend is whipped in a special vessel (*figs. 20, 24*) until a thick homogeneous drink is obtained — extremely high-calorie and tonic. Special researches have shown that when milk or butter is added to the extract of fermented teas, steadfast, very nutritious and easily digested albuminous compounds are formed in interaction with amino acids. For centuries Tibetans measured distance not in units of length, but in cups of *chaysuma*. Three large wooden cups of

this drink are an equivalent of about eight kilometres of journey. “The cup (*figs. 18, 21*) is the most important and universal dish; they use it for drinking tea and for mixing *tsampa*. As a rule a Tibetan does not wash it, but licks it clean with his tongue. A cup is valued so much, that not infrequently even a poor man would have a usual wooden cup set in silver”¹³.

Chaysuma has become a prominent component of the diet of Salars. It is important for us to note that many kilometres away from the Tibetan foothills, in central and eastern districts of Fergana valley the elements of traditional Tibetan diet have comprised the “menu” of the sacril meal, a preparation for which we had an occasion to witness in 2006. Natives of Chinese Turkestan brought *soqit* here (in Uzbek *соқит қилмоқ* means “to deliver from hardships”) — a ritual dedicated to Sufi saint Appaq-khwaja, whose revered *mazar* is located not far from Kashghar. To perform the ritual Appaq-khwaja’s followers choose two-four *soqitbashi* (*bash* in Turkic means “head”, “leader”). “People, who want to ask this saint for help, make a wish and as the wish comes true people bring c *soqitbashi* money and groceries (sheep’s fat, flour, tea). These offerings gradually pile up until the next ritual. One *soqitbashi* may perform *soqit* two-four times a year¹⁴.

“*Soqit* is not just the name of the ritual, but it is also the name of the main offering food — flat cake, which is partaken of by all participants of the religious congregation. The number of cakes corresponds to the number of people, who brought groceries or money and who made a wish. The *soqit* participants, having first made the ritual ablutions and put on clean clothes, sit around the tablecloth (*surpo, surfa*) onto which the groceries are placed and they read their prayers. Then women cook 50—70 flat cakes similar to pancakes, which they fry in sheep’s fat in a cauldron. During the cooking of the cakes all of the ritual participants are silent. Having

10 Поярков, Ладыгин, *ук. соч.*, сс. 12—13.

11 Р. Фрост, *Импортер*, перевод А. Наймана.

12 В собрании МАЭ имеется специальный мешок для хранения *цзамбы* (№ 2563—28).

13 А. М. Решетов, «Тибетская коллекция МАЭ (Материальная культура)», *Культура народов зарубежной*

Азии и Океании. Сборник МАЭ XXV (Ленинград, 1969), с. 119.

14 Подробнее см.: С. Н. Абашин, «Сокит», *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь*, сост. и отв. ред. С. М. Прозоров

(Москва, 2006), сс. 363—366; С. В. Дмитриев, «Китайс-

кий и индийский чай в Средней Азии последней трети XIX в. (по архивным материалам)», *Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А. М. Решетова* (Санкт-Петербург, 2007), сс. 281—286.

10 Poyarkov, Ladygin, *op. cit.*, pp. 12—13.

11 R. Frost, *An Importer*.

12 There is a special sack for keeping *tsampa* in the collections of the MAE RAS (No. 2563—28).

13 A. M. Reshetov, “The Tibetan collections of the MAE (material culture)”, *The Culture of Foreign Asia and Oceania. The MAE Collected Works XXV* (Leningrad, 1969), p. 119.

14 For further detail see S. N. Abashin, “Soqit”, *Islam on the Territory of the Former Russian Empire. Encyclopedic*

Dictionary, compiled and ed. by S. M. Prozorov (Moscow, 2006), pp. 363—366; S. V. Dmitriev, “The Chinese and Indian tea in Central Asia of the last third of the 19th century (upon archival material)”, *Problems of the General and Regional Ethnography. To 75th Anniversary of A. M. Reshetov* (St. Petersburg, 2007), pp. 281—286.

18

20

19

21

22

23

24

людей, принесших продукты или деньги и загадавших желание. Участники *сокита*, предварительно совершив ритуальное омовение и одевшись в чистые одежды, рассаживаются по кругу перед скатертью (*сурпо*, *сурфа*), на которую кладут продукты, и читают молитву. Потом женщины готовят до 50—70 штук тонких лепешек вроде блинчиков, которые жарят на бараньем сале в котле. Во время приготовления лепешек все участники обряда молчат. Приготовив лепешки, в тот же самый котел с остатками жира наливают молоко, кладут чай и соль, кипятят, приготавливая *ок-чой*. Затем каждую лепешку сворачивают вчетверо и кладут на хлеб, а сверху — выжарки. Все это делят поровну между участниками обряда, которые часть пищи съедают, а часть заворачивают в платки и относят домой, где также съедают, совершив предварительно ритуальное омовение. Иногда священное блюдо относят в мечеть молящимся. Ни одной крошки этих лепешек не оставляют»¹⁵.

Важно отметить, что *сокит* как специальный сакральный напиток восходит к вполне профанному повседневному чаю-супу. Получив в буддизме признание в качестве священного напитка, для монголов, например, он в конце XVI — начале XVII вв. уже был «...единственной пищей в течение многих дней...»¹⁶.

Суфийскую линию интересным образом продолжает предание, зафиксированное в Поволжье, восходящее к XIX в. и рассказывающее о странствующем дервише, который, бродя по дорогам Туркестана, необычайно устал. Его угостили *чайсумой* и усталость в мгновение прошла. «Вот это напиток! — воскликнул дервиш. Его место в раю! Это подарок Всевышнего! — и поспешил в путь — рассказывать людям о чае; этот суфий прожил благодаря чаю 100 лет»¹⁷.

В Среднюю Азию¹⁸ и Сибирь чай проник именно в этой форме через посредство монголов, бурят, калмыков (джунгаров, ойратов). Среди последних бытует легенда, связывающая чай с именем Чже Цонкапы¹⁹ и происхождением праздника Зул (калм.: Зул(а)-хурал; тиб.: Ганден Нгамчо), посвященного уходу Чже Цонкапы из этого мира. Именно в этот день калмыки, не отмечавшие индивидуальный день рождения, прибавляли к своему возрасту один год. Напиток, который по одному из преданий исцелил Цонкапу, стал у калмыков повседневным и получил название *джомба* (ср. *цзамба*). Зул принято было отмечать в домашнем кругу. В этот день традиция предписывает возжигание лампад (*зул*), вкушение особых лепешек и *джомбы*.

В XVIII—XIX вв. в Россию чай попал главным образом через Ургу и Кяхту — «Сибирскую Венецию». Благодаря наличию обширных собственных концессий по производству чая в Китае, сухопутной транспортировке, специально разработанной упаковке чай в России был выше качеством, чем в Европе. Среди корреспондентов Кунсткамеры были богатые чаоторговцы (например, упомянутый выше Г. М. Осокин), которым музей обязан рядом своих интересных коллекций.

В Китае неплотно прессованный плиточный чай производился достаточно давно. Технология же плотной прессовки небольших плиток массой 100—150 г в России была впервые разработана иркутским чаоторговцем П. А. Пономаревым. Удобный в полевых условиях продукт получил одобрение в военных кругах, и вскоре приобрел популярность как в России, так и за ее рубежами. П. А. Пономарев построил три собственные фабрики, открыл магазины во всех крупных городах Сибири, установил деловые отношения с ря-

дом европейских стран, с Турцией и Японией. С тех пор плиточный чай в Западной Европе стали называть русским. Сегодня в европейской части России плиточный чай известен под названием сибирского. Он по-прежнему пользуется популярностью в Поволжье, Приуралье и по всей Сибири (особенно Крайнем Севере).

Автор этих строк, как и многие из участников экспедиции МАЭ 2008 г., впервые попробовал катыши из *цзамбы* и *чайсуму* в комфортабельной многокомнатной келье гостеприимного А-Ки, монаха монастыря Кумбум, воздвигнутого на месте рождения Цонкапы. Здесь же мы впервые увидели в работе и солнечный кипятильник (*рис. 25—26*). Одна из участниц экспедиции попыталась воспользоваться им как зеркалом, и в моем сознании, пребывавшем после *чайсумы* в полном расслаблении и покое, неожиданно проявилось брюсовское четверостишие, вошедшее в его «Китайские стихи»:

*Пусть этот чайник ясный
В час нежный, отразит
Лик женщины прекрасной
И алый цвет ланит*²⁰.

В это время к нам подошел замечательный фотограф Дмитрий Шнеерсон и громко продекламировал:

*Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»*²¹

в Средней Азии подробнее см.: С. Н. Абашин, «Чай в Средней Азии: история напитка в XVIII—XIX веках», *Традиционная пища как выражение этнического самосознания*, отв. ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина (Москва, 2001), сс. 204—230.

19 См. выше, с. 98.

20 В. Я. Брюсов, *Китайские стихи* (1914).

21 В. Маяковский, *Стихи и проза*, М.: Советский писатель, 1989, с. 204.

made the flat cakes they pour milk, add tea and salt into the same cauldron with the leftovers of the fat. They boil it making it into *ok-choy*. Then every cake is folded four times and is placed on top of bread, and on top of it the fryings are placed. All of the mentioned above is distributed equally between the ritual participants, who eat half of the dish and the other half is wrapped into shawls and taken home, where it is also eaten with the ritual ablutions performed prior to partaking of it. Sometimes the sacred dish is taken to the praying people in the mosque. None of the crumbles of these cakes is left»¹⁵.

It is important to note that *soqit* as a special sacral drink traces back to a perfectly profane everyday tea-soup. Having received a status of a sacred drink, for Mongols for instance it became “the only food for many days...”¹⁶ by the end of 16th — beginning of 17th centuries.

“Sufi line is interestingly carried on by the legend, noted in the Volga region, which traces back to the 19th century which tells of a wayfarer *darwish*, who grew unbelievably exhausted walking along the roads of Turkestan. He was given a drink of *chaysuma* and his weariness was gone in a second. ‘What a drink!’ said the *darwish*. It must have come from paradise! This is the gift of the Most High! And he was on his way to tell people of the tea! Thanks to this tea this Sufi lived for one hundred years”¹⁷.

Tea was penetrating Central Asia¹⁸ and Siberia in this exact form by means of Mongols, Buryats, Kalmyks (Dzungars, Oirats). There is a legend among the latter which links tea with the name of Tsongkhapa¹⁹ and the origins of the festival of Zul (Kalmyk: Zul(a)-khural; Tibetan: Ganden Ngamcho), dedicated to Je Tsongkhapa departing from this world. It is on this day Kalmyks who did not celebrate their own personal birthdays added a year to their age. The drink

that according to one of the legends had healed Tsonkhgapa became an everyday drink and gained a name — *jomba* (compare it with *tsampa*). The Zul celebration was to be commemorated at home with your family. On this day the tradition prescribes to burn oil lamps (*zul*) and partaking of the special flat cakes and *jomba*.

In the 18th—19th centuries tea was entering Russia mostly through Urga and Kyakhta — the so called “Siberian Venice”. Thanks to the presence of their own vast concessions for tea manufacturing in China, overland transportation and the specially designed packaging, tea in Russia was of much higher quality than in Europe. Among the corresponding members of Kunkstkamera were wealthy tea dealers (the aforementioned G. M. Osokin, for instance), to whom the museum is indebted for a series of their interesting collections.

Loosely pressed brick-tea was manufactured in China for a long time. The technology of strong pressing of small bricks weighing about 100—150 grams was first designed by the Irkutsk clerk, P. A. Ponomarev. The product very easy for the field use was approved among the military circles and soon it gained popularity in Russia as well as abroad. P. A. Ponomarev constructed three factories of his own, opened stores in each of the major cities of Siberia and developed business relations with a series of European countries, Turkey and Japan. And since then brick-tea in Western Europe was referred to as Russian. Today brick-tea is known as Siberian in the European part of Russia. It is still very popular in Volga region, Ural region and all over Siberia (especially Far North).

The author of these lines, as well as many other participants of the MAE expedition of 2008, tasted his first rolls of *tsampa* and *chaysuma* in a comfortable many-roomed cell of a hos-

pitable monk (named A-Ka) of the Kumbum monastery erected at the site of Tsonkhgapa’s birth. It was there that we saw our first sun heater in action (*figs. 25—26*). One of the expedition participants attempted to use it as a mirror and my mind, being in the totally relaxed state after partaking of *chaysuma*, suddenly brought this quatrain of Bryusov (which was a part of his “Chinese Poems”) to my consciousness:

*May this bright kettle
Reflect in this tender hour
An image of the beautiful woman
And her ruby-coloured cheeks*²⁰.

At this moment our outstanding photographer Dmitriy Shneerson came up to us and recited loudly:

*I yelled at the sun again:
“Wait now!
Listen, goldbrow,
instead
of going down,
why not come down to tea
with me!”*²¹

15 С. Н. Абашин, *ук соч.*, с. 365.

16 Н. Л. Жуковская, «Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания)», *Советская этнография* V (1979), с. 70. Ср., например, что, несмотря на громадную популярность, чай в культуре славянского населения Сибири рубежа XIX и XX вв. «в отличие от всевозможных взваров, киселей не входил в обрядовые

системы (например, в свадебный, поминальный комплексы)». См.: Е. В. Фурсова, «Традиции сибирского чаепития в конце XIX — начале XX в.», *Славянский ход 2007. Материалы и исследования* III (Ханты-Мансийск — Surgut, 2007), с. 138.

17 Р. А. Бушков, «Ароматы Востока», *Татарстан* XI/XII (1992), сс. 90—91.

18 Об истории проникновения и бытования чая

15 S. N. Abashin, *op. cit.*, p. 365.

16 N. L. Zhukovskaya, “The diet of Central Asia (to the question of ecological foundations of the dietary model)”, *Soviet Ethnography* V (1979), p. 70. See, for instance, that in spite of the massive popularity, tea in the culture of Slavonic population of Siberia of the late 19th and the early 20th centuries “in contrast to all kinds of decoctions

of tea (such as soups, infusions, and decoctions in drinking and funeral complexes)”. See:

17 R. A. Bushkov, “The fragrances of the East”, *Tatarstan* XI/XII (1992), pp. 90—91.

18 For more detailed history of the tea’s penetration of Central Asia and its practice see: S. N. Abashin, “Tea in Central Asia: the history of the drink in the 18th—19th cen-

E. V. Fursova, “The traditions of Siberian tea-drinking in the late 19th and the early 20th centuries”, *Slavonic Procession of 2007. Materials and Researches* III (Khanty-Mansiysk — Surgut, 2007), p. 138.

19 See above, p. 99.

20 V. Y. Bryusov, *Chinese Poems* (1914).

21 V. Mayakovsky, *An Extraordinary Adventure Which Befell Vladimir Mayakovsky in a Summer Cottage* (1920), translated by M. Hayward and G. Reavey.

27

Рис. 1. За саларским столом. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 2. На подъезде к г. Синину. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 3. Окно саларского дома. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК-94/41.

Рис. 4. Село Пайчжуан. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК-94/68.

Рис. 5. Вид на г. Синин с минарета пятничной мечети. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 6–7. Интерьеры богатого саларского дома в г. Сюньхуа. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 8. Солнечный кипятыльник во дворе частного дома в г. Сюньхуа. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 9–14. На улицах Синина. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 15. Тибетский столик с чашками. Фотограф А. М. Решетов (фото с обработанных им в 1957–1960 гг. тибетских коллекций Этнографического музея при Центральном институте национальностей в Пекине). МАЭ РАН, колл. № И-1947-30.

Рис. 16–17. Фасады саларских домов. Фотоотпечатки. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК-94/29, 61.

Рис. 18. Подставка для чашки и крышка. Жесть; подставка: верхний диаметр — 12,0 см, высота — 4,3 см, крышка: диаметр — 10,7 см, высота — 8,0 см.

Тибет, вторая половина XIX в. От Императорского Русского Географического Общества, поступление 1916 г. МАЭ РАН, колл. № 2563-32/2.

Рис. 19. Котел. Железо; высота — 5,3 см, верхний диаметр — 17,3 см. Монголия, вторая половина XIX в. От Г. М. Осокина, 1899 г. МАЭ РАН, колл. № 507-16.

Рис. 20. Домбо, конический сосуд для чая. Медь; высота — 36,2 см, диаметр устья — 6,5 см, диаметр донца — 15,2 см. Монголия, вторая половина XIX в. От Г. М. Осокина, 1899 г. МАЭ РАН, колл. № 507-1.

Рис. 21. Чашка. Дерево; высота — 4,5 см, верхний диаметр — 3,0 см. Тибет, вторая половина XIX в. От Императорского Русского Географического Общества, поступление 1916 г. МАЭ РАН, колл. № 2563-33.

Рис. 22. Ступка березовая для чая. Дерево; высота — 22,5 см, верхний диаметр — 14,5 см. Урга, монголы, вторая половина XIX в. От Д. А. Клеменца, 1897 г. МАЭ РАН, колл. № 325-8.

Рис. 23. Кирпичный зеленый чай разных видов, в том числе — деревянная коробка с чаем. 17,5×10,0×11,0 см. Китай. Собиратель неизвестен, поступление до 1929 г. МАЭ РАН, колл. № 3955-7.

Рис. 24. Сосуд для чая в форме усеченного конуса; перетянут металлическими обручами. Дерево, металл; высота — 43,0 см, диаметр устья — 11,0 см, диаметр донца — 21,0 см. Урга, монголы, вторая половина XIX в. От Д. А. Клеменца, 1897 г. МАЭ РАН, колл. № 325-4²².

Рис. 25. Монах монастыря Кумбум (Таэрсы) А-Ка у солнечного кипятыльника в своем дворе. Кумбум. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 26. Солнечный кипятыльник. Металл, полимерная пленка; высота — 90,0 см, диаметр — 150,0 см.

Рис. 27. Вход во двор богатого саларского дома в г. Сюньхуа. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 28 Кадры из фильма «Три плюс два» (режиссер Генрих Оганисян, 1963 г.).

Fig. 1. At Salar table. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 2. Approaching the Xining City. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 3. A window of a Salar house. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК-94/41.

Fig. 4. The village of Paizhuang. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК-94/68.

Fig. 5. A view of Xining from the minaret of the Friday mosque. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 6–7. The interior of a rich Salar house, Xining. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 8. A sun heater in the yard of a private house in Xining. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Figs. 9–14. On the streets of Xining. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 15. A Tibetan table with cups. Photographed by A. M. Reshetov from the processed Tibetan collections of 1957–1960 of the Ethnographic Museum under the Museum of the Central Institute of the Nationalities in Beijing. The MAE RAS, coll. No. И-1947-30.

Figs. 16–17. Facades of Salar house. 1957. Photos by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. Nos. ВХ ЭФЗК-94/29, 61.

Fig. 18. A stand for a cup and a lid. Tin; a stand: upper diameter — 12,0 cm, height — 4,3 cm, lid: diameter — 10,7 cm, height — 8,0 cm. Tibet, the second half of the 19th century. From the Emperor's Russian Geographic Society, admitted in 1916. The MAE RAS, coll. No. 2563-32/2.

Fig. 19. A cauldron. Iron; 5,3 cm in height, 17,3 cm in upper diameter. Mongolia, the second half of the 19th century. From G. M. Osokin, 1899. The MAE RAS, coll. No. 507-16.

Fig. 20. *Dombo*, a coned vessel for tea. Copper; 36,2 cm in height, 6,5 cm in upper diameter, 15,2 cm in lower diameter. Mongolia, the second half of the 19th century. From G. M. Osokin, 1899. The MAE RAS, coll. No. 507-1.

Fig. 21. A cup. Wood; 4,5 cm in height, 3,0 cm in upper diameter. Tibet, the second half of the 19th century. From the Emperor's Russian Geographic Society,

admitted in 1916. The MAE RAS, coll. No. 2563-33.

Fig. 22. A birchen mortar for tea. Wood; 22,5 cm in height, 14,5 cm in upper diameter. Uрга, Mongols, the second half of the 19th century. From D. A. Klements, 1897. The MAE RAS, coll. No. 325-8.

Fig. 23. Green tile-tea of various kinds, including a wooden box with tea. 17,5×10,0×11,0 cm. China. Unknown collector, admitted in 1929. The MAE RAS, coll. No. 3955-7.

Fig. 24. A vessel for tea in the shape of a truncated cone; fastened with metallic rings. Wood, metal; 43,0 cm in height, 11,0 cm in upper diameter, 21,0 cm in lower diameter. Uрга, Mongols, the second half of

the 19th century. From D. A. Klements, 1897. The MAE RAS, coll. No. 325-4²².

Fig. 25. A monk of the Kumbum monastery (named A-Ka) by the sun heater in his yard. Kumbum. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 26. A sun heater. Metal, polymer film; 90,0 cm in height, 150,0 cm in diameter.

Fig. 27. An entrance to the yard of a rich Salar house, Xining. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

Fig. 28. Scenes from “Three Plus Two” (a comedy of 1963 directed by Heinrich Oganisyan).

²² Тибетский сосуд такого типа см. на фото А. М. Решетова с обработанных им в 1957—1960 гг. тибетских коллекций Этнографического музея при Центральном институте национальностей в Пекине, МАЭ РАН, колл. № И-1947-35.

В раздумьи вынь в предсумрачном тумане
Чернильный из-за пояса прибор.
Взгляни, тростник достаточно ль остер,
Пергамент схож ли с утром в гулистане?

К. А. Липскеров

ЯЗЫК И ПЕСНЯ LANGUAGE AND SONG

In meditation in pre-twilight fog
Pull out an inkstand from your belt.
See if the reed is sharp enough,
And if the parchment is similar to the morning
in Gulistan?

Konstantin Lipskerov

2

Салары живут близ истоков трех великих азиатских рек — Хуанхэ, Янцзы и Меконга. Рядом — заснеженные вершины замороженного буддийской молитвой Тибета, пустыни и оазисы обращенного к мусульманскому миру Синьцзяна, и многолюдные равнины Внутреннего Китая. Салары помнят Самарканд, свою далекую прародину, и трепетно любят свою землю, бережно обработанную многими поколениями предков (рис. 1–16). Плодородная земля и ежедневный упорный труд издавна сделали саларов самодостаточными и уверенными в себе. Многие из них тра-

диционно избирали военную карьеру, причем салары считались выносливыми и яростными воинами. Они сплавливали плоты или отправлялись с караванами в опасные путешествия через горные ущелья и пустыни — и то и другое всегда было делом рискованным.

История народа нашла отражение в его языке — языке тюрок-огузов в своей основе. Бурная и кровавая история Центральной Азии заставила предков саларов совершать тысячекilометровые путешествия — от Семиречья до Восточной Анатолии и от прикаспийских земель и Предтибетья. Их язык

испытал хорезмские, чагатайские, старокыпчакские, древнеуйгурские влияния, обогатился тибетской, монгольской и, прежде всего, китайской лексикой.

Саларская мечеть, построенная в XVI в., носит название «Мечеть чистой воды» и как чистый горный ручей льются саларские песни о любви, верности и расставании, песни, бережно хранимые и исполняемые на древнем языке, громадный вклад в изучение и сохранение которого внесли российские ученые, и, прежде всего, Эдхам Рахимович Тетишев.

The Salars live near the heads of three great Asian rivers — Huanghe, Yangzi and Mekong. Nearby are the snow-capped summits of Tibet, enchanted with Buddhist prayers; deserts and oases of Xinjiang, facing the Muslim world, and populous plains of Inner China. The Salars remember their distant motherland, Samarqand, and reverently love their land, carefully cultivated by the many generations of their ancestors (figs. 1–16). The land, practically unfamiliar to winter, and daily labour from days of old has made the Salars to be self-sufficient and self-confident people. Many of them traditionally chose

military careers; and the Salars were considered enduring and fierce warriors. They were rafting or setting out on dangerous journeys with caravans across mountain gorges and deserts — both of these proved to be high-risk endeavours.

All of history of this people group has been mirrored in its language, the foundation of which has been laid by Oghuz Turkic language. Turbulent and bloody history of Central Asia forced Salar ancestors to undertake journeys of thousands kilometres long — from Zhetysay to Eastern Anatolia, and from pre-Caspian lands to the Tibetan foothills. Their language absorbed

Khwarazm, Chagatai, old Kipchak and ancient Uyghur influences and was enriched by Tibetan, Mongol, and chiefly by Chinese vocabulary.

Salar mosque, built in 16th century is named “The Mosque of Pure Water.” And Salar songs pour forth as a pure mountain spring, always preserved and sung in a beautiful ancient language. An enormous contribution in studying and preserving of this ancient language has been made by Russian scholars, and mainly Edham Rahimovich Tenishev.

3

4

5

6

7

**Из полевого дневника
и исследовательских
работ Э. Р. Тенишева**

21 декабря 1956 г.

До обеда пришли к нам два члена будущей группы саларского языка Ли Лянчун [Лян-чун] и салар Юнус [Йунус], вчера они приехали из Кульджи. Юнус — молодой человек, лет 23—24. Раньше он работал в милиции. Затем его послали учиться на два месяца в Пекин, он поехал с другим саларом — Керимом, я уже встречал его в Пекине. Ли Лянчун работает в Институте языкознания. Она кончила средней школой в Индонезии, в Джакарте, и затем в течение двух лет изучала общее языкознание в Пекинском университете, уйгурским языком занимается недавно, в прошлом году принимала участие в работе кашгарского отряда. Ли Лянчун нравится мне своим очень серьезным отношением к делу. Сейчас она уже составила маленькую программу для собирания материала по саларскому языку¹.

30 апреля 1957 г.

Во дворе Комитета утром разговаривали со служащим саларом Юсуф-ака [Йусуф-ака]. Разговор, к моему удивлению и радости, состоялся. Поняли друг друга без особых затруднений! <...>

По сведениям начальника уезда Сюньхуа и секретаря парткома, протяженность уезда с востока на запад 120 ли (60 км), с юга на север — менее 30 ли. Собственно саларская территория имеет протяженность с востока на запад — 60 км, с юга на север — 12,5 км. В уезде живут салары, дунгане, тибетцы, китайцы.

Саларов в уезде насчитывается не более 23 тысяч человек, тибетцев — не более 12 тысяч, китайцев — более 2 тысяч, дунган — более 4 тысяч. Салары в большинстве случаев занимаются земледелием, немного транспортировкой грузов по реке Хуанхэ и ремесленничеством. Они не кочуют. Конь используется в хозяйстве лишь как тягловая сила. В уезде около двадцати школ, преподавание ведется, в основном, на китайском языке, но в некоторых случаях учителя-салары ведут объяснение на родном языке. В неделю один раз преподают чтение Корана.

При каждой мечети имеется медресе (дини мектаб — у уйгуров). Мечетей всего 78, мулл при мечетях около 140.

Саларских сел, примерно, шестьдесят. Повсеместно салары говорят на одном языке, небольшое различие в фонетике наблюдается только в Мынта [Мэнта] и Мучане в северо-восточной части уезда. Письменности своей салары не имели. Переписку они ведут на китайском языке при помощи иероглифов или же своеобразной транскрипцией арабскими буквами. Такие записи мне принес показать Мухаммед Эмин.

По мнению Ли Лянчун, салары говорят примерно одинаково в Сучже [Сучжэ] — Гейцзе-гуне [Гэйцзегуне] — Чинише [Цинише] — Мучане. В Бэйчжуане [Бэйчжуане] чувствуется влияние тибетского языка, а в Мучане — китайского. Китайские слова иногда произносятся саларами точно по-китайски, иногда согласно фонетике саларского языка².

December 21, 1956

Two members of the upcoming Salar language group came to visit us before lunch — Liang-chong and Salar Yunus. They arrived here yesterday from Kulja. Yunus is a young man of 23—24 years old. He worked in militia before. And then he was sent to Beijing for two months. Last time he went with another Salar, Kerim. I did meet him before in Beijing. Li Liangchong works in the Institute of Linguistics. She finished high school in Jakarta, Indonesia, and then she was studying general linguistics for two years in Beijing University. She's been occupied with Uyghur language fairly recently. Last year she participated in operations of the Kashghar team. I like Li Liangchong's serious approach to work. She has already come up with a little program for collecting data in Salar language¹.

April 30, 1957

In the yard of the Committee we spoke with one of employees, a Salar named Yusuf-aka. The conversation, to my surprise and joy, went well. No complications whatsoever. We understood each other! <...>

According to the words of Xunhua district superintendent and secretary of Party Committee, the district stretches 120 li (60 km) from east to west and less than 30 li from south to north. Proper Salar territory stretches 60 km from east to west and 12.5 km from south to north. The district's population consists of Salars, Dungans, Tibetans and Chinese.

The district numbers 23 thousand Salars at the most, 12 thousand Tibetans at the most, over 2 thousand Chinese and over 4 thousand Dungan. In most of the cases Salars are farmers. Some of them transport cargo down the Huanghe River, some are craftsmen. They do not live a nomadic life. Horses are used as a means for draught. There are about twenty schools in the district. The teaching is mostly done in Chinese language, but in some cases Salar teachers carry on explanations in native tongue. Once a week the reading of the Qur'an is taught.

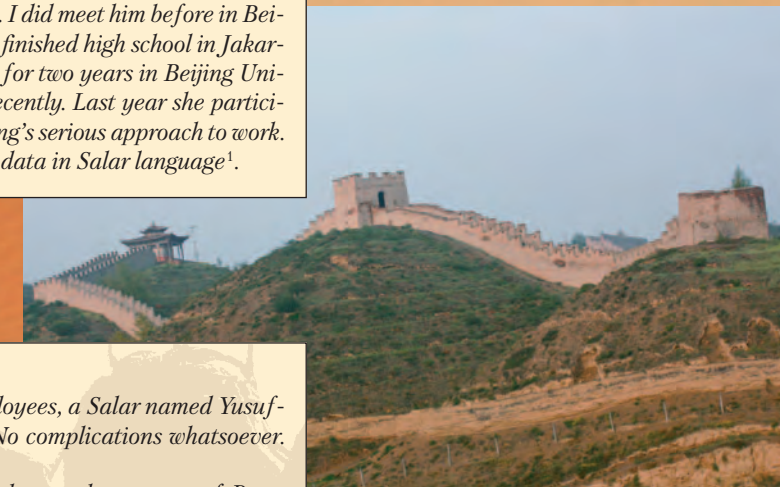
There is a madrasah attached to each mosque (Uyghurs call it dini mektab). All in all there are 78 mosques, and there are about 140 mullas.

There are about sixty Salar villages. The Salars everywhere speak the same language. There are only slight differences in phonetics in Mengta and Muchang in the north-western part of the district. The Salars do not have their own script. Correspondence is maintained in Chinese language with the help of hieroglyphs or with peculiar transcription of Arabic letters. Muhammad Emin once brought me this kind of writing.

Li Liangchong's opinion is that the Salars speak quite similar in Suzhe, Geijiecong, Qingshui and Muchang. In Beizhuang there is an obvious influence of Tibetan language and in Muchang — Chinese. Sometimes Chinese words are pronounced by Salars according to Chinese rules and sometimes according to phonetics of the Salar language².

1 Э. Р. Тенишев, У тюркских народов Китая (Москва, 1995), с. 123.
2 Там же, сс. 146—147.

1 E. R. Tenishev, Visiting Turkic Peoples in China (Moscow, 1995), p. 123.
2 Ibid., pp. 146—147.

1 мая 1957 г.

Три дня, начиная с сегодняшнего, нерабочие, ввиду праздника Рамазан.

Цзиши — город очень маленький. Он обнесен глиняной стеной. Имеется несколько ворот. Часть стены близко примыкает к нашему дому. Вчера я видел, как мальчишки бегали по стене, в ее верхней плоскости. Сегодня, по их примеру, поднялся по лестнице на эту стену и увидел весь городок, словно на ладони. Затем, пошел по стене, верхняя ее плоскость местами широкая, может вполне уместиться телега. Медленно я обошел всю стену. За стенами жилищ мало.

После обеда до самого вечера отвечал на вопросы Ли Лянчун по грамматике саларского языка. Очень интересные явления в саларском языке. В нем имеются черты огузские, китайские, а по тому, как времена глаголов не имеют личных показателей, он похож на язык желтых уйгуров. Вместе с тем — это во всем самобытный язык.

Вечером пришел секретарь Ли Сеньцзян [Ли Сянь-цзян] и пригласил нас по случаю праздника на танцы. После маленькой речи секретаря о празднике Первого мая и приветственных слов в мой адрес начались танцы. Играл настоящий оркестр. Были почти исключительно работники Народного Комитета. Многие из них просто сидели и наблюдали, танцуют мало³.

2 мая 1957 г.

Почти весь день продолжал рассказывать интересующие Ли Лянчун вещи по грамматике саларского языка и других тюркских языков. Она смысленная и любознательная. Окончив школу в Индонезии, она изучила индонезийский язык. В Пекине самостоятельно изучила уйгурский язык, а теперь стала заниматься саларским. Ей не хватает специальной подготовки по тюркским языкам. Но во многом она смогла разобраться сама. Следовательно, она умеет работать.

К вечеру всегда поднимается ветер. Двери и окна от его натиска скрипят и скрипят. Прохладно.

7 мая 1957 г.

Сегодня записал еще две сказки о животных и птицах. Хай Йисо [Хай И-со] настоящий клад: сказки его чудесные. За день сегодня записал почти девятнадцать страниц! Завтра обещал еще диктовать. Хорош язык сказок. Словом, дела пошли.

Погода тоже наладилась. Первые два дня было холодно, как зимой. Теперь ветер утих, целый день солнце. Небо очень чистое и нежно-нежно лазоревое. Изумительно красивы горы: рельефные, изломанных линий, то строго очерченные, то причудливо нагроможденные. В долине, среди гор, раскинулись зеленющие нивы и кучи кудрявых деревьев. Один и тот же пейзаж утром красив иначе, чем днем, иначе, чем вечером. Красивее всего, пожалуй, вечером. Недалеко от нашего дома течет Хуанхэ или, как ее еще называют, Мурен, доносится шум ее течения. Если подойти ближе, шум усиливается, как будто где-то близко большой

10

3 Там же, с. 148.

11

May 1, 1957

Three days in a row starting with today are non-working days due to celebration of Ramadan.

Jishi is a very small city. It is fenced by clay walls. There are a few gates, though. Part of the wall adjoins our house. Yesterday I saw boys running upon the wall, upon its upper level. Based on their example I climbed up the ladder and unto the wall. The whole town spread before my eyes. And then I walked along the wall. Its upper level in some places is wide enough for a cart. I walked all around the town upon this wall. There are only a few dwelling huts outside.

After lunch and all the way into evening I was answering Li Linagchong's questions concerning the Salar grammar. There are very interesting occurrences in this language. It has Oghuz and Chinese features. And since verb tenses do not have personal index it is very similar to the language of Yellow Uyghurs. Taking all this into consideration, it akes this language very original.

Secretary Li Xian-jiang came by in the evening and invited us to the dancing party due to the festival. After a little speech regarding the First of May and a few words of greetings to me, dances began. A real orchestra played. There were only officials from People's Committee. A lot of them only sat there and observed, a few danced³.

May 2, 1957

Almost all day long I've been telling Li Liangchong of the things that interest her about the grammar of Salar language and other Turkic languages. She is very smart and curious. Having finished school in Indonesia, she learned Indonesian language. While in Beijing she learned Uyghur language on her own, and now she's started learning Salar. She lacks special training in Turkic languages, though. But she was able to figure a lot of things out by herself. Therefore, she can work independently.

The wind breaks out by nightfall. Windows and doors creak under its onslaught. It's chilly.

May 7, 1957

Today I've written down two more fairytales about animals and birds. Hai Yi-suo is a genuine treasure — his fairytales are marvellous. During the whole day I've written down about nineteen pages! He promised to dictate more tomorrow. The language of fairytales is truly beautiful. In short, the ice moved.

The weather seems to have sorted itself out, too. The first two days were pretty cold, like in winter. And now the wind has died down and it's been shining all day long. The sky is clear and tenderly azure. The mountains are amazingly beautiful — bold and broken lines, at times strictly outlined and in other times fancifully piled. In the valley, amid mountains, verdant willows and lots of curly trees are spread. The same landscape is differently beautiful in the morning, in the afternoon and in the evening. It is most beautiful at night, I dare say. Huang He, or as it is also called Mureng, flows not too far from our house. The current's roar reaches our ears. If we come closer, the roar intensifies, as though

3 Ibid., p. 148.

водопад. На самом деле никакого водопада нет — шум течения реки усиливается отражением от гранитных гор!

Речь саларов льется очень быстро, как мне приходилось слышать у туркмен-текинцев. Облик многих саларов очень напоминает туркменский. На собраниях говорят на родном языке, а протоколы и документы ведут на китайском.

Близость каменных гор, чистый воздух и тишина способствуют тому, что голос хорошо слышен издалека. На этом и «построен» местный телефон. Очень часто под вечер, на плоскую крышу одного из наших домов поднимается парень и звонким голосом отдает кому-то распоряжение. Вечером, когда село затихает совсем, голос муэдзина слышен совсем рядом, очень четко и ясно, со всеми вибрациями голоса, а мечеть — метрах в двухстах от нас⁴!

11 мая 1957 г.

К шести часам нас пригласили на ужин. Собрались в той же приемной, что и утром. Мухаммеди Рамазан вспомнил, что лет пятьдесят тому назад видел ту-сы [тусы], старшину саларов. Имени его не помнит, сын его жив и находится в Улагыле (Сенир). Раньше были два ту-сы: Ма ту-сы [Ма тусы] и Хань.

Одно за другим подавались кушанья, все китайские, в том числе излюбленные саларами боцзи [баоцзы] — круглые, испеченные на пару пирожки с начинкой из сахара. Все это запивалось чаем, который все время подливался, чтобы в чашках он постоянно был горячим.

Мухаммед Рамазан неожиданно задал мне вопрос: можно ли саларам оставить ту письменность, на которой написаны книги на саларском языке, что мы видели утром. Я рассказал, как и почему менялась письменность у тюркских народов Союза, что делается сейчас в этой области в Китае, о мероприятиях, проводимых уйгурами, казахами и киргизами Синьцзяна. Для салар этот же вопрос должен решиться иначе, чем в Синьцзяне, а как, пусть думает саларский народ. Мы тоже будем работать и помогать саларским товарищам. Для салар, которые хорошо говорят по-китайски и имеют много китайских слов в своем словаре, удобнее ориентироваться на ту письменность, которую примет в будущем китайский народ. Мне думается, что давать мне, как специалисту, конкретные советы в обстановке пока мало известной преждевременно. Вечером Чень Пэн [Чэнь Пэн], смущаясь, заявил, что во время перевода он вставил по собственной инициативе пожелание, чтобы салары приняли письменность на латинской основе. Вот это да⁵!

15 мая 1957 г.

Весь день совещались с отрядом. Составили план отчета, отвечал на вопросы. Вопросы задавали почти все. Характер вопросов говорил о том, что товарищи за время работы в Синьцзяне и в Синьхуа [Сюньхуа] приобрели опыт и начинают все глубже разбираться в языке. Перечисляю состав отряда: Ли Лян-чун (старшая), Пай Пыньюлин, три салара — Керим, Юнус и уроженец Гейцзе [Гэйцзе] — Юсуф, очень живой, лет двадцати. Из Синьцзяна Комитет по языку и письменности прислал Шерина. В прошлом году он переехал из Яркенда в Урумчи. В Яркенде работал учителем уйгурского языка.

Пока мы заседали, охранник Нью съездил в Сюньхуа и привез письма, мне — ничего. Что с Аленой, неужели больна. В душе какое-то смутное беспокойство⁶.

4 Там же, сс. 152—153.

5 Там же, сс. 158—159.

6 Там же, с. 160.

an enormous waterfall is not far away. In reality there is no waterfall — the current's roar is intensified being reflected from the granite mountains!

The Salar's speech flows rapidly, just as the speech of Turkmen-Tekins that I've heard. The appearance of Salars looks a lot like that of Turkmen. The meetings are carried out in native language, and the minutes and documents are recorded in Chinese.

The proximity of rocky mountains, fresh air and silence allow one's voice to be heard from afar. This is how local telephone system is "constructed". Not infrequently a young man climbs to the flat of one of our houses at nights and shouts directions to somebody. At night, when the village grows completely quiet, muezzin's voice is heard as though it is very close — loud and clear, with all of the voice's vibrations, even though the mosque is about two hundred meters away from us⁴!

May 11, 1957

We were invited to dinner for six o'clock. We gathered at the same waiting room that we did in the morning. Muhammedi Ramazan remembered that he saw tusi, the foreman of Salars, about fifty years ago. He could not remember his name; his son is alive and lives in Ullygal (Xienier). There used to be two tusi: Ma tusi and Han [tusi].

Different dishes were being offered, each one is Chinese, including baozi, so loved by Salars — round steamed patty with sugar filling. All of that was washed with good amount of tea, which was constantly added, so that the tea in the cups was always hot.

All of a sudden Muhammed Ramazan asked me a question, whether Salar script can remain in the Salar language that we saw in the books in the morning. I shared how and why the scripts of the Soviet Turkic people groups was altering, what is happening in this area in China, about endeavours undertaken by Uyghurs, Kazakh and Kirghiz of Xinjiang. For Salars this issue should be resolved differently than in Xinjiang, but how exactly it will turn out, that is up the Salar people. And we will be working alongside our Salar comrades and helping them where we can. For the Salars who are fluent in Chinese and who have a rich Chinese vocabulary it is much more fitting to head for script that later on will be embraced by Chinese people. I believe it is premature for me, as a specialist, to counsel in this situation, which I still do not know much about. In the evening Chen Peng, blushing a little, confessed that while he was translating, on his own initiative, he inserted a desire for Salars to embrace a Latin-based script. How about that⁵!

May 15, 1957

All day long we were consulting with the group. We have come up with the plan of the report; I was answering questions. The questions were asked almost by everyone. The nature of questions revealed that during their work in Xinjiang and Xunhua my companions begin to grasp the language so much better. Here's the list of our group: Li Liangchong (the superior of the group), Pai Pyn'iulin, three Salars — Kerim, Yunus and a Geijie native, Yusuf, a very vivacious 20-year-old. The language and script Committee has sent Sherin from Xinjiang. Last year he moved from Yarkand to Urumqi. He had worked as a Uyghur language teacher in Yarkand.

While we were in session, the guard Nu went to Xunhua and brought mail, but nothing for me. What is with Alyona? Is she ill? My souls can't seem to find rest⁶.

4 Ibid., pp. 152—153.

5 Ibid., pp. 158—159.

6 Ibid., p. 160.

10 июня 1957 г.

Сегодня день рождения моей любимой тетушки Айши. В прошлом году она встретила этот день в Москве, когда я уже был на пути в Пекин.

Раздел грамматики закончили совсем. Попробовал понаблюдать мелодику, кое-что удалось схватить, но пока свободно не овладел языком, будет трудно, да и сами носители языка не всегда четко ее воспроизводят.

16 июня 1957 г.

Утром пришел начальник волости посмотреть магнитофон. Я записал на пленку песню Халилу и дал ему послушать. Удивление, конечно, немалое. Начал записывать у моего постоянного хорошего помощника Хакима. Без него работать было бы трудно, помощь его в моей работе очень большая. Он живет с матерью и родственницей недалеко от нас в дунганском доме, где занимает две небольшие комнаты.

Почти каждый вечер звучит на всю долину голос разговаривающих по «крышному телефону», который я впервые услышал в Уллагыле (Сенир).

2 июля 1957 г.

Весь день записывал. Кажется в саларском языке, кроме долгих и кратких гласных, имеются полудолгие гласные. Утром эта мысль пришла в голову. Проверил, Хаким и Хо Ши-пан подсказывали слова — подтверждается. Составляю план своего отчета по саларскому языку, так будет удобнее писать в дальнейшем.

Под вечерним солнцем горы меняют свои краски, не успеешь отвернуться, как то же самое место стало как будто другим. Такой перелив красок вижу впервые. Картины более красивой трудно представить. Хочется любоваться ею без конца⁷.

3 июля 1957 г.

Утром записал на пленку сказки Хо Шипана [Ши-пана]. После этого Хаким привел кузнеца Ма Лота. Он уроженец Лована, а живет и работает в Эйше Ахваре. Он спел нам пять саларских песен, они мне очень понравились. Одну из них записал в тетрадь. Затем погрузились в машину и через час приехали в Цзиши⁸.

June 10, 1957

Today is the birthday of my favourite aunt Aisha. Last year she was in Moscow on this day, while I was on my way to Beijing.

We completely finished with the grammar section. I tried to analyze its melodic, and I managed to grasp some of it, but until I fluently speak the language it would be very difficult, especially since even the native speakers do not always reproduce it accurately.

June 16, 1957

The head of the district came in the morning to take a look at the tape-recorder. I recorded Halila's song on tape and gave it to him to listen. And of course he was surprised beyond words. I've started the recording process with my steady helper Hakim, without whom it would be a hard work. His help in my line of work is invaluable. He lives with his mother and another relative not too far from us, in a Dungan house where he takes up two small rooms.

Almost every evening I hear voices of those who speak on the "roof telephone", which I first heard in Ullagil (Xienier). Their voices are heard all over the valley.

July 2, 1957

Was entering data all day long. It seems to me that apart from long and short vowels there are also half-long vowels in Salar language. In the morning this idea crossed my mind. I checked it; Hakim and Ho Shi-pan prompted the right words, and it proves to be true. I'm putting together the plan of my Salar language report; that will help me take notes in the future.

The mountains under the evening sun are swiftly changing their colours; just turn around and the same spot seems to look completely different. I had never seen a play of colours like I do now. It's hard to imagine anything more beautiful. I would love to admire this scenery forever⁷.

July 3, 1957

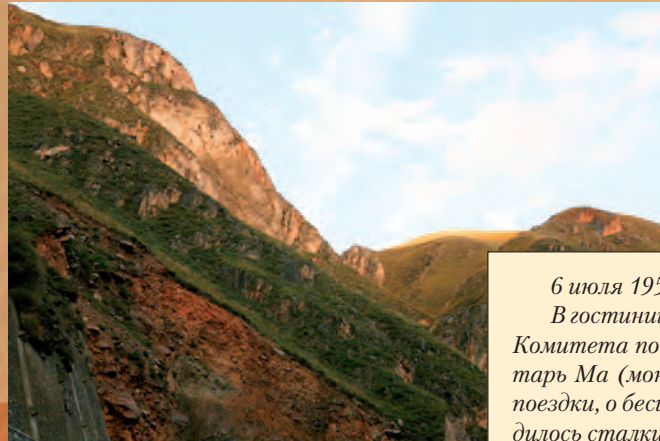
In the morning I recorded the fairytales of Ho Shi-pan. After that Hakim brought in a blacksmith, Ma Lot. He is a native of Lovan, but he lives and works in Ayshe Akhwar. He sang five Salar songs, which I loved so much. One of them I even wrote down in my notepad. Then we loaded into a truck and within an hour we were in Jishi⁸.

⁷ Там же, с. 184.

⁸ Там же.

⁷ Ibid., p. 184.

⁸ Ibid.

15

6 июля 1957 г

В гостиницу, куда мы вернулись, к назначенному времени пришли председатель Комитета по делам национальностей провинции Мын [Мэн] (дунганин) и секретарь Ма (монгол). Я рассказал о той помощи, которую мне оказывали во время поездки, о бесценной помощи Хакима, ахунов и других саларов, с которыми пришлось сталкиваться.

Спросил о количестве саларов. Мын подтвердил те данные, которые мне сообщил Пекер в Ганьду. Попросил еще собрать для меня возможные сведения о родовых старейшинах ту-сы, которые были у саларов в старое время и данные по общественному устройству до Освобождения. Сказал, что Комитету надо организовать собрание этнографического материала старого и нового времени, а со временем организовать выставку такого характера, которые устраивает у себя Центральная Академия национальностей в Китае. Когда-либо преподавание саларского языка будет введено, может быть, в той же Академии в Пекине, или в Ланьчжоу или в Синине, и тогда сразу появится необходимость такой выставки, как и в последующем изучении материальной культуры саларов. Надо накапливать материал.

Что касается кадров для работы по языку, я сказал, что отряд, в составе которого два салара, уже накопил опыт. На месте найдутся и другие, способные к такой работе люди, например, Хахим, Йи Сыфу [И Сы-фу] и другие.

Ма задал вопрос об алфавитной основе для саларской письменности. Этот вопрос является, конечно, основным для Комитета. Я ответил, что вопрос имеет две стороны — политическую и культурную. Рассказал об истории создания письменности у народов Союза. Здесь салары хорошо говорят по-китайски, дети учатся в школе на китайском языке. В языке саларов много слов, заимствованных из китайского языка, имеются и звуки, вошедшие из китайского. Следовательно, со всех точек зрения для саларского языка удобнее принять ту будущую фонетическую письменность, которая будет создана для китайского языка. Если она будет создана!

Я спросил о письменности у монголов, которых на севере от Синина почти 60 тысяч, дунган и дунсян. Ма сказал, что имеются варианты на славянской основе, но это не окончательное решение. Мнение по этому вопросу должен подготовить работавший здесь ранее отряд.

Ма в заключение выразил удовлетворение результатами нашей работы. Содержание беседы они сообщают начальнику провинции и секретарю парткома. Ма прощаясь сказал несколько слов по-саларски, уже не первый раз встречаю дунганина, говорящего по-саларски. После беседы нас пригласили на ужин. В большом зале внизу за банкетным столом сидела тибетская делегация, едущая по стране. Сюда пригласили и наш экипаж, но я, Чень Пэн и Ма ужинали в комнате для советских специалистов. После невероятно обильного ужина, всем экипажем поехали в кино, шел советский фильм «Следы на снегу»⁹.

⁹ Там же, сс. 191—192.

16

July 6, 1957

At the appointed time Chairman Meng (a Dungan) of the Committee for the province people's affairs and Secretary Ma (a Monghor) came to the hotel, which we returned to. I shared about the help I was given during our trip, about invaluable help of Hakim, akhunds and other Salars, with which we met.

I inquired of the number of Salars. Myn Meng confirmed the data I was given by Pecker in Gandu. I also asked if certain data could be collected for me in regards to kin's elders tusi, which Salars had had in the past and also in regards to social affairs before the Liberation. I said that the Committee should have organized the collecting of the ethnographic material of both old and new times, and in time should also organize an exhibition which the Central Academy of National Minorities in China organizes. Maybe one day Salar language will be introduced as a discipline in that Academy in Beijing or in Lanzhou or in Xining, and then there will be a need for this kind of exhibition and the following study of Salar culture. Therefore, serious work needs to be done on accumulating the material.

And in regards to language specialist, I told him that the group, which also includes two Salars, has already gained experience. And when on site there will be other people who will be fit for the task, for example, Hakim and Yi Si-fu and others.

Ma also asked a question in regards to alphabet foundation for Salar script. This question, of course, is the main one for the Committee. I answered that this issue has two sides to it — political and cultural. I shared about the history of script among other people of Soviet Union. Here Salars speak good Chinese, and children are being taught in school in Chinese, too. Salar language borrows a lot of words from Chinese language, and there are also sounds that came from Chinese. Hence, from all points of view it is more convenient for Salar language to embrace the phonetic script, which will be formed for Chinese language. If indeed it will be formed!

I asked about the script of Monghors, who number about 60 thousand to the south of Xining, both Dungan and Dongxiang. Ma said that there are some Slavonic-based pieces, but this is not finalized. A group that worked here before should make their decision in regard to this issue.

In conclusion Ma was quite happy about the results of our work. They will share the content of our conversation with the head of the province and the secretary of the Party Committee. Saying goodbye Ma said a few words in Salar language. It's not the first time that I meet Dungans speaking Salar. After our conversation we were invited to dinner. A Tibetan delegation sat at the banquet table in the large room downstairs. They travel around the country. Our group was also invited there, but Chen Peng, Ma and I dined in the room for Soviet specialists. After incredibly plentiful dinner the whole team of ours went to cinema, where we saw a Soviet film, "Footprints in the Snow"⁹.

⁹ Ibid., pp. 191—192.

«Салары в массе своей владеют китайским языком, многие тибетским (северо-амдоский говор). Салары пользуются китайским языком на правах официального языка. На нем преподают в школах, ведется радиовещание, осуществляется административная жизнь.

В истории развития саларского языка предварительно можно наметить следующие периоды:

XI—XII вв. Памятников собственно саларских нет. Некоторые сведения о саларском языке дают косвенные источники: Махмуд Кашгарский, который в своем «Диване тюркских языков» среди огузских племен называет племя «салгур» (> салур > салар) и говорит о языке огузов; памятник «Китаб-и дедем Коркуд» с чисто огузским литературным языком, датируемый по историческим основаниям XV—XVI вв., но по языку приближающийся ко времени Махмуда Кашгарского.

XIII—XIV вв. Памятники этого периода, не будучи собственно саларскими, относятся к огузо-кыпчакскому кругу со смешанным, как и у саларов, языком. Поэтому к истории саларского языка они имеют прямое отношение. Из этих памятников следует назвать среднеазиатский «тефсир» (толкование Корана), «Нахджу-л-фарадис», «Киса-и Юсуф» Али, «Юсуф Зулейха», «Мухаббат-намэ», «Огуз-намэ» Ахсан-шейха и др.

XV—XVIII вв. К этому периоду относятся рукописные книги на старосаларском языке — «Ибадэт», «Кисса-и Курбан абдэс», «История саларов» и др.

XVIII—XX вв. Современный саларский язык с системой сильных глухих придыхательных и слабых непридыхательных согласных, а также обилием китайских и тибетских слов в словаре. Язык предшествующих пери-

одов малопонятен даже получившим мусульманское образование саларам»¹⁰.

«Впервые небольшой саларский текст вместе с отдельными словами и фразами написал Г. Н. Потанин во время своего пребывания у саларов¹¹. Некоторые фразы и слова написал посетивший саларов позже Г. Н. Потанина В. В. Рокхилл¹². Такие же разрозненные фразы и слова в конце прошлого века записал В. Ф. Ладыгин от двух саларов, остановившихся в Пишпеке [ныне — Бишкек] проездом в Мекку¹³. Записи В. Ф. Ладыгина, знавшего китайский язык, в фонетическом отношении очень точные. По ним легко угадать, что эти салары родом из восточной части уезда.

Со специально лингвистической целью ездил к саларам во время своего первого путешествия по Китаю С. Е. Малов¹⁴. Он записывал главным образом поэзию, но, к сожалению, не успел свой материал подготовить к печати, и тетрадка саларских стихов осталась лежать в его архиве.

Венгерский тюрколог С. Какук в 1960 г., будучи в Пекине, записала у работника Института языков нацменьшинств Академии наук КНР Хань Цзиньэ [Цзинь-е], салара по национальности, несколько сказок, песен и загадок¹⁵. Все это — очень и очень немного для научной разработки саларского языка <...>

Многие рассказчики-салары без особых затруднений рассказывали по четыре-пять и более сказок, преданий или песен. У некоторых рассказчиков был свой репертуар. Тем не менее, трудно сказать, есть ли у саларов сказители-профессионалы, такие же, как, например, у казахов, киргизов, туркмен и лобнорцев. Обнаружить их мне не удалось»¹⁶.

«Устное народное творчество саларов очень богато по содержанию и по форме. К фольклорным жанрам относятся *томбах* — сказки бытовые, волшебные, новел-

листические, сказки о животных, птицах и т. д., *лиши* — исторические легенды саларов о переселении из Самарканда в Китай, *йур* — песни лирического, любовного содержания. Любопытно, что до недавнего времени салары не пели у себя дома или в селении песен, которые они любят и знают. Песни эти пели только в поле, во время работы. Излюбленный музыкальный инструмент саларов — *кхуши* (*кобуз*) (ср. *рис. 17*, представляющий *кобыз* казахского шамана). Мотив песен свой, особенный, не похожий на мотивы китайские или тибетские. Саларские женщины исполняют рифмованные «плачи». Они бывают двух видов: *сагыш* — плач по родительскому дому и *йыгы* — плач по умершим.

Часть сказок — тюркского происхождения. Встречаются типично западные сюжеты из серий «героическое сватовство» и «возвращение мужа», как в эпосе «Алпамыш» или «Одиссее» Гомера, хранящие в себе древние тотемистические представления. Часть сказок, более поздняя по происхождению, передает сюжеты китайских и тибетских сказок с их собственными именами и местными особенностями»¹⁷.

9 мая 1957 г. у 25-летней жительницы селения Улагыл Э. Р. Тенишев записал лирическую песенку (*йур*), рисующую живую и вполне музыкальную картинку из жизни саларов:

Салар Сань Ши-па,
Делающий кобуз.
Саларка Сань За-гу [Цза-гу],
играющая [на нем].
Девуца из Коштэма,
[мастерица] вырезать из бумаги.
Черному ягненку
хорош колокольчик.
Гнедому жеребенку
хороша кисточка.

15 S. Kakuk, "Textes salars", *Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae* XIII/1—2 (Budapest, 1961), pp. 95—117.

16 Э. Р. Тенишев, *Саларские тексты* (Москва, 1964), сс. 3—4.

17 Он же, «Салары. Народная поэзия. Этнографические очерки. Народы Восточной Азии (Москва — Ленинград, 1965), с. 645.

“The Salars as a whole are fluent in Chinese language and many also are in Tibetan (north-Amdo dialect). The Salars use Chinese language on the level of their official language. It is used for teaching in schools, for radio broadcasting, for conducting administrative issues.

In the history of Salar language the following phases may be preliminary noted:

The 11th—12th centuries. There are no proper Salar monuments. Certain data of Salar language are given by indirect sources: Mahmud of Kashghar in his ‘Diwan of Turkic Languages’ among the Oguz tribes mentions the tribe of ‘Salgur’ (> Salur > Salar) and speaks of the language of Oguz people; the monument ‘Kitabi dedem Korkud’ with purely Oguz literary language, according to historical basis dated as the 15th—16th centuries, but with its language closer to the times of Mahmud of Kashghar.

The 12th—14th centuries. The monuments of this time period, while not yet proper Salar, relate to the Oguz-Kypchak family with mixed language just as the Salars used. Thus, they directly relate to the history of Salar language. Among these monuments the ones worth mentioning are the Central Asian ‘*tafsir*’ (interpretation of the Qur’an), ‘Nahju al-faradis’, ‘Qissa-yi Yusuf’ of ‘Ali, ‘Yusuf Zulaykha’, ‘Muhabbat-name’, ‘Oghuz-name’ of Ahsan-shaykh etc.

The 15th—18th centuries. Certain hand-written books in old-Salar language belong to this phase — ‘Ibadat’, ‘Qissa-yi Qurban abdes’, ‘The History of the Salars’, etc.

The 18th—20th centuries. Modern Salar language with the system of strong flat aspirate and weak non-aspirate consonants, and with an abundance of Chinese and Tibetan words in its vocabulary. The language of the preceding phases is not very comprehensible even for Salars with Muslim education”¹⁰.

10 E. R. Tenishev, *Salar Language* (Moscow, 1963), p. 9.
11 G. N. Potanin, *Tangut-Tibetan Borderlands of China and Central Mongolia* (St. Petersburg, 1893), pp. 426—434.
12 W. W. Rockhill, *Diary of a Journey Through Mongolia and Tibet in 1891—1892* (Washington, 1894), pp. 373—376.
13 W. W. Rockhill, *Diary of a Journey Through Mongolia and Tibet in 1891—1892* (Washington, 1894), pp. 373—376.
14 S. E. Malov, “The report of the journey to Uyghurs and Salars”, *Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia* II/1 (St. Petersburg, 1912), p. 92.
15 S. Kakuk, “Textes salars”, *Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae* XIII/1—2 (Budapest, 1961), pp. 95—117.

“For the first time a small Salar text together with individual words and phrases was recorded by G. N. Potanin during his stay among Salars”¹¹. Some phrases and words were later recorded by W. W. Rockhill, who visited Salars a little later than did G. N. Potanin¹². The same type of isolated phrases and words were recorded in the end of the last century by V. F. Ladygin. He wrote them down from two Salars who stopped in Pishpek [currently known as Bishkek] on their way to Mecca¹³. The notes of V. F. Ladygin, who was fluent in Chinese language, are very accurate in phonetic regard. Judged by those it is easier to guess that by origin the Salars come from the eastern part of the district.

During his first journey around China S. E. Malov went to visit Salars with a special linguistic goal in mind¹⁴. Mostly he recorded poetry, but unfortunately he did not manage to prepare his material for publication, and so the notebook with Salar poems remained in his archive.

In 1960 Hungarian Turkologist S. Kakuk, while in Beijing, wrote down several fairytales, songs and riddles from Salar Han Jin-ye, an employee of the Institute of the Languages of Minority Groups of the Academy of Sciences of the Chinese People’s Republic¹⁵. All of the aforementioned does only a little for the scientific development of Salar language <...>

Many Salar storytellers without any difficulties would tell four-five or even more stories, legends or songs. Some storytellers had their own repertoire. It is hard to claim, however, that Salars have professional storytellers as do, for instance, Kazakhs, Kirghiz, Turkmens and Lopnorans. I could not find any trace of those”¹⁶.

“Oral folk arts of Salars are rich in content and form. Ranked among folk genres are *tom-bakh* — everyday tales, fairytales, short stories, tales of animals and birds, etc., *lishi* — historical Salar legends of their migration from Samarqand

to China, *yur* — songs of lyrical and love content. Interestingly, until recent times Salars did not sing the songs they know and love at home or in their settlement. Those songs were only sung in the fields while working. The favourite musical instrument of Salars is *khushi* (*kobyz*) (cf. *fig. 17*, presenting the *kobyz* of Kazakh shaman). Tune of the songs is special, their own and different from tunes of Chinese and Tibetans. Salar women perform rhymed ‘wailings’. They may be of two types: *sagidh* — wailing for the paternal home, and *yagi* — wailing for the deceased.

Part of the tales is of Turkic origin. One may run across typical western plots of ‘heroic match-making’ and ‘the husband’s return’ as in epic of Alpamysh or Homer’s ‘Odyssey’ that preserve ancient totemistic views. Part of the tales, of much later origin, communicates the plots of Chinese and Tibetan tales with their proper names and local peculiarities”¹⁷.

On the 9th of May of 1957 E. R. Tenishev wrote down a lyrical song (*yir*) drawing a vivid and quite musical figure of Salar life. He wrote it with a 25 year old woman in the village of Ullagil:

Salar San Shi-pa,
Making kobyz.
Salar San Za-gu,
Playing [it].
A maid from Koshtema,
[A good hand at] cutting out from paper.
A bell is good for
A black lamb.
A tassel is good for
A chestnut colt.
A cockerel is good for
A grey hen
A bull-calf is good for
A variegated cow...¹⁸

10 Э. Р. Тенишев, *Саларский язык* (Москва, 1963), с. 9.
11 Г. Н. Потанин, *Тангут-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия* (Санкт-Петербург, 1893), сс. 426—434.

12 W. W. Rockhill, *Diary of a Journey Through Mongolia and Tibet in 1891—1892* (Washington, 1894), pp. 373—376.

13 Ф. Поляков, В. Ладыгин, «Салары. Этнографический очерк», *Этнографическое обозрение* I (Москва, 1893), сс. 32—36.

14 С. Е. Малов, «Отчет о путешествии к уйгурам и саларам», *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии* II/1 (Санкт-Петербург, 1912), с. 92.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-179-4

17а

Серой курочке
хорош петушок
Пестрой корове
хорош бычок...¹⁸

Образцом саларского языка может служить «Верблюжья игра» — историческое предание, ставшее частью саларского свадебного ритуала. Приводим его в записи и переводе Э. Р. Тенишева. Рассказчик — Мухаммеди Ша Бан-бо, 86 лет, крестьянин. Записано 4 июля 1957 г. в селении Алтыюли (рис. 18).

Два человека, надев вывернутую шерстью наружу шубу, изображают (букв. становятся) верблюда. Кто-нибудь, надев вывернутую шерстью наружу шубу, изображает (букв. становится) Караманга. Караманг ведет верблюда за веревку, продев ее в его нос. Караманг опирается на посох. Кто-либо еще (букв. чужой человек) задает вопросы Карамангу.

Человек¹⁹: «Ты откуда пришел?»

Караманг²⁰: «[Я] вышел из Самарканда!»

Человек: «Куда пришел оттуда?»

18 Он же, *Саларские тексты*, с. 118.

19 Его изображал Та Ли-бу.

20 Его изображал Ша Бан-бо.

21 Место в 103 ли на юг от Алтыюли.

17

Караманг: «[Я] пришел в Канджа-танг²¹».
Человек: «Что там ел?»

Караманг: «Ел жесткую траву, оставлял [после себя] орешки». Человек: «Потом куда пришел?»

Караманг: «Потом пришел (букв. достиг) в Джангджава²²». Человек: «Что ел [там]?»

Караманг: «Ел жесткую траву, оставлял [после себя] аргал, как ягода чабуган».

Человек: «Затем куда ходил?»

Караманг: «Добрался до Отузтага. Взвесил землю на больших весах, веса сравнялись (букв. вышли). [Один] омен [местной земли] оказался равным (букв. наполнился) [одному] омену [священной земли]. Затем достиг местности саларов».

Человек: «Что делал в местности саларов?»

Караманг: «Добрался до источника. [Один] омен воды оказался равным [одному] омену [священной воды]. Взвесил воду на больших весах, веса сравнялись (букв. наполнились). Сказав, что здесь подходящая земля, остано-

22 Современный Мантлал-таг, в 30 ли южнее Алтыюли.

23 Э. Р. Тенишев, *Саларские тексты*, сс. 36—37. Важно, что тема переселения в целом зафиксирована в трех видах саларских текстов: в «Верблюжьей игре»,

вился [здесь]. Посмотришь на юг, лес близок, можно жить (букв. передвигать время), охотясь и питаюсь мясом. Посмотришь на север, река близка. Можно жить (букв. передвигать время), добывая золото».

(далее идет «Величальная»)

Ваши (букв. твои, т. е. жениха и невесты) родственники — тибетцы. Пусть соединятся ваши (букв. твои) родственники, как рога серого (букв. синего) яка!

[Как только] проводим вас (букв. тебя), единую семью, поселим в Шансы[-гуне], а мы (букв. я) единой семьей останемся в Хансы[-гуне], закальвая коров и баранов.

[Или] нас (букв. я), единую семью, оставим в Шансы[-гуне], а вас (букв. ты), единую семью, оставим, в Хансы[-гуне], [чтобы] меня ублажать, густым чаем поить.

Родственники ваши (букв. ты) — равные друг другу две части²³.

Размышляя о хронологии тюркских языков и истории лингвистических контактов

в стихотворной «Песне о переселении саларов» (там же, сс. 66—67), и большом прозаическом тексте «История переселения саларов» (там же, сс. 119—125). Другого примера подобной популярности сюжета в саларских текстах нет.

“The Camel Game” may serve as a sample of Salar language. It is a historical legend that has become a part of Salar wedding ritual. It is given below as it was written and translated by E. R. Tenishev. Told by storyteller Muhammedi Sha Bang-bo of 86 years of age, a peasant. Recorded on the 4th of July of 1957 in the village of Altiyuli (fig. 18).

Two men, having put on a fur coat turned inside out with the fur side out, depict (lit. position themselves as) a camel. Somebody, having put on a fur coat with the fur side out, depicts (position himself as) Qaramang. Qaramang leads a camel by a rope, passed through its nose. Qaramang leans on his staff. Somebody else (lit. a stranger) asks questions of Qaramang.

The man¹⁹: “Where have you come from?”

Qaramang²⁰: “[I] left Samarqand!”

The man: “Where did you arrive from there?”

Qaramang: “[I] arrived to Kanja-tang”²¹.

The man: “What did you eat there?”

Qaramang: “I ate tough grass, and left nuts [after myself]”.

The man: “Then where did you arrive?”

Qaramang: “Then I arrived (lit. reached) to Jangjawa”²².

The man: “What did you eat [there]?”

Qaramang: “Ate tough grass, and left [after myself] arghal, as berries of chabughan”.

The man: “Then where did you go?”

Qaramang: “I reached Otuztag. Weighed the soil on greater scales, the weights matched (lit. came out). [One] omen [of local soil] was found equal (lit., were filled) to [one] omen [of the sacred soil]. Then I reached the region of the Salars”.

The man: “What did you do in the region of the Salars?”

Qaramang: “I got to the spring. [One] omen of water was equal to [one] omen [of the sacred water]. I weighed water on greater scales, the weights matched (lit., were filled). Having said

19 He was portrayed by Ta Li-bu.

20 He was portrayed by Sha Bang-bo.

21 A location 103 li to the south of Altiyuli.

Текст

İški kif tō:tenni čüre kiye tōje tağnañ. Pır kifi tō:tenni čöre kiye Qaramağ tağnañ. Qaramağ tōjenigi purnuna čuñyr taxy je'ler. Qaramağ asany z'ijener. Taši pir kif Qaramağa sorryr.

Paşqa kif: «Sen qatan kēgen?»

Qaramağ: «Sāmā kandiden čixkēgen!»

Paşqa kif: «Qatā kēgen anden?»

Qaramağ: «Kanzataga kelzi!»

Paşqa kif: «Anda nağ jegen?»

Qaramağ: «Anda šo'umu qajayan, xos čaytayan!»

Paşqa kif: «Anden qatā kēgen?»

Qaramağ: «Anden Zağzavaya je'z'i!»

Paşqa kif: «Nağ jegen?»

Qaramağ: «Šo'umu jezi, čöbuğan čaytazi!»

Paşqa kif: «Anda qatā vayan?»

Qaramağ: «Otuz tañqa je'z'i! Töruxny piğna vursa, piğ čixçan, ömen vursa, ömen tołyan. Anden safar tifağa je'z'i!»

Paşqa kif: «Satar tifağda nağ e'ken?»

Qaramağ: «Jule je'ken. Suny ömene vursa, ömen tołyan, piğ vursa, piğ tołyan. Munda ja'qu jer te-ta ja'qan. O:xa uçırsa, xui jaxynare, rylax vure, e't jiye konien tulagu je'fare!»

En'ja uçırsa. Mören jaxynare. Altun qazy koğien tulasa, voğayı!

(далее — orux sos)

Sei ihitonige uruğu tüvitařy.

Sei ihitonige uruğu k'o'x vumusinige muğazy kemagy tuilag'al

Uzağ'i kile sei jizany, Şansite qöjy,

men jiza Xaşite ot'yre, z'endny zary, zejonny zary.

Men jizany Şansyte qöjy,

sen jiza Xansyta otyre,

that the land is suitable, I settled [here]. Look to the south, there is a forest nearby and it is fit for living (lit. moving time), hunting and eating meat. Look to the north, there is a river nearby. It is fit for living (lit. moving time), digging for gold”.

(from here on “a Song of Praise”)

Your (lit. “your” as in “of groom and bride”) relatives are Tibetans. May your (lit. “your” in singular) relatives unite as the horns of a grey (literally blue) yak!

[As soon as] we see you off (lit. “you” in singular) as a unified family we will settle in Shangsigong, and we (lit. “I”) as a unified family will stay in Hasigong, slaughtering cows and rams.

[Or] we will leave us (lit. “myself”) as a unified family in Shangsigong, and you (lit. “you”

in singular) as a unified family we will leave in Hangsigong, [so that] you will gratify me, giving me dense tea for a drink.

Your (lit. “your” in singular) relatives are two parts equal to each other”²³.

Reflecting on the chronology of Turkic languages and the history of linguistic contacts of early Turki, one of the leading Russian Turkologists A. V. Dybo, recently pointed out: “Turkic language family represents a gratifying material for the purpose of applying various methods of classification and chronologization of languages. First of all, it is large enough (may operate with individual idioms, at least 35 modern languages

22 Modern Mantlal-tag, 30 li to the south of Altiyuli.

23 E. R. Tenishev, *Salar Texts*, pp. 36—37. It is important to note that the theme of migration is recorded in three forms of Salar texts: in “The Camel Game”, in poetic “Song

of Salar Migration” (*ibid.*, pp. 66—67) and in the large text of prose titled “The History of Salar Migration” (*ibid.*, pp. 119—125). There are no examples of such popularity of another plot in Salar texts.

ранних тюрков, одна из ведущих отечественных тюркологов А. В. Дыбо, недавно отметила: «Тюркская языковая семья представляет собой благодарный материал для применения различных методик классификации и хронологизации языков. Во-первых, она достаточно велика (можно оперировать как отдельными идиомами, по крайней мере, 35 современными языками и диалектами и не меньше чем шестью хорошо записанными древними и средневековыми языками). Во-вторых, она относительно молода, и история тюркских народов по большей части хорошо задокументирована; таким образом, генетические классификации тюркских языков могут быть проинтерпретированы в терминах реальной истории. Основная трудность при классификации и хронологизации тюркских языков состоит в многочисленных контактах между языками в высокой степени сходными и часто сохраняющимися и взаимопонимание»²⁴.

В этом отношении чрезвычайно иллюстративны две таблицы, представляющие «Глоттохронологическое древо тюркских языков», составленные на основании последних научных данных²⁵ (фрагменты, связанные с историей саларского языка мы выделили красным) (рис. 19–20).

Литературного языка и своей письменности салары сейчас не имеют. Текущее состояние языка делает событием ввод в научный оборот новых памятников. В этом отношении большое значение имеют фотокопии двух ру-

кописей, недавно переданные музеем Еленой Александровной, вдовой Э. Р. Тенишева. Они в равной степени важны как для выявления ключевых элементов истории ислама в этом регионе, так и для изучения языка письменных памятников саларов XVIII—XIX вв.

Фотокопии двух переписанных арабицей сочинений, условно названных «Гадательная книга саларов» и «Книга ритуалов» были сделаны Э. Р. Тенишевым в 1957 г. и все эти годы хранились в его домашнем архиве. «Гадательная книга саларов» (101 стр.) предварительно датируется концом XVIII—началом XIX в. Рукопись несет следы активного использования, имеет крайне небрежно выполненный титульный лист и лишена колофона. Список составной, первая часть (до стр. 40) переписана уверенным *наسخом* (9 строк на странице), текст здесь заключен в простую рамку, порядок страниц закреплен с помощью *хафизов*, имеются маргиналии и вставки отдельных листов другим почерком (стр. 28–29). После стр. 41, содержащей на почти квадратном листе полностью огласованный текст краткой молитвы (8 строк), меняется рука (почерк значительно более небрежный), количество строк (увеличивается до 13–15), появляется большое количество иллюстраций (магические квадраты, круги) (рис. 21). По содержанию это вполне традиционные для накшбандийского круга тексты, посвященные мусульманской магии. Рукопись содержит обычный для таких сочинений набор молитв

и заклинаний. Значительная часть текстов посвящена использованию отдельных *сур* и *айатов* в магических целях. Соответствующая традиция как правило, содержит ссылки на авторитет ‘Али б. Хусайна Зайн ал-‘Абидина (ум. в 712–13)²⁶ и, главным образом, Джа’фара ас-Садика (700 или 702/3–765)²⁷. Интерес представляет схематическое изображение и описание магического значения знаменитых в исламе мечей, в том числе Зу ал-Факара (рис. 22). Нам представляется, что тщательный анализ этого сочинения позволит достаточно определенно выявить систему религиозно-культурных связей, существовавших у саларов в этот период.

«Ритуальная книга саларов» (217 стр.) предварительно датируется XIX в. Как и предыдущая, эта рукопись несет следы активного использования, но лишена титульного листа. Имеется колофон (к сожалению «слепой», т. е. не содержащий информации об имени переписчика, месте и дате переписки). Список составной, первая часть (кроме первой страницы) переписана уверенным *наسخом* (9 строк на странице), текст здесь заключен в простую или двойную рамку, порядок страниц закреплен с помощью *хафизов*, имеются маргиналии и вставки отдельных листов другим почерком (стр. 28–29). Со стр. 30 меняется рука (скорость), количество строк (в среднем 13). Текст делится на многочисленные разделы (ед. ч. *фасл*). Название раздела пишется по-персидски над *кашидой*, дополнительным удлинени-

and dialects and not less than six well recorded ancient and medieval languages). Second of all, it is relatively young, and the history of Turkic peoples for the most part is well documented. Thus, the genetic classification of Turkic languages may be interpreted in terms of real history. The main difficulty in classification and chronologization of Turkic languages has to do with the numerous contacts among the highly similar languages that also keep mutual understanding”²⁴.

In this regard two tables representing “Glottochronological tree of Turkic languages” are very illustrative. They are put together on the basis of the latest scientific data²⁵ (the fragments connected with the history of Salar language are highlighted in red) (figs. 19–20).

The Salars do not have their own literary language and literature as such. The current condition of the language makes it quite an event when new monuments are introduced into the scientific circulation. In this regard the photocopies of two manuscripts have a great significance, which were recently passed to the museum by Elena Alexandrovna Tensheva, the widow of E. R. Tenshev. They are equally important for revealing the key elements in the history of Islam in this region and for the study of the language of the literary monuments of Salars of the 18th–19th centuries.

Photocopies of two works copied in Arabic script, conventionally titled “The Salar Divination Book” and “The Salar Ritual Book” were made by E. R. Tenshev in 1957 and in the course

of all these years they were kept in his home archive. “The Salar Divination Book” (101 pages) preliminary dates back to the end of the 18th—the beginning of the 19th centuries. The manuscript bears the marks of active usage, has an extremely carelessly done title-page and is missing an end title. The manuscript is a composite one. The first part (to page 40) is copied with a confident *naskh* (9 lines per page), the text here is enclosed in simple and double frame; the order of the pages is fastened with the help of *hafiz*; there are also marginalia and insets of individual pages written in different handwriting (pages 28–29). After page 41, containing a completely vowelized text of the short prayer (8 lines) on an almost square page, the handwriting is changed (it becomes considerably careless), the number of lines grows to 13–15, and a large number of illustrations (magical squares, circles) appears (fig. 21). In their content these are fully traditional texts for Naqshbandiyya circles, texts dedicated to the Muslim magic. The manuscript contains a set of prayers and spells usual for this type of works. A considerable part of the texts is dedicated to the usage of individual *suras* and *ayats* for magical purposes. As a rule the corresponding tradition contains references to the authority of ‘Ali b. Husayn Zayn al-Abidin (d. 712–13)²⁶ and, mainly, Ja’far al-Sadiq (700 or 702/3–765)²⁷. Of some interest, though, is the schematic depiction and description of the magical meaning of the swords famous in Islam, including Dhu al-Faqar (fig. 22). We believe that a thorough analy-

sis of this work will allow us to discover a quite definite system of religious-cultural connections existing among the Salars in this period.

“The Salar Ritual Book” (217 pages) preliminary dates to the 19th century. Similar to the previous manuscript it bears the marks of active usage, but is missing a title-page. There is a colophon (unfortunately a “blind” one, i. e. it does not contain any information about the name of its copyist, the place and the date of the copying). The manuscript is a composite one. The first part (with the exception of the first page) is copied with a confident *naskh* (9 lines per page); the text here is enclosed in simple and double frame; the order of the pages is fastened with the help of *hafiz*; there are also marginalia and insets of individual pages written in different handwriting (pages 28–29). Starting with page 30 the handwriting is changed (to cursive); the number of lines is 13 on average. The text is divided into numerous sections (*fasl* in singular). The name of a section is written in Persian above *kashida*, an additional space between the connectable letters, in this case — letters *sad* and *lam*. This fact that speaks of Irano-Turkic bilingualism in Salar environment of those times again draws our attention to the presence of quite powerful Iranian religious influence within the region. In this case the remark of F. Poyarkov and V. Ladygin is important: “All Salar mullas are educated at home. Whoever aspires to be a mulla studies in the mosque with his mulla (each school has a school ‘len-ger’ and mullas, able to

24 А. В. Дыбо, «Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков», *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка*, отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо (Москва, 2006), с. 766.

25 Там же, сс. 770—771. Таблицы составлены на основании анализа двух списков (наборов) из ста слов по методике, первоначально предложенной Моррисом Сводешом (1909—1967), американским лингвистом и антропологом, автором оригинального метода определения времени расхождения родственных языков на основании различий в их наиболее устойчивом базовом словаре. «В первом наборе предполагалось, что списки могут содержать для каждого языка неограниченное количество синонимов (или квазисинонимов — слов, могущих быть переводами одного и того же английского слова). Такая посылка позво-

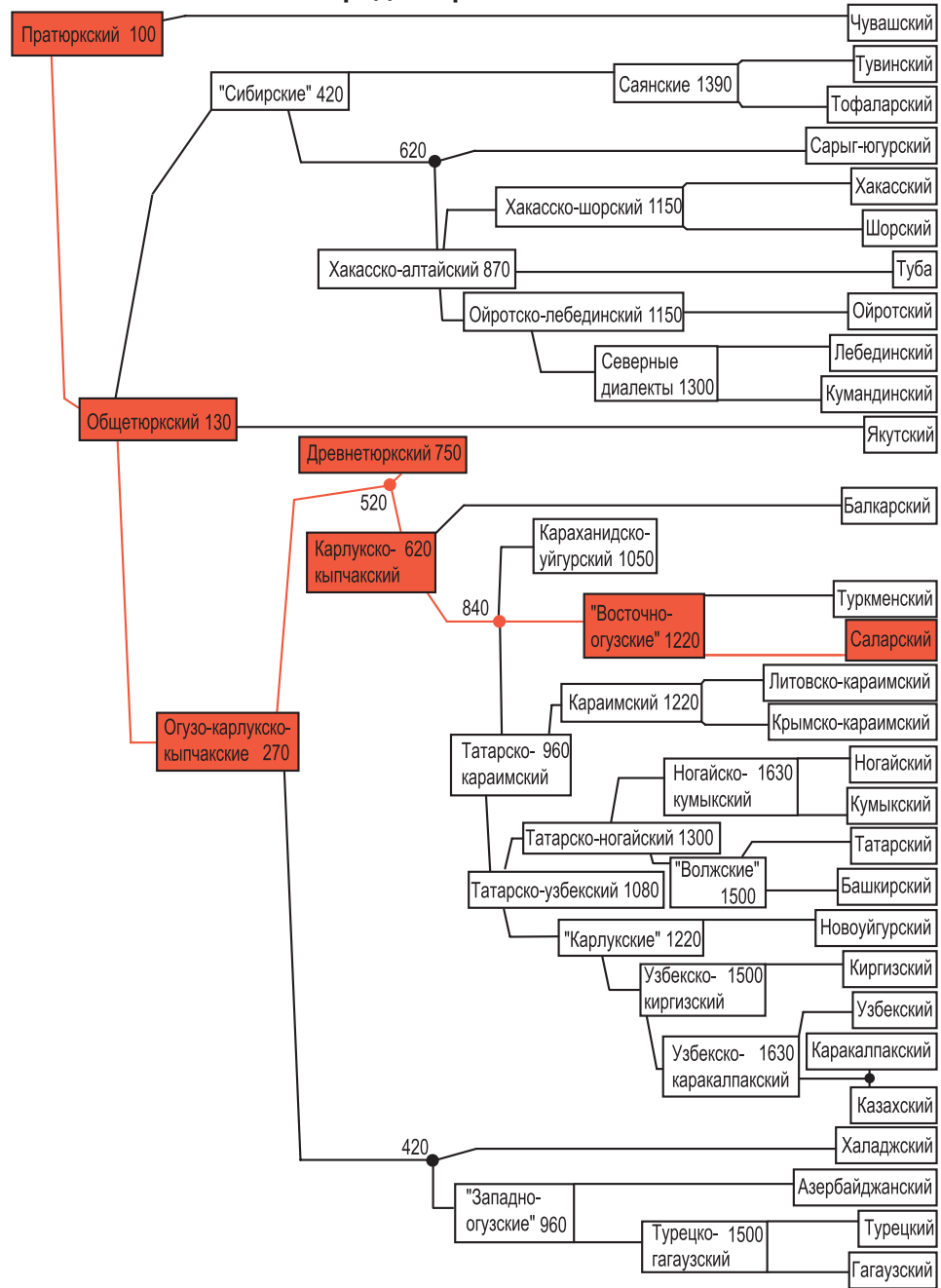
ляет, во-первых, избежать проблемы семантического совпадения-несовпадения разных переводов Сводешевских значений в одном и том же языке; во-вторых, позволяет обойти скользкие моменты выбора “наиболее употребительного” слова (поскольку употребительность может сильно различаться по жанрам текстов). Следует отметить, что такой метод, несмотря на явные преимущества, очевидным образом включает в подсчеты многочисленные “шумы”. Полученное в результате древо содержит явные случаи вторичного сближения языков вследствие географических контактов (Таблица 1). Во втором наборе списков сохранены только такие “синонимы”, различия которых в значении не могут быть прямо выражены английскими эквивалентами. Это, например, такие случаи, как “тонкий” (о плоских предметах) и “тонкий” (об объемных предметах), или по несколько вхождений для “тот” и “этот” в случае, если представлена трех- или четы-

рехуровневая система пространственного дейсиса. Результирующее генеалогическое древо (Таблица 2) содержит больше корреляций с изначально принятой у нас классификацией. Полученные расхождения нуждаются в анализе и объяснении. Среди узлов древа имеются объединения, не соответствующие никаким ныне принятым группировкам языков; условные наименования таких объединений даются в кавычках», там же, с. 769.

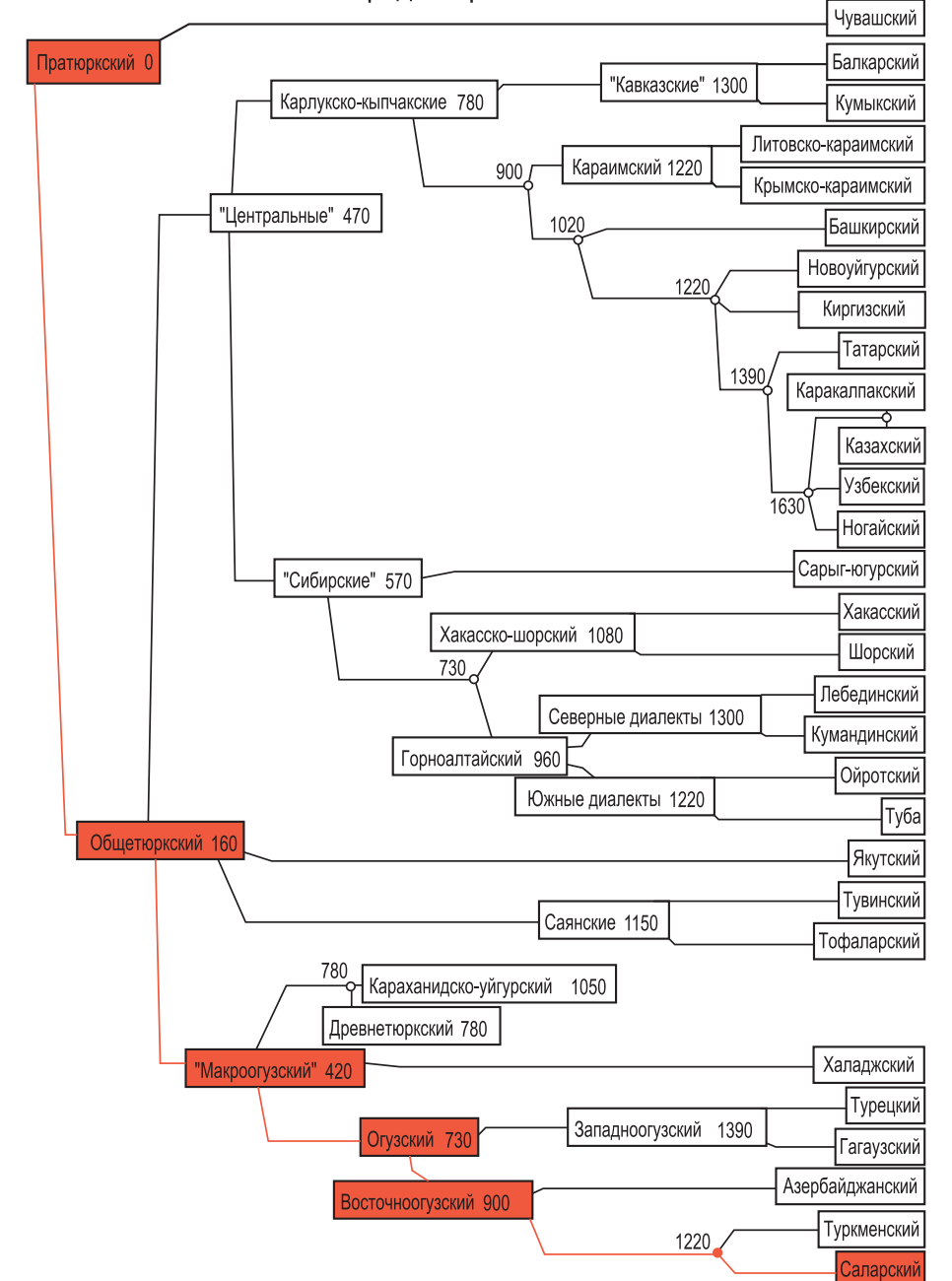
26 См. анонимную персидскую рукопись Института восточных рукописей РАН С–1256, содержащую подборку *айатов*, сделанную, якобы, ‘Али Зайн ал-‘Абидином с объяснением их магических свойств.

27 Подробнее см.: Е. А. Резван, *Коран и его мир* (Санкт-Петербург, 2001), сс. 321—350. Содержание персидских рукописей близкого круга частично представлено здесь же на сс. 340—343. См. также: он же, “The Qur’an and its word: VII. Talisman, shield and sword”, *Manuscripta Orientalia IV/3* (1998), pp. 24—34.

Глоттохронологическое древо тюркских языков по неотредактированным спискам

Глоттохронологическое древо тюркских языков по отредактированным спискам

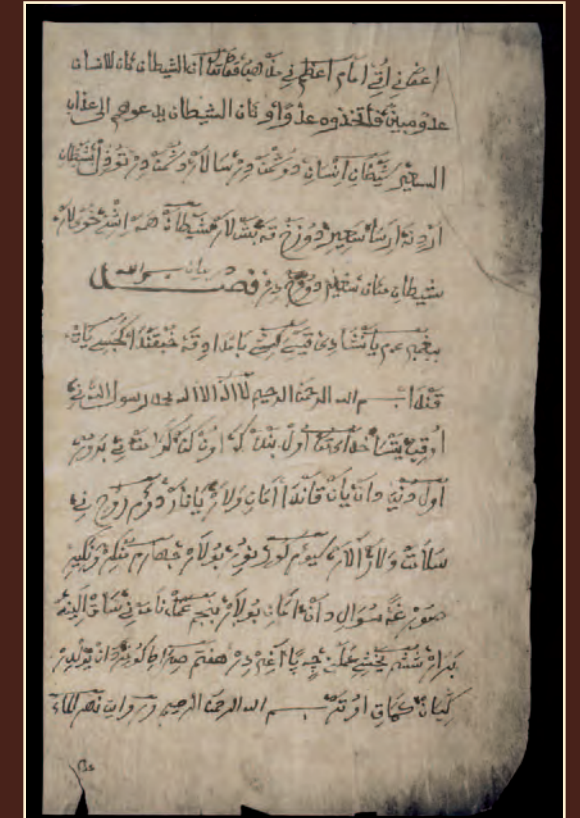
21

22

24

23

ем между соединяемыми буквами, в данном случае между буквами *сад* и *лам*. Этот факт, говорящий об ирано-тюркском билингвизме в саларской образованной среде того периода, вновь обращает наше внимание на наличие достаточно мощного иранского религиозного влияния в регионе. В этом отношении важно замечание Ф. Пояркова и В. Ладыгина: «Все саларские муллы получают домашнее образование. Желающий быть муллой учится при мечети у своего же муллы (при каждой мечети есть школы “лен-гер” и муллы, могущие

читать Коран на арабском языке и толковать разъяснения на персидском языке). После изучения Корана на арабском языке, ученики изучают разъяснения его, писанные на персидском языке. Молодые салары, окончившие курс учения у себя в деревнях, отправляются в Синин или Хэ-чжоу [Хэчжоу] в дунганские школы “се-тан” [сюэтан], где изучаются толкования Корана на китайском языке. Таким образом будущие саларские муллы получают некоторые познания как в персидском, так и в китайском языках; последний им необхо-

дим не столько для сношения с китайцами, сколько для распространения и пропагандирования между ними мусульманства»²⁸.

Разделы сочинения посвящены рекомендациям, например, относительно правил совершения каждой из пяти молитв ежедневного молитвенного цикла, правил обращения с молитвой к пророку Мухаммаду, произнесения *басмалы* и т. п. (рис. 23). В целом текст содержит материалы, позволяющие реконструировать ключевые элементы религиозной практики саларов той поры. Идеологическую

read the Qur'an in Arabic and interpret in Persian). After studying the Qur'an in Arabic, the students study its interpretations written in Persian. Having completed the classes in their villages young Salars go to either Xining or Hezhou to Dungan schools 'xuetang', where they study the Qur'an interpretations in Chinese. Thus, future Salar mullas receive certain knowledge both in Persian and in Chinese languages; they need the latter not so much for relationship with the Chinese, as for spreading and propagandizing Islam among them”²⁸.

The sections of the work are dedicated to the recommendations, for instance, for the rules of performing each of the five prayers of everyday prayer cycle, the rules of addressing Prophet Muhammad in prayers, for pronouncing *basmalla*, etc. (fig. 23). As a whole the text contains the materials allowing the reconstruction of the key elements of religious practices of those days. Ideological orientation of the text may accurately be determined upon completion of the preliminary phase of the study.

Apparently it was namely this manuscript, which the note of the 12th of May of 1957 in the

journal of E. R. Tenishev was related to: “In the morning Sadi Akhun, Muhammedi Ramazan and two old men came by <...> Then we were reading from the book of rituals in Salar language (in Arabic script), where phonetically the words are recorded quite accurately, with the exclusion of the palatalized ones”²⁹ (fig. 24).

In the near future we are planning to research and prepare a facsimile publication of both of the monuments.

Continuing the tradition of collecting and preserving the Salar heritage the MAE expedi-

28 Ф. Поярков, В. Ладыгин, ук. соч., с. 24.

29 Там же, с. 160.

30 К. А. Липскеров, Чернильный прибор (1922).

28 F. Poyarkov, V. Ladygin, op. cit., p. 24

29 Ibid., p. 160.

30 K. A. Lipskerov, An Inkstand (1922).

ориентированность текстов можно будет точно определить по завершении предварительного этапа изучения.

По-видимому, именно этой рукописи посвящена заметка в дневнике Э. Р. Тенишева, датированная 12 мая 1957 г.: «Утром пришли Сади Ахун, Мухаммеди Рамазан и два старика <...> читали книгу ритуальную на саларском языке (арабским шрифтом), в которой слова фонетически записаны довольно точно, исключая палатализованных»²⁹ (рис. 24).

В ближайшее время мы планируем приступить к исследованию и подготовке факсимильного издания обоих памятников.

Продолжая традиции сбора и сохранения саларского наследия, экспедиция МАЭ в 2008 г. записала четыре народных саларских песни в исполнении известного собирателя саларской культуры Хань Чжань-сяна (рис. 26).

22 сентября 2008 г., после съемок в громадной кашгарской пятничной мечети, я заглянул в небольшую лавку на базарной улочке неподалеку. На радость туристам здесь висели четки всех сортов и цветов, лежали старые банкноты, цитатники Мао, китайские значки и плакаты 60-х —70-х гг. Я сдвинул в сторону старую военную фуражку и увидел почтенный медный *каламдан* с чернильницей,

рассчитанный всего на одно тростниковое перо — *калам*. *Каламдан* был явно рабочим, на протяжении многих десятков лет им пользовались для того, чтобы написать письмо или долговую расписку, стихотворение или религиозный трактат (рис. 25):

*В раздумьи вынь в предсумрачном тумане
Чернильный из-за пояса прибор.
Взгляни, тростник достаточно ль остер,
Пергамент схож ли с утром в голистане*³⁰?

Рис. 1—12. Земля саларов. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 13. Старик-салар из села Циншуй. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК-94/47.

Рис. 14—16. Земля саларов. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

Рис. 17—17а. Инструмент музыкальный (*кобыз*), смычковый, двухструнный. Долбленный резонатор ковшеобразной формы вытянут в нижней части в виде удлиненного полого выступа, обтянутого кожей. Края ковшеобразной части резонатора оббиты железом. Гриф, имеющий сверху головку лопатообразной формы, а снизу форму узкого вытянутого прямоугольника, также сверху оббит железом. В деревянный выступ, расположенный в верхней части *кобыза*, вставлено два колка (по одному с каждой стороны). Две струны из пучков конского волоса (снизу связаны вместе и натянуты с помощью сыромятного ремешка, сверху пропущены в отверстия, находящиеся сверху прямоугольной части грифа). На лицевой стороне лопатообразной головки грифа и по внутреннему краю резонатора прибиты железные колечки, в которые продеты 13 металлических подвесок различной формы и раз-

меров — шаманские обрядовые атрибуты. Снизу грифа — большое железное кольцо с сыромятным ремешком (для подвешивания инструмента). На оба конца изогнутого деревянного смычка надеты медные, круглые в сечении, наконечники длиной 6,7 см и 8,5 см. С одной стороны смычка в 1,5 см от края прикреплено металлическое кольцо, к которому привязан пучок конских волос, с другой стороны смычка пучок конских волос прoderнут в отверстие в палке и закреплен. Дерево, кожа, конский волос, металл; общая длина — 97,0 см, длина резонатора — 55,0 см, наибольшая ширина резонатора (вверху) — 40,5 см, наибольшая ширина резонатора (внизу) — 11,0 см, длина смычка — 78,0 см. Семиреченская область, Лепсинский уезд, вторая половина XIX в. От К. Н. де-Лазари, поступление 1898 г. МАЭ РАН, колл. № 411—21а³¹.

Рис. 18. Текст «Верблюжей игры» из книги Э. Р. Тенишева, *Саларские тексты*, с. 36.

Рис. 19. Глоттохронологическое древо тюркских языков по неотредактированным стословным спискам.

Рис. 20. Глоттохронологическое древо тюркских языков по отредактированным стословным спискам.

Рис. 21. Стр. 74 «Гадательной книги саларов». Рукопись, название сочинения условное, саларский язык, арабица, 101 стр. Конец XVIII — начало XIX в. Фотоотпечатки. Собиратель Э. Р. Тенишев, 1957—58 гг. Дар Е. А. Тенишевой, 2009 г. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК-95/1.

Рис. 22. Стр. 83 «Гадательной книги саларов».

Рис. 23. Стр. 96 «Ритуальной книги саларов». Рукопись, название условное, саларский язык, арабица, 217 стр. Начало XIX в. Фотоотпечатки. Собиратель Э. Р. Тенишев, 1957—58 гг. Дар Е. А. Тенишевой, 2009 г. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК-95/2.

Рис. 24. Одна из саларских рукописей. Фотоотпечаток. 1957 г. Фотограф Э. Р. Тенишев. МАЭ РАН, колл. № ВХ ЭФЗК-94/22.

Рис. 25. Футляр для *калама* (*каламдан*) с чернильницей. Медь; 21,0 × 5,1 см. Китайский Туркестан, г. Кашгар, XIX в. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. МАЭ РАН, колл. № 7415—25.

Рис. 26. Хань Чжань-сян, исполнитель саларских народных песен и собиратель саларской культуры. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

tion of 2008 recorded four folk Salar songs performed by famous collector of Salar culture, Han Zhan-xiang (fig. 26).

On the 22nd of September 2008 after the shoot in the enormous Kashghar Friday mosque I looked into a little shop on the market side-street nearby. To the joy of many tourists there were beads of all kinds and colours, old bills, Mao quote plates, Chinese badges and posters of the 60's—70's. I moved an old service-cap aside and saw a respectable copper *qalamdan* with an ink-

Figs. 1—12. The land of the Salars. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Fig. 13. An old Salar man from the village of Jinshui. A photograph. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК-94/47.

Figs. 14—16. The land of the Salars. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

Figs. 17—17а. A two-stringed bow musical instrument (*kobyz*). A slotted scoop-shaped sounding-board resonator is elongated in the lower part into the shape of a prolonged prominence covered with leather. The edges of the scoop-shaped sounding-board are sheeted with iron. The finger-board, having a shovel-looking head at its top and a bottom in the shape of a narrow elongate rectangle, is also sheeted. Two pegs are inserted into the wooden prominence located in the top part of *kobyz* (one on each side). Two strings are made of locks of horsehair (tied together at the bottom and stretched with the help of a rawhide strap, at the top they are run through the holes situated at the top of the rectangular part of the neck). Iron rings are nailed to the front face of the shovel-looking head of the neck and along the inner side of the sounding-board. 13 metallic suspensions (shaman ritual attributes) of various forms and sizes are run through the iron rings. Below the neck there is a large iron ring with a rawhide strap (for the purpose of hanging the instrument). Round in section, copper tips of 6.7 cm and 8.5 cm in length are put on both ends of the wooden bow. A metallic ring is fastened to one end of the bow (1.5 cm of the edge); the ring has a lock of horsehair tied to it. On the other end of the bow the horsehair lock is run through a hole in the stick and is fastened. Wood, leather, horsehair, metal; overall length — 97.0 cm, length of the sounding board — 55.0 cm, largest width of the

pot for one reed pen — *qalam*. *Qalamdan* obviously was functioning; for many decades it was used for writing letters or bills of debts, poems or religious treatises (fig. 25):

*In meditation in pre-twilight fog
Pull out an inkstand from your belt.
See if the reed is sharp enough,
And if the parchment is similar
to the morning in Gulistan*³⁰?

sounding-board (at the top) — 40.5 cm, largest width of the sounding-board (at the bottom) — 11.0 cm, length of the bow — 78.0 cm. Semirechye Region, Lepsin Uyezd, second half of the 19th century. From K. N. De-Lazari, admitted in 1898. The MAE RAS, coll. Nos. 411—21а³¹.

Fig. 18. Text of “the Camel Game” from E. R. Tenishev, *Salar Texts*, p. 36.

Fig. 19. A glottochronological tree of Turkic languages according to the unedited hundred-word lists.

Fig. 20. A glottochronological tree of Turkic languages according to the edited hundred-word lists.

Fig. 21. Page 74 of “The Salar Divination Book”. A manuscript, conventional title, Salar language, Arabic script, 101 pages. End of the 18th — beginning of the 19th centuries. Photographs. Collected by E. R. Tenishev, 1957—58. Gift of E. A. Tenisheva, 2009. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК-95/1.

Fig. 22. Page 83 of “The Salar Divination Book”.

Fig. 23. Page 96 of the “The Salar Ritual Book”. A manuscript, conventional title, Salar language, Arabic script, 217 pages. Beginning of the 19th century. Photographs. Collected by E. R. Tenishev, 1957—58. Gift of E. A. Tenisheva, 2009. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК-95/2.

Fig. 24. One of Salar manuscripts. A photograph. 1957. Photo by E. R. Tenishev. The MAE RAS, coll. No. ВХ ЭФЗК-94/22.

Fig. 25. A case for *qalam* (*qalamdan*) with an inkpot. Copper; 21.0 × 5.1 cm. Chinese Turkestan, Kashghar, 19th century. The MAE RAS expedition of 2008. The MAE RAS, coll. No. 7415—25.

Fig. 26. Han Zhan-xiang, performer of Salar songs and collector of Salar culture. The MAE RAS expedition of 2008. Photo by T. M. Fedorova.

³¹ *Кобыз* — один из древнейших и едва ли не наиболее популярный тюркский музыкальный инструмент (см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, сс. 642—643). Народные предания связывают его создание с именем Коркуда, жившего

в IX в. на берегу Сырдарьи. Первое письменное упоминание — Махмуд Кашгарский (XI в.) Виды *кобыза* см.: К. Вертков, Г. Благодатов, Э. Язовицкая, *Атлас музыкальных инструментов народов СССР* (Москва, 1975), с. 391.

³¹ *Kobyz* — one of the most ancient and probably the most popular musical instrument of Turks (see: *Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages*, pp. 642—643). Folk legends link it with the name of Korkud, who was living in the 9th century on Syr Darya banks. Mahmud

of Kashghar (11th-century) was the first who mentioned it in the work fixed in written form. Types of *kobyz* see in: K. Vertkov, G. Blagodатов, E. Yazovitskaya, *Atlas of Musical Instruments of the Peoples of the USSR* (Moscow, 1975), p. 391.

Очень рад Вашему путешествию. Запасайтесь научным капиталом на всю жизнь (по языку и этнографии).

С. Е. Малов — Э. Р. Тенишеву. 18.08.1956

ЭДХЯМ РАХИМОВИЧ ТЕНИШЕВ И САЛАРСКОЕ НАСЛЕДИЕ

EDHAM
RAHIMOVICH
TENISHEV
AND SALAR
HERITAGE

I'm really happy for your journey. Store the scientific riches (on linguistics and ethnography) for the rest of your life.

Sergey Malov — Edham Tennishev. 18.08.1956

Один из крупнейших в мире специалистов в области тюркского языкознания, член-корреспондент АН СССР, главный редактор журнала «Тюркология» Эдхам Рахимович Тенишев (1921–2004) (рис. 1) принадлежал к знаменитому татарскому княжескому роду, многие члены которого достойно служили России (рис. 2). Этот род подарил стране крупных государственных и общественных деятелей, прекрасных врачей и выдающихся богословов. Э. Р. Тенишев принадлежал к научной школе, основателем которой был выдающийся российский тюрколог В. В. Радлов, директор Музея антропологии и этнографии. Тенишев окончил Восточный факультет Ленинградского университета и аспирантуру при нем, занимаясь под руководством ученика Радлова, чл.-корр. АН СССР С. Е. Малова, и продолжая исследования памятников, обнаруженных российскими учеными в Китайском Туркестане. В 1956 г. Тенишев был командирован в КНР для оказания помощи китайским коллегам в описании неизученных тюркских языков (рис. 3–6). В эти годы им были совершены три экспедиции по Китайскому Туркестану и предгорьям Тибета (Синьцзян – 1956, Цинхай – 1957 и Сюньхуа – 1958), которые позволили собрать уникальный лингвистический и этнографический материал (рис. 7). Русский ученый оставил по себе добрую память и множество учеников, в Китае были изданы его книги (рис. 8). Имя Тенишева сегодня знают и помнят в Синьцзяне и Цинхэе (рис. 10–11).

Вернувшись на Родину, Э. Р. Тенишев опубликовал серию блестящих монографий, основанных на материалах, полученных в ходе экспедиций. Благодаря его работам был окончательно определен статус саларского языка (рис. 9), прежде рассматривавшегося как уйгурский или туркменский диалект.

1

Работы Э. Р. Тенишева явились огромным вкладом в развитие теории языковых союзов и стали одной из основ шеститомной новаторской коллективной работы «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», которая была реализована под его руководством и имеет этапное значение для мировой тюркологии. Продолжая начатые еще в университете исследования по языкам древнетюркских памятников, Тенишев успешно осуществил фантастический по сложности проект восстановления разговорной основы языка жителей Синьцзяна в древнеуйгурский период. При этом под его руководством была начата и изучение истории книжно-письменных языков тюрков донациональной поры (с VIII по XVI–XVII вв.) как звеньев единой цепи. Ученики Эдхама Рахимовича продолжают сегодня начатые им исследова-

ния, а собранные им коллекции продолжают рассказ о народах, изучение культуры которых стало его жизнью (рис. 12–14).

2

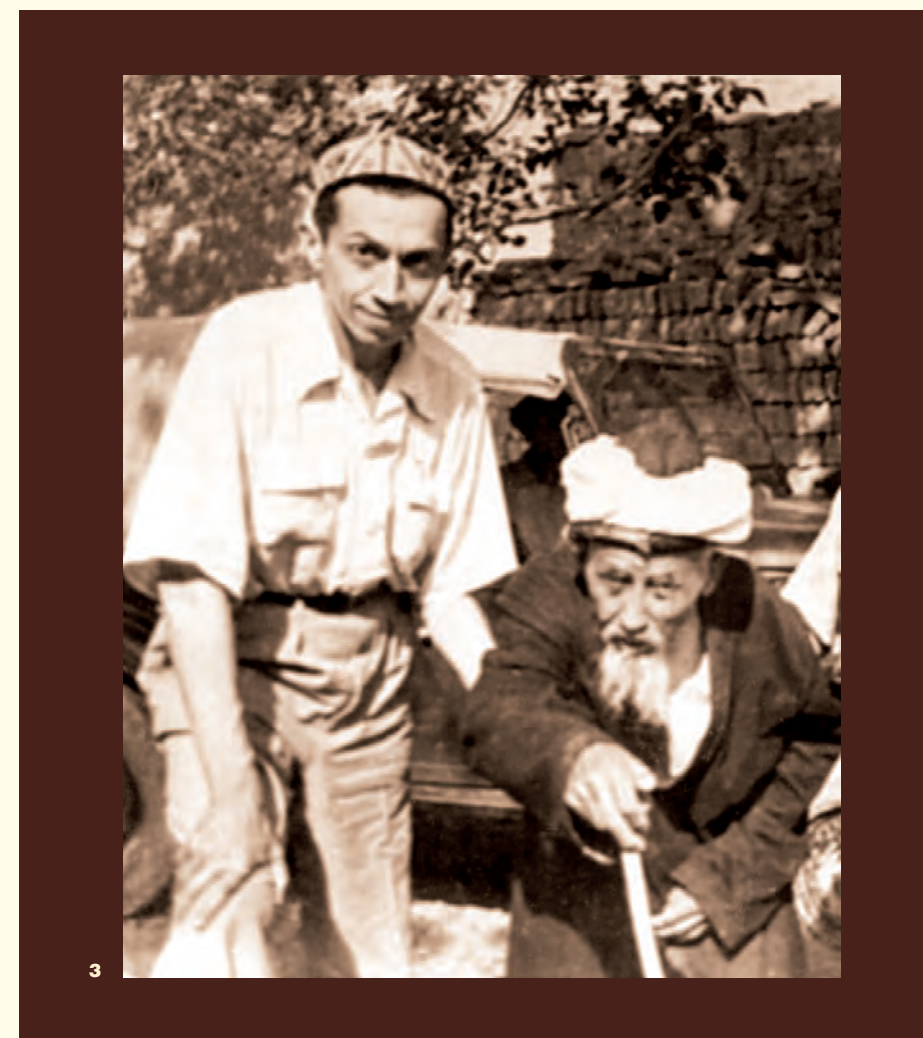

One of the most prominent specialists in the field of Turkic Linguistics, corresponding member of Academy of Sciences of USSR, chief editor of “Turkology” journal, Edham Rahimovich Tenishev (1921–2004) (fig. 1) belonged to a famed Tatar princely clan, many members of which worthily served Russia (fig. 2). That clan gave its country many outstanding national and public figures, fine doctors and distinguished theologians. E. R. Tenishev belonged to the scientific school, the founder of which was the prominent Russian Turkologist V. V. Radlov, director of the Museum of Anthropology and Ethnography. Tenishev graduated from the Oriental Faculty of Leningrad University and finished his post-graduate studies of the same University. He studied under Radlov’s disciple, corresponding member of Academy of Science of USSR, S. E. Malov. He also continued researching the monuments discovered in Chinese Turkestan by Russian scholars. In 1956 young scholar was sent to the PRC in order to aid Chinese colleagues in the field of describing unstudied Turkic languages (figs. 3–6). During those years he made three expeditions along Chinese Turkestan and the Tibetan foothills (Xianjiang in 1956, Qinghai in 1957 and Xunhua in 1958). Those expeditions helped him collect unique linguistic and ethnographic material (fig. 7). The Russian scholar left a good name after himself and many followers. His books were published in China (fig. 8) and his name is well thought of and remembered even today in Xinjiang and Qinghai (figs. 10–11).

Having returned to his motherland, E. R. Tenishev published a series of brilliant monographs, based on the materials acquired during the expeditions. Thanks to his works the status of Salar language (fig. 9) was finally settled on, prior to which it had been considered a dialect of either Uyghur or Turkmen language. The works of E. R. Tenishev have made a great

contribution to the theory of language unions and have become one of the foundations of the six-volume innovatory collective work “Comparative Historical Grammar of Turkic Languages”, which came to fruition under his guidance. That project bears milestone significance for world turkology. Continuing his research works on the languages of ancient Turkic monuments, which he had begun during his university years, Tenishev successfully brought to fruition an extremely complicated project of restoring the

colloquial foundation of the language of the Xinjiang inhabitants in ancient Uyghur epoch. The study of the history of literary languages of Turks of pre-national era (from 8th to 16th–17th centuries) as links of one chain was begun under his guidance also. The students of Edham Rahimovich carry on his research works. The collections he gathered continue to tell the story of the peoples, the study of whose culture became his life (figs. 12–14).

Из полевого дневника Э. Р. Тенишева

После этого я поехал в Ленинград к своему учителю по Восточному факультету Ленинградского университета Сергею Ефимовичу Малову, который в молодые годы по направлению своего учителя В. В. Радлова совершил два путешествия по Восточному Туркестану с научной целью. Теперь меня ожидало то же самое. Занимаясь у Малова, я многое прочитал о языках и культурах тюрков, монголов, тибетцев и самих китайцев.

С. Е. Малов одобрил мои планы и дал ценные советы на будущее¹...

18 июня 1956 г.

Хорошо, что встретился с проф. В. М. Синицыным. Василий Михайлович — геолог, почти двадцать лет посвятил Синьцзяну. Все места его знает прекрасно. Его советы, конечно, очень ценны. По мнению Синицына, в летние месяцы нам надо объездить север Синьцзяна, а осенью — юг, тем самым мы «уравновешиваем климат» <...> В пустыне Такла-Макан много руин. Надо расспросить жителей южной части Синьцзяна, когда мы будем проезжать Хотан, Керию, Нию и др. пункты, об этих развалинах, какого они происхождения, времени. Поговорили об экипировке и картах...

<...> Сегодня еще раз встретился совсем по-дружески с саларом и желтым уйгуром.

Сначала не понимал их речь, было трудно записывать. Потом ничего, начал различать звуки, слышать слова. Интересно! Но надо ехать к старикам, они смогут сообщить больше сведений².

24–25 сентября 1956 г.

В Чаре я неожиданно занялся врачебной деятельностью. Меджитахуна излечил от простуды при помощи коньяка и аспирина. Он поверил в мое «могущество» и отнесся ко мне с большим почтением. В доме, где мы столуемся, у девочки засорились глаза. Под невероятный рев капаю ей альбуцид, вроде стало лучше. Потом вижу, Эмин Турсун, присев на землю, с кем-то разговаривает. Подошел ближе. Под тяжелой овчиной на земле сидит женщина, у которой произошел сегодня утром выкидыш трехмесячного плода. В гинекологической области у меня познаний никаких. Что делать? Думаю: была потеря крови, значит — слабость, сердце работает ненормально, дал капли с камфарой. От возможности заражения — стрептоцид. Устроили поудобнее постель, и она уснула. Захожу через два часа: пульс более спокойный, глаза поживее. Велел лежать и кормить ее легкой пищей. От всей души хочется, чтобы скорее были проложены хорошие дороги, эти трудолюбивые люди построили бы себе удобные дома и открыли бы больницу. Что еще сделать мне для этих людей, которых я от души полюбил³?

7 декабря 1956 г.

Занимались с Эмином Турсуном древними памятниками. Интересная картина: татарин, обучающий уйгура его древнему языку в местах обитания древних уйгуров, по книге, написанной русским⁴.

9 сентября 1957 г.

Вручили телеграмму с печальной вестью — умер Сергей Ефимович Малов. Не ве-

рится! Не хочется думать, что ушел дорогой учитель. Как нам надо было встретиться и поговорить теперь, когда я прошел его путями в Китае, и выслушать его мудрые замечания и советы. Для меня он всегда будет живым. Я не провожал его, наш контакт не прервался, я просто живу и работаю вдали от него. Надо многое сделать во имя его памяти⁵.

23 июля 1958 г.

Пошли осматривать монастырь, расположенный рядом с нами <...> Во дворе монастыря встретил нас старший лама <...> Занву [Цзаньбу ?] (китайское имя Ган Фатхей [Ган Фа-туй]). Он пригласил нас к себе домой.

<...> Занву один из тех, кто помогал Сергею Ефимовичу, когда он приезжал в Минхай. Сейчас ламе 76 лет, он очень худой, плоховато слышит и видит, но подвижен. Как духовное лицо он не был женат, по хозяйству ему помогает пожилая югурка. Как принято здесь, во время приема Занву обнес всех маленькой чаркой вина. Надо выпить по две чарки или вообще четное количество раз, таков здесь обычай, затем подали тибетский чай с толоком и маслом.

Занву хорошо помнит Сергея Ефимовича. В Минхае он был около месяца, останавливался в доме родственника Санышкапа. Малофу, — говорил лама, — много писал, все написанное складывал в сундуки, которых у него было два. Он принес с собой машину, в которую записывал голоса людей, также фотографировал их. Он хорошо разговаривал по-югурски, но говорил мало, все писал. Уезжая, Малов подарил Занву стальные перья и бумагу. Перья он потерял, а на бумаге написал священные каноны, которые и принес нам, завернутые в платок⁶.

From field journal of E. R. Tenishev

Afterwards I went to Leningrad to see my Oriental Faculty professor in Leningrad University, Sergey Efimovich Malov. During his early years he made two journeys around Chinese Turkestan pursuing a scientific purpose. Those journeys were encouraged, in turn, by his mentor V. V. Radlov. Now the same experience was awaiting me. Studying under Malov I had read a lot about languages and cultures of Turks, Mongols, Tibetans and proper Chinese.

S. E. Malov approved of my plans and also gave his invaluable counsel for the future¹...

June 18, 1956

It's good that I met with the professor V. M. Sinitsin. Vasilii Mikhaylovich is a geologist, who dedicated almost twenty years of his life to Xinjiang. He perfectly knows all of its sites. And his counsel is invaluable to us. According to Sinitsin's opinion we should journey through northern part of Xinjiang in summer, leaving the south for autumn, thus we will "balance the climate" <...> The Takla-Makan Desert has a lot of ruins. We'll need to ask the inhabitants of the southern part of Xinjiang — when we'll be travelling through Khotan, Keriya, Niya and other settlements — about those ruins, what time they date to and what their origin is. We talked about our equipment and maps...

<...> Today I met with a Salar and a yellow Uyghur again; this time around it was in a very friendly manner. At first I couldn't understand their speech, therefore it was very hard for me to write it down. Then it started making more sense. I started distinguishing sounds and hearing complete words. How interesting! But I'll need to go see some elderly people, they will inform me more².

September 24–25, 1956

In Char I all of a sudden started busying myself with medical practice. I cured Mejidakhun

of cold with the help of cognac and aspirin. He has believed in my "might" and is now treating me with great respect. In the house where we eat, one girl's eyes were dusted. I dripped a few drops of Albucid into her eyes to the melody of her howling. I think it helped. Then I saw Emin Tursun squat and talk to somebody. I approached them. There was a woman sitting under a heavy sheepskin. Early in the morning today she has had a miscarriage of a three-month-old foetus. I do not have any knowledge whatsoever in the field of gynaecology. What do I do? I was thinking to myself, "Since there was blood loss, there must be weakness; hence the heart is not working properly". So I gave her drops with camphor, and also some Streptocid to prevent from infection. We arranged her bed and she fell asleep. I came to see her in two hours; her pulse was calmer and eyes — much brighter. I gave instructions to keep her in bed and feed her with delicate food. With all my heart I want good roads to be built, so that these hard-working people could build comfortable homes for themselves and open a hospital. What else can I do for these people, whom I've fallen in love so deeply³?

December 7, 1956

Together with Emin Tursun we were studying ancient monuments. Quite an interesting picture — a Tatar teaching an Uyghur his ancient language in the habitat of ancient Uyghurs, and the teaching is based on a book written by a Russian⁴.

September 9, 1957

I was delivered a telegram with sad news — Sergey Efimovich Malov passed away. I could not believe the news! I don't want to believe that my dear teacher is gone. How I needed to see him and talk to him now when I followed his footsteps in China and listen to his wise counsel and well-timed remarks. For me he will forever be alive. I did not bid my farewell. We did not lose

touch. I just live and work far from him. A lot needs to be done for his name's sake⁵.

July 23, 1958

We came to survey the monastery located nearby <...> In the monastery's courtyard we were met by the elder lama Zangwu (his Chinese name was Gang Fa-tui). He invited us to visit his house.

Zangwu was one of the helpers of Sergey Efimovich, when he came over to Minghai. The lama is 76 years old. He is very thin, and is weak on both hearing and seeing, but very active nonetheless. Being a clergyman of sorts he was not married. He has been helped, though, by an elderly Uyghur woman. As is the custom in this area, during the reception Zangwu served everybody with a small wineglass. One needs to drink two glasses or an even amount of those; that's the custom here. And then we were served with Tibetan tea with oatmeal and butter.

Zangwu remembers Sergey Efimovich. He stayed in Minghai for about a month at one of Sanyshkap's relatives. "Maluofu", said the lama, "wrote a great deal. And then he would stack everything in chests; he had two of those. He also brought a little device into which he was recording the voices of various people. And he took pictures of people, too. He spoke good Uyghur, but did not speak much. He mostly wrote". On his departure Malov gave Zangwu steel fountain pens and paper. The latter lost the pens, but he did use the paper, though — he wrote sacred canons, which he brought to us wrapped in a shawl⁶.

1 Э. Р. Тенишев, *У тюркских народов Китая* (Москва, 1995), с. 5.

2 Там же, сс. 9—10.

3 Там же, сс. 40—41.

4 Там же, с. 113.

5 Там же, с. 195.

6 Там же, с. 220.

1 E. R. Tenishev, *Visiting Turkic Peoples in China* (Moscow, 1995), p. 5.

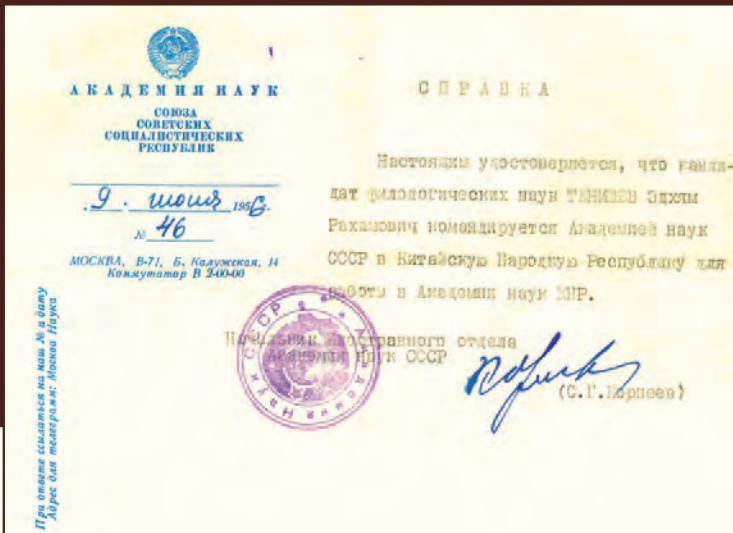
2 Ibid., pp. 9—10.

3 Ibid., pp. 40—41.

4 Ibid., p. 113.

5 Ibid., p. 195.

6 Ibid., p. 220.

Чэжэнь
ст. 12 стр. 5

Отчет о работе в Китайской Народной Республике

I Состав работы и угрождения

В КНР командирован Президиумом АН СССР. Срок командировки - два года.

Прибыл в Пекин 11 июня 1956 г.

Через неделю был составлен план работы совместно с китайскими товарищами.

Содержание по следующим:

- а) участие на конференции по языкам и письменности народов Синцзян-Тибетского автономного района (август 1956).
- б) участие в исследовательской работе по тюркским языкам КНР: уйгурскому (Синцзян), самарскому (Уинкай), сарг-юурскому (Сяньсу) [сеп. 1956 - авг. 1957].
- в) занятия с астратами и преподавание по курсам: "Введение в изучение тюркских языков" (60%), "Древнетюркские памятники" (40%), "Турецкий язык" (40%), семинары, практические занятия и консультации по названному предмету (сентябрь 1957 - май 1958).
- г) командировка в Москву и Ленинград для

I

8 июня 1956	Пекин
11 июня 1956	Пекин
20 июня 1956	Пекин
7 июля 1956	Пекин
8 июля 1956	Пекин
16 июля 1956	Пекин
17 июля 1956	Пекин
20 июля 1956	Пекин
23 июля 1956	Пекин
27 июля 1956	Пекин
28 июля 1956	Пекин
29 июля 1956	Пекин
30 июля 1956	Пекин

1 августа 1956	Пекин
2 августа 1956	Пекин
3 августа 1956	Пекин
4 августа 1956	Пекин
5 августа 1956	Пекин
6 августа 1956	Пекин
7 августа 1956	Пекин
8 августа 1956	Пекин
9 августа 1956	Пекин
10 августа 1956	Пекин
11 августа 1956	Пекин
12 августа 1956	Пекин
13 августа 1956	Пекин
14 августа 1956	Пекин
15 августа 1956	Пекин
16 августа 1956	Пекин
17 августа 1956	Пекин
18 августа 1956	Пекин
19 августа 1956	Пекин
20 августа 1956	Пекин
21 августа 1956	Пекин
22 августа 1956	Пекин
23 августа 1956	Пекин
24 августа 1956	Пекин
25 августа 1956	Пекин
26 августа 1956	Пекин
27 августа 1956	Пекин
28 августа 1956	Пекин
29 августа 1956	Пекин
30 августа 1956	Пекин
31 августа 1956	Пекин

25 марта 1956	Кантон
28 марта 1956	Кантон
30 марта 1956	Кантон
30 марта 1956	Кантон
31 марта 1956	Кантон
1 апреля 1956	Кантон
2 апреля 1956	Кантон
3 апреля 1956	Кантон
4 апреля 1956	Кантон
5 апреля 1956	Кантон
6 апреля 1956	Кантон
7 апреля 1956	Кантон
8 апреля 1956	Кантон
9 апреля 1956	Кантон
10 апреля 1956	Кантон
11 апреля 1956	Кантон
12 апреля 1956	Кантон
13 апреля 1956	Кантон
14 апреля 1956	Кантон
15 апреля 1956	Кантон
16 апреля 1956	Кантон
17 апреля 1956	Кантон
18 апреля 1956	Кантон
19 апреля 1956	Кантон
20 апреля 1956	Кантон
21 апреля 1956	Кантон
22 апреля 1956	Кантон
23 апреля 1956	Кантон
24 апреля 1956	Кантон
25 апреля 1956	Кантон
26 апреля 1956	Кантон
27 апреля 1956	Кантон
28 апреля 1956	Кантон
29 апреля 1956	Кантон
30 апреля 1956	Кантон
31 апреля 1956	Кантон

17 сентября 1956	Кантон
18 сентября 1956	Кантон
19 сентября 1956	Кантон
20 сентября 1956	Кантон
21 сентября 1956	Кантон
22 сентября 1956	Кантон
23 сентября 1956	Кантон
24 сентября 1956	Кантон
25 сентября 1956	Кантон
26 сентября 1956	Кантон
27 сентября 1956	Кантон
28 сентября 1956	Кантон
29 сентября 1956	Кантон
30 сентября 1956	Кантон
31 сентября 1956	Кантон

10 мая 1957	Кантон
17 мая 1957	Кантон
18 мая 1957	Кантон
19 мая 1957	Кантон
20 мая 1957	Кантон
21 мая 1957	Кантон
22 мая 1957	Кантон
23 мая 1957	Кантон
24 мая 1957	Кантон
25 мая 1957	Кантон
26 мая 1957	Кантон
27 мая 1957	Кантон
28 мая 1957	Кантон
29 мая 1957	Кантон
30 мая 1957	Кантон
31 мая 1957	Кантон

3 июня 1957	Кантон
4 июня 1957	Кантон
5 июня 1957	Кантон
6 июня 1957	Кантон
7 июня 1957	Кантон
8 июня 1957	Кантон
9 июня 1957	Кантон
10 июня 1957	Кантон
11 июня 1957	Кантон
12 июня 1957	Кантон
13 июня 1957	Кантон
14 июня 1957	Кантон
15 июня 1957	Кантон
16 июня 1957	Кантон
17 июня 1957	Кантон
18 июня 1957	Кантон
19 июня 1957	Кантон
20 июня 1957	Кантон
21 июня 1957	Кантон
22 июня 1957	Кантон
23 июня 1957	Кантон
24 июня 1957	Кантон
25 июня 1957	Кантон
26 июня 1957	Кантон
27 июня 1957	Кантон
28 июня 1957	Кантон
29 июня 1957	Кантон
30 июня 1957	Кантон
31 июня 1957	Кантон

1 июля 1957	Кантон
2 июля 1957	Кантон
3 июля 1957	Кантон
4 июля 1957	Кантон
5 июля 1957	Кантон
6 июля 1957	Кантон
7 июля 1957	Кантон
8 июля 1957	Кантон
9 июля 1957	Кантон
10 июля 1957	Кантон
11 июля 1957	Кантон
12 июля 1957	Кантон
13 июля 1957	Кантон
14 июля 1957	Кантон
15 июля 1957	Кантон
16 июля 1957	Кантон
17 июля 1957	Кантон
18 июля 1957	Кантон
19 июля 1957	Кантон
20 июля 1957	Кантон
21 июля 1957	Кантон
22 июля 1957	Кантон
23 июля 1957	Кантон
24 июля 1957	Кантон
25 июля 1957	Кантон
26 июля 1957	Кантон
27 июля 1957	Кантон
28 июля 1957	Кантон
29 июля 1957	Кантон
30 июля 1957	Кантон
31 июля 1957	Кантон

1 августа 1957	Кантон
2 августа 1957	Кантон
3 августа 1957	Кантон
4 августа 1957	Кантон
5 августа 1957	Кантон
6 августа 1957	Кантон
7 августа 1957	Кантон
8 августа 1957	Кантон
9 августа 1957	Кантон
10 августа 1957	Кантон
11 августа 1957	Кантон
12 августа 1957	Кантон
13 августа 1957	Кантон
14 августа 1957	Кантон
15 августа 1957	Кантон
16 августа 1957	Кантон
17 августа 1957	Кантон
18 августа 1957	Кантон
19 августа 1957	Кантон
20 августа 1957	Кантон
21 августа 1957	Кантон
22 августа 1957	Кантон
23 августа 1957	Кантон
24 августа 1957	Кантон
25 августа 1957	Кантон
26 августа 1957	Кантон
27 августа 1957	Кантон
28 августа 1957	Кантон
29 августа 1957	Кантон
30 августа 1957	Кантон
31 августа 1957	Кантон

Yome tyu.
 5000 乞 弓 2igai "ничий"

bedun "大 飛 音 連" puteng "обучил"

tab 挑 換 tio be подстрекается
 ства

sü 隊 düi
 (име süi)
 軍隊 jän düi "армия"

Словарь "Канси", стр. 15/6

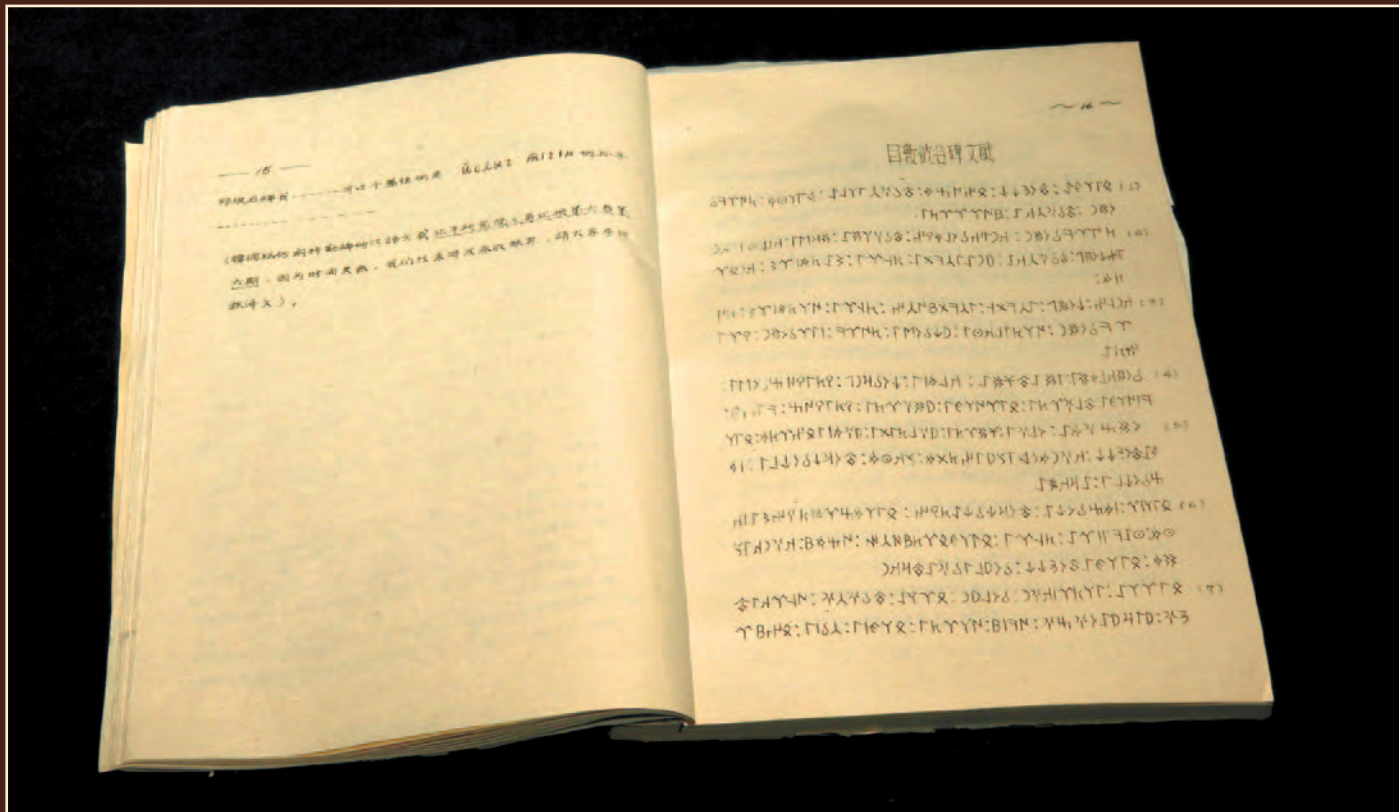
bedun 飛 音 連 "перевозывание"

Тай 天 tian "небо"

zi 日 天 "солнце; земля"

7

8

- 1 -

Тласан отчета "О языке самар".

I. Введение.

Территория Самарского национального уезда.
 Деление на волости и уезды. Описание на уезде.
 Комиссары населения в уезде и вне уезда.
 Сведения по волостям.
 Комиссары населения в уезде (отдельные волости).
 Сведения по волостям Самар (отдельные волости).
 История изучения самар и их языка.
 Районы, в которых ведется работа.
 (Отдельные волости т. Лажина и Чэн-Лина).

II. Сведения по грамматике.

Фонетика.
 Тласане звуки в Самарском языке (отдельные характеры).
 Звук - в группах местонахождения - и др.
 Тласане гласных (отдельные): в Чэн-Лин и Самар'e с наследовательным характер для твердого звука. и нерушимые - в группах районов (отдельные).
 Сопоставление звуков в Самарском языке. Звук везе расцениваться по произношению в, к, б, м, с, свозимая звуки, парные по произношению: гоньса; звуки звонные.
 Например: в - средний между в и б. Он колеблется то в ту, то в ту, то в ту. Он колеблется то в ту, то в ту, то в ту. Он колеблется то в ту, то в ту, то в ту.
 Звук везе расцениваться по произношению в, к, б, м, с, свозимая звуки, парные по произношению: гоньса; звуки звонные.
 Например: в - средний между в и б. Он колеблется то в ту, то в ту, то в ту. Он колеблется то в ту, то в ту, то в ту.
 Звук везе расцениваться по произношению в, к, б, м, с, свозимая звуки, парные по произношению: гоньса; звуки звонные.
 Например: в - средний между в и б. Он колеблется то в ту, то в ту, то в ту. Он колеблется то в ту, то в ту, то в ту.

9

Справка по грамматике
 Язык Самарского уезда

I. Фонетика

1. Математическое

kake	name	jasja	el	xyex
nasa (nasa)	cau'	jigja	cy	kyex
ana (anap)	min'	mija	jeo	kol
ana	kae	kidi	kye	ajta
ana	kalca	kalci	yn	jasja
cyu	jejt	kyba	ya	kyex

2) Appreca pinnagcaimandun
 kotapen u kotapen

3) Appreca sazzamandun

4) Appreca sazzamandun

5) Appreca sazzamandun

Тласан работы
 Работа в Самарском национальном уезде будет продолжаться в течение года месяцев в следующем порядке:

с 30 января по 1 мая в Ду-Ули,
 с 1 мая по 10 мая в Чэн-Лин (Чэн-Лин),
 с 11 мая по 20 мая в Чэн-Лин (Чэн-Лин),
 с 21 мая по 30 мая в Чэн-Лин (Чэн-Лин),
 с 31 мая по 1 июня в Чэн-Лин (Чэн-Лин),
 с 1 июня по 30 июня в Чэн-Лин (Чэн-Лин),
 с 1 июля по 31 июля в Чэн-Лин (Чэн-Лин).

30/12-1957,
 Ду-Ули.

CABLE: SINACADEMY
3 WEN CHING CHEN,
PEKING, CHINA

中国科学院
АКАДЕМИЯ НАУК КИТАЯ
ACADEMIA SINICA
ACADEMIE DES SCIENCES DE CHINE

电报号码: 2233
地址: 北京文津街三號

敬爱的艾·拉·切尼舍夫同志:

您接受邀请,于1956年6月来到我国,到今年12月,您工作了将近30个月。在此期间,您的辛勤劳动,对我国民族语言的发展有着很大的帮助。

您刚来到我国不久,就出席了8月在新疆维吾尔自治区召开的民族语言文字问题科学讨论会,会上您作了报告;会后您还为我国翻译工作者从年轻的民族语言工作者介绍了苏联民族语言发展的情况,增长了他们的知识。一开始您就给我们的工作带来了很大的帮助。

为了解我国民族语言的情况,解决实际问题,从北京到新疆维吾尔自治区的喀什和甘肃的肃南大小城镇和乡村,您长途跋涉,不辞辛劳指导我国民族语言的年轻工作者的工作,帮助他们解决实际问题。

为了促进我国民族语言研究工作的成长,在您的帮助下,1957年12月,在这一段时间,您尽了很大的努力和劳动,使我国民族语言方面

敬爱的艾·拉·切尼舍夫同志,几

~1

CABLE: SINACADEMY
3 WEN CHING CHEN,
PEKING, CHINA

中国科学院
АКАДЕМИЯ НАУК КИТАЯ
ACADEMIA SINICA
ACADEMIE DES SCIENCES DE CHINE

电报号码: 2233
地址: 北京文津街三號

在您完成任务将归国的时侯,我谨代表科学院向您表示衷心的感谢!
祝您在语言科学上获得更大的成功!

中国科学院
Academia Sinica
Академия Наук Китая

Благодарность за преданную работу
Товарищу Э.Р.Тенишеву
о.в. То.Можа.

中国科学院
少数民族语言研究所

~2~

中国科学院少数民族语言研究所

敬爱的艾·拉·切尼舍夫同志:

您接受我国的邀请,于1956年6月到1958年12月来我国工作,在这个时间里,由于您的辛勤劳动,对我国民族语言的研究有着很大的帮助。为了表示我们的感谢和敬意,在您即将起程的时候,特送上毛泽东主席和列宁同志的语录各一幅,我国名胜照片4幅,北京在地铁中“一日游”一书,供您一阅,以资纪念,并接受我们这些微薄的礼物。

您虽然和我们分别了,可是工作仍然把我们联系在一起,我们希望这对我们今后民族语言方面的工作仍给予更多的帮助与指导。

请祝您及您的夫人

健康和愉快

中国科学院少数民族语言研究所所长 包尔汉
1959年3月24日

Дорогой и уважаемый Эджем Рахимович!

Вы по нашему приглашению работали в нашем Институте с июля 1956г. по декабрь 1958г.. В это время Вы очень старательно трудились, оказали большую помощь в нашей работе по изучению тюркских языков, и эта помощь будет играть такую же большую роль в нашей дальнейшей работе.

CABLE: SINACADEMY
3 WEN CHING CHEN,
PEKING, CHINA

中国科学院
АКАДЕМИЯ НАУК КИТАЯ
ACADEMIA SINICA
ACADEMIE DES SCIENCES DE CHINE

电报号码: 2233
地址: 北京文津街三號

Дорогой уважаемый товарищ Э.Р.Тенишев!

В июне 1956 года Вы по приглашению приехали в Китай. До декабря месяца этого года Вы работали у нас приблизительно 30 месяцев. В этот период Вы своим усердным трудом оказали нам большую помощь в развитии тюркских языков в нашей стране.

Недолго после Вашего приезда в Китай Вы присутствовали и выступили с докладом на Научной конференции по языкам национальностей Синцзян-уйгурского автономного района, состоявшейся в августе того года в Урумчи. Перед конференцией Вы встретились с нашими молодыми сотрудниками экспедиции по тюркским языкам, ознакомив их с положением развития советской тюркологии, что очень обогатило их знания. И так, с самых первых дней Вашей работы в Китае мы получали огромное удовольствие.

В целях ознакомления с положением тюркских языков в нашей стране и разрешения практических вопросов Вы ездили на Памир вместе с Синцзян-уйгурским автономным районом, Синьхуа (яров. Цинхай) и Суинань (пров. Ганьсу), где Вы обещали большие и малые дела и деревни, и не имея своих сил, Вы безукоснительно руководили работой молодых работников нашей страны по тюркским языкам и оказали им помощь в разрешении практических вопросов.

Вы проявляете большую заботу о росте наших молодых работников по тюркским языкам в интересах развития исследовательской работы по тюркским языкам в нашей стране. В ноябре 1957 года по Вашей инициативе открылся Курсы по изучению тюркских языков. В период с времени открытия по декабрь 1958 года Вы при-

того
Вам
на
теля
валь
стен
ско
визи
кази
их и
ю Ва

Тюркская литература
Института
порт-
четыре
нитель-
добрую
естная
о Вы
о изу-
в жизни

中国科学院
АКАДЕМИЯ НАУК КИТАЯ
ACADEMIA SINICA
ACADEMIE DES SCIENCES DE CHINE

电报号码: 2233
地址: 北京文津街三號

должны больше уделить к этой работе. Вы подготовили для нас немецкие списки в области тюркских языков, оказавшие при этом в работе большую поддержку и огромное воодушевление молодым сотрудникам.

Дорогой товарищ Э.Р.Тенишев! Ваш вклад за последние годы огромный. Мы будем всегда ценить Ваш самоотверженный труд и особенно заботу о нашей работе.

Мы высоко ценим ваше участие в этой задаче и скоро узнаем на Родине. От имени Академии наук Китая выражаю Вам сердечную благодарность.

Желаю Вам еще больших успехов в лингвистических науках!
Желаю Вам доброго здоровья!

Президент Академии наук Китая
То Мо-жо.

9 декабря 1958 года.

-2-

и успехов в работе!

С приветом директор Института языков

24 марта
1959г.

нацменьшинств АН КНР Бурхан

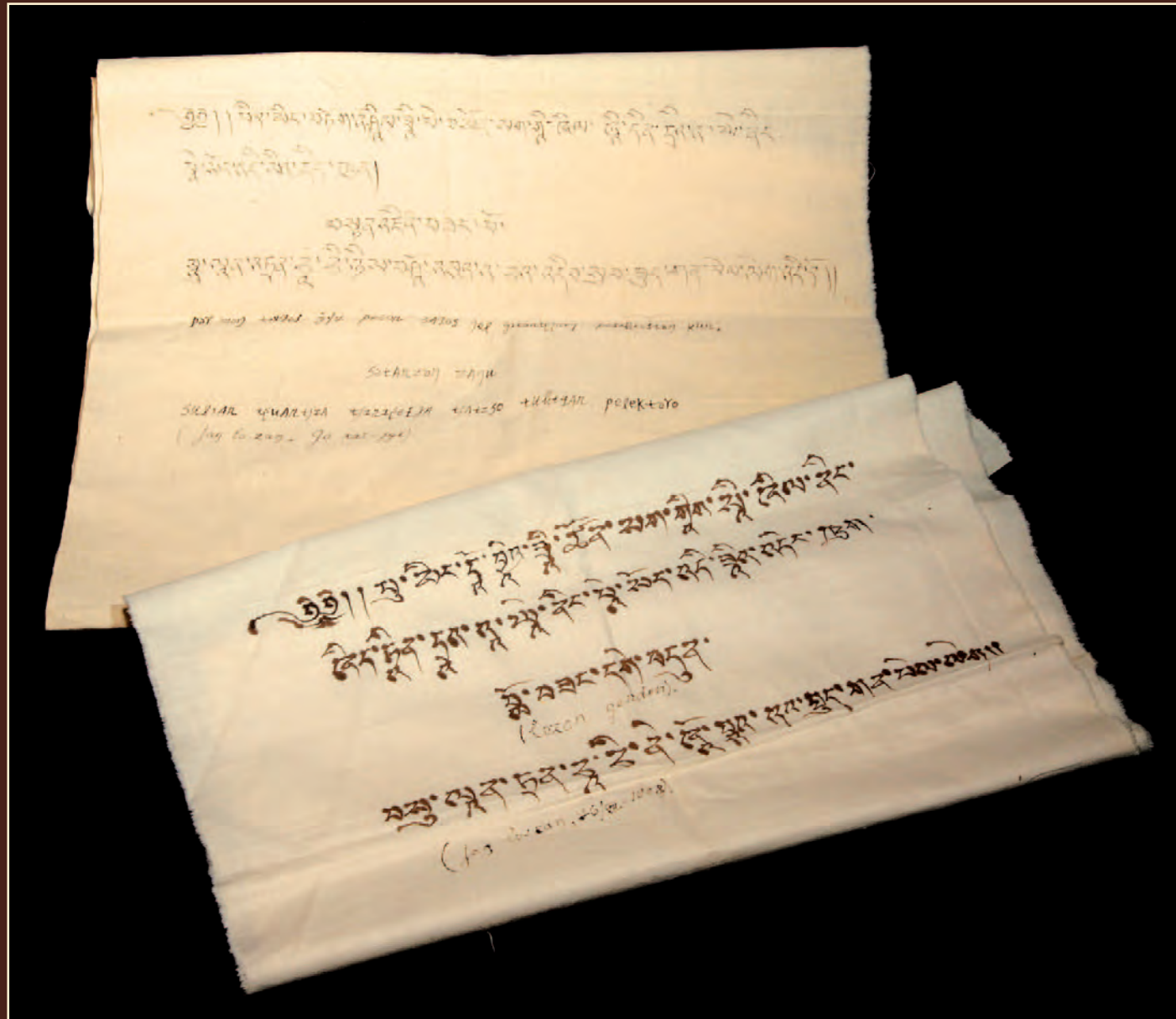

Рис. 1. Э. Р. Тенишев.

Рис. 2. Герб рода Тенишевых, князей татарских.

Рис. 3–5. Э. Р. Тенишев в Китае (1956–1958). Домашняя коллекция семьи Тенишевых.

Рис. 6. Документы, связанные с пребыванием Э. Р. Тенишева в Китае: командировочное удостоверение, рабочая хронология путешествия. Отчет о работе в КНР.

Рис. 7. Рабочие карточки Э. Р. Тенишева.

Рис. 8. Э. Р. Тенишев, *Хрестоматия по древнетюркским языкам (язык подлинника, транскрипция, перевод на китайский язык)*. Ротапринтное издание (Пекин, 1958).

Рис. 9. Документы, связанные с изучением саларского языка, этнографии и культуры саларов: «План работы в саларском национальном уезде», «План отчета о языке салар», «Программа по грамматике для саларского языка».

Рис. 10–11. Благодарственные письма от Президента АН КНР Го мо-жо и Директора Институ-

та языков нацменьшинств КНР Бурхана Шахида, «Отчет о работе в КНР».

Рис. 12. Два *хадака*, преподнесенные Э. Р. Тенишеву. Белая хлопчатобумажная ткань, надписи черной тушью на тибетском языке; 80,0 × 35,0 см. Китай, провинция Цинхай, 1950-е гг. «При визитах здесь меняются друг с другом взамен карточек так называемыми *хадаками* — небольшими, в виде платка или чаще полотенца, отрезками белой или зеленоватой шелковой материи различного качества, смотря по состоянию и взаимному отношению знающих лиц»⁷. «*Хадака* считается дорогим подарком: дарящий его выражает свое уважение, любовь, преданность и даже покорность и преклонение; два последних момента особенно подчеркиваются при посещении монастырей. *Хадаки* настолько прочно вошли в повседневную жизнь, что обычно тибетцы носят с правой стороны куртки на короткой лямке мешочек для них»⁸. Домашняя коллекция семьи Тенишевых.

Рис. 13. Личные вещи Э. Р. Тенишева: часы, удостоверение члена-корреспондента АН СССР походный столовый прибор: палочки для еды, нож в общем футляре. Дерево, латунь, сталь, пластмасса; длина в сборе — 22,0 см, максимальная ширина футляра — 2,0 см. Китай, первая половина XX в⁹. Домашняя коллекция семьи Тенишевых.

Рис. 14. Комплект открыток, посвященных народам Северо-западного Китая (Пекин, 1958 г.): «Хэдяньские ковры — одна из вершин ремесленного искусства уйгуров»; «Казахские женщины за изготовлением масла. Казахская автономная область Или»; «Ученицы 2-го класса. Тянь-Шань»; «Башня Сугун в окрестностях Турфана»; «На берегу Тарима». Домашняя коллекция семьи Тенишевых.

Рис. 1. E. R. Tenishev.

Рис. 2. The coat of arms of the Tenishev family, a family of Tatar princes.

Рис. 3–5. E. R. Tenishev in China (1956–1958). The home collection of the Tenishev family.

Рис. 6. The documents that have to do with E. R. Tenishev's stay in China: the traveling certificate, working chronology of the journey, the report of his work in the PRC.

Рис. 7. The working index cards of E. R. Tenishev.

Рис. 8. E. R. Tenishev, *The Ancient Turkic Language Reader (the Language of the Original, Transcription, Translation into Chinese Language)*. The rotaprint publication (Beijing, 1958).

Рис. 9. The documents that have to do with his study of Salar language, ethnography and culture of Salars: “The plan of operation in Salar national district”, “The plan of the report of the language of Salars”, “The program for the grammar of Salar language”.

7 N. M. Przhevalsky, *The Third Journey to Central Asia. From Zaysan Through Hami to Tibet and on to the Sources of the Yellow River* (St. Petersburg, 1883), p. 259.

8 A. M. Reshetov, “The Tibetan collection of the MAE (spiritual culture)”, *The Culture of the Peoples of Foreign Countries* (Moscow, 1973), p. 238.

9 A version of this device is kept in the MAE collection (No. 2563–24) is sewn

Рис. 10–11. Letters of thanks from the President of the Academy of Sciences of the CPR, Guo Mo-ruo and the Director of the Institute of Minorities of the CRP, Burhan Shahidi, “The report of the work done in the PRC”.

Рис. 12. Two *khadaks*, given to E. R. Tenishev. White cotton fabric, inscribed in Tibetan language with black indelible ink; 80,0 × 35,0 cm. China, Qinghai, 1950ies. “When visiting people exchange the so-called *khadaks* with one another instead of cards. *Khadaks* are small pieces of white or greenish silk fabric of various quality that look like kerchiefs or more often like towels. The quality of *khadaks* given to others depends on the relationship between the people acquainted”⁷. “A *khadak* is considered to be an expansive gift: a giver expresses his respect, love, loyalty and even submission and adoration; the latter two moments are especially highlighted when visiting monasteries. *Khadaks* have so strongly penetrated the everyday life that usually

together from the pieces of yellow, red and blue silk, and is tied with a lace with two red tassels. Its photograph see in G. Ts. Tsybikov, *A Buddhist Pilgrim at the Holy Places of Tibet* (Petrograd, 1919), p. 284. The MAE collections possess several *khadaks* (Nos. 5959–3, 4, 20, 48). In relation to *khadaks* see *ibid.*, p. 455 (index).

Tibetans have a *khadak* sack suspended by a short strap on the right side of a jacket”⁸. The home collection of the Tenishev family.

Рис. 13. Personal belongings of E. R. Tenishev: a watch, a certificate of the corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR, field tablewear: chopsticks and a knife in a common case. Wood, bronze, steel, plastic; when assembled — 22,0 cm in length, maximal width of the case — 2,0 cm. China, first half of the 20th century⁹. The home collection of the Tenishev family.

Рис. 14. A set of postcards, dedicated to the peoples of the north-western China (Beijing, 1958): “The Hedian carpets are one of the peaks of handicraft art of Uyghurs”; “Kazakh women making oil. Ili Kazakh Autonomous Prefecture”; “The students of the 2nd grade. The Tian Shan”; “The Sugun tower in the vicinity of Turfan”; “On the shore of Tarim”. The home collection of the Tenishev family.

9 A version of this device is kept in the MAE collection (admitted in 1896, coll. No. 313–96).

7 Н. М. Пржевальский, *Третье путешествие в Центральную Азию. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки* (Санкт-Петербург, 1883), с. 259.

8 А. М. Решетов, «Тибетская коллекция МАЭ (Духовная культура)» *Культура народов Зарубежной Азии. Сборник МАЭ XXIX* (Ленинград, 1973), с. 238. Такой мешочек в кол-

лекции МАЭ (№ 2563–24) шит из кусков желтого, красного и синего шелка, завязывается шнурком с двумя красными кистями. Его фото см.: Г. Ц. Цыбиков, *Буддист-паломнику святость Тибета* (Петроград, 1919), с. 284. В коллекции МАЭ имеется несколько *хадаков* (№№ 5959–3, 4, 20, 48). О *хадаках* см. там же, с. 455 (указатель).

9 Вариант такого прибора имеется в коллекции МАЭ (поступление 1896 г., колл. № 313–96)

О, долго, долго видел ты, —
Как я увидел, уплывая, —
Камыш, и воды, и хребты
В туманах синего Китая.

К. А. Липскеров

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О БУДУЩЕМ A CONCLUSION ABOUT THE FUTURE

O, for how long, how long, you were seeing, —
Just as I saw, sailing away, —
The reeds, the water and the ridges
In the fogs of the blue China.

Konstantin Lipskerov

2

Внимательный читатель, наверное, обратил внимание, что среди поэтов, чьи строки я цитирую на страницах этой книги, чаще всего звучат стихи Константина Липскерова (1889–1954). Это, конечно же, не случайно. На протяжении последних лет я урывками пишу большую книгу о русском ориентализме и давно мечтаю сделать выставку, где бы стихи Липскерова были «проиллюстрированы» этнографическими предметами и архивными фотографиями. Может быть, в музейных и частных собраниях отыщутся следы его домашней коллекции, а в каталоге выставки можно было бы опубликовать множество его до сих пор не изданных стихотворений.

Прекрасный русский поэт, виртуозный переводчик, драматург и художник много сделал для того, чтобы мусульманский Восток «заговорил» в русской культуре. Его пере-

воды из Низами («Хосров и Ширин» и «Искандер-намэ») были и остаются абсолютно непревзойденными.

В начале 1914 г. вместе с Осипом и Лилей Брик Константин Липскеров оказался в Средней Азии. Результатом стали поэтические сборники «Песок и розы» (Москва, 1916) и «Туркестанские стихи» (Москва, 1922). В отзыве на первую книгу его друг Владислав Ходасевич писал: «Приехав в Туркестан, поэт не сделал из него “своей страны”, не превратил в “Туркестан Липскерова”, а, наоборот, сам постарался сделаться как можно более “туркестанским” поэтом, однако же пишущим сонеты классическим пятистопным ямбом с цезурой на второй стопе»¹.

1 октября, последний день экспедиции 2008 г., мы планировали провести в Урумчи. Самое важное дело — поздравление одно-

го из участников нашей экспедиции с днем рождения. Однако неожиданно подарок получили все мы. Вместо шумного Урумчи мы оказались на берегу красивейшего озера Тяньчи, расположенного в 110 км от города в Тянь-шаньских горах к северу от заснеженного пика Богдо-Ула (5445 м). На горной поляне с удивительным видом на озеро, окруженное раскрашенным осенью лесом, я лежал на траве и думал о том, сколько наших замечательных соотечественников побывало в этих краях. У Константина Липскерова есть стихотворение, при чтении которого невольно вспоминаются строки полевых отчетов Н. М. Пржевальского и П. К. Козлова о святом для местных мусульман месте, глинобитном *мазаре* на берегу реки Тарим, так же как и Туйюк связанном с легендой о святых путниках и собаке:

¹ Цит. по: В. Перельмутер, «Константин Липскеров. Голос из тьмы», *Toronto Slavic Quarterly* (<http://www.utoronto.ca/tsq/05/lipskеров05.shtml>). Я искренне признателен Вадиму Перельмутеру (Мюнхен) за важную информацию по этой теме.

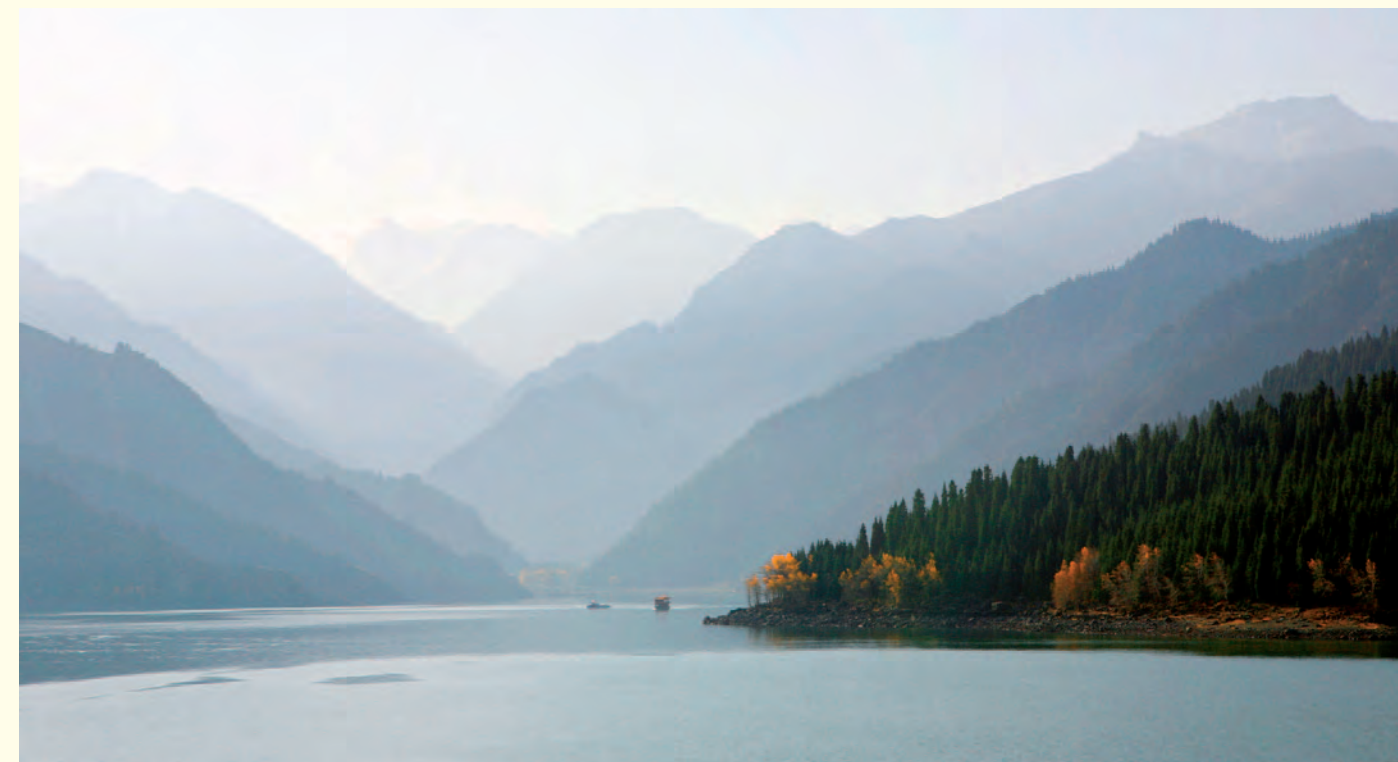
An attentive reader has probably noticed that among the poets whose lines I quote in this book, the most often quoted one is Konstantin Lipskerov (1889–1954). It is not a coincidence by any means. In the course of the last few years I have been in snatches writing a book about Russian Orientalism. And I have been dreaming about making an exhibition where the poems of Lipskerov would be “illustrated” with ethnographic articles and archive photographs. Perhaps, museum and private collections will help us find traces of his home collection, and the exhibition catalogue could present many of his yet unpublished poems.

A wonderful Russian poet, virtuoso in translation, playwright and artist — he did a great deal for the Muslim Orient to “speak” in Russian culture. His translation works from Nizami (“Khosrow and Shirin” and “Iskander-name”) were and still are absolutely matchless.

In the beginning of 1914 together with Osip and Lily Briks Konstantin Lipskerov happened to be in Central Asia. Poetic collections “Sand and Roses” (Moscow, 1916) and “Turkestan Poems” (Moscow, 1922) became the result of that journey. Commenting his first book his friend famous Russian poet Vladislav Hodasevich wrote: “Having come to Turkestan the poet did not make it ‘his own country’, did not turn it into the ‘Turkestan of Lipskerov’. On the contrary he attempted to become more of a ‘Turkestan poet’ himself, who however wrote sonnets in classic iambic pentameter with caesura on the second meter”¹.

The 1st of October, the last day of the expedition of 2008, we were planning to spend in Urumqi. The most important thing was to wish many happy returns of the day to one of the participants of our expedition. And yet all of us

became the recipients of an unexpected gift. Instead of noisy Urumqi we happened to be at the lakeside of beautiful Tianchi, located 110 km from the Tian Shan mountains to the north of the snow-covered peak of Bogd Uul (5445 m). I was lying on the grass on a mountain glade with an amazing view over the lake surrounded with woods coloured by the fall and I was thinking of those many outstanding fellow countrymen that visited these lands. Konstantin Lipskerov has a poem, reading which I unintentionally remembered the words from the field reports of N. M. Przhevalsky and P. K. Kozlov of the sacred Muslim site, the adobe *mazar* on the Tarim riverbank, which, similarly to Tuyoq, had to do with the legend of holy travellers and a dog:

¹ Quoted from V. Perelmutter, “Konstantin Lipskerov. A Voice from the Dark”, *Toronto Slavic Quarterly* (<http://www.utoronto.ca/tsq/05/lipskеров05.shtml>). I am sincerely thankful to Vadim Perelmutter (Munich) for important information on the theme.

*Где бесконечная река
Взяла из озера начало,
Где дымка синяя слегка
Снега хребтов обозначала,*

*Где эти синие края
Камыш обводит с дикой силой, —
Там, проплывая, вижу я
И глинобитную могилу.*

*Ответь мне ты, познавший тишь,
Ты, ставший вечности добычей,
В могиле с сетью ль ты сидишь,
Как древний требует обычай?*

*Ведь ты знавал рыбацкий труд,
Был нищ, мечтал о сети новой...
Скажи, ведь это твой верблюд
Ждет на земле солончаковой?*

*О, долго, долго видел ты, —
Как я увидел, уплывая, —
Камыш, и воды, и хребты
В туманах синего Китая.*

*Ты здесь полвека был, я — день.
Но мы здесь были, здесь дышали.
И только этим ли, о тень,
Нас дымы синие связали?*

*Процаюсь с ширью в свой черед...
Гляжу на влагу огневую...
Для этих гор, для этих вод
Я, как и ты, не существую?.*

«Вблизи мазара, на правом берегу Тарима, — писал П. К. Козлов, — резко выдается возвышенное местечко, служившее бивуаком наших экспедиций. На юге и западе широко раскинулись озерки с высоким камышом — приют пролетных пернатых. На северо-запад и юго-восток уходит Тарим; на севере лежит “Орус-арал” — Русский остров. Все прошлое оживилось в памяти. Постояв несколько минут на прежнем пепелище, мы направились в тростниковое жилище правителя Лоб-нора. Нам была отведена лучшая часть княжеского жилища. Караванные животные были отправлены на остров Русский»².

Мы расставались с этой страной, испытывая почти те же чувства, что и русский поэт. Он рассказал об этом своими стихами. Мы попытались сделать это нашей выставкой.

После возвращения из Китайского Туркестана мы прожили два непростых года. Что-то случилось, что-то — нет. Я очень рад, что этот выставочный проект состоялся, и хочу еще раз сказать спасибо всем тем, кто помогал нам в этом. Придет время, и, может быть, я однажды смогу сделать выставку, посвященную блестящему, но почти забытому русскому поэту, написавшему однажды:

Неудача иль удача: всё — равно.

День ли смеха, день ли плача, всё — равно.

Выходи ж навстречу вихрю, если он

Встанет, гибель обознача: всё — равно.

Верь и птахам, что лукавят над тобой,

О любви опять судача: всё — равно.

Наши судьбы упадают на весы,

Ничего для них не знача: всё — равно.

Как принять тебе и радость, и печаль?

*Разрешая задача: всё — равно*⁴.

Рис. 1—4. На берегах озера Тянчи. Экспедиция МАЭ РАН 2008 г. Фотограф Т. М. Федорова.

2 К. А. Липскеров, *Где бесконечная река...* (1931). Тарим не вытекает, а впадает в озеро Лобнор. Я не нашел подробностей о святом рыболове, но в начале XX в. жители окрестных поселений активно занимались рыболовством, и воображение Липскерова легко могло приписать их святому то же занятие. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. задачи национального строительства побудили идеологическое руководство страны к созданию русской версии литературы

народов СССР. При этом проходил политически мотивированный пересмотр национально-культурной принадлежности ряда классиков восточной поэзии (таких как Низами, например), но был дан толчок множеству важных исторических и литературоведческих исследований, от которых отечественная культура безусловно выиграла. Г. А. Шенгели, фактически руководившей в «Госиздате» редакцией литератур народов СССР смог привлечь к переводческой работе выдаю-

щихся русских поэтов. В их числе был и Константин Липскеров. На проект были выделены значительные средства, предусматривавшие организации поездок на места. Так в 1931 г. Липскеров оказался в Китайском Туркестане, где всегда мечтал побывать.

3 П. К. Козлов, *Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. К столетию со дня рождения* (М.: Издательство Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2007).

4 К. А. Липскеров, *Газелла вторая* (1916—1921).

*Where an endless river stream
Has taken its source in a lake,
Where blue haze has lightly
Marked the snow of mountain ridges,*

*Where these blue edges
Strongly encircle reeds, —
There, swimming by, I see
An adobe tomb.*

*Answer you me, the knower of the silence,
You, who’ve become the prey of eternity,
Are you sitting in your tomb with nets,
As this ancient custom demands?*

*You knew the fisherman’s labour,
You were a beggar, dreaming of new nets...
Tell me, is this your camel
Waiting in the saline lands?*

*O, for how long, how long, you were seeing, —
Just as I saw, sailing away, —
The reeds, the water and the ridges
In the fogs of the blue China.*

Figs. 1—4. At the lakeside of Tianchi. The MAE RAS expedition of 2008. Photos by T. M. Fedorova.

2 К. А. Липскеров, *Where an Endless River Stream...* (1931). Tarim does not flow from, but rather flow into Lobnor. I did not find any details on the sacred fisherman, but in the beginning of the 20th century the inhabitants of the neighbouring settlements were actively involved in fishing. Therefore, the imagination of Lipskerov could easily ascribe the same line of work. In the late 1920’s and early 1930’s we had a national expedition prompted by the leadership of the country to form a Rus-

*You’ve been here for half a century, I — only for one day.
But we’ve been here, we’ve been breathing.
Are these the only things, O shadow,
That we are linked together with by the blue haze?*

*Saying goodbye to the expanses in my turn...
I look at fiery liquid...
For these mountains, for these waters
I, just like you, do not exist?.*

“Nearby the *mazar* on the right side of Tarim”, wrote P. K. Kozlov, “an elevated site abruptly rises. It served as a bivouac for our expeditions. In the south and in the west there are lakes with tall reeds — a shelter for the feathered of passage. Tarim stretches to the north-west and to the south-east; on the north “Orus-aral” — the Russian Island — is situated. All of the past came alive in my memory. Having stood for several minutes in the former ashes, we headed into the reed abode of the ruler of Lobnor. We were allotted the best part of the princely quarters. The caravan animals were sent to the Russian Island”³.

We were parting with this country, feeling almost the same feeling that the poet felt. He told about those in his poems. We attempted to do it with our exhibition.

Two not quite simple years have passed since we returned from Chinese Turkestan. Some things have been accomplished, some have not. I am very happy for this exhibition project to have taken place, and once again I would like to say a “Thank you” to each and every one who gave us a hand in this endeavour. There will come a time and perhaps I will be able to prepare an exhibition dedicated to this brilliant — but almost forgotten — Russian poet, who once wrote:

*Whether a failure or a success, it doesn’t matter.
Whether a day of laughter or of weeping, it doesn’t matter.*

*Come out towards the whirlwind, and if it
Rises, designating doom: it doesn’t matter.*

*Believe you birdies that are being sly about you,
Tittle-tattling of love again: it doesn’t matter.*

*Our fates are falling on the scales,
Without meaning anything to them:
it doesn’t matter.*

How do you accept both joy and sorrow?

*It is a solvable mystery: it doesn’t matter*⁴.

Russian poets in the translation work. Konstantin Lipskerov was among them. The project was sponsored a great deal, which made provision for organizing trips to the sites. Thus, in 1931 Lipskerov happened to be in Chinese Turkestan, which he had always dreamed to visit.

3 P. K. Kozlov, *Russian Traveller in Central Asia. Selected Works. To the 100th Anniversary (1863—1963)* (Moscow, 1963), p. 195.

4 К. А. Липскеров, *The Second Ghazal* (1916—1921).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ATTACHMENTS

Vladimir Kislyakov, Efim Rezvan, Polina Rud

THE PEOPLES OF CHINESE TURKESTAN IN THE COLLECTIONS OF THE MAE RAS (Short Preliminary Catalogue)

geographic names, terms and proper names. We, howev- er, are convinced that the current publication in its given state will serve as a great support in bringing to fruition many of the museum and scientific projects dealing with the history, culture and ethnography of the peoples of Chinese Turkestan, including the preparation of the complete illustrated catalogue of the defined collections. Such project can become a point of application for the combined efforts of Russian and Chinese scholars.

While compiling the index we took into account transfrontier migrations of the peoples of Chinese Turkestan in the 19th—20th centuries. The authors are sincerely thankful to Dmitriy Ivanov, Natalya Kolpa- kidi, Anna Kudryavtseva and Valeria Prischepova for their great assistance in the work with the collections.

phy of Southern and South-Eastern Asia, Ethnography of Southern and South-Western Asia and Ethnography of Central Asia. These peculiarities of the collection for- mation as well as the admittedly short time given for the preparation of the exhibition catalogue did not al- low us at this stage to put together an exhaustive index of the profile collections. In the course of further work we do not exclude the possibility that it will be sup- plemented with certain information of the objects and photographs, the current state of which did not permit them to be ranked among the collections connected to Chinese Turkestan.

In the absolute majority of cases in the fixing of the ethnographic description and the transfer of additional information we were following in the footsteps of the au- thors of the museum’s inventories. That particularly is reflected in the presentation of ethnicons, old spellings of

I. ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS

Collection: No. 221
Collector: N. F. Katanov (gift)
Date of admission: 1893
Additional information: bought in the city of Hami in 1892

1. Felt mat decorated with colour patterns.

Collection: No. 430
Collector: G. M. Osokin (gift)
Date of admission: 1898
Additional information: the Chinese Empire. The Tur- fan district

1. *Kurma* (woman’s overcoat). Blue cloth.
2. A long printed cotton woman’s shirt.
3. Woman’s wide trousers made of red printed cotton.
4. A woman’s head covering made of cloth.
5. A velveteen woman’s hat.

Collection: No. 431
Collector: G. M. Osokin (gift)
Date of admission: 1898
Additional information: the inhabitants of the new Chinese line (Northern and Southern slopes of the Tian Shan). North-Western Mongolia, the Chinese Empire. The Sarts, the Dungans, the Chinese
1а—6. A folding visor for a hat, for the sunscreen pur- poses (in a case).
2. A girdle with a pocket, carried by the Sarts and the Dungans underneath the overcoats. Russian velveteen.
3. A girdle with a pocket. Chinese silk.

Collection: No. 437
Collector: G. M. Osokin (gift)
Date of admission: 1899
Additional information: the Turfan taranchi (turfanlyqs)
1. A quilted robe.
2. An embroidered skull-cap.

A short preliminary catalogue of ethnographic and photo-illustrative collections of the MAE RAS that we call your attention to is devoted to the heritage of the peoples of Chinese Turkestan. It naturally reflects the history of studies connected with these territories and their peoples conducted by the Russian explorers. It shows also a complicated history of completing of the MAE collections. The passing away of V. V. Radlov and S. M. Dudin and the transfer of the enormous historical archaeological collections of Chinese Turkestan to the State Hermitage led to the closing of the profile depart- ment in the MAE. Numerous changes in the museum’s structure that followed, as well as the emergence, merg- ing and division of the scientific departments marked numerous transfers, renamings and divisions of the col- lections of our interests. Right now they are under the jurisdiction of three museum departments: Ethnogra-

THE PEOPLES OF CHINESE TURKESTAN IN THE COLLECTIONS OF THE MAE RAS (Short Preliminary Catalogue)

Collection: No. 184
Collector: N. M. Przhevalsky (gift)
Date of admission: 1888
Additional information: the Turks of Lobnor
1. A hat, made of the white swan skin.
2. An overcoat, made of coarse bast mat, with the duck skins sewn on (a short-sleeved open robe).

Collection: No. 217
Collector: N. F. Katanov, expedition to Chinese Turkestan (gift)
Date of admission: 1898
Additional information: belonged to the local Turk- language Sarts (the settled inhabitants of the Hami and Turfan Prefectures)
1. A wallet of Chinese work. Paper sewn in blue silk. The wallet was given by a relative of *qinwang*, Memet-Tahir-bek in the town of Hami on March 7, 1892.
2а—г. Artificial flowers (silk, paper) on the wire. Chi- nese work. Hair decorations of the Sart women. The flowers were given by the head of the Hami police office, Lu Bao-yuan on February 27, 1892.

3. A tobacco pouch. Paper covered with black silk. Chi- nese work. Designated for the tobacco that is smoked in small pipes. Carried by the Sarts at the side. The tobac- co pouch is given by the head of the Hami police office, Lu Bao-yuan on February 27, 1892.
4. A pillow case, embroidered. Unbleached calico. Made in the town of Chuguchak by a local Sart, Mujub-akhund and given by him to N. F. Katanov.
5. A snuff-box made of pumpkin. Purchased in the town of Turfan in 1892.
6/(1—48). Chinese playing cards in a case. Paper, lac- quer. The cards were purchased in the town of Chu- guchak in October of 1891.

В. Н. Кисляков, Е. А. Резван, П. В. Рудь

НАРОДЫ КИТАЙСКОГО ТУРКЕСТАНА В КОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ РАН (краткий предварительный каталог)

Предлагаемый вашему вниманию краткий пред- варительный каталог вещевых и фотоиллюстратив- ных коллекций МАЭ РАН, связанных с народами Китайского Туркестана, естественным образом от- разил не только историю изучения этих территорий и народов российскими исследователями, но и непро- стую историю комплектования собраний МАЭ РАН. Уход из жизни В. В. Радлова и С. М. Дудина, переда- ча в Государственный Эрмитаж громадных восточно- туркестанских историко-археологических коллекций привели к закрытию профильного отдела в МАЭ. Последовавшие за тем изменения музейной структу- ры, появление, слияние, разделение научных отделов ознаменовались многократными передачами, пере- именованиями и разделениями интересующих нас коллекций. Сейчас они находятся в ведении трех му-

зейных отделов: этнографии Южной и Юго-восточ- ной Азии, этнографии Южной и Юго-западной Азии и этнографии Центральной Азии. Эти особенности формирования коллекции, как и заведомо краткий срок подготовки выставочного каталога не позволили нам на данном этапе составить исчерпывающий пере- чень профильных собраний. Мы не исключаем, что в ходе дальнейшей работы он может быть дополнен информацией о предметах и фотографиях, нынеш- нее описание которых не позволило причислить их к коллекциям, связанным с Китайским Туркестаном.

В абсолютном большинстве случаев при фикса- ции описаний предметов и передаче дополнительной информации мы следовали за авторами музейных описей. Это отразилось, в частности, на передаче этнонимов, современного им написания географи-

I. ВЕЩЕВЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Дата поступления: 1893 г.
Дополнительные сведения: покупка 1892 г., г. Хами
1. Кошма с цветными узорами.

Коллекция: № 430
Собиратель: Г. М. Осокин (дар)
Дата поступления: 1898 г.
Дополнительные сведения: Китайская империя. Турфанское приставство

1. *Курма* (верхняя кофта женская). Синяя бумаж- ная материя.
2. Рубаха длинная ситцевая женская.
3. Шаровары женские из красного ситца.
4. Покрывало головное женское из бумажной ма- тери.
5. Шапочка плисовая женская.

Коллекция: № 431
Собиратель: Г. М. Осокин (дар)
Дата поступления: 1898 г.
Дополнительные сведения: обитатели новой ки- тайской линии (Северный и Южный склоны Тянь- Шаня). Северо-Западная Монголия, Китайская империя. Сарты, Дунгане, Китайцы
1а—б. Козырек складной под шапку для защиты от солнечных лучей (в футляре).
2. Пояс с карманом, носимый сартами и дунганами под верхним платьем. Русский плис.
3. Пояс с карманом. Китайский шелк.

Коллекция: № 437
Собиратель: Г. М. Осокин (дар)
Дата поступления: 1899 г.
Дополнительные сведения: турфанские таранчи (турфанлыки)
1. Халат ватный.
2. Тюбетейка вышитая.

3. Штаны из грубого беленого полотна.

Коллекция: № 455*
Собиратель: С. Н. Алфераки (дар)
Дата поступления: 1899 г.
Дополнительные сведения: найдено в июле 1879 г., вблизи тракта, идущего из Карашара в Кульджу, на речке Малый Юлдуз, возле ключа Заланту, в маленьком естественном гроте
1. Манджушри. Бронзовая статуэтка.

Коллекция: № 1208
Собиратель: П. И. Гундобин (через Императоре- кое Русское Географическое общество)
Дата поступления: 1862 г.
Дополнительные сведения: Кашгар (атрибуция С. М. Дудина)
1а—б. Сапоги женские белой бараньей кожи с вы- шивкой.

Коллекция: № 1873
Собиратель: С. Е. Малов
Дата поступления: 1911 г.
Дополнительные сведения: китайцы, провинция Ганьсу
1. Лук деревянный. Тетива отсутствует.
2а—д. Стрелы бамбуковые с металлическими нако- нечниками и перьями.
3. Модель цепа. Металл.
4а—б. Шарики для развития рук, металлические.
6а—б. Весы для серебра с медной чашкой и бамбуко- вым коромыслом.
7а—в. Трубка для курения опиума (бамбук, металл, кость).
9а—б. Лампочка, употребляемая при курении опиу- ма. Основание из перегородчатой эмали. Колпачок отсутствует.

Additional information:
the Taranchis, Alma-Ata Province of Kazakh SSR, the village of Balty-bay

- A doll representing a woman; a stick wrapped around in multicoloured rags.
- A doll apparently representing a man; two sticks wrapped around in rags.

Collection:
No. 5547
Collector:
L. V. Glushkova (purchase)
Date of admission:
1937
Additional information:
a bride’s costume, the Dungans, obtained in the city of Frunze

- Woman’s trousers. Crimson silk.
- A woman’s robe. Red woven satin.
- A mantelet over a sleeveless blouse. Multicoloured silk.
- 6a—6. Stockings. White satin.
- 7a—6. Shoes. Blue satin.
- 8a—6. Garters. Black satin.

Collection:
No. 5573*
Collector:
S. F. Oldenburg
Date of registration:
1937
Additional information:
from old unregistered collections

- A plaster replica of Buddha from Gandhara (the original made either of shale or slate). Possible had to do with S. F. Oldenburg’s works in the Turfan Oasis (ruins in Shikshin).

Collection:
No. 5818
Collector:
G. G. Stratanovich (purchase)
Date of admission:
1945
Additional information:
the Dungans. The gatherings of the expedition of 1945 in the village of Yrdyk of the Jeti-Oghuz District of Kirghiz SSR. Brought from China

- A woman’s shoe. A blank of a right side of a right shoe of an old type. Cardboard, semi-satin fabric.
- A woman’s shoe. A blank of a left side of a right shoe of an old type. Cardboard, semi-satin fabric.
- A woman’s shoe. A blank of a right side of a left shoe of an old type. Cardboard, semi-satin fabric.
- A woman’s shoe. A blank of a left side of a left shoe of an old type.
- A woman’s shoe. A blank of a right side of a right shoe of a contemporary type. Cardboard, a stamped fabric of snuff-colour.
- A woman’s shoe. A blank of a left side of a right shoe of a contemporary type. Cardboard, a stamped fabric of snuff-colour.
- A woman’s shoe. A blank of a right side of a left shoe of a contemporary type. Cardboard, a stamped fabric of snuff-colour.
- A woman’s shoe. A blank of a left side of a left shoe of a contemporary type. Cardboard, a stamped fabric of snuff-colour.
- A flying phoenix. A stencil for carved embroidery, made of red paper.
- A lion. A stencil for carved embroidery, made of red paper.
- A venerable tiger. A stencil for carved embroidery, made of red paper.
- A cat. A stencil for carved embroidery, made of white paper painted brick-red.
- A butterfly, sitting or flying (a side front). A sten-

Collection:
No. 4189
Collector:
B. A. Vasilyev
Date of admission:
1930
Additional information:
the Dungans, Kirghizia (the town of Karakol and the village of Yrdyk)

- A woman’s everyday three-cornered scarf made of black crepe.
- 2a—6. Woman’s shoes, handmade embroidery, made of a local fabric according to a Chinese pattern.
- A woman’s coat made of green cotton fabric according to a Chinese pattern; working cloths.
- A women’s undergarment made of a blue local fabric according to a Chinese pattern.
- 5a—6. Lined stockings made of white local fabric (sateen).
- Woman’s home trousers, which are everyday working cloths. Made of an orange fabric according to a Chinese pattern.
- A woman’s holiday overdress made of deep green Chinese silk with a light-blue cotton lining.
- A woman’s quilted overcoat made of blue Chinese silk with a light-blue cotton lining.
- Woman’s holiday trousers made of red Chinese silk.
- A woman’s holiday overshirt made of Chinese cotton fabric.

- A woman’s overshirt made of Chinese fabric according to a Chinese pattern with a paper lining.
- 12a—6. Woman’s holiday shoes, handmade embroidery, made of Chinese fabric according to a Chinese pattern.
- 13a—6. Stockings made of white Chinese fabric according to a Chinese pattern with a cotton lining and red-fabric soles.
- A white felt man’s hat of local making with brims turned up.
- A man’s overcoat made of blue cotton fabric with no collar.
- 16a—e. A wishing-well emblem, a symbol of a household’s well-being — four fish playing with a lotus.
- The woman’s adornment — grapes — pinned to the chest of an overdress; symbolizes the well-being of a household. Green fabric with multicoloured silk tassels and beads.

- The woman’s adornment — a scented case-looking cushion — pinned to the chest of an overdress; symbolizes the well-being of a household. Multicoloured silk fabric ornamented with sewing.
- A woman’s adornment — a shell — pinned to the chest of an overdress; symbolizes the well-being of a household. Light-blue silk fabric ornamented with black and red threads and a golden galloon.
- A woman’s adornment — cherry blossom — pinned to the chest of an overdress; symbolizes the well-being of a household. Multicoloured silk and cotton fabric.
- A sickle for rice with a wooden handle and a metallic nozzle in a form of a haft with a curbed lancet-looking end.
- A scraper for collecting opium from the incisions on poppy buds, with a wooden handle and a knife of semi-circular form.
- 23a—6. A knife for making incisions on poppy buds.
24. A knife for making incisions on poppy buds.

Collection:
No. 5505
Collector:
D. D. Bukinich
Date of admission:
1936

Collection:
No. 3032
Collector:
S. E. Malov
Date of admission:
1915
Additional information:
the Turks of Eastern Turkestan

- A woman’s fur hat covered with brocade.
- A woman’s face covering made of cloth.
- A man’s silver signet-ring (made of a Chinese coin).
- A man’s silver signet-ring (made of a Chinese coin).
- Rebab*. A three-string bow instrument.
- Tambur*. An eleven-string musical instrument played by picking.
- A hookah frame made of pumpkin.
- A wooden spoon.
- A wooden spoon.
- A scoop for liquids (calabash).
- A calabash for snuff.
- A calabash for snuff.
- A woman’s household needs (calabash).
- A large vessel for household needs (calabash).
- A calabash (a blank for a household vessel).
- A wooden dish.
- A wooden cup.
- 19a—в. A wooden lock with a bolt and a key.
- 20a—6. A wooden lock with a key.
- 21a—в. A door-lock with a bolt and a key.
22. A horn powder-flask with a wooden cork.
- 24a—в. A wooden cradle with a quilted mattress.
- 25a—6. A children’s wooden whipping tops.
- A seine with bamboo bobs.
27. Bag-looking fishing nets.
- 28a—в. Fishing nets in the production process (nets on a wooden embranchment, a wooden needle and spindle).
- 29a—6. A device for cotton cleaning.
- A spinning loom.
31. A women’s tulle face covering.

Collection:
No. 3964
Collectors:
N. P. Kirpichnikova, V. I. Novgorodskiy
Date of admission:
1929
Additional information:
the Taranchi (the Uyghurs)

- Man’s trousers. White cotton fabric.
- String for man’s trousers. White cotton fabric.
- 4a—6. Man’s boots, dyed leather.
- 5a—6. Man’s leather galoshes (bundles).
- A man’s skull-cap.
- A man’s hat made of black velvet.
- A man’s robe (*chapan*) made of thick fabric, wadded and quilted.
- A man’s girdle. White cotton fabric.
- A man’s pocket made of thick fabric.
- 11a—6. A knife in a leather case.
- Woman’s trousers. Red cotton fabric.
- A wicker string for women’s trousers. White cotton threads.
- A woman’s dress. Brown cotton fabric. Made with a sewing machine.
- 15a—6. Woman’s leather boots.
- 16a—6. Woman’s leather galoshes (bundles).
- A women’s head covering. White cotton fabric.
- A woman’s hat. Red velvet.
19. A woman’s robe (*chapan*). Multicoloured silk.
20. Artificial woman’s braids. Black threads.

шивки из китайского материала, сделанные по китайскому образцу.

- 13a—6. Чулки из белой китайской материи, сделанные по китайскому образцу, с подкладкой из хлопчатобумажной материи, с подошвами из красной материи.
14. Шапка мужская белая войлочная местной выработки с загнутыми вверх полями.
15. Халат верхний мужской из синей хлопчатобумажной материи без воротника.
- 16a—e. Благопожелательная эмблема, символ домашнего благополучия — четыре рыбы, играющие лотосом.
17. Украшение женское: виноград, привешиваемое на грудь верхнего платья, символизирует домашнее благополучие. Зеленая материя с разноцветными шелковыми кистями и бусами.

18. Украшение женское: душистая подушечка в виде футляричка, привешиваемое на грудь верхнего платья, символизирует домашнее благополучие. Разноцветная шелковая материя, орнаментированная шитьем.
19. Украшение женское: раковина, привешиваемое на грудь верхнего платья и символизирующее домашнее благополучие. Голубая шелковая материя, орнаментированная черными и красными нитками и золотым позументом.
20. Украшение женское: цветы вишни, привешиваемое на грудь верхнего платья и символизирующее домашнее благополучие. Разноцветная шелковая и хлопчатобумажная материя.
21. Серп для риса с деревянной ручкой и металлической насадкой в виде черенка с загнутым ланцевидным концом.
22. Скребок для собирания опиума с надрезов маковых головок с деревянной ручкой и ножом полукруглой формы.
- 23a—6. Нож для надрезания маковых головок.
24. Нож для надрезания маковых головок.

Collection:
№ 5505
Собиратель:
Д. Д. Букнич
Дата поступления:
1936 г.
Дополнительные сведения:
таранчи, Алма-Атинская обл. Казахская ССР, село Балты-Бая

1. Кукла — женщина, представляющая собой палочку, обмотанную разноцветными тряпочками.
2. Кукла, видимо, изображающая мужчину. Представляет собой две деревянные палочки, обмотанные тряпочками.

Collection:
№ 5547
Собиратель:
Л. В. Глушкова (покупка)
Дата поступления:
1937 г.
Дополнительные сведения:
Костюм невесты, дунгане, приобретен в г. Фрунзе.

1. Штаны женские. Шелк малиновый.
3. Халат женский. Атлас красный тканый.
5. Накидка на безрукавку. Шелк разноцветный.
- 6a—6. Чулки. Атлас белый.
- 7a—6. Туфли. Атлас синий.
- 8a—6. Подвязки. Атлас черный.

Коллекция:
№ 3964
Собиратели:
Н. П. Кирпичникова, В. И. Новгородский
Дата поступления:
1929 г.
Дополнительные сведения:
таранчи (уйгуры)

1. Штаны мужские. Белая хлопчатобумажная материя.
2. Взадержка для мужских штанов. Белые хлопчатобумажные нитки.
- 4a—6. Сапоги мужские кожаные крашенные.
- 5a—6. Калоши (папуши) мужские кожаные.
6. Тюрбетейка мужская.
7. Шапка мужская из черного бархата.
8. Халат (*чaпан*) мужской из плотной ткани на вате и подкладке.
9. Пояс мужской. Белая хлопчатобумажная ткань.
10. Карман мужской из плотной ткани.
- 11a—6. Нож в кожаном футляре.
12. Штаны женские. Красная хлопчатобумажная ткань.
13. Гашник-взадержка для штанов женских, плетеный. Белые хлопчатобумажные нитки.
14. Платье женское. Коричневая хлопчатобумажная ткань. Сшито на швейной машинке.
- 15a—6. Сапоги женские кожаные.
- 16a—6. Калоши (папуши) женские кожаные.
17. Платок головной женский. Белая хлопчатобумажная ткань.
18. Шапка женская. Красный бархат.
19. Халат (*чaпан*) женский. Пестрый шелк.
20. Косы женские искусственные. Черные нитки.

Коллекция:
№ 4189
Собиратель:
Б. А. Васильев
Дата поступления:
1930 г.
Дополнительные сведения:
дунгане, Киргизия (г. Каракол и дер. Ырдык)

1. Косынка женская, головная, будничная из черного крепа.
- 2a—6. Туфли женские, ручной вышивки, сделанные из местного материала по китайскому образцу.
3. Платье верхнее женское, сделанное из местного материала из зеленой хлопчатобумажной материи по китайскому образцу и являющееся рабочей одеждой.
4. Рубашка женская нижняя, сделанная из местного голубого материала по китайскому образцу.
- 5a—6. Чулки из белого местного материала (сатина) на белой подкладке.
6. Штаны женские домашние, являющиеся повседневной рабочей одеждой. Сделаны по китайскому образцу из оранжевой материи.
7. Платье женское верхнее праздничное из китайского темно-зеленого шелка на голубой хлопчатобумажной подкладке.
8. Кофта ватная женская верхняя из китайского синего шелка на голубой хлопчатобумажной подкладке.
9. Штаны женские праздничные из красного китайского шелка.
10. Рубашка женская верхняя праздничная из китайской хлопчатобумажной материи.
11. Рубашка женская верхняя из китайского материала, сделанная по китайскому образцу, на бумажной подкладке.
- 12a—6. Туфли женские праздничные ручной вы-

1. Будда, сидящий на лотосовом престоле. Бронза.
2. Ушннишавиджайя многорукый. Бронза.
3. Будда, сидящий на лотосовом престоле. Бронза.
4. Амитаюс. Бронза.
5. Тара зеленая. Медь.
7. Тара белая. Бронза.
8. Майтрейя. Бронза.
9. Дакини. Бронза.
12. Божество (обнаженный по пояс мужчина, сидящий на шкуре кабана). Бронза.
13. Ладанка медная с вложенной в нее терракотовой пластинкой с изображением Будды и различных божеств.
14. Сойот молящийся. Дерево.

Коллекция:
№ 2864
Собиратель:
А. Г. Данилин
Дата поступления:
1915 г.
Дополнительные сведения:
дунгане, Семиречье, г. Верный

- 1a—6. Чулки женские праздничные.

Коллекция:
№ 3032
Собиратель:
С. Е. Малов
Дата поступления:
1930 г.
Дополнительные сведения:
турки Восточного Туркестана

1. Шапка женская меховая, крытая парчой.
2. Покрывало женское лицевое из бумажной материи.
3. Перстень мужской серебряный (из китайской монеты).
4. Перстень мужской серебряный (из китайской монеты).
5. *Ребаб*. Трехструнный смычковый музыкальный инструмент.
6. *Тамбур*. 11-струнный щипковый музыкальный инструмент.
8. Остов для кальяна из тыквы.
9. Ложка деревянная.
10. Ложка деревянная.
11. Ковш для жидкостей (тыква-горлянка).
12. Тыква-горлянка для нюхательного табака.
13. Тыква-горлянка для нюхательного табака.
14. Сосуд для хозяйственных нужд (тыква-горлянка).
15. Сосуд большой для хозяйственных нужд (тыква-горлянка).
16. Тыква-горлянка (заготовка для хозяйственного сосуда).
17. Блюдо деревянное.
18. Чаша деревянная.
- 19a—в. Замок дверной деревянный с болтом и ключом.
- 20a—6. Замок дверной деревянный с ключом.
- 21a—в. Замок дверной деревянный с болтом и ключом.
22. Пороховница роговая с деревянной пробкой.
- 24a—в. Кольбель деревянная с ватным туфяком.
- 25a—6. Волчки детские деревянные.
26. Невод с тростниковыми поплавками.
27. Сеть рыболовная мешкообразная.
- 28a—в. Сеть рыболовная в работе (сеть на деревянной развилке, игла деревянная, веретено).
- 29a—6. Машина для очистки хлопка.
30. Станок прядильный.
31. Покрывало женское лицевое тюлевое.

Коллекция: № 5573***Собиратель: С. Ф. Ольденбург****Дата регистрации: 1937 г.****Дополнительные сведения: из старых, незарегистрированных коллекций**

1. Гипсовая копия Будды из Гандхары (оригинал: сланец или шифер). Возможно, связана с работами С. Ф. Ольденбурга в Турфанском оазисе (развалины в Шикшине).

Коллекция: № 5818**Собиратель: Г. Г. Стратанович (покупка)****Дата поступления: 1945 г.****Дополнительные сведения: дунгане. Сборы экспедиции 1945 г. в селении Ырдык Джеты-Огузского района Киргизской ССР. Вещи привезены из Китая**
1. Туфля женская. Заготовка правой стороны правой туфли старого типа. Картон, полудатласная ткань.
2. Туфля женская. Заготовка левой стороны правой туфли старого типа. Картон, полудатласная ткань.
3. Туфля женская. Заготовка правой стороны левой туфли старого типа. Картон, полудатласная ткань.
4. Туфля женская. Заготовка левой стороны левой туфли старого типа. Картон, полудатласная ткань.
5. Туфля женская. Заготовка правой стороны правой туфли современного типа. Картон, ткань тисненая табачного цвета.
6. Туфля женская. Заготовка левой стороны правой туфли современного типа. Картон, ткань тисненая табачного цвета.
7. Туфля женская. Заготовка правой стороны левой туфли современного типа. Картон, ткань тисненая табачного цвета.
8. Туфля женская. Заготовка левой стороны левой туфли современного типа. Картон, ткань тисненая табачного цвета.
9. Феникс летящий. Трафарет для вышивки резной из красной бумаги.
10. Лев. Трафарет для вышивки резной из красной бумаги.
11. Тигр почтенный. Трафарет для вышивки резной из красной бумаги.
12. Кошка. Трафарет для вышивки резной из белой, окрашенной в красно-кирпичный цвет бумаги.
13. Бабочка сидящая или летящая (боковой фас). Трафарет для вышивки резной из белой, окрашенной в красно-кирпичный цвет бумаги.
14. Бабочка (в разворот). Трафарет для вышивки резной из белой, окрашенной в красный цвет бумаги.
15. Щенок. Трафарет для вышивки резной из белой, окрашенной в красный цвет бумаги.
16. Ребенок. Трафарет для вышивки резной из белой, окрашенной в красный цвет бумаги.
17. Журавль летящий. Трафарет для вышивки резной из белой, окрашенной в красный цвет бумаги.
18. Рыбка (одна из Восьми буддийских драгоценностей). Трафарет резной из белой, окрашенной в красный цвет бумаги.
19. Раковина (одна из Восьми буддийских драгоценностей). Трафарет для вышивки резной из белой бумаги.

20. Птички на ветке. Трафарет для вышивки резной из белой, окрашенной в красный цвет бумаги.
21. Птички на ветке. Трафарет того же типа.
22. Гранат (ветка с плодом). Трафарет того же типа.
23. Гранат (плод окружен листвой). Трафарет того же типа.
24. Персик (ветка с плодом и бутонoм-завязью). Трафарет того же типа.
25. Цветок с листком. Трафарет того же типа.
26. Цветок из группы лилейных. Трафарет того же типа.
27. Цветок лотоса. Трафарет того же типа.
28. Цветок лотоса. Трафарет того же типа.
29. Цветок лотоса на стержне. Трафарет того же типа.
30. Цветок лотоса на кустике. Трафарет того же типа.
31. Цветок лотоса. Трафарет того же типа.
32. Фо-шу (Рука Будды). Плод мироболана. Трафарет того же типа.
33. Фо-шу (Рука Будды). Трафарет того же типа.
34. Цветок мальвы черной. Трафарет того же типа.
35. Тыква золотая. Трафарет того же типа.

Коллекция: № 5824**Собиратель: Г. Г. Стратанович****Дата поступления: 1945 г.****Дополнительные сведения: дунгане. Сборы экспедиции 1945 г. в селении Ырдык Джеты-Огузского района Киргизской ССР (дар)**
1. Коробочка семенная (головка) мака со вскрытой нижней боковинной.
2. Коробочка семенная (головка) мака со следами четырех надрезов и потеками опия-сырца.
3. Коробочка семенная (головка) мака после двух первых подрезов.
4. Орудия труда для обработки посевов мака и сбора опия-сырца: мотыжка ручная для обработки куста мака (полотно железное, рукоятка деревянная).
5. Орудия труда для обработки посевов мака и сбора опия-сырца: колодка для подрезного ножичка, деревянная.
6. Орудия труда для обработки посевов мака и сбора опия-сырца: ножичек двойной железный с деревянной прокладкой.
7. Орудия труда для обработки посевов мака и сбора опия-сырца: ножичек двойной железный с деревянной прокладкой.
8. Орудия труда для обработки посевов мака и сбора опия-сырца: заготовка для серповидной лопаточки (ножичка), железная.
9. Орудия труда для обработки посевов мака и сбора опия-сырца: ножичек-лопатка железный.
10. Орудия труда для обработки посевов мака и сбора опия-сырца: кружка жестяная.

Коллекция: № 6104**Собиратель: Г. Г. Стратанович****Дата поступления: 1954 г.****Дополнительные сведения: дунгане, Казахстан и Киргизия**
1. Косичка мальчика. Подобрана на улице в селении Джалнак-тюбе под городом Жамбулом.
2а—б. Палочки для еды, сделаны в 1945 г. в поселке Ырдык (около города Пржевальска) Йусуфом Ян Шансином из тяньшанской ели.
3а—б. Палочки для еды, сделаны в 1945 г. в поселке

Ыртык (около города Пржевальска) Йусуфом Ян Шансином из тянь-шанской ели.

Коллекция: № 6372**Собиратель: Л. Т. Шинло (дар)****Дата поступления: 1959 г.****Дополнительные сведения: дунгане (г. Суйдин, КНР)****Коллекция получена через Г. Г. Стратановича**
1а—б. Туфли невесты. Шелк желтый. Вышивка. Подошва матерчатая.

Коллекция: № 6386**Собиратель: Центральный Институт национальных меньшинств АН КНР и Институт национальностей АН КНР (обмен)****Дата поступления: 1959 г.****Дополнительные сведения: хуэй (дунгане)**
1. Шапочка мужская из белого атласа.

Коллекция: № 6393**Собиратель: Центральный Институт национальных меньшинств АН КНР и Институт национальностей АН КНР (обмен)****Дата поступления: 1959 г.****Дополнительные сведения: уйгуры**
1. Платье женское шелковое.
2. Тюбетейка женская бархатная.
3. Халат мужской из бумажной материи.

Коллекция: № 6721**Собиратель: А. М. Решетов****Дата поступления: 1971 г.****Дополнительные сведения: дунгане, Казахстан, Киргизия**
1. Халат шелковый (*нор, данор*), вышитый, женский праздничный, старинный. Приобретен в селе Каракунуз Курдайского района Джамбульской области Казахской ССР у учительницы Фунчи Софиян Сумаровны.
2а—б. Носки женские матерчатые свадебные (*вазы, хуф вазы*). Приобретены у родственницы дунганского фольклориста М. Хасанова в 1970 г.

3а—б. Туфли женские из хлопчатобумажной ткани (*хэ, хуа хэ*). Приобретены в селе Каракунуз у Х. Лахунова в 1970 г.
4а—б. Заготовка женской матерчатой обуви. Приобретена в с. Каракунуз.
5. Нож-секач железный с деревянной рукояткой кухонный. Приобретен в селе Каракунуз в 1970 г.
6. Вилы деревянные с четырьмя зубьями для сбора остатков соломы после обмолота.
7. Серп для уборки пшеницы. Приобретен в селе Александровка.
8. Рубанок, сделан в форме летучей мыши. Приобретен в селе Александровка у мастера Мабо Лейби в 1970 г.
9. Ковш-черпак для воды из тыквы-горлянки (*хулу фэзы, хулузы*).
10а—л. Палочки деревянные для еды (*куэзы*), 6 пар. Покрыты масляной краской. Приобретены в 1970 г. в селе Александровка у Мабо Лейби.
11а—г. Головки опиумного мака. Приобретены в селе Ырдык, близ г. Пржевальска в Киргизской ССР.

cil for carved embroidery, made of white paper painted brick-red.

14. A butterfly (centrefold). A stencil for carved embroidery, made of white paper painted red.
15. A puppy. A stencil for carved embroidery, made of white paper painted red.
16. A child. A stencil for carved embroidery, made of white paper painted red.
17. A flying crane. A stencil for carved embroidery, made of white paper painted red.
18. A fish (one of the Eight of Buddhist Auspicious Signs). A stencil for carved embroidery, made of white paper painted red.
19. A shell (one of the Eight of Buddhist Auspicious Signs). A stencil for carved embroidery, made of white paper.
20. A bird on a branch. A stencil for carved embroidery, made of white paper painted red.
21. Birds on a branch. A stencil of the same type.
22. A pomegranate (a branch with a fruit). A stencil of the same type.
23. A pomegranate (a fruit surrounded with leafs). A stencil of the same type.
24. A peach (a branch with a fruit and a bud — an ovary). A stencil of the same type.
25. A flower with leafs. A stencil of the same type.
26. A flower from the liliaceous family. A stencil of the same type.
27. A lotus flower. A stencil of the same type.
28. A lotus flower. A stencil of the same type.
29. A lotus flower with its core. A stencil of the same type.
30. A lotus flower on a bush. A stencil of the same type.
31. A lotus flower. A stencil of the same type.
32. Fo-shou (Buddha’s Hand). The fruit of myrobalan. A stencil of the same type.
33. Fo-shou (Buddha’s Hand). A stencil of the same type.
34. A black mallow flower. A stencil of the same type.
35. A golden pumpkin. A stencil of the same type.

Collection: No. 5824**Collector: G. G. Stratanovich****Date of admission: 1945**

Additional information: the Dungans. The gatherings of the expedition of 1945 in the village of Yrdyk of Jети-Oghuz District of Kirghiz SSR (gift)

1. A poppy capsule (bud) with an opened lower side-frame.
2. A poppy capsule (bud) with traces of four cuts and streaks of raw opium.
3. A poppy capsule (bud) after the first two cuts.
4. Implements for cultivating poppy crops and collecting raw opium: a hand hoe for cultivating the poppy brushes (iron blade, wooden handle).
5. Implements for cultivating poppy crops and collecting raw opium: a wooden stock for a trimming knife.
6. Implements for cultivating poppy crops and collecting raw opium: an iron double knife with a wooden filling.
7. Implements for cultivating poppy crops and collecting raw opium: an iron double knife with a wooden filling.
8. Implements for cultivating poppy crops and collect-

ing raw opium: an iron blank for a crescentic scoop (knife).

9. Implements for cultivating poppy crops and collecting raw opium: an iron knife-scoop.
10. Implements for cultivating poppy crops and collecting raw opium: a tin cup.

Collection: No. 6104**Collector: G. G. Stratanovich****Date of admission: 1954****Additional information: the Dungans, Kazakhstan and Kirghizia**

1. A boy’s braid. Picked up on a street of the village of Jalmaj-tube near the town of Jambyl.
2а—6. Chopsticks made in 1945 in the village of Yrdyk (not too far from the town of Przhevalsk) by Yusuf Yan Shansin from a Tian Shan fir-tree.
3а—6. Chopsticks made in 1945 in the village of Yrdyk (not too far from the town of Przhevalsk) by Yusuf Yan Shansin from a Tian Shan fir-tree.

Collection: No. 6372**Collector: L. T. Shinlo (gift)****Date of admission: 1959****Additional information: the Dungans (the town of Shuiding, the PRC). Collection received by way of G. G. Stratanovich**
1а—6. Bride’s shoes. Yellow silk. Embroidered. Sole made of cloth.

Collection: No. 6386**Collector: Central Institute of the Minority Groups of the Academy of Science of the PRC and Institute of Nationalities of the Academy of Sciences of the PRC (exchange)****Date of admission: 1959****Additional information: the Hui (the Dungans)**
1. A man’s cap made of white satin.

Collection: No. 6393**Collector: Central Institute of the Minority Groups of the Academy of Science of the PRC and Institute of Nationalities of the Academy of Sciences of the PRC (exchange)**

Date of admission: 1959

Additional information: the Uyghurs

1. A woman’s silk dress.
2. A woman’s velvet skull-cap.
3. A man’s robe made of cloth.

Collection: No. 6721

Collector: A. M. Reshetov

Date of admission: 1971

Additional information: the Dungans, Kazakhstan, Kirghizia

1. A woman’s holiday silk robe (*нор, данор*), embroidered, antique. Obtained in the village of Qarakunuz of Korday District of Jambyl Province of Kazakh SSR from the teacher, Funchi Sofiyan Sumarovna.
2а—6. Woman’s wedding socks made of cloth (*vazy, khuf vazy*). Obtained in the village of Qarakunuz from a relative of a Dungan folklorist, M. Hasanov, in 1970.
3а—6. Woman’s shoes made of cotton fabric (*khe, khua*

khe). Obtained in the village of Qarakunuz from H. Lahunov in 1970.

4а—6. A blank of woman’s cloth shoes. Obtained in the village of Qarakunuz.
5. A kitchen iron chopping knife with a wooden handle. Obtained in the village of Qarakunuz in 1970.
6. A wooden pitchfork with four teeth for collecting straw remainders after threshing.
7. A sickle for collecting wheat. Obtained in the village of Alexandrovka.
8. A plane made in the shape of a bat. Obtained in the village of Alexandrovka from the craftsman Mabo Leybi in 1970.

9. A scoop for water made of calabash (*khulu fezy, khuluzu*).

10а—л. Chopsticks (*kuezy*), 6 pairs. Covered with oil-paint. Obtained in the village of Alexandrovka in 1970 from Mabo Leybi.

11а—г. The buds of opium poppy. Obtained in the village of Yrdyk, not too far from the town of Przhevalsk of Kirghiz SSR.

12. An upright cylindrical ceramic vessel made of terra cotta. The vessel was given as a gift by the Dungan ethnographer L. T. Shinlo (the town of Frunze).

13а—6. Hand millstones. Obtained in the village of Yrdyk in 1970.

14. A hand thrasher. Obtained in the village of Yrdyk in 1970.

16. A groom’s shoulder-belt — a piece of orange-red staple fabric.

17. A groomsman’s shoulder-belt (*pey khun*) — a piece of light-green staple fabric.

18а—6. Embroidered wedding shoes made of cloth (*godir khe*). The top made of red silk.

19а—6. Embroidered wedding shoes made of cloth (*khe, khua khe*). The top made of light-blue silk.

20. A part for strengthening the bride’s hair-dress (*matso — lit.* a horse’s feeding-trough) — a concaved plank with an oval opening in the centre.

21. A woman’s breastplate for a bride (*weiduzu, guoduzu*) in a trapezoid form with a very wide orbed lower base.

22. Bride’s red shawl (*shupakhuanzy*).

23а—6. An adornment for stock garters (a pair) —

a peony flower embroidered in silk.

24а—6. An adornment for stockings (*delin pepezy*) — an image of the peach blossom embroidered in satin-stitch.

25а—6. Blue cotton socks (*vazy*) for everyday wearing.

26а—6. Earlaps (*ertozy*)

27. An embroidered adornment (*khyabar*), fixed at the side of a sleeveless jacket.

28. A children’s panties (*dedynku*).

29. A children’s dress (*dudunzy*).

30. A wallet (*mufutbar*) — a square piece of pink silk.

31. A wall adornment consisting of individual sculptural parts of a stylized plant and animal ornament.

32. A wall adornment consisting of individual sculptural parts of a stylized plant and animal ornament.

33. A dome-shaped cap for a teapot (*khumo*) for the purpose of heat preservation.

34. An iron ladle (*chefoza, eshaozy*) with a wooden handle.

35. A small wooden bench for sitting.

19. Прямоугольная киргизская могильная ограда (очень распространенный тип). Такие ограды часто достигают значительных размеров и тогда имеют вход в виде большого окна и закрывают целое кладбище. Строятся предпочтительно на возвышенных местах. 20. Калмыцкие *обо* в южной Притарбагатайской полосе. 21. Образец памятников, часто встречающихся среди развалин от дунганского восстания по северному Притяньшаньскому тракту. Обыкновенно в числе пяти и иногда в два ряда, по обе стороны дороги. Ставились, по-видимому, перед казенными зданиями. Единственный (пожалуй) хорошо сохранившийся. 22. Разновидность памятников № 21 среди больших развалин крепости Ди-ши-хо (около Манаса). По ту сторону башни еще такая же пара. 23. Обычные типы сартовских могил. Шест с хвостом — знак особого уважения к памяти покойного. Мусульманское кладбище около Урумчи.

Коллекция: № 2114
Собиратель (фотограф): С. М. Дудин (материалы I Русской Туркестанской экспедиции)
Дата поступления: 1909 г.
Стереоскопические стеклянные негативы и позитивы¹

65. От Чугучака до Урумчи. Ослик с китайской мельницы.
66. То же. г. Манас. Восточные ворота.
68. То же. Переправа через р. Манас.
69. То же. Г. Манас. Сбивание *дувала*.
70. То же. Г. Манас. Развалины.
71. То же. Река.
72. То же. Китаец на берегу реки Манас.
73. То же. Гора Богда-ула за ст. Шихо.
74. То же. Г. Манас. Улица.
75. То же. Г. Манас. Театр.
76. То же. Пикет Шихо.
77. То же. Харчевня в Шо-ди-хо-пу.
78. То же. Г. Урумчи. Утес с кумирнями.
79. То же. Г. Урумчи. Утес с кумирнями.
80. То же. Г. Урумчи. Вьезд со стороны Манаса.
816. То же. Г. Урумчи. Толпа зевак.
82г. Богдоула со стороны Да-ди хо-пу.
84. То же. Джаирский перевал. Шаровые [образования] в гранитах.
85. То же. Пикет Кундилюк.
86. То же. Пикет Кундилюк. Козы у ключа.
87. То же. Скелет верблюда у пикета Оту.
88. То же. Столбы выветривания у пикета Оту.
89. То же. Вид на юг с перевала Джаир.
90. То же. Под Джаирским перевалом.
91. То же. Джаирское ущелье.
92. То же. Вид у пикета Оту.
93. То же. Горы у пикета Сарджар.
94. То же. Г. Урумчи. Чугунолитейный завод формы для колокола и котла.
95. То же. Г. Урумчи. Улица с чертой крепости.
96. То же. Г. Урумчи. Ворота крепости.
97. То же. Г. Урумчи. Ворота моста.
98. То же. Г. Урумчи. Печь для обжигания извести.
99. То же. Г. Урумчи. Кумирня у моста.
100. То же. Г. Урумчи. Китаец-кузнец за работой.
101. То же. Г. Урумчи. Лавка жестяных изделий.

102. То же. Г. Урумчи. Чугунолитейный завод формы и тиглы (?).
103. То же. Г. Урумчи. Памятники в китайском городе.
104. То же. Г. Урумчи. Горшечный ряд.
105. То же. Г. Урумчи. Китаец-сапожник.
106. То же. Г. Урумчи. Торговец арбузами.
107. То же. Г. Урумчи. Торговец старьем.
108. То же. Горы Чоган-обо.
109. То же. Горы и овраг между пикетом Толу и Ямату.
110. То же. Пикет Ямату.
111. То же. Горы из камней у пикета Толу.
111а. То же.
112. То же. Пикет Толу. Китайская деревня.
113. [Пропуск описания — *Е. Р.*]
114. То же. Китайская почта у пикета Олон-булак.
115. То же. Горы Джаир и степь у пикета Олон-булак.
116. То же. Наш караван за пикетом Сарджар.
117. То же. Горы Тянь-Шань от пикета Олон-булак.
118. То же. Горы у пикета Ямату.
119. То же. Характер выветривания у пикета Ямату.
120. То же. Горы у пикета Ямату.
121. Туйюк-Мазар. Прачка.
122. То же. Вид на горы от монастыря правой стороны.
123. То же. Улица в селении Туйюк-Мазар.
124. То же. Храм с чайтёй в монастыре левой стороны.
125. То же. Монастырь правой стороны. Вид от монастыря левой стороны ущелья.
126. То же. Монастырь левой стороны. Деталь.
127. То же. Ущелье. Туйюк-Мазар.
128. То же. Виноградники.
129. То же. Монастырь левой стороны ущелья. Деталь.
130. От Токсуна до Турфана. Токсун. Рубка дерева.
131. То же. *Мазары* у Токсуна.
132. То же. Арба с янтаком.
133. То же. Развалины I, вид с А на В.
134. То же. Развалины I, вид с А на С.
135. То же. Развалины I, сторона СD.
136. То же. Развалины I, сторона BD.
137. То же. «Шор».
138. То же. Развалины II, W сторона.
139. То же. Развалины II, В сторона.
140. То же. Развалины II.
141. Ярхо. Ущелье <…>
141а. Вьезд С. Ф. Ольденбурга в Турфан.
142. Ущелье Куртка. Сушилка для винограда.
143. Ущелье Куртка. <…> дудка.
144. Ущелье Куртка. Развалины. Е сторона.
145. Ущелье Куртка. Развалины. Вид внутри.
146. Толлык булак. *Вихара* с чайтёй.
147. То же.
148. 2-я *вихара* с 5-ю чайтъями.
149. Ущелье Куртка. Общий вид ущелья и Карызи.
150. Ущелье Куртка. Общий вид.
151. Ущелье Куртка. Здание на правом берегу.
152. Шикшин. Группа А.
153. То же. F4. Скульптура.
154. То же. F4. Скульптура.
155. То же. F4. Скульптура.
156. То же. F4. Задняя стена.
157. То же. Группа М. Статуя, найденная при раскопках.
158. То же. Помещение у L7.
159. Между ст. Толу и Ямату. Ущелье.

160. От Чугучака до Урумчи. Наш караван.
161. Шикшин. Ступа с северной группы.
162. Шикшин. Здание на холме северной группы.
163. К9е и соседние здания. Вид с F3.
164. От Шикшина до Токсуна. Селение Дензиль. Улица.
165. То же. Селение Дензиль. Девочка-сартянка.
166. То же. Селение Дензиль. Сартянка.
167. То же. Селение Дензиль. Общий вид.
168. То же. *Мазар* между Дензиль и Карашаром.
169. То же. *Мазар* там же.
170. То же. Сарт и дети.
171. То же. *Мазар* там же.
172. То же. Могилка там же.
173. То же. Дунганская изба в поселке у Карашара.
174. То же. Дунганская мечеть там же.
175. То же. Переправа у Карашара через Хайдык-гол.
176. Сенгим-Агъыз. Засыпанная пещера у подошвы горы у 2-х развалин.
177. То же. Развалины 3. Южная сторона.
178. То же. Развалины 5. Юго-западная сторона.
179. То же. Развалины 5. Вид из ворот на здание.
180. То же. Развалины 5. Во дворе.
181. То же. То же.
182. То же. Развалины 5. Северная часть дворовых сооружений.
183. То же. Развалины 5. Чайтъя во дворе. Западный фасад.
184. То же. Развалины кельи.
185. То же. Развалины 5.
186. То же. Развалины 5. Статуи.
187. То же. Развалины 5. <…>
188. Идикут-Шари. Некрополь. Восточные ступы.
189. Идикут-Шари. Некрополь. Здание Ц.
190. Идикут-Шари. Некрополь. Здание Ц. Юго-восточный угол.
191. Идикут-Шари. Некрополь. Здание Ц.
192. Идикут-Шари. Некрополь. 2 чайтъя.
193. Идикут-Шари. Некрополь. Чайтъя с узорчатymi кирпичами.
194. Идикут-Шари. Некрополь. Чайтъя.
195. Идикут-Шари. Некрополь. Чайтъя 193.
196. Идикут-Шари. Некрополь. Карниз чайтъя.
197. Ярхо. Погребальные пещеры.
198. Ярхо. Подземный храм. Ход в стене направо от главного.
199. Ярхо. Левый угол зала.
200. Ярхо. Пещеры правой стороны ущелья (низ ущелья).
201. Ярхо. Пещеры южного ущелья.
202. То же.
203. Ярхо. Пещеры ущелья, параллельного южному. Правая сторона.
204. Ярхо. Пещеры ущелья, параллельного южному. Левая сторона.
205. Ярхо. См. 204.
206. Ярхо. Пещеры южного ущелья.
207. Ярхо. Пещеры южного ущелья.
208. Безеклик. Северная часть террасы средней группы.
209. Сенгим-агыз. Чайтъя на правом берегу.
210. Сенгим-агыз. Чайтъя на правом берегу.
211. Сенгим-агыз. Чайтъя 209. Западный фасад.
212. Безеклик. Здание внизу против храма 41.

80. The same. Urumqi City. The entrance from the Manas side.
816. The same. Urumqi City. A crowd of idle onlookers.
82г. Bogda Shan from the Da-di-ho-pu side.
84. The same. The Jair pass. Spherical [formations] in granite.
85. The same. The picket of Kundilyuk.
86. The same. The picket of Kundilyuk. Goats by the spring.
87. The same. A camel skeleton by the picket of Otu.
88. The same. The pillars of weathering by the picket of Otu.
89. The same. A view to the south from the Jair Pass.
90. The same. Under the Jair Pass.
91. The same. The Jair gorge.
92. The same. A view near the picket of Otu.
93. The same. The mountains near the picket of Sarjar.
94. The same. Urumqi. The ironworks for the forms for bells and cauldrons.
95. The same. Urumqi. The street with the stronghold precinct.
96. The same. Urumqi. The gates of the stronghold.
97. The same. Urumqi. The gates of the bridge.
98. The same. Urumqi. A furnace for line burning.
99. The same. Urumqi. A joss-house near the bridge.
100. The same. Urumqi. A Chinese blacksmith working.
101. The same. Urumqi. A tinware shop.
102. The same. Urumqi. The ironworks for the forms and firepots (?).
103. The same. Urumqi. Monuments in a Chinese city.
104. The same. Urumqi. A pottery row.
105. The same. Urumqi. A Chinese shoemaker.
106. The same. Urumqi. A watermelon tradesman.
107. The same. Urumqi. Old stuff bargainer.
108. The same. The mountains of Chogan-obo.
109. The same. Mountains and a ravine between Tolu and Yamatu.
110. The same. The picket of Yamatu.
111. The same. The burial-mound made of stones near the picket of Tolu.
111а. The same.
112. The same. The picket of Tolu. A Chinese village.
113. [The description is missing — *Е. R.*]
114. The same. A Chinese post-office near the picket of Olon-Bulاق.
115. The same. The Jair mountains and steppe near the picket of Olon-Bulاق.
116. The same. Our caravan behind the picket of Sarjar.
117. The same. The Tian Shan Mountains from the picket of Olon-Bulاق.
118. The same. Mountains near the picket of Yamatu.
119. The same. The nature of weathering near the pick-et of Yamatu.
120. The same. Mountains near the picket of Yamatu.
121. Tuyuq-Mazar. A laundress.
122. The same. A view on the mountains from the monastery on the right.
123. The same. A street in the settlement of Tuyuq-Mazar.
124. The same. A temple with a prayer chaitya in the monastery on the left.
125. The same. The monastery on the left. A view from the monastery on the left side of the gorge.
126. The same. The monastery on the left. A fragment.
127. The same. The gorge. Tuyuq-Mazar.

128. The same. Vineyards.
129. The same. The monastery on the left side of the gorge. A fragment.
130. From Toksun to Turfan. Toksun. The felling of the trees.
131. The same. *Mazars* near Toksun.
132. The same. An arba with camelthorns.
133. The same. Ruins I, view from A to B.
134. The same. Ruins I, view from A to C.
135. The same. Ruins I, side CD.
136. The same. Ruins I, side BD.
137. The same. “Shor”.
138. The same. Ruins II, side W.
139. The same. Ruins II, side B.
140. The same. Ruins II.
141. Yarho. The gorge <…>
141а. The entrance of S. F. Oldenburg to Turfan.
142. The Kurtka gorge. A dryer for grapes.
143. The Kurtka gorge. <…> a pipe.
144. The Kurtka gorge. Ruins. Side E.
145. The Kurtka gorge. Ruins. A view on the inside.
146. Tollyk Bulاق. A *vihara* with a chaitya.
147. The same.
148. The second *vihara* with 5 chaityas.
149. The Kurtka gorge. A general view of the gorge and Karez.
150. The Kurtka gorge. A general view.
151. The Kurtka gorge. A building on the right bank.
152. Shikshin. Group A.
153. The same. F4. A sculpture.
154. The same. F4. A sculpture.
155. The same. F4. A sculpture.
156. The same. F4. The back wall.
157. The same. Group M. A statue found in the archaeological digs.
158. The same. The premises near L7.
159. Between st. Tolu and Yamatu. The gorge.
160. From Chuguchak to Urumqi. Our caravan.
161. Shikshin. A stupa from the northern group.
162. Shikshin. A building on the hill of the northern group.
163. “K9e” and an adjoining building. A view from F3.
164. From Shikshin to Toksun. The settlement of Denzil. A street.
165. The same. The settlement Denzil. A Sart girl.
166. The same. The settlement Denzil. A Sart woman.
167. The same. The settlement Denzil. A general view.
168. The same. A *mazar* between Denzil and Karashar.
169. The same. A *mazar* at the same place.
170. The same. A Sart and his children.
171. The same. A *mazar* at the same place.
172. The same. A grave at the same place.
173. The same. A Dungan peasant’s house in the settlement near Karasahr.
174. The same. A Dungan mosque at the same place.
175. The same. The crossing near Karasahr through Haydyk-gol.
176. Sengim-aghiz. A filled up cave near the foot of a mountain near two nears.
177. The same. Ruins 3. The southern side.
178. The same. Ruins 5. The south-western side.
179. The same. Ruins 5. A view from the gates onto the building.
180. The same. Ruins 5. In the yard.

181. The same. The same.
182. The same. Ruins 5. A northern part of the yard structures.
183. The same. Ruins 5. A chaitya in the yard. The western front.
184. The same. Ruins of a cell.
185. The same. Ruins 5.
186. The same. Ruins 5. Statues.
187. The same. Ruins 5. <…>
188. Idikut-Shari. A necropolis. Eastern stupas.
189. Idikut-Shari. A necropolis. The “С” building.
190. Idikut-Shari. A necropolis. The “С” building. South-eastern corner.
191. Idikut-Shari. A necropolis. The “С” building.
192. Idikut-Shari. A necropolis. Two chaityas.
193. Idikut-Shari. A necropolis. A chaitya with patterned brick.
194. Idikut-Shari. A necropolis. A chaitya.
195. Idikut-Shari. A necropolis. Chaitya 193.
196. Idikut-Shari. A necropolis. A ledge of a chaitya.
197. Yarho. The sepulchral caves.
198. Yarho. The underground temple. The passage in the wall to the right of the main passage.
199. Yarho. The left corner of the hall.
200. Yarho. Caves of the right side of the gorge (the bottom of the gorge).
201. Yarho. Caves of the southern gorge.
202. The same.
203. Yarho. The caves of the gorge parallel to the southern one. The right side.
204. Yarho. The caves of the gorge parallel to the southern one. The left side.
205. Yarho. See 204.
206. Yarho. The caves of the southern gorge.
207. Yarho. The caves of the southern gorge.
208. Bezeklik. The northern part of the terrace of the middle group.
209. Sengim-aghiz. A chaitya on the right bank.
210. Sengim-aghiz. A chaitya on the right bank.
211. Sengim-aghiz. Chaitya 209. The western front.
212. Bezeklik. A building below, opposite to the temple 41.
213. Bezeklik. A general view of the gorge.
214. Bezeklik. The southern part of the terrace of the middle group.
215. Bezeklik. An entrance to the temple 41.
216. Bezeklik. The southern part of the terrace of the middle group.
217. Bezeklik. Caves 42 and 43.
218. Bezeklik. The northern part of the terrace.
219. Bezeklik. Caves 45 and 46.
220. Shipan. A niche in the edifice opposite to a Nestorian monastery.
221. Shipan. A Nestorian monastery.
222. Shipan. A pond and <…>.
223. Shipan. A Nestorian monastery. The northern side.
224. The same. The southern part. A view on the inside from W onto E.
225. The same. A view from the BE corner along the front.
226. The same. A north-eastern corner of the niche in one of the walls.
227. Turfan. *Mazars* near a Chinese town.
228. The same.

^[1] Опись, составленная С. М. Дудиным скорописью, представляет собой полный фотоотчет о работе экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1909—1910 гг. Опись носила, по-видимому, предварительный характер. Она содержит авторские сокращения, исправления

^[2] поверх написанного текста, дополнения и в ряде случаев не поддается быстрому и точному прочтению. Важная особенность описи — даты съемки, представленные на полях.

213. Безеклик. Общий вид ущелья.
214. Безеклик. Южная часть террасы средней группы.
215. Безеклик. Вход в храм 41.
216. Безеклик. Южная часть террасы средней группы.
217. Безеклик. Пещеры 42 и 43.
218. Безеклик. Северная часть террасы.
219. Безеклик. Пещеры 45 и 46.
220. Шипан. Ниша в постройке против несторианского монастыря.
221. Шипан. Несторианский монастырь.
222. Шипан. Пруд и <…>.
223. Шипан. Несторианский монастырь. Северная сторона.
224. То же. Южная часть. Вид внутри с W на E.
225. То же. Вид с ВЕ устья вдоль по фасаду.
226. То же. Северо-восточный угол ниши в одной из стен.
227. Турфан. *Мазары* у китайского города.
228. То же.
229. Турфан. Старый Турфан. Одно из позднейших сооружений.
228. Турфан. Общий вид развалин Старого Турфана.
229 (228b). Общий вид развалин Старого Турфана.
230. Турфан. Вид внутри налево от входа.
231. Турфан. Старый Турфан. Минарет и *медресе*.
232. Турфан. Ворота Китайского города.
233. Старый Турфан. *Медресе*, главный фасад.
235. Ярхо. 7 пещер. Вид вниз с площадки на остатки пещер нижнего яруса и ход к ним.
236. Ярхо. 7 пещер. Вход в 1-ю пещеру.
237. От Токсуна до Карашара. Водопад Айгыр-булак.
238. То же. Ущелье Айгыр-булак.
239. То же. Ущелье Айгыр-булак.
240. То же. Ущелье Айгыр-булак.
241. То же. Горы у пикета Узма-дянь.
242. То же. Горы у пикета Узма-дянь.
243. То же. Ущелье Айгыр-булак. Сумерки.
244. То же. Пикет Узма-дянь. Дороги.
245. То же. Размывы горы у пик. Субанш.
246. То же. Пикет Кумыш.
247. То же. Горы у пикета Кумыш.
248. То же. Ущелье Айгыр-булак. Начало ручья.
249. Сенгем-Агыз. Чайтья у развалин 5.
250. Туйок-Мазар. Скульптура.
251. Улица в селении Туйок-Мазар.
252. Туйок-Мазар. Виноградники.
253. Туйок-Мазар. Сценка.
254. Туйок-Мазар. Сценка.
255. Туйок-Мазар. Улица в селении Туйок-Мазар.
256. Туйок-Мазар. Сушильни для винограда.
257. Туйок-Мазар. Сушильни для винограда.
258. Туйок-Мазар. Сценка.
259. Туйок-Мазар. Скульптура.
259b. Сенгим-Агыз. Чайтья.
260. Сенгим-Агыз. Пещерный монастырь.
260a. Сенгим-Агыз. Ребенок на улице при –4°.
261. Сенгим-Агыз. Пещерный монастырь.
262. Сенгим-Агыз. Вид на пути из Безеклика.
263. Сенгим-Агыз. Олень на пути из Безеклика.
264a. То же.
265. От Токсуна до Карашара. *Мазар* у пикета Кумыш.
266. Святой ключ с пикета Кумыш.
267. То же. У пикета Узма-дянь.
268. То же. Пикет Узма-дянь.

269. То же. Ямы в граните у пикета Узма-дянь.
270. То же. Аул Кумыш и долина.
271. То же. Ущелье между пикетом Узма-дянь и Карашаром.
272. То же. Характер гор у пикета Узма-дянь.
273. То же. Характер гор за пикетом Узма-дянь при выходе в долину.
275. То же. Ущелье у пикета Каракызал.
276. То же. Переход через р. Хайдык-гол.
277. То же. Переход через р. Хайдык-гол.
278. То же. Г. Карашар. Базар и улица в китайской части города.
279. То же. Г. Карашар. Базар в сартовской части города.
280. То же. Бугристые пески между пикетом <…> и г. Карашар.
281. То же. Залитая водой дорога у Карашара.
282. Туйок-Мазар. Сартянка.
283. Туйок-Мазар. Чистка хлопка.
284. Туйок-Мазар. Мостик.
285. От Турфана до Урумчи. У Даванченского перевала.
286. То же.
287. От Турфана до Урумчи. Пикет у подъема. Южная сторона.
288. То же. Горы Богдо-ула. От Даванчена.
289. То же. Улица у г. Даванчена.
290a. То же. <…>. у г. Даванчена.
290. От Карашара до Токсуна. Пикет <…>. Монгольский лама.
291. То же. Пикет <…>. Монгольский лама гадает.
292. То же. Караван верблюдов у пикета Синь-цяня-цаа.
293. То же. Молотьба хлеба в Ушак-тал.
294. См. 292.
295. То же. Пикет Каракыз <…>. Вид караван-сарая внутри.
296. То же. Пикет Ушак-тал. Китайки.
297. То же. Пикет Ушак-тал. Стадо.
302. От Токсуна до Карашара. Ущелье Субаты.
303. То же.
304. То же. Ущелье Айгыр-булак.
305. То же. Ущелье Айгыр-булак.
306. То же. Ущелье Айгыр-булак. Караван <…>.
307. То же. Ущелье Айгыр-булак. Осыпи.
308. То же. Ущелье Айгыр-булак.
309. То же. Ущелье Айгыр-булак.
310. То же. Ущелье Айгыр-булак.
311. То же. Ущелье Айгыр-булак.
312. Туйок-Мазар. Пещеры правой стороны.
313. Туйок-Мазар. Дети. Сарты.
314. Туйок-Мазар. Дети.
315. Туйок-Мазар. Монастырь правой стороны.
316. Туйок-Мазар. Пещеры у монастыря правой стороны.
317. Туйок-Мазар. Современный *мазар*.
318. Туйок-Мазар. Монастырь правой стороны.
319. Туйок-Мазар. Улица в селении Туйок-Мазар.
320. Туйок-Мазар. Улица в селении Туйок-Мазар.
321. Туйок-Мазар. Казак Романов.
322. Туйок-Мазар. Монастырь левой стороны. Деталь.
323. Идикут-Шари. Город внутри. Стена II северной.
324. Идикут-Шари. Город внутри. Улица в земле в NW части города.

325. Идикут-Шари. 100 чайтий. Малая чайтья. Фасад <…> группы.
326. Идикут-Шари. Развалины на W конце стены II южной.
327. Идикут-Шари. Ворота в стене II южной.
328. Идикут-Шари. Храм Z. Потолок.
329—331. Идикут-Шари. Виды города и некрополя с востока (панорама).
332. Идикут-Шари. Некрополь. Малая группа ступ с северной стороны.
333. Туйок-Мазар. Монастырь левой стороны.
334—341. Туйок-Мазар. Детали развалин.
342. Ярхо. Восточные ворота.
343. Ярхо. Восточные ворота.
344. Ярхо. Город. Улица, перпендикулярная к улице, идущей от восточных ворот.
345. Ярхо. Кладка стены подземного храма.
346. Ярхо. Улица, идущая от восточных ворот.
347. Ярхо. 2-й подземный храм. Зал.
348. Ярхо. 2-й подземный храм. Зал.
349. Ярхо. То же.
350. Ярхо. Погребение ребенка в нише.
351. Ярхо. Гробница на обрыве, противоположном южной стороне Ярхо.
352. Ярхо. Одно из 2-х ярусных зданий города.
353. Ярхо. Монастырь. Чайтья храма.
354. Ярхо. 101 чайтья. Малая чайтья.
355. Ярхо. 101 чайтья. Большая чайтья.
356. Ярхо. Город. Вид на западную часть.
357. Ярхо. Город. Вид на восточную часть.
359. Ярхо. Вид с восточного конца города на долину.
360. Ярхо. Храм с круговым ходом.
361. Ярхо. Вид с востока.
362. Ярхо. См. 360.
363. Ярхо. Гробница.
364. Ярхо. <…>
365. Ярхо. Подземный храм. Ход в пещеру, расположенную против главного входа.
366. Туйок-Мазар. Пещеры правой стороны.
367. Сасык-булак. Природа на левой стороне ущелья.
368. Ярхо. Здание В.
369. Ярхо. Здание С. Сводчатое помешение.
370. Ярхо. Последняя вихара на левой стороне.
371. Ярхо. Здание А. Восточная сторона.
372. Ярхо. Пещеры правой стороны. Раскопки.
373. Ярхо. Общий вид ущелья.
375. Ярхо. Вихара на горе у западного склона.
376. Туйок-Мазар. Монастырь <…>.
377. Туйок-Мазар. Монастырь <…>.
378. Сенгим-Агыз. Группа сартов у развалин.
379. Шикшин. Общий вид долины у пещеры.
380. Шикшин. Пещера 4 <…>.
381. Шикшин. Пещера 9.
382. Шикшин. Пещеры 5, 6 и 9.
383. Шикшин. Пещера 9. Вид внутри.
384. Шикшин. Лагерь экспедиции.
385. F4.
386. Шикшин.
387. Шикшин.
388. Шикшин. F4.
389. Шикшин. *Вихары*.
390. То же.
391. Сенгим Агыз. Развалины.
392. То же. Пещерный монастырь. Вид с правого <…>.

229. Turfan. Ancient Turfan. One of the later edifices.
228. Turfan. A general view of the ruins of Ancient Turfan.
229 (228b). A general view of the ruins of Ancient Turfan.
230. Turfan. A view on the inside to the left from the entrance.
231. Turfan. Ancient Turfan. A minaret and a *madrasa*.
232. Turfan. The gates of a Chinese city.
233. Ancient Turfan. A *madrasa*, main entrance.
235. Yarho. 7 caves. A view below from the platform onto the remains of the cave of the lower formation and a passage to them.
236. Yarho. 7 caves. The entrance to the 1st cave.
237. From Toksun to Karasahr. The Aygyr-bulaq waterfall.
238. The same. The Aygyr-bulaq gorge.
239. The same. The Aygyr-bulaq gorge.
240. The same. The Aygyr-bulaq gorge.
241. The same. Mountains near the picket of Uzma-dan.
242. The same. Mountains near the picket of Uzma-dan.
243. The same. The Aygyr-bulaq gorge. Twilight.
244. The same. The picket of Uzma-dan. The roads.
245. The same. Mountain wasaways by the picket of Subansh.
246. The same. The picket of Kumysh.
247. The same. Mountains near the picket of Kumysh.
248. The same. The Aygyr-bulaq gorge. The stream’s source.
249. Sengim-aghiz. A chaitya by the ruins 5.
250. Tuyoq-Mazar. A sculpture.
251. A street in the settlement of Tuyoq-Mazar.
252. Tuyoq-Mazar. Vineyards.
253. Tuyoq-Mazar. A skit.
254. Tuyoq-Mazar. A skit.
255. Tuyoq-Mazar. A street in the settlement of Tuyoq-Mazar.
256. Tuyoq-Mazar. Dryers for grapes.
257. Tuyoq-Mazar. Dryers for grapes.
258. Tuyoq-Mazar. A skit.
259. Tuyoq-Mazar. A sculpture.
259b. Sengim-aghiz. A chaitya.
260. Sengim-aghiz. A cave monastery.
260a. Sengim-aghiz. A child on the street with the outside temperature of –4°.
261. Sengim-aghiz. A cave monastery.
262. Sengim-aghiz. A view on the way from Bezeklik.
263. Sengim-aghiz. A deer on the way from Bezeklik.
264a. The same.
265. From Torsun to Karasahr. A *mazar* near the picket of Kumysh.
266. A sacred stream from the picket of Kumysh.
267. The same. By the picket of Uzma-dan.
268. The same. The picket of Uzma-dan.
269. The same. Holes in granite at the picket Uzma-dan.
270. The same. The Kumysh aul and the valley.
271. The same. A gorge between the picket of Uzma-dan and Karashar.
272. The same. The nature of the mountains near the picket of Uzma-dan.
273. The same. The nature of the mountains behind the picket of Uzma-dan at the outlet to the valley.
275. The same. A gorge by the picket of Qarakyzal.
276. The same. Crossing the Haydyk-gol river.
277. The same. Crossing the Haydyk-gol river.
278. The same. The town of Karasahr. A market and a street in the Chinese part of the town.

279. The same. The town of Karasahr. A market in the Sart part of the town.
280. The same. The uneven sands between the picket <…> and the town of Karasahr.
281. The same. The road by inundated with waters.
282. Tuyoq-Mazar. A Sart woman.
283. Tuyoq-Mazar. The cotton cleaning.
284. Tuyoq-Mazar. A little bridge.
285. From Turfan to Urumqi. At the Dabancheng Pass.
286. The same.
287. From Turfan to Urumqi. The picket by the rise. The southern side.
288. The same. The Boghdo-ula mountains. From Dabancheng.
289. The same. A street in the town of Dabancheng.
290a. The same. <…> by the town of Dabancheng.
290. From Karasahr to Toksun. The picket <…>. A Mongol lama.
291. The same. The picket <…>. A Mongol lama telling fortunes.
292. The same. The camel caravan by the picket of Xin-jiang-ja.
293. The same. The wheat threshing in Ushak-tal.
294. See 292.
295. The same. The picket of Qarakyz [...]. A view of caravanseraï on the inside.
296. The same. The picket of Ushak-tal. Chinese women.
297. The same. The picket of Ushak-tal. A herd.
302. From Toksun to Karasahr. The gorge of Subaty.
303. The same.
304. The same. The Aygyr-bulaq gorge.
305. The same. The Aygyr-bulaq gorge.
306. The same. The Aygyr-bulaq gorge. A caravan <…>.
307. The same. The Aygyr-bulaq gorge. A talus.
308. The same. The Aygyr-bulaq gorge.
309. The same. The Aygyr-bulaq gorge.
310. The same. The Aygyr-bulaq gorge.
311. The same. The Aygyr-bulaq gorge.
312. Tuyoq-Mazar. Caves on the right side.
313. Tuyoq-Mazar. Children. Sarts.
314. Tuyoq-Mazar. Children.
315. Tuyoq-Mazar. A monastery on the right side.
316. Tuyoq-Mazar. Caves by the monastery on the right side.
317. Tuyoq-Mazar. A modern *mazar*.
318. Tuyoq-Mazar. A monastery on the right side.
319. Tuyoq-Mazar. A street in the settlement of Tuyoq-Mazar.
320. Tuyoq-Mazar. A street in the settlement of Tuyoq-Mazar.
321. Tuyoq-Mazar. Cossack Romanov.
322. Tuyoq-Mazar. A monastery on the left side. A fragment.
323. Idikut-Shari. The city on the inside. The wall of the 2nd northern side.
324. Idikut-Shari. The city on the inside. A street in the ground in the NW part of the city.
325. Idikut-Shari. 100 chaityas. A small chaitya. The front of the <…> group.
326. Idikut-Shari. Ruins on the W end of the wall on the 2nd southern side.
327. Idikut-Shari. The gates in the wall of the 2nd southern side.
328. Idikut-Shari. The temple Z. The ceiling.

329—331. Idikut-Shari. Views of the city and necropolis from the east (a panorama).
332. Idikut-Shari. A necropolis. A small group of stupas from the northern side.
333. Tuyoq-Mazar. A monastery on the left side.
334—341. Tuyoq-Mazar. Details of the ruins.
342. Yarho. Eastern gates.
343. Yarho. Eastern gates.
344. Yarho. The city. A street perpendicular to the street running from the eastern gates.
345. Yarho. The brickwork of the wall of an underground temple.
346. Yarho. The street running from the eastern gates.
347. Yarho. The 2nd underground temple. A hall.
348. Yarho. The 2nd underground temple. A hall.
349. Yarho. The same.
350. Yarho. The burial of a child into a niche.
351. Yarho. A sepulcher on the precipice opposite to the southern side of Yarho.
352. Yarho. One of the two tier edifices of the city.
353. Yarho. A monastery. A chaitya of the temple.
354. Yarho. 101 chaityas. A small chaitya.
355. Yarho. 101 chaityas. A large chaitya.
356. Yarho. The city. A view onto the eastern side.
357. Yarho. The city. A view onto the eastern side.
359. Yarho. A view onto the valley from the eastern side of town.
360. Yarho. A temple with a circular passageway.
361. Yarho. A view from the east.
362. Yarho. See 360.
363. Yarho. A tomb.
364. Yarho. <…>.
365. Yarho. An underground temple. The passage into the cave located opposite to the main entrance.
366. Tuyoq-Mazar. Caves on the right side.
367. Sasyk-bulaq. Nature on the left side of the gorge.
368. Yarho. Edifice B.
369. Yarho. Edifice C. An arched premise.
370. Yarho. The last *vihara* on the left side.
371. Yarho. Edifice A. The eastern side.
372. Yarho. Caves on the right side. Excavations.
373. Yarho. A general view of the gorge.
375. Yarho. A *vihara* on the mountain by the western slope.
376. Tuyoq-Mazar. A monastery <…>.
377. Tuyoq-Mazar. A monastery <…>.
378. Sengim-aghiz. A group of Sarts by the ruins.
379. Shikshin. A general view of the valley by the cave.
380. Shikshin. Cave 4 <…>.
381. Shikshin. Cave 9.
382. Shikshin. Caves 5, 6 and 9.
383. Shikshin. Cave 9. A view on the inside.
384. Shikshin. The camp of the expedition.
385. F4.
386. Shikshin.
387. Shikshin.
388. Shikshin. F4.
389. Shikshin. *Viharas*.
390. The same.
391. Sengim-aghiz. The ruins.
392. The same. A cave monastery. A view from the right <…>.
393. The same. A water-mill.
394. The same. Ruins I and II.

393. То же. Водяная мельница.
394. То же. Развалины I и II.
395. То же. Чайтья у южной стены развалин 5.
396. То же. Сарт и дети.
397. То же. I развалины храма. Главный фасад.
398. То же. Пещерный монастырь Северная часть, вид с юга.
399. То же. I развалины. Лестницы верхней террасы.
400. То же. Миниатюрная *vihara* к с северу от пещерного монастыря.
401. Туйок-Мазар. Современный *мазар*.
402. То же.
403. То же.
404. Туйок-Мазар. Олень. *Мазар* вдали.
405. Мостик.
406. Развалины на горе на левой стороне ущелья.
407. Ущелье Туйок-Мазара. Вид вниз.
408. Недоступные пещеры левой стороны. Подъем.
409. То же.
410. Современный *мазар* со священной пещерой.
411. Турфан. Очистка хлопка.
412. То же.
413. То же.
414. Ярхо. Подземный храм. Боковой ход.
416. Ярхо. Подземный храм.
418. Ярхо. Общий вид острова.
419. Ярхо. Обрывы остова.
422. Сенгим-Агыз. Развалины.
423. Сасык-булак. <…> и *вихары*. Виды.
424. Таллык-булак. 2-я *вихара*. Восточная сторона.
425. Турфан. Очистка хлопка.
427. Курутка. Храм. Южная сторона.
428. Курутка. Храм. Западная часть обхода. Следы <…>.
429. Таллык-булак. Пещеры занесены илом, ниже пещер с *сид*хами.
432. Курутка. Храм. Парус северо-восточного угла.
433. Таллык-булак. 2-я *вихара*. Вид внутри. Задняя стена.
435. Ярхо. *Вихара*, вырубленная в лессе, и состояние зданий.
436. Ярхо. Дымоходы и ниши в стенах одного из ооружений города. На первом плане яма для «хума».
437. Ярхо. Храм с обходом в западной части города.
438. Ярхо. Здание, вырубленное из лесса. Затесы для потолка.
439. Ярхо. Подземный храм. Западная сторона стены, разделяющей двор храма пополам.
440. Таллык-булак. Пещера правой стороны.
441. Идикут-Шари. Тайзан.
442. Идикут-Шари. Тайзан.
443. Между пикетом Узма-дянь и Карашаром.
444. Ярхо. <…> ущелья, параллельного южному ущелью.
445. Идикут-Шари. Тайзан.
446. Идикут-Шари. Храм Z. Западная сторона.
447. Урочище Шикшин. Южная группа Восточная <…> ступа.
448. Идикут-Шари. Казак Романов.
449. Идикут-Шари. Дети-сарты.
450. Ярхо. Противоположная сторона здания 436.
451. Ярхо. Подземный храм. Западная сторона стены, разделяющей двор.
452. Ярхо. Подземный храм. Часть двора.

453. Идикут-Шари. Некрополь. Большая ступа в малой группе.
454. Идикут-Шари. Некрополь. Малая группа ступ.
455. Идикут-Шари. Некрополь. 2 ступы в малой группе.
456. Идикут-Шари. Некрополь. Чайтья большой группы с запада.
457. Идикут-Шари. Некрополь. Кладки одной из ступ большой группы.
458. Идикут-Шари. Город. Северные ворота.
459. Идикут-Шари. Некрополь. Часть южного фасада ступы в малой группе.
460. Идикут-Шари. Хлопкоочистительный завод.
461. Идикут-Шари. Некрополь. Ступа с пристройкой. Следы овального купола.
462. Идикут-Шари. То же. Вид внутри.
463. Идикут-Шари. То же. Вид внутри.
464. Шикшин. Наш лагерь.
465а. Романов вышиливает фрески с K13.
466. Идикут-Шари. Ступа в южной группе.
467. Идикут-Шари. Чайтья в южной группе.
468. Идикут-Шари. Ступа с фигурами в южной группе.
469. Идикут-Шари. С4 с юго-запада.
470. Идикут-Шари. С4 с севера.
471. Идикут-Шари. Северная группа с юга.
472. Идикут-Шари. То же.
473. Идикут-Шари. Группа С с севера.
474. Идикут-Шари. А2 с востока.
475. Идикут-Шари. Ступа с фигурами в южной группе.
476. Идикут-Шари. Сартянки.
477. Идикут-Шари. Чайтья с северной группы.
478—484. Идикут-Шари. Части панорамы развалин с развалины М.
485. Туйок-Мазар. Пещеры правой стороны.
486. От Токсуна до Карашара. Ущелье Айгыр-булак. Арба в камнях.
488. То же. Наша остановка в Токсуне.
489. То же. *Дянь* Айгыр-булак.
490. То же. Ущелье Айгыр-булак. Обвал.
491. То же. Ущелье Айгыр-булак. Разброшенный *дянь*.
492. То же. Ущелье Субаши. Спуск в ущелье.
493. То же. *Мазары* у Токсуна.
494. То же. Улица в Токсуне.
495. То же. Горы за Токсуном. Брекчивая степь.
496—497. Ущелья у Субаши.
498. От Урумчи до Токсуна. Копальщики *карызей*.
499. То же. Выход *карыза* у Токсуна.
500. То же.
501. То же. Копание *карызей* у Токсуна.
502. То же. *Карызы* у стар. Токсуна.
503. То же. *Карызы* у стар. Токсуна.
504. То же. Токсунская долина.
505. То же. *Карызы* у стар. Токсуна.
506. То же. Пикет между Парча-Саргал и Токсуном.
507. То же.
508. То же. Конгломераты на пути к пикету 506.
509. То же. Пустыня между Парча Саргалом и пикетом 506.
510. От Токсуна до Карашара. Продажа барана у пикета Айгыр-булака.
511. То же. *Обо* на перевале.

512. То же. Горы у перевала.
513. То же. Горы за ущельем Айгыр-булак.
514. То же. Верстовый столб.
515. То же. Ущелье Айгыр-булак.
517. От Урумчи до Токсуна. Голешниковая степь.
518. То же. Горы Богдо-ула и р. Даванчен-гол.
519. То же. Выходы гипса перед Парча-Саргалом.
520. То же. Вид с перевала у пикета Бе-ян-хо.
521. То же. Спуск в Токсунскую долину у пикета Парча-Саргал.
522. То же. Вид на Токсунскую долину с перевала.
523. То же. Горы у пикета Бе-ян-хо.
524. То же. Бугристые пески у Даванчена.
525. То же. Даванченская долина.
526. То же. Наш караван у пикета Са-е-пу.
527. То же. Дети. Пикет Са-е-пу.
528. То же.
529. То же. Пикет Са-е-пу.
530. То же. Отъезд из Урумчи.
531. То же. Пикет и сторожевая башня.
532. То же. Горы у пикета Джи-Джи-сауза.
533. То же. То же.
534. То же. Китайская арба.
535. То же. Г. Даванчен. Въезд в город.
536. То же. Фанза перед входом в Даванченское ущелье.
537. То же. Верхушка перевала Даванчен.
538. То же. Наши лошади у пикета Шамол-уртон.
539. То же. Талыр у г. Дурбульджин.
540. То же. Кумирня в г. Дурбульджин и р. Эмиль.
541. То же. Развалины китайских укреплений у г. Дурбульджин.
542. То же. Переводчик босун. Стоянка у г. Дурбульджин.
543. То же. Развалины китайского укрепления у г. Дурбульджин.
544. То же. Приток р. Эмиль за Дурбульджином.
545. То же. Развалины китайского укрепления у г. Дурбульджина.
546. То же. Наш караван у пикета Шамол-уртон.
547. То же. Горы у пикета Шамол-уртон.
548. Г. Урумчи. Музыканты-сарты.
549. Г. Урумчи. То же.
550. Г. Урумчи. То же.
551. Г. Урумчи. То же.
552. Г. Урумчи. То же.
553. Г. Урумчи. То же.
554. От Урумчи до Токсуна. Озеро у г. Урумчи.
555. Г. Урумчи. Старый город. Утес с кумирнями.
556. Г. Урумчи. Старый город. Ламаистская кумирня.
557. От Урумчи до Токсуна. Берег Соленого озера у Урумчи.
558. То же. Соленое озеро у г. Урумчи.
570. От Урумчи до Токсуна. Пикет Синь-цзян-ца. Качают воду.
571. То же. Пикет Синь-цзян-ца.
572. То же. <…> лес у пикета <…>.
573. То же. Китайнка. Пикет Ушак-тал.
574. То же. Тамариски и их холмы у пикета <…>.
575. То же. Ущелье Ушак-тал. Вход в ущелье.
576. То же. Развалины у пикета Чокур. Одна из башен северной стены. Вид с запада.
577. То же. Развалины у пикета Ушак-тал. Западная сторона.

395. The same. A chaitya by the southern wall of the ruins 5.
396. The same. A Sart and children.
397. The same. Monastery ruins I. The main front.
398. The same. A cave monastery; the northern part, a view from the south.
399. The same. Ruins I. The stairs of the upper terrace.
400. The same. A miniature *vihara* to the north from the cave monastery.
401. Tuyoq-Mazar. A modern *mazar*.
402. The same.
403. The same.
404. The same. A deer. *Mazar* in the distance.
405. A little bridge.
406. Ruins on the mountain on the left side of the gorge.
407. The gorge of Tuyoq-Mazar. A view below.
408. Inaccessible caves of the left side. The rise.
409. The same.
410. The modern *mazar* with a sacred cave.
411. Turfan. The cotton cleaning.
412. The same.
413. The same.
414. Yarho. An underground temple. The side passage.
416. Yarho. An underground temple.
418. Yarho. A general view of the island.
419. Yarho. The island precipices.
422. Sengim-aghiz. The ruins.
423. Sasyk-bulaq. <…> and *viharas*. Views.
424. Tallyk-bulaq. A 2nd *vihara*. The eastern side.
425. Turfan. The cotton cleaning.
427. Kurutka. A temple. The southern side.
428. Kurutka. A temple. The western side of a bypass. The prints <…>.
429. Tallyk-bulaq. The caves slimed with silt, below the *siddhi* caves.
432. Kurutka. The temple. The sail of the southeastern angle.
433. Tallyk-bulaq. A 2nd *vihara*. A view on the inside. The western wall.
435. Yarho. A *vihara* carved in loess and the building conditions.
436. Yarho. Chimneys and niches in the walls of one of the city structures. A pit for “khum” in the foreground.
437. Yarho. A temple with a bypass in the western part of the city.
438. Yarho. A building carved in the wood. Notches for the ceiling.
439. Yarho. An underground temple. The western side of the wall dividing the temple yard into two.
440. Tallyk-bulaq. A cave on the right side.
441. Idikut-Shari. Tayzan.
442. Idikut-Shari. Tayzan.
443. Between the picket of Uzma-dan and Karasahr.
444. Yarho. <…> of the gorge parallel to the southern gorge.
445. Idikut-Shari. Tayzan.
446. Idikut-Shari. Temple Z. The western side.
447. The tract of Shikshin. The southern group. The eastern <…> stupa.
448. Idikut-Shari. Cossack Romanov.
449. Idikut-Shari. Sart children.
450. Yarho. The opposite side of the building 436.
451. Yarho. An underground temple. The western side of the wall dividing the yard.

452. Yarho. An underground temple. A part of the yard.
453. Idikut-Shari. A necropolis. A large stupa in a small group.
454. Idikut-Shari. A necropolis. A small group of stupas.
455. Idikut-Shari. A necropolis. 2 stupas in a small group.
456. Idikut-Shari. A necropolis. The chaityas of a large group from the west.
457. Idikut-Shari. A necropolis. The brickwork of a stupa of a large group.
458. Idikut-Shari. The city. The northern gates.
459. Idikut-Shari. A necropolis. A part of the southern front of a stupa in a small group.
460. Idikut-Shari. The cotton-cleaning factory.
461. Idikut-Shari. A necropolis. A stupa from an extension. The traces of an oval dome.
462. Idikut-Shari. The same. A view on the inside.
463. Idikut-Shari. The same. A view on the inside.
464. Shikshin. Our camp.
465а. Romanov cuts out frescoes from “K13”.
466. Idikut-Shari. A stupa in the southern group.
467. Idikut-Shari. A chaitya in the southern group.
468. Idikut-Shari. A stupa with figurines in the southern group.
469. Idikut-Shari. C4 from the south-west.
470. Idikut-Shari. C4 from the north.
471. Idikut-Shari. The northern group from the south.
472. Idikut-Shari. The same.
473. Idikut-Shari. The group C from the north.
474. Idikut-Shari. A2 from the east.
475. Idikut-Shari. A stupa with figurines in the southern group.
476. Idikut-Shari. Sart women.
477. Idikut-Shari. A chaitya from the northern group.
478 — 484. Idikut-Shari. Parts of panorama of the ruins from the ruins M.
485. Tuyoq-Mazar. Caves on the right side.
486. From Toksun to Karasahr. The Ayghyr-bulaq gorge. An arba in rocks.
488. The same. Our stopping point at Toksun.
489. The same. *Dan* Ayghyr-bulaq.
490. The same. The Ayghyr-bulaq gorge. A landslide.
491. The same. The Ayghyr-bulaq gorge. A scattered *dan*.
492. The same. The Subashi gorge. Descending into the gorge.
493. The same. *Mazars* near Toksun.
494. The same. A streets in Toksun.
495. The same. Mountains behind Toksun. The brecciated steppe.
496—497. Gorges by Subashi.
498. From Urumqi to Toksun. The *kariz* diggers.
499. The same. A *kariz* exit near Toksun.
500. The same.
501. The same. The digging of *karizes* near Toksun.
502. The same. *Karizes* near the ancient Toksun.
503. The same. *Karizes* near the ancient Toksun.
504. The same. The Toksun valley.
505. The same. *Karizes* near the ancient Toksun.
506. The same. The picket between Parcha-Sarghal and Toksun.
507. The same.
508. The same. Conglomerates on the road to the picket 506.
509. The same. A desert between Parcha-Sarghal and the picket 506.

510. From Toksun to Karasahr. The selling of a ram near the picket of Ayghyr-bulaq.
511. The same. *Obos* on the pass.
512. The same. Mountains by the pass.
513. The same. Mountains behind the Ayghyr-bulaq gorge.
514. The same. A verst pillar.
515. The same. The Ayghyr-bulaq gorge.
517. From Urumqi to Toksun. The Steppe.
518. The same. The mountains of Boghdo-ula and the river of Dabancheng.
519. The same. The gypsum outcrops in front of Parcha-Sarghal.
520. The same. A view from the pass by the picket of Be-yan-ho.
521. The same. Descending in the Toksun valley by the picket of Parcha-Sarghal.
522. The same. A view onto the Toksun valley from the pass.
523. The same. Mountains by the picket of Be-yan-ho.
524. The same. The uneven sands by Dabancheng.
525. The same. The Dabancheng valley.
526. The same. Our caravan by the picket of Sa-e-pu.
527. The same. Children the picket of Sa-e-pu.
528. The same.
529. The same. The picket of Sa-e-pu.
530. Leaving Urumqi.
531. The same. The picket and a watchtower.
532. The same. Mountains by the picket of Ji-ji-sauza.
533. The same. The same.
534. The same. A Chinese arba.
535. The same. The town of Dabancheng. Entering the city.
536. The same. A fanza in front of the entrance onto the Dabancheng gorge.
537. The same. The top of the Dabancheng pass.
538. The same. Our horses by the picket of Shamol-urton.
539. The same. Talyr by the city of Durbuljin.
540. The same. A joss-house in the city of Durbuljin and the Emil river.
541. The same. Ruins of the Chinese fortifications by the city of Durbuljin.
542. The same. The bosun interpreter. A stop by the city of Durbuljin.
543. The same. Ruins of the Chinese fortifications by the city of Durbuljin.
544. The same. A tributary of the Emil river behind Durbuljin.
545. The same. Ruins of the Chinese fortifications by the city of Durbuljin.
546. The same. Our caravan by the picket of Shamol-urton.
547. The same. Mountains by the picket of Shamol-urton.
548. The city of Urumqi. Sart musicians.
549. The city of Urumqi. The same.
550. The city of Urumqi. The same.
551. The city of Urumqi. The same.
552. The city of Urumqi. The same.
553. The city of Urumqi. The same.
554. From Urumqi to Toksun. A lake by the city of Urumqi.
555. The city of Urumqi. An ancient city. A cliff with joss-houses.
556. The city of Urumqi. An ancient city. A lamaist joss-house.

16. То же: китайское жилище, устроенное в стене города.

17. То же: общий вид северной стены города.

18. Остатки древнего городища близ города Гучена.

19. Единственная уцелевшая руина в древнем городище.

20. Обиий вид полуразрушенной дунганами кумирни в местечке Лао-тай.

21. Развалины стены-щита перед кумирней в местечке Лао-тай.

22. Обиий вид полуразрушенной дунганами кумирни в местечке Лао-тай.

23. Развалины сигнальной башни времен дунганско-го восстания и его подавления в местечке Сан-тай.

24. Путь от Урумчи до Турфана: курган.

25. То же: каменный столб с изображением человеческого лица (у кургана в 45-ти верстах от Урумчи по турфанской дороге).

26. То же: развалины городища в урочище Улан-бай.

27. То же: развалины городища в урочище Улан-бай.

28. То же: развалины городища в урочище Улан-бай.

29. То же: древняя реставрированная мусульманская гробница.

30. То же: насыпь с остатками группы *обонов* (маяков).

31. То же: китайская сторожевая башня времен покорения Джунгарии.

32. То же: развалины китайской сторожевой башни времен покорения Джунгарии.

33. То же: остатки артиллерийской башни времен усмирения дунганского восстания около г. Урумчи.

34. Изображения Будды, найденные близ развалин Бишбалыка.

Коллекция: № 2820
Собиратель: С. Е. Малов
(путешествие 1909—1911 гг.)
Дата поступления: 1911 г.
Негативы

1. Уйгурка возле павшего верблюда.

2. Жилище степных уйгуров (около г. Суджоу).

3. Уйгурская семья за работой (с. Шихейза).

4. Жилище степных уйгуров (около г. Суджоу).

5. Степные желтые уйгуры в праздничном наряде.

6. Жилище степных уйгуров (около г. Суджоу).

7. Уйгурка.

8. Уйгурка с детьми.

9. У входа в уйгурскую усадьбу (первым стоит турфанский сарт).

10. Степные желтые уйгуры в праздничном наряде.

11. Степные желтые уйгуры в праздничном наряде.

12. Религиозная церемония (Лянхуасы) — хождение с «зонтом».

13. Проводы гостей у уйгуров.

14. Уйгуры на празднике во дворе кумирни Лянхуасы.

15. Уйгуры на празднике во дворе кумирни Лянхуасы.

16. Уйгуры на празднике во дворе кумирни Лянхуасы.

17. Уйгуры на празднике во дворе кумирни Лянхуасы.

18. Уйгуры на празднике во дворе кумирни Лянхуасы.

19. Уйгуры на празднике во дворе кумирни Лянхуасы.

20. Кумирня Лянхуасы.

21. Уйгурка.

22. Уйгурки на молитве.

23. Уйгурки на молитве.

24. Уйгурки.

25. Уйгурки на молитве.

26. Уйгурки в праздничном наряде.

27. Уйгур-монах (с. Шихейза).

28. Танец «цам» в кумирне (около г. Ганьджоу).

29. Уйгурки и турфанский сарт.

30. Горные желтые уйгуры и турфанский сарт.

31. Уйгуры на молении у кумирни в сел. Шихейза.

32. Уйгуры на молении у кумирни в сел. Шихейза.

33. Уйгуры на молении у кумирни в сел. Шихейза.

34. Уйгуры на молении у кумирни в сел. Шихейза («Хождение с зонтом»).

35. Уйгуры на молении у кумирни в сел. Шихейза.

36. У двери уйгурского дома.

37. Уйгурские мальчик и девочка.

38. Група уйгурок.

39. Уйгурка Ыртамаян, 36 лет, из сел. Шихейза.

40. Уйгурки.

41. Уйгуры, садящиеся на лошадей.

42. Мальчики-панды из кумирни Лянхуасы.

43. Мальчики-панды из кумирни Лянхуасы.

44. Группа степных уйгуров.

45. Група саларов (около г. Сюнхуатина в провинции Ганьсу).

46. Саларские дети.

47. Саларка с детьми.

48. Саларка с детьми.

49. Група саларских детей.

50. Група саларских детей.

51. Горная уйгурка перед загородкой для скота.

52. Костюм степной уйгурки (сзади).

53. Уйгурка Нурджол, 35 лет, из сел. Шихейза.

54. Уйгур Сертан, 60 лет.

55. Сын уйгура Сертана, 18 лет.

56. Уйгур Саньшкап (бывший шаман) с женой перед дверью своего дома.

57. Уйгур-монах, сын Яргучи, из сел. Шихейза.

58. Уйгур-начальник (из кумирни Лянхуасы) по прозвинию «...», т. е. «большая голова» (сзади).

59. Уйгур-начальник (из кумирни Лянхуасы) по прозвинию «...», т. е. «большая голова» (en face).

60. Кутучин, монах из сел. Шихейза (фас).

61. Кутучин, монах из сел. Шихейза (профиль).

62. Степной уйгур-юноша (почти en face).

63. Монах из кумирни Лянхуасы.

64. Молящиеся женщины (уйгурки) перед кумирней.

65. «Ули» (группа жердей и палок с тряпочками с религиозным назначением).

66. Група уйгуров.

67. «Черный дом» — палатка горного уйгура.

68. Разъезд гостей у уйгуров.

69. Уйгур Саньшкап с семейством перед дверью своего дома.

70. Саларские дети. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

71. Группа саларов. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

72. Саларка с ребенком. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

73. Саларки. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

74. Саларка. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

75. Саларские дети. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

76. Саларка с ребенком. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

77. Саларка с ребенком. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

78. Салар (поясной портрет). Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

79. Саларские дети. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

80. Саларские дети. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

81. Саларка с ребенком. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

82. Саларки. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

83. Саларка. Снято в селениях около г. Сюнхуатина.

Коллекция: № 2880
Собиратель: С. М. Дудин
(Исполнено в мастерской Музея)
Дата поступления: 1923 г.
Негативы

1. Глиняный горшок с санскритской надписью.

2. Глиняный горшок с санскритской надписью.

3. Глиняный горшок с санскритской надписью.

4. Глиняный горшок с санскритской надписью.

5. Часть стенописи (колл. 1386—10).

6. Часть стенописи (колл. 1780—10).

7. Часть стенописи (карта побережья Азовского моря).

8. Щит с копьем и руки с пуском копья.

9. Глиняный турфанский всадник (колл. 903—5) и пеший воин (колл. 903—9).

11. Глиняное изображение двух воинов.

12. Глиняное изображение воина.

13. Глиняное изображение воина.

14. Глиняное изображение воина.

15. Санскритские надписи.

16. Санскритские надписи.

17. Санскритские надписи.

18. Глиняное изображение воина без головы.

19. Щит с копьем и рука с пуском копыя.

20. Часть стенописи (колл. 1386—22).

21. Изображение божества (часть стенописи ?).

22. Часть стенописи.

23. Часть стенописи.

24. Часть стенописи.

25. Часть стенописи.

26. Часть стенописи.

27. Часть стенописи.

28. Часть стенописи.

30. Часть стенописи.

31. Часть стенописи.

32. Часть стенописи.

33. Часть стенописи.

34. Часть стенописи.

35. Часть стенописи.

36. Часть стенописи.

37. Часть стенописи.

38. Часть стенописи.

39. Часть стенописи.

40. Часть стенописи.

42. Часть стенописи.

43. Часть стенописи.

44. Часть стенописи.

45. Часть стенописи.

46. Часть стенописи.

47. Часть стенописи.

5. The same: the northern city wall with caves.

6. The same: the ruins of the tower on the eastern city wall.

7. The same: the remains of the tower on the western city wall.

8. The same: a general view of the city square within the city wall boundaries.

9. The same: the remains of a street.

10. The same: the remains of a street in an ancient settlement.

11. The same: the Dun-he stream canal.

12. The same: the widening of the Dun-he stream canal (an ancient pond).

13. The same: a saline land in the vicinity of the city.

14. The same: the ruins of the monastery tower near an ancient settlement.

15. The same: the monastery ruins near the settlement.

16. The same: a Chinese dwelling place built in the city wall.

17. The same: a general view of the northern city wall.

18. The remains of an ancient settlement near the town of Guchen.

19. The only surviving ruin in an ancient settlement.

20. A general view of the joss-house in the borough of Lao-tai dilapidated by Dungans.

21. The ruins of the shield-wall in front of the joss-house in the borough of Lao-tai.

22. A general view of the joss-house in the borough of Lao-tai dilapidated by Dungans.

23. The ruins of the beacon from the times of the Dungan revolt and its suppression in the borough of San-tai.

24. The way from Urumqi to Turfan: a burial mound.

25. The same: a stone pillar with an image of a human face (at the burial mound 45 versts from Urumqi along the Turfan road).

26. The same: the ruins of a settlement in the tract of Ulan-bay.

27. The same: the ruins of a settlement in the tract of Ulan-bay.

28. The same: the ruins of a settlement in the tract of Ulan-bay.

29. The same: a restored ancient Muslim tomb.

30. The same: an earthfill with the remains of a group of *obons* (cairns).

31. The same: a Chinese watchtower from the times of the Jungaria conquest.

32. The same: the ruins of a Chinese watchtower from the times of the Jungaria conquest.

33. The same: the remains of an artillery tower from the times of the suppression of the Dungan revolt near the city of Urumqi.

34. Images of Buddha found near the ruins of Beshbalyk.

Collection: No. 2820
Collector: S. E. Malov
(the journey of 1909—1911)
Date of admission: 1911
Negatives

- A Uyghur woman by the fallen camel.
- A Dwelling huts of the steppe Uyghurs (by the town of Suzhou).
- An Uyghur family at work (the village of Shiheyza).
- Dwelling huts of the steppe Uyghurs (by the town of Suzhou).
- The steppe yellow Uyghurs in their festive attire.

6. Dwelling huts of the steppe Uyghurs (by the town of Suzhou).

7. An Uyghur woman.

8. An Uyghur woman with children.

9. At the entrance to an Uyghur farmstead (the first one in the picture is a Turfan Sart).

10. The steppe yellow Uyghurs in their festive attire.

11. The steppe yellow Uyghurs in their festive attire.

12. A religious ceremony (Lianhua) — walking with an “umbrella”.

13. Uyghur farewell of the guests.

14. Uyghurs at a celebration in the yard of the joss-house of Lianhua.

15. Uyghurs at a celebration in the yard of the joss-house of Lianhua.

16. Uyghurs at a celebration in the yard of the joss-house of Lianhua.

17. Uyghurs at a celebration in the yard of the joss-house of Lianhua.

18. Uyghurs at a celebration in the yard of the joss-house of Lianhua.

19. Uyghurs at a celebration in the yard of the joss-house of Lianhua.

20. The joss-house of Lianhua.

21. An Uyghur woman.

22. Uyghur women praying.

23. Uyghur women praying.

24. Uyghur women.

25. Uyghur women praying.

26. Uyghur women in their festive attire.

27. An Uyghur monk (the village of Shiheyza).

28. The “Cham” dance in the joss-house (near the town of Ganzhou).

29. Uyghur women and a Turfan Sart.

30. The mountain yellow Uyghurs and a Turfan Sart.

31. Uyghurs at a prayer service by the joss-house in the village of Shiheyza.

32. Uyghurs at a prayer service by the joss-house in the village of Shiheyza.

33. Uyghurs at a prayer service by the joss-house in the village of Shiheyza.

34. Uyghurs at a prayer service by the joss-house in the village of Shiheyza (“Walking with an umbrella”).

35. Uyghurs at a prayer service by the joss-house in the village of Shiheyza.

36. At the door of an Uyghur house.

37. An Uyghur boy and an Uyghur girl.

38. A group of Uyghur women.

39. An Uyghur woman named Yrtamayan of 36 years of age from the village Shiheyza.

40. Uyghur women.

41. Uyghur mounting their horses.

42. Panda-boys from the joss-house of Lianhua.

43. Panda-boys from the joss-house of Lianhua.

44. A group of the steppe Uyghurs.

45. A group of Salars (near the city of Xunhuatin in Gansu province).

46. Salar children.

47. A Salar woman with children.

48. A Salar woman with children.

49. A group Salar children.

50. A group Salar children.

51. A mountain Uyghur woman before the fence for the cattle.

52. The dress of a steppe Uyghur woman (from behind).

53. An Uyghur woman named Nurjol of 35 years old from the village of Shiheyza.

54. An Uyghur man named Sertan of 60 years of age.

55. The son of Uyghur Sertan, 18 years old.

56. Uyghur Sanyshkap (a former shaman) and his wife in front of the door of his house.

57. An Uyghur monk, the son of Yarguchi, from the vil-lage of Shiheyza.

58. An Uyghur chief (from the joss-house of Lianhua) nicknamed “...”, which means “big head” (from behind).

59. An Uyghur chief (from the joss-house of Lianhua) nicknamed “...”, which means “big head” (en face).

60. Kutuchin, a monk from the village of Shiheyza (front).

61. Kutuchin, a monk from the village of Shiheyza (profile).

62. A steppe Uyghur youth (almost en face).

63. A monk from the joss-house of Lianhua.

64. Praying (Uyghur) women in front of the joss-house.

65. “Uli” (an arrangement of poles and sticks with rags with religious designation).

66. A group of Uyghurs.

67. “The Black House” — a tent of a mountain Uyghur.

68. The Uyghur guests setting out.

69. Uyghur Sanyshkap with his family in front of the door of his house.

70. Salar children. Taken in the settlements by the city of Xunhuatin.

71. A group of Salars. Taken in the settlements by the city of Xunhuatin.

72. A Salar woman with a child. Taken in the settle-ments by the city of Xunhuatin.

73. Salar women. Taken in the settlements by the city of Xunhuatin.

74. Salar women. Taken in the settlements by the city of Xunhuatin.

75. Salar children. Taken in the settlements by the city of Xunhuatin.

76. A Salar woman with a child. Taken in the settle-ments by the city of Xunhuatin.

77. A Salar woman with a child. Taken in the settle-ments by the city of Xunhuatin.

78. A Salar (half-length portrait). Taken in the settle-ments by the city of Xunhuatin.

79. Salar children. Taken in the settlements by the city of Xunhuatin.

80. Salar children. Taken in the settlements by the city of Xunhuatin.

81. A Salar woman with a child. Taken in the settle-ments by the city of Xunhuatin.

82. Salar women. Taken in the settlements by the city of Xunhuatin.

83. A Salar woman. Taken in the settlements by the city of Xunhuatin.

Collection: No. 2880
Collector: S. M. Dudin
(performed in the workshop of the Museum)
Date of admission: 1923
Negatives

- A clay pot with a Sanskrit inscription.
- A clay pot with a Sanskrit inscription.

48. Часть стенописи.
49. Часть стенописи.
50. Часть стенописи.

Коллекция: № 2895

Собиратель: С. Е. Малов

Дата поступления: 1914 г.

Негативы

1. Лобнорец Кувет (профиль) из селения Миран.
2. Лобнорец Кувет (en face) из селения Миран.
4. Вид лобнорского жилища (селение Миран).
6. Кериялык Шарип-ахун (Чархлык).
7. Мальчик лобнорец (фас).
8. Мальчик лобнорец (профиль).
9. Мальчик лобнорец (фас).
10. Хотенлык нищий с собранными, вместо денег, дровами.
11. Хотенлык старик в чалме.
12. Резанье коровы на скотобойне в г. Хотане.
13. Мужской тип (?).
14. Хотенлык (во весь рост).
15. Улица бедняков в г. Хотане.
16. Аксуйские типы — старик (по пояс, en face).
17. Аксуйские типы — молодой человек (во весь рост, en face).
18. Аксуйские типы — мальчик (во весь рост, en face).
19. Аксуйские типы — мальчик (во весь рост, профиль).
20. Хотенлык (профиль).
21. Шаман Нам Серичан (профиль).
22. Шаман Нам Серичан (с наклоненной вбок головой обычное положение головы шамана при пении стихов; по привычке голова так держится и в обычное время).
23. Серичан — уйгур из Шихейдза (во весь рост).
24. Серичан — уйгур из Шихейдза (по пояс).
25. Асырма Еркельян из Лянхуасы (профиль).
26. Асырма Еркельян из Лянхуасы (фас).
28. Хотенлык (фас).

29. На улице в Яркенде (двухэтажный дом и дети).
30. Просушка на солнце хлопчатных ниток для пря-жи холста (г. Яркенд).
31. Кашгарлык (почти en face).
35. Шаман Санышкап (профиль).
36. Шаман Санышкап (фас).
37. Фулос, гонный уйгур из Ишкана, омонголившийся.
38. Ака из Ишкана, омонголившийся.
39. Санышкап (фас).
40. Ака (фас).
42. Плетение корзин; сидит мальчик-уйгур.
43. Уйгурка (вид сзади).
44. Кумирня Сумакча.
55. Очаг в доме уйгура (Ишкан).
56. Зимний дом омонголившегося уйгура Фулоса из Ишкана.
63. Тангут, проживающий в Ишкана.
66. Католическая миссия в г. Гаотай.
71. Женщина с ребенком и девочка из селения Хотунтам.
72. Женщина из селения Хотунтам.
74. Старики в селении Хотунтам.
77. Хамийка (сзади).
78. Женщина из Карлукчи (в праздничной шапочке с серебряной кокардой) (вид сзади).

79. Женщина из Карлукчи (в праздничной шапочке с серебряной кокардой) (сзади).
82. Молодая женщина (Шавану) из Карлукчи (фас).
83. Хамийка (сзади).
84. Мальчик из Карлукчи (фас).
85. Группа людей из Карлукчи.
86. Внутренность дома в Карлукчи.
87. Мечеть в Карлукчи.
89. Соха (снято в селении Хотунтам).
90. Мельница (снято в селении Хотунтам).
92. Амбал (*шян*) в селении Чархлык.
94. Здание для сушки винограда («чунджа» в селе-нии Туйюк).
95. Одна из часовен «Асхабу-ль-кяхф» в селении Туйюк.
96. Лоптук из селения Чигелик (профиль).
98. Лоптук из селения Чигелик (фас к № 97).
102. Молодая женщина кериялычка (селение Чархлык) (¾).
103. Молодая женщина кериялычка (селение Чархлык) (фас) (¾).
104. Принадлежности выделки войлока.
105. Хотенлык за работой (производство кошем).
106. Войлочник за работой.
107. Лобнорец с сетью и юноша с веслом (фас).
108. Лобнорец с сетью и юноша с веслом (фас).
109. Молодая женщина лобнорка из селения Миран (фас, поясной портрет).
110. Улица в Миране (стоит торговец турфанлык).
111. Улица в Миране (стоит торговец турфанлык).
112. Айша-хан, жена старшины селения Миран (фас, до колен).
113. Лобнорец Абдурахман с братом.
114. Кашгарлык Баудин (поясной портрет; ¾).
115. Лобнорец Ямин-ахун (с ястребом) (фас).
116. Молодая женщина из селения Миран (фас, поясной портрет).
117. Молотьба хлеба волами в селении Миран.
121. На раскопках древнего кладбища у селения Миран.
122. На р. Яркенд-дарья в селении Абдал.
124. Русский аксакал в селении Чархлык (маргелан-ский сарт) (фас).
125. Русский аксакал в селении Чархлык (маргелан-ский сарт) (профиль).
126. Старуха-турфанлычка (фас, до колен).
127. Хотенлыки-выделыватели войлока.
128. Хотенлыки-выделыватели войлока.
129. Лобнорцы.
130. Река Яркенд-дарья у селения Абдал.
131. Учитель китайской грамоты лоптук Пазы-ахун в селенин Чархлык (профиль).
132. Учитель китайской грамоты лоптук Пазы-ахун в селении Чархлык (фас).
133. Девушка с мальчиком (фас).
134. Улица в Хотане.
135. Шаман Нур-ахун (в Хотане) (фас).
136. Жена шамана (фас).
137. Жена шамана, с закрытым лицом.
138. Станция в Чингелике.
139. Станция в Яр-Тонусе.
140. Обычный вид улицы в городах и селениях Кашгарии.

141. Обычный вид улицы в городах и селениях Кашгарии.
142. *Мазар* по дороге между Марал-баши и Аксу.
143. В селении Чобы (южная Кашгария).
144. Дверь у могилы *хакима* в Яркенде.
145. Группа яркендлыков.
146. Улица в Яркенде.
147. Внутренность дома в южной Кашгарии.
148. Лобнорец с женой (фас) (во весь рост).
149. Лобнорец (селение Чархлык) (профиль) (во весь рост).
150. Улица г. Каргалык.
151. Лобнорец (фас, во весь рост).
152. Женщина оазиса Керия (фас, во весь рост).
153. Турфанлычка (снята на Лобноре) (фас, во весь-рост).
154. Кожевник г. Аксу.
155. Кожевник г. Аксу.
156. Мусульманский *мазар* по дороге из Хами в Хансиджоу.
157. Вид дороги в Кашгарии.
158. Типы турок Восточного Туркестана. Ребенок (фас, во весь рост).
159. Типы турок Восточного Туркестана. Двое муж-чин (фас, во весь рост).
160. Типы турок Восточного Туркестана. Мужчина (внутри дома).
161. Типы турок Восточного Туркестана. Женщина (фас, во весь рост).
162. Вид города южной Кашгарии.
163. Вид города южной Кашгарии.
164. Горная кумирня Дун-хуан.
165. Уйгуры в китайском костюме (профиль и фас; во весь рост).
166. Старик уйгур за доением яка.
167. Степной уйгур Санышкап с женой (фас; во весь рост).
168. Принадлежности буддийского культа.
169. Принадлежности уйгурского шаманства.
170. Горные уйгуры. Группа мужчин (во весь рост).
171. Кумирня Са’кыс.
172. Сумакча (общий вид).
173. Пейран (общий вид).
174. Кумирня Пейран.
175. Кумирня Дунхейза.
176. Внутри кумирни Дунхейза.
177. Уйгурские надписи на фреске.
179. Фрески.
180. Вид на часть пещер.
181. Ступа и общий вид.
182. Кумирня Дунхейза (внутри).
183. Кумирня Дунхейза (внутри).
184. Одна из кумирен в Вуншигу.
185. Пейран (общий вид).
186. Кумирня Ношка.
187. Пещеры в Вуншигу.
189. Уйгурка из Дунхейза (фас, во весь рост).
190. Шаман Санышкап (фас, во весь рост).
191. Ердицу, жена шамана Санышкапа, в Шихейза (фас, во весь рост).
192. Ердицу, жена шамана Санышкапа, в Шихейза (профиль) в праздничном костюме с привесками.
193. Уйгур Сертан (фас, во весь рост).
194. Горная уйгурка (сзади) (фас, во весь рост).

3. A clay pot with a Sanskrit inscription.
4. A clay pot with a Sanskrit inscription.
5. A fragment of mural painting (coll. 1386–10).
6. A fragment of mural painting (coll. 1780–10).
7. A fragment of mural painting (the map of the coast-line of the Sea of Azov).
8. A shield with a spear and a hand throwing a spear.
9. A clay Turfan horseman (coll. 903–5) and a foot war-rior (coll. 903–9).
11. A clay image of two warriors.
12. A clay image of a warrior.
13. A clay image of a warrior.
14. A clay image of a warrior.
15. Sanskrit inscriptions.
16. Sanskrit inscriptions.
17. Sanskrit inscriptions.
18. A clay image of a warrior with no head.
19. A shield with a spear and a hand throwing a spear.
20. A fragment of mural painting (coll. 1386–22).
21. An image of a deity (a fragment of mural painting?).
22. A fragment of mural painting.
23. A fragment of mural painting.
24. A fragment of mural painting.
25. A fragment of mural painting.
26. A fragment of mural painting.
27. A fragment of mural painting.
28. A fragment of mural painting.
30. A fragment of mural painting.
31. A Shaman Sanyshkap (frontal).
32. A fragment of mural painting.
33. A fragment of mural painting.
34. A fragment of mural painting.
35. A fragment of mural painting.
36. A fragment of mural painting.
37. A fragment of mural painting.
38. A fragment of mural painting.
39. A fragment of mural painting.
40. A fragment of mural painting.
42. A fragment of mural painting.
43. A fragment of mural painting.
44. A fragment of mural painting.
45. A fragment of mural painting.
46. A fragment of mural painting.
47. A fragment of mural painting.
48. A fragment of mural painting.
49. A fragment of mural painting.
50. A fragment of mural painting.

Collection: No. 2895

Collector: S. E. Malov

Date of admission: 1914

Negatives

1. Lobnoran Kuvet (profile) from the settlement of Miran.
2. Lobnoran Kuvet (en face) from the settlement of Miran.
4. A view of a Lobnor dwelling place (the settlement of Miran).
6. A Keriya native Shapir-akhu (Charkhlyk).
7. A Lobnoran boy (front).
8. A Lobnoran boy (profile).
9. A Lobnoran boy (front).
10. A Khotan beggar with collected firewood instead of money.

11. An old Khotan man in a turban.
12. The slaughtering of a cow at a slaughterhouse in the city Khotan.
13. A man type (?).
14. A Khotan man (full-length).
15. The pauper’s street in the city of Khotan.
16. The Aksu types — an old man (waist high, en face).
17. The Aksu types — a young man (full-length, en face).
18. The Aksu types — a boy (full-length, en face).
19. The Aksu types — a boy (full-length, profile).
20. A Khotan man (profile).
21. Shaman Nam Serichan (profile).
22. Shaman Nam Serichan (with his head tilted to one side — a usual head position of shaman during his chanting and singing; as it becomes a habit, his head is positioned this way in everyday life as well).
23. Serichan — an Uyghur from Shiheyza (full-length).
24. Nam Serichan — an Uyghur from Shiheyza (waist high).
25. Asirma Erkelin from Lianhua (profile).
26. Asirma Erkelin from Lianhua (front).
28. A Khotan man (frontal).
29. On a street in Yarkand (a two-story house and children).
30. The drying of cotton yarn out in the sun for spinning a canvas (the city of Yarkand).
31. A Kashghar man (almost en face).
35. Shaman Sanyshkap (profile).
36. Shaman Sanyshkap (front).
37. Fulos, a hunted Uyghur from Ishkan, mongolized.
38. Aka from Ishkan, mongolized.
39. Sanyshkap (front).
40. Aka (front).
42. Basketry; an Uyghur boy is sitting.
43. An Uyghur woman (a view from behind).
44. The joss-house of Sumakcha.
55. A fireplace in an Uyghur house (Ishkan).
56. A winter house of mongolized Uyghur Fulos from Ishkan.
63. A Tangut man living in Ishkan.
66. A Catholic mission in the town of Gaotai.
71. A woman with a child and a girl from the settlement of Khotuntam.
72. A woman from the settlement of Khotuntam.
74. Old men in the settlement of Khotuntam.
77. A Hami woman (from behind).
78. A woman from Qarluqchi (in a festive hat with a sil-ver cockade) (a view from behind).
79. A woman from Qarluqchi (in a festive hat with a sil-ver cockade) (from behind).
82. A young woman (Shavanu) from Qarluqchi (front).
83. A Hami woman (from behind).
84. A boy from Qarluqchi (front).
85. A group of people from Qarluqchi.
86. The interior of a house in Qarluqchi.
87. A mosque in Qarluqchi.
89. A wooden plough (taken in the settlement of Khotuntam).
90. A mill (taken in the settlement of Khotuntam).
92. Ambal (*shan*) in the settlement of Charkhlyk.
94. A building for the grape drying (“chunja” in the set-tlement of Tuyoq).
95. One of the chapels “Ashab al-kahf” in the settlement of Tuyoq.

96. Loptuk from the settlement of Chigelik (profile).
98. Loptuk from the settlement of Chigelik (front to No. 97).
102. A young Keriya woman (the settlement of Charkh-lyk) (¾).
103. A young Keriya woman (the settlement of Charkh-lyk) (front) (¾).
104. The accessories for felt manufacturing.
105. A Khotan man at work (manufacture by means of corncrib).
106. A felt craftsman at work.
107. A Lobnoran with a net and a youth with a paddle (front).
108. A Lobnoran with a net and a youth with a paddle (front).
109. A young Lobnoran woman from the settlement of Miran (front, half-length portrait).
110. A street in Miran (a Turfan merchant is standing).
111. A street in Miran (a Turfan merchant is standing).
112. Aysha-khan, the wife of the foreman of the settle-ment of Miran (front, from knees up).
113. Lobnoran Abdurrahman with his brother.
114. Bawdin, a native of Kashghar (half-length portrait; ¾).
115. Lobnoran Yamin-akhund (with a hawk) (front).
116. A young woman from the settlement of Miran (front, half-length portrait).
117. The oxen wheat threshing in the settlement of Miran.
121. At the excavations of the ancient cemetery by the settlement of Miran.
122. On Yarkand Darya in the settlement of Abdal.
124. A Lobnoran aksakal in the settlement of Charkhlyk (a Margilan Sart) (front).
125. A Russian aksakal in the settlement of Charkhlyk (a Margilan Sart) (profile).
126. An old Turfan woman (front, from knees up).
127. Khotan felt dressers.
128. Khotan felt dressers.
129. Lobnorans.
130. Yarkand Darya by the settlement of Abdal.
131. A teacher of Chinese reading and writing, loptuk Pazy-akhund, in the settlement of Charkhlyk (profile).
132. A teacher of Chinese reading and writing, loptuk Pazy-akhund, in the settlement of Charkhlyk (front).
133. A girl with a boy (front).
134. A street in Khotan.
135. Shaman Nur-akhund (in Khotan) (en face).
136. The wife of a shaman (front).
137. The wife of a shaman with her face veiled.
138. A station in Chingelik.
139. A station in Yar-Tonus.
140. A usual view of a street in the cities and settlement of Kashgharia.
141. A usual view of a street in the cities and settlement of Kashgharia.
142. A *мазар* on the road between Maral-bashi and Aksu.
143. In the settlement of Choby (southern Kashgharia).
144. A door by the grave of a Hakim in Yarkand.
145. A group of Yarkand natives.
146. A street in Yarkand.
147. The insides of a house in the southern Kashgharia.
148. A Lobnoran man with his wife (front) (full-length).

195. Ердицу, в лисьей шапке (фас, до колен).
196. Сертаныг из Шихейза (за воротом веретено) (фас, во весь рост), в войлочной шляпе.
197. Горный уйгур Фулос из Ишкана (жена его тангутка и дети) (фас, во весь рост).
198. Божница в доме Емчи Аки из Сумакача.
199. Уйгурское жилище (черный дом).
200. Глинобитное уйгурское жилище в Шаргудыре.
201. Черный дом.
202. Местечко «Сар» и 2 черных дома.
203. Жилище в Саре.
204. Черный дом.
205. Глинобитный дом шамана-уйгура Нам Серичана.
207. Внутри кумирни.
208. Внутри кумирни.
209. Тангут лама Камбо-лама (временно проживает в Ишкана).
210. Мусульманский *мазар* в Шиншинша (между Хами и Аксу).
211. Китайка.
212. Джаогуан.
213. Джаогуан.
214. Джаогуан.
215. Джаогуан.
216. Два камня с китайскими надписями.
217. Китайский постоялый двор.
218. Джаогуан.
219. Джаогуан.
220. Ака на яке.
221. Молодые уйгуры (фас, во весь рост).
222. Юрты хамийских турков (в селении Шополы).
223. Хамиец с женой (фас, до колен).
224. Принадлежности юрты.
225. Юрты (в селении Шополы).
226. Юрты (в селении Шополы).
227. Группа детей (селение Шополы) (фас, во весь рост).
229. Здания из камыша (селение Чигелик).
231. Кериялычка (фас, во весь рост).
232. Кериялычка в богатом наряде (фас, во весь рост).
233. Кериялычка (профиль, поясной портрет).
234. Кериялычка в китайской кофте (фас, во весь рост).
237. Лобнорцы (фас, во весь рост).
239. Мост через р. Аксу.
240. Улица в Яркенде (около мечети Джели).
241. Переправа на лодке через р. Яркенд.
242. Доланы (фас, во весь рост).
243. Доланка за работой (¾, во весь рост).
244. Доланка с дочерью (¾, во весь рост).
246. Аксуйский *ван* (фас, поясной портрет).
247. Сын аксуйского *вана* (фас, поясной портрет).
248. В городе Аксу.
249. Аксуйские девочки (во весь рост).
250. Улица в старом Аксу.
251. Беседка в ванском саду в старом Аксу.
252. Улица в старом Аксу.
254. Старый город Аксу (общий вид).
255. Тамбурист кашгарлык (¾).
259. Садат-хан (аксуйка) (во весь рост, фас).
260. Аксуйка (с покрывалом на лице) (во весь рост).
263. Внутри дома в Кериякчи.
264. Внутри дома в Кериякчи.

265. Внутри дома в Кериякчи.
266. Мунир Рахманов.
267. Молодой дунганин из Суджоу (фас, во весь рост).
268. Дунгане в Суджоу (фас).
271. Постройки в Карлукчи.
272. Постройки в Карлукчи.
273. Юрты в селении Шополы.
274. Юрты в селении Шополы.
275. Юрты в Шополы.
276. Юрты в Шополы.
277. Хамийка в праздничном наряде (рядом парень с ребенком) (фас, во весь рост).
278. Хамийка в праздничном наряде (рядом парень с ребенком) (фас, во весь рост).
279. Группа хотанцев.
280. Лавки в Черчене.
281. Просушка кож в Черчене.
282. Шаман Нур-ахун в Хотане.
283. Улица в Хотане (группа лиц с цирюльником).
284. Базар в Хотане.
285. Мясная торговля в Хотане.
286. Дом *балаханэ* в Черчене.
287. Старик хотэнлык (фас, во весь рост), в халате на меху.
288. Старик хотэнлык (бедно одетый) — фас, во весь рост.
290. Базар в Черчене.
291. Лобнорец из селения Чигелик (фас).
292. Лобнорец из селения Чигелик (профиль).
293. *Имам-ахун* из Мирана (фас).
294. *Имам-ахун* из Мирана (профиль).
295. Алма-хан из Мирана (профиль).
296. Алма-хан из Мирана (в ¾).
297. Вид развалин около кумирни Лянхуасы.
298. Уйгурские дети.
299. Жена шамана Нам Серичана (фас).
300. Уйгурка сади (виден *тундесык*).
301. Три мальчика из Карлукчи (фас, по пояс).
302. Мальчик Турша (фас, во весь рост).
303. Юноша Муты из Карлукчи (фас, по пояс).
304. Юноша Муты из Карлукчи (фас, по пояс).
305. Аксуйская женщина (с покрывалом на лице).
306. Танцующий с чашкой воды аксулук.
307. Танцующий с чашкой воды аксулук.
308. Худа Верди хуйдук из Тикенлика.
309. Дети лобнорцы 6—7 лет.
310. Дети лобнорцы из Мирано.
311. Иса-бек из Тикенлика.
312. Дети уйгуры, внуки Санышкапа (близнецы) Лянхуасы.
313. Айша-хан, 20 лет, жена старшины в Миране.
314. Просушка кож в Хотане.
315. Просушка кож в Хотане.
316. Улица в Хотане (за городом).
317. Вид южной стены нового города в Хотане.
318. Мальчики, несущие воду (Хотан).
319. Вид могилы (Хотан).
320. Женщина за кручением веревок (Аксу).
322. Старый город Аксу.
323. Связки лучин для спичек.
326. Аксу. Старый город. Общий вид.
327. Старик аксулук, служащий у *вана* Кадыра.
328. Садат-хан, аксулучка (профиль, поясной портрет).

329. Садат-хан, аксулучка, с откинутым лицевым покрывалом (фас, поясной портрет).
330. Садат-хан, аксулучка, с откинутым лицевым покрывалом (профиль, поясной портрет).
331. Маргеланский сарт Мухаммад Эммин-бай, русский аксакал в Аксу.
332. Садат-хан (танцующая).
333. Аксулучка (фас, во весь рост).
334. Аксулучка с лицевым покрывалом (профиль, поясной портрет).
335. Аксуйские танцы.
336. Аксуйские танцы.
337. Аксуйские танцы.
338. Аксуйские танцы.
339. Аксуйские танцы.
340. Аксуйские танцы.
341. Аксудук (молодой человек).
342. Строгание тонких дранок, служащих для приготовления спичек.
343. Починка колеса у *мапы* (малая арба).
345. Аксуйская женщина Садат-хан.
346. Паша-хан, сын аксуйского *вана*, 19 лет.
347. Кожевенное производство — выдергивание шерсти из шкуры.
348. Кожевенное производство — скобление кожи.
349. Улица «тулуги дарваза» в старом Аксу.
350. Девочки-аксуйки.
352. Шаман Меммет-бахши в старом Аксу.
353. Мечеть Ханика в г. Гума (и часть моста через *арык*).
354. Таир Мулла гадатель (старый Аксу).
355. *Мазар* Увейс Хаким-бея (?) в Яркенде.
356. Маслодавильня.
357. Просушка окрашенных материй.
358. *Мазар* Хазрети Пир в Яркенде.
359. У входа в кухмистерскую в Каргалыке.
360. Переправа через Яркенд-дарью.
361. Аксулук Савур, 19 лет (фас, поясной портрет).
362. Ворота у *мазара* Увейс-хакима (в Яркенде).
363. Маслодавильня.
364. Мечеть и училище Джемй в Каргалыке.
365. *Мазар* около Тумшик.
366. На улице (Яркенд).
367. Типы доланских усадеб в селении Сарыг-буйа.
368. Типы доланских усадеб в селении Сарыг-буйа.
369. Доланка из селения Ават.
370. Кашгарлык.
371. Доланка из селения Ала-агыр.
372. Доланка из селения Ават.
373. Станция-дом в местечке Шудан.
374. Могила в Черчене.
375. Верблюды на реке Яр-Тонус.
376. Кладбище в Черчене.
377. Вид поля зимой у г. Хотана.
378. Постоялый двор-станция в местечке Чингелик.
379. Вид лагеря С. Е. Малова в местечке Джиллык.
380. Постоялый двор в местечке Джиллык.
381. Вид остановки у озера Дюньгуль-дума.
382. Старуха-хотенлик (г. Хотан).

Коллекция: № 5644
Собиратель: В. И. Роборовский
Дата поступления: 1938 г. (покупка)
Литографии экспедиции (1879–1895—?)

149. A Lobnoran man (the settlement of Charkhlyk) (profile) (full-length).
150. A street of the town of Kargalyk.
151. A Lobnoran man (front, full-length).
152. A woman of the Keriya Oasis (front, full-length).
153. A Turfan woman (taken at Lobnor) (front, full-length).
154. A tanner in the town of Aksu.
155. A tanner (the town of Aksu).
156. A Muslim *mazar* on the road from Hami to Hansijou.
157. A view of the road in Kashgharia.
158. Types of Turks of Eastern Turkestan. A child (front, full-length).
159. Types of Turks of Eastern Turkestan. Two men (front, full-length).
160. Types of Turks of Eastern Turkestan. A man (inside the house).
161. Types of Turks of Eastern Turkestan. A woman (front, full-length).
162. A view of the southern Kashgharia.
163. A view of the southern Kashgharia.
164. The mountain joss-house of Dunhuang.
165. Uyghurs in Chinese clothing (profile and front; full-length).
166. An old Uyghur man milking a yak.
167. Steppe Uyghur Sanyshkap with his wife (front; full-length).
168. The accessories of a Buddhist cult.
169. The accessories of Uyghur shamanism.
170. The mountain Uyghurs. A group of men (full-length).
171. The joss-house of Sa'kys.
172. Sumakcha (a general view).
173. Peyran (a general view).
174. The joss-house of Peyran.
175. The joss-house of Dunheyza.
176. Inside the joss-house of Dunheyza.
177. Uyghur inscriptions on a fresco.
179. Frescoes.
180. A view on some of the caves.
181. Stupa and a general view.
182. The joss-house of Dunheyza (inside).
183. The joss-house of Dunheyza (inside).
184. One of the joss-houses in Vunshigu.
185. Peyran (a general view).
186. The joss-house of Noshka.
187. Caves in Vunshigu.
189. An Uyghur woman from Dunheyza (front, full-length).
190. Shaman Sanyshkap (front, full-length).
191. Yerditsu, shaman Sanyshkap’s wife, in Shiheyza (front, full-length).
192. Yerditsu, shaman Sanyshkap’s wife, in Shiheyza (profile) in a festive attire with appendages.
193. Uyghur Sertan (front, full-length).
194. A mountain Uyghur woman (from behind) (front, full-length).
195. Yerditsu in a fox-fur hat (front, from knees up).
196. Sertanyg from Shiheyza (with a spindle in his bosom) (front, full-length) in a felt hat.
197. Mountain Uyghur Fulos from Ishkan (with his Tangut wife and children) (front, full-length).
198. A chapel in the house of Emchi Aka from Sumakcha.
199. An Uyghur house (the black house).

200. An wattle-and-daub Uyghur house in Shargudyr.
201. The black house.
202. The borough of “Sar” and 2 black houses.
203. A dwelling place in Sar.
204. The black house.
205. A wattle-and-daub house of a shaman, Uyghur Nam Serichan.
207. Inside a joss-house.
208. Inside a joss-house.
209. A Tangut lama Kambo-lama (temporarily lives in Ishkan).
210. A Muslim *mazar* in Shishinsha (between Hami and Aksu).
211. A Chinese woman.
212. Jaugan.
213. Jaugan.
214. Jaugan.
215. Jaugan.
216. Two stones with Chinese inscriptions.
217. A Chinese inn.
218. Jaugan.
219. Jaugan.
220. Aka on a yak.
221. Young Uyghurs (front, full-length).
222. The yurts of the Hami Turks (in the settlement of Shopoly).
223. A Hami man with his wife (front, from knees up).
224. The yurt accessories.
225. Yurts (the settlement of Shopoly).
226. Yurts (the settlement of Shopoly).
227. A group of children (the settlement of Shopoly) (front, full-length).
229. Structures made of reeds (the settlement of Chigelik).
231. A Keriya woman (front, full-length).
232. A Keriya woman in a wealthy dress (front, full-length).
233. A Keriya woman (profile, half-length portrait).
234. A Keriya woman in a Chinese blouse (front, full-length).
237. A Lobnoran man (front, full-length).
239. A bridge over the Aksu river.
240. A street in Yarkand (near the Jeli mosque).
241. The crossing of the Yarkand river on a boat.
242. Dolans (front, full-length).
243. A Dolan woman at work (¾, full-length).
244. A Dolan woman with daughter (¾, full-length).
246. An Aksu *wang* (front, half-length portrait).
247. The son of an Aksu *wang* (front, half-length portrait).
248. In the town of Aksu.
249. Aksu girls (full-length).
250. A street in the ancient Aksu.
251. A summer-house in the *wang* garden in the ancient Aksu.
252. A street in the ancient Aksu.
254. Ancient town of Aksu (a general view).
255. A Kashghar *tambur* player (¾).
259. Sadat-khan (an Aksu woman) (full-length, front).
260. An Aksu woman (with her face covered) (full-length).
263. Inside a house in Keriyakchi.
264. Inside a house in Keriyakchi.
265. Inside a house in Keriyakchi.
266. Munir Rahmanov.
267. A young Dungan from Suzhou (front, full-length).

268. Dungans in Suzhou (en face).
271. Structures in Qarluqchi.
272. Structures in Qarluqchi.
273. Yurts in the settlement of Shopoly.
274. Yurts in the settlement of Shopoly.
275. Yurts in Shopoly.
276. Yurts in Shopoly.
277. A Hami woman in a festive attire (next to her stands a young man with a child) (front, full-length).
278. A Hami woman in a festive attire (next to her stands a young man with a child) (front, full-length).
279. A group of Khotan natives.
280. Shops in Cherchen.
281. The drying of skins in Cherchen.
282. Shaman Nur-akhund in Khotan.
283. A street in Khotan (a group of people with a barber).
284. A market in Khotan.
285. Meat trading in Khotan.
286. The house of a *balakhane* in Cherchen.
287. An old Khotan man (front, full-length) with a fur-lined robe.
288. An old Khotan man poorly dressed (front, full-length).
290. A market in Cherchen.
291. A Lobnoran from the settlement of Chigelik (front).
292. A Lobnoran from the settlement of Chigelik (profile).
293. Imam-akhund from Miran (front).
294. Imam-akhund from Miran (profile).
295. Alma-khan from Miran (profile).
296. Alma-khan Miran (in ¾).
297. A view of the ruins near the joss-house of Lianhua.
298. Uyghur children.
299. The wife of shaman Nam Serichan (front).
300. An Uyghur woman from behind (*tundesyk* is seen).
301. Three boys from Qarluqcha (front, waist-high).
302. Boy named Tursha (front, full-length).
303. Young man Muty from Qarluqcha (front, waist-high).
304. Young man Muty from Qarluqcha (front, waist-high).
305. An Aksu woman (with her face covered).
306. An Aksu native dancing with a cup of water.
307. An Aksu native dancing with a cup of water.
308. Khuda Verdi huyluk from Tikenlik.
309. Lobnor children of 6—7 years old.
310. Lobnor children from Miran.
311. Isa-bek from Tikenlik.
312. Uyghur children, grandchildren of Sanyshkap (twins), Lianhua.
313. Aysha-khan, 20 years old, the wife of the foreman of Miran.
314. The drying of skins in Khotan.
315. The drying of skins in Khotan.
316. A street in Khotan (outside of the city).
317. A view of the southern wall of the new town in Khotan.
318. Boys carrying water (Khotan).
319. A view of a grave (Khotan).
320. A woman twisting ropes (Aksu).
322. Ancient city of Aksu.
323. Bundles of chips for matches.
326. Aksu. Ancient city. A general view.

- Перед самым спуском ракеты.
- Лекарственный ревень.
- Вид средней части хребта Бурхан-Будда с р. Баян-гол в Цайдаме.
- Вид оазиса Са-чжеу.
- Вид оазиса Гуй-дуй.
- Вид города Хами с северной стороны.
- Добыча грифов на отравленном мясе.
- Город Урга.
- Глиняные бугры, образуемые в пустыне корнями тamarиска.
- Вьючный багаж экспедиции.
- Вьючные принадлежности.
- Кумирня Чертынтон.
- Кумирня Чейбсен.
- Гедэг*, высеченный в скале на р. Ярлын-гол.
- Гедэг* (Да-фу-ян) в одной из пещер Чэн-фу-дун.
- Зимний вид озера Куку-нора с южной стороны.
- Наши походные жилища. Палатка. Юрта.
- Наш бивуак близ перевала через Тан-ла.
- Наш бивуак близ перевала через Тан-ла.
- Нападение ёграев.
- После удачной охоты за куку-яманами (в горах Шуга в сев. Тибете).
- Пейзаж Средней Гоби.
- Охота за куку-яманами.
- Очищение ущелья от ёграев.
- Охота за диким яком с собаками.
- Один из ледников южного склона хребта Гумбольдта.
- Общий вид солончаковых равнин южного Цайдама.
- Обрывы левого берега р. Хуанхэ близ устья р. Чурмын.
- «Обо» на перевале через Тан-ла.
- «Обо» на вершине горы Бумза (17100 фут. абс. выс.)
- Тангутская изба в горах южно-Тэтунгских (в Гань-су).
- Тамариск (*Tamarix Pallasi*).
- Сульхир (*Agriophillum gobicum*).
- Саксаульный лес.
- Саксаул (*Halaxylon ammodendron*).
- Проход р. Тэтунг-гол в горах близ кумирни Чертынтон.
- Походные принадлежности нашей кухни.
- Ущелье р. Номохун-гол в горах Бурхан-Будда.
- Тибетское стойбище.
- Тибетская палатка.
- Хырма Дзун-Засак.
- Холмы сыпучих песков с южной стороны оазиса Са-чжоуского.
- Хармык (*Nitraria Schoberi*).
- Вид на озеро.
- Самум.
- Караван в пустыне.
- Вид пустыни.
- Монголки Цайдама.
- Монгол и монголка хошуна Уротов.
- Ёграй.
- Дунганы из окрестностей г. Синина.
- Головные уборы женщин из племени Далды.
- Китайцы с р. Тэтунг-гол.
- Киргиз Мирзаш Алдиаров.

- Камбы-лама. Куку-норский *тосалакчи*.
- Мужчины племени Далды.
- Тангутка (Си-фани) из Гань-су.
- Тибетец.
- Тибетец старик.
- Посланцы к нам Далай-ламы.
- Хара-Тангуты (Си-фани) племени Лун-чю.
- Хара-Тангуты с оз. Куку-нора.
- Хамийский *таранча*.
- Типы тибетцев.
- Тибетский солдат.
- Тибетская женщина.
- Цайдамский князь Дзун-Засак и его приближенные.
- Хара-Тангуты (Си-фани) с оз. Куку-нор.
- Хара-Тангуты (Си-фани) племени Вангиу-Тапшу (в середине шаман).
- Хара-Тангуты (Си-фани) племени Гаври.
- Хара-Тангуты (Си-фани) из урочища Балекун-Гоми.
- Женские типы.
- Монголы и монголки.
- Типы.
- Мужские типы.
- Мужчина (тип сидящий).
- Ала-шаньский князь *гыген*.
- Ала-шаньские монголы.
- Ала-шаньские монголки.
- Ала-шаньцы: Мукдой и Балдын-Сорджи.
- Ала-шаньский князь Сия.
- Женщины племени Далды.
- Тибетский домашний як.
- Тибетский домашний баран.
- Хулан (*Asimus kiang*).
- Як.
- Баран.
- Верблюд, завьюченный ящиками с коллекциями.
- Верблюд, завьюченный бочонками с водой.
- Аргали (*Ovis Darvini n. sp.*) из Южной Гоби.
- Антилопа оронго (*Pantholops Hodgzoni*).
- Антилопа ада (*Procapra picticauda*).
- Дикий верблюд (*Camelus bactrianus ferus*).
- Куку-яман (*Pseudois Nahoor*).
- Медведь тибетский (*Ursus lagomyiarius n. st.*)
- Медведь и кярсы на ловле пицух.
- Марал (*Cervus albirostris n. st.*)

Коллекция: № ВХ ЭФЗК–94
Собиратель: Э. Р. Тенишев, 1957—58 гг.
Дата поступления: 2009 г. (дар Е. А. Тенишевой)
Фотоотпечатки

- Ан Ли-и и односельчанки и семья.
- Повтор фотографии С. Е. Малова.
- Дерево, находящееся около села, где проживал С. Е. Малов.
- Котел, оставленный С. Е. Маловым.
- В монастыре Таэрсы.
- Сунь Ян-сан в парке Ланьджоу.
- Г. Сиань, где занимался переводческой работой Сюань Чжуан.
- Часть парка Ланьчжоу.
- Могила ученика Сюань Чжуана в Сиани.
- Храм Сюань Чжуана.
- Э. Р. Тенишев и переводчик в парке Ланьчджоу.

- Э. Р. Тенишев в монастыре Таэрсы.
- Башня в монастыре Таэрсы.
- В храме монастыря Таэрсы.
- Э. Р. Тенишев в г. Сиане.
- Э. Р. Тенишев в «Народном здании» в г. Сиань.
- Одна башня около города Сианя на юг.
- Страницы Корана.
- Страницы Корана.
- На правом берегу Хуанхэ в г. Циншуй.
- Э. Р. Тенишев посещает старую вдову саларку.
- Саларская рукопись.
- Салар из Монда.
- Белые облака над горой около Байчжуана.
- Салар из Гайцзы.
- Салары.
- Дети хозяина дома в Чаханьдасы, у которого проживал Тенишев.
- Самое старое дерево в селе Гайцзы.
- Дом саларов.
- Э. Р. Тенишев посещает старика.
- Э. Р. Тенишев с начальником волости Циншуй.
- Могила предка саларов.
- Могилы в саларском районе.
- Мечеть в Гайцзы.
- Обложка саларского Корана.
- Мечеть Иمامу (?).
- Общий план одной мечети.
- Мечеть в Гайцзы (фрагмент).
- Э. Р. Тенишев вместе с начальником волости Циншуй и заместителем начальника безопасности уезда.
- В селе Циньшуй.
- Окно саларского дома.
- Саларская мать и ребенок согреваются.
- Мечеть Циншуй.
- Горы, через которые мы переехали.
- Новая часть г. Цзиши.
- Улица столицы уезда.
- Старик-салар из села Циншуй.
- Старая стена г. Цзиши.
- Члены сельскохозяйственного кооператива рабotaют в поле.
- Горы по дороге к саларам.
- Мальчик ведет осла.
- Часть города Цзиши.
- Ворота города Цзиши.
- Река Хуанхэ в саларском районе.
- Старая крепость города Цзиши.
- В столице автономного уезда (кабинеты чиновников).
- Второй этаж дома, где проживал Э. Р. Тенишев.
- Тибетская башня на невысокой горе.
- Саларские пионеры.
- Э. Р. Тенишев с помощниками.
- Окно саларского дома.
- Часть города Цзиши.
- Село около дороги от Синина к саларам.
- Водяная мельница.
- Поля саларов на берегу Хуанхэ.
- Машина экспедиции Тенишева на переезде через Хуанхэ.
- Ярмарка саларов.
- Село Пайчжуан.
- Поверхность стены г. Цзиши.

- An old Aksu man working for *wang* Qadir.
- Aksu woman Sadat-khan (profile, half-length portrait).
- Aksu woman Sadat-khan with her face covering thrown back (front, half-length portrait).
- Aksu woman Sadat-khan with her face covering thrown back (profile, half-length portrait).
- Margilan Sart Muhammad Emmin-bay, a Russian *aqsakal* in Aksu.
- Sadat-khan (dancing).
- An Aksu woman (front, full-length).
- An Aksu woman with face covering (profile, half-length portrait).
- Aksu dances.
- Aksu dances.
- Aksu dances.
- Aksu dances.
- Aksu dances.
- Aksu dances.
- An young Aksu man.
- The planning of thin shingles that serve for the making of matches.
- Repairing a wheel of a *mapa* (a small arba).
- Aksu woman Sadat-khan.
- Pasha-khan, the son of an Aksu *wang*, 19 years old.
- Leather manufacture — pulling wool out of skins.
- Leather manufacture — leather scraping.
- The street of “tulughi darwaz” in the ancient Aksu.
- Aksu girls.
- Shaman Memmet-bakhshi in the ancient Aksu.
- The Khanika mosque in the town of Guma (and a part of the bridge over an *aryq*).
- Fortune-teller Tair Mulla (ancient Aksu).
- Mazar* of Uweys Hakim-bey (?) in Yarkand.
- An oil-press.
- The drying of coloured fabrics.
- Mazar* Khazreti Pir at Yarkand.
- At the entrance to the eating-house in Kargalyk.
- Crossing Yarkand Darya.
- Aksu man Sawur, 19 years of age (front, half-length).
- The gates near the *mazar* of Uweys-hakim (in Yarkand).
- An oil-press.
- A mosque and a school Jemi in Kargalyk.
- A *mazar* near Tumshik.
- On the street (Yarkand).
- Types of Dolan farmstead in the settlement of Sarygh-buya.
- Types of Dolan farmstead in the settlement of Sarygh-buya.
- A Dolan woman from the settlement of Awat.
- A native of Kashghar.
- A Dolan woman from the settlement of Ala-aghyr.
- A Dolan woman from the settlement of Awat.
- A station-house in the borough of Shudan.
- A grave in Cherchen.
- Camels on the Yar-Tonus river.
- A cemetery in Cherchen.
- A view of a filed in winter in Khotan.
- An inn — a station in the borough of Chingelik.
- A view of S. E. Malov’s camp in the borough of Jillyk.
- An inn in the borough of Jillyk.
- A view of a camping near the Dungal-duma lake.
- An old Khotan woman (the city of Khotan).

Collection: No. 5644
Collector: V. I. Roborovskiy
Date of admission: 1938 (purchase)
A lithographical works of the expedition (1879—1895—?)

- Right before the rocket is launched.
- Medicinal rhubarb.
- A view of the middle part of the Burkhan-Buddha range from the Bayan-gol river in Qaydam.
- A view of the Sa-jeu Oasis.
- A view of the Gui-dui Oasis.
- A view of the city of Hami from its northern side.
- Preying on vultures by means of poisoned meat.
- The town of Urga.
- Clay mounds formed in the deserts by the tamarisk roots.
- Pack-luggage of the expedition.
- Packing accessories.
- The joss-house of Chertynton.
- The joss-house of Cheybsen.
- Gedag* carved in a rock on the Yarlin-gol river.
- Gedag* (Da-fu-yan) in one of the caves of Chen-fu-dung.
- A winter view of the Kuku-nor Lake from its southern side.
- Our field premises. A tent. A yurt.
- Our bivouac near the pass over Tan-la.
- Our bivouac near the pass over Tan-la.
- The attack Yograi.
- After successful hunting for bharals (in the mountains of Shugha in the northern Tibet).
- The landscape of the Central Gobi.
- Hunting for bharals.
- Clearing the gorge from Yograi.
- Hunting with hounds for wild yak.
- One of the glaciers of the southern slope of the Humboldt range.
- A general view of the saline plains of the southern Qaydam.
- The steeps of the left bank of the Hunag He River near the mouth of the Churmyn river.
- An “obo” on the pass over Tan-la.
- An “obo” on the top of the Bumza mountain (17,100 ft. true altitude).
- A Tangut hut in the southern Tetung mountains (in Gansu).
- A tamarisk (*Tamarix Pallasi*).
- Sulkhir (*Agriophillum gobicum*).
- A saxaul forest.
- A saxaul (*Halaxylon ammodendron*).
- The pass of the Tetung-gol river in the mountains near the joss-house of Chertynton.
- Field accessories of our field-kitchen.
- The gorge of the Nomokhun-gol river in the mountains of Burkhan-Buddha.
- A Tibetan nomad camp.
- A Tibetan tent.
- Khyrma Zun-Zasak.
- The quicksand hills from the southern side of the Sa-chou Oasis.
- Nitraria (*Nitraria Schoberi*).
- A view onto the lake.
- Simoom.
- A caravan in the desert.

- A view of the desert.
- The Mongols of Qaydam.
- A Mongol man and a Mongol woman of Urot hoshun.
- Yogray.
- Dungans from the vicinities of Xinin.
- Headdresses of women from the tribe of Daldy.
- Chinese people from the Tetung-gol river.
- Kirghiz Mirzash Aldiarov.
- Kamby-lama. Kuku-nor *tosalakchi*.
- Men of the tribe of Daldy.
- A Tangut woman (Si-fan) from Gansu.
- A Tibetan man.
- An old Tibetan man.
- The messengers of Dalai Lama to us.
- Khara-Tanguts (Si-fan) from the Lun-chu tribe.
- Khara-Tanguts from the Kuku-nor Lake.
- A Hami *taranchi*.
- Types of Tibetans.
- A Tibetan soldier.
- A Tibetan woman.
- Qaydam prince Zun-Zasak and his retinue.
- Khara-Tanguts from the Kuku-nor Lake.
- Khara-Tanguts (Si-fan) of the tribe of Wangiu-Tapshu (with shaman in the middle).
- Khara-Tanguts (Si-fan) of the tribe of Gawri.
- Khara-Tanguts (Si-fan) from the settlement of Balekun-Gami.
- Women types.
- Mongol men and women.
- Types.
- Men types.
- A man (the sitting type).
- An Alashan prince-*gygen*.
- Alashan Mongol women.
- Alashan Mongol women.
- Alashan natives: Mukдой and Baldyn-Sorji.
- Alashan prince Sia.
- Women of the tribe of Daldy.
- A domestic Tibetan yak.
- A domestic Tibetan ram.
- An equine (*Asimus kiang*)
- A yak.
- A ram.
- A camel packed with boxes with the collections.
- A camel packed with water barrels.
- An argali (*Ovis Darvini n. sp.*) from Southern Gobi.
- A Tibetan antelope (*Pantholops Hodgzomi*).
- A Tibetan gazelle (*Procarpa picticauda*).
- A wild camel (*Camelus bactrianus ferus*).
- A bharal (*Pseudois Nahoor*).
- A Tibetan bear (*Ursus lagomyiarius n. st.*)
- A bear and a *kyarsy* catching creepers.
- A maral (*Cervus albirostris n. st.*)

Collection: No. ВХ ЭФЗК–94
Collector: E. R. Tenishev, 1957—58
Date of admission: 2009 (a gift from E. A. Tenisheva)
Photographs

- An Li-i and fellow villagers and families.
- A copy of the photograph of S. E. Malov.
- The tree near the village where S. E. Malov lived.
- The cauldron left by S. E. Malov.
- In the Taersi monastery.
- Sun Yan-san in the park of Lanzhou.

154. Тыква-горлянка, употребляется для изготовления табакерок. Там же.

155. Лопата «годжек». Там же.

156. Кетмень. Там же.

157. Отец парторга Тахир Нурмамедов на двухколесной повозке. Там же.

158. То же, там же.

159. Мать парторга с детьми и внуками. Там же.

160. Дом А. Тахирова. Там же.

161. Старший брат парторга Гургон с дочерью Адамат и сыном Ахмедом. Там же.

162. «Чокуч» — приспособление для нанесения рисунка в центре лепешки, «поза» — скалка. Там же.

163. Разия Ибрагимова, ее муж Рахматулла Ахмедов, их дети, Надира и Рана, и внучка Мадина. Там же.

164. Солтан Хамраев (1907 г. р.), его теща Зейхан Чолпон-апа и внуки. Там же.

165. Женщины и дети семьи С. Хамраева. Там же.

166. Старый и новый дом С. Хамраева. Там же.

167. Старый и новый дом С. Хамраева. Там же.

168. Новый дом С. Хамраева. Там же.

169. Оберг от дурного глаза на руке внучки С. Хамраева — Мархабат.

170. То же, там же.

171. То же, там же.

172. Багат Гасанович Закирьяров со своей семьей — женой Нурбиби, старшим сыном Тахтакуном, младшим сыном Абду-Бақы, его женой Адалят и со своей дочерью Хасият. Там же.

173. Зам. нач. управляющего работой информационно-вычислительной станции Абду-Бақы Закирьяров, его жена Адалят и сын Рустам. Там же.

174. Иолатанская плотина. Там же.

175. Марыйская обл., Туркмен-Калинский район, колхоз «Коммунизм», Гиндукушская плотина колхоза им. Куйбышева. Там же.

176. Гиндукушская плотина колхоза им. Куйбышева. Там же.

177. То же, там же.

178. То же, там же.

179. Г. Байрам-Али. Ваид Ибрагимов и его мать Райхан-биби Ибрагимова. Там же.

180. Зав. районным ЗАГСом Марьям Ибрагимова, ее сын Рашид, свекровь Рейхан-биби и муж Ваид Ибрагимов. Там же.

181. За расчесыванием шерсти для ковра. Там же.

182. Ирис Имиров (1906 г. р.) с косой. Там же.

183. Колхоз им. Ленина. Старая туркменская юрта. Над входом — оберг. Там же.

184. Ибрагим Маматов, 1901 г. р. Узбекская ССР, Андижанская обл., Московский район, колхоз XXI съезда КПСС.

185. Ибрагим Маматов, 1901 г. р. Там же.

186. Руководство колхоза с членами экспедиции. Там же.

187. Камалахун Халбаев (1901 г.) и его помощники М. Байходжаев и М. Парчатов. Справа инструктор РК КПСС Гулахун Тукамов, слева Г. Исхаков. Там же.

188. Абдусамат Халипов, одетый в *чapan*. На заднем плане — виноградник. Там же.

189. А. Халипов из *чapana*. Там же.

190. Абдусамат Халипов, Жорабай Юлдашев (повар), Камалахун Халбаев и Разип Аманбай. Там же.

191. *Тандыр*. Там же.

192. Колыбель «бушок» в доме Р. Исмоилова. Там же.

193. Рузибай Исмаилов, его жена и дети. Там же.

194. Халимаджан Розубаева (1904 г. р.) в старинной кашгарской одежде (*чapan*, шапка, платок). Колхоз им. Ахунбабаева. Артышкншлак.

195. Х. Розубаева без шапки и *чapana*. Там же.

196. Хализахан Умарова. Там же.

197. Председатель колхоза, кандидат сельскохозяйственных наук Мухтар Ибрагимов, парторг Абдухалим Хабибулаев, директор местной станции Ленинского района, кандидат сельскохозяйственных наук Махмудов Абиджан, инструктор РК КПСС Гулахун Тукамов с членами экспедиции. Там же.

198. Хасан Абдуллаев, 1905 г. р. и Халмирза Кутушев. Колхоз им. Фрунзе.

199. Арслан Салаев, Хасан Абдуллаев и Х. Кутушев. Там же.

200. Хамильджан Пазиев, парторг школы. Там же.

201. Раджаббай Артыков, 1890 г. р. Ленинский район. Колхоз им. Ленина.

202. Амиджан Шарипов, 1897 г. р. Там же.

203. Ахматджан Исмаилов, 1910 г. р. Там же.

204. Кимёкон Каримова, сноха А. Шарипова, со своими детьми. Там же.

205. Амиджан Шарипов и его жена Сапамхан Шарипова (1906 г. р.) в национальной одежде. Там же.

206. Абдурашид Акуюмов. Ахтачкишлак. Пахтабадский район. Колхоз «Москва».

207. Махамед Садыков, Анва Тургунов и Ибрагим Ахмедов. Там же.

208. Хумрахан Адилова, 1944 г. р. В 1963 г. приехала из Кульджи. Там же.

209. Мирзализал Нишанов, 1912 г. р. Там же.

210. Строящийся новый дом. Там же.

211. Строящийся новый дом. Там же.

212. «Кесэк» — саманный кирпич, разложенный для просушки. Там же.

213. Муладжан Сакиев, 1908 г. р. Там же.

214. М. Сакиев и его сын Бахрам. Там же.

215. Иминахан Балтубаева, 1886 г. р., одна из первых женщин-уйгурок, участвовавших в борьбе за становление советской власти. Там же.

216. То же, там же.

217. Гульнила Юлдашева, 1925 г. р., приехала из Китая в 1958 г. Там же.

218. Г. Юлдашева с дочкой. Там же.

219. «Байлят-сурэ», двухэтажное *суре*. Там же.

220. То же, там же.

221. «Байлят-сурэ», двухэтажное *суре*. Бекракун Сабитов, 1922 г. р., жил в Кульдже с 1924 по 1955 г. Там же.

222. Председатель колхоза Абдусаттар Исмаилов. Там же.

223. Председатель колхоза А. Исмаилов, учитель К. Халиков и главный бухгалтер А. Саттаров. Там же.

224. Учитель Кимсан Халиков. Там же.

225. Главный бухгалтер Абдурахман Саттаров. Там же.

226. Тургунбай Адылов, 1909 г. р. Киргизская ССР, Ошская обл., Карасуйский район, колхоз им. К. Маркса. Там же.

227. Председатель сельсовета Санабархан Ибрагимова. Там же.

228. Зам. председателя сельсовета Сабит Карыбеков (киргиз). Там же.

229. Каримджан Исхаков, 1906 г. р., первый учитель. Там же.

230. Детали старого уйгурского дома (дом Иминовой): «уетюк» — опорный столб на *айване*, «харре» — балка на опорных столбах, «госюн» — поперечные балки, кладутся на *харре* и на стену поперек. Там же.

231. То же, там же.

232. Халичакан Иминова в национальном уйгурском платье. Там же.

233. «Халип» — форма для сырцового кирпича. Там же.

234. И. Иминова держит «севат» — плетеную корзину для переноски сырых и печеных лепешек. Там же.

235. Система полива хлопка. Там же.

236. Каимджан Хакимов, сторож в гостинице, в национальной одежде. Там же.

237. Кетмень.

238. То же, там же.

239. То же, там же.

Коллекция: № И–2034
Собиратель: А. М. Решетов (Уйгурско-дунганский отряд Среднеазиатской экспедиции)
Дата поступления: 1977 г.
Негативы и отпечатки. Узбекская ССР. Казахская ССР. Дунгане, уйгуры

1. Обработка огорода в доме колхозника Давура Савурова. Дунганки пропалывают грядки. Видна система полива. Ташкентская обл., Среднечерчикский район, колхоз им. К. Маркса.

2. Дунганка в огороде. Видно соединение традиционных и современных элементов в одежде. Видна система полива. Там же.

3. То же.

4. То же.

5. То же.

6. Система полива огородных грядок. Там же.

7. Сторожевая вышка на кукурузном поле. Там же.

8. Рисовое поле. Видна разбивка поля на участки. Там же.

9. То же.

10. То же.

11. Колхозник-кореец Альберт Пак. Там же.

12. То же.

13. Рисорушка во дворе дунганского дома.

14. То же.

15. То же.

16. Дунгане. Рисорушка вид спереди. Там же.

17. Огород корейца Альберта Пака. Там же.

18. Кухня. Традиционная печь для выпечки хлебных лепешек.

19. То же.

20. В доме корейца Альберта Пака. Огород. Сельскохозяйственные орудия — грабли, кетмень. Там же.

21. Китайский поднос. Провинция Фуцзянь. Ташкентский музей изобразительных искусств.

22. Китайская статуэтка. Провинция Фуцзянь. Там же.

23. Дом колхозника Давура Савурова. Огород. Система полива грядок. Ташкентская обл., Среднечерчикский район, колхоз им. К. Маркса.

58. The same. The same location.

59. An old Uyghur with her grandchildren eating. The interior of the dwelling. The same location.

60. A secretary of the Komsomol organization with her son. The same location.

61. A summer kitchen in the house of B. Musaev. The same location.

62. A view of the village of Ketmen.

63. A street in the village of Ketmen.

64. A wooden plough. The same location.

65. The chairman of collective farm Yusup Dautov and the chairman of the village soviet Baydowlat Isaev (Kazakh). The same location.

66. Mare milking on a mountain pasture (Kazakhs). The same location.

67. The same. The same location.

68. The same. The same location.

69. The expedition members with Kazakh shepherds. The same location.

70. A Kazakh forest warden. The same location.

71. The same. The same location.

72. A tethering post — a tethered colt. The same location.

73. Motan Shapiev, a teacher of Kazakh language with shepherds and expedition members. The same location.

74. A Kazakh yurt on a mountain pasture.

75. The same. The same location.

76. A view of the village of Ketmen.

77. The same.

78. The same.

79. The 50th Anniversary of the Great October Socialist Revolution monument. The same location.

80. The building of a new house. The same location.

81. “Tuluq” — a grinder for barley threshing. The same location.

82. A. Dawudov and B. Isaev on the porch of A. Davudov’s new house. The same location.

83. The family of A. Dawudov. The same location.

84. Tursun Iskanderov. The village of Baysent.

85. Manager Hamid Yusupov. The same location.

86. *Supa* with a low table under the shed — a place for taking a rest and eating. The same location.

87. Huseyin Nasyrov. The same location.

88. The old house of H. Nasyrov. The same location.

89. Izis Hamraev with his wife and a grandchild. The same location.

90. “Tutkuch” — a small hoe. The same location.

91. Huzra Yulchieva — head of the kindergarten. The same location.

92. Poet Izis Izimov, a member of the Writer’s Union of the USSR. The same location.

149. The chairman of the collective farm, twice the deputy of the Supreme Soviet of the USSR, the holder of the Order Annomuhamedova Tyzylgul (a Turkmen) in her office talks with the expedition members. Turkmen SSR, Mary Province, Turkmen-Kalinsky district, the “Communism” collective farm.

150. T. Annomuhamedova at the entrance to the collective farm administration. The same location.

151. T. Annomuhamedova, vice chairman for the culture Raziz Ibragimova and Party organizer Abdirashid Tahirov. The same location.

152. A kitchen garden. A garden-plot watering system (“jol”). The same location.

153. An *anyq* for garden-plot watering. The same location.

154. A calabash used for making snuff-boxes. The same location.

155. A shovel — “gojek”. The same location.

156. A ketmen. The same location.

157. Father of Party organizer, Tahir Nurmamedov on a two-wheeled cart. The same location.

158. The same. The same location.

159. Mother of Party organizer with children and grandchildren. The same location.

160. The house of A. Tahirov. The same location.

161. Older brother of Party organizer Gurgon with his daughter Adamat and his son Ahmed. The same location.

162. “Chokuch” — a device for patterning a flat-cake in the centre, “poza” — a rolling-pin. The same location.

163. Raziya Ibragimova, her husband Rahmatulla Ahmedov, their children Nadira and Rana and granddaughter Madina. The same location.

164. Soltan Hamraev (born in 1907), his mother-in-law Zeyhan Cholpon-apa and grandchildren. The same location.

165. Women and children of the family of S. Hamraev. The same location.

166. The old and new houses of S. Hamraev. The same location.

167. The old and new houses of S. Hamraev. The same location.

168. A new house of S. Hamraev. The same location.

169. An amulet against evil eye on the hand of the granddaughter of S. Hamraev — Marhabat.

170. The same. The same location.

171. The same. The same location.

172. Baghat Gasanovich Zakiryarov with his family — wife Nurbibi, older son Takhtakun, younger son Abdubaky, his wife Adalat and his daughter Hasiyat. The same location.

173. Vice manager of the data-processing station Abdubaky Zakiryarov, his wife Adalat and his son Rustam. The same location.

174. Iolant dam. The same location.

175. Mary Province, Turkmen-Kalinsky district, the “Communism” collective farm. The Hindu Kush dam of the Kuybyshev collective farm. The same location.

176. The Hindu Kush dam of the Kuybyshev collective farm. The same location.

177. The same. The same location.

178. The same. The same location.

179. The city of Bayram-Ali. Waid Ibragimov and his mother Rayhan-bibi Ibragimova. The same location.

180. The head of the district registry office Maryam Ibragimova, her son Rashid, mother-in-law Rayhan-bibi and her husband Waid Ibragimov. The same location.

181. Carding wool for carpets. The same location.

182. Iris Imirov (born in 1906) with a scythe. The same location.

183. The Lenin collective farm. An old Turkmen yurt. An amulet above the entrance. The same location.

184. Ibrahim Mamatov, born in 1901. Uzbek SSR, Andijan Province, Moscow district, the 21st Congress of CPSU collective farm.

185. Ibrahim Mamatov, born in 1901. The same location.

186. The collective farm administration with the expedition members. The same location.

187. Kamalakhun Halbaev (born in 1901) and his assistants M. Baykhojaev and M. Parchatov. The instruc-

tor of District committee of the Communist Party of the Soviet Union Gulakhun Tukamov to the right, and G. Ishakov to the left. The same location.

188. Abdusamat Halipov, dressed in *chapan*. A vineyard in the background. The same location.

189. A. Halipov wearing *chapan*. The same location.

190. Abdusamat Halipov, Jarabay Yaldashev (a cook), Kamalakhyn Halbaev and Razip Amanbay. The same location.

191. A *tandyr*. The same location.

192. A cradle — “bushyuk” — in the house of R. Ismoilov. The same location.

193. Ruzibay Ismoilov, his wife and children. The same location.

194. Halimahjan Rozubaeva (born in 1904) in an old Kashghar attire (a *chapan*, a hat and a shawl). The Akhunbabaev collective farm.

195. H. Rozubaeva without a hat and a *chapan*. The same location.

196. Hapizakhan Umarova. The same location.

197. The chairman of the collective farm, the candidate of agricultural sciences Muhtar Ibrahimov, the Party organizer Abduhalim Habibulaev, the director of the local station of the Lenin district, the candidate of agricultural sciences Mahmudov Abijan, the instructor of District Committee of CPSU Gulakhun Tukamov with the expedition members. The same location.

198. Hasan Abdullaev (born in 1905) and Khalmirza Kutushev. The Frunze collective farm.

199. Arslan Salaev, Hasan Abdullaev and H. Kutushev. The same location.

200. Hamiljan Paziev, the Party organizer of the school. The same location.

201. Rajabbay Artykov, born in 1890. The Lenin district. The Lenin collective farm.

202. Amijan Sharipov, born in 1897. The same location.

203. Ahmatjan Ismoilov, born in 1910. The same location.

204. Kimyokon Karimova, daughter-in-law A. Sharipov, with her children. The same location.

205. Amijan Sharipov and his wife Sapamkhan Sharipova (born in 1906) in national clothing. The same location.

206. Abdurashid Akyumov. Akhtachqishlaq. Pakhtabad district. The Moscow collective farm.

207. Mahamed Sadiqov, Anwa Turghunov and Ibrahim Ahmedov. The same location.

208. Humrakhан Adilova, born in 1944. Came from Ghulja in 1963. The same location.

209. Mirzazal Nishanov, born in 1912. The same location.

210. A new house under construction. The same location.

211. A new house under construction. The same location.

212. “Kesek” — a sun-dried brick laid out for drying. The same location.

213. Mulajan Sakiev, born in 1908. The same location.

214. M. Sakiev and his son Bahram. The same location.

215. Iminakhan Baltubaeva, born in 1886, one of the first Uyghur women who participated in the struggle for the establishment of the Soviet Power. The same location.

216. The same. The same location.

217. Gulnila Yuldasheva, born in 1925, came from China in 1958. The same location.

171. Детский сад-ясли. С. Подгорное, Уйгурский район Алма-Атинской области.

172. Детский сад-ясли. Там же.

173. В доме у колхозников-уйгуров. Там же.

174. Вяление мяса. Там же.

175. Кузнечные инструменты. Там же.

176. В доме чеканщика Азата Каимбаева. Вещи из его коллекции. Нефритовый стаканчик. Уйгурский квартал Алма-Аты.

177. *Кумганы* (фрагменты наружной отделки).

178. То же.

179. То же.

180. То же.

181. То же.

182. То же.

183. То же.

184. То же.

185. Чашка медная.

186. *Кумганы* (фрагменты наружной отделки).

187. То же.

188. В доме уйгурского писателя Зия Самеди. Зия Самеди с женой и внуком.

189. То же.

190. Зия Самеди за рабочим столом.

191. То же.

192. Водяная мельница. Внутреннее устройство. С. Кольджат.

193. Вид села. Там же.

194. Полубовалившаяся стена дома с остатками давленного орнамента. Там же.

195. Образцы настенного давленого орнамента. Там же.

196. То же.

197. То же.

198. То же.

199. Старый колхозник Пармашев Ибрагим в национальной уйгурской одежде. Там же.

200. То же.

201. Традиционный уйгурский дом. Конструкция крыши. Там же.

202. Традиционный уйгурский дом. Вход. Там же.

203. Центральная улица села. Там же.

204. Традиционное земледельческое орудие — *сапан* (металлический наконечник). Там же.

205. То же.

206. Традиционное земледельческое орудие — *сапан* (вид спереди и сбоку). Та же.

207. То же.

208. Колхозники-уйгуры у входа в дом.

209. Колхозники-уйгуры в своем жилище. Видно характерное размещение кухонной утвари на полках.

210. Инструмент для обработки дерева — тесло. На тесле виден орнамент в виде ноготков.

211. Столярный инструмент.

212. Сельский мастер-столяр Талипов за изготовлением музыкальных инструментов.

213. То же.

214. То же.

215. В доме столяра Талипова. Его дочь исполняет народный танец. На народных музыкальных инструментах аккомпанирует Талипов и парторг Савердин-ака.

216. То же.

217. То же.

218. То же.

219. То же.

220. Семья парторга Савердина-аки.

221. То же.

222. Учителя уйгурской средней школы. С. Кольджат.

223. То же.

224. То же.

225. То же.

226. То же.

227. То же.

228. То же.

229. То же.

230. То же.

231. То же.

232. Сельский детский сад. Там же.

233. То же.

234. То же.

235. То же.

236. Общий вид села с холма. Там же.

237. То же.

238. То же.

239. То же.

240. То же.

241. То же.

242. Сельский дом. Там же.

243. Детский сад. Там же.

244. Улица села. Там же.

245. Сельские строения. Видны здания старой и новой школы. Там же.

246. Сельские строения. *Балахана*. Там же.

247. Сельский дом. Там же.

248. Свадьба. Гости рассаживаются для угощений. Уйгурский квартал Алма-Аты.

249. Свадьба. Там же.

250. Свадьба. Исполняются национальные танцы. Там же.

251. Свадьба. Молодежь с *дутарами* на центральной улице квартала (сопровождение жениха). Там же.

252. Свадьба. Поперек улицы протянут канат для создания символического препятствия с целью получения выкупа. Там же.

253. Свадьба. Молодежь с *дутарами* на центральной улице квартала сопровождает жениха. Там же.

254. Свадьба. Поперек улицы протянут канат для создания символического препятствия с целью получения выкупа. Там же.

255. Свадьба. Гостей встречают подношением. Там же.

256. Свадьба. Гости во дворе дома, где проходит свадьба, исполняют народные танцы. Лучшим танцовщикам повязывают платки. Там же.

257. То же.

258. То же.

259. То же.

260. То же.

261. То же.

262. То же.

263. То же.

264. То же.

265. Свадьба. Музыканты исполняют на *дута*рах национальные мелодии. Там же.

266. Свадьба. Гости во дворе дома, где проходит свадьба, исполняют народные танцы. Там же.

267. Свадьба. Музыкант-*дутарист* исполняет национальные мелодии. Там же.

268. То же.

269. Свадьба. Один из лидеров уйгурского квартала.

270. Свадьба. Провозглашается тост-здравнца в честь гостей. Там же.

271. То же.

272. То же.

273. Свадьба. Старейшины квартала. Там же.

274. Свадьба. Перед гостями расставляется угощение. Там же.

275. То же.

276. Свадьба. Приготовление плова. Там же.

277. То же.

278. Свадьба. Приготовление плова. Там же.

279. Свадьба. Старейшины моют руки. Их обходят с *кумганом* и полотенцем. Там же.

280. То же.

281. Свадьба. Приготовление плова. Там же.

282. То же.

283. Свадьба. Старейшины уйгурского квартала. Там же.

284. Свадьба. Съезд гостей. Там же.

285. Свадьба. Символическая встреча гостей. Поперек улицы протягивается канат. Там же.

286. То же.

287. В доме чеканщика Азата Каимбаева. Тюбетейки и заготовки к ним. Там же.

288. То же.

289. То же.

290. Коробочки для *насвая*. Там же.

291. То же.

292. Таз и *кумган*. Там же.

293. Чаша. Там же.

294. То же.

295. То же.

296. Таз. Там же.

297. То же.

298. То же.

299. *Кумганы*. Там же.

300. То же.

301. То же.

302. То же.

303. То же.

304. То же.

305. То же.

306. То же.

307. ?

308. Инструменты кузнеца. В доме кузнеца Ильяша. Колхоз «Дружба».

309. То же.

310. То же.

311. То же.

312. Подставка под виноград. Там же.

313. Керамический горшок. Там же.

314. Уйгурский мальчик. Там же.

315. Приготовление хлебных лепешек. Видно употребление *чокуша* (пучок перьев). С. Аваг.

316. То же.

317. Приготовление тандырного хлеба. Там же.

318. То же.

319. То же.

320. То же.

321. То же.

322. То же.

323. То же.

103. The same.

104. A Dungan family — the Omarovs. Next to the father stands a boy who was just circumcised. The same location.

105. Dungans. Cousins Arsa Mabuseev and Mane Savurov. The same location.

106. The same.

106. The same.

108. The feeding of the rams on a specialized farm. The village of Pidgim, the Panfilov collective farm, Panfilov district of Taldykorgan Province.

109. The same.

110. The same.

111. Leading collective farmers Aznakhunova Jenattivi and Dawrenbekova Gulsunkhan. The same location.

112. A dormitory for the members of the Komsomol youth brigade. The same location.

113. The chairman and the Party organizer. The same location.

114. Chairman Balalov Imir Marunovich. The same location.

115. The chairman of the Kalinin collective farm, Balalov I. M. holds a meeting for the students of the medical school from Taldykorgan, who arrived for harvesting. The same location.

116. Recreation centre. The same location.

117. Trade centre. The same location.

118. The construction elements of a traditional Uyghur house. The same location.

119. The same.

120. The same.

121. The same.

122. An Uyghur mosque in the city of Panfilov. Taldykorgan Province. The construction elements of the edifice.

123. The same.

124. The interior fragments. The same location.

125. The fragments of the wall carving on alabaster.

126. The same.

127. The same.

128. The same.

129. The same.

130. The same.

131. The same.

132. The centre of the city of Panfilov, Taldykorgan Province.

133. A duck’s farm. The village of Charyn, Uyghur district of Alma-Ata Province.

134. The family of an Uyghur collective farmer. The same location.

135. A shovel for grain winnowing. The same location.

136. A model street of the village. The same location.

137. The family of the Uyghur collective farmer. The same location.

138. A wedding in the Uyghur neighbourhood of Alma-Ata. In the house of the bride.

139. The same.

140. ?

141. A wedding in the Uyghur neighbourhood of Alma-Ata. A ritual fire procession with purifying purposes.

142. The same.

143. The same.

144. The same.

145. A manti steamer. The same location.

146. A wedding in the Uyghur neighbourhood. The offering of the wedding gifts. The same location.

147. The same.

148. The same.

149. The same.

150. The same.

151. The same.

152. The same.

153. The same.

154. The same.

155. The same.

156. The same.

157. The same.

158. Guest reception at a wedding in the Uyghur neighbourhood. The same location.

159. The same.

160. The same.

161. A wedding in the Uyghur neighbourhood. Women at a special reception organized for them. The same location.

162. The same.

163. The collective farm chairman and the Party organizer. Uyghur district of Alma-Ata Province.

164. The oldest collective farmer. The same location.

165. The three oldest collective farmers. Master Talipov Barat in the centre (born in 1907), Hamraev Iziz (born in 1901) and Rahaev Abdulla (born in 1885) on each side. The same location.

166. The plan of the village. The same location.

167. The son of the Party organizer Abdurahmanov Saverdin-aka with a domesticated jackdaw. The same location.

168. The Party organizer of the collective farm, Abdurahmanov Saverdin-aka. The same location.

169. A family. The village of Chundzha, the same location.

170. A husband and a wife, the same location.

171. A nursery school. The village of Podgornoe, Uyghur district of Alma-Ata Province.

172. A nursery school. The same location.

173. In the house of Uyghur collective farmers. The same location.

174. Meat jerking. The same location.

175. Blacksmith’s tools. The same location.

176. In the house of chaser Azat Kaimbaev. Items from his collection. A nephritic can. The Uyghur neighbourhood of Alma-Ata.

177. *Kumgans* (a fragment of the interior finish).

178. The same.

179. The same.

180. The same.

181. The same.

182. The same.

183. The same.

184. The same.

185. A copper cup.

186. *Kumgans* (a fragment of the interior finish).

187. The same.

188. In the house of Uyghur writer Ziya Samed. Ziya Samed with his wife and a grandchild.

189. The same.

190. Ziya Samed at a work desk.

191. The same.

192. A water-mill. An internal device. The village of Koljat.

193. A view of the village. The same location.

194. A half-ruined wall of a house with the remains of a pressed ornament. The same location.

195. Samples of a wall pressed ornament. The same location.

196. The same.

197. The same.

198. The same.

199. Old collective farmer Parmashev Ibrahim in a national Uyghur dress. The same location.

200. The same.

201. A traditional Uyghur house. The roof construction. The same location.

202. A traditional Uyghur house. The entrance. The same location.

203. The central street of the village. The same location.

204. A traditional agricultural tool — *sapan* (a metallic tip). The same location.

205. The same.

206. A traditional agricultural tool — *sapan* (front and side views). The same.

207. The same.

208. Uyghur collective farmers at the entrance to their house.

209. Uyghur collective farmers in their living quarters. A typical arrangement of the kitchen utensils on the shelves is in view.

210. A tool for working with woods — an adze. An ornament with the appearance of marigolds is in view on the adze.

211. A joiner’s tool.

212. The village joiner craftsman Talipov making musical instruments.

213. The same.

214. The same.

215. In the house of joiner Talipov. His daughter performs a national dance. Talipov and Party organizer Saverdin-aka accompany her on national musical instruments.

216. The same.

217. The same.

218. The same.

219. The same.

220. The family of the Party organizer Saverdin-aka.

221. The same.

222. The teachers of Uyghur secondary school. The village of Koljat.

223. The same.

224. The same.

225. The same.

226. The same.

227. The same.

228. The same.

229. The same.

230. The same.

231. The same.

232. The village kindergarten. The same location.

233. The same.

234. The same.

235. The same.

236. A general view of the village from the top of a hill. The same location.

237. The same.

238. The same.

11. То же.
12. На отдыхе в воскресный день. Там же.
13. Рисовое поле; пугала для отпугивания воробьев. Там же.
14. То же.
15. Спуск воды в *арьках* перед жатвой риса; многие мужчины принимают участие в сборе рыбы. Там же.
16. То же.
17. То же.
18. То же.
19. То же.
20. Совок для провенвания зерна «поце». Там же.
21. То же.
22. Колхозник Давур Савуров с совком для провенвания зерна. Там же.
23. То же.
24. Совок для провенвания зерна «поце». Там же.
25. То же.
26. То же.
27. То же.
28. То же.
29. Серпы «ляндю». Там же.
30. То же.
31. Пучок сушеной травы «лотопын», применяемой для окуривания больных. Там же.
32. То же.
33. Грядковая система дунганского огорода. Там же.
34. То же.
35. То же.
36. Жатва риса серпом. Там же.
37. То же.
38. То же.
39. То же.
40. То же.
41. То же.
42. То же.
43. То же.
44. То же.
45. То же.
46. То же.
47. То же.
48. То же.
49. Просушка риса после жатвы. Там же.
50. То же.
51. Уйгурская семья. Московский район Андижанской области.
52. Уйгурская семья. Там же.
53. То же.
54. То же.
55. То же.
56. То же.
57. То же.
58. Элементы конструкции дома. Там же.
59. То же.
60. То же.
61. Детали конструкции стены дома. Там же.
62. То же.
63. То же.
64. То же.
65. То же.
66. То же.
67. Грядковая система уйгурского огорода. Кашгар-кишлак.
68. То же.
69. То же.
71. То же.
72. То же.

73. Мирзаматов Абдураим, 1927 г. рождения, колхозник колхоза им. XXI съезда КПСС.
74. Грядковая система уйгурского огорода во дворе А. Мирзаматова. Там же.
75. То же.
76. Серп. Там же.
77. То же.
78. Способ предохранения винограда от птиц; такой способ применяется только на винограде во дворе. Там же.
79. То же.
80. Элементы конструкции крыши уйгурского дома. Там же.
81. То же.
82. То же.
83. То же.
84. Колхозники с членами экспедиции. Там же.
85. То же.
86. Колхозница-уйгурка у *тонира* (жена А. Мирзаматова). Там же.
87. То же.
88. Колхозник снимает урожай винограда. Там же.
89. То же.
90. Член экспедиции, уйгурка Р. Каримова из Алматы. Там же.
91. То же.
92. То же.
93. То же.
94. Сушка лука на веранде. Там же.
95. То же.
96. То же.
97. Очаг каминного типа. Там же.
98. То же.
99. Элементы конструкции дома; на фотографиях хорошо виден орнамент на деревянных частях. Там же.
100. То же.
101. То же.
102. То же.
103. То же.
104. То же.
105. То же.
106. То же.
107. То же.
108. То же.
109. Вид крыши уйгурского дома; выступающая над крышей первая от края — труба летнего очага, вторая — труба зимнего очага. Там же.
110. То же.
111. То же.
112. Очаг. Там же.
113. То же.
114. То же.
115. Уйгурская семья из Долан-кишлака. Там же.
116. То же.
117. Резьба по дереву. Там же.
118. То же.
119. Конструкция дома и ее элементы. Там же.
120. То же.
121. То же.
122. То же.
123. То же.
124. То же.
125. То же.
126. То же.
127. То же.
128. То же.

129. Резьба по дереву. Там же.
130. То же.
131. Кетмень.
132. То же.
133. Уйгурка Хатамова Фатима — мастерица по вышивке. Там же.
134. Молодой уйгур Рахматула Ибадулаев. Там же.
135. Управляющий Калматов Адан Калматович 1925 г. р. Поселок Эркек-тоо Ошской области Киргизской ССР.
136. То же.
137. То же.
138. Бывший председатель колхоза Эсеналиев Жунусмамат. Там же.
139. Дома колхозников.
140. То же.
141. То же.
142. То же.
143. Дома колхозников.
144. Дома колхозников.
145. Дунганский ребенок; на руке виден амулет-оберег.
146. То же.
147. То же.
148. Кореец Альберт Пак.
149. То же.
150. Уборка риса серпом.
151. То же.
152. То же.
153. То же.
154. То же.
155. То же.
156. То же.
157. То же.
158. То же.
159. То же.
160. То же.
162. То же.
163. То же.

Коллекция: № И–2114*
Собиратель: Хэ Гоань (дар)
Дата поступления: 1986 г.
Комплект открыток, посвященных народам КНР
3. Монголы. Мужчина-музыкант.
4. Хузэй. Пожилой мужчина и молодая женщина, работающая в поле.
5. Тибетцы. Двое мужчин, держащих под уздцы коней.
6. Уйгуры. Две молодые женщины, вышивающие тюбетейки.
8. Казахи. Музыканты (трое мужчин и женщина) и слушатели.
27. Дунсян. Две молодые женщины в национальных головных уборах.
30. Киргизы. Группа людей, слушающих старика-музыканта.
31. Ту. Две женщины, поющие перед микрофоном.
36. Салары. Мужчина с длинной черной бородой.
39. Сибо. Стрелки из спортивного лука.
41. Таджики. Мужчина, ведущий под уздцы навьюченную лошадь.
43. Узбеки. Семейное чаепитие в доме.
44. Русские. Мужчина-ветеринар.
47. Баоань. Группа сидящих и беседующих людей.
48. Югу. Группа сидящих людей, слушающих радиоприемник.
50. Татары. Старик с двумя внуками.

14. A scoop made of calabash (6753–61).
15. A toy amphora-like clay vessel (6753–30).
16. A toy lamp (6753–36).
17. A cup made of kiesel ton (6753–26).
18. A goblet-like clay vessel (6753–28).
19. A clay pot (6753–29).
20. A clay jar (6753–27).
21. A prayer rug (6753–45).
22. A *kumgan* (6753–31).
23. A wall adornment (6721–31)
24a–6. Samples of the wall stamped ornament.
25. A bride’s pectoral (6721–21).
26. A sieve for grain sieving (6753–16).
27a–6. Women’s holiday shoes (6721–3, 18).
28. Opium poppy heads (6721– 11).
29. Six pairs of chopsticks (6721–10).
30. A wooden pitchfork (6721–6).
31. A scoop for water (6721–9).
32. A ceramic vessel made of kiesel ton (6721–12).
33. Six pairs of chopsticks, the same as 29 (6721–10).
34. A piece of the wool bedspread (6753–37).
35. Plungers (6753–50).
36. A threshing stone model (6753–66).
37. A *sapan* model (6753–63).
38. A planer model (6753–65).
39. A harrow (6753–64).
40. A detail for adorning bride’s hair-dress (6721–20).
41. A mortar with a stamper (6753–52a–в).
42. A wall box for keeping chopsticks (6753–59).
43. The same as 5.

Collection: No. И–2035
Collector: Central Society of Chinese-Russian Friendship (Beijing) (passed through the Library of the Academy of Sciences)
Date of admission: 1962
Photographs
150. Uyghur peasants of the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region ploughing with a plough of a new type.
181. A flock of sheep (Gansu province).
191. Cattle pasturing in spring in Xinjiang, at the foot of Tian Shan.
202. On a pasture (Xinjiang).
207. Shearing at a changjiang pasture located in the South Gansu Tibetan Autonomous Region (Gansu province).
210. A nomad woman of the Yiling (Ghulja) Padakh Autonomous Region in Xinjiang making clothes.
212. Kazakhs hunting with golden eagles.
213. At the wedding of a Kazakh nomad. An elderly poet Qarakhun sings a song for guests.
214. A rally in Urumqi.
215. At a polling station in Xinjiang.
216. A group of girls in Urumqi.
217. Peoples of the north-western China.
293. Schoolchildren of the Gunsin Uchzhun Hui Autonomous Region (Gansu province) receiving a good education in school.
294. Children in an Uyghur school.
297. Schoolchildren in the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region.
301. Schoolchildren during a drawing class. The city of Urumqi, the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region.
439. A song and dance company of Ningxia performs a Hui national dance.
444. The central song and dance company of national minority groups performs an Uyghur dance.
506. Hui folk dance “A Spring’s Making Merry”.

507. Xinjiang dance “A Joyful Celebration”.
526. Uyghur classical dance “A Dance with the Drums”.
527. Uyghur dance “A Girl in an Orchard”.
568. A Tatar dance performed by the artists of the Central Experimental Opera Theatre.
571. The students of the Central Institute of the National Minority Groups on a demonstration.
575. An Uyghur folk dance.
576. Kazakhs.
578. Uyghur women at work.
579. Kazakh women at work.
580. Tibetans (Tanguts). Qinghai province. The Tibetan Autonomous Region.
581. Yugur people.
585. Kazakhs.
586. Kazakh women learning to read and write.
587. A woman drying raisins.
588. Kazakhs.
589. Uyghur craftsmen displaying their goods.
590–591. Representatives of national minority groups.

Collection: No. И–2049
Collector: A. M. Reshetov, S. R. Avrutin (gift)
Date of admission: 1977
Negatives. Tashkent Province, Andijan Province of Uzbek SSR; Osh Province of Kirghiz SSR. Dulgans, Uyghurs, Kirghiz
1. A rice field during rice ripening. Scarecrows are set up on the field for the purpose of scaring sparrows away. Tashkent Province, Srednecherchiksky district.
2. A view of the village of the Karl Marx collective farm. The same location.
3. A general view of the celebration table with the food – this meal is prepared for guests on the 1st day of *ait*. The same location.
4. The same.
5. The same.
6. A view of individual dishes. The same location.
7. The same.
8. The same.
9. Working surfaces of ketmens. The same location.
10. The same.
11. The same.
12. Taking rest on a Sunday. The same location.
13. A rice field; scarecrows for scaring sparrows away. The same location.
14. The same.
15. Water discharge in the *aryqs* before rice reaping; many men participate in fishing. The same location.
16. The same.
17. The same.
18. The same.
19. The same.
20. A scoop for grain winnowing “poce”. The same location.
21. The same.
22. Collective farmer Davur Savurov with a scoop for grain winnowing. The same location.
23. The same.
24. A scoop for grain winnowing “poce”. The same location.
25. The same.
26. The same.
27. The same.
28. The same.
29. Sickles “lyando”. The same location.
30. The same.

31. A tuft of dry grass “lotopyn”, used for fumigating the sick. The same location.
32. The same.
33. A system for Uyghur kitchen garden beds. The same location.
34. The same.
35. The same.
36. The reaping of rice with a sickle. The same location.
37. The same.
38. The same.
39. The same.
40. The same.
41. The same.
42. The same.
43. The same.
44. The same.
45. The same.
46. The same.
47. The same.
48. The same.
49. The drying of rice after reaping. The same location.
50. The same.
51. An Uyghur family. Moscow district of Andijan Province.
52. An Uyghur family. The same location.
53. The same.
54. The same.
55. The same.
56. The same.
57. The same.
58. Elements of the house structure. The same location.
59. The same.
60. The same.
61. Details of the house wall structure. The same location.
62. The same.
63. The same.
64. The same.
65. The same.
66. The same.
67. A system for Uyghur kitchen garden beds. Kashghar-qishlaq.
68. The same.
69. The same.
71. The same.
72. The same.
73. Mirzamatov Abduraim (born in 1927), a collective farmer of the 21st Congress of the C.P.S.U. collective farm.
74. A system for Uyghur kitchen garden beds in the yard of A. Mirzamatov. The same location.
75. The same.
76. A sickle. The same location.
77. The same.
78. A method of protecting grapes from birds; this method is used only for the grapes in the yard. The same location.
79. The same.
80. Elements of the roof structure of an Uyghur house. The same location.
81. The same.
82. The same.
83. The same.
84. Collective farmers with the members of the expedition. The same location.
85. The same.
86. An Uyghur collective farmer by *tonur* (the wife

ON THE COLLECTION OF E. R. TENISHEV IN THE STATE MUSEUM OF ORIENTAL ART

A small collection of articles of decorative and applied arts of Turkic peoples of China, which is known as “the collection of E. R. Tenishev”, came to the funds of the Museum as a gift from the collector in the year 2000. In 1956 E. R. Tenishev worked in the

Xinjiang Uyghur Autonomous Region; where 16 articles came from. In 1957 the expedition worked in the Xunhua Salar Autonomous County, Qinghai Province (6 Salar articles). In 1958 E. R. Tenishev visited the Sunan Yugur Autonomous County, Gansu Province,

where he researched the language of Sarig Yugur or Yugu (1 item). The total amount of the E. R. Tenishev's collection in the SME items is 23 pieces:

1. No. 49729 кп. Skullcap *badam doppa*. Cotton, sateen, braid; sewed, quilted, embroidered with silk threads; height — 10.0 cm, lateral dimensions — 18.0 × 17.0 cm. The PRC, the Xinjiang Uyghur Autonomous Region, Kashghar or Keriya, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn, torn at the seam.
2. No. 49730 кп. Skullcap *badam doppa*. Cotton, black and red velvet, golden threads; sewed, embroidered, quilted; height — 7.7 cm, diameter — 17.0 cm. The PRC, XUAR, Kashghar, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
3. No. 49731 кп. Skullcap *doppa*. Cotton, black and red velvet, floss; sewed, quilted, embroidered; height — 8.0 cm, diameter — 17.0 cm. The PRC, XUAR, Khotan, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
4. No. 49732 кп. Skullcap *unja doppa*. Cotton, velvet, glass beads, spangles; sewed, quilted, embroidered; height — 7.5 cm, diameter — 17.5 cm. The PRC, XUAR, Kashghar, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
5. No. 49733 кп. Skullcap *badam doppa*. Cotton, black sateen, braid, silk white threads; sewed, quilted, embroidered; height — 11.2 cm, lateral dimensions — 17.0 × 17.0 cm. The PRC, XUAR, Kashghar or Keriya, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled.
6. No. 49734 кп. Skullcap *doppa*. Cotton, canvas, staple, cotton and floss threads; sewed, embroidered with a sewing-machine and handmade; height — 6.2 cm, diameter — 16.0 cm. The PRC, XUAR, Keriya, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
7. No. 49735 кп. Skullcap *doppa*. Cotton, black velvet, floss; sewed, quilted, embroidered; height — 8.7 cm, lateral dimensions — 18.0 × 18.0 cm. The PRC, XUAR, Khotan, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
8. No. 49736 кп. Skullcap *doppa*. Cotton, black velvet, cotton, floss and silk threads; sewed, quilted, embroidered; height — 7.6 cm, diameter — 17.5 cm. The PRC,

- XUAR, Kashghar, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
9. No. 49737 кп. Skullcap *doppa*, unornamented. Cotton, velvet; sewed, quilted; height — 7.0 cm; diameter — 17.0 cm. The PRC, XUAR, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
10. No. 49738 кп. Headdress — cap. Cotton; sewed; height — 7.0 cm, diameter at the bottom — 17.5 cm, at the top — 15.5 cm. The PRC, Qinghai Province, Xunhua Salar Autonomous County, Jishi, Salars. Not later than 1957. Condition: soiled.
11. No. 49739 кп. Headdress — cap. Cotton, yellow jacquard cloth; sewed; height — 8.0 cm, diameter at the bottom — 18.5 cm, at the top — 17.0 cm. The PRC, Qinghai Province, Xunhua Salar Autonomous County, Jishi, Salars. Not later than 1957. Condition: soiled.
12. No. 49740 кп. Hat. Felt, cotton, velveteen, silk ribbons, braid, silk tassel; felted, moulded, sewed; height — 14.7 cm, diameter — 27.0 cm. The PRC, Gansu Province, Sunan Yugur Autonomous County, Shiheytza, Sarig Yugur or Yugu. Not later than 1958. Condition: soiled, worn, unglued and partial braid loss, moth-damaged.
13. No. 49741 кп. Men's robe. Flannel and silk cloths, braid; sewed, quilted, braided; length — 132.0 cm, width (at arm spread) — 153.0 cm. The PRC, XUAR, Khotan, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
14. No. 49742 кп. Women's dress. Cotton, silk cloth; sewed; length — 117.0 cm, width (at arm spread) — 137.0 cm. The PRC, XUAR, Kashghar, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
15. No. 49743 кп. Women's robe. Cotton, silk cloth; sewed, appliqué work; length — 133.0 cm; width (at arm spread) — 168.0 cm. The PRC, Qinghai Province, Xunhua Salar Autonomous District, Jishi, Salars. Not later than 1957. Condition: soiled, worn.
16. No. 49744 кп. Women's robe. Cotton, staple and silk jacquard cloth, braid; sewed, appliqué work; length — 150.0 cm, width (at arm spread) — 212.0 cm. The PRC,

- XUAR, Khotan, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn, loss of buttons.
17. No. 49745 кп. Men's robe. Silk cloth, braid, soutache; sewed, length — 81.0 cm, width (at arm spread) — 169.0 cm. The PRC, Qinghai Province, Xunhua Salar Autonomous District, Jishi, Salars. Not later than 1957. Condition: soiled, worn.
18. No. 49746 кп. Women's head covering *keyta*. Silk cloth; sewed; length — 66.5 cm, width — 65.5 cm. The PRC, Qinghai Province, Xunhua Salar Autonomous District, Jishi, Salars. Not later than 1957. Condition: soiled, worn.
19. No. 49747 кп. Ceremonial scarf. Silk cloth; sewed; length — 150.0 cm, width — 16.5 cm. The PRC, XUAR, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: soiled, worn.
20. No. 49748 кп. Bag. Cotton, floss, fringe, bugle; sewed, trimmed; length — 93.0 cm with the handle, width — 30.0 cm. The PRC, Qinghai Province, Xunhua Salar Autonomous District, Jishi, Salars. Not later than 1957. Condition: soiled, worn.
21. No. 49749/1 кп. Wineglass. Jade; lathe work, faceted; height — 6.95 cm, opening's diameter — 4.4 cm, stem's diameter — 3.5 cm. The PRC, XUAR, Khotan, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: good.
22. No. 49749/2 кп. Wineglass. Jade; lathe work, faceted; height — 6.9 cm, opening's diameter — 4.1 cm, stem's diameter — 3.95 cm. The PRC, XUAR, Khotan, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: good.
23. No. 49749/3 кп. Wineglass. Jade; lathe work, faceted; height — 6.5 cm; opening's diameter — 4 cm; stem's diameter — 3.4 cm. The PRC, XUAR, Khotan, Uyghurs. Not later than 1956. Condition: good.

ЭКСПЕДИЦИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ EXPEDITIONS ARE NOT OVER

В ноябре 2004 г. в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН была открыта первая выставка из цикла «Экспедиции продолжаются». Выставки цикла не только напоминают о замечательных научных традициях и отечественных экспедиционных проектах XVIII—XX вв., благодаря которым в стенах МАЭ была собрана одна из наиболее значительных этнографических коллекций в мире. Экспедиции продолжаются. Ученые музея каждый год отправляются в новые путешествия, привозят новые коллекции и интереснейшие научные материалы. Особенностью проекта является комплексность, когда одновременно экспонируются предметы традиционной культуры и демонстрируются фотографии и видеосюжеты, наглядно иллюстрирующие использование этих предметов в реальной жизни. Выставочное пространство таким образом приобретает объемность, у зрителя возникает эффект присутствия, возрастает ощущение документальности в подаче культурной и научной информации. Инициатор и научный руководитель выставочного цикла — проф. Ефим Резван.

Выставки цикла «Экспедиции продолжаются»:
«Jeunov — “Мы пришли” (арабы Узбекистана: образы традиционной культуры)»
 (2004—2005 гг., Санкт-Петербург, Тампере);
«Plattes Land: Символы Северной Германии»
 (2006 г., Санкт-Петербург);
«Старожилы — традиционная культура старожильческого населения Югры»
 (2007 г., Сургут);
«Страна благовоний (Йемен: образы традиционной культуры)»
 (2007—2008 гг., Санкт-Петербург, Москва, о. Родос, Сургут).

In November 2004 Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) opened the first exhibition of the cycle “Expeditions Are Not Over”. These exhibitions not only resemble the famous scholarly traditions and national expedition projects of the 18th—19th centuries, thanks to which one of the most important ethnographic collections in the world was collected at MAE. The expeditions continue. Museum scholars go on new journeys every year, and bring back new collections and interesting scholarly materials. A special feature of the project is its comprehensiveness, when simultaneously items of traditional culture are displayed and photographs and videos are shown, graphically illustrating their use in real life. The exhibition space thus gains a third dimension, and the viewer has the impression of being present, and gets a feeling of actuality in the presentation of the cultural and scholarly information. Prof. Efim Rezvan is the initiator and scholarly head of the project.

Exhibitions of the cycle “Expeditions Are Not Over”:
“Jeunov — ‘We Arrived’ (The Arabs of Uzbekistan: Images of Traditional Culture)”
 (2004—2005, Saint-Petersburg, Tampere);
“Plattes Land: Symbols of North Germany”
 (2006, Saint-Petersburg);
“Old Timers: Traditional Culture of Yugra Old Residents”
 (2007, Surgut);
“The Land of Incense (Yemen: Images of Traditional Culture)”
 (2007—2008, Saint-Petersburg, Moscow, Rhodes, Surgut).

Монография — каталог выставки посвящена истории, культуре и этнографии народов Китайского Туркестана и Предтибетья, прежде всего саламам — небольшому (около 110 тыс. человек) народу огузского, южнотюркского происхождения. Книга основана на материалах экспедиции 2008 г. и изучении богатейших коллекций МАЭ РАН.

- © Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
- © Е. А. Резван
- © Т. М. Федорова (фото-проект)
- © Ю. А. Крылов (видео-проект)
- © Коллектив авторов (отдельные тексты)
- © Т. В. Богданова (дизайн)

Monograph — exhibition catalogue is devoted to the history, culture and ethnography of the peoples of Chinese Turkestan and Tibetan foothills and first of all to the Salar — a small people group (about 110 thousand people) of the Oghuz, South Turkic origin. The book is based on the material of the expedition organized in 2008 and studies of the rich collections of Saint-Petersburg Kunstkamera.

- © Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
- © Efim Rezvan
- © Tatyana Fedorova (photo-project)
- © Yuriy Krylov (video-project)
- © Group of the authors (separate texts)
- © Tatyana Bogdanova (design)

ISBN 978-5-88431-179-4

Отпечатано в типографии «Экстрапринт». Россия, Санкт-Петербург, ул. Кронверкская, д. 21, тел.: +7 (812) 438-10-13. Тираж DVD диска изготовлен ООО «Фортмедиа», Россия, Санкт-Петербург, 196006, ул. Цветочная д. 7, тел.: +7 (812) 388-82-90. Лицензия МПТР России ВАФ № 77-225.

Резван Ефим Анатольевич (род. 1957) — арабист и исламовед, доктор исторических наук, почетный профессор кафедры ЮНЕСКО по межрелигиозному диалогу для достижения межкультурного понимания (с 2006 года), главный редактор международного журнала "Manuscripta Orientalia", автор десяти монографий и более двухсот пятидесяти научных работ, опубликованных на русском, английском, арабском, французском, немецком, японском, итальянском, узбекском, финском, китайском и персидском языках.

Основные научные достижения Е. А. Резвана связаны с изучением архивных и рукописных собраний Санкт-Петербурга. Результатом изучения архивных коллекций стала серия монографий, посвященных русско-арабским отношениям. Итогом многолетних исследований, связанных с Кораном, историей коранической экзегетики, публикаций и переводов Священной книги ислама стала монография «Коран и его мир», современное введение в коранистику, вызвавшее большой интерес в России и за рубежом. Важный этап его научной деятельности — выявление, атрибуция, научное описание и публикация одной из старейших и важнейших рукописей — так называемого «Корана Усмана», почитавшегося мусульманами Центральной Азии на протяжении почти пятисот лет первописком Священного текста.

Е. А. Резван входит в редакционный комитет международного исследовательского и издательского проекта "Early Qur'ans. The Era of the Prophet, the Right Guided Caliphs and the Umayyades" (Noseda Foundation, Italy). Он один из создателей системы автоматического распознавания арабского шрифта, наиболее популярной сегодня на арабском Востоке, главный редактор серии «Культура и идеология мусульманского Востока», председатель редакционного совета серии «Кунсткамера — Архив», член редакционных коллегий ряда научных серий, отечественных и зарубежных научных журналов, организатор ряда международных научных конгрессов, проведенных в Санкт-Петербурге. Преподавал на Восточном и Философском факультетах СПбГУ, в московском Центре Стэнфордского университета (США). Принимал участие и возглавлял работу истори-

ЕФИМ РЕЗВАН EFIM REZVAN

ко-этнографических экспедиций в Центральной Азии, Аравии, Индии, Африке.

Е. А. Резван — один из организаторов выставки «От Багдада до Исфагана. Миниатюра и каллиграфия из коллекции СПбФ ИВ РАН» (Париж — Нью-Йорк — Лугано — Зальцбург) и соавтор ее фундаментального каталога. Он выступил руководителем серии выставочных проектов, с успехом прошедших в МАЭ РАН, таких как «Грезы о Востоке. Русский авангард и шелка Бухары» и «Экспедиции продолжаются». Является редактором, составителем и соавтором серии выставочных каталогов, возглавляет научный и медийный проект «Иджма' = Согласие», где, в частности, выступил в качестве автора сценария и продюсера девяти документальных фильмов.

Награжден Почетной наградой университета Сока (Токио, 1998), премией Комитета мусульман Азии (Ташкент, 1998), является лауреатом Национальной премии «Книга года» (Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям России и Ассоциация книгоиздателей России) (2001), лауреатом национальной премии «Книга года» Исламской Республики Иран (аналог Государственной премии РФ) (2002), обладателем Российской национальной премии «Книга года» в номинации "Humanitas" (2005), победителем Второго международного конкурса государств-участников СНГ «Искусство книги» (2005), неоднократно награждался дипломами ЮНЕСКО.

E-mail: rezvan@kunstkamera.ru

Prof., Dr. Sc. Efim A. Rezvan (born 1957), Editor-in-Chief of "Manuscripta Orientalia, International Journal for Oriental MSS Research", Deputy Director, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, author of ten monographs and more than 250 scholarly works published in the Russian, English, Arabic, French, German, Japanese, Italian, Uzbek, Finnish, Chinese and Persian languages. Since 2006 he is honourable professor of the UNESCO Chair for inter-religious dialogue for inter-cultural understanding (Saint-Petersburg).

His main scientific achievements are connected with the study of archival and manuscript collections of St. Petersburg. The study of archival collections has resulted in a series of monographs dedicated to the history of Russian-Arabic relations. His several-years long research of the Qur'an, the history of Qur'anic exegetics, publications and translations of the Holy Book of Islam, resulted in a monograph entitled "The Qur'an and Its World" — a modern introduction into Qur'anic studies that has aroused great interest in Russia and abroad. An important period of his scientific activities was connected with discovery, attribution, scientific description and publication of one of the oldest and most important Qur'anic manuscripts — the so-called "Qur'an of Uthman", that for almost five hundred years was worshiped by Central Asian Muslims as the first original manuscript of the Holy text.

Efim Rezvan is member of the Editorial Committee of the international research and publication project "Early Qur'ans. The Era of the Prophet, the Right Guided Caliphs and the Umayyades" (Noseda Foundation, Italy). He is one of the authors of the system of automatic recognition of the

Arabic script that today is one of the most popular systems in the Arabic world. He is Editor-in-chief of the series entitled "Culture and Ideology of the Muslim East", head of the Editorial board of the series entitled "Kunstkamera — Archives", member of editorial boards of a number of Russian and foreign scientific journals and periodicals, and organizer of a number of international scientific conferences held in St. Petersburg. He has lectured in the Oriental and Philosophical Faculties of the St. Petersburg State University, and in the Moscow Center of Stanford University (USA). He has organized and participated in a number of historical and ethnographical expeditions in Central Asia, Arabia, India, Far East and Africa.

Efim Rezvan is one of organizers of the exhibition "From Baghdad to Isfahan. Miniatures and calligraphy from the collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of the Oriental Studies Russian Academy of Sciences" (Paris — New York — Lugano — Salzburg), and co-author of its fundamental catalogue. He has acted as a head of a number of exhibition projects that have been successfully carried out in the MAE RAS, such as "Oriental Dreams. Russian Avant-Garde and the Silk of Bukhara" and "Expeditions Are Not Over" and editor-compiler-co-author of a series of exhibition catalogues. Efim Rezvan is a head of the scholarly and media project "Ijma' = Concord", in the framework of which he also acted as scriptwriter and producer of nine documentaries.

He was awarded with an honourable award of the Soka University (Tokyo, 1998), the prize of the Committee of Asian Muslims (Tashkent, 1998), is the winner of the National award "The Book of the Year" (Federal Agency for publications and mass communications of Russia and the Association of publishers of Russia) (2001), the winner of the National award "The Book of the Year" of the Islamic Republic of Iran (2002), the winner of the Russian National Award "The Book of the Year" in "Humanitas" nomination (2005), the winner of the Second International Contest of the CIS countries "The Art of Book" (2005). Besides, he holds several UNESCO awards.

E-mail: rezvan@kunstkamera.ru

Иджма' («согласие») — одна из основ мусульманского права, согласное мнение мусульманских авторитетов данной эпохи.

В последние годы мы являемся свидетелями хорошо организованных и прекрасно финансируемых попыток навязать мусульманам всего мира, и, в том числе, мусульманам России, традиции и обычаи, ритуальную практику и социальные ориентиры, восходящие к духовному и социально-политическому опыту лишь одной, в численном и культурном отношении сравнительно небольшой части исламского мира. В ряде случаев адепты этой идеологии дополняли ширококомасштабные пропагандистские компании силой оружия.

Между тем, ислам многолик. Региональные формы его бытования, как правило, самодостаточны, и, безусловно, «равноценны». Важно, что только «местный ислам», впитавший всю палитру религиозных традиций и предпочтений, неразрывно связанный с историей «своего» народа, с его победами и трагедиями, способен дать адекватный ответ на духовные запросы верующих. Только такой ислам, будучи частью великой мусульманской цивилизации, может стать важнейшим фактором стабильности в обществе.

Идет борьба за сердца и умы мусульман, главным оружием в которой стали слово и образ: только с помощью слова и образа человека можно превратить в живую бомбу и только с помощью слова и образа такое превращение можно предотвратить.

Проект «Иджма' = Согласие» был инициирован Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамерой) РАН. Музей благодарен за поддержку, которую на начальном, самом трудном этапе проекта, оказали ему Рус-

Ijma' ("concordia") — one of the bases of Islamic religious law, the unanimous doctrine and opinion of the recognized religious authorities at any given time

In recent years we have witnessed well-organized and generously financed attempts to impose on Muslims the world over, including Russian Muslims, traditions and customs, ritual practice and social points of reference that stem from the spiritual, social, and political experience of a numerically and culturally marginal section of the Islamic world. In a number of cases, the adepts of this ideology have augmented large-scale propaganda campaigns with armed force.

Islam has many faces. Its regional forms are usually self-sufficient and undoubtedly of equal worth. It is obvious that only a "local Islam", nurtured by the full range of religious traditions and preferences, inextricably bound up with the history of a particular people with its victories and tragedies, can adequately meet the spiritual needs of the faithful. Only such a version of Islam, being a part of the great Muslim civilization, can be an important force for stability in society.

A battle is being waged for the hearts and minds of Muslims, and the most important weapons in this battle are words and images: only by the power of the word and the image can a human being be turned into a living bomb, and only by the same power of the word and the image can one prevent such transformations.

The "Ijma' = Concordia" project was initiated by Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS. The museum expresses their gratitude to Russian Asiatic Society and Rosbalt

ское Азиатское общество и ИА РОСБАЛТ. Проект создается на основе интервью с наиболее авторитетными мусульманскими учеными, религиозными и общественными деятелями, живущими сегодня как в арабо-мусульманском мире, так и в США, Европе, России, Китае и других странах. Мир ислама высказает, таким образом, свое согласное мнение — *иджм'у*.

В ходе проекта будет реализована и серьезная исследовательская программа.

Материалы проекта, будут размещены на веб-сайте и опубликованы в виде книги на русском, арабском и английском языках, часть материалов будет опубликована в журнале «60-ая параллель». В рамках проекта планируется проведение тематических художественных, этнографических и фотовыставок. Примером последних может быть выставочный проект «Страна благовоний (Йемен: образы традиционной культуры)», организованный МАЭ РАН (Санкт-Петербург, о. Родос, 2007 г.; Москва, Сургут, 2008 г.), а также фотовыставка «Иджма' = Согласие» (фотохудожник Татьяна Федорова), реализованная в рамках четвертой ежегодной сессии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос, 2006 г.).

Проект был представлен в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже в рамках работы международного научного конгресса

News Agency for their support, especially during the initial, the most difficult period. The project consists of documentary shorts, based on interviews with most respected Islamic scholars, religious leaders and public men, living in Arab and Muslim countries as well as in Russia, China, the USA, Europe, and other countries. In general, the world of Islam will present its unanimous opinion — *ijma'*. Representatives of other religions, leading scholars, writers, people of culture, politics and religion also take part in the project.

Within the frames of the project serious research program will be realised.

The project's materials will be presented on the web-site, published in a book form in Russian, Arabic and English. Several stories will appear in "The 60th parallel" journal. As a part of the project topical art, ethnographical and photo exhibitions will be organized. The example of the latter is the exhibition "The Land of Incense (Yemen: Images of Traditional Culture)", organized by the Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (St. Petersburg, Rhodes, 2007; Moscow, Surgut, 2008), as well as photo exposition "Ijma' = Concordia" (photographer Tatyana Fedorova), which was a part of the World Public Forum "Dialogue of Civilizations" Fourth Annual Session (Rhodes, 2006).

"Pluralism and Recognition" (июнь 2006 г.), на четвертой и пятой сессиях Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос, октябрь 2006 г. и октябрь 2007 г.), на региональной конференции Международного общественного форума «Диалог цивилизаций» «Европейское цивилизационное пространство: балтийский диалог» (Тампере, июнь 2007 г.), на международной конференции «Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития» (ЮНЕСКО и Академия государственной службы при Президенте РФ, Москва, сентябрь 2007 г.) и осуществляется при поддержке академика Евгения Примакова (Россия), директора Государственного Эрмитажа Михаила Пиотровского, видного политика, философа и писателя принца Хассана ибн Талала (Иордания).

Фильмы проекта были показаны в России, Франции, Великобритании, Италии, Египте, Финляндии, Греции. Их арабские версии неоднократно демонстрировались телеканалом «Россия сегодня».

Каждый фильм это не просто интервью, это история, посвященная музейным коллекциям, книгам, судьбам людей. При этом каждый из фильмов рассказывает о взаимодействии России с миром ислама.

Проект «Иджма' = Согласие» — независимая попытка, обратившись к первоисточникам, разобраться в сложном клубке проблем, связанных с современным исламом. Это — гражданская, негосударственная инициатива. Это — прямая речь мусульман, обращенная ко всем нам, и мусульманам, и не мусульманам.

Инициатор и руководитель проекта — Ефим Резван, д. и. н., проф., главный редактор международного научного журнала "Manuscripta Orientalia", заместитель директора МАЭ РАН по научной работе.

The project was presented at the UNESCO headquarters in Paris as a part of the program of the international congress "Pluralism and Recognition" (June, 2006), at the World Public Forum "Dialogue of Civilizations" Fourth and Fifth Annual Sessions (Rhodes, October, 2006 and October, 2007), at the International Regional Conference of the "European Civilization Space: Baltic Dialogue" World Public Forum "Dialogue of Civilizations" (Tampere, June, 2007), at the International Conference "Intercultural and Interconfessional Dialogue Aiming at Sustainable Development" (UNESCO and the Academy of Public Administration attached to the President of the Russian Federation, Moscow, September, 2007). At the moment the project is carried with the support of Academician Eugeny Primakov (Russia), Academician and the State Hermitage Museum Director Mikhail Piotrovsky (Russia), outstanding politician, philosopher and writer Prince Hassan bin Talal (Jordan).

The project documentaries were presented in Russia, France, England, Italy, Egypt, Finland and Greece. Their Arabic versions were broadcasted by Rusiya Al-Yaum TV channel.

Every film is a story about museum collections, books and people's lives. They all tell about Russia and Islamic world cooperation.

The project "Ijma' = Concordia" is an attempt to gain an understanding of the tangle of problems connected with the modern Islam. It is an independent, non-governmental, civil initiative, the direct speech of the Muslim world aimed at all of us, both Muslims and non-Muslims.

Prof. Efim A. Rezvan, Editor in Chief, "Manuscripta Orientalia", International Journal for Oriental MSS Research, Deputy Director, MAE RAS is the Head and initiator of the project.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-179-4

© МАЭ РАН

